

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КРАЕВАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ХРОНОГРАФ

НА 2006 ГОД

краеведческий сборник

СТАВРОПОЛЬ
2006

ББК 63.3 (2Р - 4Ст)
С75

Учебно-методическое пособие для преподавателей
литературы и истории средних школ

Редакционная коллегия:

Н. Д. Судацов (научный редактор),
З. Ф. Долина, Л. П. Дуренко, Н. А. Охонько (ответственные редакторы),
В. В. Белоконь, В. В. Госданкер, А. Н. Коваленко, Т. Ю. Кравцова,
А. И. Кругов, Б. М. Розенфельд

Компьютерная верстка *М. В. Агарковой*

Редактор *Ю. В. Николаев*
Художник *В. Г. Коротченко*
Фото *М. И. Воронова*

Ставропольский хронограф на 2006 год: Краевед. сб. / СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2006. – 330 с.

ISBN

© Ставропольская краевая научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова, 2006

**Народы, теряя память, теряют жизнь.
В. Чивилихин**

Краеведение пробуждает интерес и воспитывает уважение к истокам нашим, к родной земле, ее природным особенностям и преданиям, способствует сохранению обычаев, фольклора, исконных занятий предков. Плодотворное развитие краеведения невозможно без привлечения к нему внимания в обществе, без объединения усилий научных учреждений, учебных заведений, общественных организаций, самых широких слоев краеведов - от ученых до школьников.

За последние годы информационный объем издания значительно вырос: кроме библиографических справок появились статьи, очерки, воспоминания, более сложной стала структура пособия. Адресованное библиотекарям, преподавателям вузов и школ, журналистам, краеведам, работникам музеев, архивов пособие способствовало творческому содружеству всех, кто занимался накоплением, пропагандой краеведческих знаний и краеведческой литературы.

Поэтому с 1998 года "Ставропольский хронограф" издается как краеведческий сборник. В его подготовке принимают участие, кроме библиографов отдела краеведческой литературы и библиографии Ставропольской краевой научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, преподаватели Ставропольского государственного университета, Ставропольской государственной сельскохозяйственной академии, сотрудники ГАСКа, Государственного архива новейшей истории Ставропольского края, Пятигорского краеведческого музея, Ставропольского краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова, Музея музыкальной и театральной культуры в Кисловодске, Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость».

Цель пособия - обратить внимание на наиболее интересные моменты истории, экономики, науки и культуры Ставропольского края, на факты жизни и творчества выдающихся людей, связанных со Ставрополем. Данный выпуск состоит из четырех разделов:

"Памятные даты по Ставропольскому краю на 2006 год";

"Архивы рассказывают";

"Люди и события";

"Страницы минувшего".

В 2006 году исполняется 100 лет Государственной думе в России, 125 лет русскому писателю Илье Дмитриевичу Сургучеву, 100 лет Ставропольской ученой архивной комиссии, 75 лет Ставропольскому государственному университету. Эти знаменательные даты определили отбор материалов для краеведческого сборника.

Материалы ежегодника могут быть использованы работниками библиотек, музеев, архивов, школ для организации выставок, подготовки бесед, обзоров литературы, выполнения библиографических справок, пополнения краеведческих картотек, проведения массовых мероприятий.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ПО СТАВРОПОЛЬСКОМУ КРАЮ НА 2006 ГОД

- 1**
ЯНВАРЯ 95 лет со дня рождения [01.01.1911, ст-ца Лысогорская ныне Георгиевского р-на Ставроп. края – 01.06.1989, пос. Горячеводский Пятигорского горсовета] **Владимира Никифоровича Шошина**, Героя Советского Союза, командира стрелковой роты.
- 3**
ЯНВАРЯ 140 лет со дня рождения [22.12.1865(03.01.1866), Ставрополь-Кавказский – 02.05.1938, Москва] **Анастасии Романовны Крандиевской**, прозаика. Окончила Ольгинскую женскую гимназию в Ставрополе.
- 3**
ЯНВАРЯ 85 лет со дня рождения [03.01.1921 – 05.08.1992, Пятигорск] **Владимира Александровича Леонтовича**, известного пятигорского живописца, члена Союза художников СССР с 1953 г.
- 5**
ЯНВАРЯ 160 лет со времени начала выхода в свет (1846) политической и литературной *газеты «Кавказ»*, издававшейся в Тифлисе по инициативе Кавказского наместника М. С. Воронцова. Она просуществовала до 1917 г. включительно. Цель ее издания была «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и малоизвестным».
- 6**
ЯНВАРЯ 55 лет со дня рождения [06.01.1951, г. Бельцы Молдавской ССР, ныне Республика Молдова] **Раисы Николаевны Котовской**, ставропольской поэтессы, автора книг «Отцовский дом» (1979), «Станция формирования» (1981), «Ночной дождь» (1982), «Уроки пения» (1985), «Переменная облачность» (1989), «Снеговица» (1992), «Лирика» (1997), «Россия граничит с небом...» (2001), «Судный день» (2004).
- 7**
ЯНВАРЯ 110 лет со дня рождения [07.01.1896, дер. Цибульки Смоленской губ. – 18.08.1973, Ставрополь] **Татьяны Максимовны Минаевой**, старейшего археолога Кавказа, автора работ по вопросам аланской истории.
- 10**
ЯНВАРЯ 85 лет со дня рождения [10.01.1921, Пятигорск] **Александра Дмитриевича Карпова**, Героя Советского Союза, командира звена авиаэскадрильи.
- 12**
ЯНВАРЯ 140 лет со времени открытия (1866) в Пятигорске на базе уездного училища классической прогимназии с преподаванием двух древних языков. В настоящее время – **Пятигорская школа № 1 имени М. Ю. Лермонтова**.
- 13**
ЯНВАРЯ *170 лет со дня рождения [01(13).01.1836, Тульская губ. – 29.11.1911, Тифлис] **Василия Александровича Потто**, генерал-лейтенанта, русского военного историка, проделавшего большую работу по сбору архивных документов и сохранению русских военных памятников на Кавказе. Его перу принадлежат многотомное издание «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» (Тифлис, 1887-1889), а также «Два века Терского казачества» (Владикавказ, 1912), «История 44-го драгунского Нижегородского полка» (СПб., 1893-1895).

- 18 ЯНВАРЯ** 150 лет со дня рождения [06(18).01.1856, Петербург – 1911, Петербург] **Ивана Леонтьевича Щеглова**, русского писателя, драматурга, успешно дебютировавшего пьесой «В горах Кавказа» (1887). Он издал сборники пьес: «Новые пьесы» (1900), «Веселый театр» (1901), «Красный цветок» (1907).
- 20 ЯНВАРЯ** 85 лет со дня рождения [20.01.1921, с. Горькая Балка ныне Советского р-на Ставроп. края. – 17.07.1961, г. Бобруйск Могилевской обл.] **Ивана Максимовича Филимонова**, Героя Советского Союза, командира стрелкового батальона.
- 20 ЯНВАРЯ** 50 лет со дня рождения [20.01.1956] **Валентины Гапуровны Дмитриченко**, ставропольской поэтессы, автора книг «Подкова на счастье» (2002), «Продолжается жизнь ...» (2003).
- 21 ЯНВАРЯ** 85 лет со дня рождения [21.01.1921, с. Круглолесское ныне Александровского р-на Ставроп. края] **Ивана Ивановича Тенищева**, Героя Советского Союза, командира стрелкового батальона.
- 25 ЯНВАРЯ** 140 лет со дня рождения [13(25).01.1866, ст-ца Сторожевая ныне Зеленчукского р-на Карачаево-Черкесской Республики – 1937] **Михаила Ивановича Бруснева**, воспитанника Ставропольской мужской гимназии, революционера, участника Русской полярной экспедиции 1901 г., организатора одной из первых в России социал-демократических групп.
- 28 ЯНВАРЯ** 65 лет со дня выхода (1941) первой книги **«Альманаха литераторов Ставрополья»**. В дальнейшем – литературно-художественный и общественно – политический альманах «Ставрополье». Последние два номера вышли в 1992 г. Возобновлен в 1998 г. под названием «Литературный Ставрополь».
- 28 ЯНВАРЯ** 50 лет со дня открытия (1956) в Ставрополе **Ставропольской краевой детской библиотеки**. В 1993 г. ей присвоено имя ставропольского поэта А. Е. Екимцева.
- 30 ЯНВАРЯ** *225 лет со дня рождения [19(30).01.1781, Фридрихсгамме ныне г. Хамина, Финляндия – 18(30).04.1863, Симферополь] **Христиана Христиановича Стевена**, естествоиспытателя, русского ботаника, энтомолога и садовода, с 1800 г. – инспектора шелководства на Кавказе, совершившего ряд путешествий по Кавказу. С 1812 г. Х. Х. Стевен был директором знаменитого Никитского ботанического сада в Крыму. Основные труды посвящены флоре Крыма и Кавказа.
- 30 ЯНВАРЯ** 95 лет со дня рождения [30.01.1911, дер. Елизаветино ныне Конаковского р-на Калининской обл.] **Василия Михайловича Ускова**, Героя Советского Союза, летчика-истребителя, почетного гражданина г. Георгиевска.

- 1 ФЕВРАЛЯ** 90 лет со дня смерти [18.02(2.03).1849, ст-ца Прочноокопская Кубанской обл. – 19.01 (1.02).1916, Петроград] **Льва Евграфовича Дмитриева-Кавказского**, русского рисовальщика и гравера, воспитанника Ставропольской мужской гимназии. Много путешествовал по Кавказу и Закавказью, результатом этого стал выход в свет альбома офортов «Кавказ» (СПб., 1880).
- 7 ФЕВРАЛЯ** 85 лет со дня рождения [07.02.1921, Минеральные Воды] **Василия Ивановича Минакова**, Героя Советского Союза, генерал-майора авиации.
- 13 ФЕВРАЛЯ** 75 лет со дня рождения [13.02.1931, Армавир – 04.10.1973, похоронен в г. Быково Московской обл.] **Олега Васильевича Гудкова**, Героя Советского Союза, летчика-испытателя. Окончил Ставропольское суворовское военное училище в 1949 г.
- 15 ФЕВРАЛЯ** 90 лет со дня рождения [15.02.1916, ст-ца Галюгаевская ныне Курского р-на Ставроп. края – 11.11.1989, Махачкала] **Федора Григорьевича Селивантьева**, Героя Советского Союза, командира сабельного эскадрона.
- 16 ФЕВРАЛЯ** 85 лет со дня основания (1921) **колхоза «Россия» Новоалександровского района**.
- 18 ФЕВРАЛЯ** 80 лет со времени возникновения в Ростове-на-Дону (1926) **Северо-Кавказского краевого бюро краеведения**, сыгравшего большую роль в объединении краеведческих сил Северного Кавказа.
- 20 ФЕВРАЛЯ** *200 лет со дня смерти [08(19).09.1754, Москва – 08(20).02.1806, Баку, похоронен в Тифлисе в Сионском соборе] **Павла Дмитриевича Цицианова**, военачальника, политического и общественного деятеля, внесшего большой вклад в развитие Кавминвод.
- 20 ФЕВРАЛЯ** 90 лет со дня рождения [20.02.1916, с. Правокумское ныне Левокумского р-на Ставроп. края – 31.07.1992, Железноводск] **Алексея Михайловича Клинового**, Героя Советского Союза, сапера инженерного батальона.
- 21 ФЕВРАЛЯ** 230 лет со дня рождения [21.02.1776, Москва – 23.10.1862, Пятигорск] **Алексея Федоровича Реброва**, помещика, шелковод, винодела, знатока Кавказа, с именем которого связана одна из первоначальных страниц в истории развития сельского хозяйства и курортного дела в нашем крае. В Кисловодске в доме Реброва, описанном в «Княжне Мери» М. Ю. Лермонтовым, в разное время останавливались А. С. Пушкин, Д. В. Давыдов. Ребровым составлено «Обозрение земель Кавказской губернии в отношении свойства их, состояния и звания населяющих ее обитателей» (Акты, собр. Кавказ. археогр. комиссией. – 1875. – Т. 6, ч. 2).

- 22 ФЕВРАЛЯ** 70 лет со дня рождения [22.02.1936, с. Тищенское, ныне Изобильненского р-на Ставроп. края] **Николая Федоровича Санжарова**, известного ставропольского скульптора. Среди его работ: памятник великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову, бюст-памятник герою Отечественной войны 1812 года, генералу А. П. Ермолову, памятник юным защитникам Отечества, установленные в Ставрополе.
- 23 ФЕВРАЛЯ** 80 лет со дня рождения [23.02.1926, хут. Рог ныне Советского р-на Ставроп. края] **Василия Егоровича Стукалова**, Героя Советского Союза, пулеметчика.
- 23 ФЕВРАЛЯ** 80 лет со дня рождения [23.02.1926, хут. Сухая Падина ныне Минераловодского р-на Ставроп. края] **Ивана Степановича Сундиева**, Героя Советского Союза, артиллериста.
- 25 ФЕВРАЛЯ** 130 лет со дня рождения [25.02.1876 – 28.10.1948] **Сергея Сергеевича Анисимова**, географа-исследователя, кавказоведа, путешественника, автора книг, посвященных природе Кавказа: «Картины Кавказа» (1915), «Группа Кавказских Минеральных Вод» (1926), «От Казбека к Эльбрусу» (1928), «Кавказ» (1930), составителя путеводителей по Кавказу.
- 27 ФЕВРАЛЯ** *125 лет со дня рождения [15(27).02.1881, Ставрополь – 19.11.1956, Париж] **Ильи Дмитриевича Сургучева**, русского писателя, уроженца г. Ставрополя, с которым была связана почти вся его жизнь вплоть до эмиграции в 1919 г. Своему родному городу он посвятил повесть «Губернатор» (1912) и рассказ «Китеж» (1956).
- 27 ФЕВРАЛЯ** *75 лет со дня образования (1931) **Ставропольского государственного университета**.
- 2 МАРТА** *100 лет со дня основания [17.02(02.03).1906] **Ставропольской ученой архивной комиссии** под председательством Г. Н. Прозрителева.
- 2 МАРТА** 75 лет со дня рождения [02.03.1931, с. Привольное Красногвардейского р-на Ставроп. края] **Михаила Сергеевича Горбачева**, первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС (1970-1978), генерального секретаря ЦК КПСС (1985-1991), Президента СССР (1990-1991), с 11 марта 2000 г. – основателя Российской объединенной социал-демократической партии.
- 5 МАРТА** *70 лет со дня организации (1936) **Тебердинского государственного заповедника**.
- 17 МАРТА** *150 лет со дня рождения [05(17).03.1856, Омск – 01(14).04.1910, Петербург] **Михаила Александровича Врубеля**, русского живописца. Одна из главных тем творчества М. А. Врубеля – тема Демона, нашедшая отражение в картине «Демон» (1890) и в иллюстрациях к одноименной поэме М. Ю. Лермонтова (1890-1891).

- 17
МАРТА 85 лет со дня рождения [17.03.1921, Прикумск (ныне Буденновск) Ставропольского края – 01.12.1991, Москва] **Василия Петровича Рослякова**, русского писателя, автора романов «Последняя война» (1972), «Витенька» (1981), повести «Мы вышли рано, до зари» (1989).
- 23
МАРТА 90 лет со дня рождения [23.03.1916, Ставрополь – 30.09.1956, Ставрополь] **Василия Георгиевича Зайцева**, Героя Советского Союза, командира эскадрильи.
- 27
МАРТА 125 лет со дня рождения [15(27).03.1881, Севастополь – 12.03.1925, Прага] **Аркадия Тимофеевича Аверченко**, писателя-сатирика, драматурга, театрального критика, редактора популярного журнала «Сатирикон». Был на Кавминводах в 1914 и 1915 гг., выступал с концертами. Под впечатлением поездки написал заметку «Одна из красот Кавказа», опубликованную в газете «Пятигорское эхо» 19 июня 1915 г. В сборнике «Рассказы для выздоравливающих»
- 5
АПРЕЛЯ 130 лет со дня рождения [05.04.1876, Петербург – 1941, Краснодар] **Бориса Митрофановича Городецкого**, библиографа-краеведа, просветительская деятельность которого была связана с изданием журналов «На Кавказе», «Архивное дело», «Известия общества любителей изучения Кубанского края». Значительный интерес представляют библиографические указатели «Библиография Кубанского края» (1918-1919), «Наш край» (1924), «Дагестан в советской литературе» (1933).
- 9
АПРЕЛЯ 180 лет со дня рождения [28.03(09.04).1826, Москва – 03(15).06.1892, Москва] **Владимира Михайловича Каченовского**, литератора. С 1846 г. служил в Кабардинском егерском, а затем в Нижегородском драгунском полку на Кавказе. Написал мемуарные очерки «Первое знакомство с Кавказом, от Червленной до Хасав-Юрта. 1846» (Воен. сб. – 1863. – № 7).
- 17
АПРЕЛЯ 100 лет со дня рождения [17.04.1906, Ставрополь – 08.12.1952, Армавир] **Якова Ивановича Андриюшина**, Героя Советского Союза, командира эскадрильи.
- 24
АПРЕЛЯ *60 лет со дня рождения [26.04.1946, хут. Ивановский Саратовской обл.] **Владимира Константиновича Малярова**, ставропольского писателя, автора книг «Не посторонние мне люди» (1981), «Перекрестки», (1982), «Хлопоты» (1985), «Время выбора» (1988), «Пожелай им благо, Господи» (1996), «Мне юность машет издалека» (2001).
- 27
АПРЕЛЯ *100 лет со дня открытия (1906) **первой Государственной Думы в России**. Ставропольскую губернию представляли депутаты Я. Борисов, З. Мишин, Ф. Онипко.
- 30
АПРЕЛЯ 110 лет со времени создания (1896) охранной зоны **Кумагорских целебных источников**. Высочайшим указом они были объявлены имеющими общественное значение и взяты под особое покровительство правительством. В 1916 г. с помощью русского курортолога Н. Славянова был осуществлен каптаж минерального источника.

- 1 МАЯ** *105 лет со дня рождения [01.05.1901, с. Гусев ныне Каменского р-на Ростовской обл. – 1970] **Тимофея Еремеевича Гнилорыбова**, доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки УССР. В годы Великой Отечественной войны работал на Кавказских Минеральных Водах.
- 2 МАЯ** 85 лет со дня рождения [02.05. 1921, с. Галицыно ныне Кочубеевского р-на Ставроп. края – 23.07.2001, Ставрополь] **Константина Яковлевича Лаптева**, Героя Советского Союза, наводчика пулемета.
- 5 МАЯ** 85 лет со дня рождения [05.05. 1921, ст-ца Лысогорская ныне Георгиевского р-на Ставроп. края – 29.03.1980, Днепропетровск] **Александра Захаровича Потапова**, Героя Советского Союза, командира стрелкового батальона.
- 6 МАЯ** 90 лет со дня рождения [06.05.1916, с. Шишкино ныне Благодарненского р-на Ставроп. края. – 19.02.1945] **Петра Михайловича Дьякова**, Героя Советского Союза, зам. командира эскадрильи.
- 7 МАЯ** 80 лет со дня открытия (1926) в г. Ставрополе **радиовещательной станции**.
- 9 МАЯ** * 90 лет со дня рождения [09.05.1916, с. Степное ныне Степновского р-на Ставроп. края. – 18.10.2005, Пятигорск] **Николая Станиславовича Качинского**, живописца, члена Союза художников СССР с 1948 г., заслуженного работника культуры РСФСР, заслуженного художника РСФСР.
- 13 МАЯ** 100 лет со дня открытия (1906) в Ставрополе **музея Ставропольского епархиального церковно-археологического общества**.
- 15 МАЯ** 125 лет со дня рождения [15.05.1881, Ставрополь – 28.02.1964, Пятигорск] **Всеволода Александровича Васильева**, активного деятеля народного образования на Ставрополье, одного из основателей Ставропольского учительского института, профессора Пятигорского педагогического института.
- 15 МАЯ** *115 лет со дня рождения [03(15).05.1891, Киев – 10.03.1940, Москва] **Михаила Афанасьевича Булгакова**, русского писателя, автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита», литературное творчество которого началось на Северном Кавказе. Во Владикавказе осенью-зимой 1919-1920 гг. им были написаны первые рассказы, фельетоны, пьесы, в том числе пьеса «Братья Турбины».
- 20 МАЯ** **День Ставропольского края.**

- 22 МАЯ** 200 лет со дня рождения [10(22).05.1806, с. Курбатово Скопинского уезда Рязанской губ. – 27.02.1888, имение Бараново Подольского уезда Московской губ.] **Владимира Сергеевича Толстого**, прапорщика Московского пехотного полка, декабриста, члена Северного общества (1824). За участие в декабристском движении был сослан на поселение в Сибирь, в 1829 г. переведен на Кавказ в действующую армию. В 1847-1856 гг. состоял чиновником для особых поручений при наместниках на Кавказе М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьеве. Его перу принадлежит ряд статей по истории религии на Кавказе, а также отдельные воспоминания, опубликованные в «Русском архиве».
- 23 МАЯ** 85 лет со дня рождения [23.05.1921, пос. Новоантоновский ныне Коченевского р-на Новосибирской обл. – 14.03.1995, Кисловодск] **Дмитрия Митрофановича Татаренко**, Героя Советского Союза, генерал-майора авиации.
- 24 МАЯ** *190 лет со времени деятельности (1816-1827) **Алексея Петровича Ермолова** на посту командующего отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса и управляющего гражданской частью Грузии, Астраханской и Кавказской губерний. Высокое положение и огромные полномочия дали повод впоследствии именовать его «проконсулом Кавказа».
- 1 ИЮНЯ** 70 лет со дня начала строительства [01.06.1936] **Невинномысского канала**.
- 5 ИЮНЯ** 90 лет со дня рождения [05.06.1916] **Михаила Николаевича Грешнова**, прозаика, члена Союза писателей СССР с 1970 г. Первый рассказ М. Н. Грешнова «Три встречи» был опубликован в 1960 г. в альманахе «Ставрополье», в 1962 г. в Ставропольском книжном издательстве вышла его первая книга – сборник рассказов.
- 7 ИЮНЯ** 70 лет со дня рождения [07.06.1936] **Людвига Людвиговича Коштояна**, ставропольского писателя, автора повести «Слово о любви» (1984) и сборника рассказов «Отречение» (2001).
- 9 ИЮНЯ** 55 лет со дня рождения [09.06.1951, Смоленская обл.] **Виктора Николаевича Кустова**, ставропольского писателя, автора книг «Пять дней в сентябре» (1987), «Игра» (2000), «Ни белых, ни красных» (2002).
- 12 ИЮНЯ** *70 лет со дня смерти [22.01.1872 – 12.06.1936] **Ивана Александровича Фомина**, архитектора, автора проектов зданий санаториев в Кисловодске и Железноводске.
- 14 ИЮНЯ** 70 лет со дня рождения [14.06.1936, ст-ца Новомарьевская Шпаковского р-на Ставроп. края] **Валентины Васильевны Нарыжной**, ставропольской поэтессы, автора книг «Земные чары» (1995), «Колокола России» (1997), «Рассвет над станицей» (1998), «Цветы у обочин» (2002).
- 17 ИЮНЯ** 70 лет со дня рождения [17.06.1936, с. Шведино Петровского р-на Ставроп. края] **Ивана Михайловича Зубенко**, публициста, председателя краевого Союза журналистов.
- 18** 85 лет со дня рождения [18.06.1921, с. Дружино ныне Романовского р-на

- ИЮНЯ** Саратовской обл. – 16.05.1945, похоронен в Баку] **Павла Степановича Шеина**, учащегося Пятигорского аэроклуба, Героя Советского Союза, зам. командира эскадрильи.
- 20 ИЮНЯ** 80 лет со дня организации (1926) первой на Ставрополье **художественной выставки картин Терского филиала Ассоциации художников Революционной России.**
- 23 ИЮНЯ** 95 лет со дня рождения [23.06.1911, Ставрополь – 01.11.1943, Керчь] **Николая Ивановича Сипягина**, Героя Советского Союза, командира дивизиона сторожевых кораблей.
- 26 ИЮНЯ** *90 лет со дня рождения [26.06.1916, с. Канглы ныне Минераловодского р-на Ставроп. края – 21.10.1981, Орджоникидзе, ныне Владикавказ] **Девлета Азаматовича Гиреева**, литературоведа, лермонтоведа, автора книг «Рассказы литературоведа» (1975), «Михаил Булгаков на берегах Терека» (1980), «Гибель Фемиды» (1983). Долгие годы работал научным сотрудником музея «Домик Лермонтова» (г. Пятигорск).
- 6 ИЮЛЯ** *210 лет со дня рождения [25.06(06.07).1796, Царское Село, ныне г. Пушкин – 18.02(02.03).1855, Петербург] **Николая I**, российского императора (1825 – 1855), предпринявшего в 1837 г. поездку на Кавказ.
- 8 ИЮЛЯ** 190 лет со дня открытия [08.07.1816] в Ставрополе **типографии Северо-Кавказского областного правления** – первой типографии на Северном Кавказе. Типография в основном обслуживала нужды руководящих учреждений. Позже в ней печатались газета «Ставропольские губернские ведомости», «Сборники статистических сведений о Ставропольской губернии» и др. материалы.
- 10 ИЮЛЯ** *190 лет со дня рождения [28.06(10.07).1816, Москва – 25.01(07.02).1912, Симеиз] **Дмитрия Алексеевича Милютина**, русского военного деятеля, генерал-фельдмаршала, профессора военной географии и статистики Военной академии, в 1860-1881 гг. – военного министра. В 1839-1845 гг. служил в войсках Кавказской линии и Черномории, принимал участие в военных действиях.
- 12 ИЮЛЯ** *280 лет со дня рождения [12.07.1726, ст-ца Зимовейская-на-Дону – 10.01.1775, Москва] **Емельяна Ивановича Пугачева**, руководителя крестьянского восстания 1773-1774 гг.
- 21 ИЮЛЯ** 110 лет со дня рождения [21.07.1896, Невинномысск – 29.08.1986, Ставрополь] **Владимира Григорьевича Кленова**, старейшего живописца Ставрополья.
- 27 ИЮЛЯ** *День памяти [3(15).10.1814, Москва – 15(27).07.1841, Пятигорск] **Михаила Юрьевича Лермонтова**, русского поэта. В детстве М. Ю. Лермонтов дважды побывал в нашем крае – в 1820 и 1825 гг. В 1837 г. – первая ссылка на Кавказ, в 1840 г. – вторая. В 1841 г. М. Ю. Лермонтов убит на дуэли в Пятигорске.
- 30 ИЮЛЯ** *60 лет со дня рождения [30.07.1946, к-з «Коммунар» Красногвардейского р-на Ставроп. края] **Владимира Александровича Шаповалова**, ректора Ставропольского государственного университета.

- 4 АВГУСТА** 85 лет со дня рождения [04.08.1921, с. Истобное ныне Чаплыгинского р-на Липецкой обл. – 18.05.1990, Невинномысск] *Ильи Антоновича Маликова*, Героя Советского Союза, командира звена авиаэскадрильи.
- 6 АВГУСТА** *150 лет со дня рождения [25.07(06.08).1856, с. Рябово Вятской губ. – 23.01.1933, Москва] *Аполлинария Михайловича Васнецова*, русского живописца и графика, совершившего в середине 90-х годов поездку на Кавказ и написавшего под ее впечатлением картины «Эльбрус перед восходом солнца»(1895), «Кавказ» (1896), «Пустыня гор» (1898).
- 15 АВГУСТА** 90 лет со дня рождения [15.08.1916, Саратов – 08.08.1966, Пятигорск] *Бориса Николаевича Бессонова*, живописца. В течение тридцати лет жил и работал в Пятигорске. Б. Н. Бессоновым написаны картины «Дуэль Лермонтова», «Лермонтов с отрядом на привале в Чечне» и другие.
- 19 АВГУСТА** 130 лет основания (1876) *села Арзгир*.
- 20 АВГУСТА** 190 лет со дня рождения [20.08(01.09).1816 – 08(20).06.1875] *Петра Карловича Услара*, барона, генерал-майора, кавказоведа-филолога, окончившего Военную академию. С 1850 г. и почти до самой смерти служил на Кавказе в разных должностях, вел военную педагогическую и научную работу, состоял чл.-кор. Академии наук.
- 8 СЕНТЯБРЯ** 110 лет со дня открытия (1896) памятника *казакам-хоперцам в станице Барсуковской* в день 200-летия Хоперского казачьего полка.
- 17 СЕНТЯБРЯ** 95 лет со дня рождения [17.09.1911, Георгиевск – 1994, Санкт-Петербург] *Сергея Дмитриевича Зюзина*, Героя Советского Союза, контр-адмирала, командира дивизиона морских охотников.
- 22 СЕНТЯБРЯ** *265 лет со дня рождения [22.09.1741, Берлин – 08.09.1811, Берлин] *Петра Симона Палласа*, российского естествоиспытателя, географа и путешественника, одного из первооткрывателей Кавказских Минеральных Вод.
- 25 СЕНТЯБРЯ** *100 лет со дня рождения [12(25).09.1906, Пятигорск – 22.07.1973, Москва] *Сергея Алексеевича Андреева-Кривича*, литературоведа, основные работы которого посвящены М. Ю. Лермонтову.
- 1 ОКТЯБРЯ** 100 лет со дня смерти [21.10(02.11).1858, Ставрополь-Кавказский – 18.09(01.10).1906, там же] *Якова Васильевича Абрамова*, публициста, очеркиста, критика, закончившего Ставропольскую мужскую гимназию и Кавказскую духовную семинарию. С мая 1890 г. постоянно жил в Ставрополе, работал юристом и торговым агентом. Издавал брошюры популярного и рекомендательного характеров, в т. ч. в сериях изд-ва Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека» и «Популярная библиотека».
- 2 ОКТЯБРЯ** *100 лет со дня рождения [02.10.1906, Ставрополь – 28.12.1977, там же] *Михаила Сергеевича Макарова*, хирурга, ортопеда-травматолога, профессора Ставропольского медицинского института, автора более ста

научных работ.

- 3**
ОКТАБРЯ *200 лет со дня рождения [23.09(03.10).1806, Петербург – 07.02.1846, Керчь] **Николая Васильевича Майера (Мейера)**, в 1830 г. врача в Пятигорске и Ставрополе, знакомом М. Ю. Лермонтова, ставшим прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». Майер был близок со ссыльными декабристами Н. И. Лорером, А. А. Бестужевым, А. И. Одоевским, которые «его любили как брата».
- 7**
ОКТАБРЯ 180 лет со времени открытия (1826) в Кавказской области первых **сберегательных касс** согласно письму начальника Кавказской области генерал-лейтенанта Емануэля.
- 11**
ОКТАБРЯ *100 лет со дня рождения [11.10.1906, Кисловодск – 21.09.1989, Кисловодск] **Бориса Сергеевича Виноградова**, старейшего краеведа, коллекционера, исследователя кисловодской старины.
- 14**
ОКТАБРЯ 80 лет со дня рождения [14.10.1926, с. Калиновское Александровского р-на Ставроп. края – 17.11.1997, Ставрополь] **Ивана Васильевича Капшурова**, ставропольского поэта, автора поэтических сборников «Дыхание степи» (1956), «Над седьми ковылями» (1958), «Версты» (1967), «Осенний снег» (1969), «Певучие травы» (1972), «Дарую степь» (1978), «Синий край России» (1979), «Даль полынная» (1980), «Песня Калиновке» (1985), «Живущим ныне» (1987), «Избранные стихи» (1996), «Избранное» (2003).
- 22**
ОКТАБРЯ 110 лет со дня рождения [22.10.1896, дер. Русская Купта ныне Мари-Турекского р-на Республики Марий Эл – 12.08.1958, Ставрополь] **Якова Николаевича Тюлькина**, Героя Советского Союза, командира пулеметного расчета.
- 22**
ОКТАБРЯ 50 лет со дня открытия (1956) **Ставропольского краевого центра детско-юношеского туризма**.
- 26**
ОКТАБРЯ 80 лет со дня рождения [26.10.1926, хут. Водопадский, ныне с. Юца Предгорного р-на Ставроп. края – 28.01.1945, похоронен в Польше] **Дмитрия Ивановича Канищева**, Героя Советского Союза, командира стрелкового отделения.
- 2**
НОЯБРЯ *100 лет со дня рождения [02.11.1906, слобода Рудня Саратовской губ. – 24.10.1984, Кисловодск] **Александра Михайловича Божко**, педагога, директора Кисловодской средней школы № 2. За особые заслуги в обучении и воспитании учащихся А. М. Божко первым среди учителей края был удостоен почетного звания «Народный учитель СССР» в 1980 году. Награжден орденом Ленина и медалью им. Н. К. Крупской.
- 13**
НОЯБРЯ 160 лет со времени основания (1846) **Ставропольской духовной семинарии**.
- 15**
НОЯБРЯ 110 лет со дня рождения [02(15).11.1896, Георгиевск – 27.12.1941, Коми АССР] **Георгия Ивановича Шилина**, русского писателя, уроженца г. Георгиевска. Особую известность писателю принес роман

«Прокаженные» (1930).

- 16 НОЯБРЯ** *130 лет со дня рождения [04(16).11.1876, Кременчуг Полтавской губ. – 11.05.1925, Варшава] *Евгения Федоровича Шреттера*, академика, архитектора, замечательного устроителя городов-курортов КМВ. По его проекту были выстроены грязелечебница и торговая галерея в Эссентуках, а в Пятигорске возведена вилла Э. Э. Карстенса.
- 22 НОЯБРЯ** 95 лет со дня рождения [22.11.1911, с. Молотовское, ныне с. Красногвардейское Красногвардейского р-на Ставроп. края – 24.07.1993, Георгиевск] *Дмитрия Алексеевича Гридина*, Героя Советского Союза, командира батареи.
- 25 НОЯБРЯ** *150 лет со дня рождения [13(25).11.1856, Владимир – 06(19).06.1915, Москва] *Сергея Ивановича Танеева*, русского композитора, педагога, пианиста, ученого, музыкально-общественного деятеля, неоднократно бывавшего на Кавказских Минеральных Водах. Летом 1885 г. в результате путешествия в Сванетию через Кавказский хребет записал 20 горских песен. В музее П. И. Чайковского хранится рукопись этой «Горской тетради» с пометкой «Кавказ, 1885, 25 июля, Урусбиевский аул». В 1891, 1892 и 1894 гг. он работал здесь над оперой «Орестея».
- 26 НОЯБРЯ** *80 лет со времени образования (1926) *Горского научно-исследовательского института краеведения*.
- 28 НОЯБРЯ** 100 лет со дня рождения [15(28).11.1906, Санкт-Петербург – 30.09.1999, там же] *Дмитрия Сергеевича Лихачева*, советского литературоведа и историка культуры, академика, хранителя исторической и культурной памяти России. Ему принадлежат слова: «Хранить память о других – это оставлять память о себе!» Неоднократно бывал на Кавказских Минеральных Водах, отдыхал, работал над многими книгами.
- 28 НОЯБРЯ** 55 лет со дня рождения [28.11.1941, пос. Ивот Дядьковского р-на Брянской обл.] *Елены Львовны Ивановой*, ставропольской поэтессы, автора книг «Мелодия» (1971), «Росток» (1976), «За Десною-рекою» (1977), «Трава не знает» (1985), «Ключи земные» (1991), «Позывные любви» (2000).
- 29 НОЯБРЯ** *140 лет со дня присоединения [29.11.1866] *Моздока к Терской области*.
- 6 ДЕКАБРЯ** *200 лет со дня рождения [06.12.1806, Мойзекилл, Лифляндия – 28.07.1871, поместье Грефенфельд близ городка Лимбажи, Латвия] *Роберта Константиновича Шведе*, русского художника. Летом 1841 г. Шведе жил в Пятигорске, где им был написан посмертный портрет М. Ю. Лермонтова.
- 7 ДЕКАБРЯ** *100 лет со дня введения в Ставропольской губернии (1906) *суда присяжных заседателей*, одного из самых демократичных институтов пореформенной дореволюционной судебной системы России.

- 13 ДЕКАБРЯ** *160 лет со дня рождения [01(13).12.1846, Полтава – 25.06(07.07).1898, Кисловодск] **Николая Александровича Ярошенко**, русского живописца. В 1962 г. в Кисловодске открыт художественный музей Н. А. Ярошенко.
- 19 ДЕКАБРЯ** 90 лет со дня рождения [19.12.1916, с. Нижняя Ведуга Воронежской губ. – 17.11.1973, Кисловодск] **Анны Николаевны Киселевой**, ставропольской писательницы.
- 23 ДЕКАБРЯ** 200 лет со дня рождения [11(23).12.1806, Берлин – 01(13).07.1886, Грац] **Германа Вильгельмовича Аби́ха**, геолога, исследователя Кавказа по вопросам геологического строения, полезных ископаемых, ледников, землетрясений.
- 24 ДЕКАБРЯ** 50 лет со дня вступления в строй (1956) **газопровода Ставрополь – Москва**.
- 29 ДЕКАБРЯ** *70 лет со дня рождения [29.12.1936 с. Рагули, Апанасенковского р-на Ставроп. края] **Виктора Андреевича Яроша**, ставропольского писателя, члена Союза писателей России с 1982 г., автора книг «Чертов палец» (1973), «Любовь моя, любовь» (1980), «Наша с тобой биография» (1981), «Ветка алычи» (1985), «Возвращение к себе» (1996), «Необычный день» (2003), «Слушаю небо» (2005).

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ

- 310 лет** со времени создания (1696) **Кубанского казачьего войска**.
- 280 лет** со дня рождения (1726) **Ивана Варфоломеевича Якоби**, военачальника, государственного деятеля, генерала от инфантерии, главноначальствующего Кавказа. Награжден орденами Св. Георгия 3-й степени, Св. Александра Невского и Св. Владимира 1-й степени.
- 225 лет** со дня рождения (1781) **Андрея Богдановича Цез**, главного врача КМВ, автора одной из первых книг, посвященных Кавказским Минеральным Водам, «Описание Кавказских Минеральных Вод» (СПб., 1817).
- 225 лет** со времени основания (1781) **города Зеленокумска**.
- 225 лет** со времени основания (1781) **села Прасковья** Буденновского района.
- 225 лет** со времени основания (1781) **села Федоровка** Советского района.
- 200 лет** со дня рождения (1806-1877) **Николая Ивановича Карлгофа**, генерала от инфантерии, окончившего Военную академию в 1840 г. и служившего на Кавказе с 1845 г. Состоял помощником председателя кавказского отдела Русского географического общества. Карлгоф является автором ряда работ по этнографии адыгов, в т. ч. «О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря» (Рус. вестник. – 1860. – № 8).
- 190 лет** *со дня рождения (1816-1852) **Петра Захаровича Захарова-Чеченца**,

живописца, члена Российской академии художеств. П. З. Захаров – первый чеченский художник. Писал преимущественно портреты, среди них – поэта М. Ю. Лермонтова в лейб-гусарском мундире (1838-1839). За портрет А. Ермолова получил звание академика.

- 190 лет** со дня рождения (1816-1895) *Мелетия Яковлевича Ольшевского*, генерала от инфантерии, окончившего в 1841 г. Военную академию. Тогда же начал службу на Кавказе и прослужил здесь 25 лет. М. Я. Ольшевский – автор воспоминаний «Кавказ с 1841 по 1866 г.» (Рус. старина. – 1893. – Т. 78, № 6; Т. 79, № 7-9; 1894. – Т. 81, № 1, 2, 6; Т. 82, № 7, 9, 11, 12; 1895. – Т. 83, № 3, 4, 6; Т. 84, № 9, 10).
- 160 лет** со дня рождения (1846-19.03.1924) *Дмитрия Львовича Иванова*, геолога-исследователя Средней Азии и Кавказа. В мае 1885 г. Русское императорское географическое общество командировало Д. Л. Иванова для геологического изучения Ставропольской губернии. Д. Л. Иванов автор книги «Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края» (СПб., 1886).
- 160 лет** со дня рождения (1846-1906) *Виктора Людвиговича Форкатти*, драматического актера, антрепренера кисловодского Курзала.
- 150 лет** со дня рождения (1856-1929) *Анны Ивановны Коришуновой*, сестры милосердия, участницы русско-турецкой и русско-японской войн, создательницы общины сестер милосердия в Пятигорске.
- 150 лет** со дня рождения (1856-1928) *Евгения Андреевича Ларина*, одного из первых бальнеологов курорта Пятигорска, активного общественного деятеля. Похоронен в Пятигорске.
- 125 лет** «*Сборнику материалов для описания местностей и племен Кавказа*» (1881), начавшего выходить по инициативе Кавказского учебного округа в Тифлисе. Главная цель издания – поддержание духовной деятельности учителей начальных школ и оказание помощи в изучении ими тех местностей, где они работали. Для «Сборника...» была разработана «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, их населяющих». В сборнике печатались сведения, касающиеся и местностей, расположенных на территории Ставропольской губернии. Например, в I томе помещены работы К. Франгопуго «Село Прасковья» и П. Терновского «Село Чернолесское». Главным руководителем издания был Лев Григорьевич Лопатинский (1842-1922).
- 110 лет** со дня рождения (1896, Ставрополь-21.02.1959, Пятигорск) *Бориса Александровича Черепова-Орловского*, писателя, уроженца Ставрополя-на-Кавказе, автора записок и повестей «Утро победы» (1950), «Степи вольные» (1954), «Искры Очакова» (1960), «Стальной кит» (1965). Похоронен в Пятигорске.
- 100 лет** со дня рождения (1906-1942) *Клавдии Ильиничны Абрамовой*, участницы антифашистского подполья в Ставрополе в годы Великой Отечественной войны. Посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.
- 100 лет** с начала опубликования (1906) «*Сборника сведений о Северном Кавказе*», издававшегося Ставропольским губернским статистическим комитетом.

Первый том вышел под редакцией С. С. Собриевского, последующие (2-12) – Г. Н. Прозрителева.

- 100 лет** со времени открытия (1906) в Пятигорске *студенческого санатория* Обществом пособия бедным на пожертвования частных лиц и учебных заведений, а также на средства, вырученные от благотворительных вечеров и спектаклей. В санатории студенты лечились за небольшую плату, а бедные – бесплатно.
- 75 лет** со времени организации (1931) *госплемзавода «Комсомолец»* Кировского района.
- 75 лет** со времени открытия (1931) в Железноводске *санатория имени С. М. Кирова*.
- 75 лет** со времени открытия (1931) в Кисловодске *санатория «Кавказ»*.
- 75 лет** со времени организации (1931) *совхоза «Первомайский»* Минераловодского района.
- 60 лет** со времени открытия (1946) *Ставропольского госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны*, расположенного в пос. Горячеводском.

Имя военного историка генерал-лейтенанта В. А. Потто сегодня почти совершенно забыто, а вот в дореволюционной России его книги пользовались неизменным успехом. «Нет войсковой части, нет библиотеки, – свидетельствует современник, – где бы не было его произведений: редкая учебная книга русского языка для народных и солдатских школ не содержит в себе отдельных статей из его сочинений. Произведения его читают все – начиная от Верховного Вождя русской армии до рядового солдата».

Полный перечень произведений Потто занял бы несколько страниц. Как правило, это объемистые, а иногда и многотомные сочинения, открыв которые однажды, уже невозможно удержаться, чтобы не прочитать их до самого конца. Тем не менее, их автор не являл собой тип архивного затворника, это был боевой офицер, отважный путешественник, военный теоретик и педагог, публицист и историк, много повидавший и много испытавший на своем веку. Судьбе было угодно отметить его еще и особым литературным даром: Потто писал много, увлекательно, ярко, и под его пером воскресали многие важные события военной истории России.

Василий Александрович Потто происходил из дворян Тульской губернии, образование получил в кадетском корпусе, с первых же шагов жизни связав свою будущность с воинской службой. Ещё состоя кадетом Дворянского полка он написал несколько стихотворений по поводу начавшейся Крымской войны, обративших внимание императора Николая I. «Кадету Потто, – сообщает биограф историка, – пожалован был высочайший подарок – золотые часы с цепью, врученные ему лично цесаревичем Александром Николаевичем перед всем Дворянским полком».

Едва получив офицерские эполеты, девятнадцатилетним прапорщиком он успел повоевать с турками и находился при блокаде, штурме и сдаче противником Карса. Это было главным событием войны на ее кавказском театре, несколько скрасившим нам горечь севастопольской катастрофы. По окончании военных действий Потто совершил путешествие по Кавказу. Личные впечатления от недавних сражений и богатый собранный материал позволили ему вскоре выпустить в свет первые военные очерки. В дальнейшем Потто воевал с повстанцами в Польше, не раз был отмечен наградами и в 1866 году уже в чине капитана был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу (то есть бывшей Юнкерской школе, в стенах которой военное образование получил М. Ю. Лермонтов). Потом принял под свое начало Оренбургское казачье юнкерское училище и успешно руководил им в течение одиннадцати лет, объездив к тому же киргизские степи и все пограничные линии этого края. Вышедшая вскоре книга Потто «Степная война», как первое руководство в этом роде, имела успех и была переведена на английский язык. Здесь же впервые проявилась еще одна характерная черта Потто – собирателя реликвий русской военной старины: в

основанной им при училище военно-картинной галерее хранилось более тысячи картин и портретов. В это время он становится известен как автор «Военной хрестоматии» и ряда книг по истории отдельных воинских подразделений.

В 1887 году полковник Потто вновь получил назначение на Кавказ – в штаб Кавказского военного округа. С этого времени вся его литературная деятельность была посвящена главному труду жизни – капитальному сочинению «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», выходявшему в свет в течение ряда лет в двадцати отдельных выпусках. «Автор не претендует сказать что-либо новое о кавказской войне, – уведомлял Потто своих читателей. – Его дело, потребовавшее много лет упорного труда, состояло почти исключительно в том, чтобы извлечь из забвения и связать в одно стройное изложение многочисленные, в разных местах разбросанные материалы, малодоступные для обыкновенного читателя... Целью автора было выдвинуть в его истории на первый план человека как важнейший элемент войны, его подвиги, его страдания, успехи и неудачи».

Вершиной карьеры Потто было назначение его начальником военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа. «Но одними литературными трудами не исчерпываются заслуги В. А. Потто, особенно перед кавказскими войсками, – справедливо замечает биограф историка полковник Томкеев. – Как книга без иллюстраций, военно-исторические труды его не имели бы наглядного и законченного характера, если бы ему не удалось устроить «Кавказский военно-исторический музей», который дает яркую и верную картину минувших войн на Кавказе и заключает в себе священные реликвии боевой славы кавказских войск».

Трудами Потто в различных уголках Кавказа были установлены памятники полководцам и героям былых сражений. В том числе памятник А. П. Ермолову в основанном им городе Грозном.

*Н. В. Маркелов, главный хранитель
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. – СПб.; Тифлис, 1885-1889.

Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. – СПб., 1885. – 718 с.

Т. 2. Вып. 1: Ермоловское время. – СПб., 1885. – 832 с.

Т. 3. Вып. 1: Персидская война, 1826-1828 гг. – СПб., 1886. – 750 с.

Т. 4. Вып. 1: Турецкая война. – Тифлис, 1887-1888. – 534 с.

Т. 5. Вып. 1-2. – Тифлис, 1889. – 320 с.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. – Ставрополь: Кавказ. край, 1994. – (Стрижамент: Ист. наследие. Лит.-худож. приложение к газете «Кавказский край»).

Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. – 672 с.

Т. 2. Ермоловское время. – 688 с.

- Т. 3. Персидская война. 1826-1828 гг. – 608 с.
Т. 4. Турецкая война. 1828-1829 гг. – 576 с.
Т. 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. – 400 с.
- Потто В. А.** Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии и Дагестанского конно-иррегулярного полка. – Тифлис, 1888. – 92 с.
- Потто В. А.** Генерал-адъютант Иван Давидович Лазарев. – Тифлис, 1900. – 434 с., 1 л. портр.
- Потто В. А.** Два века Терского казачества, (1577-1801). – Владикавказ, 1912.
Т. 1. – 116 с.
Т. 2. – 247 с.
- Потто В. А.** История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка: В 10 т. – СПб., 1893-1895.
Т. 1. – 1893. – 193 с.
Т. 2. – 1893. – 173 с.
Т. 3. – 1894. – 188 с.
Т. 4. – 1894. – 188 с.
Т. 5. – 1894. – 183 с.
Т. 6. – 1894. – 178 с.
Т. 7. – 1895. – 180 с.
Т. 8. – 1895. – 172 с.
Т. 9. – 1895. – 190 с.
Т. 10. – 1895. – 205 с.
- Потто В. А.** Кавказ до Петра. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В. Березовского, 1901. – 20 с.: ил.
- Потто В. А.** Карские торжества в 1910 году и четыре штурма Карса / Военно-ист. отд. штаба Кавказ. воен. округа. – Тифлис, 1911. – 113 с.: 6 л. ил.; 4 карт.
- Потто В. А.** Несколько дней на Кубани: (Из путевых записок, веденных на Кавказе в 1853-1856 гг.) // Военный сборник. – 1861. – Т. 18, № 3. – С. 151-188; 1862. – Т. 25, № 5. – С. 197-228.
- Потто В. А.** Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 года. – Тифлис, 1889. – 228 с.
- В память** 50-летнего юбилея военно-литературной деятельности В. А. Потто. – Тифлис, 1909. – 77 с.
- Городецкий Б. М.** Василий Александрович Потто: (Биобиблиогр. очерк) // Кубанский сборник на 1913 год. – Екатеринодар, 1913. – Т. 18. – С. 380-384.
- Городецкий Б. М.** Летописец Кавказских войн: [Памяти В. А. Потто] // Ист. вестник – 1913. – № 1. – С. 199-202.
- Маркелов Н.** Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил. Из содерж.: Василий Александрович Потто. «Летописец кавказских сражений». – С. 258-260.
- В. А. Потто:** [Некролог] // Журн. Рус. военно-ист. о-ва. – 1912. – № 1. – С. 29-30.
- Потто** Василий Александрович, (1836-1911 // История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. – М., 1965. – С. 360.
- Томкеев В. И.** Памяти Василия Александровича Потто // Кавказ. сборник. – Тифлис, 1912. – Т. 32, ч. 1. – С. 1-9.
- Авксентьев А.** Генерал В. А. Потто // Вечерний Ставрополь. – 1992. – 4 авг.
- Майсурадзе Э.** У истоков музейного дела: [О генерале В. А. Потто] // Кавказ. здравница. – 1999. – 3 дек.
- Кавказский** баян: В. А. Потто: [Публ. докум. К 150-летию со дня рождения / Публ. подгот. В. Лашков] // Кавказ. край, Пятигорск. – 1991. – № 1. – С. 11, фото.

Известный ботаник, садовод и энтомолог, естествоиспытатель, доктор медицины, главный инспектор шелководства, инспектор сельского хозяйства Южной России, директор Никитского сада в Крыму Х. Х. Стевен родился 19(30) января 1781 года в городке Фридрихсгамме Выборгской губернии России. Здесь его отец служил таможенным инспектором. Первоначальное образование Х. Х. Стевен получил в народном училище в Фридрихсгамме. Затем он поступил в Абосский университет, где занимался изучением древних языков и медицинских наук.

В 1795 году Х. Х. Стевен был принят в Петербургское лекарское училище, впоследствии включённое в состав Медико-хирургической академии. Там он проучился два года, занимаясь медициной и ботаникой. Для усовершенствования в науках Христиан в 1797 году отправился в город Йену, где на медицинском факультете университета слушал лекции известных в то время учёных Гуффеланда и Людера.

Однако учиться за границей ему долго не пришлось. Вступивший на престол после смерти императрицы Екатерины II в ноябре 1796 года её сын Павел Петрович, теперь уже император Павел I, стремясь оградить Россию от тлетворного влияния революционных идей Запада, в 1798 году повелел всем русским возвратиться в Россию. Поэтому молодой Христиан вместе со всеми студентами вернулся домой и поступил в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь. Там группа профессоров временно, до учреждения Медико-хирургической академии, читала слушателям лекции по медицинским и другим наукам. Христиан проявил завидное упорство в овладении научными знаниями и в 1799 году выдержал экзамен в Медико-хирургической академии. По представлению сочинения «Specilegium plantarum criptogamarum» («О тайно-брачных растениях») Х. Х. Стевен был удостоен степени доктора медицины. После этого 12 октября 1799 года он был определён врачом в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь.

Работая в госпитале, Х. Х. Стевен продолжал с увлечением заниматься ботаникой, которую всегда любил и был предан ей беспредельно. Ещё в Або, во время учёбы в университете, он усердно изучал естественные науки, особенно ботанику и энтомологию, продолжая уделять значительную часть своего времени этим предметам в период пребывания в Германии, а затем после возвращения из-за границы в Петербурге. Здесь он познакомился с бароном фон Биберштейном, который в тот период являлся главным инспектором шелководства на Кавказской линии. Они быстро сблизились в сфере общих интересов. Биберштейн с увлечением рассказывал Стевену о богатой и разнообразной природе Кавказа, о том, что в горах за день можно увидеть небывалую смену флоры и фауны от субтропиков до тундры и ледников. Сблизившись и по достоинству оценив Х. Х. Стевена, он предложил ему место своего помощника на юге. Открывающаяся перспектива заняться ботаникой на Кавказе прельстила и увлекла Стевена.

Поэтому он вскоре прекратил свои занятия медициной для того, чтобы отправиться на Кавказ.

В марте 1800 года Х. Х. Стевен оставил свою службу в госпитале и в апреле вместе с Биберштейном выехал из Петербурга. По пути они остановились на несколько недель в Москве. Х. Х. Стевен стал частым гостем известного в то время ботаника Стефании. У него он прошёл своеобразную научную стажировку перед поездкой на Кавказ, о прелестях которого ему так много рассказывал Биберштейн, и поэтому Стевену очень хотелось получить советы маститого учёного.

Затем Биберштейн и Стевен отправились вниз по Волге, по Каспию и Тереку. Во время продолжительного пути они не теряли времени даром, а употребляли его на научные цели. Ими были собраны богатые по своему содержанию ботаническая и энтомологическая коллекции. Наконец в августе они прибыли в Кизляр. Во время путешествия друзья познакомились и близко сошлись с графом Мусиным-Пушкиным, который ехал на Кавказские минеральные воды. Вместе с ним они отправились на Кавказ для исследования минеральных источников. Вначале они прибыли в город Георгиевск, тогдашнюю столицу Кавказской области. После выполнения необходимых формальностей, знакомства Стевена со своим рабочим местом ученые с Мусиным-Пушкиным выехали на минеральные воды. При его содействии ими были обследованы все серные источники в Константиногорске, а также Нарзанный источник на Кислых водах.

После этого Х. Х. Стевен в течение трех лет оставался на Кавказской линии, проводя зиму в Кизляре или Георгиевске, а лето в непрерывных поездках по службе в различных местах Кавказской губернии и на Кавказских минеральных водах, которые в то время начали приобретать всё большую известность и привлекательность из-за своих целебных свойств. Он вёл большую работу по исследованию растительного мира края, поиску наиболее ценных видов растений для шелковичных червей, пренебрегая опасностями, которые подстерегали его на каждом шагу. Как бы там ни было, а на Кавказе шла война. По предгорьям и степям Предкавказья в то время передвигались десятки вооружённых групп, которые в любой момент могли захватить в плен Стевена с тем, чтобы вернуть на свободу за солидный выкуп, превратить в раба или продать в рабство.

В поездках по Северному Кавказу Х. Х. Стевен убедился, насколько был прав Биберштейн в своих рассказах о природе края. Он пришёл к выводу о том, что очень трудно найти такое сочетание богатства растительности, чтобы в течение нескольких дней увидеть от полупустыни, почти лишённой растительности, ковыльной степи, проехав немного попасть в непроходимые широколиственные леса, затем на альпийские луга, переходящие в лишайники и, наконец, в ледники. Стевен замороженно смотрел на бурные горные реки, которые зимой были еле заметными, а летом, особенно в период таяния снега и ледников в горах, превращались в бурные потоки, сметающие всё на своём пути. Он с огромным интересом собирал и формировал гербарии, которые считал бесценными.

15 июня 1803 года состоялось новое назначение Х. Х. Стевена. Как хорошо зарекомендовавшего себя специалиста его назначили на должность помощника главного инспектора по шелководству в Грузии (незадолго перед тем присоединенной к России). Но он не торопился с отъездом с Северного Кавказа, мотивируя это тем, что нужно подготовить к сдаче дела, решить ряд вопросов. Ему не хотелось покинуть здешние места, которые он искренне полюбил и которые ещё мало изучил.

В Тифлис Х. Х. Стевен отправился только в апреле 1804 года. Здесь Христиана Христиановича ждало новое потрясение. Он оказался лицом к лицу с богатейшей растительностью, которая чрезвычайно поразила его своей невиданной красотой и разнообразием. В то же время в научном отношении она почти не была исследованной несмотря на вышедшие труды Турнефорта, Буксбауена, Гмелина и Гюльденштедта, считавшихся знатоками природы Кавказа. Но, как показали исследования Стевена, авторы в основном лишь указывали на богатство закавказской флоры, практически же не исследовав её.

Попав в Закавказье, Х. Х. Стевен с небывалой энергией и пылом истинного ученого отдался изучению растительности края, используя каждую свободную минуту. Он предпринимал частые и сопряжённые с большими трудностями, даже опасностями, поездки во все малодоступные уголки Грузии. Его труды увенчались блестящим успехом. Богатством результатов исследований он оставил далеко позади своих именитых предшественников. Доказательством плодотворности его исследовательской деятельности служили многочисленные печатные труды, помещенные главным образом в изданиях Московского общества испытателей природы. Этим же исследованиям в значительной степени обязан известный научный труд «*Flora Turico-Caucasica*» барона фон Биберштейна, который при его написании не только советовался с Х. Х. Стевенем, но и в значительной мере использовал его научные поиски. В конце 1805 года Х. Х. Стевен отправился в Петербург, где 8 мая 1806 года был утверждён в своей должности и вскоре отбыл обратно на Кавказ.

Вскоре Стевен выехал в Крым к известному учёному Палласу, жившему в то время в Судаке и работавшему над составлением своей «*Zoographia rosso-asiatica*». У него он провел некоторое время, нередко вступая с ним в жаркие научные дискуссии. Общение с всемирно известным учёным сыграло важную роль в дальнейшем становлении Стевена как крупного учёного-естествоиспытателя и исследователя. Затем он поселился вблизи Симферополя, совершая оттуда поездки для обозрения то юго-западных, то юго-восточных губерний.

В 1807 году ему было поручено устройство в Кизляре училища виноделия, что было очень важно для региона, в котором активно развивалось виноградарство и где нужны были отечественные грамотные кадры специалистов, способные заниматься производством конкурентных виноградных вин. В 1810 году «для ознакомления с хозяйственными заведениями жителей» он объехал прибрежные каспийские области, а затем

посетил Тифлис. На зиму Х. Х. Стевен приехал в Петербург, где представил министру внутренних дел свои интересные путевые записки, содержащие преимущественно сельскохозяйственные сведения, которые были напечатаны потом в «Северной почте» за 1811 год под заглавием «Краткая выписка из путешествия Стевена по Кавказскому краю в 1810 году».

В марте 1812 года Стевен, оставаясь в прежней должности, одновременно был назначен директором Никитского сада, устроенного по инициативе герцога Ришелье на южном берегу Крыма, рядом с деревней Никиты, для акклиматизации южных растений. Дело это было для Стевена новое, но захватило его всего. Он со свойственной ему энергией и научным подходом взялся за совершенствование сада, насыщение его новыми видами растений, уделяя особое внимание тем, которые не росли в данной климатической зоне.

Благодаря стараниям Стевена Никитский сад вскоре превратился в прекрасный питомник и ботанический сад, где растения проходили акклиматизационный путь, служивший как бы промежуточным этапом при переходе растений с востока на запад и обратно из Европы в Азию. Труды Х. Х. Стевена по устройству сада были прекрасно описаны академиком П. И. Кеппеном в его труде «Ueber Pflanzen-Acclimatisierung in Russland». Вследствие этого у естествоиспытателей всё больше возрастал интерес к работе, проводимой Х. Х. Стевеном. Одновременно росли не только его популярность, но и признание как крупного учёного-естествоиспытателя. Российская Академия наук, отдавая должное тому, что было сделано Х. Х. Стевеном, как естествоиспытателем, и, оценивая научные заслуги, в 1815 году избрала его своим членом-корреспондентом.

Герцог Ришелье, высоко отзываясь о результатах деятельности Х. Х. Стевена, как крупного естествоиспытателя, обратился к императору Александру I с просьбой выделить для трудолюбивого и творческого ученого в качестве награды 2000 червонцев, что и было сделано. Эта премия дала возможность Стевену предпринять двухлетнее заграничное путешествие с целью изучения и подбора в Европе наиболее высокоурожайных плодовых и других деревьев, пригодных для снабжения ими Никитского сада, а затем распространения на юге России.

В начале 1820 года Стевен отправился в Вену, а позже в Берлин, где много работал в местном ботаническом саду. С разрешения профессора Линка он в своей работе использовал гербарий Вильденова. Затем Х. Х. Стевен посетил учёных Тера и всемирно известного Вильгельма фон Гумбольдта, побывал в Лейпциге, Дрездене, Фрейбурге, Нюрнберге и Мюнхене, где дотошно изучал всё лучшее, накопленное в научном мире. Потом через Инсбрук и Бернские Альпы он отправился в Италию. Посетив там наиболее важные и представлявшие для него интерес места, он возвратился в Швейцарию, где на некоторое время остановился в Женеве. Здесь он сблизился со знаменитым Декандоле, занимавшимся в то время систематизацией семейства крестоцветных. Зимой 1820 года Стевен провёл в Париже, где познакомился с известными учёными Кювье, Дефонтемом и

Вихардом. Где бы ни был Х. Х. Стевен, с кем бы ни общался, он жадно впитывал накопленные знания, новейшие методы исследований, которые затем применял в собственной исследовательской практике. В начале следующего года через Марсель Х. Х. Стевен отправился в Грецию, где хотел изучить местную природу и отобрать новые виды растений для выращивания в Никитском саду с целью их акклиматизации и распространения на юге России. Однако побывать ему там не довелось. В это время в Греции шло восстание греков против османского владычества, которые добивались свободы и независимости своей родины. Поэтому въезд в Грецию был закрыт, и он вынужден был направиться в Константинополь, откуда после краткого пребывания возвратился в Крым.

Поселившись вблизи Симферополя в купленном им домике с большим садом, Стевен в свободное от служебных занятий время занимался приведением в порядок своего гербария и коллекций насекомых, достигших к этому времени весьма значительных размеров благодаря его трудолюбию, скрупулёзности в научных исследованиях и помощи со стороны многих известных ученых, да и просто любителей, желавших помочь ему в его научных изысканиях.

Забываясь о повышении уровня подготовки естествоиспытателей, Х. Х. Стевен в 1825 году одну из своих коллекций насекомых передал Московскому императорскому университету. Материальное благосостояние его к этому времени было неплохим и он пожертвовал университету 12000 рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала были учреждены две стипендии для социально необеспеченных студентов, посвятивших себя изучению естественных наук. Ещё более ценная коллекция насекомых была приобретена у Стевена в 1841 году Министерством государственных имуществ для Горыгорецкого земледельческого училища.

Деятельность Стевена во время пребывания в Крыму была чрезвычайно плодотворной. Его богатые научные изыскания и обширное знакомство с флорой южной части России нашли себе здесь широкое практическое применение. Вся южная Россия обязана Стевену разведением и распространением громадного количества новых и в некоторой степени акклиматизированных растений – лучших сортов плодовых, декоративных и других деревьев, как лиственных, так и хвойных. Достаточно заметить, что на Южном берегу Крыма нет сада, где не произрастал хотя бы один из видов выведенных Стевенем растений.

После смерти в 1826 году барона фон Биберштейна Х. Х. Стевен был назначен на его место главным инспектором шелководства, не успев снять с себя полномочия директора Никитского сада, однако, закрепив за собой главный надзор за этим учреждением. Забот у него добавилось. Почти все время Стевена уходило на служебные разъезды, так как подведомственный ему район простирался от Дуная до Волги и Каспийского моря. Но он добросовестно исполнял возложенные на него обязанности.

Х. Х. Стевен часто встречался и довольно близко сошёлся с одним из крупнейших знатоков шелководства в России ставропольским помещиком

Ребровым, который творчески подходил к вопросам сельского хозяйства и на практике доказывал, что эффективно вести хозяйство можно в любых условиях. Главное творчески подходить к делу, умело внедрять всё лучшее, что выработано наукой и практикой. У Реброва Х. Х. Стевен многому научился, но и сам ему во многом помог. Он бывал в его имении Владимировке, расположенном в засушливой степи, которое Ребров превратил в настоящий оазис, создав оросительную систему, культивируя лучшие сорта растений, активно развивая шелководство и широко пропагандируя его. В этом со Стевеном они были единомышленниками. В 30-е годы ребровский шёлк хорошо знали и ценили в Лондоне и Париже. Он неоднократно удостоивался почётных российских и международных наград. Х. Х. Стевен горячо поддержал идею Реброва о создании школы практического шелководства. В итоге такая школа была открыта в городе Ставрополе.

Научные заслуги Х. Х. Стевена находили всё более широкое признание и получали должную оценку. В 1839 году он был избран почетным членом Кавказского общества сельского хозяйства. В 1840 году по случаю 200-летнего юбилея Финляндского университета Стевен был удостоен звания доктора философии.

После учреждения Министерства государственных имуществ, которое призвано было заниматься управлением государственными крестьянами, работавший ранее инспектором сельского хозяйства южной России Спенсер перешёл на другую работу. Когда встал вопрос о кандидате на эту должность, то в 1841 году занять её было предложено Х. Х. Стевену. Он с удовольствием принял данное предложение, исходя из того, что это даст ему возможность более предметно реализовать свои задумки, на практике проверить выработанные им теоретические положения. Эту должность он занимал в течение 10 лет и многое сделал для развития сельского хозяйства на юге России, в том числе и на Ставрополье, которое в основном было населено государственными крестьянами и требовало с его стороны к себе повышенного внимания.

К работе Х. Х. Стевен, как всегда, относился творчески, с чувством большой ответственности, чем и заслужил всеобщее уважение и признательность. Причём он не только занимался теоретическими вопросами сельского хозяйства, но и глубоко вникал в практические дела. Он часто бывал в хозяйствах крестьян, на полях, где изучал внедрение передовых методов культуры земледелия, использование наиболее урожайных сортов сельскохозяйственных культур, разведение новых пород скота, давал земледельцам и животноводам свои рекомендации.

По случаю 50-летия трудовой и научной деятельности Х. Х. Стевена Императорская Академия наук, членом-корреспондентом которой он состоял с 1815 года, в октябре 1849 года избрала его своим почетным членом. То же сделали Киевский, Дерптский, Казанский и Гельсингфорский университеты, Московское общество испытателей природы, Финляндское общество наук и Штетинское энтомологическое общество. В свою очередь ученый комитет

Министерства государственных имуществ наградил Стевена золотой медалью.

Но годы всё больше давали о себе знать. И вскоре после юбилея Х. Х. Стевен вынужден был выйти в отставку в связи с ухудшением состояния здоровья. Он продолжал жить на своей даче вблизи Симферополя, посвящая себя исключительно любимому делу – научной деятельности естествоиспытателя. Все известные ученые России и Западной Европы, путешествовавшие по Крыму, всегда стремились посетить Х. Х. Стевена для того, чтобы пообщаться с ним, обсудить важнейшие научные проблемы биологии, сельского хозяйства, перспективы их развития. Х. Х. Стевен был рад таким приездам, поскольку это не только давало ему возможность общения с учёными, но и быть в курсе последних научных достижений, часто получая информацию из первых рук. Гости здесь всегда находили самый радушный прием и всяческое содействие в решении тех или иных вопросов. В ходе таких встреч происходило взаимообогащение, разрешение многих проблем, рождение новых идей.

Заботясь о сохранности результатов своего научного труда, Х. Х. Стевен незадолго до своей смерти в 1860 году подарил Александровскому университету в Гельсингфорсе свой богатейший гербарий, включавший около 2500 видов растений. Для принятия этого гербария осенью 1860 года в Крым специально прибыл известный естествоиспытатель профессор Нодман. Чтобы его огромная библиотека, которую он собирал всю жизнь, сохранилась в целости, Х. Х. Стевен завещал её Александровскому университету в Гельсингфорсе и Ришельевскому лицей в Одессе.

Умер Х. Х. Стевен в Симферополе в ночь с 17 на 18 апреля 1863 года, прожив продолжительную и плодотворную жизнь.

Обладая огромной работоспособностью, он почти за шесть десятилетий своей научной деятельности написал и опубликовал огромное количество работ по ботанике, энтомологии, шелководству, виноделию и другим отраслям сельского хозяйства. Наиболее важные из них в научном отношении были помещены в изданиях авторитетного в то время в научных кругах Московского общества испытателей природы. Его работы стали настольными книгами для многих известных учёных, на которых они учились и которые помогали им в решении сложных научных проблем. Труды Х. Х. Стевена с годами не потеряли своей научной ценности и в настоящее время представляют большую познавательную значимость.

Е. Затона, студентка медико-биолого-химического факультета СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Стевен Х. Х.* Наставление по шелководству. – 2-е изд. – СПб., 1848. – 58 с.
Стевен Х. Х. Краткая выписка из путешествия по Кавказскому краю в 1810 г. // Санкт-Петербургская газета или Северная почта. – 1811. – № 59-62, 64-66.
Стевен Х. Х. Краткое описание Императорского Никитского сада // Украинский журнал. – 1824. – № 15. – С. 141-155.

- Стевен Х. Х.** Краткое наставление о разведении плодовых деревьев в полуденной России. – 3-е изд.– СПб., 1850. – 150 с.
- Стевен Х. Х.** Обзорение успехов шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях России в 1833 г. // Журн. Мин-ва внутр. дел. – 1834. – Ч. 11. – № 2; То же: Отеч. записки. – 1839. – Т. 4. – Отд. 5.
- Стевен Х. Х.** Взгляд на историю новейшего сельского хозяйства, как пример общепользней науки // Записки о-ва сельского хозяйства Южной России. – 1862. – Июнь. – С. 315.
- Станков С. С.** Христиан Христианович Стевен, (1781-1863). – М.: Знание, 1940. – 45 с.
- Стевен Х. Х.** [Некролог] // Записки Кавказ. о-ва сельского хозяйства. – 1863. – № 1. – Отд. 3. – С. 18-24.
- Геннади.** Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1863 г. // Рус. архив. – 1865. – № 1. – С. 1386.
- Гуревич П.** Стевен Христиан Христианович // Рус. биограф. словарь. Т.: Смелевский – Суворина. – СПб., 1909. – С. 365-370.
- Коржинский С.** Стевен Христиан Христианович, известный ботаник // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. – М., 1991. – Т. 62. – С. 550. – (Репринт. воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза, И. Е. Ефрона, 1890 г.).
- Стевен Христиан Христианович** // БСЭ. – М., 1976. – Т. 24. – С. 469-470.
- Стевен Христиан Христианович** // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. – М., 1959. – Т. 2. – С. 539.
- Стевен Н. А.** Путешествие Христиана Стевена: [К биографии ученого-ботаника] / Публ. К. А. Тетеревенковой // Бюл. Никитского ботан. сада. – 1981. – Вып. 1. – С. 10-15.
- Галушко Р. В.** Древесные породы времен Х. Х. Стевена // Бюл. Никитского ботан. сада. – 1981. – Вып. 1. – С. 79-80.
- Калуцкий К. К.** Основатель Никитского ботанического сада: К 200-летию со дня рождения Христиана Стевена (1781-1863) // Лес и человек – 1981: Ежегодник. – М., 1980. – С. 66-67, ил.
- Кочкин М. А.,** Кольцов В. Ф. Никитский ботанический сад: К 190-летию со дня рождения Х. Х. Стевена, 1781-1863 // Лесной календарь на 1971 г.: Знаменат. и памят. даты. – М., 1970. – С. 10-11, портр.
- Куликов Г. В.** Роль Х. Х. Стевена в интродукции вечнозеленых лиственных растений на юге СССР Стевена // Бюл. Никитского ботан. сада. – 1981. – Вып. 1. – С. 81-83.
- Рубцов Н. И.** Вклад Х. Х. Стевена в познание флоры Крыма: [К 190-летию со дня рождения первого директора Никитского ботанического сада, 1781-1863] // Бюл. Никитского ботан. сада. – 1972. – Вып. 2. – С. 19-24.
- Рубцов Н. И.,** Крюкова И. В. Х. Х. Стевен – основатель Никитского ботанического сада: К 200-летию со дня рождения (1781-1863) // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. – 1982. – Т. 87, отд. биол. – Вып. 2. – С. 126-131. – Библиогр.: с. 130-131.
- Шхиян А. С.** Маршруты Стевена по Кавказу // Вестник Грузинского ботан. о-ва. – 1967. – № 2. – С. 101-105.
- Таиров В.** Библиографический указатель книг, брошюр и журнальных статей по винограду и садоводству, напечатанных с 1755 по 1890 гг. – СПб., 1891. – 135 с.

*«И В СЕЧЕ, С ДЕРЗОСТНЫМ ЧЕЛОМ,
ЯВИЛСЯ ПЫЛКИЙ ЦИЦИАНОВ...»
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
ПАВЛА ДМИТРИЕВИЧА ЦИЦИАНОВА)*

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.*

А. С. Пушкин

История сохранила для потомков имена многих военачальников, государственных и общественных деятелей, внесших немалый вклад в упрочение государства Российского, укрепление его державной мощи и международного влияния. На пороге XXI века эти проблемы, как и несколько столетий назад, имеют особую актуальность. Обеспечение единства и территориальной целостности страны, надежная защита ее границ – это вопрос существования и будущего народов России и самого государства. События последних десятилетий на Северном Кавказе побуждают политиков и ученых еще и еще раз обращаться к изучению и анализу начальных шагов в укреплении позиций России на Кавказе, становлению русско-северокавказских связей.

Зарождение Кавказских Минеральных Вод как российского курортного региона напрямую связано с реализацией стратегических целей России на Кавказе в XVIII–XIX веках. Особый интерес в этом плане представляет личность талантливого военачальника, политика и администратора князя Павла Дмитриевича Цицианова. В 2006 году исполняется 200 лет со дня гибели этого выдающегося государственного деятеля, стоявшего у истоков возникновения прославленного российского курорта.

Военно-политическая деятельность П. Д. Цицианова на Кавказе в начале XIX века вызывала неоднозначные оценки, как у современников генерала, так и у исследователей более позднего периода.

Вспомним известные пушкинские строки из поэмы «Кавказский пленник» (1820-1821):

*И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,*

Явился пылкий Цицианов...

В учебнике «История СССР. Том II. Россия в XIX веке», изданном в 1949 году под редакцией профессора М. В. Нечкиной, в соответствии с господствовавшей тогда в советской исторической науке концепцией академика М. Н. Покровского «о колониальной политике царизма на Кавказе» утверждалось, что «князь Цицианов – грузин по национальности – всецело предан царизму, стал его вернейшим сатрапом и осуществлял в Закавказье завоевательно-колониальную политику». Приведем также и строки из «Письма трудящихся Грузии товарищу Сталину» (того же времени):

И сатрап царя-тирана,
чтоб сжигать и вешать нас,
Цицианов, князь грузинский
шел с войсками на Кавказ.

Обратимся к некоторым событиям в жизни этого выдающегося государственного деятеля России. Но прежде – о геополитической ситуации на Кавказе в конце XVIII – начале XIX веков. Этот период в отечественной истории ознаменовался завершением долгого и противоречивого процесса добровольного, в своей основе, вхождения народов Северного Кавказа и Закавказья в состав России. Походы персидских, турецких и крымских завоевателей и феодально-племенные междоусобицы подвергли местное население чудовищным бедствиям и грабежам, истощали генофонд и производительные силы народов Кавказа. Постоянные нашествия и набеги жестоких поработителей в течение многих столетий влекли за собой захват и угон в рабство пленных, истребление местных жителей, разорение древних городов, уничтожение самобытной культуры, родного языка и религиозных верований. Насилие и произвол, отсутствие элементарной безопасности на обширных территориях Северного Кавказа и Закавказья – все это делало невозможным постоянную оседлую земледельческую жизнь и заселение столь огромных пространств, становление государственности проживающих здесь народов, развитие торговли, ремесла и культуры, основание сел и городов.

Борьба против шахской Персии, султанской Турции и находившегося от нее в вассальной зависимости Крымского ханства, стоявших, как отмечал Ф. Энгельс, на весьма «низкой» и «варварской» ступени развития, заставляла народы и многих феодальных владетелей и монарших особ Кавказа искать покровительства России. Целеустремленная политика Екатерины II и ее сподвижников способствовала тому, что уже в 70-е – 90-е годы XVIII столетия Россия прочно утвердилась в Северном Причерноморье и Предкавказье.

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, заключенному 10 июля 1774 года после поражения Турции в русско-турецкой войне (1768-

1774), жители Большой и Малой Кабарды признавались подданными Российской Империи. Этим актом завершилось юридическое оформление присоединения Северного Кавказа к России. Уже 9 декабря 1779 года кабардинцы были приведены к присяге российскому престолу.

Вскоре после присоединения новых земель к Российской Империи, в 1775 году, царским указом было образовано Новороссийское наместничество, охватывавшее весь юг России, от Волги на востоке и Днепра на западе и до побережий Черного и Каспийского морей на юге. Первым Новороссийским наместником стал светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. 24 апреля 1777 года Екатерина II одобрила его предложения о сооружении Азово-Моздокской укрепленной линии протяженностью около 500 верст. В том же году на ней было заложено 9 крепостей (и других оборонительных сооружений – полевых редутов, пикетов и т. д.): Екатериноградская, Марьинская, Павловская, Георгиевская, Александровская, Донская, Московская, Ставропольская и Северная. Укрепления на Линии сооружались солдатами и казаками под начальством генералов И. И. Германа, И. В. Якоби и И. В. Гудовича. В 1780 году по ходатайству астраханского губернатора Якоби на берегу реки Подкумок (в районе нынешнего Пятигорска) была построена Константиногорская крепость, которая обеспечила безопасные условия для пользования горячими целебными водами Машука.

24 июля 1783 года в Георгиевске был подписан трактат о переходе Восточной Грузии (Карталино-Кахетинского царства) под протекторат России. В том же году для связи с Грузией началось строительство Военно-Грузинской дороги через горные перевалы Кавказа.

24 января 1784 года царь Кахетии Ираклий II, а вместе с ним и весь грузинский народ приняли присягу на подданство России. В 1783 году была устранена постоянная, на протяжении нескольких столетий, угроза вторжений на русские земли – Крымское ханство упразднено, а Крым присоединен к России.

Имея огромную территорию на Северном Кавказе русское правительство решило оформить ее присоединение к Империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества. Соответствующий указ Екатериной II был подписан 5 мая 1785 года, а торжественное открытие наместничества состоялось 16 января 1786 года в г. Екатеринограде, центре нового наместничества. Кавказское наместничество было образовано в составе двух областей: Кавказской и Астраханской. Первым Кавказским наместником был назначен генерал Павел Сергеевич Потемкин.

Недовольная укреплением позиций России на Кавказе Османская империя начала новую войну против России. Помимо основных театров военных действий (дунайского и причерноморского) Турция через своих агентов вела враждебную пропаганду среди горских народов, подстрекая их к вооруженным выступлениям и отпадению от России (в частности, в Чечне вспыхнуло восстание под предводительством Ушурмы). Однако эти попытки развязать в тылу русских войск еще один театр военных действий успеха не

имели. Даже вторжение 40-тысячного корпуса турецкого сераскира Батал-паши осенью 1791 года в верховья Кубани. Потерпев поражение в войне, Турция пошла на заключение 29 декабря 1791 года Ясского мира, который подтвердил основные положения Кючук-Кайнарджийского трактата.

В конце XVIII – начале XIX веков в кавказские дела пытались вмешиваться крупнейшие европейские державы – Англия и Франция. В своих экспансионистских целях они поддерживали завоевательные планы Ирана и Османской империи в отношении Кавказа, что серьезно осложняло положение как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Так, в 1795 году шах Ирана Ага Мохаммед-хан предпринял вторжение в Грузию, подвергнув страну опустошительному разорению.

Однако, после военных поражений Иран и Турция вынуждены были смириться (хотя и ненадолго) с вхождением большей части Закавказья и Северного Кавказа в состав России и по мирным договорам признать их частью Российской Империи. Несмотря на то, что ориентация феодальных властителей Северного Кавказа на Россию не раз менялась, освоение Предкавказья и возвышение военно-политической мощи России побудило их в конце XVIII – начале XIX веков новыми присягами и договорами подтвердить свое вхождение в состав Империи при сохранении в основном собственных внутренних порядков. Постепенное распространение территории Российской Империи на юг, оседлое заселение и освоение этих просторов имело огромное позитивное значение, как в судьбах народов Кавказа, так и в процессе укрепления геополитических позиций России в этом регионе.

Присоединение к России обеспечивало народам Кавказа внешнюю безопасность от турецких и иранских поработителей, спасало их от насильственной ассимиляции и физического истребления, прекращало внутренние кровавые и разорительные междоусобицы, открывало единственно возможный в тех конкретно-исторических условиях путь для хозяйственного и культурного развития местных народов.

Уже в начале XIX века произошло еще одно важное событие в российско-кавказских взаимоотношениях. В декабре 1800 года умер престарелый грузинский царь из династии Багратидов Георгий XII. Но еще до его смерти между наследниками развернулась ожесточенная борьба за престол. Командующий на Кавказе генерал-лейтенант К. Ф. Кнорринг и командир русского экспедиционного корпуса в Грузии генерал-майор И. П. Лазарев регулярно докладывали в столицу о ситуации в Грузии.

Возможность междоусобных распрей в борьбе за престол, и, как следствие, полный развал Грузинского царства серьезно беспокоила правительство. Стремясь не допустить распада Грузии и поглощения ее лезгинскими, аварскими и персидскими завоевателями Павел I 18 января 1801 года опубликовал «Манифест о присоединении Грузии к России». Позже, 12 сентября 1801 года, новый император Александр I подписал манифест о присоединении Грузии и прекращении династии Багратидов. Этим же манифестом был определен и порядок управления Грузией, по

которому вся власть сосредотачивалась в руках главнокомандующего на Кавказе, штаб-квартира которого располагалась в Тифлисе.

15 ноября 1802 года была образована Кавказская губерния с центром в г. Георгиевске.

Таково было положение на Кавказе, когда 1 сентября 1802 года указом Александра I главнокомандующим в Грузии и астраханским военным губернатором был назначен генерал-лейтенант князь П. Д. Цицианов. Отныне на его плечи легла ответственность за реализацию стратегических целей России на Кавказе.

Павел Дмитриевич Цицианов происходил из древнего грузинского рода, ставшего княжеским еще в XII веке при царице Тамаре. Его предки были мужественными полководцами и нередко рождались с царскими домами. Двоюродная сестра П. Д. Цицианова, Мария Георгиевна, была последней грузинской царицей, супругой царя Георгия XII. Прадед Павла Дмитриевича, Паати Евсеевич Цицианов (Цицишвили), в 1725 году вместе с царем Кахетии и Карталинии Вахтангом выехал в Россию, где принял русское подданство. Его отец, князь Дмитрий Павлович Цицианов (1722-1790) – ученый, геодезист. В 1757 году в Петербурге вышло его солидное (для того времени) академическое издание «Краткое математическое изъяснение землемерия межевого». У князя было 6 сыновей, и второй из них, Павел Дмитриевич, родился в Москве 8 (19) сентября 1754 года.

Еще в детстве он был записан бомбардиром лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1777 году произведен в капитан-поручики того же полка.

П. Д. Цицианов получил хорошее образование. Он изучил несколько языков, написал учебник по математике для военных учебных заведений, занимался стихотворными переводами и сам сочинял стихи.

12 февраля 1786 года Цицианов был произведен в полковники и назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, с которым участвовал в русско-турецкой войне 1787-1791 годов под командованием фельдмаршала П. А. Румянцева. Полк Цицианова отличился в сражении 2 июля 1788 года под Хотиным, а в первой половине сентября того же года участвовал в поражении верховного визиря Порты Гассан-паши. Заслуги П. Д. Цицианова были отмечены главнокомандующим, и 2 сентября 1790 года он был произведен Екатериной II в генерал-майоры. Гренадерский полк под командованием Цицианова участвовал в польской кампании 1794 года и был отмечен А. В. Суворовым. Тогда же он был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 3-й степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость». Несколько позже в среде русских офицеров появилось почетное прозвище – «настоящий кавказец» (окончательно его утвердил М. Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени»). И у истоков формирования образа и духа настоящего кавказского воина стоял генерал Цицианов.

В 1796 году, сохраняя должность шефа Санкт-Петербургского гренадерского полка, князь П. Д. Цицианов участвовал в Персидском походе графа Зубова и стал комендантом Бакинской крепости.

Большой опыт участия в военных экспедициях, в том числе и на Кавказе, полководческий талант, широкая образованность и организаторские способности и явились причиной назначения П. Д. Цицианова осенью 1802 года главнокомандующим на Кавказе. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что для обеспечения обороны Грузии требовался не просто генерал, а человек, хорошо знающий жизнь, язык и традиции грузинского и других народов Кавказа. Для осуществления возложенных на него неограниченных полномочий П. Д. Цицианову необходимо было решить, причем незамедлительно, довольно сложные проблемы: организацию военно-штабной структуры российских войск на Кавказе; становление гражданских органов управления в Грузии, Кабарде и Дагестане; обустройство Кавказской оборонительной линии; замирение беспокойных обществ в Грузии, Армении и Азербайджане; продвижение и укрепление российских границ в Закавказье. Павел Дмитриевич полностью оправдал возложенные на него надежды.

Для нас особый интерес представляет деятельность князя П. Д. Цицианова по организации курортов Кавказских Минеральных Вод.

Еще в 90-е годы XVIII века российское правительство предприняло ряд энергичных мер для научного исследования источников на Кавказских Минеральных Водах. Осенью 1793 года по заданию Академии наук здесь побывал путешественник и натуралист академик Петр Симон Паллас, который сделал первое научное описание источника Нарзан. Его доклад с большим интересом был встречен в Петербургской Академии наук и в Медицинской коллегии Министерства внутренних дел. 15 декабря 1797 года инспектор Астраханской врачебной управы П. И. Шателович представил в Медицинскую коллегию свои соображения по поводу использования Нарзана в курортных целях. Об этом было доложено императору Павлу I, и уже 8 марта 1798 года коллегия предписала Астраханской врачебной управе представить предложения относительно устройства укрепления и госпиталя у Кислого колодца. Находящемуся в крепости Св. Георгия аптекарю Гернеру и штаб-лекарю Левенцу было поручено произвести исследования источника Нарзан, которые в конце 1798 года представили в Медицинскую коллегию обстоятельный доклад «О свойствах кисловатой воды холодного минерального источника... с объяснением произведенных химических испытаний».

Результатом донесения явилось распоряжение Медицинской коллегии о введении вод в общее употребление больными в войсках, расположенных на Кавказской линии. Ежегодно под присмотром врачей в летние месяцы они отправлялись к источникам. В 1801 году исследования Нарзана были проведены химиком Симсеном, а в 1802 году – штаб-лекарями Гординским и Крушневичем и аптекарем Швенсоном. В своем докладе в Медицинскую

коллегию они высказались за необходимость устройства различных приспособлений для применения минеральных вод и назначения двух постоянных врачей для наблюдения за пользующимися ими.

Таким образом, командование Кавказской линии и Медицинская коллегия Министерства внутренних дел к концу 1802 года располагали обширными и обоснованными предложениями об использовании минеральных вод Пятигорья и об организации здесь курортного дела.

Центром Кавказской губернии в 1802 году стала крепость Св. Георгия, куда тогда же были переведены из Екатеринограда присутственные места, т. е. губернские учреждения. Прибыв в Георгиевск 6 декабря 1802 года, Павел Дмитриевич немедленно занялся обустройством Кавказской линии и установлением дружеских отношений с народами, соседствующими с Грузией.

4 января 1803 года главнокомандующий на Кавказе и в Грузии, астраханский военный губернатор князь П. Д. Цицианов докладывал императору Александру I: «В 30 верстах от Константиногорской крепости, за чертой кордона Кавказской линии, есть колодец кислой воды, приносящей очевидную пользу больным ее употребляющим; и как по целебному действию ее многие благородные семьи из всей Империи приезжают сюда во время лета пользоваться сим даром природы... то я, сделав проект к построению близ одного колодца укрепления, столь нужного для безопасности больных и для прикрытия зданий, кои ... возвести потребно, — осмеливаюсь поднести его на Всевысочайшее благоусмотрение...» Составление проекта укрепления при Кислых водах высочайшим повелением от 11 февраля того же года было поручено генерал-квартирмейстеру Главного штаба П. К. ван Сухтелену, который уже 28 февраля докладывал министру внутренних дел графу В. П. Кочубею о плане строительства Кисловодской крепости: «...касательно доставленного от астраханского военного губернатора кн. Цицианова плана и донесения о построении на Кавказской линии укрепления, для обеспечения, приезжающих к кислому колодцу для лечения больных, честь имею донести, что местоположение, избранное кн. Цициановым при поминаемом кислому колодце, совершенно соответствует предполагаемому намерению... я полагаю обнести укрепление рвом и для лучшего препятствования форсировать оное, одеть крутости камнем...; в углах делаю барбетты для пушек. Полагаю, что в одно лето укрепление сие без чувствительных казне издержек солдатами построено быть может».

7 марта 1803 года Александр I издал рескрипт князю П. Д. Цицианову о строительстве укреплений при Кислых колодцах: «Получа, в свое время, донесение ваше и план о укреплении места, где находятся у Кавказских гор кислые воды, я поручал генерал-квартирмейстеру ван-Сухтелену рассмотреть план сей и сделать по оному свое соображение. Генерал ван-Сухтелен, представил мне оное вместе с планом, им проектированным, я их при сем препровождаю, желая, чтобы вы привели в действие укрепление сие, употребив на то воинских служителей. Само по себе, впрочем, разумеется,

что не будет нужды следовать в точности плану, отселе доставленному, если по местному усмотрению представятся в том какие неудобства». Так было принято историческое решение о сооружении Кисловодской крепости, давшей начало знаменитому российскому курорту.

24 апреля 1803 года князю П. Д. Цицианову поступило новое высочайшее повеление: «... ныне же поручаю вам приступить к устройению и всех тех заведений, кои для удобства врачевания и для выгод больных в обоих местах (т. е. при Горячих и Кислых водах. – *И. Л.*) предназначающихся нужными. Сделав надлежащие к тому местные соображения и составив смету работ, вы доставите ко мне исчисление потребной на то суммы для назначения отпуска ее из казначейства... От Медицинской коллегии вслед за сим определен будет туда один из искуснейших врачей и помощник... Мысль о поселении вблизи сих вод линейных казаков отдаю я... на соображение ваше.

Выгоды сего предположения очевидны; но произвести его в действие... зависит от усмотрения местных удобностей, какие вы ближе и лучше определить можете и о коих в свое время я буду ожидать от вас донесения». Этот указ Александра I определил дальнейшую судьбу Кавказских Минеральных Вод. За ними было признано государственное значение: больные должны были охраняться войсками и казаками, а лечение вестись под наблюдением официально назначаемого врача (первым врачом был Г. И. Сухарев, профессор акушерства и судебной медицины Санкт-Петербургской медико-хирургической академии). Тогда же было начато устройство ванн и питьевых бюветов. В ежегодных отчетах Министерства внутренних дел, представляемых императору, указывается количество больных на Водах и результаты их лечения.

И у истоков организации курортного дела на Кавказских Минеральных Водах стоял тогдашний начальник на Кавказе Павел Дмитриевич Цицианов. Здесь следует подчеркнуть, что во исполнение указаний царя князь регулярно докладывал Александру I о ходе строительства укрепления при Кислых водах. Так, 24 апреля 1803 года он доносил императору: «...предписал я инженер генерал-майору Брюзгину к построению укрепления командировать искусного и расторопного инженерного офицера с тем, чтобы он, не следуя в точности плану, составленному генерал-квартирмейстером ван-Сухтеленем, по местному усмотрению и сделал новый, какое по позволению местоположения построить следует укрепление, представил бы поспешнее, представив между тем к строению вала...

Поелику же в мае месяце начнут съезжаться на Кислые колодцы разные особы, да и больных нижних чинов нужно будет туда отправить, то предполагаю ... построить на первый случай плетневые с глиняной обмазкой (т. е. турлучные. – *И. Л.*) домики для защищения людей от зноя и дождей. К прочному же устройению жилищ в том укрепении приказал приступить со стороны инженерной, но тогда уже, когда все с Кислых вод разъедутся, и чтоб работа всего непременно была кончена к будущей зиме, дабы рота, назначенная в оное укрепление ... не имела нужды в зимовых квартирах. К

производству же работ приказал я употребить людей 16-го егерского полка ... и возложу все оное на генерал-майора Лихачева». В свою очередь, командир 16-го егерского полка, дислоцировавшегося в Константиногорской крепости, генерал-майор П. Г. Лихачев и инженер штаба Кавказской линии генерал-майор И. И. Брюзгин еженедельно, а иногда чаще, докладывали в Тифлис князю П. Д. Цицианову о ходе строительства Кисловодской крепости, которое было начато 13 (25) июня 1803 года (поэтому эта дата и считается днем основания Кисловодска). Строили крепость солдаты 16-го егерского полка (6 рот, числом около 800 человек), и уже 10 (20) октября того же года генерал-майор П. Г. Лихачев докладывал П. Д. Цицианову о том, что «Кисловодское укрепление и близ оногo редут (имеется в виду пост на Каза-чьей горке. – *И. Л.*) земляною работаю во всех частях кончены, а теперь и план оному укреплению с редутом; также и ведомость о приходе и расходе денежной казны и материалов, да ведомость же о производимой над некоторым недоконченным еще цивильным строением ... работе». 13 ноября 1803 года князь П. Д. Цицианов доложил императору о завершении строительства укрепления при Кислых водах.

Крепость была сооружена на возвышенности в 200-х саженьях от Кислого колодца (на расстоянии пушечного выстрела) над речкой Ольховкой. Она имела форму неправильной пятиугольной звезды – штерншанса (традиционной формы фортификационных сооружений). Внутри крепости были устроены обер-офицерские дома, солдатские казармы, помещения для артиллеристов, провиантские склады, пороховые погреба, гауптвахта, дома для отдыхающих. Крепость была окружена каменной стеной с бойницами и угловыми башнями, земляным валом и глубоким рвом. В 1812-1818 годах строения крепости подвергались перестройке, тогда же появились первые каменные сооружения.

Кисловодская крепость в инженерном отношении была глубоко продуманным сооружением, позволяющим отразить нападение численно превосходящего противника. Пикеты, устроенные на близлежащих возвышенностях, казачьи дозоры и секреты были своеобразными «глазами» крепости, они позволяли своевременно заметить приближение противника, принять необходимые меры защиты от нападающих. К тому же крепость занимала очень выгодное место в системе укреплений Кавказской линии, так как все ведущие из Кабарды в сторону Кубани дороги соединялись близ ее стен.

В 20-х годах XIX века по указанию командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова (1816-1827) крепость подверглась основательной реконструкции. Тогда же у ее стен возникло поселение – форштадт, получившее название Солдатская слобода, а позже – Кисловодская слобода. Здесь селились семейные солдаты крепости, которые и дали начало постоянному населению будущего города Кисловодска. Еще одна перестройка крепости была произведена в 1851-1856 годах по проекту талантливого зодчего С. И. Уптона (1812-1874). Постановлением правительства Российской Федерации № 1327 от 30 сентября 1960 года

Кисловодская крепость получила статус памятника истории и архитектуры федерального значения. Таким образом, крепость у Кислого колодца – памятник основания Кисловодска – явилась и памятником «орлу» Кавказа князю Цицианову, заботой и вниманием которого она была заложена 200 лет тому назад.

В поэме кисловодского поэта Виктора Дуброва «Кисловодская долина» есть такие строки:

Кисловодская долина,
Горы, словно кружева,
И Эльбруса-исполина
В белой дымке голова...
У целебного нарзана
Пробуждали жизни новь
Князь грузинский Цицианов
И Ермолов, и Ребров...
И со всех концов России
В благодатный южный край
Экипажи устремились
В Богом посланный им рай.

К сожалению, даже в период подготовки к празднованию 200-летия Кисловодска и Кавминвод увековечению столь памятного события не было уделено никакого внимания. Было бы целесообразно установить мемориальную доску на стенах Кисловодской крепости в память о князе Цицианове, одну из улиц Кисловодска назвать его именем, а в Курортном парке установить бюст основателя города. Полагаем, что это будет положительно встречено общественностью и властями Кисловодска в целях сохранения и пропаганды нашего историко-курортного наследия.

Недолго, всего три с половиной года, пробыл начальником Кавказского края П. Д. Цицианов, но вклад его в укрепление позиций России на южных рубежах государства огромен. Важно отметить подход Павла Дмитриевича к реализации стратегических целей России на Кавказе – не покорение и завоевание проживающих здесь народов, а замирение и присоединение их к великому северному соседу, внимание и уважение к условиям их проживания и традициям. Так, 26 марта 1805 года пристав кабардинского народа генерал-майор И. П. Дельпоццо просил князя Цицианова ограничить пастбищные места для военных команд, находящихся в Кисловодском укреплении, «далее которых не могли бы они выпускать коней и тем, по мнению кабардинцев, делать для них притеснения». Для недопущения ущемления интересов и традиционных занятий местного населения князь Цицианов предписал командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Григорию Ивановичу Глазенапу (1751-1819) «отрядить в Кисловодское укрепление надежного инженерного офицера для отводу командам, находящимся в том укреплении, потребного в окружности

количества пастбищных мест, далее которых наистрожайше запретить выпускать свои табуны. Остальное же пространство земли предоставить для продовольствия скота кабардинцам; в каком случае малейшая обида и притеснение им со стороны нашей, явно доказанная, будет оставаться на отчете начальника укрепления, которому ... не оставьте строго о том подтвердить».

П. Д. Цицианов, несмотря на то, что повсеместно на Кавказе то и дело вспыхивали восстания и вооруженные междоусобицы, большое значение придавал дипломатическим контактам с местными феодальными властителями. При его непосредственном участии было заключено много мирных договоров с горцами, в результате чего значительно уменьшились их набеги на русские крепости и казачьи станицы на Северном Кавказе. Он решительно отказался от бытовавшей тогда практики (сложившейся еще при И. В. Гудовиче и К. Ф. Кнорринге) дачи подарков горским старшинам и князьям. Они охотно принимали их, но на другой день либо сами участвовали в набегах на русские поселения, либо давали добро на то соплеменникам.

По инициативе князя Цицианова была построена новая дорога из Грузии через Екатериноград и Малую Кабарду по берегам рек Малки и Терека, учреждено почтовое сообщение по Военно-Грузинской дороге, открыты первые гимназии в Тифлисе. Тогда же стали приглашать в Грузию учителей русского языка, открывать там библиотеки, выписывать книги и газеты. Благодаря такому вниманию главнокомандующего Тифлис, как его резиденция, стал в начале XIX века не только административным, но и культурным центром всего Кавказа, уникальным очагом распространения русской культуры среди народов Северного Кавказа и Закавказья.

Будучи воспитанником суворовской школы, смелым и мужественным полководцем, П. Д. Цицианов ценил и берег солдат и офицеров, заботился о них, уделял большое внимание укреплению боевого духа кавказского воина. Вот такой факт. В начале 1801 года полковник И. П. Дельпоццо, командир одного из кавказских полков, в ходе боевых действий по покорению мятежной Чечни был захвачен в плен чеченцами, где и пробыл около года. Вызволен он был оттуда усилиями генерала Цицианова. Впоследствии, в 1803-1814 годах, И. П. Дельпоццо был приставом Кабарды, а в 1814-1819 годах – командующим войсками Кавказской линии.

Укрепление позиций России на Кавказе происходило в постоянной борьбе с экспансионистскими устремлениями шахской Персии и султанской Турции, использовавших для реализации своих замыслов местные народы (идеологическая, материальная и вооруженная поддержка их сепаратистских выступлений). Но главное, что было поручено императором Александром I князю П. Д. Цицианову – обеспечить надежный выход России к Черному и Каспийскому морям (эта стратегическая задача Империи была обозначена еще Петром I).

Для ее выполнения главнокомандующий предпринял ряд успешно проведенных экспедиций в Дагестане и Закавказье. Так, первые свои удары он направил против Джаро-Белоканского союза «вольных обществ». Захват их был важен по стратегическим соображениям – именно через эти земли шел путь из Восточной Грузии в Дагестан и Чечню.

Вскоре в состав Российской Империи вошли новые земли – Мегрелия, Имеретия, Гурия и порт Поты (в Западной Грузии). Владетели ханств Северного Азербайджана, почувствовав силу русского правления, приняли присягу на верность России и стали предоставлять свои отряды главнокомандующему для военных операций против персидских войск.

Но шах Ирана Фет Али-хан не мог примириться с утратой своего влияния в Закавказье. Вначале он попытался натравить горцев на назначенную тогда российскую администрацию. Так, весной 1804 года вспыхнуло (подстрекаемое шахскими эмиссарами) восстание в горной области Восточной Грузии, в верховьях реки Арагвы. Для наведения порядка на Военно-Грузинской дороге (восставшие овладели здесь многими пунктами, уничтожили мосты на ней, захватили перевал через Главный хребет, в результате чего было прервано сообщение Северного Кавказа с Грузией) князь Цицианов в октябре 1804 года предпринял экспедицию в горную Грузию. Восстание было подавлено, а сообщение по Военно-Грузинской дороге восстановлено.

Также необходимо было обезопасить грузинские земли от опустошительных набегов лезгин и аварцев. После двух военных экспедиций в 1803-1804 годах джаро-белоканские общества и соседнее с ними султанство Илусуйское (это были земли дагестанских владетелей, которые открывали путь к побережью Каспийского моря) признали над собой власть России.

Одновременно с этим генерал-лейтенант Цицианов повел наступление против Гянджинского ханства. После месячной осады 3 января 1804 года крепость Гянджа была взята. Во время ее штурма хан и его сын погибли. Это владение было преобразовано в Елизаветпольский округ Империи. Таким образом было создано важное стратегическое преимущество России для присоединения к ней других ханств Восточного Азербайджана и Армении.

Несмотря на происки шахских эмиссаров горцы отказались выступить против России. Поддержал шаха лишь эриванский хан Махмуд. По его приказу дружески расположенный к России католикос всех армян Даниил был заменен ставленником Персии Давидом. В ответ на требования князя Цицианова вернуть Даниила на прежнее место Махмуд поспешил обратиться к шаху, который стал угрожать России войной, если ее войска не будут выведены из Закавказья.

Естественно, Александр I не мог согласиться с подобными условиями Персии. Так началась русско-иранская война 1804-1813 годов. Отныне главнокомандующему на Кавказе вместо решения административных, созидательных задач предстояло сосредоточить свое внимание на

проведении военных операций для защиты российских владений на границе с Персией.

Тогда же в районе Аракса сосредоточился 40-тысячный корпус персидских войск под командованием наследника престола Аббас-мирзы. Осенью 1804 года он направился к Эривани. Стремясь опередить противника, четырехтысячный отряд князя Цицианова двинулся к Араксу. Его разведка обнаружила неприятеля в районе Эчмиадзинского монастыря. В результате продолжавшихся несколько дней боев войска Аббас-мирзы были отброшены за реку Аракс. Но конные отряды персов продолжали грабить и уводить в плен местное население. Рассчитывая на численное превосходство своих войск персидский шах Фет Али-хан намеревался захватить Тифлис и Гянджу, а затем идти на Кизляр и Астрахань, в российские пределы.

Активизация боевых действий пришлась на апрель 1805 года. Русская армия в это время готовилась к войне с Наполеоном. Поэтому главнокомандующему на Кавказе не приходилось рассчитывать на подкрепление. При этом следует отметить, что министр иностранных дел А. Чарторийский настоятельно рекомендовал ему ограничиться обороной пределов Грузии и склонить шаха Фет Али-хана к миру. Это значило отдать мирные грузинские и армянские селения на разграбление персам. Цицианов не мог допустить такого и принял решение: сначала прочно утвердиться на персидских границах и только тогда заключить мир. С помощью местного ополчения главнокомандующему вновь удалось отбросить персов за Аракс.

Большое значение в этом отношении имело занятие крепости Шуши, Карабахского и Шекинского ханств. Еще в 1804 году было предпринято покорение Эриванского ханства. 27-тысячная шахская армия была разбита и бежала. П. Д. Цицианов начал блокаду Эриванской крепости, но овладеть ею тогда не удалось, и блокада была снята. Но уже в 1805 году к России было присоединено Шурагельское султанство, входившее в состав Эриванского ханства.

В конце 1805 года был предпринят поход против Бакинского ханства, покорение которого было важно по политическим и экономическим соображениям. Овладение им давало выход России к Каспийскому морю. В то же время это создавало важный плацдарм для дальнейшей борьбы с Ираном. Возглавив экспедицию, князь П. Д. Цицианов двинулся к Баку через владения ширванского хана, чтобы заставить его принять подданство России. Ширванский хан присягнул российскому престолу на тех же условиях, что карабахский и шекинский ханы (он обязан был ежегодно выплачивать России 8 тысяч червонцев).

В конце января 1806 года князь П. Д. Цицианов осадил Бакинскую крепость, вступил в переговоры с Гуссейн-Кули-ханом и добился его согласия на сдачу крепости. Во время встречи с ханом для получения от него ключей от крепостных ворот в полуверсте от крепости 8 февраля 1806 года Павел Дмитриевич был убит выстрелом в затылок одним из приближенных хана. Отрубленная ударом сабли голова Цицианова была отослана в Тавриз к наследнику персидского шаха.

После гибели П. Д. Цицианова командующим на Кавказе был назначен граф И. В. Гудович (уже в третий раз). Он поручил командиру действующего отряда генералу от инфантерии С. А. Булгакову рассчитаться с бакинским ханом за смерть князя П. Д. Цицианова. Булгаков явился в Баку 3 сентября 1806 года и город сдался без боя. При этом выяснилось, что Гуссейн-Кулихан вовсе не желал убийства Цицианова, а истинным виновником был его двоюродный брат Ибрагим-бек, нукер которого Амар-Амза и застрелил русского главнокомандующего. Обезглавленное тело Цицианова было тогда же перенесено из могилы в армянский храм в Баку. Позже прах князя Цицианова был погребен под сводами главного храма Тифлиса – Сионского собора. Тогда же, в 1806 году, к России окончательно были присоединены владения шамхала Тарковского и уцмия Каракайтагского (в прибрежной полосе Дагестана), Дербентское и Кубинское ханства. Остальные феодальные владения Восточного и Западного Закавказья были присоединены несколько позже, в 1807-1812 годах. Но это произошло уже после Цицианова...

Завершая краткое описание жизни и деятельности выдающегося военачальника и государственного деятеля, генерал-лейтенанта князя Павла Дмитриевича Цицианова, уместно привести характеристику, данную ему спустя почти сотню лет после гибели: «Несмотря на тесную кровную связь с грузинским народом, он был чисто русским человеком, горячо любившим Русь, за которую он и сложил «в буквальном смысле свою голову»¹.

*И. Лачинов, заместитель директора
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. / Архив Главного упр. Кавказского наместника; Под ред. А. А. Берже. – Тифлис, 1866-1893.

Т. 1. – 1866. – 816 с. – Гл. 16: Кавказ. линия. – С. 715-757.

Т. 2. – 1868. – 1238 с. – Гл. 23: Кавказ. линия. – С. 919- 948.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. – СПб., 1871-1888.

Т. 1: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 1: Кавказ. – СПб., 1871. – 640 с.

Т. 1: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 2: Закавказье. – СПб., 1871. – 422 с.

Т. 1: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 3: Библиогр. указ. источников к первым двум книгам. – СПб., 1871. – 451 с.

Т. 2. – СПб., 1886. – (События на Кавказе с 1783 по 1795 г., в т. ч. усиление Кавказской линии).

Т. 3. – СПб., 1886. – 550 с. – (События на Кавказе с 1795 по 1803 г.).

Т. 4. – СПб., 1886. – 536 с. – (События на Кавказе с 1803 по 1806 г.).

Т. 5. – СПб., 1888. – 494 с. – (События на Кавказе с 1806 по 1812 г.).

Т. 6. – СПб., 1888. – 756 с. – (События на Кавказе с 1812 по 1827 г.).

¹ Покоренный Кавказ. – СПб.: Изд. Каспари, 1904.

- Исторические** сведения о кабардинском народе: К 300-летию Дома Романовых. – Киев: Изд-во В. Н. Кудряшова, 1913. – С. 19-55, 56-128.
- Покоренный** Кавказ. – СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1904. – 664 с.
Из содерж.: [П. Д. Цицианов]. – С. 265-266, 283, 290, 334.
- Потто В. А.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. – СПб.; Тифлис, 1885-1889.
Т. 1. Вып. 1-4: От древнейших времен до Ермолова. – СПб., 1885. – 718 с.
- Берже А.** Командиры Кавказской армии в их приказах, (1802-1821 гг.): [В т. ч. П. Д. Цицианов, 1802-1806 гг.] // Рус. старина. – 1876. – № 11; № 12. – С. 630-633.
- Берже А.** Присоединение Грузии к России, (1799-1831 гг.): Ист. исследование // Рус. старина. – 1880. – № 28.
- Кавказский** календарь на 1865 г. – Тифлис: Тип. Гл. упр. Кавказского наместника, 1864. – С. 69-88. – Отд. 3.
- Лебедев П. С.** Павел Дмитриевич Цицианов // Рус. старина. – 1890. – Т. 66, № 12. – С. 140-148.
- История** народов Северного Кавказа: В 2 т. – М.: Наука, 1988.
Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. – С. 456-457.
Т. 2: С конца XVIII века до 1917 года. – С. 5, 10.
- Гордин Я.** Кавказ: Земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. – 464 с.: ил.
Из содерж.: Цицианов. – С. 56-96.
- Асадов Ю.** Главноначальствующие на Кавказе: Очерки. – Пятигорск; М.: Бекский Дом, 2004. – 52 с.
Из содерж.: Цицианов Павел Дмитриевич – 1802-1806: [Крат. биогр. очерк]. – С. 18-19, фото.
- Виноградов Е. С.** Семь чудес у Кислого колодца. – Кисловодск, 1996. – 80 с.
Из содерж.: Крепость у Кислого колодца. – С. 15-22.
- Кавказские** Минеральные Воды: К 100-летию юбилею. 1803-1903 гг. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборга, 1904. – 297 с.
С. 7-9: [О П. Д. Цицианове].
- Пантелеев И. Я.** Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. – М.: Госгеолтехиздат, 1955. – 203 с.
Из содерж.: [П. Д. Цицианов]. – С. 19-25.
- Кисловодск** в исторических документах, 1803-1917. – Ставрополь: Ин-т развития образования, 1998. – 191 с.
Из содерж.: [П. Д. Цицианов]. – С. 10-14, 169, 171.
- Махлевич Я. Л.** Мезонин у Нарзана: [Очерки]. – Ставрополь, 1983. – 192 с.
Из содерж.: [П. Д. Цицианов]. – С. 50-78, 86-91.
- Пятигорск** в исторических документах, 1803-1917 гг. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. – 350 с.
Из содерж.: [П. Д. Цицианов]. – С. 8-9, 24-28, 46, 324.
- Беликов Г.** Главноначальствующие Кавказа: [О князе П. Д. Цицианове] // Ставроп. губ. ведомости. – 2005. – 18 окт. – С. 6, рис.
- Борисов Г. А.** «За гранью дружеских штыков»: Очерк // Моск. журнал. – 1999. – № 1. – С. 31-34.
- Лачинов И.** Орел Кавказа: [О талантливом военачальнике, политике и администраторе князе П. Д. Цицианове, его вкладе в развитии КМВ XIX века] // Кавказ. здравница. – 2004. – 1, 5, 6 окт. – С. 4, рис.
- Лузин С. С.** Крепость у Кислого колодца // Памятники Отечества: Кавказские Минеральные Воды: К 200-летию основания. – М., 2001. – Т. 49. – С. 170-172.
- Сидоренко Ф.** Преданный до самозабвения // Кавказ. здравница. – 2003. – 25 янв.

Сидоренко Ф. У истоков XIX века: [Об освоении целебных источников КМВ в XIX веке, продолжении бальнеологических изысканий (ученые Симсон, Гординский, Кружневич и др.); О переписке П. Д. Цицианова и Александра I] // Кавказ. здравница. – 2003. – 19, 23 сент. – С. 3, фото.

Гизетти А. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе / Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба. – СПб.: Типолитогр., 1901. – 256 с.

Из содерж.: Кавказско-горская война с 1801-1816 год. Время князя Цицианова, графа Гудовича, Торماسова, маркиза Пауллуччи и Ртищева. – С. 45-56.

В искусстве любого времени есть вершины и так называемый поток, над которым эти вершины возвышаются. Пьесу Ильи Сургучева «Осенние скрипки» нельзя назвать вершиной, но то, что она выделяется из всего потока русской драматургии 1910-х годов, факт безусловный, весьма примечательный и даже поразительный. С одной стороны, литературная и театральная критика тех лет была единодушна в положительных и превосходных оценках сценического воплощения пьесы, а с другой, – подчас нелюбезно отзывалась о литературных достоинствах произведения Сургучева. Неоднозначность восприятия публикой и критикой «Осенних скрипок» – своеобразная визитная карточка пьесы и при ее постановках в 1920-1930-х годах. Сохранилась эта тенденция и в конце XX – начале XXI веков, когда пьеса Сургучева вновь стала одной из самых репертуарных во многих театрах России и ближнего зарубежья. Вот как, например, непримиримость полемики вокруг «Осенних скрипок» передает современный критик:

«Написанная в 1915 году, она кажется похожей на все столь же посредственные сочинения того времени. В начале века драматурги так называемого второго ряда почему-то очень любили возвышенно-поэтические реплики, нечеловеческое кипение страстей и самоубийства в финале. Интересно, что «Осенние скрипки» в те давние времена были поставлены Московским Художественным театром (главную роль исполняла О. Л. Книппер-Чехова), который, правда, считал позором для себя оглушительный успех этого произведения у публики»².

Отвечая однажды на подобную язвительную реплику журналиста и на его вопрос о мотивах постановки «посредственной», «позорной» пьесы, Р. Г. Виктюк, один из ведущих нынешних театральных режиссеров, объяснил причину своего обращения к «Осенним скрипкам» Ильи Сургучева высоким литературным качеством драматургии текста и указал на основные симптомы популярности пьесы и в прошлом, и в настоящем, и, думается, в будущем:

«Я думаю, что конец века и начало века удивительно совпадают по невероятному дефициту на чувства. Тем более конец этого века, когда цивилизация видит человека не как цель, а как средство для своей механизации. Когда Бог умер (а свято место пусто не бывает), на это место пришли деньги и расчет. Этот фонтан отодвигает чувства вместе с цивилизацией на второй план. И вот в этой тоске по любви в начале того века и в конце нынешнего мы удивительно похожи. А Серебряный век это вспышка любви, уникальная в мировой культуре и сознательно уничтоженная после 1917 года. Илья Сургучев – автор пьесы – сам из того времени. Поэтому выбор пьесы не просто наша тоска по любви, но и наша

² Зайонц М. Любовь еще быть может // Коммерсант-деньги. – М. – 1997. – 4 нояб.

благодарность Серебряному веку. <...> Когда в 1915 году был поставлен спектакль в Художественном театре (ставил Немирович-Данченко, играла Книппер-Чехова), он имел потрясающий успех. Потом в 1919 году Сургучев уехал в Париж, и его имя, естественно, было забыто навсегда. Задача была – вернуть этого человека той стране, которая его отправила в Вечность. Он принадлежит нашей земле»³.

Приводя столь пафосные слова знаменитого режиссера, мы далеки от мысли защищать произведение Сургучева авторитетным мнением. Оно в этом не нуждается. Но дело в том, что любой драматургический текст немислим без интеллектуальной активности интерпретатора. А первым интерпретатором пьесы (конечно, после автора) почти всегда становится режиссер. Во всяком случае для зрителя именно он является читателем, даже первоочитателем пьесы. Поэтому поверим режиссеру: он меньше всего заинтересован в том, чтобы обмануться, оценивая драматургические качества того или иного произведения, и обманывать, ибо зритель, как правило, этого не прощает. А, поверив, попытаемся проникнуть в тайну «Осенних скрипок», без десятка сто лет покоряющих сердца и зрителей, и читателей. Для этого нам нужен прежде всего текст пьесы, а мнения режиссеров, актеров и уж тем более критиков – небезынтересные, но второстепенные источники, хотя без них порой тоже не обойтись. Еще К. С. Станиславский указывал, что театр коллективное творчество, но начинается оно «с драматурга, – без него артистам и режиссеру делать нечего», и далее сетовал на то, что этого не хотят учитывать ни театральные, ни литературные критики, «отсюда, естественно, вытекает целый ряд ошибок, недоразумений, толкающих искусство по ложному внешнему пути»⁴.

На сегодняшний день известны, по меньшей мере, четыре издания пьесы «Осенние скрипки». Впервые она была опубликована в апрельском номере журнала «Русская мысль» за 1915 год⁵ и в III томе Сочинений И. Д. Сургучева в «Книгоиздательстве писателей в Москве»⁶. В этом же году, как уже было сказано, пьесу поставили на сцене Московского Художественного театра. Популярность ее оказалась столь высокой, что даже в насыщенном революционными событиями 1916 году издательству, находившемуся на грани банкротства, оказалось коммерчески выгодным второе издание III тома Сочинений Сургучева⁷, его вновь открывали «Осенние скрипки».

Последний раз пьеса вышла уже после эмиграции писателя в берлинской типографии И. П. Ладыжникова⁸; но это издание все еще могло быть доступно в метрополии. В России «Осенние скрипки» по сей день

³ Анатольева Е. Алиса Фрейдлих и Роман Виктюк: «Мы с одной планеты» // Южные горизонты. – 2001. – 21-27 марта.

⁴ Станиславский К. С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Моя жизнь в искусстве. – М., 1988. – С. 479.

⁵ Сургучев И. Осенние скрипки: Пьеса в 4-х действиях // Русская мысль. – 1915. – № 4. – С. 139-192.

⁶ Сургучев И. Сочинения. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы. – М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. – 226 с.

⁷ Сургучев И. Сочинения. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы. – 2-е изд. – М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916. – 220 с.

⁸ Сургучев И. Осенние скрипки: Пьеса. – Берлин: И. П. Ладыжников, 1922. – 78 с.

больше ни разу не переиздавались, а имелись ли эмигрантские ее републикации доподлинно не известно.

Таким образом, доступ читателя к первоисточнику очень ограничен. Даже на родине писателя в краевой научной универсальной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова предлагаемый читателям единственный экземпляр пьесы не что иное, как переплетенная ксерокопия с экземпляра первого издания III тома Сочинений И. Д. Сургучева (1915), хранящегося в ГНБ. Экземпляр ксерокопии данного тома есть с недавнего времени и в Ставропольском краеведческом музее им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, который в составе сохранившегося небольшого архива Сургучева передала в 1988 году в дар музею внука писателя Татьяна Николаевна Ильинская.

Все это говорит о том, что драматургическое мастерство И. Д. Сургучева оценивается прежде всего по театральным постановкам его пьесы и по критическим отзывам на ее режиссерские и актерские интерпретации. Факт не просто печальный, но даже трагичный. Ведь именно от незнания подлинника критиками, а, возможно, и режиссерами страдают не только читатели-зрители, но и само творение драматурга, ибо остается непонятым и непроцитированным. Более того, недоброкачественные постановочные «трюки», сценарные обработки и переработки, все эти безапелляционные «по мотивам», а также безграмотные высказывания критиков читатели-зрители относят, как правило, по незнанию на счет автора. Отсюда и получается, что Сургучев написал «посредственное сочинение с *нечеловеческим кипением страстей и самоубийством в финале*», или, что главная интрига пьесы имеет неожиданное разрешение: «главная героиня великодушно передает своего возлюбленного *молодой сопернице* и на прощание еще дарит *букет хризантем* на счастье» (курсив наш. – А. Ф.).

Ни «кипения страстей», ни хризантем, ни соперничества, ни уж тем более самоубийства в пьесе Сургучева, конечно же, нет. Ее пафос в другом – в страдании, в соблюдении долга и чести. Но об этом немного позже.

Методы истории литературы, исключая субъективный характер высказывания и требующие объективных исторических подходов к исследуемому памятнику литературы, предполагают широту материала, на котором должны строиться наши научные оценки, наше историческое понимание литературы⁹. Речь идет прежде всего о собирании литературного наследия писателя, биографического материала, литературно-критического контекста, которые показывают место, занимаемое литературным произведением в литературном процессе. Первостепенное значение здесь имеет, конечно же, установление канонической редакции изучаемого текста или наиболее авторитетного варианта, то есть изданного самим автором при его жизни. Итак, мы установили, что четыре издания пьесы И. Д. Сургучева «Осенние скрипки», соответственно 1915, 1916, 1922 годов, идентичны и печатались с ведома автора. Поэтому текст пьесы в любом из указанных изданий может быть признан основным источником исследования.

⁹ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. – М., 2004. – С. 34.

Известные машинописные и даже рукописные варианты текста пьесы¹⁰ не могут рассматриваться как подлинные и не должны браться в расчет ни исследователями, ни постановщиками, ни критиками.

Во всех изданиях пьеса публиковалась с посвящением «Татьяне Васильевне Бочаровой». Каких-либо подробных сведений об этой женщине, ее судьбе и роли в жизни писателя установить пока не удалось. Известно только, что после смерти в 1907 году первой жены Сургучева – Ольги Григорьевны Меланьиной, писатель долгое время оставался один, занимаясь вместе со своей матерью воспитанием двух своих малолетних дочерей. С Т. В. Бочаровой он познакомится в 1912 году. Возможно, именно с этим знакомством связана творческая история «Осенних скрипок», на что указывает совпадение отчества адресата и главной героини пьесы – Варвары Васильевны. Этот нюанс позволяет ассоциировать и самого Сургучева с персонажем пьесы – мужем Варвары Васильевны Лавровым Дмитрием Ивановичем. Фамилия от слова «лавр» указывает на славу, обрушившуюся на писателя после публикации целого ряда произведений, а имя героя пьесы – на отчество ее автора. Как указывает Г. А. Беликов, Татьяна Васильевна Бочарова была спутницей Сургучева и в годы эмиграции, «став последней опорой его скитальческой жизни»¹¹.

Об истории создания и первой постановки пьесы сохранились лишь разрозненные отрывочные сведения. Восстановив их и сопоставив, можно получить целостную картину не только творческой истории «Осенних скрипок», но и целого этапа творческой биографии Ильи Дмитриевича Сургучева.

Точная дата премьеры «Осенних скрипок» в Московском Художественном театре – 14 апреля 1915 года, о чем свидетельствуют не только сохранившаяся программка спектакля, но и рецензии на него¹². Режиссером спектакля выступил В. И. Немирович-Данченко, а роль главной героини – Варвары Васильевны – играла ведущая актриса МХТ Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. В то время в Московском Художественном театре в качестве художника-декоратора работал, как отмечали современники, без конфликтов и противоречий с режиссурой Борис Михайлович Кустодиев (1878-1927). «Бытовизм» Кустодиева, ориентированного на красочно-реалистическое воспроизведение крестьянского и провинциального мещанско-купеческого быта, сближал его с творческими установками театра, руководимого В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским. В 1914 году он сделал оформление спектакля весьма, по словам художника, заинтересовавшей его пьесы

¹⁰ Такие тексты, например, хранятся в литературном фонде Ставропольского академического театра драмы им. М. Ю. Лермонтова и используются режиссерами в сценических и радиопостановках, а также критиками в качестве литературной основы статей о спектаклях.

¹¹ Беликов Г. А. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь, 1997. – С. 264.

¹² См., например: В. Д. Театр и музыка: (О пьесе «Осенние скрипки») // Русское слово. – 1915. – № 86. – 15 апр. – С. 6; Эфрос Н. Е. «Осенние скрипки»: (Спектакль Художественного театра) // Русские ведомости. – 1915. – № 85. – 15 апр. – С. 6; Другой. «Осенние скрипки» // Театральная газета. – 1915. – № 16. – 19 апр. – С. 4.

современного драматурга И. Сургучева «Осенние скрипки». Пьеса буквально захватила его, как впрочем, и режиссера, и актерскую труппу. Благодаря сплаву психологической драматургии в духе Чехова и Ибсена с реалистической сценографией, с новой режиссурой «театра переживания» и с блистательной актерской игрой, «Осенние скрипки» Сургучева стали большим событием русской театральной жизни.

В течение всей весны 1915 года пьеса с неизменными аншлагами шла во МХТ в Москве, а в начале лета была показана в Петербурге. Внимание зрителей притягивала центральная роль Варвары Васильевны, жены присяжного поверенного Лаврова, женщины бальзаковского возраста. Стремясь, как говорится, к «личному счастью», она все время лжет мужу, любовнику, приемной дочери Верочке, себе самой. А поскольку счастье недостижимо – страдает. И, страдая, почитает себя правой. Во имя сохранения семейного очага она хочет женить своего любовника Виктора Ивановича Барановского на Верочке. А когда между молодыми возникает горячая любовь, переживает ужасные страдания. Этот причудливый и психологически неожиданный женский характер стал главным достижением Ильи Сургучева. Создавая образ Варвары Васильевны, драматург портретировал свою эпоху – эпоху модерна и, надо отдать ему должное, сумел выразить ее прихотливые линии в чувствительном рассказе о любовном «квадрате». Тема увлечения матери и дочери одним человеком – не нова, но ставропольский драматург сумел преподнести ее по-своему. Разумеется, в противостоянии зрелой женщины и юной девушки неизбежно должна победить молодость, но у Сургучева женщина, в душе которой запели «скрипки осени человеческой», сама отказывается от любви, не дожидаясь, пока ее отвергнут.

В пьесе нет действия; сюжет ее почти статичен. Сургучев скорее предназначал ее для чтения, чем для постановки. Об этом говорит характер авторских ремарок, раскрывающих внутренние переживания героев и по стилю своему органически связанных с диалогами и монологами героев. Пьесу пронизывает один образ, создающий основное настроение: падающие осенние листья символизируют старость, которая с горечью уступает дорогу «цветущей весне» – молодости. Рефреном в ней звучат слова французского поэта Верлена – «Скрипок осенних протяжное пенье, зов неотвязный сердце мне ранит...» Необычное разрешение конфликта, правда и сила чувств прощания матери и дочери в финале придают мелодраме поистине драматичный характер, что сразу же оценили зрители и Москвы и Петербурга.

Станиславский вспоминал, что петербургские гастроли всегда были особенными, потому что «искони между обеими столицами существовала вражда. Петербургское не имело успеха в Москве, а московское в Петербурге»¹³. Неприязненного отношения от северной столицы московские артисты ждали и в 1915 году. Но успех «Осенних скрипок» превзошел все

¹³ Станиславский К. С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1: Моя жизнь в искусстве. – М., 1988. – С. 309.

ожидания. На десятидневных гастролях в Петербурге в 1915 году «Скрипки» сыграли шесть раз, а «Дядю Ваню» – всего дважды. Говорили, что пьеса Сургучева стала причиной раздора между Станиславским и Немировичем-Данченко. Последний даже жаловался в письме Леониду Андрееву, что «пьеска» эта – «водица с лимоном и сахаром», паниковал, что ставится на карту его театральное реноме¹⁴. Тем не менее спектакль МХТ, как отмечала критика, вышел крепкий, а талант и обаяние исполнительницы главной женской роли О. Л. Книппер-Чеховой принесли актрисе невиданный успех, которого она не знала ни в одной чеховской постановке. Артистка даже недоумевала, почему столь оглушительный успех у публики вызывает «слезливая драматургия»¹⁵? В следующем театральном сезоне «Осенние скрипки» покорили не только столичные, но и провинциальные сцены. С одной стороны, этому способствовали гастрольные поездки Московского Художественного театра, а с другой, – бесчисленные провинциальные труппы, взбудораженные успехом пьесы в Москве и Петербурге, наперебой стремились поставить ее в своих театрах.

Премьерный спектакль совпал с выходом в свет печатного издания «Осенних скрипок», что, естественно, способствовало росту популярности и пьесы и ее автора в стране. Для Ильи Дмитриевича Сургучева эти два события стали поистине «коронованием в драматургии». К писателю пришел подлинный успех. Но этому успеху, безусловно, предшествовала большая работа и... его величество Случай.

Впервые И. Д. Сургучев обратил на себя внимание как драматург в 1913 году, когда в Александринском театре Петербурга была поставлена первая его пьеса – «Торговый дом», в которой он следовал реалистической традиции А. Н. Островского. В 1914 году постановку «Торгового дома» осуществил и Малый театр в Москве, где в главных ролях были заняты выдающиеся русские актеры М. Савина, Д. Смирнов, В. Пашенная, А. Остужев. По просьбе присутствовавшего на одном из московских спектаклей К. С. Станиславского следующую свою пьесу «Осенние скрипки» автор передал в Московский Художественный театр.

Вот как пересказал воспоминания об этом самого И. Д. Сургучева Владимир Унковский:

«Шла пьеса Сургучева «Торговый дом» в одном из московских театров. В этот день Илья Дмитриевич приехал из Петербурга в Москву, толкнулся в театральную кассу – билеты все проданы, но кассирша дала ему пропуск в оркестр. Туда, вниз, под суфлерскую будку, и спустился Сургучев.

Когда кончился первый акт и зажглось электричество, Сургучев увидел, что стоит рядом со Станиславским. Оба знали друг друга, но не были официально знакомы. На этот раз познакомились и разговорились:

– С удовольствием смотрю ваш «Торговый дом». Дайте нам что-

¹⁴ См.: Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма: В. 2 т. Т. 2: 1910-1943. – М., 1979. – С. 596.

¹⁵ Марков П. История моего театрального современника: Главы из книги воспоминаний // Театр. – 1970. – № 11. – С. 140.

нибудь для Художественного театра.

И Сургучев рассказывал мне:

– Я был ошеломлен, я был вне себя, я считал свою персону «маленьким человечком» – и вдруг приглашение в Московский Художественный театр – в святилище, храм искусства, первый из драматических театров в мире. Обомлел, потерялся. У меня была готова пьеса «Осенние скрипки», которую я дал Александру Ивановичу Южину-Сумбатову, но он ее забраковал... Конечно, не откладывая, послал ее Станиславскому и вскорости получил от него извещение, что она принята для постановки. И чек – аванс – в тысячу рублей»¹⁶.

А вот как передал свою беседу об «Осенних скрипках» с Сургучевым его друг еще со студенческой скамьи Н. К. Клименко:

«– Я человек нетребовательный, скромный, никогда не лезу к читателю за одобрением... Хочу вот рассказать вам об «Осенних скрипках».

– Кстати, почему такое название?

– А это, – торопливо говорит И. [лья] Д. [митриевич], – я взял у одного французского писателя. «Les Violons d'automne» – это по-особому тогда звучало для моей души... Я так тогда воспринял то, что открылось передо мной... Так вот, написал я эту вещь и сдаю ее в Московский Малый театр. Справляюсь, справляюсь... Жмутся и все с улыбочкой отворачиваются, просят подождать. Тогда я, тщательно переписав пьесу и ничего не говоря, отношу ее в Московский Художественный, Станиславскому... и он принимает к постановке...

Иду в Малый и так скромненько говорю:

– Спасибо, что так много потратили времени на обсуждение моих «Скрипок», но теперь я их уже пристроил...

– Как?! Куда?

– Туда-то.

– Как же так? Может, передумаете?

– Нет, я и так уж много думал, ждал...

Сначала, было, дулись, а потом, конечно, примирились...»¹⁷.

Вполне естественно, что обращение «чеховского» театра к пьесе «Осенние скрипки», известность, даже слава, которую эта постановка принесла молодому и мало известному тогда писателю, трансформировались в воспоминаниях Сургучева и его друзей-современников в своего рода миф, но весомая доля правды в нем, конечно же, была.

«Осенние скрипки» не исчезали из репертуаров российских театров вплоть до 1919 года. Даже в самые жестокие годы революционных событий и Гражданской войны их продолжали играть и на сцене Московского Художественного театра и на провинциальных подмостках. Последний спектакль с О. Л. Книппер-Чеховой в главной роли был сыгран в г. Харькове

¹⁶ Унковский В. Н. Зарубежный Сургучев // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. – М., 1994. – С. 71.

¹⁷ Клименко Н. К. Памяти И. Д. Сургучева: К пятилетию со дня его смерти // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. – М., 1994. – С. 77.

в июне 1919 года во время гастролей МХТ¹⁸. Попытки восстановить его после возвращения Ольги Леонардовны и других артистов театра в 1922 году в Москву не увенчались успехом: изменились вкусы и потребности общества, и сами актеры не склонны были «выплывать» в «новую жизнь» со «старым багажом». Да и имя Сургучева в новой, уже советской, стране старательно предавалось забвению. Основная причина этой несправедливости заключалась в том, что писатель не одобрял действий большевиков и эмигрировал. Вместе с ним, как оказалось, эмигрировала и его любимая пьеса.

Обосновавшись с августа 1921 года в Праге, И. Д. Сургучев стал одним из руководителей Русского камерного театра, поставившего все его пьесы: «Реки вавилонские», «Торговый дом», «Обнаженная», целый ряд инсценировок писателя по мотивам произведений русской и мировой литературы, в том числе «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, гончаровского «Обрыва», тургеневского «Дворянского гнезда», сказки Ч. Диккенса «Сверчок на печи». В театральном сезоне 1922-1923 годов пражская публика увидела на арендуемых РКТ подмостках «Осенние скрипки». Роль Варвары Васильевны в этой постановке сыграла замечательная русская актриса Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова, еще недавно блиставшая на сцене Александринского театра в Петербурге. Чешская пресса лестно отзывалась о спектаклях Русского камерного театра. Не обошел их вниманием всемирно известный чешский прозаик и драматург Карел Чапек, из-под пера которого вышел такой благосклонный отклик: «Мы радоваться можем тому, что у Праги есть шанс все более и более походить на центр славянского творчества в области культуры»¹⁹. Именно с этих постановок началось триумфальное шествие «Осенних скрипок» по подмосткам Европы. Приведем лишь одно из многочисленных свидетельств о жизни пьесы в эмиграции:

«Осенние скрипки» обсуждаются для постановки на английской сцене, и только некачественность перевода отодвигает решение вопроса. Ваши «Осенние скрипки» поставлены с успехом в Париже Русским театром»²⁰.

«Осенние скрипки» за рубежом воспринимались как образец русской психологической драмы. Ведь Сургучев в этой пьесе продолжатель чеховских традиций. Примечательно, что одна из рецензий тех лет на спектакль имела симптоматичный заголовок «Осенние скрипки в вишневом саду». Привлекали в ней и отход от реализма – отсутствие простоты, несколько вычурная манера письма в духе Л. Андреева – автора «Екатерины Ивановны». Для многотысячной русской диаспоры, волею судеб оказавшейся вне Родины, эта пьеса о высоте человеческих взаимоотношений, помогающих пережить не только семейный, но и духовный кризис, стала

¹⁸ Станиславский К. С. Собр. соч.: В 9 т. Т. I: Моя жизнь в искусстве. – М., 1988. – С. 461.

¹⁹ Сапек К. Nove ruske divadlo v Praze // Lidove noviny. – 1922. – 2 okt.

²⁰ Из письма Марка Слонима – Сургучеву. 25 ноября 1935 г. // Театральная жизнь. – 1993. – № 9. –

своеобразным инструментом психологической борьбы с непреодолимым чувством ностальгии, хотя у каждого эмигранта, как впрочем, и у каждого героя пьесы, были свои проблемы, свой внутренний конфликт, свое «соло» в симфонии любви и боли.

Жизнелюбие Сургучева, получившее ярчайшее отражение в «Осенних скрипках», привлекало внимание не только русских, но и зарубежных издателей и читателей. Пьеса была переведена на европейские языки и с успехом шла на театральных сценах многих театров Европы. В Париже сургучевские «Осенние скрипки» ставились неоднократно как на русском, так и на французском языках. Автор всегда был очень внимателен ко всем постановкам. Как вспоминает В. Унковский, в зрительном зале Сургучев появлялся редко, чаще наблюдал за игрой артистов за кулисами:

«Если ему удосууживались предложить стул, временами присаживался, но обычно стоял, прислонившись к стене спиной... Он зорко следил за игрой, и артисты чувствовали себя подтянутыми, точно офицеры на смотре, хотя Сургучев никакого начальственного тона не проявлял. Наоборот, держал себя скромно и любил стушевываться. Одному скажет:

– Спасибо, старик! (По казачьему обычаю, «стариком» он любил называть всякого, к кому был расположен).

Другого одобрит:

– Продолжайте, продолжайте, продолжайте!..

Третьего по-отцовски потреплет по плечу:

– А вы... того... сдрейфили маленько! Ну, ничего... чего уж там...

Артисты ценили его одобрение и рецензии. Обычные театральные недоразумения он умело разрешал. Театр являлся альфой и омегой сургучевского существования»²¹.

Театральные постановки пьесы не прекращались и в годы Второй мировой войны. В ноябре 1942 года в оккупированном Париже Сургучев создал «Театр без занавеса», ставший своеобразным духовным приютом русской и французской интеллигенции в годы, когда рефлексии насилия и разрушения властвовали над людьми. Современники и соратники писателя утверждали, что Сургучев не мог жить без театра. Спорить с этим трудно. Но есть и другое объяснение культуросозидательным поступкам Сургучева во время войны, а дано оно им еще в годы ужасной братоубийственной бойни 1918-1920 годов: «Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения». Театр для писателя был оазисом мирной жизни.

В 1946 году по пьесе «Осенние скрипки» был написан киносценарий. Экранизация состоялась под названием «Женщина опасного возраста». У писателя она вызвала недовольство, да и в отношении гонорара Сургучева обманули: получил за фильм гроши, хотя возлагал на него большие надежды: ««Скрипки» мои, сами знаете, – говорил он Н. Клименко, – все-таки обратили на себя внимание. Вот теперь переводят в Америке. Слава Богу, а

²¹ Унковский В. Н. Зарубежный Сургучев // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. – М, 1994. – С. 72.

то, сами видели, жить мне не так-то легко...»²². Надежды, конечно, были не только финансовые, но и творческие: как вспоминал В. Унковский, в эмигрантскую пору сценарии для кинематографа, в которых Сургучев стремился отражать внешние, выпуклые явления жизни, обнаружения, которые верно схватывал своим зорким писательским глазом, стали для него возможностью прорыва в мировую литературу, в новое искусство. И «Осенним скрипкам» здесь отводилась роль первой ласточки.

О значимости «Осенних скрипок» в судьбе писателя, о значении, которое он придавал пьесе в своем творчестве, говорит и надпись на скромной могильной плите Ильи Дмитриевича Сургучева, что на русском кладбище в предместье Парижа Сент-Женевьев дю Буа: «...флейты весны, трубы лета».

Писатель умер, да здравствует автор! После смерти Сургучева пьеса продолжила свою триумфальную сценическую жизнь. Вернулась она и в Россию.

Как и следовало ожидать, первыми к бессмертному творению своего великого земляка обратились актеры Ставропольского академического театра драмы, поставив в 1994 году радиоспектакль по пьесе, вызвавший восторженные отзывы слушателей. А в 1999 году «Осенние скрипки» были поставлены в манере добрых МХАТовских традиций на сцене театра. Роль Варвары Васильевны сыграла народная артистка России Наталья Павловна Зубкова. Вот что писала об этом строгая к постановкам классики в провинции театральная критика:

«В конце зимы театральная общественность Ставрополя получила давно обещанный подарок. Вопреки диссонансам напряженной жизни приграничного района в воздухе возникла пленительная мелодия «Скрипок». Спектакль покорила не только театралов. Его с наслаждением смотрели люди, которые в последние годы вообще забыли о том, что есть театр. <...> Спектакль перерастает узкие рамки семейной истории и становится рассказом о жизни маленького провинциального городка, расположенного на юге России. То, как оценивают свои поступки герои «Осенних скрипок», как ищут и как находят выход из невообразимо сложных ситуаций, вызывает у зрителей восхищение русским духом, потому что так побеждать в себе чувство сможет только русский человек. <...> Отсюда – духовная бодрость, объединяющая сцену с залом. Отсюда – горячая вера в то, что Россия, в которой могут так писать и так воплощать задуманное, не может не возродиться»²³.

В наши дни «Осенние скрипки» не сходят с подмостков крупнейших театров России, ближнего и дальнего зарубежья. Убедиться в этом сегодня не составит труда. На страницах электронных средств массовой информации только за сезон 2003-2004 годов размещены репертуарные афиши с

²² Клименко Н. К. Памяти И. Д. Сургучева: К пятилетию со дня его смерти // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. – М., 1994. – С. 77.

²³ Пухальская Г. В каждом художнике есть пророк: (Размышления по поводу премьеры драмы И. Сургучева «Осенние скрипки») // Литературная Россия. – 1999. – 19 марта.

соответствующими программками более двенадцати театров, где указана пьеса Сургучева. Многие, в том числе и известнейшие актеры, почитают за честь быть востребованными именно в этом спектакле, а режиссеры устраивают порой своеобразные состязания, предлагая то провинциально-реалистичные, то изысканно-модернистские, то авангардные интерпретации «Осенних скрипок», но так или иначе доказывая бессмертие этого творения Ильи Сургучева.

В завершение приведем высказывание об «Осенних скрипках» еще одной великой актрисы, сыгравшей главную роль в спектакле по этой пьесе в конце XX века. Мы имеем в виду Алису Бруновну Фрейдлих:

«Это довольно глубокое, с моей точки зрения, произведение. Посмотрите, сколько сегодня таких тяг человеческих не в своем регистре. Сегодня это просто повально. И это нормальное органичное состояние души, когда физически человек стареет, а душой остается не востребован, молод и жаден. Это происходит со всеми, с женщинами, с мужчинами. Поэтому мне кажется, что эта ситуация очень узнаваемая и достаточно широкая, расхожая. По сути, в пьесе звучат вопросы чести и совести, которые сегодня вообще находятся в состоянии абсолютной девальвации. Моя героиня – человек совестливый, она понимает, что покаяние за грех должно произойти, и это как раз и свидетельствует о наличии чести и совести»²⁴.

Критика единодушно оценила игру А. Б. Фрейдлих, отмечая, что еще одна актриса открылась в роли Варвары Васильевны так, как до этого не открывалась нигде и никогда. Играла Фрейдлих, действительно, очень сильно и очень стильно, неожиданно тонко, на полутонах, собственно говоря, играла то, что называется – любовь, добавив к ней только самое щемящее и самое неопределенное из всех чувств – тоску. В 2001 году Алиса Фрейдлих за роль в пьесе «Осенние скрипки» была удостоена национальной театральной премии «Золотая маска» в номинации «За честь и достоинство».

По заслугам был оценен этот спектакль и потомком Ильи Дмитриевича Сургучева. После одного из представлений пьесы в Москве букет с благодарственной запиской передала актрисе внучка писателя Т. Н. Ильинская.

Как-то в одном из интервью Алису Фрейдлих спросили: «Вы, конечно, знаете, что главную героиню «Осенних скрипок» когда-то играла О. Книппер-Чехова. Готовились ли Вы к соревнованию с этой великой актрисой?» Фрейдлих ответила: «Как я могу состязаться с тем, чего не видела!» Действительно, первому спектаклю по «Осенним скрипкам» в ушедшем 2005 году исполнилось 90 лет. О блистательной игре актеров почти вековой давности остались лишь воспоминания. Хочется воскликнуть, как некогда это сделал О. Мандельштам: «Я не увижу знаменитой Федры..!» Мы не видели знаменитых О. Л. Книппер-Чехову и Е. Н. Рошину-Инсарову, но у нас есть свои Алиса Фрейдлих и Наталья Зубкова. И памятуя о том, что в

²⁴ Осенние скрипки и ... тишина // Город. – Донбасс, 1999. – 24 нояб.

2006 году исполняется 125 лет со дня рождения Ильи Дмитриевича Сургучева, хочется сказать, что у нас, ставропольцев, наконец-то есть свой большой писатель, что в нас живут его «СКРИПКИ», нашедшие своих талантливых интерпретаторов.

А. А. Фокин, кандидат филологических наук, доцент СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Сургучев И. Д. [Сочинения]. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы. – М.: Книгозд-во писателей в Москве, 1915. – 231 с.

Рец.: З. Б. [Зноско-Боровский Е. А.]. Библиография. В т. ч. И. Д. Сургучев. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы // Нива. – 1915. – № 6; [Редько А. М.]. Библиография. В т. ч. И. Д. Сургучев. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы // Русские записки. – 1915. – № 11. – С. 308-311.

Сургучев И. Д. [Сочинения]. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы. – 2-е изд. – М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916. – 220 с.

Рец.: А. С. [Сургучев И. Д. Т. 3: «Осенние скрипки» и рассказы. – 2-е изд. – М., 1916] // Современный мир. – 1917. – № 7-9. – С. 150-151. – Отд. 2.

В. Ю. Б. [Вентцель Н. Н.]. Модернизация быта // Новое время. – 1916. – № 14588. – 15 окт., прил. – С. 9-10.

Сургучев И. Д. Осенние скрипки: Пьеса. – Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1915. – 39 с.

Сургучев И. Д. Осенние скрипки: Пьеса в 4-х действиях // Русская мысль. – 1915. – Кн. 4. – С. 139-192.

Сургучев И. Д. Осенние скрипки: Пьеса. – Берлин: J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H., 1922. – 78 с.

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1994. – 383 с.

Из содерж.: Унковский В. Зарубежный Сургучев. – С. 69-75; Клименко Н. К. Памяти И. Д. Сургучева: К пятилетию со дня его смерти. – С. 75-80.

Книппер-Чехова О. Л. Воспоминания и статьи: В 2 ч. / Сост., ред., авт. вступит. статьи В. Я. Виленкин. – М.: Искусство, 1972.

Ч. 1. – 1972. – С. 12: [О пьесе И. Д. Сургучева «Осенние скрипки»].

Ч. 2: Переписка (1896-1952). Воспоминания об О. Л. Книппер-Чеховой. – 1972. – С. 331, 374: [О пьесе И. Д. Сургучева «Осенние скрипки»].

Марков П. А. В Художественном театре: Книга завлита. – М.: Всерос. театр. о-во, 1976. – 607 с.: ил.; 50 л. ил. – Указ. имен: с. 596-604.

С. 135-137: [О. Л. Книппер-Чехова о пьесе И. Д. Сургучева «Осенние скрипки»].

Марков П. А. История моего современника: Воспоминания // Театр. – 1970. – № 11. – С. 132-142.

С. 140: [О. Л. Книппер-Чехова о пьесе И. Д. Сургучева «Осенние скрипки»].

Немирович-Данченко В. И. Избранные письма: В 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1979. – 742 с., 1 л.: портр.

С. 121, 145, 180, 586, 596: [По поводу пьесы И. Д. Сургучева «Осенние скрипки»].

Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2005. – 964 с. – Указ. имен и назв.: с. 907-952.

С. 891: [Возрождение И. Д. Сургучевым психологической драмы. Успех в 1914 г. «Осенних скрипок»].

Соловьева И. Немирович-Данченко. – М.: Искусство, 1979. – С. 334-335.

- Зигфрид.** «Осенние скрипки» Ильи Сургучева // Петроградский курьер. – 1915. – 15 апр.
- К.** «Осенние скрипки»: (Спектакль Худож. театра) // Утро России. – 1915. – 15 апр.
- Львов Я.** [И. Д. Сургучев «Осенние скрипки»] // Новости сезона. – 1915. – № 3059. – 15 апр.
- Олольский.** Московский Художественный театр. «Осенние скрипки» И. Д. Сургучева // Биржевые новости. – 1915. – 8 мая.
- Смоленский.** Гастроли Московских художников: [«Осенние скрипки» г. Сургучева] // Биржевые ведомости. – 1915. – 17 апр.
- Соболев Ю.** «Осенние скрипки» // Театр. – 1915. – 16 апр.
- Эфрос Н. Е.** «Осенние скрипки: (Спектакль Художественного театра) // Русские ведомости. – 1915. – № 85. – 15 апр. – С. 6.
- Ильина Н.** Возвращение: Роман. – Кн. 1. – М.: Сов. писатель, 1969. – 511 с.: ил.
Из содерж.: [Воспоминания о постановке в 20-х годах пьесы И. Сургучева «Осенние скрипки»]. – С. 355-358.
- К. К.** Русский Камерный театр // Студенческие годы, Прага. – 1922. – № 1. – С. 20-21.
- Хроника** театральной жизни: ... Илья Сургучев: [«Сон императрицы Жозефины» и «Осенние скрипки» (Сургучев) обсуждаются для постановки на англ. сцене и только некачественность перевода отодвигает решение вопроса. Ваши «Осенние скрипки» поставлены с успехом в Париже Русским театром». (Из письма Марка Слонима – Сургучеву. 25 ноября 1935 г.)] // Театральная жизнь. – 1993. – № 9. – С. 16.
- Анатольева Е.** Алиса Фрейндлих и Роман Виктюк: «Мы с одной планеты» // Южные горизонты. – М., 2001. – 21-27 марта.
- Зайонц М.** Любовь еще быть может: [О спектакле «Осенние скрипки» по пьесе И. Д. Сургучева (уроженец г. Ставрополя), поставленном в театре Романа Виктюка] // Домовой. – 1997. – № 11. – С. 168; Коммерсант-деньги. – 1997. – 4 нояб.
- «Осенние скрипки»** играют в Москве: [О постановке пьесы И. Д. Сургучева «Осенние скрипки» в театре Р. Виктюка в Москве] // Вечерний Ставрополь. – 1997. – 31 июля.
- Федорина С.** Правда чувства: Алиса Фрейндлих в новом спектакле Романа Виктюка: [Пьеса И. Д. Сургучева «Осенние скрипки» на московской сцене] // Труд. – 1997. – 12 июля, фото.
- Пухальская Г.** В каждом художнике есть пророк: [Размышления по поводу премьеры драмы И. Д. Сургучева «Осенние скрипки» в Ставроп. краевом драмтеатре им. М. Ю. Лермонтова. Режиссер-постановщик – засл. деятель искусств Алексей Малышев] // Лит. Россия. – 1999. – № 11. – 19 марта. – С. 14. – (Площадь искусств).
- Протасова Л. Н.** Субстанциальная природа конфликта в драме И. Д. Сургучева «Осенние скрипки» // Сургучевские чтения – 2006: Илья Сургучев – человек и писатель. – Ставрополь, 2006. – С. 106-121.
- История** русской литературы конца XIX и начала XX в.: Библиогр. указ. / АН СССР; Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом); Под ред. К. Д. Муратовой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 519 с.
Из содерж.: Сургучев Илья Дмитриевич (15 (27) февраля 1881 – 19 ноября 1956). – С. 393-395.
- Алексеев А. Д.** Литература русского зарубежья: Книги 1917-1940: Материалы к библиографии. – СПб., 1993. – 200 с.
Из содерж.: Сургучев Илья Дмитриевич, (15 (27) февраля 1881- 19 ноября 1956): [Библиогр. список изданий 1917-1940 гг. с перечнем отзывов на них]. – С. 165.
- Сургучев И. Д.:** [Библиогр. справка] // Владиславлев И. В. Русские писатели: Опыт библиогр. пособия по новейшей русской литературе. – Л., 1924. – С. 409.

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
ИНСТИТУТЕ В 30-Е ГОДЫ XX в.**

*(К 75-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)*

Ставропольский государственный университет сегодня – это мощное научное учреждение Северного Кавказа, обладающее высоким научным и научно-техническим потенциалами. Однако путь к современным достижениям был достаточно длительным и сложным. На момент своего образования в 1930 г. институт располагал всего 12 преподавателями, бывшими работниками Ставропольского института народного образования и сельскохозяйственного института.

В сентябре 1931 г. Ставропольский агропедагогический институт был переименован в Ставропольский педагогический институт для подготовки преподавателей для техникумов, рабфаков и школ²⁵. В первый год становления преподаватели вуза решали организационные вопросы, поэтому активная научная работа не велась. Кроме того, продолжала действовать тенденция проведения самостоятельных научных исследований, которые отражали интересы того или иного ученого.

Большое влияние на организацию научно-исследовательской работы пединститутов оказало постановление коллегии НКП по докладу сектора науки «О мероприятиях по улучшению научно-исследовательской работы пединститутов» от 5 ноября 1931 г. Состояние НИР было признано неудовлетворительным, указывалось на отрыв от практических задач школы. «В национальных пединститутах не отражена практическая работа национальных школ, их коренизация. Планы работ педвузов охвачены схематичностью»²⁶. При этом справедливо определялись недостатки в организации НИР институтов: слабая материальная база, отсутствие оборудования, лабораторий, кабинетов, плохое финансирование, нехватка бумажных фондов для печатания научных трудов.

Для улучшения научной работы педагогических вузов предлагались три направления: разработка общетеоретических проблем, вопросов местных организаций и учреждений и изучение школьной работы. Главное внимание уделялось изучению практического опыта работы учительства в деле политехнизации школы и при подготовке педагогических кадров.

Государство целенаправленно готовило новые кадры советского учительства, которое было обязано формировать идеологию и мировоззрение нового человека. Поэтому основное внимание в научной работе должно было сосредоточиться на изучении содержания программ по отдельным школьным дисциплинам (физике, математике, родному языку, географии, истории); форме и методах работы учащихся на заводах и фабриках, в МТС и колхозах;

²⁵ ГАСК. ФР. 1872. Оп.1. Д. 63. Л. 79.

²⁶ ГАРФ. Ф-А. 2306. Оп. 69. Д. 2117. Л. 40.

связи школьного обучения с производственным трудом; вопросах коренизации национальной школы; коммунистическом воспитании и т. д. Кроме указанных проблема в план НИР пединститутов должны были войти вопросы организации и методов педагогической работы, методик повышения квалификации массового учительства и заочного обучения²⁷.

Для устранения распыления сил пединститутам предлагалось сосредоточить внимание на комплексных темах. Ставропольскому пединституту определялась тема «Методика инструктирования массовой школы»²⁸. Однако реальные научные исследования в вузе начались после завершения организационного периода.

В 1933 г. в Ставропольском пединституте была образована комиссия по координации НИР в составе помощника директора по учебной части П. М. Коломийца, заведующего литературным отделением Н. Н. Фатова, заведующего кафедрой биологии В. Н. Лучника, директора института К. Р. Чирвы²⁹. К этому времени в институте сложилась материальная база для проведения научных исследований: имелись лаборатории, библиотека, кабинеты физики и химии, политехническая лаборатория и мастерские; был разбит ботанический питомник и распланирован ботанический сад. Число кафедр возросло до 9, а штат профессорско-преподавательского состава включал 34 человека, среди них – 2 профессора, 22 доцента, 10 ассистентов³⁰.

Большую роль в постановке и развитии научной работы в вузе сыграл В. Н. Лучник, работавший здесь с 1930 года. Он создал в Ставрополе Энтомологическое общество и Кавказское общество естествознания. Его перу принадлежит более 200 научных работ. Лучником была создана уникальная коллекция низших беспозвоночных, насчитывавшая около 100000 экспонатов. В 1936 г. после внезапной смерти ученого его коллекция украсила Зоологический музей Академии наук СССР. Благодаря стараниям ученого в мае 1937 г. был заложен институтский ботанический сад. Здесь было представлено свыше 200 видов деревьев и кустарников из разных районов страны, большое количество видов декоративных растений. В. Н. Лучник – создатель зоологического музея, где были изготовлены чучела птиц и животных Северного Кавказа и выставлены коллекции окаменелостей.

Свой вклад в развитие естественных наук внесли ботаник Г. К. Стромин, химик Н. Н. Рождественский, зоолог Б. А. Красавцев. Расцвет географических наук связан с именем В. Г. Гниловского. Изучением технических наук в вузе занимался В. А. Бутлар, работавший в институте с 1931 г. Деятельность радиотехнического кружка пединститута, руководимая им, была отмечена многочисленными призами и дипломами различных выставок. Его научные труды публиковались в центральной печати.

В 1933 г. вышел первый сборник научных трудов Ставропольского пединститута, который открывался статьей профессора Н. Н. Фатова «О

²⁷ ГАРФ. Ф-А. 2306. Оп. 69. Д. 2117. Л. 40.

²⁸ ГАРФ. Ф-А. 2306. Оп. 69. Д. 2117. Л. 41 об.

²⁹ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.

³⁰ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

ленинском методе в литературоведении»³¹, а к 1935 г. вышел 11-й выпуск научных трудов объемом 14 печатных листов³².

Следует отметить, что администрация вуза поощряла преподавателей, занимавшихся научно-исследовательской работой. Так, к 18-й годовщине Октября и 5-летнему юбилею института за добросовестную работу доцент Г. П. Бондаренко был награжден грамотой «ударника» и годовой подпиской на журнал «Русский язык в школе», доцент Л. П. Невтонов – подпиской на журнал «Математика в средней школе», старейший профессор вуза В. Н. Лучник премирован научной командировкой и оборудованием на сумму 1000 рублей³³, профессор С. А. Агамян и доцент И. К. Савельев – научными командировками³⁴.

Несмотря на активизацию научной деятельности, выполнение плана НИР института в 1936 г. было оценено как неудовлетворительное. Среди причин указывалась большая учебная нагрузка преподавателей (Г. П. Захарьин – 1300 часов, Г. П. Бондаренко – 1200, Л. П. Невтонов – 1100 часов). Кроме того, большинство научных работников не имело опыта проведения научных исследований, так как окончило вуз в 1929-1932 гг. Исследовательской работой занималась группа специалистов: профессор В. С. Воропай – по математике, профессор С. А. Агамян – по физиологии растений, кандидат сельскохозяйственных наук В. Н. Рекач – по зоологии беспозвоночных³⁵.

Результаты научных исследований находили отражение в публикациях научных сотрудников. В журнале «Северо-Кавказский учитель» была напечатана статья «Язык А. С. Пушкина» доцента кафедры русского языка Г. П. Бондаренко. Доцент кафедры математики Н. В. Наумович поместила свою работу «Построение, выполняемые односторонней линейкой» в сборнике № 5 «Математического просвещения». Доцент кафедры зоологии Б. А. Красавцев опубликовал работу «Архив гидробиологии» в трудах Казанского общества естествоиспытателей³⁶.

На проблематике научных исследований сказывалась аграрная экономика региона. Так, кандидатом сельскохозяйственных наук В. Н. Рекачем были опубликованы работы «Обзор вредителей технических кормовых культур хлопкового района Закавказья», «Луговой мотылек и борьба с ним», «Как бороться с тлями». Профессор зоологии В. Н. Лучник издал монографию «Жуки и жужелицы Ставрополя», профессор С. А. Агамян – «Влияние ультракоротких волн на вегетацию и урожай хлопка».

Кроме этого, содержание исследований отражало педагогический профиль вуза: профессор В. С. Воропай издал работу «Наглядность в

³¹ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 2. Д. 2. Л. 167.

³² ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

³³ ГАСК. ФР. 1871. Оп. 2. Д. 18. Л. 181.

³⁴ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 2. Д. 18. Л. 104.

³⁵ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³⁶ Там же.

преподавании математики высшей школы», профессор русской литературы Н. Н. Фатов – «Из переписки А. С. Неверова» и другие³⁷.

Разнообразной была тематика кандидатских диссертаций: ассистент кафедры истории А. Я. Колосов разработал тему «История туркменов Ставрополья», доцент кафедры педагогики Ф. И. Науменко – «История русской школы на Кавказе и Закавказье», доцент кафедры географии В. Г. Гниловской – «Физико-географический очерк Сенгилеевского озера»³⁸.

Однако не все темы научных исследований утверждались советом вуза по желанию ученого. Классовый подход, идеологическая борьба с антимарксистскими настроениями являлись ключевыми критериями при определении проблемы. Например, в выборе темы кандидатской диссертации доценту анатомии и физиологии человека Жирикову «Влияние группы крови на поведение человека» было отказано, «так как она носит фашистский характер»³⁹. Борьба с «вредительством» коснулась и ученых института. Профессор анатомии, физиологии человека и животных М. С. Тарасенко 13 октября 1937 г. был уволен с работы «за политические вредные установки, выразившиеся в представлении расистской по существу темы научно-исследовательской работы и в антиколхозном выпаде на лекциях»⁴⁰.

Вместе с тем, институт расширялся и рос, к 1939 г. в нем увеличился штат профессорско-преподавательского состава и достиг 91 человека. Среди них – заведующих кафедрами, профессоров – 3 человека (В. К. Чапля, С. А. Агамян, Н. Н. Фатов), заведующих кафедрами доцентов – 9, доцентов – 9, старших преподавателей – 40, ассистентов – 17, преподавателей – 13. По совместительству работало 14 человек⁴¹.

Продолжала развиваться научная работа ученых вуза. В 1939 г. вышел первый том «Трудов Ворошиловского государственного педагогического института». В нем значительное место уделялось работам естественно-географического направления. Н. П. Черновалова поместила материал «О зимующих птицах г. Ворошиловска», П. А. Резник – «Пиявки окрестностей г. Ворошиловска» и «К изучению этнофауны окрестностей Ворошиловска», В. Г. Гниловской – «Известково-песчанистые конкреции верхнесарматских песков Ставрополья». Биолог Г. К. Стромин представил материал о новом виде сорняка, появившемся в Ставрополе – амброзии. Здесь же были работы зоолога Б. А. Красавцева, биолога П. В. Логинова, геолога Б. Ф. Каспиева. В первом номере «Трудов института» были помещены материалы П. Дьячкова «К вопросу о связи взглядов Стендаля с идеями просветителей», Г. П. Бондаренко «Из очерков русской диалектологии», Ф. И. Науменко «Из истории детских садов на Кавказе».

В 1940 г. вышел второй том «Трудов института» с преобладанием исследований историко-литературного направления.

³⁷ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³⁸ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 2. Д. 37. Л. 128.

⁴¹ ГАСК. ФР. 1872. Оп. 11. Д. 30. Л. 8.

Кроме названных изданий научные статьи ученых печатались в региональном научном сборнике «Орджоникидзевский край» и в центральных научных изданиях. Например, статья А. Я. Колосова «История народов Орджоникидзевского края» была опубликована в Большой Советской энциклопедии 1939 г., а статья В. Г. Гниловского «География Орджоникидзевского края» – в журнале «Природа»⁴².

Особое место в научной работе института в довоенное время занимала деятельность заведующего кафедрой географии, доцента Н. А. Бема. В 1939 г. он издал 19 научных статей, большая часть которых была опубликована центральными издательствами и представляла интерес для отечественной науки. К ним относились «Экономическая карта Европейской части СССР», «Комплексная физико-географическая карта Европейской части СССР», «География в неполной и средней школе» и др.⁴³

Постепенно проблематика научных исследований большинства сотрудников института начала связываться с методическим обеспечением преподавания предметов в школе. Этой же проблеме соответствовала тематика дипломных работ студентов, которые привлекались к НИР с 3-го курса обучения. Например, на естественном факультете «Военный химический материал в средней школе», «Углерод и его соединения, методика изложения в средней школе» под руководством доцента кафедры химии П. В. Логинова; «Элементы качественного анализа в средней школе», «Фосфор в программе средней школы» при консультации доцентов кафедры Матвеева и Швецова⁴⁴.

На биологическом факультете под руководством профессора С. А. Агамяна студенты 4-го курса разрабатывали проблемы методики преподавания биологии и применения достижений в сельскохозяйственном производстве: «Новые установки в советской физиологии и эффективность таковых», «Школьный демонстрационный материал по строению стебля флоры г. Ставрополя», «Стимуляция прорастания зерна как помощь школы колхозу»⁴⁵. Проблематика научных интересов В. Н. Лучника нашла отражение в исследовательских работах студентов «Микрофауна эоценовых отложений», «Вредители пчеловодства» и других.

В целом за первое десятилетие существования вуза сложилась материальная база для научных исследований, сформировались научные школы и направления. Целенаправленная государственная политика по созданию научно-педагогических кадров дала свои положительные результаты. Вместе с тем, ограничение тематики научных исследований педагогической направленностью в реальной практике выходило за ее рамки: ученые продолжали разрабатывать проблематику, отражающую их творческие интересы. Результаты научной работы, проведенные в довоенные

⁴² ГАСК. ФР. 1872. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 15.

⁴⁴ ГАСК. ФР. 1272. Оп. 2. Д. 18. Л. 52.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

годы профессорско-преподавательским составом педагогического института, имеют важное практическое значение и в настоящее время.

*С. Б. Калинин, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории СГАУ*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

О создании Ставропольского государственного университета: Пост. Правительства Рос. Федерации от 28 февр. 1996 г. № 189 // Рос. газета. – 1996. – 6 марта. – С. 5.

Нагучев Д. М. Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1992. – 311 с.

Очерки истории Ставропольского педагогического института / Редкол.: В. А. Шаповалов (пред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. – 112 с. – Библиогр.: 89 назв.

Наука в Ставропольском государственном университете. – Ставрополь: СГУ, 1997. – 72 с.

Наука в Ставропольском государственном университете. Вып. 2 / Под ред. Ю. Н. Скибина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – 76 с.

Наука в Ставропольском государственном университете (1996 – 2001 гг.): Справочное издание. – Вып. 3 / Под ред. Ю. Н. Скибина, В. М. Ищенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 136 с.

Ставропольский государственный педагогический университет / Редкол.: А. М. Ерохин, Е. Г. Пономарев, В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 1994. – 17 с.: ил.

Научно-инновационная деятельность Ставропольского государственного университета: Справочник / Под ред. профессора В. А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 191 с.

«Ставрополь: Своя строка в истории...». Кн. 2: Очерки истории образования и медицины / Авт. текста: Г. А. Беликов, А. Ю. Леденев, Б. Т. Ованесов; Сост. Н. В. Чеха. – Ставрополь: Фонд духов. просвещения, 2003. – 159 с.: ил. – (Город. ист. б-ка).

Из содерж.: Ставропольский государственный университет. – С. 82-85.

Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран: Сб. науч. ст., посвящ. 60-летию ист. фак. / Ред. В. А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – 407 с.

Из содерж.: Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Дону и Северном Кавказе в 60-80 годах XX в. – С. 225-231.

Ставропольский государственный университет // Золотой Юг России. – Ставрополь, 2005. – С. 82-83, фото.

В. А. Шаповалов – СГУ: [О 75-летнем пути СГУ и его ректоре, д-ре социол. наук В. А. Шаповалове] // Вечерний Ставрополь. – 2006. – 18 февр. – С. 5, фото.

Шаповалов В. А. «Достойны ли мы своих детей»: [Интервью с ректором СГУ, проф. В. А. Шаповаловым] // Ставроп. правда. – 2005. – 23 дек. – С. 3.

Шаповалов В. А. «Мы работаем на будущее России»: [О многообразии сфер учебной, научной, обществ. деятельности педагогов и студентов СГУ. Интервью с ректором В. А. Шаповаловым. Записала Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2005. – 19 апр. – С. 3.

Шаповалов В. А. Классический и... просто классный!: [О СГУ, его истории, традициях, учебной и научной работе коллектива. Беседа с ректором В. А. Шаповаловым. Вела беседу Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2006. – 28 февр. – С. 13, фото.

Шаповалов В. А. Классический университет и развитие единого образовательного пространства России: [СГУ] // Вестник Ставроп. гос. ун-та. – 2002. – Вып. 29. – С. 5-11.

Шаповалов В. А. Классический университет: роль и место в полиэтничном регионе // Научная мысль Кавказа. – 2004. – № 3. – С. 79-83.

Шаповалов В. А. Мы работаем на будущее России: [О многообразии сфер учебной, научной, обществ. деятельности педагогов и студентов СГУ. Беседа с его ректором В. Шаповаловым. Записала Н. Быкова]; Скрипаль С. Ненависть: [Рассказ] // Ставроп. правда. – 2005. – 16 апр. – С. 3. – (60 лет Победы).

Шаповалов В. А. Ставрополь – университетский город: [СГУ] // Вестник Ставроп. гос. ун-та. – 2002. – Вып. 30. – С. 5-6.

Шаповалов В. А. Университет XXI века: [О факультетах и специальностях СГУ, учебной базе и преподав. составе] // Ставроп. губ. ведомости. – 1998. – 6 июня. – С. 4, фото.

Шаповалов В. А., Ветров Ю. П., Крещенко И. Н. Идея университета (Классический университет на Ставрополье: обоснование необходимости, направление развития) // Вестник СГПУ. – 1995. – № 3. – С. 3-11.

Авксентьев А. В. Просветительская деятельность Ставропольского пединститута (50-е годы) // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конф. (10-11 апр. 1998 г.). – Ставрополь, 1998. – Ч. 1. – С. 7-11.

Акинин П. В. «Кит в океане экономики»: [О секретах классического экономического образования: Беседа с деканом эконом. факультета СГУ, доктором эконом. наук, профессором П. Акининым. Записала А. Белуза] // Ставроп. правда. – 2005. – 2 апреля. – С. 3, фото.

Быкова Н. О спорт, ты друг!: [О факультете физической культуры СГУ, его преподавателях, выпускниках, организации учеб. процесса, традициях] // Ставроп. правда. – 2005. – 4 июня. – С. 3, фото. – (Высшая школа).

Ивановский В. [Об открытии 1 октября 1930 г. в Ставрополе агропедагогического ин-та, его преобразованиях. Ныне – это СГУ] // Вечерний Ставрополь. – 2002. – 2 октября. – С. 7.

Кругов А. И. Мы интересны миру, мир интересен нам: [О многообразии междунар. связей СГУ] // Ставроп. правда. – 2005. – 22 июля. – С. 3.

Ломтева Т. Н. Пятилетие на «пятерку»: [О самом молодом и динамично развивающемся факультете СГУ – романо-герман. языков рассказывает его декан, доктор пед. наук Т. Ломтева] // Ставроп. правда. – 2003. – 22 мая. – С. 3, фото.

Падалка В. В. Физики и сегодня остаются лириками: [Об одном из старейших факультетов СГУ – физико-математическом: Беседа с деканом факультета, доктором физ.-мат. наук В. Падалкой. Записала Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2005. – 21 мая. – С. 4, фото.

Прайсман Л. В университет – учиться на врача: [О новом факультете СГУ – «медико-биолого-химическом», его специализациях] // Ставроп. правда. – 2005. – 27 апр. – С. 3, фото.

Прайсман Л. Юридическому факультету Ставропольского государственного университета – 10 лет: [Подборка материалов] // Ставроп. правда. – 2005. – 28 мая. – С. 5, фото.

Научная библиотека Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2006. – 42 с.

Березняк А. Л. Университет начинается с библиотеки: [Об открытии новой научной библиотеки Ставропольского государственного университета. О деятельности ректора, профессора В. А. Шаповалова] // Академия: Еженедельник науки и образования Юга. – 2005. – № 17 (252). – С. 1, 4-5.

Живые страницы: Указатель книг и статей по истории Ставроп. гос. пед. ин-та. 1930-1980 гг.: В 3 ч. / Сост. А. Х. Курмансеитова, И. А. Мохов (отв. ред.), В. М. Воронкина и др. – Ставрополь, 1980.

Указатель учебных и методических изданий Ставропольского педагогического университета (1987-1994). – Ставрополь: СГПУ, 1994. – 64 с.

На кладбище, где бранный прах наших предков покоится, мы хоть раз в год ходим, а на другие кладбища, где ум и сердце наших предков покоится, наши Архивы, мы оставляем в небрежении...

И. Д. Попко

Вынесенное в эпиграф замечание известного историка казачества и историографа XIX в. И. Д. Попко характеризует ситуацию, сложившуюся в конце XIX – начале XX вв. в архивном деле Северного Кавказа, история которого тесно связана с деятельностью Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК).

Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), образование которых приходится на 80-е годы XIX в., стали неповторимым явлением общественной и научной жизни России. Комиссии эти собрали, систематизировали и ввели в научный оборот огромное количество разнообразных исторических источников, выполнив тем самым трудную, но необходимую работу по формированию источниковой базы исторической науки. Их широкая просветительская деятельность, направленная на популяризацию местной истории, на обобщение исторического опыта народной жизни, способствовала развитию национального самосознания и исторического краеведения. С самого начала своей деятельности ГУАК не стали ограничиваться только упорядочением архивного дела на местах, а приступили к комплексным исследованиям историко-краеведческой направленности и охране историко-культурного наследия прошлого. Они распространяли «свою деятельность на все роды и виды памятников: письменных и вещественных, первобытных и исторических, церковных и гражданских», создавали архивы, музеи и библиотеки, изучали и собирали документы, проводили археологические раскопки и обследования, занимались охраной памятников древности.

Среди 39 губернских ученых архивных комиссий России была и Ставропольская, образованная в 1906 г. Каждая из комиссий обладала своеобразием и неповторимостью, ведь объектом исследования был отдельный регион России с его природно-климатическими и историческими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью источников и способностями тех людей, которые работали в комиссиях. Была специфика и у СУАК, выражавшаяся в археологических и этнографических исследованиях, что было обусловлено регионом, в котором ей пришлось работать.

Воссоздать историю СУАК позволяют, прежде всего, архивные документы из фонда комиссии, фонда Ставропольского губернского статистического комитета, хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), и личного фонда председателя комиссии Г. Н. Прозрителева, находящемся в архиве Ставропольского государственного

краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГКМ)⁴⁶, а также труды СУАК, материалы периодической печати.

Вопрос о создании СУАК назрел задолго до ее учреждения. Еще в 1886 г. известный исследователь Северного Кавказа, секретарь Ставропольского губернского статкомитета И. В. Бентковский, подавал ходатайство об организации в г. Ставрополе архивной комиссии, которое, однако, не было удовлетворено⁴⁷. Между тем, все основания для создания архивной комиссии в Ставропольской губернии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным уровнем. Губерния уже в конце XVIII в. имела богатейшие архивы, так как в период заселения и освоения Северного Кавказа здесь находились многочисленные государственные учреждения, управлявшие краем. К середине XIX в. они были переполнены делами. В силу этого сохранялись главным образом лишь документы текущего делопроизводства и те, которые представляли практическое значение. В основном это официальные правительственные документы директивного характера, предписания, указы, инструкции, рапорты и донесения чиновников и военных, отражающие процесс освоения региона. Часть из них сегодня хранится в ГАСК. Реформы последней трети XIX в. привели к возникновению новых, преимущественно гражданских учреждений, документы которых, наряду с упраздненными структурами, стали также поступать в архивы.

Положение архивов оставляло желать лучшего, что в целом было характерным явлением и для других районов Северного Кавказа⁴⁸. Дела находились в непригодных помещениях, зачастую вообще не имели собственных хранилищ. Как правило, за ними никто не следил, не занимался их разбором и учетом, архивные бумаги часто терялись, плесневели, гнили, повреждались грызунами, в результате чего гибли ценные источники по истории края. «При русской преступной халатности нам через несколько десятков лет придется писать историю России по иностранным источникам...», – с горечью писал современник, оценивая ситуацию в архивной отрасли Северного Кавказа⁴⁹. В старых бумагах видели «ненужный хлам», который выбрасывали, сжигали, использовали для переплетов книг, оклейки стен, в качестве оберточной бумаги.

Вопрос сохранения и разбора ценных исторических документов беспокоил кавказскую администрацию. Разрешить сложившуюся ситуацию пытались путем создания специальных «комиссий для разбора древних актов», задачей которых было избавиться от «лишних» бумаг и документов путем списания их к

⁴⁶ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК): Ф. 80 – Ставропольский губернский статистический комитет (1860 – 1917 гг.); Ф. 198 – Ставропольская ученая архивная комиссия (1905-1920 гг.). Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГКМ): Ф. 2 – фонд Г. Н. Прозрителева (1849-1933 гг.).

⁴⁷ Ходатайство об учреждении в г. Ставрополе ученой архивной комиссии // Куб. обл. ведомости. – 1886. – № 9.

⁴⁸ См., например: Цогоев В. Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отеч. архивы. – 2003. – № 2. – С. 15-24.

⁴⁹ СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 6. Л. 8.

уничтожению⁵⁰. Одна из первых таких комиссий по разбору архивных документов была учреждена по распоряжению Кавказского областного правления еще в 1845 г. Создавались они и позже с целью наведения в архивах «надлежащего порядка», однако деятельность их была малоэффективной, прежде всего из-за отсутствия специалистов и неясности поставленных задач. Подобная комиссия, назначенная Главным штабом, работала в 1881-1889 гг. по разбору документов Ставропольского губернского архива. В результате ее деятельности по выделению документов, «закрывающих в себе исторические материалы», из 187862 дел на постоянное хранение было оставлено лишь 6190 дел, остальные были уничтожены⁵¹. Так погиб почти полностью один из богатейших архивов Северного Кавказа. Ранее, в 1872 г., при аналогичном «разборе» пострадал и архив Ставропольской казенной палаты, где хранились уникальные бумаги о деятельности графа П. С. Потемкина.

Разбор архивов в XIX в. часто поручался офицерам Кавказского Генерального штаба. Так, в 1850-х гг. над сбором материалов по военной истории Кавказа с 1799 по 1826 гг. в кавказских архивах по поручению военного министра работал подполковник Бушен. Собранные им материалы в виде описей документов, выписок из архивных дел, хранящиеся сегодня в РГВИА, представляют важный источник по истории военной колонизации Кавказского края⁵². В фондах этого архива хранятся и выписки из документов, сделанные другими офицерами штаба, а также сборник военно-исторических документов по истории Кавказской войны за период 1800-1815 гг., составленный генералом А. П. Ермоловым⁵³. Ценность этих материалов заключается в том, что многие документы, из которых делались выписки, либо не сохранились до наших дней, либо остались в фондах Главного архива Кавказа, который находился в Тифлисе и сегодня малодоступен российским исследователям. В 1880 г. при штабе военного округа в Тифлисе был даже образован военно-исторический отдел, в задачи которого входил разбор архивов Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Грозного, ряда казачьих станиц и сохранение письменных источников⁵⁴.

В 1900 г. Археографическая комиссия Императорского Московского археологического общества (МАО) проводила анкетирование существующих в империи архивов с целью наведения в них «надлежащего порядка». Материалы по Северному Кавказу дали неутешительную картину состояния архивов в целом и в Ставропольской губернии, в частности. Необходимость спасения этого документального наследия и желание работать с ним приводило передовую общественность к пониманию необходимости создания в губернии специального учреждения, занимающегося данными вопросами. Таким учреждением могла стать ГУАК.

Учитывалось и место учреждения комиссий, как правило, это должны были быть «неуниверситетские» провинции, где отсутствовали крупные научные центры и научные общества, занимающиеся подобными проблемами. Важным обстоятельством было и наличие на местах круга заинтересованных в разработке исторических материалов лиц и определенных традиций в деле изучения

⁵⁰ СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁵¹ СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Ед. хр. 6. Л. 8.

⁵² РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 118, 121, 122, 129.

⁵³ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 104-106.

⁵⁴ Цогоев В. Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отеч. архивы. – 2003. – № 2. – С.

исторического прошлого. Всем этим требованиям отвечала Ставропольская губерния. Имея сравнительно небольшую, зато богатую событиями и фактами историю, губерния хранила ценнейшие документальные комплексы, разработкой которых инициативно занимались лишь отдельные члены губернского статкомитета. Ими и был вновь поднят вопрос об учреждении СУАК в 1905 г. Идея активно обсуждалась на страницах местной периодической печати, было проведено анкетирование архивохранилищ. Откликнувшиеся на анкету писари, священники, учителя, земские начальники и другие лица, причастные к созданию и хранению документов, помогли составить подлинную малоутешительную картину положения архивного дела в губернии.

На заседаниях Ставропольского статкомитета 8 апреля, 16 июля, 19 августа 1905 г. были сделаны доклады Г. Н. Прозрителева, А. С. Собриевского, Н. И. Успенского и Н. И. Чененского о необходимости образования СУАК и устройстве губернского исторического архива. На последнем заседании и было подписано заявление-прошение об учреждении комиссии, которое получило положительное решение 30 ноября 1905 г.⁵⁵ Спустя два месяца после улаживания всех необходимых формальностей, 16 января 1906 г., на общем собрании членов Ставропольского губернского статкомитета было определено открыть в городе Ставрополе ученую архивную комиссию, а 24 членов-учредителей (А. В. Архангельский, К. А. Росляков, Н. Я. Динник, А. С. Собриевский, В. С. Тринитатов, Н. И. Успенский, Л. Я. Апостолов, Ф. С. Снежков, Г. Н. Прозрителев, А. Г. Гурский, К. С. Педашенко, О. Никольский, Г. К. Пправе, К. С. Белецкий, Н. В. Григораш, Г. К. Гаглазов, Д. Г. Исаев, М. Г. Лебедев, Н. М. Климов, А. И. Рублев, М. И. Шищенко, И. П. Кувшинский, М. Х. Холев, К. И. Лобасов), подписавших прошение, признать действительными членами комиссии.

Первое организационное заседание, состоявшееся 17 февраля (по новому стилю 2 марта) 1906 г., считается официальной датой создания СУАК⁵⁶. На нем были определены цель, задачи, основные направления комиссии, общий и руководящий состав. Председателем был избран городской нотариус, присяжный поверенный Григорий Николаевич Прозрителев, краевед, историк, археолог, этнолог, просветитель, видный общественный деятель Северного Кавказа. Он практически беспрерывно возглавлял комиссию до 1920 г., что во многом и предопределило относительную стабильность в ее работе. Только непродолжительный период, с мая 1916 г. по июнь 1919 г., комиссией руководил С. Н. Костямин в силу того, что Г. Н. Прозрителев в 1915 г. был назначен председателем Кавказской археографической комиссии в г. Тифлисе⁵⁷. Непременным попечителем СУАК стал ставропольский губернатор Б. М. Янушевич.

Состав Ставропольской ГУАК был многочисленным, т. к. она привлекала к своей работе всех, кто интересовался историческим прошлым губернии и Кавказского края, однако далеко неоднородным как в социальном, так и в образовательном отношении, что обусловило неравномерность участия членов

⁵⁵ ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 2, 27.

⁵⁶ ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 11, 19.

⁵⁷ СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7.

комиссии в научно-исследовательской работе. Журналы заседаний и отчеты комиссии показывают, что активно научными исследованиями занималось не более 10-15 ее членов, несмотря на то, что в тех же отчетах видно ежегодное увеличение численности ГУАК. Так, в 1914 г. в ее составе было 8 почетных, 75 действительных членов и 2 сотрудника, а в 1915 г. уже 13 почетных членов, 104 действительных и 4 сотрудника⁵⁸. Среди тех, кто постоянно занимался научной работой были настоящие энтузиасты, преданные своему делу люди, горячо любящие свой край: В. Г. Загорская, М. В. Краснов, С. В. Фарфоровский, С. М. Долинский, М. И. Ермоленко, С. Г. Колмаков, А. Н. Можарова, духовный миссионер С. Никольский, известный литературовед, публицист Б. Л. Модзалевский, архитектор Г. П. Кусков и др. Многие из них уже имели опыт работы, т. к. ранее сотрудничали в различных научных учреждениях и краеведческих обществах Северного Кавказа. Основной костяк составляли представители провинциальной интеллигенции: преподаватели, адвокаты, врачи, чиновники, служащие. Среди действительных членов были, например, русский историк С. Ф. Платонов и палеонтолог, профессор Московского университета М. В. Павлова.

Как и другие архивные комиссии, СУАК широко практиковала избрание в ряды своих почетных членов тех, кто оказывал ей всяческое содействие. В числе последних были: его императорское высочество великий князь Николай Михайлович, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор, председатель МАО, графиня П. С. Уварова, член Археологической комиссии, профессор Н. И. Веселовский, профессор Петроградского университета И. А. Шляпкин, профессор Петроградского археологического института Н. В. Покровский и др.

Комиссия работала под определенным административным надзором со стороны губернских властей, что проявлялось в необходимости согласования кандидатур ее новых членов и получении соответствующих разрешений в губернской канцелярии. Так, в 1910 г. по настойчивому требованию губернатора из состава комиссии пришлось вывести двух ее членов, Лиджо Карвенова и Андре-Менке Михайлова, которых власти посчитали лицами «с весьма сомнительной репутацией»⁵⁹. Видами контроля были согласование повесток заседаний, цензура изданий, регулирование публичных мероприятий, выставок, лекций.

Основными направлениями деятельности СУАК стали археографическое, научно-исследовательское, археологическое, музейное, библиотечное, издательское. Ведущая роль в их определении принадлежала председателю Г. Н. Прозрителю. Уже на первом заседании им был сделан доклад «О положении архивов в Ставропольской губернии», в котором были определены главная цель – «составить исторический архив, т.е. собрать все то, что представляет ценный научный материал для истории края и бытовых условий жизни его населения» и основные задачи – контроль над архивами, их разбор и описание, спасение исторических памятников, популяризация историко-краеведческих знаний. Была

⁵⁸ ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 9-31.

⁵⁹ Там же. Л. 3, 15 – 16; Д. 43. Л. 15.

отмечена и причина существующего положения – «... неутешительное состояние архивов происходит больше от небрежности, чем от недостатка средств...»⁶⁰. Работа проводилась в соответствии с составленной Г. Н. Прозрителевым в форме анкеты «Программы обследования местных архивов». Отпечатанная в виде брошюры в количестве 300 экз., она была разослана во все уезды и волости Ставропольской губернии и Кубанской области. Главными в ней были вопросы: «С какого года начинаются дела в архивах?», «Не угрожает ли им опасность от самого помещения их?», «Нет ли в учреждениях каких-либо других предметов прошлого, которые также могут быть ценными в руках историка?» Поступившие ответы из 129 правлений позволили получить реальную картину состояния архивного дела в регионе и наметить первоочередные задачи деятельности комиссии.

Проводимые мероприятия по разбору и спасению от гибели письменных источников были направлены на формирование губернского исторического архива, выявление имеющихся в архивах документов по истории края. СУАК обследовала и разбирала архивы учреждений и организаций, наводила порядок в документах, определяла их состав, вела работы по отбору материалов для постоянного хранения. Акцент делался на необходимость сохранения ценных в историческом отношении источников. Так, членами комиссии были обследованы и разобраны до 40 тыс. дел губернского архива и примерно 10 тыс. дел Казенной палаты, более 243 тыс. дел старых и уже упраздненных учреждений Ставропольской губернии, которые размещались на колокольне кафедрального собора в г. Ставрополе (это т.н. старый архив, найденный в одном из сараев при Ставропольском городском полицейском управлении и благодаря содействию епископа Агафодора перевезенный в колокольню кафедрального собора). Разбирались и описывались также частные архивы.

На заседаниях комиссии не раз были отмечены заслуги ее членов в деле работы с архивными бумагами: Д. Ф. Леплявкина, архивариуса губернского правления Пагирова, архивариуса Ставропольского окружного суда Анзорова, священника Покровского, председателя Г. Н. Прозрителева. СУАК направляла своих членов для участия в продолжающих работать параллельно с ней особых архивных комиссиях по разбору и уничтожению старых дел. В 1911 г. такую комиссию, учрежденную ставропольским губернатором, возглавил Г. Н. Прозрителев, что по мнению членов СУАК должно было стать «гарантией того, что дела, имеющие исторический интерес, не погибнут».

Являясь первой и единственной на Северном Кавказе, СУАК вынуждена была обслуживать не только весь регион (Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области), но и часть Закавказья (Эриванскую, Елизаветпольскую, Караурганскую и Новороссийскую губернии, Анапскую таможню, Южный таможенный округ, Батум и др. районы). «...Громадное количество дел, накопленное в архивах еще с 1802 г., оставалось не разобранным, и теперь это все свалилось на нашу комиссию...», – читаем в отчете комиссии за 1911 г. В комиссию потоком поступали на утверждение описи дел, материалы, связанные с

⁶⁰ ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 16.

сохранностью конкретных архивных документов. Члены комиссии принимали участие в обследовании и инспектировании архивов региона, оказывали консультативно – методическую помощь, таким образом, впервые в регионе предприняли решительные меры по сохранению историко-культурного наследия.

Но не только большой объем труда и территория, которую охватывала своей деятельностью СУАК, затрудняли работу. Ограниченные материальные средства – еще одна трудность, которую испытывали многие ГУАК и это при том, что «архивные комиссии являлись самыми дешевыми установлениями в России». Лишь немногие из них получали ежегодные пособия в 200-300 руб. от губернских земств, в ряде губерний они составляли всего 20-25 руб. СУАК не имела бюджетного финансирования, лишь единовременные пособия, пожертвования городских учреждений и лиц, а также членские взносы – вот и все источники ее существования. Например, в 1916 г. за высокие заслуги в деле сохранения памятников древности СУАК получила единовременное пособие в размере 2 тыс. руб. от Императорского Русского исторического общества.

В 1914 г. в Петрограде состоялся съезд представителей ГУАК, признавший за провинциальными архивами первостепенное научное значение, как хранилищ исторических источников. Комиссиям было поручено заняться разработкой специальных инструкций о порядке привоза, хранения и разбора архивных дел для решения сложной и ответственной задачи – упорядочения архивного дела на местах. Уже в начале 1915 г. на очередном заседании СУАК были утверждены разработанные Г. Н. Прозрителевым «Инструкция о привозе и хранении старых дел» и «Инструкция для разбора старых дел», в основу которых был положен многолетний опыт работы с архивными документами. Так, «Инструкция для разбора старых дел» предусматривала прочтение и рассмотрение каждого дела независимо от того, к какому времени оно относится, составление перечня дел, подлежащих постоянному хранению (именные списки чиновников, формулярные и послужные списки, дела с грифом «к сведению и руководству», циркуляры и распоряжения, дела о вызове чиновников на службу в Кавказский край, дела областного и губернского правлений, дела о сектантах и раскольниках, дела, касающиеся г. Ставрополя, и т. д.)⁶¹.

Члены СУАК уделяли внимание и вопросам научного описания архивных документов, организации их научного использования. Работа членов комиссии была тесно связана с археографической деятельностью, с постоянным поиском и разработкой ее приемов. Отдавая предпочтение систематическим («ученым») описям, члены комиссии зачастую превращали описание документа в подобие его публикации. Несмотря на неоднозначную оценку деятельности СУАК по упорядочению архивного дела, на критику применявшейся ею методики архивной работы, следует признать, что именно благодаря усилиям ее членов ГАСК сегодня имеет одно из богатейших собраний дореволюционных документов на Северном Кавказе, источников, отражающих многочисленные аспекты политической, административной, военной, социально-экономической и культурной истории края.

⁶¹ СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

С первых дней существования комиссия стала заниматься изучением исторического прошлого Северного Кавказа. Научные интересы ее членов охватывали широкий спектр исторических проблем. Представление о тематике исследований и их характере дают журналы заседаний СУАК. Определялась она во многом стихийно и зависела от научных интересов и пристрастий самих исследователей. В центре внимания были проблемы ранней истории края, истории его заселения, основания и развития г. Ставрополя и КМВ, церковное строительство, развитие народного образования и просвещения. Приоритетным направлением, как и у большинства ГУАК, оставалась проблема колонизации края. В «Трудах» СУАК был даже специальный раздел «Статьи по истории края». Работы представляли собой краеведческие описания, являющиеся наиболее распространенным типом научной работы в рассматриваемую эпоху. Им был присущ междисциплинарный подход и комплексность, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений, иногда философских отступлений авторов. Составлялись они, как правило, основываясь на личных наблюдениях и исследованиях; различались по тематике, объему материала, специфике преподнесения текста, по уровню мастерства в прочтении источников. Из старых архивных документов и воспоминаний провинциальные исследователи пытались «сложить» историю прошлого края и через нее представить историю страны в целом.

Важное научное значение имели этнографические исследования членов СУАК. Мультикультурное разнообразие, политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь полиэтнических областей региона не могли не привлечь внимание кропотливых исследователей. История автохтонного населения, процессы взаимовлияния народов, опыты совместного проживания, хозяйствования, природопользования и влияния на ландшафт, история диаспорных отношений, миграционные процессы – все это и многое другое оказывалось в поле их зрения. Повышенное внимание к этнографическим исследованиям связано с формированием этнографического отдела Музея Северного Кавказа, образованного в 1905 г. Попечительством музея перед СУАК была поставлена задача – начать сбор экспонатов, отражающих жизнь региона, культуру различных народов, прежде всего кочевых: туркмен, ногайцев, калмыков. Финансовую помощь ей оказал главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии А. П. Польский.

Результаты экспедиционной работы заслушивались на заседаниях и находили отражение на страницах периодических изданий комиссии в специальном разделе «Статьи по этнографии». Именно там были впервые опубликованы анкета и обращение к местным жителям с просьбой заняться сбором сведений и составлением описаний местностей, народов, их образа жизни по специально предложенной программе, автором которой был член комиссии С. В. Фарфоровский. Итогом «собирательской» деятельности членов СУАК стали богатейшие и весьма разнообразные этнографические коллекции, которые сегодня украшают этнографический зал СГКМ, помогая воссоздать историю и быт народов, населявших в прошлом ставропольские земли. На основе архивных

материалов и, что особенно важно, сведений устной истории членами комиссии был написан ряд научных работ о калмыках Ставропольской губернии.

Вплоть до 1920-х гг. комиссия занималась изучением и охраной памятников материальной культуры. Позже на смену ей пришли секция охраны памятников старины и Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Возросший общественный интерес и внимание к археологии в конце XIX – начале XX вв. выразился в тесном взаимодействии ГУАК с ведущими археологическими учреждениями страны: Императорской археологической комиссией (АК), Археологическим институтом, МАО, а также археологическими съездами России.

Систематических археологических исследований СУАК проводить не могла из-за недостающих для этих целей средств и специалистов. Сказалось и отсутствие систематизированных сведений о месторасположении памятников, которые открывались случайно в ходе строительных и хозяйственных работ. Поэтому первоочередной задачей стала паспортизация археологических объектов. Изучая местные предания и легенды, свидетельства письменных источников, записки путешественников, хранящихся в местных архивах, члены комиссии работали над сбором материала для составления археологической карты Ставропольской губернии⁶². Экспедиционная деятельность ограничивалась разведками и охранными раскопками.

Охрана памятников древности была одним из самых сложных направлений деятельности комиссии: во-первых, из-за значительных размеров губернии, во-вторых, вследствие «невежества населения», в-третьих, потому что возрос размах кладоискательства, ставшего своеобразным промыслом для местного населения. Увеличение числа неквалифицированных, порой «хищнических» раскопок, заставило комиссию подключить к охране памятников древности общественность. СУАК вела постоянную работу по ознакомлению местных жителей с памятниками старины и древности Северного Кавказа, по проблемам сохранения и развития исторических традиций. Ее председателем был написан ряд статей о роли и значении археологии. По уездам и волостям рассылались «вопросные листы» на предмет выявления памятников древности, случайных археологических находок, «каменных баб», находящихся у местных жителей. Поощрялось всякое внимание и желание к изучению археологических памятников. Со страниц периодической печати комиссия сообщала о том, что все интересующиеся археологией могут стать корреспондентами комиссии.

По инициативе председателя комиссии Г. Н. Прозрителева был организован надзор за памятниками старины её сотрудниками, избираемыми из числа местных жителей, «давший прекрасные результаты», ведь «живое общение и живое обучение действовало лучше всяких запретов и административных распоряжений». Сотрудниками СУАК были крестьяне Т. Д. Щегольков (с. Благодарное) и А. С. Рыжков (с. Медвежье), учитель М. Севастьянов (с. Средний Егорлык), служащий городской управы А. А. Соколов и др. В их обязанности входило: следить за состоянием археологических памятников, охранять их от посягательств кладоискателей, сообщать в комиссию о фактах их разграбления и

⁶² СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 43.

разрушения, вести просветительскую работу с населением, составлять краткое описание курганов, расположенных вокруг селений, надзирать за ходом строительных и хозяйственных работ, отправлять найденные вещи в комиссию, приобретать случайные археологические находки у населения, записывать предания и поверья о кладах и городищах⁶³.

В архивном фонде СУАК хранится переписка с любителями древности и сотрудниками комиссии по вопросам охраны памятников, местонахождения архивных объектов, случайно обнаруженных кладов и монет. Сотрудникам выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия и разовое вознаграждение в зависимости от ценности информации и находок. Они обладали широкими полномочиями и при содействии полиции имели право воспрепятствовать незаконным раскопкам и отобрать найденные вещи. Надо отметить, что губернатор, полиция, а также местные административные власти оказывали «постоянное и неуклонное содействие заботам комиссии по охране предметов старины». Поддержку и понимание комиссия встретила в лице митрополита Агафодора, усилиями которого в 1894 г. было создано Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество. Совместными усилиями многое было сделано для сохранения историко-культурного наследия в г. Ставрополе и Ставропольской губернии.

Для ряда археологических объектов в самом г. Ставрополе впервые были заказаны металлические доски с надписями, что данный памятник охраняется государством. В публичных выступлениях и со страниц газет члены СУАК не раз подчеркивали необходимость установления постоянного надзора за памятниками и принятия соответствующих законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, имеющих историческую ценность и случайно найденных при строительных работах.

Научно-методическую помощь комиссии в проведении археологических обследований оказывало МАО. Формы взаимодействия столичного и провинциального научных учреждений были разнообразны: совместные археологические исследования, консультативная помощь при организации исследований, переписка, обмен научными изданиями. Являясь одним из самых многочисленных и популярных научных обществ, МАО в рассматриваемый период во многом определяло характер и направления научных исследований в России. В своей работе оно отошло от принципов элитарности и замкнутости, присущих ряду столичных научных центров, и было тесно связано с провинциальными учреждениями. Главной задачей МАО считало объединение и сплочение местных исследователей в деле изучения исторического прошлого российской провинции.

Благодаря содействию и помощи МАО Ставропольская ученая архивная комиссия смогла начать археологическое изучение уникального памятника золотоордынской эпохи – древнего города Маджар. Членами СУАК были собраны все известные сведения о маджарских находках и об истории изучения города, старые планы и чертежи, скопированы и описаны надписи с надгробных плит. В

⁶³ ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 15-17; Д. 23. Л. 1, 11, 21; Д. 24. Л. 17.

1907 г. Г. Н. Прозрителев направил письмо председателю МАО графине П. С. Уваровой, в котором высказал необходимость проведения археологического изучения городища⁶⁴. К письму был приложен обширный доклад, опубликованный впоследствии в «Трудах» СУАК. В результате на место нахождения Маджар был командирован сотрудник МАО, известный российский археолог В. А. Городцов. Его поездке предшествовала переписка, хранящаяся в личном фонде В. А. Городцова в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), которая дает возможность увидеть, какие задачи стояли перед экспедицией и как она готовилась⁶⁵. Весь ход раскопок, проводившихся с 1 по 30 июня 1907 г., тщательно документировался в полевых дневниках, которые вместе с отчетом были отправлены в АК⁶⁶. Своеобразную летописную хронику экспедиции представляют личные дневники В. А. Городцова⁶⁷. Результаты совместных исследований были доложены на XIV археологическом съезде в Чернигове (1909 г.). Материалы раскопок были переданы в Музей Северного Кавказа в Ставрополе и в Москву в фонды ГИМ. Это было первым и единственным в своем роде научным исследованием Маджар вплоть до 1989 г., к материалам которого и сегодня обращаются исследователи.

В 1909 г., совершив поездку в Кубанскую область и осмотрев развалины древнехристианских памятников в долинах рек Большой и Малый Зеленчук, Бежгон, Кефар, Теберда, Хумара и Марух, председатель СУАК Г. Н. Прозрителев обратил внимание ученых и краеведов на возможность их изучения. Археологическими исследованиями занимался также член комиссии, неутомимый краевед и энтузиаст М. И. Ермоленко, с именем которого связано создание в 1921 г. областного музея краеведения в г. Нальчике. В ходе обследования разрушающихся памятников, преимущественно курганов, он собрал многочисленные и разнообразные археологические находки, которые составили основу музея. Не имея специальной археологической подготовки, он не вел подробную полевую документацию, а лишь фиксировал места обнаружения предметов и составлял описи найденных вещей. Его перу принадлежит ряд археологических заметок, брошюр и статей о памятниках старины в Кабардино-Балкарии.

В ежегодных отчетах СУАК в разделе «Археология. Раскопки» отмечалось, что комиссия вынуждена вести преимущественно охранные раскопки, совершать «...большое количество выездов членов комиссии на разрушаемые объекты по тревожным сигналам сотрудников и проведение спасательных работ». Так, в 1911 г. члены комиссии Г. Н. Прозрителев и С. Т. Колмаков совместно с сотрудниками на местах предприняли ряд выездов по тревожным сигналам в с. Ново-Дмитриевское Медвеженского уезда и в с. Султановское, где шло разграбление кургана на г. Брык. Самовольные раскопки были приостановлены, произведено обследование памятников, собран подъемный материал. В 1912 г. СУАК

⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 426. Л. 55-56.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 426. Л. 57-58, 59.

⁶⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 72.

⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 329. Л. 212-224, 226-239.

занималась организацией надзора и охраной курганов по всей линии строительства железной дороги. Она командировала своих сотрудников для осмотра строительства, бесед с рабочими и «рядчиками» на предмет выявления предметов, имеющих «археологический интерес». В отчете СУАК за 1914 г. отмечено 11 выездов членов и сотрудников комиссии на места разграбления или случайного обнаружения памятников (у с. Благодарного, с. Грачевки, с. Покойного, с. Александрийского, с. Левокумского, с. Ивановского Медвеженского уезда, у с. Безопасного, с. Терновки, с. Донского). Найденные, собранные и купленные у местных жителей археологические находки поступили в Музей Северного Кавказа. В 1915-1916 гг. разведки с целью обнаружения археологических объектов на территории Ставропольской губернии проводили члены комиссии Г. Н. Прозрителев, К. Н. Болотов и С. Т. Колмаков, М. И. Ермоленко и А. С. Рыжков⁶⁸. Комиссия обязывала своих членов «при поездках по губернии заботиться и принимать меры к охране памятников старины». Результаты обследований получали освещение в научных докладах, сообщениях и рефератах членов комиссии. Проведенные ими обследования различных памятников на территории Северного Кавказа давали возможность для более широких научных обобщений, для выделения ареалов распространения культур, миграционных процессов в древности.

Специфика и универсальность СУАК, разбор и комплектование материалов по истории, археологии, этнографии обусловили появление Музея Северного Кавказа, созданного по инициативе Г. Н. Прозрителева и А. С. Собриевского, совместными усилиями СУАК и Ставропольского губернского статкомитета. Цель и назначение музея определялись следующим образом: «быть наглядным показателем развития и состояния нашего края при всестороннем его изучении в прошлом и настоящем». Программы и задачи будущего музея широко освещались на страницах «Ставропольских губернских ведомостей». Председателем СУАК была разработана собственная концепция строительства краеведческого музея, основанная на обобщении опыта музейного дела России и зарубежных стран.

В апреле 1905 г. были избраны члены попечительства Музея Северного Кавказа: Г. Н. Прозрителев, И. А. Качинский, Г. К. Праве, А. А. Польский, А. Г. Собриевский, А. П. Норман, Н. Т. Иванов, протоиерей отец Д. И. Успенский, К. С. Белецкий. Позже в его состав вошли Н. Л. Динник, В. И. де-Фриц, Н. Г. Колесников, А. И. Твалчрелидзе, С. Г. Потапов, А. Н. Семенов, К. А. Запасник, В. И. Богоявленский. Возглавил попечительство коллежский советник А. С. Собриевский. Были разработаны программы по 7 отделам музея. Устройство исторического отдела было поручено Г. Н. Прозрителеву, этнографического – А. А. Польскому. Музей Северного Кавказа был гордостью архивной комиссии, в основу его легли богатейшие личные коллекции ее председателя. Первоначально возникший по частной инициативе, музей развивался лишь на личные средства основателей и пожертвования и пополнялся благодаря энергии и старанию членов СУАК и статистического комитета.

⁶⁸ ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.; Д. 32. Л. 23.

Членам СУАК были присущи черты настоящих краеведов и музейных работников – интерес к экспедиционной жизни, умение описать объективно все стороны найденных археологических предметов, мастерство собирателей и кабинетных исследований. Они исходили пешком всю Ставропольскую губернию и часть Северного Кавказа, занимались сбором фактического, вещевого материала, делали зарисовки, снимали планы, беседовали с любителями старины и местными жителями, получая от них информацию о местонахождении памятников. Для сбора и приобретения экспонатов для музея комиссия командировала своих сотрудников и за пределы Северного Кавказа. Следует отметить, что весь поступающий материал проходил в музее научную обработку. Новые вещи и коллекции описывались, систематизировались, для них составлялись специальные каталоги. В дальнейшем на протяжении всей истории СГКМ археологические исследования являлись одним из постоянных направлений его работы. При музее находилась библиотека, насчитывавшая несколько тысяч томов, материалы периодической печати и рукописи.

СУАК, как и другие комиссии, издавала свои «Труды», выпускала периодические издания, на страницах которых публиковались архивные материалы, очерки и статьи, воспоминания, исторические исследования по истории, археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополя и Северного Кавказа, его культуре, биографии исследователей, отчеты комиссии. Большинство статей было написано по архивным источникам, многие из которых теперь уже безвозвратно исчезли. В «Трудах» СУАК помещались как полные тексты документов, так и подборки из них, публиковались архивные описи. В период 1910-1916 гг. вышло 8 сборников «Трудов» под редакцией Г. Н. Прозрителева. Периодически малым тиражом комиссия издавала журналы своих заседаний, каталоги, указатели, путеводители. Под редакцией Г. Н. Прозрителева вышло и 10 томов «Сборника сведений о Северном Кавказе», периодического издания Ставропольского губернского статкомитета, на страницах которого часто публиковались статьи членов СУАК. Исторические материалы, помещенные в них, не утратили своей научной значимости и сегодня. Более того, современные исследователи отмечают их чрезвычайную важность, как источников универсального содержания, при изучении социальной истории русской провинции. Издательская деятельность СУАК способствовала популяризации исторических знаний, пробуждала интерес к истории и археологии края, активизировала использование архивных документов в научных исследованиях.

Серьезное внимание члены комиссии уделяли и созданию собственной научно-справочной библиотеки. Книжный фонд пополнялся за счет личных библиотек членов СУАК, приобретения различных изданий, путем их обмена с другими архивными комиссиями и научными обществами, пожертвований частных лиц и учреждений.

События 1917 г. активизировали деятельность СУАК. Она, как и другие комиссии, приобрела значение главного хранителя исторических памятников. Основным направлением ее деятельности стало спасение и сохранение разнообразных памятников археологии, истории и культуры. Вплоть до середины

июля 1917 г. руководство деятельностью ГУАК осуществляло Императорское Русское историческое общество. В апреле 1917 г. вышло постановление Временного правительства о необходимости передачи в местные ученые архивные комиссии «всех находящихся в разных городах предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение», в котором указывалось на необходимость «регистрации всех памятников старины на местах и установление временной охраны и наблюдения за ними».

В июле 1917 г. СУАК, как и другие ученые архивные комиссии, была передана в ведение Союза российских архивных деятелей, а в августе 1920 г. прекратила свою деятельность. Так и не успев создать губернский исторический архив, СУАК все же сделала решительный шаг по сохранению важных исторических документов, тем самым заложив прочный фундамент для его образования уже в последующий, советский период истории. Она продемонстрировала совершенно новый подход к историко-культурному наследию, остановив процесс массового уничтожения документов и сохранив их для потомков. По сути СУАК была своеобразным краеведческим центром, координирующим усилия исследователей-любителей и исследователей-профессионалов по изучению Северного Кавказа в первой четверти XX в.

М. Е. Колесникова, доцент СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Труды Ставропольской ученой архивной комиссии

Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Вып. 1–8. – Ставрополь, 1910-1916.

Вып. 1. – 1911. – 515, IV с., карта.

Вып. 2. – 1910. – 358 с.

Вып. 3. – 1912. – 326, XXXIII с.

Вып. 4. – 1913. – 344 с.

Вып. 5. – 1913. – 207 с.

Вып. 6. – 1914. – 358 с.

Вып. 7. – 1915. – 318 с.

Вып. 8. – 1916. – 257 с., табл.

Журнал первого заседания Ставропольской ученой архивной комиссии 17 февраля 1906 года. – Ставрополь, 1906. – 18 с.

Журнал заседания общего собрания Ставропольской ученой архивной комиссии 14 сентября 1915 года. – Ставрополь, 1915. – 6 с.

Журнал заседания общего собрания Ставропольской ученой архивной комиссии 19 февраля 1916 года, посвященного годовщине освобождения крестьян. – Ставрополь, 1916. – 7 с.

Загорская В. Отчет о деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии за 1911 год // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. – Ставрополь, 1913. – Вып. 4. – С. 3–15. – 5 паг.

Отчет о деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии за 1914 год // Труды Ставроп. учен. архивной комиссии. – Ставрополь, 1915. – Вып. 7. – С. 7-10.

Отчет о деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии за 1915 год // Труды Ставроп. учен. архивной комиссии. – Ставрополь, 1916. – Вып. 8. – С. 1-65, VII. – Список членов комиссии. – 5 паг.

Литература о Ставропольской ученой архивной комиссии

Ходатайство об учреждении в городе Ставрополе ученой архивной комиссии // Кубан. обл. ведомости. – 1886. – № 9.

[К ходатайству об учреждении в г. Ставрополе ученой архивной комиссии] // Северный Кавказ. – 1905. – 20 окт.

Апостолов Л. Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г. Н. Прозрителева // Труды 15-го Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. – М., 1914. – Т. 1: Протоколы. – С. 108-111.

Прозрителев Г. Н. К истории нашей Ученой архивной комиссии // Труды Ставроп. учен. архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1 – С. 3-11. – 1 паг.

Прозрителев Г. Н. Архивы Ставропольской губернии: Доклад пред. Ставропольской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителева, читанный в общем собрании 17 февр. 1906 г. – Ставрополь, 1912. – 23 с.

Телев Г. Архивная комиссия: [К учреждению Ставропольской ученой архивной комиссии, ее задачах] // Северный Кавказ. – 1905. – 15, 25 янв.

Успенский И. И. О необходимости учреждения в г. Ставрополе-Кавказском ученой архивной комиссии: (Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 16 июля 1905 года) // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – С. 1- 12. – 3 паг.

Белоконь В. В. 90 лет архивному делу на Ставрополье // Ставропольский хронограф на 1996 год: Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1996. – С. 56–59.

Водолажская В. Архив – живая память истории. Григорий Николаевич Прозрителев – первый председатель ученой архивной комиссии на Ставрополье // Кавказский край, Пятигорск, 1995. – 29 июня – 6 июля.

Госданкер В. В. От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 251 с.: ил. [О Г. Н. Прозрителеве. – С. 11].

Захаров В. А. Ставропольская ученая архивная комиссия и ее роль в становлении ставропольского источниковедения // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 54-64.

Захаров В. А. К истории Ставропольской ученой архивной комиссии // Сб. Русского исторического общества. – М., 2003. – Т. 6 (154). – С. 303–319. – Указ. ст., помещенных в «Трудах Ставроп. учен. архив. комиссии»: с. 312-316.

Колесникова М. Е. Изучение образа жизни местных народов членами Ставропольской ученой архивной комиссии // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. – Ставрополь, 2001. – С. 211-214.

Колесникова М. Е. Охрана памятников старины на Ставрополье в начале XX в.: (По материалам Ставропольской ученой архивной комиссии) // Вестник СГУ. – Вып. 9. Исторические и социально-гуманитарные науки. – Ставрополь, 1997. – С. 13–21.

Колесникова М. Е. Г. Н. Прозрителев и Ставропольская ученая архивная комиссия // Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность: Тез. докл. и сообщений международной научн. конф., 23–24 мая 2001 г., Москва. – М., 2001. – С. 69–74.

Колесникова М. Е. Г. Н. Прозрителев – историк-краевед, собиратель архивов // Отеч. архивы. – 2002. - № 3. – С. 19-31, портр.

Колесникова М. Е. Научное общество в провинциальном интеллектуальном пространстве России: (На материалах СУАК) // Научная мысль Кавказа. Приложение № 4(45). – Ростов н /Д., 2003.

Колесникова М. Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (начальный период) // Из истории народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – Вып. 4. – С. 57–64.

Колесникова М. Е. Исследовательская деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии как раннепрофессиональная коммуникативная практика провинциального интеллектуального сообщества первой четверти XX столетия // Язык и текст в пространстве культуры: Сб. статей науч.-метод. семинара «TEXTUS». – СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – Вып. 9. – С. 328–340.

Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии: Численность и условия деятельности // Археографический ежегодник. – М., 1990. – С. 187-198.

Охонько Н. А. Общественный деятель, просветитель, краевед: [О деятельности Г. Н. Прозрителева в Ставроп. учен. архив. комиссии] // Северо-Кавказский регион: Информационно-аналитический вестник. – 1998. – № 3. – С. 68-71.

**ТЕБЕРДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПРИРОДНЫЙ БИОСФЕРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК**
(К 70-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ)

Тебердинский государственный биосферный заповедник расположен на северном макросклоне Главного Кавказского хребта в самой восточной части высокогорного Северо-Западного Кавказа, который является переходной зоной к Центральному Кавказу. До 83% его территории находится на высоте свыше 2000 метров над уровнем моря, около 100 больших и малых ледников составляют 10% от всей площади заповедника. Участок Главного Кавказского хребта, расположенный на его территории, имеет протяженность 42,5 километра и покрыт не только ледниками, но и вечными снегами. В верховьях горных долин находится около 150 озер ледникового происхождения на высоте 2000–3000 метров над уровнем моря.

Разнообразие условий в сочетании с расположением заповедника на стыке двух ботанико-географических округов между Западным и Центральным Кавказом обусловили большую насыщенность флоры и фауны региона.

Заповедник занимает площадь 85064 га, его территория разделяется на два участка, лежащих в верховьях рек Теберда и Большой Зеленчук. Тебердинский площадью 65792 га состоит из 4-х лесничеств: Тебердинское, Домбайское, Джамагатское и Гоначхирское. В 30 километрах западнее расположен Архызский участок в верховьях реки Кизгыч, его площадь 19272 га.

Для заповедных участков установлена охранная зона шириной до 5 километров общей площадью 36350 га, в том числе вокруг Тебердинского участка – 20300 га, вокруг Архызского участка – 16050 га.

Границами заповедника с трех сторон служат водоразделы: на юге – водораздел Главного Кавказского хребта, на западе – водораздел Тебердинско-Аксаутский, на востоке – водораздел Тебердинско-Даутский, северная граница проходит по рекам Джамагат и Муху.

Еще в 1878 году ставропольский натуралист Н. Я. Динник описал растительность и животный мир верховий Теберды. В 1897 году эти места посетил известный исследователь Кавказа А. Н. Дьячков-Тарасов.

Вопрос об организации заповедника в верховьях Теберды был поднят учеными и общественностью Кубанской области в 1914 году. Этому предшествовал ряд научных экспедиционных исследований.

В начале XX века в Теберде было организовано лесничество, которому в 1925 году была поручена охрана курортной зоны с установлением в ее лесах неполного заповедного режима.

В 1935 году был организован Тебердинский акклиматизационный заповедник местного значения, а 5 марта 1936 года постановлением № 40 ВЦИК и СНК РСФСР он был объявлен Высокогорным акклиматизационным государственным полным заповедником и включен в сеть заповедников, находящихся в непосредственном ведении Комитета по заповедникам при

Президиуме ВЦИК. Его организаторами были охотовед Зеленчукского района Хаим Самуилович Вейцман (погиб в годы Великой Отечественной войны) и главный лесничий того же района Владимир Казимирович Герцик. Одним из первых сотрудников и основателей заповедника был и Павел Александрович Утяков. Как он отметил в одном из писем Елизавете Ивановне Яковкиной (в то время она была директором музея «Домик М. Ю. Лермонтова»): «1939-1957 года – Тебердинский заповедник: начальник метеостанции, лаборант, старший лесник, научный сотрудник...»

В первые годы организации заповедника его научную часть возглавлял лесовод В. П. Князев, в 1953-1974 годах – А. А. Малышев, с 1976 года – Н. Н. Поливанова, в настоящее время зам. директора по науке является Артур Джапарович Салпагаров.

С 1937 по 1973 год директором заповедника был А. А. Барабанщиков, именно при нем были построены рабочие помещения, музей природы, кордоны для лесников, вольеры для животных. Уже более 25 лет заповедник возглавляет Джапар Сеидович Салпагаров.

В связи с поставленными задачами в первые годы в Тебердинском заповеднике широко проводились акклиматизационные работы: в 1936-1937 годах были осуществлены заводы алтайской белки, енотовидной собаки, пятнистого оленя и ряда растений, в том числе женьшеня, развивалось горное садоводство.

Первый период существования заповедника характеризовался продолжением хозяйственной деятельности на его территории, интенсивным развитием туризма и научных исследований, которые в основном носили акклиматизационный и прикладной характер. Так, изучением геоморфологического строения и историей древнего оледенения занимался профессор Г. К. Тушинский, наблюдения за изменением ледников и лавин вел П. А. Утяков, климат Теберды изучал Н. Н. Кузнецов-Угамский, Архыза – К. К. Туроверов, постоянные метеонаблюдения осуществляли две метеостанции и метеогруппа. К 1979 году были составлены почвенная и геологическая карты заповедника.

Этот период закончился с началом Великой Отечественной войны.

В связи с изменением административных границ в январе 1944 года заповедник был передан в подчинение Управления по заповедникам Грузинской ССР.

В 1951 году он был подчинен Главному управлению по заповедникам при Совете Министров СССР.

С 1955 года заповедник находился в подчинении Министерства сельского хозяйства СССР, потом перешел в ведение Главного управления охотничьего хозяйства заповедников при Совете Министров РСФСР, положение его стабилизировалось.

С 1961 года, когда начался второй кризис заповедной системы, Тебердинский заповедник уцелел, но ему грозила реорганизация в национальный парк. Однако местной научной общественности вместе с

ведущими академиками и профессорами страны заповедник удалось отстоять.

Кардинально изменились первоначальные задачи заповедника в научной деятельности на втором этапе в 1966 году, когда начались биогеоэкологические исследования по Международной биологической программе. Для их проведения в том же году на горе Малая Хатипара был образован высотно-экологический профиль, на котором на разных высотах были заложены лесные и луговые пробные площади и метеопост с 17 метеостационарами. Полная флористическая сводка была составлена Д. К. Волгуновым и В. Н. Кононовым, а дополнена Ф. М. Воробьевой. С учетом современной систематики был подготовлен полный список растительности с указанием мест произрастания, дана географическая характеристика флоры заповедника.

Растительность горных лугов систематизировали И. И. Тумаджанов, В. В. Савельева и В. Г. Онопченко.

Были собраны ценные сведения о верхней границе леса заповедника и её динамике. Особого внимания заслуживают работы И. И. Тумаджанова, Б. И. Суджашвили, А. А. Барабанщикова и Ф. М. Воробьевой.

Для повышения уровня биогеоэкологических исследований заповедником с 1976 года был заключен договор о творческом сотрудничестве с кафедрами почвоведения и геоботаники МГУ. Под руководством профессоров Л. А. Гришиной и В. Г. Онопченко были развернуты инвентаризационные, флористические, фаунистические и экологические работы, особое внимание уделялось проведению биогеоэкологических исследований.

Но Тебердинский заповедник имеет еще одно значение – туристического центра. За время его существования туризм здесь прошел два этапа: неограниченного развития и ограниченного упорядочения. С начала XX века освоение Западного Кавказа туристами имело спонтанный характер, особенно увеличилось их количество после Великой Отечественной войны, и к 1973 году число туристов в этом районе выросло до 300000 в год. Заповеднику пришлось усилить охранную деятельность. С начала 70-х годов XX века количество туристических маршрутов, опутывающих все ущелья, начало сокращаться. В 1979 году был закрыт на основной территории последний маршрут на Бадукские озера. В 1977 году от заповедника была отчуждена территория города Теберда, в 1979 году – территория Домбайского комплекса площадью 104 га. К 1985 году Домбай посещало до 700000 человек в год.

В конце концов туризм удалось сосредоточить в Домбае, на территории г. Теберда и самого поселка заповедника и по границам вдоль Джамагатского ущелья до источников нарзана.

21 апреля 1981 года вышло положение о заповедниках, утвержденное Госпланом СССР и Госкомитетом по науке и технике, которое запретило в заповедниках туризм и все формы отдыха населения. Но в силу исторических

причин туризм в Тебердинском заповеднике оставили, он был окончательно локализован в рекреационном районе Домбая.

Заповеднику удавалось сохранять в неприкосновенности большую часть своей территории, сформировавшись в крупное природоохранное и научно-методическое учреждение.

После проведения в 1972 году в Стокгольме Международной конференции по охране окружающей среды резко активизировалось международное сотрудничество в этой области и возникла идея биосферных резерватов как объектов международной сети охраняемых территорий.

Концепция биосферного резервата была разработана в 1974 году рабочей группой программы «Человек и биосфера» ЮНЕСКО. Созданная сеть биосферных резерватов, начиная с 1976 года, включает в себя 324 объекта в 82 странах мира.

Летом 1993 года эксперты из Совета Европы отметили, что работа Тебердинского заповедника проводится на европейском уровне. В 1997 году за хорошую сохранность экологических систем и развитие науки Совет Европы наградил Тебердинский заповедник Европейским дипломом первой степени. В марте 1995 года в Севилье (Испания) была проведена Международная конференция по биосферным резерватам (заповедникам). В 1997 году Тебердинский заповедник получил статус биосферного.

В бывшем Советском Союзе такой статус был присвоен 22 заповедникам. Однако в историческом ракурсе в бывших Российской Империи и Советском Союзе и ныне в Российской Федерации сложилась уникальная заповедная система, которой нет аналогов в мире. Поэтому перевод заповедника в биосферный режим не должен был сопровождаться утратами национальных достижений. Понятие «биосферного резервата» не полностью совпадает с понятием «заповедника».

Российские заповедники по определению в целом соответствовали критериям ядра биосферного резервата и их зонирование только бы повредило охране природы. Противоречия сделали необходимым возникновение российской концепции биосферного заповедника, которая была разработана академиками В. Е. Соколовым и Е. Е. Сыроечковским. Суть в том, что в сложившейся в нашей стране системе охраны природы заповедники являются эталонами природы и своеобразными природными и научно-исследовательскими учреждениями. Нельзя допустить деления заповедной территории на зоны с различными хозяйственными функциями. Российская система заповедников, изначально исходившая из полного заповедания типичных природных участков, ведения постоянных научных исследований, формировавшаяся на основе заполнения заповедниками географической системы биомов, как раз более всего подходила для получения биосферных материалов. По существу, наши заповедники прямо отвечали задачам, которые ставились перед участниками новой системы биосферных резерватов. Поэтому для обеспечения функций биосферного резервата ЮНЕСКО вокруг наших заповедников необходимо формировать биосферные полигоны.

Тебердинский заповедник во все времена существования проводил как фундаментальные, так и прикладные исследования, охватывая ими и заповедную, и хозяйственно используемую территорию.

Очень большая работа велась в области экологического просвещения. По мнению ученых, Тебердинский заповедник давно работает как биосферный, но необходимо усилить его научную базу.

Биосферный полигон заповедника выглядит следующим образом. С юга его роль выполняет Главный Кавказский хребет, южные склоны которого отвесные. Хозяйственная деятельность человека минимальная.

Сейчас территория заповедника представляет собой:

1. Заповедные территории: Тебердинский и Архызский участки. На 99% их находятся почти неизменные коренные и малоизмененные экосистемы.

2. Охранная зона Даутского республиканского зоологического заказника (организован в 1985 году). Его территория площадью 7500 га прилегает к северо-восточным границам Тебердинского заповедника. Расположен заказник на землях сельскохозяйственных предприятий имени Османа Касаева и «Тебердинский», а также лесхоза «Карачаевский». Его создание не ведет за собой изъятия участков у землепользователей и ограничения сельскохозяйственной деятельности. Здесь установлен режим охраны.

3. Территория туристического и альпинистского назначения. В неё входят Домбайский комплекс с постройками и канатными дорогами, созданный на площади 104 га, отчужденный от заповедника и расположенный у его южной границы, и альплагерь «Алибек». Кроме комплекса к территории туристического назначения относятся туристические и альпинистские маршруты протяженностью 76 км, сосредоточенные по периферии территории заповедника в районе Домбая и по ущелью Джамагат до источников минеральной воды. Всего туристических маршрутов 14, и все они однодневные.

4. Территория площадью 280 га, на которой осуществляется хозяйственная деятельность самого заповедника.

5. Территория курортного назначения – город Теберда.

6. Территория развития традиционного скотоводства вокруг заповедника. Это ряд сельскохозяйственных акционерных обществ, ведущих интенсивное мясо-молочное хозяйство.

7. Городской парк города Теберда – массив леса и озеро Кара-Кель.

8. Государственная автодорога Теберда – Домбай. Сама дорога отчуждена от заповедника, но положением о Тебердинском заповеднике 1996 года она входит в охранную зону.

9. Две правительственные дачи, которые посещаются редко.

Сейчас заповедник имеет сложившийся и действующий биосферный полигон.

На двух заповедных участках (кластерных) – Тебердинском и Архызском – представлено в совокупности все богатство флоры и фауны

кавказского высокогорья. Флора сосудистых растений включает до 1200 видов, в большинстве высокогорных. Лесная растительность занимает 35% территории. В заповеднике велика степень сохранности естественных экосистем. Здесь отмечено 262 вида позвоночных и около 1750 видов беспозвоночных животных. На территории заповедника зарегистрировано 74 вида животных, нуждающихся в охране: 54 из них вошли в Красную книгу Карачаево-Черкесии, 36 – в Красную книгу России, 17 – в федеральный «Перечень объектов животного мира, нуждающихся в особом внимании».

На Архызском участке заповедника реакклиматизирован зубр – вид, находящийся под угрозой исчезновения.

В первую очередь Тебердинский заповедник относится к числу ключевых орнитологических территорий международного значения. Здесь отмечено 202 вида птиц, что составляет около 80% орнитофауны Западного Кавказа и 56% орнитофауны всего Кавказа, гнездится 90 видов птиц, 40 из них нуждаются в охране.

Особое межрегиональное значение Тебердинского заповедника для охраны птиц определяется наличием магистральных путей сезонных перелетов. Над долиной Теберды и через Клухорский перевал проходят миграции многих видов птиц, главным образом в период осеннего пролета хищников-парителей: канюков, черных коршунов, луней. Птицы часто летят стаями, в первую очередь осоеды, что связано с особенностями рельефа. Поэтому трудно переоценить роль Тебердинского биосферного заповедника в сохранении поголовья хищных птиц всей Центральной России.

В заповеднике имеются 4 отдела. Научный отдел возглавляет А. Д. Салпагаров, экологический – Ю. В. Саркисян, лесной – А. Н. Бок, хозяйственный – А. Б. Дудов, в которых работают научные сотрудники: орнитологи Н. Н. Поливанова, В. М. Поливанов, лесовод М. Л. Путик, специалист по ледникам, водам и селям Л. Г. Татарникова, энтомолог О. В. Морозова, почвовед В. Н. Багрова и многие другие.

Отмечая 70-летний юбилей одного из старейших заповедников страны, хочется верить, что его чудесная природа будет сохранена для будущих поколений.

Е. С. Григорьева, менеджер по экскурсионно-методической работе ООО «Пятигорское бюро путешествий и экскурсий»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Об образовании Тебердинского высокогорного акклиматизационного государственного полного заповедника: Пост. ВЦИК и СНК РСФСР 5 марта 1936 г. // Хронологическое собрание законов, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. – М., 1949. – Т. 4. 1935-1945 гг. – С. 109-110.

О награждении Тебердинского государственного заповедника Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР: [За успехи, достигнутые в

проведении научных исследований и охране природы Главного Кавказского хребта] // Ставроп. правда. – 1986. – 27 марта.

Тебердинский заповедник: Труды. Вып. 1-9. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1957-1977.

Вып. 1. – 1957. – 275 с.: ил.; 2 л. схем.

Вып. 2. – 1960. – 267 с.: ил.

Вып. 3. – 1962. – 283 с.: ил.; 2 л. схем.

Вып. 4. – 1962. – 283 с.: ил.; 2 л. схем.

Вып. 5. – 1965. – 236 с.: ил.

Вып. 6. – 1966. – 231 с.: ил.

Вып. 7. – 1967. – 216 с.: ил.

Вып. 8. – 1972. – 225 с.: ил.

Вып. 9. – 1977. – 272 с.: ил.: табл.

Салпагаров Д. С. Тебердинский государственный биосферный заповедник: анализ развития и особенностей функционирования особо охраняемой природной территории в условиях туристско-курортной зоны Кавказ. – Ставрополь: Госкомэкологии РФ, 1999. – 11 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 16).

Малышев А. А. Женьшень. – Ставрополь: Государственный комитет по охране окружающей среды Управления заповедного дела, 1999. – 69 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 17).

Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана / Под ред. В. М. Поливанова. – Ставрополь: ТГБЗ, 2000. – 208 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 18).

Салпагаров Д. С. Тебердинский государственный биосферный заповедник в Карачаево–Черкесии: Опыт и перспективы Тебердинского заповедника как реализация его биосферного статуса. – Ставрополь: ТГБЗ, 2000. – 332 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. Заповедника; Вып. 19).

Комплексные исследования альпийских экосистем Тебердинского заповедника = Alpine ecosystems of the Teberda reserve: results of ecological studies / Моск. гос. ун-т им. М. Ломоносова. – М., 2004. – 209 с. – Библиогр.: с. 186-195. – Указ.: с. 196-204. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 21).

Салпагаров Д. С. Тебердинскому государственному биосферному природному заповеднику – 65 лет. – Ставрополь: Кавказ. край, 2001. – 150 с. (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 22).

Ефремов Ю. В., Салпагаров Д. С. Озера Тебердинского заповедника и сопредельных территорий: Труды... – Ставрополь: Кавказ. край, 2001. – 112 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 24).

Братков В. В., Салпагаров Д. С. Ландшафты Северо–Западного и Северо–Восточного Кавказа. – М.; Ставрополь: Илекса; Ставропольсервисшкола, 2001. – 256 с. (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 25).

Куражковский Ю. Н., Салпагаров Д. С. Народная академия им. А. Н. Формозова в решении социально–экологических проблем Юга России: (На базе Тебердинского заповедника). – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 184 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 26).

Салпагаров Д. С. Эколого-географические проблемы и функционирование природно-территориальных комплексов горных областей Северо-Западного Кавказа: Монография. – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 452 с. – (Труды Тебердинского гос. биосфер. заповедника; Вып. 29).

Воробьева Ф. М., Малышев А. А., Ткаченко В. И. Тебердинский заповедник. – М.: Знание, 1970. – 47 с.

Заповедная Теберда / Под ред. Н. Н. Поливановой. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1986. – 174 с.

Заповедники Кавказа / Под общ. ред. В. Е. Соколова, Е. Е. Сыроячковского. – М.: Мысль, 1990. – 367 с.: ил., карт. – (Заповедники СССР).

Заповедными тропами / Под ред. Т. А. Адольфа. – М.: Просвещение, 1980. – 190 с.

Особоохраняемые природные территории: Материалы междунар. конф. – СПб: Русское географическое общество, 2000. – 215 с.

Салпагаров Д. С. Тебердинский государственный природный биосферный заповедник. – Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2000. – 105 с.

Малышев А. А. Теберда: Путеводитель. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1973. – 109 с.: ил.

Тебердинский заповедник / [Авт.-сост. Д. Салпагаров, Н. Поливанова]. – Минеральные Воды: Кавказ. здравница, 1989. – 24 с.: ил.

Тебердинский заповедник: Фотоальбом / Вступ. статья А. Малышева. – М.: Планета, 1983. – 191 с. – (Заповедники СССР).

Экологические исследования на Северо-Западном Кавказе: [50 лет Тебердинскому гос. заповеднику]: Сб. науч. трудов. – М.: Главное управление охотничьих хозяйств и заповедников при Совете Министров РСФСР, 1985. – 180 с.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения великого мастера, подлинного художника, человека, которому суждено было сказать о жизни то, что никем не было сказано, и сказать так, как никто до него не говорил. Это М. А. Врубель.

С раннего детства он был наделен поразительными способностями к искусству, рос вдумчивым и серьезным ребенком. Сестре художника особенно запомнился один эпизод. В Саратов, где тогда жила их семья, была привезена копия с фрески Микеланджело «Страшный суд». Отец повел мальчика смотреть ее. Юный Михаил был потрясен увиденным, попросил повторить осмотр и, вернувшись домой, воспроизвел фреску наизусть во всех характерных подробностях. И еще одна страсть, которая уже тогда поселилась в душе мальчика, – это музыка. Мачеха Михаила была профессиональной пианисткой, и он мог часами просиживать у рояля, внимательно ее слушая. В музыкальной среде художник встретил и свою музу, мечту, которая затем стала спутницей его жизни, вдохновительницей целого ряда произведений. Это была солистка Московской частной оперы Надежда Ивановна Забела.

Читая воспоминания о художнике, поражаешься удивительной работоспособности этого человека и тому, насколько всецело и безраздельно он был поглощен любимым делом. В минуты творческого подъема весь мир словно переставал существовать для него. «Всякое настоящее дело требует на известный срок... беззаветности, фанатизма от человека», – пишет он сестре. Именно так, увлеченно, страстно и без оглядки, отдавался он живописи. Работал обычно очень быстро. А все потому, что долго вынашивал замысел, невидимый внешнему глазу процесс творчества происходил в нем постоянно. Когда М. А. Врубель приступал к работе, все малейшие детали уже совершенно ясно складывались у него в голове. Набросав небольшой эскиз, художник брался за выполнение замысла, для чего ему требовалось совсем немного времени. Например, своего знаменитого «Пана» он написал за два-три дня.

Много и увлеченно работал М. А. Врубель над иллюстрациями к произведениям М. Ю. Лермонтова. Бесспорно, эта тема является одной из главных в живописном наследии художника. По глубине раскрытия внутренней жизни человека, по значительности содержания, по строгости и выразительности формы эти иллюстрации можно отнести к наиболее совершенным его произведениям. Среди них особенно хочется отметить рисунки «Скачущий всадник», «Тамара в гробу», «Прощание Зары с Измаилом», «Дуэль Печорина с Грушницким».

Но все же главным персонажем поэзии Лермонтова для Врубеля явился Демон. Сегодня никто не станет спорить с тем, что самые лучшие иллюстрации к поэме «Демон» созданы Михаилом Александровичем. Его

великолепные полотна украшают залы Третьяковской галереи и многих других художественных музеев. Эскиз к «Демону поверженному» и набросок «Несется конь быстрее лани» хранятся в Пятигорске, в Государственном музее-заповеднике М. Ю. Лермонтова. Отношение к Демону у Врубеля было особое, он утверждал, что никто из художников, обратившихся к этому персонажу, не понял его. Вот его видение этого героя: «... вообще «Демона» не понимают – путают с чертом и дьяволом, тогда как черт по-гречески значит просто «рогатый», дьявол – клеветник, а «Демон» значит «душа» и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа, ищущего примирения обуревающих его страстей, познания жизни и не находящего ответа на свои сомнения ни на земле, ни на небе».

Работа над «Демоном» поглотила художника полностью, он создавал огромное количество эскизов и вариантов, пытаясь добиться своего видения. В этом отношении особенно показателен один эпизод. Когда «Демона» перевезли в Петербург для выставки «Мира искусства», Михаил Александрович каждый день переписывал работу, несмотря на то, что картина уже была выставлена. Е. И. Ге вспоминала: «Были дни, что «Демон» был очень страшен, и потом опять появлялись в выражении лица Демона глубокая грусть и новая красота». А однажды Врубель позвал к себе домой несколько художников взглянуть на оконченного «Демона». На один из недостатков работы указал В. А. Серов. Разгневанный не на шутку Врубель тут же накинулся на него с ругательствами: «Ты ничего не смыслишь в рисунке, а суешься мне указывать!» Через год после начала работы над этим образом отец художника так описывал врубелевского «Демона»: «Дух не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всем том дух властный... величавый». И это именно то, что удалось увидеть мастеру в любимом для него персонаже.

Страсть Михаила Александровича к искусству была настолько сильной, что ее не смогли сломить тяжелые, мрачные годы пребывания в лечебнице для душевнобольных. Он продолжал рисовать в больнице портреты врачей и пациентов. Рисунки, сделанные там, были очень удачными. По свидетельству современников, «в них болезни совсем не было видно». Врубель написал в клинике картину «Ангел с горящей лампадой», очень красивая вещь, жгучие, яркие краски. Особенно удался художнику портрет В. Я. Брюсова, написанный им в последние трагические месяцы жизни. В это же время он создал великолепную картину «Жемчужина». В перламутровой раковине изображены две женские фигуры, работа была очень необычной с удивительными, волшебными переливами красок. Вот какую характеристику мастеру дал В. Я. Брюсов, который много общался с ним в клинике: «В жизни во всех движениях Врубеля было заметно явное расстройство... Но едва рука Врубеля брала уголь или карандаш, она приобретала необыкновенную уверенность и твердость. Линии, проводимые им, были безошибочны. Творческая сила пережила в нем все. Человек умирал, разрушался, мастер – продолжал жить». И это была исчерпывающая

характеристика, характеристика человека, который всю свою жизнь посвятил великому служению искусству.

*И. В. Сафарова, ученый-секретарь
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Михаил Врубель: Живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, скульптура, театрално-декорационное искусство: Альбом. – Л.: Аврора, 1989. – 262 с.

Врубель М. А. Альбом. – Л.: Аврора, 1977. – 214 с.

Михаил Александрович Врубель, 1856-1910: Альбом репродукций. – М.: Искусство, 1968. – 46 с.

Врубель М. А. Альбом. – М.: Изобразит. искусство, 1971. – 28 с.

Врубель М. А. Рисунки к произведениям М. Ю. Лермонтова. – Л.: Художник РСФСР, 1964. – 14 л. ил.

Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике. – Л.: Искусство, 1976. – 384 с.

Алленов М. Михаил Врубель – М.: Слово, 1995. – 214 с.

Алпатов М. В., Анисимов Г. А. Живописное мастерство Врубеля. – М.: Мусагеть; Лира, 2000. – 232 с.

Алянский Ю. Л. Рассказы о Русском музее. – 4-е изд., испр. и доп. — Л.: Искусство, 1988. – 240 с.: ил.

Из содерж.: [История «Головы Демона» Врубеля]. – С. 93-94; [Иллюстрации Врубеля к произведениям Лермонтова. Картина «Летящий Демон»]. – С. 166-171.

Гомберг-Вержбинская Э. П. Врубель. – М.: Искусство, 1959. – 75 с.

Гаврилова Е. И. Михаил Врубель. – М.: Изобразит. искусство, 1973. – 63 с.

Дмитриева Н. А. Михаил Врубель: Жизнь и творчество. – М.: Дет. лит., 1988. – 144 с.: ил.

Из содерж.: [Произведения на лермонтовские темы в творчестве Врубеля]. – С. 30-46, 98-103, 140-141.

Дмитриева Н. А. Михаил Александрович Врубель. – Л.: Художник РСФСР, 1984. – 184 с.: ил.

Из содерж.: Работа Врубеля над картинами на тему «Демона». – С. 20, 43, 48-56, 76-78; «Героя нашего времени». – С. 54.

Дружинин С. Н. О русской и советской живописи: Из творч. наследия. – Л.: Художник РСФСР, 1987. – 232 с.

Из содерж.: [Произведения М. А. Врубеля на лермонтовские темы]. – С. 107-108, 112, 116, 118.

Коган Д. З. М. А. Врубель. – М.: Искусство, 1980. – 350 с.

Из содерж.: Работа Врубеля над образом Демона. – С. 89-90, 91-92, 95-96, 113-114, 151-159, 161-168, 172-178, 247-248, 287-288, 313-318, 338.

Константин Коровин вспоминает... / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн, А. В. Самков. – М.: Изобраз. искусство, 1990. – 608 с.

Из содерж.: Работа Врубеля над иллюстрациями к «Демону». – С. 121-122, 130; Шаляпин в «Демоне». – С. 225-227; Отношение Коровина к «Ветке Палестины» в детские годы. – С. 361-362; Работа Коровина над оформлением оперы «Демон». – С. 378-379.

Мочалов Л. В. Пространство мира и пространство картины: Очерки о языке живописи. – М.: Сов. художник, 1983. – 376 с. – (Искусство: Проблемы. История. Практика).

Из содерж.: Картины Врубеля на тему «Демона». – С. 259-261.

- Островский Г. С.** Рассказ о русской живописи. – М.: Изобраз. искусство, 1989. – 360 с.: ил.
Из содерж.: [Картина М. А. Врубеля «Демон поверженный»]. – С. 299-306.
- Сидоров А. А.** О мастерах зарубежного, русского и советского искусства. – М.: Сов. художник, 1985. – 240 с.
Из содерж.: [Произведения Врубеля на лермонтовские темы]. – С. 150-154.
- Суздальев П. К.** Врубель. – М.: Сов. художник, 1991. – 368 с.: ил.
Из содерж.: Произведения Врубеля по мотивам произведений Лермонтова «Демон». – С. 20-21, 66, 72-73, 76, 124-125, 149, 152-197.
- Суздальев П. К.** Врубель и Лермонтов. – 2-е изд., испр. – М.: Изобразит. искусство, 1991. – 239 с.: ил.
- Суздальев П. К.** Врубель, музыка, театр. – М.: Изобразит. искусство, 1983. – 367 с.
- Шаляпин Ф. И.** Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. – М.: Союзтеатр, 1989. – 320 с.
Из содерж.: [Влияние Врубеля на исполнение Шаляпиным роли Демона]. – С. 118.
- Ягодковская А. Т.** Михаил Александрович Врубель. – Л.: Художник РСФСР, 1966. – 65 с.
- Долгополов И. В.** Михаил Врубель // Долгополов И. В. Рассказы о художниках. – М., 1983. – Т. 2. – С. 163-183.
- Дурылин С.** Врубель и Лермонтов // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45–46. – 742 с.: ил.
- Ешмурзаева З.** Демон Врубеля // Звезда Востока. – 1989. – № 4. – С. 86-88.
- Красных И. Г.** Тема демонизма в творчестве Фридриха Ницше, Михаила Лермонтова и Михаила Врубеля: [Концепция сверхчеловека в философии Ф. Ницше и демонизма в творчестве М. Ю. Лермонтова и М. А. Врубеля] // Ф. Ницше и русская философия. – Екатеринбург, 2000. – С. 72–77.
- Петренко В. В.** Иллюстрации М. А. Врубеля к «Демону» М. Ю. Лермонтова // Книжное дело в России во второй половине XIX-начале XX в.: Сб. научн. тр. / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Л., 1986. – Вып. 2: Из истории демократ. и науч. кн. – С. 120-129.
- Петрова Н. В.** Демон в творчестве Лермонтова и Врубеля // Известия вузов: Северо-Кавказ. регион. Обществ. науки. – 2001. – № 3. – С. 8–13. – Библиогр. в примеч.: с. 13.
- Примочкина Н. Н.** Демон Блока и Демон Врубеля: (К проблеме сопоставит. анализа произведений словесного и изобраз. искусства) // Вопросы литературы. – 1986. – № 4. – С. 151-171.
- Примочкина Н. Н.** Сопоставительный анализ произведений словесного и изобразительного искусства: («Демоническая» тема в творчестве А. Блока и М. Врубеля) // Методология анализа литературного произведения. – М., 1988. – С. 107-132.
- Романова С.** Немеркнувшее искусство // Художник. – 1986. – № 10. – С. 50-55.
Из содерж.: [Тема Демона в творчестве Лермонтова и Врубеля]. – С. 52.
- Суздальев П.** «Демон» Врубеля // Панорама искусств-78. – М., 1979. – С. 101-138.
- Суздальев П.** Лермонтов и Белинский в рисунках Врубеля // Искусство. – 1978. – № 12. – С. 62-67.
- Товстоногов Г. А.** Лермонтовский Демон кисти Врубеля: Внимание: на экране — классика!: [О картинах Врубеля на тему поэмы «Демон»] // Лит. газ. – 1985. – 1 янв. – С. 7.

Владимир Константинович Маляров принадлежит к тем писателям, которые не придумывают, не «сочиняют» свои книги. Он чувствует и понимает жизнь вокруг себя, это его материал, это для него одна большая открытая книга. Если спросить, кто является героем произведений Малярова, то первое, что напрашивается в ответ – простой человек-труженик. Действительно, это рыбаки, трактористы, шоферы, лесосплавщики, хлебобобы – люди разных профессий, которыми не принято гордиться, потому что они «обыкновенные». Такой авторский адрес, очевидно, не только демократичен, но и благороден. Начало традиции изображения «маленького человека» в русской литературе коренится еще в творчестве Пушкина и Гоголя, а в наше время стабильно утвердилось в блестящих образцах рассказов и повестей В. Шукшина.

Однако, чтобы «маленький человек» стал героем литературного произведения, т. е. героем искусства, необходимо разглядеть в нем «большое» содержание, дающее возможность открыть новое, дополнительное знание о человеке вообще, о его отношении к жизни, к другим людям, к самому себе. За что можно любить человека или презирать его? Бывает ли человек счастлив именно в труде? Где искать моральные нормы? Насколько следует осознавать собственную меру ответственности за свою и чужую жизнь? Где корни человеческой личности, в чем содержится истинная культура человека? И еще много вопросов и проблем существует в том пестром повседневном мире, в котором живут герои писателя. Но и серьезность проблематики еще не дает права на читательское одобрение, как не дает пропускного билета в искусство. Речь идет о качестве писательского творчества, а его можно определить прежде всего по умению владеть словом. Манера повествования Малярова ненавязчива и проста. Она вполне соответствует тематике его повестей и рассказов, органична для той жизненной сферы, в которой обитают его герои. Все как-то очень вовремя: событие, диалог, описание, сюжетный ритм, паузы. В. Маляров владеет этими инструментами художественной композиции, как хороший музыкант нотной системой. От этого чтение его произведений происходит без напряжения, вовлекает в себя естественно. И внезапно останавливаешься не потому, что стало неинтересно или трудно, а просто потому, что наступил конец рассказа.

Авторская речь по-хорошему литературна, порой очень четко ощущается классическая традиция слова, близкого тургеневскому. Таково, например, начало одной из лучших повестей Малярова «Путина». Первые пейзажи легко и точно вводят в атмосферу жизни рыбацкого поселка. «Иногда далеко по округе разносился напряженный бас теплохода. И тогда поднималась откуда-то белая цапля; вытянув длинные ноги, летела прочь, медленно взмахивая мягкими крыльями. А из прибрежных камышей

поднимался косячок серых уток и, с легким свистом рассекая крыльями воздух, уносился над самой водой неизвестно куда». Этот простор, природная тишина, наполненная мирным движением, становятся содержательным фоном для сюжета о людях с крупными характерами. Сила этих людей – не в их самоутверждении, не в философских поисках смысла своего существования. Они не просто и прочно стоят на земле, без особенных размышлений, но убежденно определяют для себя жизненные позиции. Хорошо – это победить свое несчастье, не потеряв при этом любви к жизни, защитить слабого, здоровым смехом и презрением поставить на место какого-нибудь зарвавшегося односельчанина, полностью выложиться на работе, любить детей, понимать чужие проблемы. Однако в экстремальной ситуации они способны на экстремальные поступки.

Собственно, никакой особенной «истории» у героев повести нет. Описан один путинный сезон, внутри которого, по заведенному распорядку, сменяют друг друга эпизоды быта и труда, окрашенные проявлением человеческих характеров, живыми диалогами и переживаниями. Но за этим внешним сюжетом существует другой и главный. Он проявляется лишь временами, перебивая и перекрывая будничные диалоги, хотя единство художественного повествования держится именно на нем. Этот внутренний сюжет формируется, главным образом, вокруг одного персонажа – красивой и сильной рыбацки Маневы. В ее жизни, казалось бы, все складывается, как у многих русских женщин. «Подруги уезжали в город: кто учиться, кто работать, кто просто пожить городской жизнью. Звали они с собой и Маневу. Но в город Манева не уехала – пожалела больную мать и старую, сиротливо приткнувшуюся у берега лодку». И стала она работать в рыбацкой бригаде, перенося тяготы мужского труда не только без жалоб, но даже с каким-то веселым вдохновением. Манева очень напоминает тот тип русской женщины, «величавой славянки», который был воспет Некрасовым. Она – одна из тех, кто и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдет». Но Маляров не допускает прямых ассоциаций, его героиня порождена не литературной традицией, а теми неумирающими обстоятельствами трудовой сельской русской жизни, которые требуют именно такого характера. И недаром жизнь ее протекает на берегах Волги. Совсем, как Катерина в «Грозе» А. Островского, Манева с детства черпает в этой могучей русской реке свою душевную силу. Не выдерживая школьного порядка, она «любила во время занятий убежать на реку, прыгнуть в старенькую, повидавшую виды лодчонку и грести, грести подальше от села до тех пор, пока не заболят плечи. На Волге ее привлекало все: тревожный рев пароходного гудка, громкие голоса усталых рыбаков на тонях, а больше всего – неоглядная ширь родной реки».

В повести Малярова нет излишних претензий на занимательность, экзотичность, нет спекулятивного желания привлечь читателя чем-нибудь особенным и неповторимым. Это просто хорошее писательское слово о людях, которых автор любит, которым сочувствует, в души которых способен переселяться. Его герои – «не посторонние» ему. Первый сборник

писателя так и называется «Не посторонние мне люди».

Конечно, В. К. Маляров – талантливый писатель. Но его талант питается постоянным ненасытным интересом к жизни, что, в свою очередь, тоже признак таланта. В автобиографии он пишет: «Рос в колхозной семье и к труду взрослых был приучен с малолетства... Меня отец на все лето определял к отаре овец, табуну лошадей или на колхозный полевой стан. Как показало время, прикосновение с детства к нелегкому труду помогало преодолевать в жизни не только физические трудности, но и душевные боли. Уверен, что в жизни каждого человека рано или поздно встретится и то, и другое». А потом мореходная школа в Астрахани, служба на военном флоте, работа на рыбацком «морозильнике». Затем поистине мужская мечта о Севере, куда его, по собственным словам, «влекло посмотреть на суровую природу, а главное, познакомиться с простыми и сильными людьми, чей труд связан с почти ежедневным преодолением собственных слабостей». Осуществляя эту мечту, Владимир Константинович в полной мере испытал судьбу человека крепких физических профессий: лесоразработчика, лесосплавщика, поработал на лесоразделочных площадках, почувствовал нрав северного климата в Архангельской области, понял цену человеческой взаимоподдержки на реке Пинеге. Именно это время открыло для него глубокую истину человеческой души, измеряемой приобщенностью к вечным ценностям доброты, благородства, прощения и любви, без надрыва и рефлексии, а просто в повседневной жизни.

В самом деле, как отнестись к истории двух людей, в жизни которых произошло одинаковое событие, измена жены? Измена случайная, до конца не осознанная, нелепая, приведшая к отчаянному раскаянию. Один еще молодой, у него один сынок. Не может он простить жене этого глупого случая, возненавидел ее, жизнь рухнула. Другой – старый лесник, восемь детей в семье, да вот один из них не в породу, рыжий. Видя, как мучается Леша, дед Филат с усмешкой рассказывает ему, что этот «рыжий» от другого мужика. Жена Оксана возражает ему: «Да будет тебе брехать-то... Постыдился бы гостя». «По тому, как лениво и без смущения возразила хозяйка, Леша понял, что так оно и было: «Огулял старый жеребец». А Филат с одинаковой ласковостью в руках поглаживал по голове «шельмеца» Ваську, осторожно раскачивал на ноге «тихоню» Полю, заботливо одернул рубашонку и подтянул штанишки Кольке – «чисто золото». – А дети – они и есть дети, – продолжал лесник, ссаживая с лавки на пол русоголовую щекастенкую, самую маленькую девочку Полю. – Все они – наши, без них мы – тьфу! В заботе о детях и о себе меньше думаешь, меньше пакостишь душою...»

Вот эта забота о детях, о других людях, понимание чужого переживания, чужой беды и чужой радости, – и есть та мудрость, которая делает человека человеком. Меньше о себе, больше о других, – и будет душа чиста. Таковы простые люди, о которых любит писать Маляров.

Еще об одном сюжете нельзя не сказать, характеризуя творческий мир этого писателя. Рассказ называется «Двое», всего несколько страниц. Герои -

обыкновенные лесорубы, ничем не отличающиеся от остальных. Только вот любит Василий свою красивую жену, хотя у нее и руки, «как грабли». Живут они ладно, хотя и без объяснений в своих чувствах. Наоборот, отношения их держатся на грубоватом юморе, характерном для тех, кто видит достоинство человека не в том, чтобы «говорить красиво», а в том, чтобы жить «не хуже людей», при этом молча радуясь присутствием друг друга. Дом, детишки, работа – на том и мир стоит. В такой жизни радость всегда искренняя, а из каждой радостной минуты складывается то, что называется счастьем.

В системе образов рассказа большую роль играет река. С древних времен река означает или жизнь, или границу миров. Здесь река именно в таком значении является знаковым сюжетным фоном. Весенний лед уже поднимается, делает полыньи, становится опасным. И когда герои должны перебраться на другой берег, они оказываются на грани жизни и смерти. Радость (приезд брата) окрыляет героя, и он не допускает мысли о том, что с ним что-то может произойти. Но в таких-то случаях и подстерегает беда. Маляров создает глубокий психологический рисунок, но не с помощью открытого психологизма, а путем четкого и точного, мотивированного описания поведения героев. Внезапно открывшаяся полынья готова поглотить человека. Его жена в отчаянии, громкий и горький крик рвется из ее груди. Но она чутким женским сердцем находит слова, простые и единственно эффективные, потому что они переключают чувства и мысли погибающего со своей беды на судьбу других, прежде всего детей: «Снова показалась голова мужа – исхудалая, по-покойницки угловатая. Не могу больше, Шу-ра-а! – Держись, или я кинусь туда же! Пропадай Гришатка с Мишуткой! – иступленно завопила Шура и шагнула к полынье». Это было спасением. И женщине не надо было размышлять и обдумывать свое решение, потому что самое главное в жизни она знает душой.

К сожалению, наша повседневность не позволяет талантливому писателю реализовать себя в полную меру. У Малярова не очень много произведений. Это сборники повестей и рассказов «Не посторонние мне люди», «Перекрестки» (издан в Москве), «Хлопоты», «Время выбора», несколько повестей и рассказов, опубликованных в альманахе «Ставрополье», в «Литературной России», в «Ставропольской правде». Он участник проекта «Писатели Ставрополя – школе» – сборник «Мне юность машет издалека». Есть большой роман «Пожелай им блага, Господи», написанный в 1996 году, который достоин особого серьезного рассмотрения. Но даже заголовок говорит о том, что основная жизненная позиция этого человека – внимание к «другим», таким разным и таким достойным людям, имеющим свое жизненное пространство, свои корни в нашей жизни, носителям тех коренных идей, которые рождены в трудной нашей истории, в трудовой среде, в отработанных веками традициях.

Последняя опубликованная повесть (журнал «Южная звезда») «Бег Джейрана» посвящена современной теме борьбы с браконьерской рыбной мафией. Как и в прежних произведениях, здесь точно и глубоко вырисованы личности со своими судьбами. Причем, одинаково яркими мы видим и

«злодейных» персонажей, и людей честных, выполняющих свой профессиональный долг. И, как в других произведениях, чувство правды у героев повести живет естественно и просто, без красивых фраз, но прочно, хотя, конечно, время берет свое, и чувствуется какая-то почти безнадежная усталость от того, что честный труд оказывается не в цене, что трудности и несчастья подстерегают именно хороших людей, что поддержка благим намерениям исчезает не только со стороны властей, но и в повседневном людском мнении. В. Маляров современен не только событийными перипетиями, но прежде всего человечностью и искренностью. Незавершенность сюжета в этой повести символична, как нерешенность социальных проблем сегодняшнего дня.

В. К. Маляров интересен и как личность, как человек, много повидавший и переживший, внимательный к людям, способный их понимать, и как писатель со своим стилем, со своей темой, со своими героями. И хотя написано им немного, но это добротная литература, за которую писатель достоин уважения. А шестьдесят лет – возраст, полный силы, и, значит, можно ожидать новых произведений.

Т. К. Черная, профессор СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Маляров В. К.* Время выбора: Повести и рассказы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1988. – 282 с.
- Маляров В. К.* Мне юность машет издалека: Короткие повести. – М.; Ставрополь: Лит. фонд России; Лит. Юг России, 2001. – 47 с. – (Б-ка писателей Ставрополя для школьников).
- Маляров В. К.* Не посторонние мне люди: Повести и рассказы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1981. – 336 с.
- Маляров В. К.* Перекрестки: Повести и рассказы / Предисл. Н. Евдокимова. – М.: Современник, 1982. – 192 с. – (Первая книга в столице).
- Маляров В. К.* Пожелай им блага, Господи: Роман: В 2 ч. – Ставрополь: ЮРКИТ, 1996. – 620 с.
- Маляров В. К.*хлопоты: Повести и рассказы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. – 224 с.
- Маляров В. К.* Бег «Джейрана»: Повесть // Южная звезда. – 2003. – № 2. – С. 38-87.
- Маляров В. К.* Из жизни Большакова: Повесть // Ставрополье. – 1984. – № 1. – С. 52-95.
- Маляров В. К.* Наркоман: Главы из нового романа «Односельчане» // Ставрополье. – 1991. – № 4. – С. 3-20.
- Батурина Т.* Важнейшая миссия: [О положит. герое ставроп. прозаиков] // Ставроп. правда. – 1984. – 12 февр.
- Железнов Ф.* Крепко стоять на земле: [О творчестве ставроп. писателя В. Малярова] // Кавказ. здравница. – 1983. – 11 июня.
- На пике жизни:* [К 50-летию со дня рождения] // Ставроп. правда. – 1996. – 26 апр.
- Пересыпкина В.* Перекрестки писателя Малярова // Ставроп. губ. ведомости. – 2006. – 27 апр.
- Премии* деятелям культуры: [Вручены губернатором Ставроп. края А. Черногоровым, в т. ч. прозаику В. К. Малярову] // Ставроп. правда. – 2000. – 14 апр. – С. 1, 3; Пятигор. правда. – 2000. – 23 мая. – С. 1.
- Сидоренко Ф.* «Время выбора» – время спроса... // Молодой ленинец. – 1988. – 27 дек.

**НАЧАЛО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В РОССИИ)**

27 апреля 1906 года столица России была в праздничном убранстве. С утра над городом плыл малиновый звон колоколов. Обыкновенный будничный день... Однако, у людей, появившихся на улицах, было приподнятое настроение. Ещё бы. В этот день начинало работать всенародно избранное народное представительство, высший орган законодательной власти России – Государственная дума. Первая российская революция вынудила самодержавие пойти на такую уступку, чтобы спасти себя от уничтожения.

О законодательном представительном органе власти в стране мечтали давно. На этот счёт было немало проектов, разработанных либералами, радикалами и консерваторами, которые были различными по своим подходам к проблеме, но по сути отражали отношение к власти и выражали интересы тех или иных сословий и социальных групп населения. Но все они оставались проектами до начала XX века, пока революция, начавшаяся в январе 1905 года «кровавым воскресеньем», не заставила самодержавие пойти на политические реформы.

Закон о высшем представительном органе власти рождался в муках и борьбе общества с самодержавием. Поставленное перед фактом своего возможного уничтожения, оно было вынуждено в условиях начавшейся в стране революции пойти на уступки и принять в августе 1905 года закон об учреждении законосовещательной Думы. Одновременно был издан избирательный закон, согласно которому от выборов в Думу устранялась большая часть населения страны. В его основу был положен высокий имущественный ценз, на основе которого создавались три избирательных курии: землевладельческая, городская и сельских обществ.

Выборы депутатов были не прямыми. В них не участвовали женщины, учащая молодёжь, военнослужащие срочной службы, рабочие и некоторые другие категории населения, в том числе кочующие народы. Для крестьян они были многоступенчатыми: сельский, волостной сходы, уездный съезд по избранию выборщиков, губернское собрание выборщиков. Законом было определено количество выборщиков для каждого уезда и депутатов от каждой губернии. Например, в Ставропольской губернии должны были избираться 47 выборщиков, в том числе 34 от крестьян, из которых трое становились депутатами Государственной думы.

Такой подход не удовлетворил большую часть общества. Буржуазия была недовольна подобным поворотом дела, поскольку законосовещательная Дума не давала ей возможности участвовать в выработке и принятии законов. Что касается радикалов и в первую очередь партий социалистического направления – социал-демократов и социалистов-революционеров, то они объявили предстоящим выборам в Думу бойкот. В стране поднялась мощная

волна протеста, которая вылилась во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку.

В стране сложилась ситуация, когда у революции не доставало сил, чтобы свалить самодержавие, а самодержавие было бессильно подавить революцию. И правительство избрало тактику лавирования. 17 октября 1905 года был издан императорский манифест, согласно которому народу даровались гражданские свободы, Государственная дума становилась законодательной, а к участию в выборах в неё допускались рабочие.

Такое решение, хотя и не полностью, но в значительной мере удовлетворило российскую буржуазию, которая считала, что её главное требование выполнено, поэтому теперь можно отойти от революции и заняться в Государственной думе законотворческой работой, участвуя таким образом в управлении государством. Однако социалистические партии не отказались от тактики бойкота Думы и продолжали вести борьбу с самодержавием.

В декабре были внесены дополнения в избирательный закон, который не претерпел существенных изменений. Но в нём было определено участие в выборах рабочих, для чего создавалась четвёртая курия. Они могли участвовать в выборах не вообще, а непосредственно на предприятиях и только на тех, где работало не менее 50 человек. Каждое такое предприятие с численностью до тысячи человек выбирало одного уполномоченного на собрание для избрания выборщиков, а на предприятиях с численностью более тысячи работающих уполномоченный избирался от каждой тысячи. Таким образом, получалось так, что крупные предприятия, с наиболее организованными рабочими, политически более грамотными, получали незначительное представительство и не могли оказать существенного влияния на результаты выборов.

Создавая такую систему выборов, правительство рассчитывало иметь в Думе покорное для себя большинство и, опираясь на дворянство и монархизм крестьянства, поддерживающих в основной своей массе власть, избирать выборщиками угодных ей людей, которые в свою очередь определяют нужных депутатов. Поэтому согласно закону среди выборщиков 43% составляли крестьяне, а 31% – землевладельцы.

Однако на практике оказалось далеко не так. Крестьянство не захотело идти вслед за «господами». На губернских собраниях выборщиков крестьяне отдавали предпочтение кандидатам из своей среды или тем, кому доверяли. Так, в Ставропольской губернии, где две трети выборщиков были крестьяне, в Думу были избраны волостной староста из села Ладовская Балка Медвеженского уезда З. С. Мишин, волостной писарь из села Большая Джалга Благодаринского уезда Ф. М. Оникко и интеллигент из крестьян Александровского уезда Я. В. Борисов. И крестьяне не ошиблись. Эти депутаты в Думе активно защищали их крестьянские интересы.

Съехавшиеся в столицу за несколько дней до начала работы Думы депутаты приступили к созданию фракций. Депутатов было только 336, так как выборы были проведены не везде, а в Тамбовской губернии предстояли

перевыборы. Самой большой из фракций стала партия народной свободы, больше известная как партия кадетов и насчитывавшая 153 человека, что составляло почти половину избранных к тому времени депутатов. По инициативе социал-демократов и эсеров была сформирована трудовая группа, в которую входили в основном крестьяне и рабочие. Она насчитывала около 100 человек. После проведения выборов в Закавказье, где победу одержали социал-демократы, в Думе была образована социал-демократическая фракция из 18 человек. Другой крупной фракцией были «автономисты», которую в основном составляло польское коло в составе более 70 человек. Поначалу некоторые депутаты входили в две фракции. Для правительства неожиданным оказалось, то, что депутатами не были избраны правые. Такой расклад предопределил остроту отношений между Государственной думой и правительством.

27 апреля в 10 часов во всех храмах столицы состоялись богослужения; для депутатов Думы был определён Казанский кафедральный собор. Затем они направились в Зимний дворец для встречи с императором Николаем II, во время которой он выступил с речью в Георгиевском зале.

Проход, по которому император должен был пройти к трону, разделял присутствующих на две части. Правая от трона сторона была заполнена в основном людьми преклонного возраста в расшитых золотом мундирах и орденах – членами Государственного совета, Сената, министрами, императорской свитой. С левой стороны стояли члены Государственной думы, среди которых было много молодёжи. Ничтожное количество из них было во фраках и сюртуках, подавляющее же большинство – в рабочих блузах и рубашках-косоворотках; за ними находились крестьяне в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах и представители от духовенства. Друг перед другом стояли два мира – отживающий, уходящий в прошлое и нарождающийся, олицетворяющий будущее. После торжественного молебна, отслуженного петербургским митрополитом Антонием, император прошёл к трону и сел.

Таврический дворец

единение самодержавия с народным представительством.

Произошедшее дальше поразило всех. Со стороны Государственного совета и сановников раздались аплодисменты, крики «Ура!» и молчание

членов Государственной думы. Речь императора положила начало открытой конфронтации между Государственной думой и самодержавием.

Император с императрицей удалился из зала под звуки гимна. Среди депутатов вспыхивали негодующие споры, в которых выражалась неудовлетворённость выступлением императора. Они выходили на Дворцовую площадь и направлялись к Неве, где для них были приготовлены пароходы для доставки в Таврический дворец, специально переоборудованный и подготовленный для заседаний Государственной думы. На набережную публика не допускалась, но всё же у выхода из дворца собралось несколько сот человек, имевших билеты для входа на площадь. Они устроили депутатам восторженную овацию. Депутата от Тверской губернии Родичева толпа отнесла на пароход на руках. Несколько тысяч человек, расположившихся на набережной Невы по другую сторону реки, на Васильевском острове, также горячо приветствовали депутатов. Вверх полетели шапки, платки, грянуло могучее «Ура», под звуки которого пароходы с депутатами поплыли по Неве.

В три с половиной часа к пристани у Таврического дворца начали прибывать депутаты. Необычайный вид представляли тихие и безлюдные обычно улицы, прилегающие к дворцу. Теперь они были битком запружены невероятным количеством народа. Молодежь, простонародье, интеллигенция толпились вокруг. Конные и пешие городовые с трудом сохраняли узкий проход для депутатов. Публика восторженно приветствовала их. «Ура!», «Амнистия!» несло им навстречу, хотя из некоторых групп раздавалось: «Позор!» и «Долой!». Особенно радушно встречали крестьянских депутатов, которым устраивались бесконечные овации.

Кроме депутатов в Таврический дворец удалось попасть лишь малочисленным избранным. Даже из представителей печати немногие успели достать билеты для входа в зал. Для публики на хорах было отведено всего несколько десятков мест. Зал был набит битком. Только в амфитеатре остались свободными несколько десятков мест для будущих депутатов. В министерской ложе сидели все министры. Ложа членов Государственного совета была переполнена.

После окончания богослужения в 5 часов 5 минут дня помощник председателя Государственного совета Э. В. Фриш по поручению императора открыл первое заседание Государственной думы и предложил её членам выслушать торжественное обещание и подписать его, после чего приступить к избранию председателя Думы.

Когда эта процедура завершилась, то каждому депутату было предложено написать фамилию кандидата в председатели Думы и затем опустить в ящики, с которыми прошли думские приставы. В результате подсчёта голосов оказалось, что 326 депутатов из 336 назвали кандидатом в председатели члена ЦК кадетской партии С. А. Муромцева. После того как внесённые в списки лица сняли свои кандидатуры, то без баллотировки,

поскольку это не противоречило закону, председателем Думы был избран С. М. Муромцев, занявший под гром аплодисментов председательское место.

Дума бурлила. Назревал огромный скандал, как результат реакции на выступление императора. Многие хотели немедленно поставить вопрос об ответе депутатов Государственной думы на его речь. Однако кадетское руководство, как партии занимавшей лидирующее положение в Думе, решило этого не допустить в первый же день работы. Поэтому сразу же после того как С. А. Муромцев занял председательское место, на трибуну поднялся член ЦК кадетской партии, депутат И. И. Петрункевич, который произнёс очень эмоциональную речь. Говорил он напористо: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (гром аплодисментов). Все тюрьмы в стране переполнены (продолжительные аплодисменты), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (продолжительные аплодисменты). Мы просим мира и согласия. Я думаю, господа, что если в настоящую минуту мы и не приступим к обсуждению этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будем отвечать на тронную речь Государя Императора, то сейчас мы не можем удержаться, чтобы не выразить всех накопленных чувств, крика сердца и не сказать, что свободная Россия требует освобождения всех пострадавших (продолжительные аплодисменты)».

С. А. Муромцев

Эти слова были покрыты громом аплодисментов. Когда И. И. Петрункевич сел, все, как один человек, поднялись с мест, аплодируя оратору. Произошла в высшей степени простая, но вместе с тем своеобразная демонстрация. У многих на глазах были слезы.

В этот момент новый председатель произнес речь: «Кланяюсь Государственной Думе. (Поклон направо, налево и прямо). Не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вам, господа, угодно было мне оказать. Но, настоящее время – не время для выражения личных чувств. Избрание Председателя Государственной думы представляет собой первый шаг на пути организации Думы в Государственное учреждение. Совершается великое дело; воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало сил для того,

чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха (гром аплодисментов) и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства. Господа! В виду порядка, установленного законом, наши занятия должны прерваться в настоящий момент. По закону избранный вами председатель должен доложить Государю Императору о последовавшем избрании, и так как это потребует известного времени, то является необходимым возобновление наших занятий отложить до субботы (гром аплодисментов)».

Таким образом, у депутатов было время успокоиться и обсудить возникшие вопросы, а фракциям выработать свою позицию. Заседание было закрыто в 7 часов вечера.

Депутаты долго ещё обсуждали произошедшее. Многие продолжали выражать недовольство по поводу выступления императора. Намечались планы на следующий день. Назначались заседания фракций, на которые приглашались беспартийные и те, кто ещё не определился с фракционной принадлежностью. Одной из важных особенностей парламентаризма в России было то, что члены запрещённых партий, имея иммунитет депутатской неприкосновенности, могли выступать с трибуны Думы и излагать идеи своей партии, свободно передвигаться по стране, встречаться с населением.

В тот же вечер должен был состояться раут, устроенный Петербургской городской думою в честь членов Государственной думы и Государственного совета. Члены Думы приглашения не приняли, по одной версии, потому что нашли невозможным веселиться, пока томятся по тюрьмам и ссылкам заключенные, по другой – они не желали присутствовать в одном собрании с членами Государственного совета.

Многотысячная толпа терпеливо ожидала окончания заседания Думы у Таврического дворца. Она встретила депутатов криками «Ура! Амнистия!» и устроила восторженную овацию. Толпа молодежи окружила депутатов Родичева, Кареева и других лидеров кадетской партии и торжественно проводила их до клуба партии на Серпевской улице. Там состоялся импровизированный митинг. Депутаты поочередно выходили на балкон и произносили речи, которые выслушивались всё прибывающею толпою народа. Митинг продолжался чуть ли не до полуночи. Это была первая демонстрация, устроенная депутатами первого русского парламента.

На следующий день фракции на своих собраниях окончательно определились с линиями поведения в Думе. Кадеты, лидеры которых не теряли надежды на то, что им удастся подчинить себе трудовиков для проведения совместной политики в Думе, получили окончательный отказ. Трудовая группа, в которой важную роль играли социал-демократы и эсеры, решила проводить в Думе самостоятельную, непримиримую по отношению к правительству линию.

В начале заседания Думы 30 апреля С. А. Муромцев проинформировал о приёме его императором. А затем развернулись острые дебаты вокруг ответного адреса на его тронную речь. В конце концов текст был согласован и 5 мая единогласно принят Думой. Главными требованиями в нём были: политическая амнистия, введение парламентаризма, упразднение Государственного совета, принудительное отчуждение частной собственности, прежде всего – помещичьих земель.

По предложению докладчика комиссии по выработке проекта ответа, депутата Набокова, было решено представить его императору через депутацию в составе председателя, обоих его товарищей, секретаря и одного из его товарищей. 8 мая председатель доложил Думе о полученном письме председателя Совета министров: «По Высочайшему повелению имею честь уведомить вас, что Государю Императору благоугодно, чтобы ответный адрес Государственной думы на приветственное слово Его Величества был послан вами Государю Императору при всеподданнейшей записке». Это вызвало возмущение депутатов, расценивших такой подход, как неуважительное отношение к Государственной думе и способствовало дальнейшему углублению противоречий с властью.

Отрицательную реакцию Думы вызвала декларация правительства, которую зачитал 13 мая его председатель И. Л. Горемыкин. Она предопределила углубление противостояния между правительством и оппозицией. Этому в значительной мере способствовало выдвижение думцами вопроса о принудительном отчуждении частной собственности. Аграрный вопрос стал ключевым в Государственной думе. Кадеты выступили за частичное, а трудовики – за полное отчуждение помещичьих земель. Это нашло отражение в представленных ими проектах законов по аграрному вопросу. Но против этого решительно выступил император. Мнение Николая II и Совета министров относительно разрешения аграрного вопроса было выражено в правительственном сообщении, опубликованном 20 июня. В нём излагалась позиция правительства по аграрному вопросу и резкой критике были подвергнуты проекты кадетов и трудовиков, внесённые в Государственную думу.

Данное сообщение вызвало острую реакцию в Думе. В ответ на него поступил запрос 116 депутатов. Следует обратить внимание на то, что эта форма контроля депутатов в Думе практиковалась весьма широко. В первой Думе за 70 дней было сделано 300 запросов, чтобы тем самым привлечь внимание общественности к тому или иному вопросу. В данном запросе состояло требование к правительству об опровержении опубликованного им сообщения, поскольку оно «предало широкому оглашению основы аграрной реформы, находящиеся в полном и явном противоречии с заявленными Государственной думою предположениями и, не ограничившись этим, подвергло провозглашённые Думою начала искажению и критике, в официальном документе трудно допустимом». Этот запрос стал предметом обсуждения в Думе, которая создала комиссию. 4 июля Дума рассмотрела доклад комиссии по этому вопросу и приняла заявление в первом чтении, а 6

июля начала обсуждать его по частям. Социал-демократы голосовали против воззвания, поскольку считали, что «текст его сводится к укору народа и призыву его к спокойствию, а не к обличению тех правительственных насильников, которые сделали Думу бессильною». Трудовики отказались от голосования. В результате за принятие воззвания проголосовали 124 человека, 53 против и 101 воздержался. На этом по существу закончилась работа первой Государственной думы.

Дума подавляющим большинством выразила недоверие правительству. По собственной инициативе император 9 июля подписал указ о роспуске Государственной думы, назначении новых выборов и начале её заседаний 20 февраля 1907 года. По этому поводу Николай II записал в дневнике: «9-го июля. Воскресенье. Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался манифест на завтра; подписал его около 6 час. Погода была отличная. Во время прогулки встретили д. Мишу, кот. вчера переехал из Гатчины. До обеда и весь вечер спокойно занимался. Катался в байдарке».

10 июля депутаты, придя в Таврический дворец, обнаружили его закрытым, вокруг располагалась стража, а на столбе виднелся отпечатанный манифест о роспуске Думы. В ответ на это часть депутатов 10 июля собралась в городе Выборге, где было принято воззвание «Народу от народных представителей», в котором они призывали население не платить налоги и не давать новобранцев в армию без согласия народного представительства. Думцы призывали: «Итак, ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию; будьте тверды в вашем отказе; защищайте ваши права все как один человек; никакая сила не может сопротивляться непоколебимой воле народа. Граждане, в вашей неизбежной борьбе мы, которых вы избрали, будем вместе с вами».

Однако расчёт на то, что всё население поднимется против такого шага самодержавия, не оправдался. На состоявшихся выборах во вторую Думу приняли участие социал-демократы и эсеры, что во многом предопределило её работу. Заседание Думы открылось в означенное время 20 февраля 1907 года. Но по своему составу она оказалась левее первой Думы, и в ней более чётко определилась грань между правыми и левыми. Достаточно сказать, что фракция социал-демократов насчитывала 65 человек, эсеров – 37, трудовиков – 104, народных социалистов – 16, националов – 76, правых и октябристов – 54, казачьей группы – 17, беспартийных – 50, кадетов – 98. Они, как не оправдавшие доверия, потеряли почти половину мест.

Во второй Думе развернулась острая борьба за демократию в стране и по земельному вопросу. Создалось острое противостояние между Думой и правительством. И через 103 дня, 3 июня 1907 года, император своим указом распустил Государственную думу. Поскольку революция была подавлена, самодержавие пошло на изменение избирательного закона без утверждения его Государственной думой, что являлось нарушением российского законодательства. Новый избирательный закон значительно ущемлял интересы национальных регионов, права крестьян, количество выборщиков

от которых сократилось вдвое, но повышал преимущество помещиков, крупной буржуазии, что сразу давало им значительные преимущества и обеспечивало квалифицированное консервативное большинство в Думе. С этого времени самодержавие стало опираться не на одно дворянство, а перешло к лавированию между ним и буржуазией. Таким образом, в государстве сложилась новая государственная система управления, известная под названием «третьеиюньская монархия», которая нашла яркое воплощение в Государственной думе и Государственном совете.

Поскольку большинство в Думе было за монархистами и консерваторами, то 3-я и 4-я Государственные думы просуществовали установленный срок.

Важным периодом для российского парламентаризма явилась Первая мировая война. В ходе ее буржуазия всё больше проявляла активность в получении политической власти. И способствовало тому её всё более активная роль в решении многих вопросов, выдвинутых войной. По инициативе буржуазии были созданы Всероссийские земский и городской союзы по оказанию помощи больным и раненым воинам, военно-промышленные комитеты и особые совещания. Буржуазия всё настойчивее требовала того, чтобы правительство было подотчётно ей. Поскольку самодержавие на это не шло, шесть фракций Государственной думы и Государственного совета в августе 1915 года образовали оппозиционный «прогрессивный блок», требовавший «ответственного министерства». Теперь самодержавие не могло опираться на Государственную думу. Таким образом, пришёл конец «третьеиюньской монархии». В ответ на это император распустил Государственную думу на неопределённое время. Она собралась только 9 февраля 1916 года. Но теперь по духу она была уже другой. Конфронтация между Государственной думой и правительством нарастала. На это большое влияние оказывала обстановка на фронте и в стране. Думцы обвиняли правительство в том, что оно неспособно вести войну и управлять страной. В правительстве шла министерская чехарда. Во второй половине 1916 года в стране сложился национальный кризис, который получил своё логическое завершение в феврале 1917 года 27 февраля император в обстановке начавшейся революции своим указом распустил Государственную думу. Однако через несколько дней, 2 марта, Николай II отрёкся от престола. Думцы после роспуска образовали Временный исполнительный комитет Государственной думы, который должен был заменить правительство и взять власть в свои руки. Но этого не позволил сделать восставший народ. Был создан Петроградский Совет рабочих депутатов. Буржуазия постаралась не упустить свой шанс и при содействии его руководителей образовала Временное правительство. В России начался новый этап её истории.

Н. Д. Судацов, доктор исторических наук, профессор СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамсон В.** Основные начала нового Положения о выборах в Государственную Думу 3-го июня. – Мелитополь: Тип. Лемперта, 1907. – 128 с.
- Авилов Б. В.** О Государственной Думе. – СПб.: Молот, 1906. – 32 с.
- Аврех А. Я.** Распад третьеиюньской системы / АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. И. И. Минц. – М.: Наука, 1985. – 260 с.
- Аврех А. Я.** Столыпин и третья Дума / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1968. – 520 с.
- Аврех А. Я.** Царизм и IV Дума, 1912–1914 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1981. – 293 с.
- Алексеев В. П.** Первый русский парламент. – М.: Изд. Кожевниковой и Коломийцевой, 1906. – 44 с.
- Алферьев П. П.** Первый дебют русского парламента. – М., 1907. – 26 с.
- Бадаев А. Е.** Большевики в Государственной думе: Большевист. фракция в IV Гос. думе и революц. движение в Петербурге: Воспоминания. – 8-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – 424 с.
- Бородин Н. А.** Государственная дума в цифрах. – СПб.: Т-во «Обществ. польза», 1906. – 72 с.
- Брамсон Л. М.** К истории Трудовой партии: Трудовая группа Первой Государственной Думы. – 2-е изд. – Пг., 1917. – 95 с.
- Варшавский С. И.** Жизнь и труды Первой Государственной Думы. – М.: Изд-во Сытина, 1907. – 291 с.
- Васильев Н. П.** Вторая Дума. – СПб.: Тип. Суворина, 1907. – 96 с.
- Винавер М. М.** Конфликты в Первой Думе. – СПб.: Тип. Минкова, 1907. – 184 с.
- Витте С. Ю.** Воспоминания: В 3 т. – М.: Соцэкгиз, 1960.
- Войтинский Вл.** Дело социал-демократической фракции второй Государственной думы // Летопись революции. – 1923. – Кн. 1.
- Гоголевский А. В.** Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX в. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 157 с.
- Головлев В. И.,** Нефедова Т. И. Государственная дума второго созыва: Роль и место в полит. переломе. – М., 2000. – 192 с.
- Голубев В. С.** Первые шаги Государственной думы. – Ростов н/Д., 1906. – 32 с.
- Государственная дума в России:** Сборник документов и материалов / Сост. Ф. И. Калинычев. – М.: Госюриздат, 1957. – 646 с.
- Государственная дума** первого созыва: Портр., крат. биогр. и характеристики депутатов. – М., 1906. – 102 с.
- Государственная дума:** Стенографические отчеты, 1906-1917. Созыв 1-4. – СПб.; Пг., 1906-1917.
- Государственная дума, 1906-1917:** Стенографические отчеты: В 4 т. – М., 1995.
- Государственный строй** Российской империи накануне крушения: Сб. законодат. актов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 207 с.
- Гурко В. И.** Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 808 с.: ил. – (Россия в мемуарах).
- Данилов Ю. Н.** На пути к крушению: Очерки из последнего периода рус. монархии. – М.: Воениздат, 1992. – 286 с.
- Дебаты** о земле в Государственной думе, 1906-1917: Документы и материалы. – М.: РИЦ ГОСНИТИ, 1995. – 395 с.
- Демин В. А.** Государственная дума России, 1906-1917: Механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 214 с.
- Дневник** Императора Николая II, 1890-1906 гг. – М.: Полистар, 1991. – 305 с.: ил.

- Ерошкин Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.
- К 10-летию** первой Государственной думы, 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916 г.: Сборник статей переводимцев. – Пг.: Изд-во «Огни», 1916. – 230 с.
- Каминка А. И.,** Набоков В. Д. Вторая Государственная дума. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. – 308 с.
- Караваев А. Л.** Партии и крестьянство в Государственной думе. – Ростов н/Д., 1906. – 108 с.
- Кетриц Б. Э.** Первая Государственная дума. – СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1907. – 89 с.
- Кирьянов И. К.,** Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты, 1906-1907 гг. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 167 с.
- Козбаненко В. А.** Партийные фракции в I и II Государственных думах России, 1906-1907. – М.: РОССПЭН, 1996. – 239 с.
- Колесниченко Д. А.** Трудовики в период первой российской революции. – М.: Наука, 1985. – 319 с.
- Конституционализм:** исторический путь России к либеральной демократии / Сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалёв. – М.: Гардарики, 2000. – 617 с.
- Кризис** самодержавия в России, 1895-1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1984. – 664 с.
- Львович А.** Партии и крестьянства в Государственной думе. – Ростов н/Д., 1906. – 108 с.
- Милюков П. Н.** Воспоминания: В 2 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
- Могиланский М.** Первая Государственная дума. – СПб.: Изд-во Пирожкова, 1907. – 200 с.
- Обнинский В. П.** Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. – М.: Республика, 1992. – 288 с.
- Оболенский В. А.** Моя жизнь. Мои современники. – Париж, 1988. – 754 с.
- Первая** российская революция и парламентаризм в России: Материалы межрегион. научно-практ. конф. (нояб. 1995 г.). – Ставрополь: Изд-во СГПУ, 1995. – 94 с.
- Политическая** история России в партиях и лицах / Авт. В. В. Шелохаев, Н. Д. ерофеев, И. Е. Задорожнюк и др. – М.: Изд. центр «Терра», 1994. – 305 с.
- Положение** о Государственной думе. – М., 1905. – 79 с.
- Российское** законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М.: Юрид. лит., 1994. – 351 с.
- Сидельников С. М.** Образование и деятельность первой Государственной думы. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 382 с.
- Смирнов А. Ф.** Государственная дума Российской империи, 1906-1917: Историко-правовой очерк. – М.: Изд-во «Книга и бизнес», 1998. – 624 с.
- Соловьев Ю. Б.** Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – Л.: Наука, 1981. – 256 с.
- Соловьев Ю. Б.** Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. – Л.: Наука, 1990. – 267 с.
- Столыпин П. А.** Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей, произнесенных в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 410 с.
- Томсинский С. Г.** Борьба классов и партий в первой Государственной думе. – Ростов н/Д., 1924. – 103 с.
- Томсинский С. Г.** Борьба классов и партий во второй Государственной думе. – М., 1924. – 175 с.

- Тютюкин С. В.** Июльский политический кризис 1906 г. в России. – М.: Наука, 1991. – 231 с.
- Громова Е.** У истоков российского парламентаризма // Ставроп. губ. ведомости. – 2006. – 13 апр.
- Селунская И.** На пути к парламентаризму: [О ставропольцах – депутатах первой Гос. думы в России] // Аргументы и факты. – 2006. – № 18, май. – С. 7.
- Государственная Дума, 1906-1917:** Путеводитель по национальным коллекциям крупнейших библиотек Российской Федерации. – М: Изд. Гос. Думы, 2001. – 175 с.

1
МАЯ

ТИМОФЕЙ ЕРЕМЕЕВИЧ ГНИЛОРЫБОВ
(К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Имена многих замечательных деятелей медицины стали широко известны в годы Великой Отечественной войны.

Одним из талантливых медиков, попавших на Кавказские Минеральные Воды в начале войны, был хирург Тимофей Еремеевич Гнилорыбов.

Родился он 1 мая 1901 года в семье крестьянина села Гусев Каменского района Ростовской области. В 1920 г. закончил среднюю школу, в 1925 году – медицинский факультет Ростовского государственного университета. После его окончания служил в рядах Красной Армии. С 1926 по 1930 год работал в сельских больницах Ростовской области врачом-хирургом, заведующим больницами, затем ординатором, ассистентом, а с сентября 1938 г. по 1941 г. доцентом госпитальной хирургической клиники заслуженного деятеля науки профессора Н. А. Богораза Ростовского медицинского института. С 1940-1941 учебного года заведовал кафедрой госпитальной хирургии педиатрического факультета. В 1938 г. Тимофей Еремеевич защитил кандидатскую, а в 1941 г. докторскую диссертации. В 1943 г. был утвержден в ученое звание профессора.

Во время Великой Отечественной войны Т. Е. Гнилорыбов являлся консультантом эвакуированных госпиталей в Ростове-на-Дону.

Масштабная госпитальная база, сформированная на курортах Кавказских Минеральных Вод, требовала большого количества высококвалифицированных кадров. Источником подготовки среднего медицинского персонала стал Кисловодский медицинский техникум, основанный в 1931 году, а также Пятигорское фельдшерское училище. Высшие же медицинские кадры на Юге России в основном тщательно готовились Ростовским медицинским институтом.

1 августа 1941 года Главкурсануправлением Наркомздрава СССР Гнилорыбов был утвержден в должности главного хирурга Кисловодской госпитальной базы. Таким образом, на Кавказские Минеральные Воды был направлен высококвалифицированный врач с прекрасными знаниями в области госпитальной хирургии, имевший разностороннюю медицинскую практику. Богатый опыт и знания, а также талант руководителя дали возможность Тимофею Еремеевичу поставить хирургическое и лечебное дело Кисловодской госпитальной базы, мощнейшей на Кавказских Минеральных Водах (в Кисловодске действовало до оккупации 37 эвакуированных госпиталей на 21000 мест), на самый высокий уровень.

Все сложнейшие операции в госпиталях проводились лично Т. Е. Гнилорыбовым или под его руководством. Высококвалифицированная хирургическая помощь, оказанная им и его коллегами, применение при лечении раненых всех лечебных средств Кисловодского курорта (нарзанные ванны, грязелечение, солнечные ванны, терренкур и пр.) способствовали сокращению сроков лечения, скорейшему восстановлению здоровья раненых.

Все свои знания и опыт талантливый ученик профессора Богораза Тимофей Еремеевич Гнилорыбов широко внедрял и передавал своим молодым коллегам. Эта сторона его деятельности заслуживает особого

внимания. Он стал основателем хирургии в Кисловодске в годы Великой Отечественной войны. На базе нескольких кисловодских госпиталей им были созданы хирургические центры для проведения сложнейших операций. Блестящий хирург, он на практике учил врачей этой важнейшей области медицины, достигнув прекрасных результатов. С июля 1942 года по сентябрь 1945 года он являлся профессором, заведующим кафедрой госпитальной хирургии филиала 1-го Ленинградского медицинского института в Кисловодске.

За хорошую постановку хирургического и лечебного дела в эвакогоспиталях по указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 марта 1942 года профессор Т. Е. Гнилорыбов был награжден орденом «Знак Почета».

В 1942 году приказом заместителя наркома здравоохранения СССР он был назначен главным хирургом курортов Кавказских Минеральных Вод.

В связи с вынужденным отступлением советских войск на Северо-Кавказском направлении в июле 1942 года все госпитали Кисловодска были эвакуированы в Закавказье и Среднюю Азию.

Перед оккупацией немецкими войсками города профессор Гнилорыбов до последнего дня выполнял работы по эвакуации раненых, делал сложнейшие операции, чтобы дать возможность безопасно транспортировать максимально большее число раненых.

При наступлении фашисты разбомбили железнодорожные мосты и станции на Минераловодском направлении, в результате чего несколько эшелонов с ранеными оказались заблокированы на участке Минутка – Кисловодск, всего около двух тысяч человек. Начальником одного из этих эшелонов был профессор Гнилорыбов, и вместе с ранеными он остался в оккупированном Кисловодске.

Остро встал вопрос о спасении раненых бойцов и командиров. Тимофей Еремеевич организовал местных жителей на помощь красноармейцам. Тех, кто не нуждался в срочной хирургической помощи, взяли на свое попечение жители города.

Особого же мужества потребовала работа по созданию и деятельности в условиях оккупации больницы Красного Креста в Кисловодске, организованной инициативной группой врачей в составе Ф. П. Ковтуна, И. Д. Уткина, С. А. Саркисяна, М. Р. Семенихиной, Л. Н. Немсадзе на базе санатория им. Семашко (эвакогоспиталь 2041), санатория им. Сталина (эвакогоспиталь 2044) и Карачаевской больницы. Это дало возможность многих раненых выдать за гражданских лиц. Еще до прихода немцев врачи переписали истории болезней раненых и тем самым уберегли от расправы офицеров, политработников и евреев.

Об этом подвиге группы врачей и медицинского персонала, героически боровшихся за жизни раненых при поддержке местных жителей в течение 73 дней в условиях немецкой оккупации, повествует книга Леонида Бехтерева «Бой без выстрелов».

Одним из активных участников этих событий был и Тимофей Еремеевич Гнилорыбов, выполнявший обязанность главного хирурга больницы. В труднейших условиях он организовывал и проводил вместе со своими коллегами профессором Е. Ю. Крамаренко, докторами М. М. Елизаровой, Р. Ф. Акуловой-Рудневой, Е. М. Крыловой и многими другими операции всем бойцам, нуждавшимся в хирургической помощи.

В городской поликлинике Тимофей Еремеевич вел амбулаторный прием раненых и больных.

Раненым, находившимся у местных жителей, также требовалась медицинская помощь.

Группа врачей под руководством Т. Е. Гнилорыбова ходила по известным им адресам, оказывая необходимую медицинскую помощь, в том числе и хирургическую. Эта работа была крайне сложной и опасной. Только в условиях подполья во время оккупации Тимофеем Еремеевичем было сделано 209 сложнейших операций.

После ликвидации немцами в конце октября 1942 года больницы на базе санатория им. Семашко по настоянию Т. Е. Гнилорыбова часть раненых были переведена в Карачаевскую больницу, что дало возможность спасти жизни еще нескольким десяткам красноармейцев.

В фондах Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» сохранились письма от бывших раненых бойцов. Выдержки из них свидетельствуют о том, что профессор Гнилорыбов делал все возможное для спасения людей, не думая, что ежедневно совершает подвиг, рискует собственной жизнью:

«...когда немецкие оккупанты забрали меня, Вы, не считаясь со своей жизнью, дали мне справку, что я нуждаюсь в срочной операции. Благодаря этой справке меня отпустили и под конвоем доставили в 1-ю городскую больницу г. Кисловодска, откуда я совершил побег и остался жив... Гвардии старший лейтенант в отставке Рубанов. 1966 г.»

«... Обратясь к Вам, Тимофей Еремеевич, Вы, не считаясь со своей жизнью и жизнью своей семьи, дали распоряжение наложить мне ненужный гипс и выдали справку, что я должен находиться в гипсе 18 суток, что мне дало возможность скрыться от гестапо... Лейтенант Бещетников. 15/X 1942 г.»

Фонды музея хранят немало свидетельских показаний жителей еврейской национальности, которых вместе с женой прятал у себя в доме Тимофей Еремеевич, помогал получать новые паспорта, давая нужные для людей показания в гестапо по поводу национальности.

Профессор Гнилорыбов стал также одним из инициаторов выдачи ложных свидетельств о тяжелой инвалидности, что освободило свыше 5 тыс. советских граждан от работ в Германии.

Множество писем из разных уголков страны с выражением глубокой благодарности получал Тимофей Еремеевич от спасенных им людей как во время войны, так и в послевоенный период.

После оккупации профессор Гнилорыбов по решению горисполкома в течение двух месяцев выполнял обязанности директора Кисловодского курорта, организовывая медицинскую работу и налаживая хозяйство.

В течение 1943-1945 гг. Тимофей Еремеевич продолжал большую работу по подготовке медицинских кадров в области хирургии. Им обучено более 20 хирургов высокого класса, которые в дальнейшем несли основную хирургическую нагрузку на курортах.

За время работы профессора Гнилорыбова на Кавказских Минеральных Водах им и его учениками в эвакогоспиталях проведено свыше 75 тысяч операций. Сам Тимофей Еремеевич сделал более 6 тысяч операций.

Особенно выдающиеся работы проделаны им в области сосудистой хирургии, кожно- и костнопластической восстановительной хирургии, а также нейрохирургии.

Помимо практической подготовки профессором Гнилорыбовым постоянно повышался уровень врачей путем организации научных конференций. За период Великой Отечественной войны проведено 68 межкурортных и общекурортных научно-практических и 103 внутригоспитальных конференций, на которых было заслушано 503 научных доклада врачей и свыше 50 докладов среднего медперсонала. Все научные доклады касались изучения военных травм, что способствовало повышению эффективности лечения раненых. Благодаря теоретической и практической подготовке врачей смертность в кисловодских госпиталях была низкой и равнялась 0,7 %.

В годы Великой Отечественной войны Т. Е. Гнилорыбов не прекращал научную деятельность. Им написано 27 научных статей, опубликованных в «Сборнике научных трудов эвакогоспиталей Кисловодского курорта» за 1948 год, находящемся в Кисловодской курортной библиотеке, и сборнике «Трудов Великой Отечественной войны», хранящемся в Санкт-Петербургском военно-медицинском музее.

10 июня 1945 года в Кисловодске на базе санатория имени X лет Октября была проведена конференция по вопросам клиники и организации восстановительной хирургии в госпиталях. Она была посвящена 20-летней профессиональной деятельности профессора Гнилорыбова. В своем докладе «Хирургическая работа Кисловодской госпитальной базы во время Отечественной войны (1941-1945 гг.)» Тимофей Еремеевич всесторонне, подробнейшим образом с максимальными статистическими данными осветил и проанализировал работу кисловодских госпиталей.

Всего за годы войны эвакогоспитали Кисловодска приняли 579082 раненых, из которых почти 82% были возвращены в строй. Это не бывало высокий процент выздоровления в истории мировых войн.

Из приказа № 677 по Управлению Кисловодского курорта от 20 сентября 1945 г.: «За высокие образцы работы, проявленные в годы Великой Отечественной войны, профессора Тимофея Еремеевича Гнилорыбова занести в книгу почета Кисловодского курорта с вручением почетной грамоты. Директор курорта (подпись) Л. С. Шевченко».

В деле Т. Е. Гнилорыбова, хранящемся в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость», есть немало отзывов коллег о его деятельности. Профессор С. М. Рубашев, заслуженный деятель науки, работавший с Тимофеем Еремеевичем в кисловодских госпиталях, пишет:

«Еще одна личная встреча с профессором Гнилорыбовым имела место в 1948 г. на съезде хирургов Молдавии, где им были продемонстрированы его новые достижения в области хирургии вообще и особенно пластической хирургии. Вряд ли кто-нибудь из советских хирургов обладает таким разнообразным и большим опытом пластического хирурга... его следует причислить к лучшим знатокам пластической хирургии в нашей стране... Я удовлетворен возможностью высказать публично свое восхищение его блестящими результатами».

С 1945 по 1960 год Тимофей Еремеевич заведовал кафедрой госпитальной хирургии Днепропетровского мединститута, с 1960 года и до последних дней жизни возглавлял кафедру общей хирургии Минского мединститута, одновременно с 1964 по 1968 год был главным хирургом Министерства здравоохранения Белорусской ССР.

За время научно-врачебной деятельности им написаны 254 научных работы, в том числе 4 монографии, в основном по восстановительной хирургии (кожная, костная пластика, хирургия сердца, сосудов и пересадка органов и тканей и пр.). В 30-е годы Гнилорыбов разрабатывал аппараты внешней фиксации переломов, им предложен ряд пластических операций (сегментарная остеотомия для удаления конечностей, этапная пластика трофических язв конечностей филатовским стеблем, пересадка грудины на сосудистой ножке и др.), создана питательная среда для консервации желез внутренней секреции. Он также внедрил пересадку гипофиза и щитовидной железы.

Под руководством Тимофея Еремеевича выполнено и защищено 50 диссертаций, в том числе 11 докторских.

С 1948 г. по 1966 г. он работал в Обществе знаний в качестве председателя медицинской секции и 10 лет являлся председателем хирургического общества в Днепропетровске. Тимофей Еремеевич был членом правления Всесоюзного, Украинского и Белорусского научных обществ хирургов, с 1964 г. по 1968 г. – председателем общества хирургов Минска, являлся членом редакционного совета журналов «Вестник хирургии» и «Хирургия».

Профессор Т. Е. Гнилорыбов награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, медалями, значком «Отличник здравоохранения», почетными грамотами.

В 1954 году Гнилорыбову присуждено звание заслуженного деятеля науки Украинской ССР.

После войны, живя в Днепропетровске, Тимофей Еремеевич приезжал в Кисловодск в 1955, 1963, 1964 годах, отдыхая в санатории им. Семашко. Встречался с друзьями, коллегами, вспоминал о совместной работе в кисловодских госпиталях.

Не только профессиональная деятельность профессора Гнилорыбова достойна восхищения.

С чувством высокой ответственности воспитывал Тимофей Еремеевич двух племянников, погибших на фронте.

С большой теплотой отзывается о нем и его жене, работавшей хирургической сестрой, врач Иван Мартынович Куюмчан, живущий в Кисловодске и трудившийся в годы Великой Отечественной войны с супругами Гнилорыбовыми.

Многочисленные отзывы, характеристики, воспоминания коллег, раненых, жителей Кисловодска, хранящиеся в фондах Кисловодского историко-краеведческого музея, свидетельствуют о глубоком уважении и любви к доброму, отзывчивому, заботливому, благородному человеку, отдавшему всю жизнь самой гуманной профессии врача, Тимофею Еремеевичу Гнилорыбову.

*Е. И. Зайцева, главный хранитель
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список научных работ Т. Е. Гнилорыбова

Гнилорыбов Т. Е., Гришин Н. Н. Кортикостероиды при лечении хирургических воспалительных заболеваний. – М.: Медицина, 1968. – 130 с.

Гнилорыбов Т. Е. Трофические язвы нижних конечностей и их лечение: Экспериментально-клинич. исслед. – Ростов н/Д.: Ростов. кн. изд-во, 1940. – 164 с.

Гнилорыбов Т. Е., Кот А. И. Пластика свободным кожным лоскутом. – Минск: Беларусь, 1968. – 156 с.

Гнилорыбов Т. Е. Список научных работ // Сборник научных трудов эвакогоспиталей Кисловодского курорта: (Материалы Великой Отечественной войны). – Кисловодск, 1948.

Литература о жизни и деятельности Т. Е. Гнилорыбова

Артишевский Л. И. Тимофей Еремеевич Гнилорыбов // Вестник хирургии. –1971. – Т. 107, № 9. – С. 150.

Гнилорыбов Тимофей Еремеевич // Большая медицинская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 6. – С. 207.

Апанасевич В. М., Григорьева П. Н. и др. Кисловодск туристический. – Ставрополь, 1982. – С. 32.

Виноградов Е. С. Кисловодск и кисловодчане в годы Великой Отечественной войны. – Кисловодск, 1997. - С. 23.

Дубров В. И. Кисловодская долина. – Кисловодск, 2005. – С. 23.

Бехтерев Л. Бой без единого выстрела // Кавказ. здравница. – 1963. – 17 февр.

Гнилорыбов Тимофей Еремеевич // Фонды Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость». Ф. 2. Ед. хр. 1.

О Николае Станиславовиче Качинском у нас на Ставрополье не знают, может быть, только гости. Постоянно живущие здесь люди, бывающие, изредка хотя бы, на выставках в наших картинных галереях и музеях, могут отличить любую его работу. Особенно его серии зимних пейзажей, его лодочки на прозрачной глади воды, его удивительно живую осень на полотнах.

Ну а те, кто с ним однажды познакомились, уже никогда не забудут его ласковости и приветливости, щедрости его души. Он великолепный мастер не только кисти, что в первую очередь необходимо художнику, но и общения.

Его первые, для меня, выставки я увидела еще в далеком 1986 году. И душой прикипела и к его полотнам и к самому изумительному явлению – Николаю Станиславовичу. Не испытывать к старенькому художнику с невероятно молодой душой сердечной привязанности просто невозможно. Он не просто светлый и талантливый человек, он – человек теплый. Поэтому и обращался ко всем своим знакомцам, как и ко мне, не взирая на возраст, только по уменьшительно-ласкательному имени, что приводило моих операторов, монтажеров и режиссера во время съемок передачи о нем в неопишуемый восторг – директор телевидения для кого-то оказывается все еще просто Танечка!

Николай Станиславович родился в 1916 году. А детство его прошло в казачьем селе Степное, расположенном на берегах реки Уй, в южных отрогах Уральского хребта. Рано лишившись родителей, он воспитывался в детском доме, потом учился в школе колхозной молодежи. В 1931 году попал на учительские курсы в Миасс. По их окончании стал работать в Северном Казахстане. Потом три года учился в Свердловском педагогическом институте и мечтал стать летчиком. Да только удары судьбы в восемнадцать лет сделали его инвалидом, поэтому вместо летного училища Николай Качинский в 1936 году поступает в художественное училище.

В 1942 году Н. С. Качинский приезжает в шахтерский город Пласт на Южном Урале, где руководит изостудией и пишет портреты лучших тружеников Урала, оформляет эшелоны, уходящие на фронт. После войны его принимают в Союз художников СССР и командируют на Кавказ. Здесь он увлекается лермонтовской тематикой, создает серию пейзажей «По лермонтовским местам», позже создает свою Лениниану. В ней есть и картина «Ставропольцы у В. И. Ленина».

Николай Станиславович – автор нескольких больших жанровых полотен: «Во имя жизни», «Трудный хлеб двадцатого», «Дети войны», «Заоблачный фронт». Николай Станиславович еще и мастер пейзажа, самозабвенно любящий природу и нежно воспевающий ее красоту. Он – человек утонченной души, умеет видеть поэзию в самом обыденном: в замшелых камнях горного ущелья, в неприметной лесной тропинке, туманном утре и ветреном дне. Его живопись музыкальна. Буквально журчит

на полотне его горный ручеек, звучат колыбельная предгорных степей, аккорды дождя, перезвон весенней капли и тихая музыка заснеженных вершин.

Может быть поэтому бывший детдомовец, человек, который никогда не был баловнем судьбы, Николай Станиславович до преклонных лет сохранил бодрость духа и жизнелюбие. Может быть, именно поэтому так верна ему Муза и так неиссякаемо вдохновение, так замечательны результаты – сотни картин в выставочных залах и частных коллекциях всего мира.

Кстати, железнодорожники много лет с нетерпением ждали открытия музея самого Николая Станиславовича. И замечательный художник серьезно готовился к этому событию, о чем с трепетом говорил мне в интервью для передачи «Рандеву», данном для Железнодорожного телевидения. Она вышла в эфир 29 августа 2000 года.

Работа в Железнодорожном была сопряжена с невероятным количеством проблем, там не было средств даже на бумагу, и все писали на старых курортпромторговских бланках, поэтому мною впервые текст интервью не был выписан дословно, что сегодня ставит меня перед проблемой пересказать своими словами то, о чем мы тогда говорили с Николаем Станиславовичем.

А говорили в основном только о его неумном творчестве, о дороговизне красок и кистей, полотен, о том, что в отношении помощи не на кого рассчитывать.

У Николая Станиславовича день рождения совпадает с праздником Победы, поэтому никто и никогда не забывает поздравить его с двумя праздниками сразу. Это-то хорошо. Плохо другое, многие без зазрения совести каждый раз увозят с собой его лучшие работы, утешая тем, что он себе еще напишет. А художник не может отказаться, он так долго надеется на обещания тех же чиновников открыть музей его работ. Вроде бы и помещение уже много лет как выделено, и ремонт там сделан, да все до конечного результата не доведено. Только работы растаскиваются.

А для того, чтобы написать картину не хуже её оригинала, необходим не только талант, но и здоровье. После травмы колена Николаю Станиславовичу было тяжело передвигаться, более того – он терял зрение. Да и в преклонном возрасте уже тяжело сутками просиживать за мольбертом, как бы талантлив художник не был.

Из-за алчности чиновников только пейзаж с березой переписывал более десятка раз, каждый раз надеясь, что уж эта-то картина (копия) наконец останется в будущем музее.

Помню, однажды в Пятигорском музее краеведения выставка Николая Станиславовича совпала с выставкой из Третьяковской галереи, на которой были представлены ранние работы Кончаловского, Левитана, Репина и многих других великих художников.

Сколько помпы было вокруг доставки этих шедевров, создания благоприятных климатических условий, сохранности картин! А когда

посетители пришли в выставочный зал, их постигло полное разочарование. То ли работы великих были слишком рано написаны, оказались совсем еще ученическими, то ли писались в тяжелые для художников времена, но они очень сильно проигрывали картинам Николая Станиславовича, размещенным в соседнем маленьком зале. Рядом с его работами они выглядели тускло, серо, безрадостно.

От его полотен, что с зимними и осенними пейзажами, что с натюрмортами, невозможно было глаз отвести. Полыхали буйством красок натюрморты с цветами, как «Прощальный букет», успокаивали яркие осенние работы с холодной водой первых заморозков в речках с лодочками, восхищали его зимние работы – ни на одной гамма снега не повторялась. Это был то утренний снег, по полуденный, то вечерний – каждый своего цвета, с только ему характерными оттенками.

В пейзажах Николая Станиславовича много света и воздуха, всегда есть ощущение глубины и перспективы. Он прекрасный колорист и тонко чувствует цветовую гамму, умеет языком красок рассказать об очищающем и обогащающем воздействии природы на духовный мир человека.

Его картины носят характер своего автора. Их, как и автора, невозможно не любить.

Т. Н. Рындина, журналист

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бендик Б. А. Художники Ставрополя: [В т. ч. о Н. Качинском]. – Л.: Художник РСФСР, 1982. – 126 с.

Поздняева З. М. Живая душа искусства: Страницы истории культуры Ставрополя. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 315 с.

Вятская Л. Кистью воспевать красоту и добро // Кавказ. здравница. – 2001. – 8 мая. – С. 3.

Дедусенко И. ...И вечная весна: [О военной и детской тематике в творчестве художника Н. С. Качинского] // Кавказ. здравница. – 2003. – 16 апр. – С. 4, фото.

Краснокутская И. Певец ромашковой Руси: [О выставке работ заслуж. художника РФ Н. С. Качинского в залах пушкинской галереи г. Железноводска] // Кавказ. здравница. – 2006. – 6 мая. – С. 6, фото.

Куджева Е. Полет волшебной кисти мастера // Кавказ. здравница. – 2002. – 20 июля. – С. 6, фото.

Маслова Л. И вновь весна: [К 80-летию художника Н. С. Качинского] // Пятигорская правда. – 1996. – 18 мая. – С. 5, фото.

Недзельская З. Судьба картин // Уральский следопыт. – 1983. – № 7. – С. 32-33.

Островская Н. В каждой картине – душа. В каждой я живу, пою, утро ли, закат // Кавказ. край. – 1995. – 21-28 дек. – С. 8-9.

Прозоров С. Аура мастера: [К 80-летию художника Н. С. Качинского] // Кавказ. здравница. – 1996. – 8 мая. – С. 4, фото.

Прозорова Л. Ксения, Валерия и Денис: [Лучшим ученикам Железноводской худож. школы К. Плужниковой, В. Ефимову, Д. Белову были вручены премии имени Н. С. Качинского] // Пятигор. правда. – 2001. – № 5. – 11 янв. – С. 3.

Прозорова Л. Мажорные аккорды весны: [О художнике Н. С. Качинском] // Пятигор. правда. – 2002. – 21 марта. – С. 4.

Прозорова Л. Светло–розовый закат: [О заслуж. художнике России Николае Станиславовиче Качинском] // Пятигор. правда. – 2000.– 23 марта. – С. 4.

Прозорова Л. Не вянут цветы на холсте: [О художнике Н. С. Качинском] // Ставроп. правда. – 1995. – 3 июня. – С. 4.

Появление в печати романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в конце 60-х годов XX века ошеломило многих. Писатель как бы возник из небытия. Незадолго до того, почти одновременно, вышли в свет «Театральный роман», роман о Мольере, пьесы, молодежью той поры не читанные.

Появилась масса поклонников булгаковских героев. Они, разных возрастов и рангов, стремились отыскать хотя бы маленький след писателя в истории, по крохам собирали то, что удавалось узнать о нем. Биографию Булгакова можно сравнить с окном, наглухо замазанным краской: ничего не видно, что там, по другую сторону стекла. Но вот приходят рабочие, по кусочкам счищают краску и сквозь постепенно обнажающуюся прозрачность проникает свет и возникает то, что раньше было недоступно взору.

Сорок лет назад, когда эта кропотливая работа только началась, невозможно было предвидеть, что М. А. Булгаков станет классиком XX века, его произведения будут изучать в школе. Но уже тогда краеведы пытались проникнуть в тайну жизни писателя на Кавказе. Один из них – пятигорчанин Л. Н. Польский посвятил этой теме свой очерк «М. А. Булгаков во Владикавказе», который так и не увидел свет при жизни автора.

Кавказ... Какое емкое слово! Здесь находили уют и вдохновение многие русские писатели. Здесь когда-то витали музы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Здесь Л. Н. Толстым были написаны строки его первой повести «Детство». И здесь же появились первый очерк военного врача М. А. Булгакова и его первые пьесы.

Удивительное совпадение, но Лермонтов, Толстой, Булгаков в разные годы принимали участие, каждый по-разному и в разных сражениях, в одном и том же месте – в Чечне. И все трое, независимо друг от друга, высказали одну и ту же мысль о тщетности людских битв.

«Проклятье войнам, отныне и вовеки!» – воскликнет Булгаков, пройдя через ад Гражданской войны.

В 1919 году будущий писатель находился в Киеве, жил в большой и дружной семье. Но налетел вихрь Гражданской войны, проник сквозь окна и уютные кремовые занавески, закружил, разбросал Булгаковых в разные стороны, и больше никогда уже не собирались они у лампы под зеленым абажуром.

В 1918-1919 годах власть в Киеве менялась множество раз. Далекий от политики, Михаил Афанасьевич делал свое святое дело: лечил от тяжелых недугов больных и в то же время спасал свою большую семью от голода – при всех властях.

В первых числах сентября 1919 года в Киев вошли войска Белой армии. Началась мобилизация. Как врач был мобилизован и Михаил Афанасьевич. Ему было предписано отправиться на Северный Кавказ, и он двинулся в

путь.

Осенью 1919 года в тылу Белой армии поезда ходили исправно и Булгаков довольно быстро добрался до Ростова-на-Дону. Здесь он пересел в поезд, идущий на Минеральные Воды. От этой станции дорога шла по живописной местности. На протяжении всего пути до Пятигорска из окна железнодорожного вагона виднелись четкие силуэты Бештау и приближался конус Машука.

Расположенный у его подножья Пятигорск был очень живописен. Но и здесь чувствовалось дыхание войны. В это время в городе было множество госпиталей и лазаретов. Пятигорская газета «Кавказский край» сообщала, что в них было оборудовано 2210 кроватей для раненых, заразных и больных тифом.

Как мобилизованный, Булгаков обязан был явиться в штаб Казачьего полка, который располагался в Пятигорске, в здании отеля «Бристоль». Вероятнее всего, именно здесь он получил назначение в военный госпиталь во Владикавказ. Мы можем только предполагать, что в Пятигорске внимание Булгакова привлекли редакции газет, которых в городе было несколько.

Пять лет спустя, в октябре 1924 года, Михаил Афанасьевич напишет: «Как-то ночью, в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес его в редакцию газеты. Там его напечатали».

Тьма неизвестности покрывает город и название газеты. Это мог быть и Пятигорск. Ведь когда вскоре к Булгакову во Владикавказ приехала жена, он ей сказал: «Я печатаюсь».

В Пятигорске не было слышно грома пушек. Как и прежде, в мирные времена, по бульвару прогуливалась публика. Но разница была в том, что эти люди приехали сюда не отдохнуть и развлекаться. Они бежали от ужасов мировой бойни, от революции в надежде, что «красный вал» будет остановлен войсками Добровольческой армии.

В городе работал кинематограф. Афиши сообщали о концертах популярного певца Александра Вертинского. Булгаков мог быть знаком с ним по Киеву: они учились в одной гимназии. По стечению обстоятельств их гимназический учитель А. Б. Селиханович переехал в Пятигорск в 1939 году, долгие годы преподавал в пединституте русскую литературу и здесь же закончился его жизненный путь.

Вероятной датой отъезда Булгакова из Пятигорска может быть 18 сентября 1919 года. В тот день вышел приказ пятигорского коменданта полковника Гана о том, чтобы все офицеры, имеющие назначения в части войск, немедленно выехали туда. «Неисполнение настоящего приказа повлечет привлечение к ответственности по закону военного времени», – говорилось в приказе.

Когда Булгаков прибыл во Владикавказ, он вызвал из Киева свою жену, Татьяну Николаевну. Она разделила с ним все тяготы жизни на Кавказе.

Кандидат исторических наук Д. А. Гиреев еще в 70-е годы XX века

попытался проникнуть в тайны кавказской жизни писателя. Итогом стала его книга «М. А. Булгаков на берегу Терека». В ней впервые были приведены некоторые документы о жизни Булгакова, а что-то Гиреев просто домыслил.

После публикации книги, как из небытия, из далекой, полузабытой жизни, откликнулась вдруг Татьяна Николаевна. Первое письмо от нее Гиреев получил в конце 1980 года:

«Город Туапсе. 23 ноября 1980 года.

Уважаемый тов. Гиреев! Пишет Вам бывшая жена М. А. Булгакова. Я с большим интересом прочитала Вашу книгу. Вспомнилась юность, годы совместной жизни с Михаилом Афанасьевичем, все пережитое.

Приведенные Вами эпизоды вызывают в памяти аналогичные...»

«Г. Орджоникидзе, 29 ноября 1980 года.

Глубокоуважаемая и дорогая Татьяна Николаевна!

Вчера я получил Ваше письмо и был радостно оглушен... Ведь в течение ряда лет я делал попытки найти Вас. Говорили, что не знаем, или что Т. Н. не отвечает на письма, или что Т. Н. уже нет в живых.

А потом, изучая архивы, газеты, документы, произведения Михаила Афанасьевича, в которых менее всего было данных о Вас, я все же пытался представить Вашу внешность, Ваш голос, глаза, характер. Ведь Вы были рядом с Михаилом Афанасьевичем. Вы вместе с ним были для меня дорогими людьми. Я пытался интуитивно проникнуть в Вашу трудную жизнь того времени, воссоздать ее такой, какой она мне представлялась по материалам, собранным по крупицам за много лет. Но главное, чего я добивался, написать такое произведение, которое бы помогло... людям еще больше полюбить М. А. Булгакова – писателя и человека, понять его трудный путь в нашу действительность».

К сожалению, это эпистолярное знакомство не переросло в личное. Ровно через год после начала переписки Гиреев трагически погиб в автомобильной катастрофе. А вскоре умерла и Татьяна Николаевна Кисельгоф, Тася, урожденная Лаппа.

... Миша Булгаков и Тася Лаппа познакомились в Киеве летом 1908 года. У них оказалось много общих интересов. Они обвенчались в 1913 году, прожили вместе одиннадцать лет, почти не расставаясь. Татьяна Николаевна была с ним в Саратове, где ее муж, молодой врач, работал в госпитале; в Смоленской губернии, в селе Никольском, где в первый же день по приезде ей пришлось помогать Булгакову впервые принимать роды. Он выполнял роль акушерки, а Тася вычитывала из медицинского учебника нужные места. Потом в Киеве она пережила ужасы ожидания Михаила Афанасьевича, когда его мобилизовали петлюровцы. Тогда ему чудом удалось бежать. Вместе с ним она прошла и через другое тяжелое испытание, когда Булгаков, заболев, стал принимать морфий и чуть было не стал хроническим наркоманом. Она помогла мужу освободиться от этого страшного недуга.

Осенью 1919 года, любя его, она безоглядно отправилась в путь в неизвестный Владикавказ. Боялась, конечно. Но все-таки добралась.

Вначале они поселились в какой-то армянской семье, а потом в пустой

школе. Вскоре Михаила Афанасьевича отправили в Грозный, и Тася поехала с ним. Она даже отваживалась сопровождать его в перевязочный отряд под Грозным. Добирались туда на тачанке, через кукурузные поля: кучер, Тася и Михаил с заряженной винтовкой на коленях. Но затем Тасе запретили участвовать в поездках, и ей пришлось остаться в Грозном. Булгаков приезжал сюда почти всегда только ночевать.

Именно в Чечне в жизни Михаила Афанасьевича происходили те события, которые он описал позднее в автобиографической повести «Необыкновенные приключения доктора». Он говорит в ней от первого лица. Переживания автора были так остры, что в повествовании своем он стремится быть документально точным. Мы встречаем здесь подлинные названия мест, имена людей, фактические детали... Пусть еще писателем не все понято до конца и обобщено. Действительность неповторимо освещена светом его видения мира. Сложные события, очевидцем и участником которых он стал не по своей воле, Булгаков рисует с легкой иронией и одновременно искренно, с беспощадностью к самому себе. Документальность повести позволяет нам датировать пребывание Булгакова в Чечне. В «Приключениях доктора» он описал те события, которые подтверждаются рядом публикаций в белогвардейской прессе.

В повести Булгаков пишет: «Временами мне кажется, что все это сон. Бог грозный наворотил горы. В ущельях плывут туманы. В прорезах гор грозные тучи. И бурно плещет по камням

...мутный вал.

Злой чечен ползет на берег,

Точит свой кинжал.

Узун-Хаджи в Чечен-Ауле. Аул растянулся на плоскости на фоне синеватой дымки гор... Кизлярско-гребенские казаки стали на левом фланге, гусары на правом. На вытопанных кукурузных полях батареи. Бьют шрапнелью по Узуну. Чеченцы, как черти, дерутся с «белыми чертями». У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется красноармейский флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках».

Первые упоминания в прессе о восстании Узун-Хаджи против белых относятся к 4 октября, а последнее к 4 ноября. В этот период времени, вероятно, и находился Булгаков в Чечне. Можно даже приблизительно точно установить дату крушения поезда, описанную Михаилом Афанасьевичем: «Не помню, как я заснул и как я выскочил. Но зато ясно помню, как я, скатываясь под откос, запорошенный снегом, видел, что вагоны с треском разваливало, как спичечные коробки. Они лезли друг на друга. В мутном рассвете высыпались из вагонов люди. Стон и вой. Машинист загнал, несмотря на огонь семафора, эшелон на встречный поезд...»

Из сообщений в печати известно, что железнодорожная катастрофа на линии Гудермес-Грозный произошла в 20-х числах октября.

В конце повести у ее героя наступает прозрение: «Сегодня я сообразил

наконец. Довольно глупости, безумия. В один год я перевидал столько, что хватило бы Майн-Риду на десять томов. Но я не Майн-Рид... Я сыт по горло... Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом... Довольно! Проклятие войнам отныне и вовеки!»

Но не только этим пацифистским настроением обязан писатель жизни в Чечне. Исследователь жизни и творчества Булгакова М. О. Чудакова обнаружила номер газеты «Грозный» с напечатанным 19 ноября 1919 года очерком «Грядущие перспективы». Он считается первым из известных публикаций Булгакова, итог пережитого за два с небольшим года, окрашенный мрачными ожиданиями.

«Теперь, когда наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас все еще чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая.

Она – темная, мрачная встает в сознании и властно требует ответа. Она проста: а что же с нами будет дальше...

Всем, у кого, наконец, прояснился ум, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на запад и поразит его, станет ясен этот могучий подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы?

Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?..

Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни... Платить... за все!

И мы выплатим...

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки...

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям: – Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

Уже через два дня после этой публикации в той же газете был напечатан отклик – первый из множества негативных, которые будут сопровождать его творчество все последующие годы: «Стыдно и больно читать статью М. Б. «Грядущие перспективы»... Мрачным пессимизмом и каким-то жалким унижением дышат его строки...

... Никогда большевизму не суждено укрепиться в России потому, что это было бы равносильно гибели культуры и возвращения к временам первобытной эпохи...»

Из Чечни Булгаковы переехали на станцию Беслан, что неподалеку от Владикавказа. На вокзале стоял поезд, в нем, в теплушке или в купе жили они уединенно, знакомых не было. Татьяна Николаевна вспоминала: «Там

ничего не было, кроме арбузов. Мы целыми днями ели арбузы... Потом вернулись во Владикавказ, в тот же госпиталь, откуда его посылали».

В 80-е годы XX века некоторые биографы писателя представляли Владикавказ захолустьем. Да и сам Булгаков не раз высказывал свое неприязненное отношение к этому городу. Его можно понять. Очутившись не по своей воле в чужом краю, писатель жил здесь в полной неопределенности и тревоге за свое будущее. Наверное, поэтому мы не встретим в его произведениях восхищения снежными вершинами, бурными водами Терека, своеобразием архитектуры этого полуевропейского-полуазиатского города, где причудливо смешались русская и кавказская культуры.

В годы Гражданской войны жизнь во Владикавказе была не только многоликая и многоязыкая, она была еще и сытая. Казаки из окрестных станиц, осетины и ингуши из аулов привозили на базар продукты. Хлеба было полно. Татьяна Николаевна вспоминала, как она, по приезде, приняла невиданный до тех пор пышный кукурузный хлеб, выставленный в витринах магазинов, за торт.

Жизнь в городе была довольно оживленной. На улицах слышалась музыка, работали кафе. У Булгаковых появились здесь первые друзья - казачий атаман и семья генерала Гаврилова. У него же, снимавшего квартиру в атаманском дворце, они встречали новый, 1920 год. Татьяне Николаевне запомнилось, что было много офицеров. Веселья не было. Все думали о своей дальнейшей судьбе.

Помимо врачебных занятий Михаил Афанасьевич сотрудничал и в местной прессе. Из размышлений Булгакова в эту зиму формировалось то мироощущение, которое затем проявилось у него как в характере, так и в последующих произведениях.

Зима 1919-1920 года стала важной и в другом. В субботу 15(28) февраля 1920 года во Владикавказе стала выходить газета «Кавказ», с которой начал сотрудничать и Булгаков. «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе», – вспоминал он, спустя годы.

Именно в это время войска Белой армии на Кавказе под натиском красноармейцев вынуждены были отступать. Булгаков стремится в Пятигорск. Зачем? Это так и осталось неизвестным. Вначале он отправил в Пятигорск жену, но поезда не ходили в тот день, и она вернулась. На другой день Михаил Афанасьевич сам отправился туда на сутки. Вернулся уже тяжело больным тифом. Доктор сказал Тасе: «Если будем отступать – ему нельзя ехать».

Белые оставили город, а Красная Армия заняла Владикавказ лишь через десять дней. Татьяна Николаевна пережила страшные дни: Булгакову стало совсем худо, а в городе шли грабежи. Однажды она побежала за врачом, по дороге ее остановил ингуш. Он схватил ее за руку и начал расспрашивать. Татьяна Николаевна рассказала о своем несчастье и, проникнувшись сочувствием, незнакомец не только привел ее к местному врачу, но затем вместе с доктором проводил назад. Потом Михаил

Афанасьевич упрекал жену: «Ты слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но что же она могла сделать, ведь ей так хотелось, чтобы он выжил. Туго было с продуктами. Татьяну Николаевну выручала золотая цепочка – подарок отца. Она разбивала ее на куски и меняла их у спекулянтов на продукты.

Во Владикавказ пришла Советская власть. Булгаков медленно поправлялся. Жена водила его гулять в самую красивую часть города – в парк. Удивительно, как он в эти дни остался жив. Ведь его могли опознать, как белогвардейца. Все, что происходило с ним до февраля 1920 года, теперь надо было забыть и начать новую жизнь.

Когда Булгаков выздоровел и немного окреп, то пошел в политотдел, где уже работал его знакомый писатель Юрий Слезкин. Три года спустя в «Записках на манжетах» Михаил Афанасьевич напишет: «После возвратного (тифа. – *А. К.*) – мертвая зыбь. Пошатывается и тошнит. Но я заведываю. Зав. Лито. Осваиваюсь».

24 апреля 1920 года владикавказская газета «Коммунист» сообщала: «Расширяя свою деятельность в области прекрасного, подотдел искусств организует в ближайшие дни периодические концерты – лекции по истории музыки, по истории литературы и смешанные симфонические и литературные концерты в Советском театре, по воскресеньям предлагается постановка детских бесплатных спектаклей, в цирке организуются митинг-концерты, в доме искусств намечены к устройству выставки картин и прикладного искусства».

Когда организовался русский театр, Михаил Афанасьевич начал работать здесь. Он делал вступительное слово перед спектаклем. В этом же театре статисткой была и Татьяна Николаевна. Жалованья не платили, выдавали только постное масло и огурцы. Жили в основном на ту же золотую цепочку.

С конца мая Булгаков заведует уже театральной секцией и начинает создавать Народную драматическую студию сценического искусства.

В июне на сцене 1-го Советского театра идет его юмореска в одном действии «Самооборона». А в конце июня – начале июля в летнем театре парка в течение трех вечеров проводился диспут о Пушкине, подробно описанный Булгаковым в «Записках на манжетах»: «Обливаясь потом, в духоте, я сидел в первом ряду и слушал, как докладчик рвал на Пушкине в клочья белые штаны». В ответ он выступил в защиту культуры, великого наследия классики и был горячо встречен аудиторией. «Докладчик лежал на обеих лопатках. В глазах публики читал я безмолвное, веселое: – Дожми его! Дожми!»

В ответ в прессе появилась разгромная статья «Покушение с негодными средствами»: «Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием языка. Объективно такой попыткой использовать «легальные возможности» являются выступления гг. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине. Казалось бы, что общего с революцией у покойного поэта и у этих господ? Однако

именно они и именно Пушкина как революционера и взялись защищать. Эти выступления, не прибавляя ничего к лаврам поэта, открывают только классовую природу защитников его революционности... Они вскрывают контрреволюционность этих защитников «революционности Пушкина...»

Этот эпизод, кроме «Записок на манжетах», описан в еще одном литературном произведении, романе Юрия Слезкина «Столовая гора» (1922 год). Главный герой романа – Алексей Турбин, его прототип – М. А. Булгаков. Слезкин много позже записал в дневнике: «Его манера говорить схвачена у меня в образе писателя в «Столовой горе».

Для того, чтобы заработать деньги на существование, вместе с другими работниками подотдела Булгаков выступал летом 1920 года и на литературных вечерах Терского отделения РОСТА в помещении Летнего театра. Но деятельность эта прекратилась осенью 1920 года.

Д. А. Гиреев обнаружил в архиве «Доклад комиссии по обследованию деятельности подотдела искусств» от 20 октября. На его обложке помета: «Изгнаны: 1. Гатуев, 2. Слезкин, 3. Булгаков (бел.), 4. Зильберминц».

А в это время в театре идет пьеса Булгакова «Братья Турбины». Она была написана наспех, «черт знает как». Чуть позже он сообщал двоюродному брату: «Ах, Костя... Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать – писать». Когда его вызывали после второго акта, он грустно думал: «А ведь это моя мечта сбылась... Но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».

Он уничтожил пьесу через несколько лет, и содержание ее осталось неизвестным. Но сохранилась ругательная статья в газете «Коммунист»: «Мы не знаем, какие мотивы и что заставило поставить на сцене пьесу М. Булгакова.

Но мы прекрасно знаем, что никакие оправдания, никакая жалостливая защита, никакие звонкие фразы о чистом искусстве не смогли бы нам доказать ценности для пролетарского искусства, художественной значительности слабости драматического произведения «Братья Турбины».

В 29 лет Булгаков оказался в неопределенном положении начинающего писателя. Будущее было неясным. Кроме «Самообороны» и «Братьев Турбиных» Михаил Афанасьевич написал во Владикавказе комедию-буфф «Глиняные женихи», затем «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Эту пьесу он отправил на конкурс в Москву.

В 1921 году Булгаков написал за семь дней последнюю, пятую пьесу «Сыновья муллы». Когда прочитал ее у себя в нетопленной комнате – не стыдясь, заплакал. Она была очень слабой, и Булгаков казнил себя за бездарность. В порыве стыда он начал рвать рукопись. Но остановился. Потому что вдруг понял, что правы те, кто утверждает: написанное нельзя уничтожить! Эту мысль, впервые возникшую во Владикавказе, он потом вложил в формулу: "Рукописи не горят". Она найдет свое подтверждение

спустя сорок лет. Потому что из всех ранних его пьес будет найден экземпляр именно этой пьесы, которую, как говорил автор, «писали втроем: я, помощник поверенного (Пейзулаев) и голодуха».

Премьера пьесы состоялась 15 мая 1921 года, в день, когда автору исполнилось тридцать лет. Играли ее ингушские актеры-любители. Одна из участниц Т. Т. Мальсагова вспоминала: «Народу была тьма, публика национально бурно реагировала, даже в патетический момент раздался выстрел».

В этот же день состоялось торжественное заседание по случаю открытия Горского народного художественного института. Среди других выступавших были декан театрального факультета М. А. Булгаков и представитель ВЦИК С. М. Киров.

Помимо этих наскоро сколоченных пьес во Владикавказе Булгаков начал писать роман. «Пишу роман, единственная за все это время придуманная вещь», – сообщал он 1 февраля 1921 года Константину. – «Но печаль опять; ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое». Герой романа Слезкина «Столовая гора» тоже пишет роман. Как знать, не о Булгакове ли слова Слезкина: «Он его напишет – будьте покойны. Роман от него не уйдет. Он будет-таки написан. Во что бы то ни стало».

Все эти заметки, фельетоны, рецензии – все это кусок хлеба, не более. Даже столь плодотворное дело, как заведывание Лито и преподавание в студиях... дело первейшей важности, он не спорит, – но все же роман будет написан».

Уже в начале 1921 года Булгаков задумывается: а что же дальше? Было ясно, что необходимо менять место жительства. Нападки в прессе продолжались. Средств к существованию не было. Театр закрылся, артисты разъехались, подотдел искусств расформировался. Слезкин из Владикавказа уехал. Но оказалось, что Булгакову уехать не так-то просто. В рассказе «Богема» он писал: «В 1924 году, говорят, из Владикавказа в Тифлис можно было проехать просто: нанять автомобиль во Владикавказе и по Военно-Грузинской дороге, где необычайно красиво. И всего 210 верст». Но в 1921 году самое слово «нанять» звучало как иностранное. После долгих мытарств через Баку в начале июня он приехал в Тифлис. Через некоторое время сюда прибыла и Татьяна Николаевна. Они бедствовали в Тифлисе. Продали последнее – свои обручальные кольца. На вырученные деньги перебрались в Батум, где выстрадали еще два месяца. Булгаков велел Тасе ехать в Москву и ждать от него известий. «Знаешь, может мне удастся уехать», имелся в виду Константинополь. Но ничего не получилось. И тут в Батуми произошла встреча, которая в какой-то степени преопределила его решение ехать в Москву.

С Осипом Мандельштамом они встретились на батумском базаре, когда Булгаков продавал керосинку, а Осип Эмильевич свою шляпу. Это Мандельштам посоветовал ему ехать в Москву, понимая, что Михаил Афанасьевич уже не может не быть писателем.

Закончились хождения по мукам на Кавказе. Булгаков спешил в Киев, а

оттуда в Москву, чтобы начать свою жизнь по-новому.

Все пережитое на Кавказе – страдания, высокие порывы духа, помогло Михаилу Афанасьевичу обрести убеждение, которое он бережно пронес до конца своих дней. Вся последующая жизнь писателя, от сентября 1921 года до кончины 10 марта 1940 года, пройдет в Москве. Здесь он навсегда расстанется с Татьяной Николаевной, здесь увлечется Л. Н. Белозерской. И здесь обретет новую любовь и верного спутника жизни – Елену Сергеевну Нюрнберг. В Москве появятся его первые произведения, он станет известным драматургом, автором пьесы «Дни Турбиных» и других. А когда его пьесы запретят к постановке, он напишет знаменитое письмо Сталину, где подтвердит свой глубокий скептицизм в отношении революционного процесса.

До конца своих дней он будет писать роман «Мастер и Маргарита», навсегда запечатлев в нем Москву своего времени.

Через пять дней после его смерти писатель А. А. Фадеев напишет Елене Сергеевне письмо, в котором даст короткую, но емкую характеристику человеку и писателю: «Он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью... Путь его был искривлен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного: хуже было бы, если он фальшивил...»

*А. Н. Коваленко, заведующая мемориальным отделом
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 10 т. / Сост., предисл., подгот. текста В. Петелина. – М.: Голос, 1995.

Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. / Редкол.: Г. С. Гоц и др.; Вступ. ст. В. Я. Лакшина, с. 5-68. – М.: Худож. лит., 1992.

Булгаков М. А. Сочинения: В 4 т. – М.: Вагриус, 2003.

Булгаков М. А. Избранные произведения: В 2 т. / Сост., текстол. подгот., предисл., коммент. Л. Яновской. – Киев: Дніпро, 1989.

Булгаков М. А. Избранное / Предисл. Е. Сидорова; Примеч. М. Чудаковой. – М.: Худож. лит., 1988. – 478 с.

Булгаков М. А. Избранная проза / Вступ. ст. В. Сахарова. – М.: Сов. Россия, 1993. – 334 с.

Булгаков М. А. Неизвестный Булгаков: Сборник / Сост. и коммент. В. Лосева; Текстол. подгот. В. Лосева и др. – М.: Кн. палата, 1993. – 463 с. – (Из рукописного наследия).

Булгаков М. А. Письма: Жизнеописание в документах / Сост. и коммент. В. И. Лосева, В. В. Петелина; Вступ. ст. В. В. Петелина, с. 5-29. – М.: Современник, 1989. – 575 с.: ил.; 24 л. ил. – Указ. имен: с. 557-567.

Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов / Вступ. ст., с. 4-32, сост. и общ. ред. А. А. Нинова. – 2-е изд. – Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1990. – 591 с.: ил. – (Театр. наследие). – Библиогр. в примеч.: с. 508-586. – Имен. указ.: с. 587-591.

Содерж.: Белая гвардия: пьеса в 5-ти актах; Дни Турбиных: пьеса в 4-х актах; Зойкина квартира: пьеса в 3-х актах; Бег: восемь снов: пьеса в 4 д.; Багровый остров: Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича с

музыкой, извержением вулкана и английскими матросами: в 4 д. с прологом и эпилогом: другие редакции и варианты этих произведений.

Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов / Сост. и общ. ред. А. А. Нинова; Вступ. ст. А. М. Смелянского, с. 4-24. – СПб.: Искусство, 1994. – 671 с.: ил. – (Театр. наследие). – Библиогр. в примеч.: с. 508-586. – Имен. указ.: с. 587-591.

Содерж.: Кабала святош: пьеса в 4 д.; Адам и Ева: пьеса в 4-х актах; Блаженство: сон инженера Рейна: пьеса в 4 д.; Иван Васильевич: комедия в 3 д.; Александр Пушкин: пьеса в 4 д.; Батум: пьеса в 4 д.: другие редакции и варианты этих произведений.

Булгаков М. А. Чаша жизни: Повести, рассказы, очерки, фельетоны, пьеса, письма. – М.: Сов. Россия, 1988. – 591 с.

Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост.: Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. – М.: Сов. писатель, 1988. – 525 с.

М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени: Сб. статей / Союз театр. деятелей РСФСР; Сост. А. А. Нинов. – М., 1988. – 493 с.

Боборыкин В. Г. Михаил Булгаков: Книга для уч-ся ст. кл. – М.: Просвещение, 1991. – 206 с.: ил. – (Биография писателя).

Виленский Ю. Г. Доктор Булгаков. – Киев: Здоровье, 1991. – 256 с.

Гиреев Д. А. Михаил Булгаков на берегах Терека: Докум. повесть. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 142 с. – Библиогр. в примеч.

Ермолинский С. А. Из записок разных лет: Михаил Булгаков. Николай Заболоцкий. – М.: Искусство, 1990. – 256 с.

С. 22-23: [Пребывание М. А. Булгакова во Владикавказе (1919)].

Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 354 с.

«Когда я вскоре буду умирать...»: Переписка М. А. Булгакова с П. С. Поповым (1928-1940) / Сост. В. В. Гудков. – М.: Эксмо, 2003. – 260 с.

Новиков В. В. Михаил Булгаков – художник. – М.: Моск. рабочий, 1996. – 355 с.

Петелин В. В. Михаил Булгаков: Жизнь. Личность. Творчество. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 493 с.

Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова: Сб. науч. тр. – М.: ЛГИТМИК, 1987. – 147 с.

Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. – М.: Алгоритмы, 2003. – 607 с. – (Русские писатели).

Соколов Б. В. Три жизни Михаила Булгакова. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1997. – 432 с.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988. – 492 с. – (Писатели о писателях).

Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 1997. – 199 с.

Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 424 с.

Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. – М.: Сов. писатель, 1983. – 320 с.

Блохин Н. Ф. Михаил Булгаков на Кавказе // Лит. Ставрополье. – 2005. – № 2. – С. 139-168.

Будаков В. Дороги Михаила Булгакова: [О роли железной дороги в жизни М. Булгакова, в т. ч. на Северном Кавказе] // Гудок. – 1997. – 15 февр.

Бурмистров А. Новые страницы Михаила Булгакова // Нева. – 1999. – № 2. – С. 220-224.

Духан Я. С., Макаев В. В. Учитель К. Г. Паустовского и М. А. Булгакова // Сов. педагогика. – 1990. – № 5. – С. 113-117.

Земская Е. А. Николка Турбин: братья Булгаковы // Театр. – 1991. – № 5. – С. 38-48, фото.

- Карпова В.** «Дни Турбиных» во Владикавказе // Гудок. – 1992. – 21 мая.
- Коваленко А. Н.** Забытая вилла: История о подлинно человеческих сердцах // Кавказ. здравница. – 1996. – 30 авг.
- Крылов А.** «Когда умру, меня начнут печатать...»: [М. Булгаков на Кавказе, (1919-1921 гг.)] // Вечерний Ставрополь. – 1991. – 21 мая.
- Метревели О.** Владикавказ: начало двадцатых // Дарьял. – 2004. – № 2. – С. 80-101.
- Одинец В.** Учитель, перед именем твоим...: [О А. Б. Селихановиче, проф. Пятигор. пед. ин-та. После окончания Киевского ун-та преподавал психологию и рус. лит. в Киевской гимназии, его учениками были М. Булгаков, К. Паустовский, А. Вертинский] // Пятигор. правда. – 1997. – 7 окт.
- Павлов Ю.** Два мира Михаила Булгакова // Рус. лит. – 2003. – № 1. – С. 195-204.
- Петров В. Б.** Нравственные ценности в горниле русской усьобицы: По страницам «Белой гвардии» Михаила Булгакова // Рус. лит. – 2003. – № 1. – С. 22-25.
- Розенфельд Б. М.** Счастливые встречи: по страницам воспоминаний о М. А. Булгакове // Кавказ. здравница. – 2001. – 3 окт.
- Шевченко А.** «Бросил звание и писал» // Ставроп. правда. – 1993. – 10 апр.

«Ваша слава принадлежит России».

В ходе Кавказской войны в XIX веке ничье имя не прозвучало так громко и не вспоминается сегодня так часто, как имя генерала Ермолова. Чеченские события последних лет невольно выдвинули из исторического небытия циклопическую фигуру этого главного нашего покорителя Кавказа. Человек громадного роста и невероятной силы, Алексей Петрович Ермолов мог одним ударом сабли отрубить голову буйволу. Свой первый Георгиевский крест он получил по представлению самого Суворова. Во время Бородинского сражения Ермолов отбил у французов батарею Раевского и тем спас всю армию. Преданность, которую он внушал, была беспредельна. Лучшие русские поэты посвящали ему стихи. Упомянув имя Ермолова в эпилоге «Кавказского пленника», Пушкин еще много лет держал его в центре своего творческого внимания. Алексея Петровича часто упрекают в чрезмерной жестокости к горцам. Но о жестокости Ермолова пусть помнят его враги. Мы же постараемся не забыть того, что этот человек сделал для России.

Вопреки устоявшемуся мнению впервые на Кавказ Ермолов попал задолго до основных событий горской войны – еще в царствование Екатерины II, едва начав свою боевую карьеру. «Двадцать лет назад, – вспоминал он впоследствии, – проезжал я Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма годах и служа под начальством генерал-аншефа графа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796-м году». За штурм Дербента Ермолов получил Владимирский крест и повышение в чине.

Во времена эксцентричного Павла I Ермолов угодил в Петропавловскую крепость и ссылку. При Александре I он выдержал долгую конфронтацию с всесильным Аракчеевым, кончившуюся, однако, тем, что последний рекомендовал императору молодого талантливого генерала на пост военного министра. «Армия наша, – внушал царю Аракчеев, – изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре; я могу указать вашему величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять это место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе, и не лишённого деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все; но ваше величество вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми; но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали».

Воспоминания кавказского похода еще долго тревожили Ермолова. В 1812 году (до вторжения Наполеона в Россию) он писал военному министру о необходимости для себя лечения кавказскими минеральными водами и просил определить его на Линию бригадным командиром. Позднее, уже в 1816 году, вернувшись из побежденной Франции, Ермолов вновь имел намерение отправиться к «минеральным водам на Кавказ», но судьба распорядилась иначе. В то время, то есть в тридцать девять лет, он имел чин генерал-лейтенанта, был награжден орденами Святого Георгия и Святого Владимира и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Своим указом Александр I назначил его командиром Отдельного Грузинского (с 1820 – Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Другими словами, он заключал здесь всю полноту военной и гражданской власти и, хотя формально титула наместника не носил, получил неофициальное, но грозное наименование «проконсула Кавказа» (чем обязан, кстати сказать, великому князю Константину).

Здесь Ермолов провел череду глубоких преобразований. Прежде всего позаботился о войсках: облегчил амуницию, но прибавил провианта и денег, убрал гарнизоны из гиблых мест. Много строил: дороги и казенные здания, наладил почту. Установил дипломатические отношения с Персией и продвинул на юг российские границы. При нем в Тифлисе начала выходить первая газета на грузинском языке. Его железную руку почувствовали горцы: это именно он, «сардар Ермулла», первым стал рубить в непроходимых лесах просеки и сжимать непокорных удавкой кордонных линий и крепостей.

За девять лет грозный проконсул многое сумел изменить на Кавказе, но многое изменилось и в остальном мире. Восшедший на престол Николай I Ермолову не доверял и постарался лишить его реальной силы: с началом Персидской войны на Кавказ был послан И. Ф. Паскевич, а потом и начальник Главного штаба И. И. Дибич. Ермолов, напрасно обвиняемый то в том, что затеял войну, то в том, что, напротив, оказался к ней неготовым, подал в отставку. Сменивший его Паскевич пожинал за хребтом Кавказа плоды своих блестящих побед, но справедливо и то, что заботливо взрастил эти плоды совсем другой человек, «испытанный трудами бури боевой», но обреченный отныне на десятилетия «нетерпеливого бездействия».

В разговоре с Пушкиным о победах Паскевича Ермолов заметил, что они одержаны слишком дорогой ценой. «Можно было бы сберечь людей и издержки», – сказал он. Может быть, именно из-за этого постоянного стремления «сберечь людей» Ермолова, предельно скупого на похвалы и награды, так любили в кавказских войсках. Паскевич, имевший все высшие награды империи, в том числе и четырех «Георгиев», такой любви никогда удостоен не был. Стратегия же горной войны, к которой русское командование после очень долгих неудач и чудовищных потерь вынуждено было прибегнуть на Кавказе, была предложена именно Ермоловым, о чем потом в своем «Хаджи-Мурате» напомнил Лев Толстой: «План медленного

движения в область неприятеля посредством вырубki лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова».

В эпилоге «Кавказского пленника» Пушкин посвятил несколько строк Ермолову:

Но се – Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно...

Предсказание поэта не оправдалось. Когда в 1829 году он предпринял новую поездку на юг, то Ермолов был уже не у дел, в опале, а Кавказ все еще оставался неусмирённым. Грозное пламя Кавказской войны полыхало еще несколько десятилетий, ибо причины такой ее длительности и ожесточенности зависели, конечно, не от личных качеств и воинской одаренности российских генералов.

Самый известный портрет Ермолова был выполнен английским художником Джорджем Доу для военной галереи Зимнего дворца. Именно об этом портрете вспомнил Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке проконсулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом». Вариант этого портрета, где герой изображен на фоне Кавказских гор, на его плечи накинута черкесская бурка, а левая рука опирается на восточную саблю, был весьма популярен благодаря гравюре, сделанной с него Теодором Райтом. Об этом портрете пишет и Лермонтов в очерке «Кавказец»: «Бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова...». «Поэты суть гордость нации», – так говорил сам Ермолов, и они, по-видимому, платили ему взаимностью. В большом стихотворении «Певец во стане русских воинов», посвященном героям 1812 года, Жуковский назвал его «витязем юным», причем вполне справедливо, так как 35-летний Ермолов был тогда заметно моложе остальных наших полководцев.

Лермонтов всегда питал к «проконсулу Кавказа» почтительное уважение. Вспомним, как приосанился его Максим Максимыч, упомянув о своей службе «при Алексее Петровиче». В то время, когда Лермонтов писал «Героя нашего времени», Ермолов давно пребывал в опале, и появление его имени на первых же страницах романа могло прозвучать вызывающе. О прославленном полководце Лермонтов ностальгически вспомнил и в самом большом своем батальном стихотворении «Валерик»:

Вот разговор о старине

В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам...

Одна из самых внушительных фигур в отечественной истории XIX века, Ермолов был бы достоин лучших страниц и нашей великой литературы, но судьба и тут отвернулась от него: самый грандиозный замысел, связанный с его именем, – трилогия Лермонтова «из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» – этот замысел остался неосуществленным.

Получив в начале 1841 года отпуск, поэт по дороге с Кавказа завез Ермолову частное письмо от его бывшего адъютанта П. Х. Граббе (в то время командовавшего войсками Кавказской линии). Вскоре по личным впечатлениям Лермонтов создает образ генерала – покорителя Кавказа в стихотворении «Спор»:

И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой...

С чувством горького сожаления Ермолов отозвался на известие о гибели Лермонтова: «Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!» И еще выразился в том смысле, что будь это в его времена, то он нашел бы случай спровадить Мартынова на верную смерть.

Денис Давыдов был двоюродным братом Ермолова и всегда относился к нему с благоговейным почтением. Знаменитый поэт и партизан 1812 года называл себя живым лексиконом людей и происшествий от Аустерлица до последней Персидской войны. Ермолова он считал одним из замечательнейших деятелей великой наполеоновской эпохи. «Я боюсь, чтобы Ермолова навсегда не зарыли в Грузии», – писал Давыдов, находя, что тот достоин самых высших степеней, в том числе и поста главнокомандующего русской армией.

Смещенный Николаем, гордый изгнанник выехал из Тифлиса в той же простой рогожной кибитке, в которой десять лет назад приехал сюда. Не давая Ермолову никакой реальной власти, император впоследствии вернул его на службу и назначил членом Государственного совета, отправив боевого генерала в собрание престарелых сановников. Он умер на 84-м году жизни и был похоронен в Орле. Перед могилой установили лампаду, устроенную из чугунной гранаты, – скромный дар с надписью: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты». Высокогорный Гуниб – последнее пристанище Шамиля, там он был пленен спустя тридцать лет после того, как Ермолов навсегда

покинул Кавказ. И все же когда Шамиля привезли в Москву и спросили, что он хочет увидеть, грозный имам, не задумываясь, ответил: «Прежде всего – Ермолова».

«Ермолову нет нигде памятника, – воскликнул военный историк В. А. Потто, завершив «ермоловский» том своей знаменитой «Кавказской войны». – Но гордые скалы Кавказа составляют несокрушимый пьедестал, на котором истинно русский человек вечно будет видеть величавый образ Ермолова, окруженный лучами бессмертной славы».

*Н. В. Маркелов, главный хранитель
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова, 1798-1826 / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. – М.: Высш. шк., 1991. – 463 с.: ил. – Библиогр.: с. 462-463.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. / Архив Главного упр. наместника Кавказского; Под ред. А. А. Берже. – Тифлис, 1866-1893.

Т. 6: В 2 ч.: [Ермоловское время управления Кавказским краем с сентября 1816 г. до начала 1827 г.]. – Тифлис, 1874-1875.

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для биографии, его рассказы и переписка // Русская старина. – 1896. – Т. 88, № 10. – С. 97-120; № 12. – С. 565-583.

Алексей Петрович Ермолов: [Биогр. сведения] // Военная энциклопедия. – М., 1912. – Т. 10. – С. 341-347. – Библиогр.: 10 назв.

Андреев В. Воспоминания из кавказской старины; Ермолов и Паскевич: [А. П. Ермолов на Кавказе в 1826-1834 гг., взаимоотношения с декабристами, А. С. Грибоедовым, И. Ф. Паскевичем] // Кавказ. сборник. – Тифлис, 1876. – Т. 1. – С. 1-12, 197-213.

Бартенев П. И. Разговор с А. П. Ермоловым: (Из недав. зап.): [Ермолов о гибели М. Ю. Лермонтова] // Русский архив. – 1863. – № 5-6. – С. 436-441.

Бентковский И. В. Кавказская губерния во время А. П. Ермолова: с 1816 по 1824 г. – Ставрополь: Кубаньпечать, 1886. – 8 с.

Бентковский И. В. К характеристике А. П. Ермолова // Север. Кавказ. – 1884. – № 5. – 17 дек. – С. 1.

Берже А. П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе, 1816-1827 гг. // Русская старина. – 1884. – Т. 43, № 9. – С. 523-528.

Воронцов М. С. Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову [по поводу службы на Кавказе] // Русский архив. – 1890. – № 1. – С. 161-214, 329-365.

Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове // Нива. – 1870. – № 1. – С. 489-491. – В конце текста: Т. Р. А. П. Ермолов на Кавказе в 1818-1819 гг., эпизоды его военной деятельности.

Вриони П. И. Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826-1827 гг.: Донесения и письма // Русская старина. – 1872. – № 3, 7, 9.

Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Собр. И. Дебу с 1816 по 1826 г. – СПб., 1829. – 463 с.

Из содерж.: Перемены, случившиеся в командование генерала Ермолова Кавказским отдельным корпусом. – С. 393-397.

- Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. Т. 6: Время Ртищева и Ермолова с 1 марта 1812 г. по 1827 г. – СПб., 1888. – 756 с.
- Дубровин Н. Ф.** Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. – 1882. – № 2. – С. 205-240; № 3. – С. 5-38; № 4. – С. 185-220; № 5. – С. 5-28; № 6. – С. 193-230; № 7. – С. 5-26; № 8. – С. 189-208; № 9. – С. 37-54; № 10. – С. 235-248; 1884. – № 1. – С. 5-23; № 2. – С. 169-183; 1886. – № 3. – С. 5-29; № 4. – С. 175-204.
- Дубровин Н. Ф.** Последние дни пребывания Ермолова на Кавказе // Военный сборник. – 1888. – № 1. – С. 5-28; № 2. – С. 189-222; № 3. – С. 5-23; № 7. – С. 5-37; № 8. – С. 207-248.
- Ермолов А. А. П.** Ермолов, 1777-1861: Биограф. очерк / Изд. Рус. военно-ист. о-ва. – СПб., 1912. – 207 с.: ил., портр.
- Желиховская В.** Ермолов на Кавказе. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1889. – 167 с.
- История** русской армии и флота / Моск. книгоиз. т-во «Образование». Вып. 6. – М.: Тип. Русск. т-ва, 1911. – 177 с.
- Из содерж.: Ермолов. – С. 53-61; Персидская война 1826. Ермолов и Паскевич. – С. 61-69.
- Краткие** сведения о деятельности на Кавказе главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова // Кавказ. календарь на 1868 год. – Тифлис, 1867. – С. 71-73.
- Надеждин Н. П.** Кавказский край: Природа и люди. – 2-е изд., доп. – Тула, 1895. – 448 с.: ил.
- Из содерж.: Исторический очерк русского владычества на Кавказе. – С. 387-412.
- Погодин М. П.** Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии. – М.: Катков и К^о, 1864. – 452 с.; То же: Русский вестник. – 1863. – № 8-12; 1864. – № 5.
- Потто В. А.** Кавказская война: В 5 т. Т. 2: Ермоловское время. – Ставрополь: Кавказ. край, 1994. – 688 с. – (Стрижамент: Ист. наследие. Лит.-худож. прил. к газ. «Кавказ. край»; Вып. 2).
- Похвиснев М. Н.** Алексей Петрович Ермолов: [Взаимоотношения А. П. Ермолова с И. И. Дибичем и И. Ф. Паскевичем] // Русская старина. – 1872. – Т. 6, № 11. – С. 475-492.
- Романовский Д. И.** Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. – 459 с.: табл.
- Уманец Ф. М.** Проконсул Кавказа: Ист. монография. – СПб., 1912. – 116 с.; То же: // Ист. вестник. – 1888. – Т. 33, № 8. – С. 258-295; № 9. – С. 477-506. – Библиогр. в подстроч. примеч.
- Ходнев И.** Кавказские материалы для биографии А. П. Ермолова // Русский вестник. – 1865. – № 6. – С. 542-584.
- Цылов Н.** Из боевой жизни А. П. Ермолова на Кавказе в 1818, 1819 и 1820 годах // Кавказ. сборник. – Тифлис, 1898. – Т. 19. – С. 1-13.
- Бейтуганов С. Н.** Кабарда и Ермолов: Очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 300 с.
- Блиев М. М.,** Дегоев В. В. Кавказская война. – М.: ТОО «Росет», 1994. – 522 с.
- Гапуров Ш. А.** Северный Кавказ в период «проконсульства» А. П. Ермолова (1816-1827): Монография. – Нальчик, 2003. – 381 с. – Библиогр.: с. 357-381.
- Гордин Я.** Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. – 463 с. – Указ. имен.: с. 460-463.
- Из содерж.: Ермолов. – С. 97-135.
- Кавтарадзе А. Г.** Генерал А. П. Ермолов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. – 119 с.: ил. – (Наши славные земляки).
- Керсновский А. А.** История русской армии: В 4 т. Т. 2. – М.: Голос, 1993. – 334 с.: ил.

- Из содерж.: Времена Ермолова. – С. 94-98.
- Ковалевский Н. Ф.** История государства Российского: Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII – начало XX в. – М.: Изд-во «Кн. палата», 1997. – 416 с.: ил.
- Из содерж.: Генерал от инфантерии, генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов, 1777-1861. – С. 165-169. – Библиогр.: 12 назв.
- Лубченков Ю. Н.** Самые знаменитые георгиевские кавалеры России. – М.: Вече, 2003. – 480 с.
- Из содерж.: Ермолов Алексей Петрович. – С. 202-211.
- Маркелов Н. В.** А. С. Пушкин и Северный Кавказ. – М. Гелиос, 2004. – 254 с.
- Из содерж.: Смирись, Кавказ, идет Ермолов. – С. 125-146.
- Маркелов Н.** Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил.
- Из содерж.: Алексей Петрович Ермолов. «Ваша слава принадлежит России». – С. 59-69.
- Русские** на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича / Сост. А. Г. Макаров. – Краснодар: Дмитрий Буланин, 2004. – 352 с. – (Из русского прошлого).
- Харитонов И.** За Царя, за Родину, за Веру: Герои и войны российской армии, (1695-1918). – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 2000. – 304 с.
- Из содерж.: Смирись, Кавказ, идет Ермолов! – С. 168-175.
- Шишов А. В.** Полководцы Кавказских войн. – М.: Центрполиграф, 2001. – 559 с.
- Из содерж.: Смирись, Кавказ, идет Ермолов!: Генерал от артиллерии и инфантерии Алексей Петрович Ермолов. – С. 133-185.
- Александров Н. Д.** А. П. Ермолов (24 мая 1777 – 1861) // Александров Н. Д. Силуэты Пушкинской эпохи. – М.: «Аграф», 1999. – С. 114-116.
- Беликов Г.** Главноначальствующие Кавказа: «Сфинкс новейшего времени»: [(А. П. Ермолов)] // Ставроп. губ. ведомости. – 2005. – 27 окт. – С. 4, фото; 22, 29 нояб. – С. 6, рис.
- Гранкин Ю. Ю.** Экономическая политика А. П. Ермолова: формы и методы взаимодействия с горскими народами // Вестн. Пятигор. лингвист. ун-та. – 2001. – № 3. – С. 27–31. – Библиогр.: с. 31.
- Дегоев В. В.** Три силуэта Кавказской войны: А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский: [Очерк] // Звезда. – 2000. – № 9. – С. 138–163.
- Каракоч Л.** Два барса: Генерал Ермолов и принц Аббас-Мирза Каджар (Иран) // Родина. – 2001. – № 5. – С. 96–98. – (Действующие лица).
- Клычников Ю. Ю.** Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) // Сборник рус. ист. о-ва. – М., 2000. – № 2 (150): Россия и Северный Кавказ. – С. 72-83. – Библиогр. 46 назв.
- Накропин В.** Ермолов в должности начальника артиллерии всех действующих армий // Доклады Академии военных наук. – 2004. – № 12. – С. 49-52.
- Олейников Д.** Большая Кавказская война // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 50-55.
- Семенова А. В.** А. П. Ермолов и декабристы после восстания 1825 г. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981. – С. 47-58.
- Танасьев В.,** Коваленко А. Алексей Петрович Ермолов: [Роль А. П. Ермолова в развитии нашего края] // Кавказ. здравница. – 1994. – 1 янв., фото.
- Хачиков В.** Ермолов и другие: [О выдающейся роли генерала А. П. Ермолова – проконсула Кавказа и его сподвижников в освоении и развитии курортов КМВ] // Кавказ. здравница. – 2003. – 11 окт. – С. 5, фото.
- Шкарлупина Г. Д.** Освоение территории Прикубанья: в контексте процессов урбанизации населения Северного Кавказа: [XVI в. – по наши дни; О деятельности А. П. Ермолова] // Ист. мозаика. – Ставрополь, 2002. – С. 207–237, табл.
- Экитут С.** Алексей Ермолов // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 30-35.
- Эфендиев Ф. С.** Библиографический очерк Александра Ермолова о генерале Ермолове, покорителе Кавказа // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика,

культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). – Ставрополь, 2002. – С. 265-268.

Эфендиева Т. Е. Русские поэты о А. П. Ермолове // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). – Ставрополь, 2002. – С. 271-275.

Михайлов О. Генерал Ермолов: Ист. роман. – М.: Армада, 1997. – 475 с. – (Русские полководцы).

Мугуев Х.-М. М. Буйный Терек: Роман: В 2 кн. – 4-е изд. – Орджоникидзе: Ир, 1975.

Гизетти А. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе / Изд. военного комитета Гл. штаба. – СПб.: Экон. типолитогр., 1901. – 256 с.

В истории архитектуры г. Кисловодска есть немало известных имен, чье творческое наследие сохранилось до наших дней.

Известно, что на территории Кисловодской котловины к 1819 г. были выстроены два каменных и шесть деревянных домов, которые принадлежали астраханскому купцу Шайкину. Дома располагались недалеко от источника Нарзан и сохранялись до начала XX в. Рядом с ними находились с конца XIX в. дома Тарасова, в которых в начале 20-х гг. прошлого столетия, после освобождения города от частей Добровольческой армии Деникина, был открыт санаторий им. Троцкого на 60 мест. Деревянные дома были снесены и в 1928 г. по инициативе народного комиссара тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, который часто отдыхал в Кисловодске, архитектор-инженер И. А. Фомин и архитектор Рославлев спроектировали корпус санатория «За индустриализацию». Он стал первым санаторием, построенным на государственные средства, и был рассчитан на 200 мест. Строительство его завершилось в 1931 г.

Иван Александрович Фомин является создателем «пролетарской классики», которая и отразилась в архитектуре санатория «За индустриализацию».

И. А. Фомин родился 22 января 1872 г. в г. Орле. Окончив классическую гимназию в Риге, он поступил в Московский государственный университет на математический факультет. Проучившись три курса, Фомин поступил в 1894 г. в Петербургскую Академию художеств, но в 1897 г. был отчислен из нее за участие в студенческих волнениях. Он уехал во Францию, где в течение года изучал различные стили и направления архитектуры, ознакомился с французской живописью. По возвращении из-за границы в Москве он сдал экзамен на право производства строительных работ и стал помощником в мастерских Л. Н. Кекушева (1899) и Ф. О. Шехтеля (1900-1902).

Федор (Франц) Осипович Шехтель (1859-1926) был одним из самых известных и востребованных архитекторов Москвы и видным представителем стиля модерн. Он автор ряда проектов: особняка Морозова на Спиридоновке, Ярославского вокзала и отделки здания Московского Художественного театра. В ряде работ Шехтель применил стилизованные мотивы «готики» древнерусского зодчества. Архитектор преподавал с 1896 г. по 1923 г. в Строгановском училище, с 1902 г. был бессменным председателем Московского архитектурного общества. В послеоктябрьский период он принимал участие в работе советских художественных организаций.

Работа с Шехтелем оказалась для И. А. Фомина плодотворной – помимо того, что он стал свидетелем подлинного творческого подъема мастера, создавшего в тот период свои лучшие произведения в стиле модерн,

ему посчастливилось принять деятельное участие в создании интерьеров Художественного театра в 1902 г., отразивших своеобразную эстетику эпохи символизма. Тогда же Фомин получил первые самостоятельные заказы. В них он выразил свое понимание стиля модерн, который воспринял в австро-германской трактовке (возможно, не без влияния Шехтеля).

Один из первых самостоятельных проектов И. А. Фомин выполнил в 1900 г. Он построил богато декорированный особняк для В. И. Рекка (Я. А. Рекка) в Скатертном переулке, сразу ставший московской достопримечательностью. Лапидарность общей композиции, составленной из неповторяющихся элементов, чем-то напоминала знаменитый фасад фотоателье «Эльвира» в Мюнхене, созданный в 1896 г. А. Энделем. Как и в нем, в особняке Рекка важную роль играл лепной декор, воспроизводивший формы органической жизни – в «Эльвире» морскую волну и водоросли, в особняке – цветы.

Эта постройка сразу поставила Фомина в ряд наиболее известных московских мастеров нового стиля. В 1901 г. Я. А. Рекк привлек его к работе в Торгово-строительном акционерном обществе, заказав пристройки к принадлежавшему ему ампиричному особняку в Мертвом переулке. Эта работа не была осуществлена, но ввела Фомина в круг крупной промышленной буржуазии и владельцев строительных фирм, покровительствовавших распространению стиля модерн. Без их поддержки ему вряд ли удалось бы организационно осуществить такое дорогостоящее предприятие, как выставка «Архитектуры и художественной промышленности нового стиля», состоявшейся в Москве в конце 1902 – начале 1903 г.

Кроме широкого личного участия в экспозиции, Фомин, несомненно, был главным организатором выставки. Именно он сумел привлечь к участию в ней таких европейских знаменитостей, как М. и Ч. Макинтоши, Х. Кристиансен, П. Беренс, Я. Котера, К. Мозер и И. Ольбрих, а также наиболее интересных художников и зодчих Москвы и Петербурга. Кроме того, Иван Александрович лично разработал для этой выставки мебель и отделку интерьеров. Мебель по его рисункам выполнили известные фирмы Мюра и Мерлиза (Москва), Шпини и Менке (Берлин), Э. Бадфора (Москва). Каминные по чертежам Фомина сделаны фирмой братьев Вишневских (Москва), П. С. Сысоева и мастерской Н. Крушельницкого (Москва). Цветные стекла для интерьеров изготовлены венской фирмой «Гейлинг» и московскими мастерами Ф. Падпальным и Р. Домбровским, а бронзовые изделия – фирмой братьев Вишневских и заведением братьев Носенковых. Ковры для выставки были приготовлены фирмой братьев Сапожниковых, мастерской Е. Чоколовой. Кованые медные изделия выполнила фирма Кузмичева, деревянные резные изделия – учебная мастерская Московского губернского земства (из Троице-Сергиева Посада), а тончайшая инкрустация по дереву создавалась талантливой художницей из Курляндии Ф. Неман.

Устроенная Фоминым международная выставка не только позволила увидеть отечественные произведения в контексте работ признанных за

рубежом мастеров, но и дала возможность определить основные тенденции в развитии нового стиля.

С этим периодом связана и еще одна уникальная инициатива архитектора – именно он пытался организовать в Москве новое Архитектурное общество, противопоставленное по творческим установкам уже существующему.

Неудача не повлияла на организаторские попытки Фомина. В том же 1902 г. им были основаны в Москве строительные курсы, на которых он стал основным педагогом. При них были созданы и специальные женские курсы, которыми первоначально также заведовал Фомин. Возможно не без его участия в 1905 г. в Москве возник новый художественный журнал «Искусство», публиковавший интересные материалы о современном изобразительном искусстве и архитектуре, острую профессиональную критику.

В 1905-1909 гг. Фомин продолжил обучение в Петербургской Академии художеств, в мастерской архитектора М. Н. Бенуа. После окончания учебы со званием художника-архитектора он был направлен пансионером за границу (в 1912 г.). Учеба в академии существенно повлияла на профессиональные приоритеты зодчего, ориентируя его на освоение архитектурного наследия эпохи Возрождения и русского классицизма. К стилю модерн зодчий после 1905 г. уже не возвращался, однако опыт работы в этой стилистике иногда просматривается в его произведениях 1920-х гг.

И. А. Фомин является одним из создателей стиля неоклассицизма в русской архитектуре: дача Половцова, корпус особняка С. С. Абамелик – Лазарева на набережной р. Мойки, 23 (1913-1915 гг.), проект застройки о. Голодай – «Новый Петербург» (совместно с архитектором Ф. И. Лидвалем, 1911-1912 гг., не завершен).

В 1915 г. он получил звание академика Академии художеств и возглавил архитектурную мастерскую.

В 1919 г. Фомин руководил архитектурной мастерской Совета по урегулированию плана Петербурга. Он также разработал проект планировки партерного сквера на Марсовом поле (1920-1923 гг.).

В 1929 г. Фомин переехал в Москву, где принял самое активное участие в проектировании метрополитена и был награжден в числе других архитекторов Почетной грамотой ЦИК Союза ССР, согласно постановлению от 13 мая 1935 г.

Блестящий рисовальщик, график, офортисст Иван Александрович Фомин стал участником многотомного издания «История русского искусства» под редакцией Грабаря. После 1917 г. он вошел в когорту самых известных советских зодчих, чье творчество существенно влияло на развитие советской архитектуры в 1920 – 1930-х гг. В это время Фомин (как и другие архитекторы) перерабатывал архитектурные формы классицизма, учитывая при этом особенности новых конструкций и материалов, характер и масштабы зданий большого социалистического города, монументальность, лаконичность и выразительную простоту архитектурной композиции.

Умер Иван Александрович Фомин 12 июня 1936 г. в Москве на Кадетской (Съездовской) линии. На доме, где он жил, была установлена мемориальная доска.

*Р. К. Гочияева, старший научный сотрудник
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Фомин Иван Александрович, 1872-1936: Проекты, постройки, офорты: Каталог выставки произведений в Москве – Ленинграде, 1962 / Союз архитекторов СССР; Сост. И. А. Казакова, К. В. Усачева. – М., 1962. – 36 с.: ил.; 16 л. ил.

Джандиери М. И. Фомин. – М.: Гослитиздат по стр-ву и архитектуре, 1954. – 48 с.: ил.

Ильин М. Иван Александрович Фомин. – М., 1946. – 51 с.: ил.

Лисовский В. Г. И. А. Фомин: [Краевед. очерк]. – Л.: Лениздат, 1979. – 159 с.: ил.

Минкус М., Пекарева Н. И. А. Фомин. – М.: Гослитиздат по стр-ву и архитектуре, 1953. – 312 с.: ил.

Бартнев И. А. И. А. Фомин: [К 100-летию со дня рождения] // Стр-во и архитектура Ленинграда. – 1972. – № 2. – С. 25-27.

Булдаков Г. Н., Жук А. В. Старейшина ленинградских зодчих: Страницы творческой биографии И. А. Фомина // Ленингр. панорама. – 1984. – № 5. – С. 13-15.

Жуков В. Е. Иван Фомин // Зодчие Санкт-Петербурга, XIX – начало XX века. – СПб., 2000. – С. 786-815.

Муиц В. Выдающийся зодчий: [К 90-летию со дня рождения И. А. Фомина] // Архитектура СССР. – 1962. – № 11. – С. 59-60.

Стригалева А. Иван Александрович Фомин // Архитектура СССР. – 1972. – № 2. – С. 16-24, портр.

Фомин Иван Александрович // БСЭ. – М., 1977. – Т. 27. – С. 519.

Паньков И. Ю. Архитектурное наследие: Кавказские Минеральные Воды. – Ростов н/Д., 2003. – 100 с.: ил.

Кавказские Минеральные Воды: [Пятигорск. Железноводск. Ессентуки. Кисловодск]: К 200-летию юбилею, 1803–1903 гг. / Гл. ред. А. М. Тарунов. – СПб.: Тип. «Иван Федоров», 2003. – 656 с.: ил. – (Наследие народов Российской Федерации).

Кавказские Минеральные Воды / Гос. НИИ курортологии МЗ РФ в Пятигорске; Под ред. Н. Г. Кривобокова. – М.: Изд. фирма «Слово», 1994. – 304 с.

Кавказские Минеральные Воды: К 200-летию основания. – М.: Тип. АО «Молодая гвардия», 2001. – 190 с. – (Альманах «Памятники Отечества»).

Кавказские Минеральные Воды. 200 лет: Санатории. Пансионаты. Клиники. Гостиницы. Турфирмы. – М.: ПолиграфМастер, 2003. – 92 с. – (Федеральные курорты).

Кавказские Минеральные Воды: Санатории. Пансионаты. Клиники. Гостиницы. Турфирмы. – М.: ПолиграфМастер, 2005. – 109 с. – (Федеральные курорты).

Кавказские Минеральные Воды, благословенная земля курортов и туризма: Юбилейный путеводитель. Посвящ. 200-летию Кавказских Минеральных Вод, 1803-2003. – Ессентуки: Изд-во «Россы», 2005. – 346 с.

Кисловодск – рай Кавказа: 200 лет. – Минеральные Воды: Изд-во «Кавказ. здравница», 2003. – 80 с.: ил.

Кисловодск туристический. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1982. – 265 с.

Мартыненко В. Судьба архитектора в его творениях // Кавказ. здравница. – 2001. – 10 янв.

Последние тридцать лет своей жизни он прожил в столице Северной Осетии городе Орджоникидзе, ныне Владикавказе. Д. А. Гиреев был удивительно трудоспособен. Помимо изучения творчества Лермонтова, он успевал делать и многое другое: заниматься педагогической и научной деятельностью в университете, руководить практикой и дипломными работами студентов, писать книги. Он был членом Союза писателей СССР, председателем республиканского Общества книголюбов, редактором альманаха «Литературная Осетия». А еще просто хорошим человеком. Его сердце, мысли, вся деятельность щедро отдавались людям.

Постоянные участники «суббот», которые проводил Кисловодский музей музыкальной и театральной культуры, помнят его интересные, занимательные сообщения, опубликованные затем Гиреевым в своей книге «Рассказы литературоведа».

Читатели, интересующиеся жизнью и творчеством автора «Мастера и Маргариты», конечно же, знакомы с книгой Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека». Девлет Азаматович был одним из первых литературоведов, кто занялся изучением неизвестного в начале 70-х годов кавказского периода жизни писателя.

А как живо и интересно Гиреев рассказал в романе-хронике «Гибель Фемиды» о деятельности С. М. Кирова, журналиста владикавказской газеты «Терек». Еще он был постоянным участником лермонтовских конференций, которые систематически проводил «Домик Лермонтова». В запасниках музея-заповедника М. Ю. Лермонтова хранится фотография, запечатлевшая участников первой из них, состоявшейся в 1956 году. Среди видных лермонтоведов мы видим и молодого ученого Д. А. Гиреева, автора научного труда о поэме «Демон».

Интерес к творчеству великого поэта был не случайным: детство Гиреева прошло в Пятигорске, овеянном поэзией Лермонтова, молодость – в музее «Домик Лермонтова».

Девлет Азаматович родился в 1916 году в селе Канглы, что под Минеральными Водами. Отец умер рано, и мать с маленьким сыном переехала в Пятигорск. Он учился здесь в школе, а летом у входа в парк «Цветник» продавал газеты. Окончив семилетку, мальчик работал табунщиком в конартели «Новая жизнь» Моздокского района, затем – в Моздокском радиоузле. Жизнь складывалась так, что учиться Девлет мог только заочно. Окончив таким образом радиотехникум, он в девятнадцать лет стал заведовать тем же радиоузлом, где до этого работал монтером.

Но с детских лет Гиреева тянуло к литературе. Он перешел на работу в местную районную газету, а затем уехал в Дзауджикау – так тогда назывался Владикавказ – и поступил в педагогический институт. Гиреев-

студент получал здесь сталинскую стипендию, которой награждались только некоторые отличники.

На талантливого студента обратил внимание профессор Л. П. Семенов, известный литературовед, у которого учился Гиреев. В этот период и занялся он изучением творчества Лермонтова под руководством своего учителя. А летом 1938 года в «Домике Лермонтова» появился новый штатный работник, Девлет Гиреев. Сотрудник Пушкинского Дома, кандидат филологических наук Л. Н. Назарова в то лето была командирована Ленинградским Пушкинским обществом в Пятигорский музей. Она вспоминала: «Немного позднее приехал на практику студент учительского института из г. Орджоникидзе (теперь Владикавказ) Девлет Азаматович Гиреев. Это был высокого роста, очень приятный по внешности, но весьма скромно одетый молодой человек. Я и научный сотрудник музея, Олег Попов, сразу подружились с Девлетом – всем нам тогда было по двадцать с хвостиком лет. Девлет рассказал нам, что пишет повесть о М. Ю. Лермонтове... Девлет очень быстро освоил экспозицию музея и начал проводить экскурсии весьма эмоционально и темпераментно. Чувствовалось, что он очень любит Лермонтова. Олегу, мне и Девлету приходилось также водить экскурсии и на место дуэли Лермонтова... А по вечерам... забирались на вершину Машука и там устраивали концерты... Девлет пел («Выхожу один я на дорогу...» и другие романсы на слова Лермонтова). Уже ночью мы возвращались по домам... И когда Гиреев уехал, нам стало явно не хватать его»⁶⁹.

«Он был лучшим студентом курса, кандидатом в аспирантуру и начал серьезно заниматься лермонтоведением, недаром он был учеником профессора Л. П. Семенова. В то же время в нем был артистизм, унаследованный, вероятно, от матери. Так что его лекции в музее были красочными и вместе с тем основательными», – вспоминал О. П. Попов, бывший научный сотрудник «Домика Лермонтова».

Творчеством Лермонтова студент Гиреев увлекся серьезно и занимался им глубоко. В 1940 году Государственный Литературный музей (Москва) предпринял издание «Путеводителя по лермонтовским местам» под редакцией его директора В. Д. Бонч-Бруевича. В работе над ним принял участие и «Домик Лермонтова». Две главы путеводителя написаны его сотрудниками: Е. И. Яковкиной, директором, и Д. А. Гиреевым, студентом. Это была серьезная заявка на дальнейшую работу. Девлету Азаматовичу в это время исполнилось 24 года.

Е. И. Яковкина обладала удивительной способностью выявлять талантливых людей, для которых двери «Домика Лермонтова» были всегда гостеприимно распахнуты. Она сумела в предвоенные годы создать коллектив энтузиастов, беззаветно любивших творчество Лермонтова и маленький домик на окраине Пятигорска. Студент Гиреев органично влился

⁶⁹ Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме / РАН. Ин-т рус. лит. – СПб., 2004. – С. 85-86.

в эту дружную «музейную семью». И весной 1941 года, когда закончилась учеба в институте, стал штатным работником «Домика Лермонтова».

Но вскоре началась Великая Отечественная война... Домой Гиреев вернулся только осенью 1945 года. Он приехал в Дзауджикау, где находилась семья: жена и дочь. Нужно было начинать новую жизнь. В «Домике Лермонтова» хранится документ, который проливает свет на то, как Гиреев вновь оказался в музее. Это Е. И. Яковкина стала собирать бывших музейщиков для дальнейшей работы.

Летом 1948 года в торжественной обстановке для посетителей был открыт новый литературный отдел музея. Помимо создания новой экспозиции перед «Домиком Лермонтова» стояли другие, не менее важные задачи. Это был тот период в жизни страны, когда возрождались не только промышленность и сельское хозяйство. В музее продолжалась научная деятельность, возобновилась просветительская работа. Среди тех музейщиков, которые несли знания людям, был и Девлет Азаматович.

Вместе с другими сотрудниками он читал лекции о творчестве русских писателей – Лермонтова, Пушкина, Блока, Горького. Его статьи систематически публиковались в «Пятигорской правде». А когда редакция газеты собрала общественность города на первую литературно-художественную «среду», Гиреев рассказывал собравшимся о Лермонтове, о находках лермонтоведов, о новом литературном отделе музея.

В тот же период, несмотря на сложности послевоенной жизни, музей предпринял издание серии миниатюрных книг, посвященных жизни и творчеству Лермонтова. Все они были объединены одной общей идеей. В популярной форме излагались материалы исследований творчества поэта. Для этой серии Гиреев подготовил работы «В. Г. Белинский и М. Ю. Лермонтов» и «М. Ю. Лермонтов в Пятигорске». Для издания поэм «Мцыри» и «Демон» он написал вступительные статьи. Книги были выпущены тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров.

Культурную жизнь Пятигорска тех лет невозможно представить без деятельности Девлета Азаматовича. Он постоянно в работе, будь то выступление по радио, на Пушкинском вечере в библиотеке имени Горького или на собрании интеллигенции. Гиреев возглавил историко-литературную секцию лекционного бюро городского отдела культпросветучреждений. Ведь он сам был прекрасным лектором. Казалось, перед Девлетом Азаматовичем открывалось будущее музейного работника. Но случилось иначе. На Гиреева поступил донос от одной из молодых сотрудниц музея о том, что во время войны Девлет Азаматович некоторое время находился в плену и затем был за это осужден. Яковкина была осведомлена об этом, но не побоялась принять Гиреева в музей, ведь она знала еще и о его способностях ученого и прекрасных человеческих качествах.

Яковкина оставила свой пост в 1951 году. Ушел и Гиреев. Директором музея назначили А. И. Гребенкову. В том же году на должность заведующего литературным отделом «Домика Лермонтова» Министерство культуры РСФСР направило выпускника МГУ П. Е. Селегея.

Девлет Азаматович с семьей уехал в Орджоникидзе. Не всякий человек мог бы перенести подобные жизненные потрясения. Но не таков был Гиреев: он стал преподавать литературу в школе, через несколько лет защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон».

«В 1950-х годах, – вспоминала Л. Н. Назарова, – Гиреев дважды приезжал в Ленинград с готовой кандидатской диссертацией о поэме Лермонтова «Демон» ... был на приеме у директора Пушкинского Дома, показал свою диссертацию, но тот (по причинам для меня неясным) предложил ему приехать в Ленинград позднее, обещая лишь тогда организовать защиту.

И в 1956 году действительно состоялась защита кандидатской диссертации Д. А. Гиреева в Пушкинском Доме. Я... сама подбирала официальных оппонентов для этой защиты. Ими согласились быть профессор П. Н. Берков, старший научный сотрудник нашего Института... лермонтовед А. М. Докусов. Предварительный отзыв о диссертации написал В. А. Мануйлов. Защита прошла вполне успешно»⁷⁰.

Гиреев стал работать в университете. В последующие годы написал ряд статей для «Лермонтовской энциклопедии». Теплые чувства к музею Гиреев сохранял всю жизнь. Всегда откликнулся, если нужен был здесь. Он не только выступал на музейных научных конференциях, но часто бывал и одним из их организаторов. Привозил в Пятигорск самых талантливых студентов, для которых конференции были прекрасной школой. Девлет Азаматович – человек большой щедрой души – всегда думал и заботился о других.

Последний раз Д. А. Гиреев приехал в лермонтовский музей в мае 1981 года: его пригласили выступить на вечере, посвященном 90-летию со дня рождения М. А. Булгакова. Незадолго до этого вышла в свет его книга «Михаил Булгаков на берегах Терека». Тогда в переполненном зале литературного отдела «Домика Лермонтова» впервые прозвучали отрывки из писем жены писателя Т. Н. Кисельгоф. Она, долгие годы молчавшая и не афишировавшая свои отношения с Булгаковым, написала Гирееву сама, когда прочла его книгу. Девлет Азаматович собирался навестить ее осенью. Но не успел...

Он погиб в автомобильной катастрофе, когда вез из колхоза заболевшую студентку. Та осталась жива.

Говорят, что человек живет до тех пор, пока жива о нем память. Девлет Азаматович Гиреев будет жить еще долго, столько времени, пока читаются его книги, изучаются его научные труды, пока живы люди, помнящие этого замечательного человека.

Тебя не повторить,
не воскресить.
Но льется свет.

⁷⁰ Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме / РАН. Ин-т рус. лит. – СПб., 2004. – С. 88-89.

И все прекрасно, если,
Погаснув, продолжаешь
ты светить⁷¹.

*А. Н. Коваленко, заведующая мемориальным отделом
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гиреев Д. А.* Белинский и Лермонтов / Музей «Домик Лермонтова». – Пятигорск, 1948. – 128 с.
- Гиреев Д. А.* Гибель Фемиды: [Роман. О журналисте А. Т. Солодове]. – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1983. – 215 с.: портр.
- Гиреев Д. А.* Лермонтов в Пятигорске / Музей «Домик Лермонтова. – 2-е изд. – Пятигорск, 1948. – 126 с.: ил.; 2 л. порт.
- Гиреев Д. А.* Михаил Булгаков на берегах Терека: Докум. повесть. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 142 с. – Библиогр. в примеч.
- Гиреев Д. А.* Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон»: Творческая история и текстолог. анализ. – Орджоникидзе: Северо-Осет. кн. изд-во, 1958. – 208 с. – Библиогр.: с. 203–207.
- Гиреев Д. А.* Рассказы литературоведа: Встречи. Поиски. Находки. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – 208 с.: ил. – Библиогр.: с. 196–207.
- Гиреев Д. А.* Тихонов и Осетия. – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1976. – 64 с.
- С. 14–15: [Отзвуки «Мцыри» в поэме Н. С. Тихонова «Дорога»].
- Гиреев Д. А.* Александр Блок // Пятигор. правда. – 1946. – 8 авг.
- Гиреев Д. А.* В музее великого поэта // Пятигор. правда. – 1947. – 16 марта.
- Гиреев Д. А.* В романах и на сцене // Соц. Осетия, Орджоникидзе. – 1964. – 27 дек.
- Гиреев Д. А.* Встреча: Рассказ // Ставроп. правда. – 1947. – 13 апр.
- Гиреев Д. А.* Гениальная поэма М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Демон: Восточная повесть. – Пятигорск, 1948. – С. 5–37.
- Гиреев Д. А.* Гордость русского народа: К 135-й годовщине со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Ставроп. правда. – 1949. – 15 окт.
- Гиреев Д. А.* М. Горький на Кавказе // Пятигор. правда. – 1947. – 18 июня.
- Гиреев Д. А.* Загадочный подарок // Ставроп. правда. – 1973. – 27 мая.
- Гиреев Д. А.* Исправленный Лермонтов // Кавказ. здравница. – 1973. – 12 нояб.
- Гиреев Д. А.* Итоги и перспективы изучения жизни и творчества Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. – Орджоникидзе, 1963. – С. 7–24.
- Гиреев Д. А., Недумов С. И.* К истории знакомства Лермонтова с декабристами // Лит. наследство. – М., 1956. – Т. 60, кн. 1: Декабристы – литераторы. – С. 507–514.
- Гиреев Д. А.* Лермонтов в Пятигорске // Лермонтовский текст. – Ставрополь, 2004. – С. 232–237.
- Гиреев Д. А.* Лермонтов и русская революционная сатира // Проблемы литературы и эстетики: Сб. статей, посвящ. памяти проф. Л. П. Семенова. – Орджоникидзе, 1976. – С. 100–113.
- Гиреев Д. А.* Лермонтов и современность // Ставроп. правда. – 1948. – 27 июля.
- Гиреев Д. А., Семенов Л. П.* Новое академическое издание М. Ю. Лермонтова // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. статей и материалов. – Ставрополь, 1960. – С. 293–306.
- Гиреев Д. А.* Поэма о великой любви к родине // Лермонтов М. Ю. Мцыри: Поэма. – Пятигорск, 1948. – С. 5–31.
- Гиреев Д. А.* Поэт и наше время // Соц. Осетия, Орджоникидзе. – 1964. – 15 окт.

⁷¹ Вахидо Э.

Гиреев Д. А. Проблемы и перспективы изучения творчества М. Ю. Лермонтова // Педагогическая смена, Орджоникидзе. – 1962. – 14 мая.

Гиреев Д. А. Путешествие Лермонтова по Кавказу, 1837, 1840, 1841 // По лермонтовским местам. – М., 1940. – С. 147–159.

Гиреев Д. А. «Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!.. // Соц. Осетия, Орджоникидзе. – 1962. – 24 апр.

Коваленко А. Н. Девлет Азаматович Гиреев (1916-1981) // Лермонтовский текст. – Ставрополь, 2004.- С. 231, фото.

Коваленко А. Н. «Погаснув, продолжаешь ты светить...»: [К 80-летию лермонтоведа Д. А. Гиреева] // Кавказ. здравница. – 1996. – 23 апр., фото.

Польская Е. Рассказы литературоведа // Ленинское знамя. – 1975. – 13 дек.

Николай Павлович был третьим сыном Павла I, моложе старших братьев на два десятка лет и практически не имел шансов стать российским императором. После скорой гибели отца в 1801 г. престол наследовал Александр Павлович. Николая ожидала военная карьера, поэтому он не получил полноценного классического образования. Однако после смерти Александра I 19 ноября 1825 г. в условиях «золотого века» романтизма с характерным и в то время фатализмом, образами и комплексами, своеобразными кодексами поведения (в т. ч. пресекающими узурпацию власти) Россия почти три недели оставалась без государя. Николай, верный подданническому долгу, как и государственные институты власти, принес присягу наследнику престола, старшему брату Константину. Последний остался верен данному Александру слову и отказался от российской короны. Негативное воздействие на Николая оказывал петербургский генерал-губернатор Милорадович. Наконец, Николай Павлович решился выступить против предписываемого менталитетом интеллектуальной элиты того времени непротivления судьбе и взять власть в свои руки. Вступление его на престол было омрачено восстанием 14 декабря; в акте «гвардейской дуэли» император в отличие от декабристов пошел на применение оружия.

Молодой государь (29 лет при вступлении на престол), обладавший силой воли и прекрасными физическими данными, несмотря на свое военное воспитание, не отягощенное овладением формализованных учебных знаний, обладал большой энергией, любовью к дисциплине и интеллектуальными способностями к саморазвитию.

Трагедия 14 декабря оказала сильное воздействие на всю правительственную деятельность Николая I, наложила отпечаток на его частную жизнь (нервный срыв привел жену императора к заиканию). Он представлял себе императорскую власть надсословной, а восстание декабристов – заговором дворян для достижения политического господства в государстве. Поэтому Николай Павлович решил править посредством опоры не на дворянство, а на чиновничество, создав мощную централизованную административную систему.

Была установлена жесточайшая идеологизация общественно-политической жизни. Предпосылки для формирования революционной идеологии Николай Павлович справедливо видел в образовании и воспитании интеллигентской молодежи. В первые же месяцы своего правления он призвал: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам». Сформулированная министром просвещения Уваровым при непосредственном участии императора концепция официальной педагогики

для учебных заведений в последующем получила название «теория официальной народности».

Вместе с тем анализ причин восстания привел Николая I к признанию необходимости реформ. Они проводились в административной и экономической сферах, развивалась сеть учебных заведений с расширением их социального состава, улучшалось положение государственных и крепостных крестьян, неоднократно создавались секретные комитеты по подготовке отмены крепостного права, которое Николаем I было признано «злом, для всех ощутительным и очевидным».

Однако опыт либерализма Александра I, приведший к восстанию декабристов, международные дела, в частности, развитие европейского революционного движения, разрастание политического движения в России препятствовали реализации радикальных преобразований. Они, даже как необходимые реформы, признавались Николаем I «злом, конечно, более гибельным».

В течение всего правления Николая Павловича велась Кавказская война. После победоносного завершения войны с Персией в 1828 г. в 30-е годы активизировалась внутренняя политика России на Северном Кавказе.

Ставрополь являлся военно-политическим центром Кавказской и Черноморской оборонительных линий, столицей Кавказской области. В 1837 г. Николай I решил лично изучить сложившуюся на Кавказе военно-политическую и социальную ситуацию, выяснить проблемы русско-кавказских отношений, определить пути их решения. Актуальнейшей задачей являлось умиротворение Кавказа и прекращение войны, планировалась личная встреча императора с имамом Шамилем, на которую так и не решился последний. Николай Павлович выразил свое желание увидеть на Кавказе спокойствие, а не только победы, достигнутые военным насилием, что, по его мнению, только поддерживает воинственный дух у горцев. В качестве средств достижения мира он предложил «приголубить горцев и привязать их к русской державе, ознакомить с выгодами порядка, твердых законов и просвещения». Николай I написал командирующему Вельяминову инструкцию проведения русской политики на Кавказе и приказал «учредить в разных пунктах школы для горцев, как вернейшее средство к их обрусению и к смягчению их нравов».

Посещение императором Северного Кавказа и Закавказья заняло 3 недели: с 27 сентября после высадки в Редут-Кале на Черноморском побережье по 19 октября, когда он прибыл в Донскую область.

16-18 октября Николай I инспектировал территорию нынешнего Ставрополя. Путь его лежал через города Пятигорск и Георгиевск, станицу Александрийскую, села Сухая Падина, Александровское, Калиновское, Сергиевское, хутор Базовый, село Старомарьевское, город Ставрополь, села Верхнерусское, Московское, Донское, Безопасное, Преградное и Медвеженское (ныне Красногвардейское).

16 октября он осмотрел в Пятигорске все курортные заведения, офицерскую больницу, казармы, церковь, присутствовал на народных

гуляньях. На развитие города император решил ежегодно жертвовать 200 тыс. руб. ассигнациями. Высоко оценивая роль братьев Бернардацци в благоустройстве курорта, царь соизволил лично рецензировать их проекты, одобрив 19; Джузеппе Бернардацци был пожалован драгоценной табакеркой.

В Георгиевске император инспектировал арсенал и госпиталь. Состоялась его встреча с представителями закубанских племен.

Программа кавказской политики стала осуществляться уже в ходе ставропольского визита. 18 октября Николай I открыл первое на Кавказе среднее учебное заведение – Кавказскую областную мужскую гимназию (ныне пр. К. Маркса, 82). Здесь стала формироваться местная интеллигенция. Гимназия начинала приобщать к русской культуре горские и кочевые народы. В 1842 г. при ней было создано горское отделение.

Император присутствовал на открытии первой на Кавказе выставки ремесленных и мануфактурных изделий (ныне пр. К. Маркса, 79). Было положено начало сбору материалов для современного краеведческого музея: флора и фауна Кавказа, экспонаты по его древней истории, с территории Предкавказья сюда свезли «каменные бабы». Из представителей местного купечества и промышленников был отмечен А. Ф. Ребров. По возвращении в столицу Николай наградил его орденом Св. Станислава II степени за образцовое ведение виноделия и шелководства.

Император, по его словам, «осмотрел находившиеся в Ставрополе войска, а потом военный госпиталь, который размещен по частным домам», тюремный замок (ныне пр. Октябрьской революции, 24), бывшую крепость с интендантством (ныне ул. Суворова, 1). В последующем, 1845 г., при непосредственном участии императора был построен крупнейший на Кавказе военный госпиталь (ныне ул. Ленина, 320).

Ставрополь, лежащий на возвышенности, продуваемый ветрами, с саманными и деревянными домами, без промышленности сильно уступал динамично развивающемуся Пятигорску. И все же Николай Павлович повторно утвердил план застройки Ставрополя, как имеющий большее стратегическое значение и удобные складские помещения, чем курортный Пятигорск. Вскоре, 4 января 1838 г., он расширил пригородную зону, «чтобы жители за недостатком торговли и промышленности могли преимущественно заниматься земледелием и скотоводством».

Ставропольцы оправдали высочайшее доверие. Современники удивлялись «быстроте, с которой Ставрополь строился, и как скоро успел перещеголять своей наружностью многие из наших губернских городов». 2 мая 1847 г. Николай I преобразовал Кавказскую область в Ставропольскую губернию с центром в г. Ставрополе.

Кавказская инспекция Николая I имела большое значение для политического и социально-экономического развития Ставрополя, развития русско-кавказских отношений, разрешения Кавказской войны.

Верховная власть России признала, что без комплексного подхода, сочетавшего в себе совокупность военно-политических, экономических, колониально-переселенческих и культурно-просветительских мер,

решить проблему «умиротворения» Северного Кавказа не удастся. В отличие от 20-х годов большое значение стало уделяться мирным, политическим способам решения проблемы. Причинами тому были недостаток финансовых ресурсов, занятость русских войск в межгосударственных войнах, сложная международная ситуация, сохранение приверженности мюридизму в некоторых горских обществах, хотя в середине 40-х гг. горское движение и его социально-экономические ресурсы уже ослабли.

Неудачный для России ход Крымской войны ухудшил эмоциональное и физическое состояние императора, что привело его к смерти 18 февраля 1855 г. Кавказская война завершилась уже при сыне Николая I – Александре II во время реализации выработанной в правление бывшего императора сбалансированной стратегической линии российской политики на Северном Кавказе.

Э. В. Кемпинский, кандидат исторических наук, доцент СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Зотов Р.** Исторические очерки царствования императора Николая I. – СПб., 1859. – 98 с.
- Гершензон М.** Николай I и его эпоха. – М.: Захаров, 2001. – 228 с.
- Труайя А.** Николай I: Пер. с фр. – М.: Эксмо, 2002. – 221 с. – (Русские биографии «ЭКСМО»).
- Василич Г.** Восшествие на престол императора Николая I: В 2 ч. – М.: Образование, 1909. – 159 с.
- Гордин Я.** Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. – 464 с.: ил.
- Кемпинский Э. В.** Высочайший ревизор в Ставрополе: Материалы по краеведению. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. – 79 с.
- Краснов М.** Историческая записка о Ставропольской гимназии, сост. М. В. Красновым. – Ставрополь: Тип. губ. правл., 1887. – 217 с.
- Капустина Т. А.** Николай I: Ист. портрет // Вопросы истории. – 1993. – № 11-12. – С. 27-49.
- Кузнецов Н. В.** Николай I и его время // Специалист. – 1995. – № 1. – С. 33-35.
- Маркелов Н.** Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил. Из содерж.: Император Николай I. «Кавказский круиз». – С. 153-156.
- Николай I** // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 21. – С. 119-129.
- Рыжов К.** Николай I Павлович Романов // Рыжов К. Все монархи мира. Россия. – М., 1999. – С. 428-444.
- Беликов Г.** Вещевой магазин: [В 1820 г. на Крепостной горе г. Ставрополя был возведен главный вещевой магазин комиссариатской комиссии. В 1837 г. его посетил император Николай I] // Вечерний Ставрополь. – 1994. – 1 февр. – С. 3, фото.
- Беликов Г.** Гори, гори, моя звезда: [Император Николай I в Ставрополе (17-18 октября 1837 г.)] // Ставроп. губ. ведомости. – 2005. – 12 апр. – С. 6, фото.
- Бентковский И. В.** Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. – 1887. – № 42.
- Берже А. П.** Император Николай I на Кавказе в 1837 году // Русская старина. – 1884. – Т. 43, № 8. – С. 377-398.

Ткачев Е. Цари на Кавказе: [О пребывании Николая I на Кавказе, в т. ч. в Пятигорске и Ставрополе, октябрь 1837 г.] // Кавказ. здравница. – 1993. – 5 июня.

Алиханов С. О поездке императора Николая I на Кавказ в 1837 году: [Стихи] // Огонек. – 1990. – № 50. – С. 9.

Дмитрий Алексеевич Милютин, выдающийся военный и государственный деятель России, родился 28 июня 1816 г. в небогатой дворянской семье. Учился в Московском университетском благородном пансионе вместе с М. Ю. Лермонтовым классом ниже, поэтому они часто встречались и имели немало общих интересов. Д. А. Милютин редактировал рукописный журнал «Улей», в котором были помещены ранние стихи Лермонтова. Учился он легко, с интересом, показывая превосходные успехи. После окончания в 1833 г. курса обучения Милютин определился фейерверкером в батареиную роту лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В том же году он был произведён по результатам экзаменов в прапорщики.

В 1835 г. Д. А. Милютин поступил в Военную академию, которую блестяще окончил в следующем году с малой серебряной медалью и с занесением его имени на почётную доску в чине поручика Генерального штаба. После выпуска из академии находился на штабной работе. Одновременно сотрудничал в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара, «Военном журнале», «Военном энциклопедическом лексиконе» Л. И. Зедделера, что способствовало развитию его литературных способностей. Здесь он близко сошёлся со многими известными писателями.

В 1839 г. Д. А. Милютин был командирован в Отдельный Кавказский корпус и принял участие в военных действиях против горцев: в осаде и штурме ставки Шамиля аула Ахульго, в боях при урочище Ахмет-Талаи, в других военных операциях, получив ранение пулей в плечо. В 1843 г. подполковник Милютин был назначен на должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории, штаб которых находился в городе Ставрополе. Сюда он прибыл с молодой женой Натальей Михайловной, урождённой Понсе, и поселился в солдатской слободке.

Свои впечатления он так описывал в воспоминаниях: «Первые впечатления, испытанные мною и молодою моею женой по приезде в Ставрополь, были не очень приятны. Жилище, приготовленное для нас распоряжением полковника Норденстама, находилось совсем вне города, в «солдатской слободке», в соседстве с городским острогом. По обеим сторонам прямой, широкой, немощеной и пустынной улицы тянулись две линии редких, низеньких домиков или изб, большею частью турлучных, с соломенными крышами. Из ряда их выдавался нанятый для нас дом штабс-капитана линейного батальона (№ 1) Щепило-Залесского. Дом этот, хотя так же одноэтажный, как и другие, отличался тем, что был выстроен из местного плитняка и имел по фасаду пять окон. Он состоял из двух чистых комнат на улицу: первая, довольно большая, в три окна, служила нам и гостиною, и столовою, и кабинетом, а с приспособлением занавески образовалось и нечто вроде уборной для меня; другая комната в два окна, на улицу, была спальною

нашей. По заднему фасаду дома, на двор, были передняя и две комнаты для прислуги, мужской и женской. Кухня помещалась отдельно во флигеле, в котором жил и сам хозяин дома. Мебель была очень скромная: несколько столов и стульев.

Помещение это, конечно, было незавидное и некомфортабельное. Но мы не слишком грустили об этом, потому, во-первых, что были предварены заранее самим Норденстамом о затруднительности приискания хорошей квартиры; во-вторых, что считали это помещение временным, пока полковник Норденстам занимал казенную квартиру обер-квартирмейстера в ожидании отделки предназначенного для него другого дома; а в-третьих, и главнейшее потому, что мы переживали еще медовый месяц, когда и в простой хижине живет хорошо»⁷².

В новой должности Милютину приходилось много ездить по Северному Кавказу, участвовать в разработке военных операций, выполнять различные поручения начальства. Это давало ему возможность лучше познать Северный Кавказ, общаться не только с воинами, мирным населением, казаками, но и с горцами. Он обогащался новыми познаниями об этом крае. В начале 1845 г. по состоянию здоровья Милютин покинул Кавказ и вернулся в Петербург, где был зачислен профессором Императорской военной академии и занял кафедру военной географии, а затем статистики. Одновременно он увлекся разработкой военной истории и военной науки. Еще будучи на Кавказе, Милютин составил и напечатал в 1843 г. «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов». В академии раскрылись его возможности как учёного. Им был издан ряд работ, получивших высокую оценку в научных кругах, в том числе «Критические исследования значения военной географии и статистики», «Первые опыты военной статистики», «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане» и др. За труд «Первые опыты военной статистики» он был удостоен Академией наук Демидовской премии. Им были заложены основы для разработки военной статистики, которой как науки в России не существовало. По инициативе Милютина в 40-х годах началось военно-статистическое описание губерний России. Он также основательно интересовался и военной историей своей страны. Результатом этого явился его главный научный труд об итальянском походе Суворова «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» в 5 томах, который вышел в свет в 1852- 1853 гг. Этот труд получил высокую оценку российской общественности и учёных. В 1857 г. Академия наук России за его создание присудила Д. А. Милютину полную Демидовскую премию и избрала вначале своим членом-корреспондентом, а затем и почетным членом. Император Александр II наградил его за этот труд бриллиантовым перстнем с вензелевым изображением своего имени. В 1866

⁷² Милютин Д. А. Воспоминания. Т. 1: 1839-1840 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Студия ТРИТЭ, Рос. архив, 2000. – 559 с.: ил.

г. Санкт-Петербургский университет присвоил Д. А. Милютину звание доктора русской истории.

Помимо ученых занятий, научной и литературной деятельности ему приходилось заниматься военно-административной работой. Он также исполнял должность управляющего 3-м (воспитательным) отделением штаба военно-учебных заведений. В 1848-1856 гг. Милютин состоял для поручений при военном министре. Во время Крымской войны в 1853-1856 гг. он редактировал для печати сообщения с театра военных действий и подготовил ряд записок военно-политического характера. Кроме того, ему приходилось участвовать в работе различных комиссий. В 1854 г. полковник Д. А. Милютин был назначен делопроизводителем комиссии по мерам защиты берегов Балтийского моря. Будучи членом комиссии «для улучшения по военной части», представил записку с планом реорганизации военной системы России. Одновременно с этим он состоял членом комиссий об устройстве юнкерских школ при армейских корпусах и для улучшений по военной части. В связи с большой работой в академии и в военном министерстве Д. А. Милютин в 1854 г. был произведён в генерал-майоры. Это было очень важно для карьерного роста: в 1855 г. его назначили в свиту Его Величества.

Ставший в 1856 г. наместником на Кавказе князь А. И. Барятинский решил назначить начальником Главного штаба Кавказской армии человека, который бы хорошо знал не только Кавказ, но и штабную работу. Таким человеком он считал Д. А. Милютина, знакомого ему ещё в молодости по совместной службе на Кавказе и имевшего большой опыт штабной работы. Милютин с удовлетворением принял это предложение. Тем более, что он хорошо знал обстановку на Кавказе, поскольку постоянно следил за происходящим там, анализировал проведённые военные операции, выявлял их плюсы и минусы. Свои наблюдения он использовал на учебных занятиях со слушателями академии.

Прибыв на Кавказ, Д. А. Милютин с головой окунулся в штабную работу, которой было невпроворот. Это было связано с тем, что после окончания Восточной (Крымской) войны молодой император Александр II поставил задачу в течение трёх лет замирить Восточный Кавказ. С этой целью шла реорганизация всей системы вооружённых сил в данном регионе. Вместо Отдельного Кавказского корпуса создавалась Кавказская армия. А это повлекло за собой решение множества организационных вопросов, которыми пришлось заниматься начальнику Главного штаба, выполняя указания наместника, являвшегося одновременно главнокомандующим армии. Особое внимание Д. А. Милютин уделял левому крылу Кавказской линии, которым командовал генерал – майор Н. И. Евдокимов. На первых порах Милютин боялся, что необразованный командующий не сможет грамотно решать сложные вопросы. Но вскоре он убедился в справедливости оценки Барятинским Евдокимова, как одного из способных командиров, который не только толково проводил операцию, но ещё и сберегал солдат.

Оказалось, что в военных вопросах он разбирался очень хорошо и умело руководил войсками.

При участии Д. А. Милютин был разработан план военных действий по завершению присоединения Восточного Кавказа к России. И он постоянно добивался его реализации. Д. А. Милютин рвался в войска, но штабная работа засасывала его до конца. Главнокомандующий часто ему говорил о том, что в отрядах легко могут обойтись без его личного присутствия. Но там не могут обойтись без грамотных, тщательно проработанных штабных решений операций и хорошо скоординированных действий. А между тем войска Чеченского отряда под командованием Евдокимова отвоёвывали у Шамиля территорию за территорией. Д. А. Милютин был произведён в генерал-лейтенанты. Наконец, в начале апреля 1859 г. пала резиденция Шамиля аул Ведено. Покорение Восточного Кавказа вступило в завершающую фазу.

По предложению Д. А. Милютин в операцию по полному разгрому Шамиля были включены все отряды: Чеченский, Дагестанский и Лезгинский. Он разработал чёткую координацию их действий. Главнокомандующий А. И. Барятинский выехал в войска, чтобы лично возглавить завершающую операцию. Вскоре было разрешено прибыть в войска Восточного Кавказа и Милютину для координации действий отрядов на месте.

Находясь в Чеченском отряде, он участвовал в занятии аула Тандо, в овладении Гунибом и пленении Шамиля. За боевые заслуги Милютин был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени и получил звание генерал-адъютанта. На Кавказе он зарекомендовал себя как человек, способный грамотно решать крупные задачи, был постоянно на виду у императора и получал лестные отзывы А. И. Барятинского, личного друга Александра II. Он имел высокий авторитет в войсках.

В связи с начинавшимися реформами в армии в военном министерстве нужны были работники, способные решать вопросы в соответствии с новыми требованиями. Д. А. Милютин в 1860 г. как прогрессивно мыслящий человек, имеющий большой военный опыт, был назначен товарищем военного министра. В связи с его отъездом с Кавказа газета «Кавказ» в октябре 1860 г. писала: «Бесполезно распространяться нам о той общей любви и уважении, которые заслужил на Кавказе Дмитрий Алексеевич в течение четырёхлетнего управления Главным штабом армии. – От главнокомандующего до последнего солдата, все на Кавказе ценили его прекрасное сердце и высокий ум. Всех одинаково печалила и мысль об отъезде этого достойного и полезного для края человека». Главнокомандующий, наместник на Кавказе А. И. Барятинский в приказе по армии назвал Д. А. Милютин своим другом, которого он никогда не забудет.

В связи с отъездом Д. А. Милютин в столицу А. И. Барятинский дал прощальный обед во Владикавказе, где проводил совещание, на котором определялись очередные задачи по завершению покорения Северного Кавказа и его обустройству. Произнося тост в честь Д. А. Милютин, главнокомандующий сказал: «Сегодня я прощаюсь с Дмитрием

Алексеевичем. Говорить о моём огорчении, расставаясь с ним, я нахожу излишним. Выражение чувств в армии и, могу сказать, в целом крае само собою достаточно ручается за правильность его душевного настроения при моей разлуке с ним. Итак, в ознаменование этого общего нам сочувствия к достоинствам вполне уважаемого нами человека, предлагаю вам сердечное ура за здоровье Дмитрия Алексеевича Милютина»⁷³. И князь дружески обнял отъезжающего под громовое «Ура!».

Приехав в столицу, Д. А. Милютин с головой окунулся в работу. Перед военным министерством в то время были поставлены очень сложные задачи: необходимо было реорганизовать устройство армии, управление ею и весь быт личного состава. В работу он включился активно и по существу замкнул на себе вопросы разработки военной реформы. После назначения военного министра Сухожанета наместником в царстве Польском Д. А. Милютин в ноябре 1861 г. стал военным министром. Теперь никто не мешал ему в полную силу заняться реализацией своих замыслов. Спустя 2 месяца после назначения Д. А. Милютин 15 января 1862 г. представил императору свой знаменитый доклад, в котором содержались идеи предполагавшихся преобразований в военном ведомстве. Министр писал, что «поставил себе священным долгом представить со всей верноподданнической откровенностью истинную картину настоящего положения дел, не стараясь нимало ослабить и темноту ее сторон». Он указывал, что реформа потребует огромных финансовых затрат, которые тяжёлым бременем лягут на страну. Поэтому он предлагал: произвести коренные преобразования в организации резервных и запасных войск, уменьшить численность армии в мирное время за счет его не боевого элемента, сократить срок службы нижних чинов, пересмотреть рекрутский устав, провести децентрализацию власти, расширив права местных воинских управлений. На докладе Александр II наложил резолюцию: «Все изложенное в этой записке совершенно согласно с Моими давнишними желаниями и видами». Этот доклад явился основой проведения военных реформ.

Здесь не лишне заметить, что на Д. А. Милютина, как реформатора, большое влияние оказал брат Николай Алексеевич, человек прогрессивных взглядов, который по существу был одним из главных творцов крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. по отмене крепостного права.

В ходе преобразований Д. А. Милютину часто приходилось бороться с рутинной и косностью одних, завистью других. Прежде всего он добился сокращения срока службы нижним чинам в строю с 25 до 16 лет. Были приняты меры к улучшению быта солдат и обучению их грамотности. Для этого, кроме учебных команд, создавались ротные школы. Кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, а также созданы военные училища по подготовке офицерских кадров. Законом от 17 апреля 1863 г. в армии отменялись телесные наказания. В 1867 г. был издан военно-судебный устав,

⁷³ Милютин Д. А. Воспоминания. Т. 3: 1856-1860. – М., 2004. – С. 476.

поставивший деятельность военных судов на новые основания, что явилось базой для наведения порядка в армии.

Введение в 1864 г. военно-окружной системы внесло в управление армией надлежащую гибкость и быстроту мобилизации. Очень важным моментом при проведении реформ явилось внедрение военно-мобилизационных планов, что резко повышало решение данных задач в условиях начинавшейся войны и значительно усиливало боеспособность армии. Была реорганизована интендантская часть, приняты меры по улучшению санитарной службы. Преобразования коснулись и вооружения армии, где основным стало нарезное оружие. В 1872 г. по инициативе Д. А. Милютина были открыты первые женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии.

Но самым крупным преобразованием и достижением военных реформ явилось введение всеобщей воинской повинности вместо рекрутчины, и армия стала всесословной. В ней должны были служить все – 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе в пехоте, на флоте – 7 лет действительной и 3 года в запасе, а затем переходить в ополчение. Существовала масса льгот, в том числе в сфере образования. Чем выше был уровень образования, тем меньше человек служил. Так, военнообязанный, имевший высшее образование, состоял полгода на действительной службе и 14,5 лет был в запасе. В связи с введением всесословной воинской повинности Александр II направил Д. А. Милютину именной рескрипт, в котором писал: «Тяжелейшими трудами вашими в том деле и просвещенным на него взглядом вы оказали государству услугу, которую ставлю себе в особое удовольствие засвидетельствовать и за которую выражаю вам мою истинную душевную признательность. Закон, мною утвержденный и ныне обнародованный, да будет – при вашем содействии – приводиться в исполнение в том же духе, в каком он составлен».

Реформы, проведенные Д. А. Милютиным, оказались весьма своевременными, что отчётливо проявилось во время войны России с Турцией в 1877-1878 гг., когда они подверглись первой серьёзной проверке. Военный министр вместе с императором выехал в действующую армию, где пробыл в течение 7 месяцев, отмечая не только все положительные последствия реформ, но и то, что ещё нужно было сделать.

Почти с самого начала турецкой кампании между Д. А. Милютиным и главнокомандующим войсками на Балканском театре военных действий великим князем Николаем Николаевичем (старшим) установились «неприятные отношения». Великий князь открыто упрекал Д. А. Милютина в том, что он не дал ему своевременно подкреплений, в результате чего война началась с недостаточными силами. Летом 1877 г. Д. А. Милютин проявил завидную твердость, когда после трех неудачных штурмов Плевны категорически выступил против намерения большинства военачальников отступить и настоял на переходе к осаде крепости. На заседании военного совета 1 сентября 1877 г. он один поддержал мнение генерала К. В. Левицкого не отступить от Плевны. В ноябре Плевна пала, что внесло

перелом в ход войны на Балканах. Милютин был награждён орденом Св. Георгия 2-й степени и возведён в графское достоинство. Находясь в действующей армии, он воочию увидел, что войска обворовываются нечестными людьми. Поэтому после окончания войны Д. А. Милютин, не боясь уронить чести мундира, организовал работу комиссии по расследованию допущенных просчетов в обеспечении войск и принял меры по пресечению злоупотреблений со стороны интендантов.

Д. А. Милютин в течение 20 лет был на посту военного министра и, завоевав большой авторитет в армии и обществе, активно влиял на все сферы внутренней политики и на иностранные дела, действовал в духе прогрессивных преобразований и либеральных убеждений, во всём поддерживал императора, преодолевая при этом трудности, создаваемые консерваторами. Большое внимание он уделял внешней политике, оказывая значительное влияние на её проведение.

Убийство народовольцами императора Александра II и вступление на престол его консервативно настроенного сына Александра III во многом предопределили судьбу Д. А. Милютина. При обсуждении на заседании Совета министров 8 марта 1881 г. проекта представительства, предложенного министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым и уже одобренного Александром II перед гибелью, Д. А. Милютин особенно горячо поддерживал это предложение. Но восторжествовало мнение консерваторов во главе с Победоносцевым, несмотря на мнение большинства министров, поддержавших предложения М. Т. Лорис-Меликова. Новый император был противником реализации внесённых предложений. Не отменяя решения отца, рассмотрение вопроса он передал комиссии, которая и должна была тихо похоронить внесённые предложения.

Поскольку такое решение означало свертывание реформ, в том числе и военных, Д. А. Милютин в мае 1881 г. вышел в отставку и уехал жить в свое крымское имение Симеиз, оставаясь членом Государственного совета и генерал-адъютантом, не одобряя новое направление политики, избранное молодым императором.

При уходе с поста военного министра Д. А. Милютину были пожалованы портреты императоров Александра II и Александра III. Примечательно, что в память 20-летнего его руководства военным министерством чинами всех военных управлений по добровольной подписке был собран особый капитал, из процентов с которого выдавались премии имени Д. А. Милютина юнкерам, отлично прошедшим курс юнкерских училищ.

Проживая в Симеизе, Д. А. Милютин внимательно наблюдал за тем, что происходило в стране. С горечью он отмечал, что его преемники в звании военных министров слишком медленно движутся по тропе, проложенной им, а нередко идут в противоположном направлении. Иногда о нём вспоминали в верхах. Награждали по случаю орденами. В дни торжеств по поводу открытия памятника Александру II в Москве в 1898 г. император Николай II произвел бывшего военного министра-реформатора Д. А. Милютина в

генерал-фельдмаршалы. 11 апреля 1904 г., в день 50-летия состояния Д. А. Милютина в генеральских чинах, ему были пожалованы осыпанные бриллиантами портреты императоров Николая I и Николая II для ношения на груди. В 1908 г., в день 75-летия состояния в офицерских чинах, ему был пожалован украшенный драгоценными камнями настольный портрет императора Николая II. 10 декабря 1908 г. он посетил Д. А. Милютина, проживавшего близ Симеиза, и имел с ним беседу, о чём широко информировали российские средства массовой информации.

Но это ничего не изменило в его жизни. С большой горечью пережил Д. А. Милютин русско-японскую войну 1904-1905 гг., окончившуюся для России поражением. Осмысливая состояние русской армии, стареющий фельдмаршал в 1909 г. написал «Старческие размышления о современном положении военного дела в России», где попытался изложить свои взгляды на беспокоившие его вопросы. Он считал оборону Порт-Артура героической, а сдачу позорной, условия Портсмутского мира «не почётными для России».

Д. А. Милютин всё своё время проводил в кругу семьи, среди книг и документов прошлых лет. В январе 1912 г. умерла его 90-летняя ослепшая супруга, с которой он прожил почти 70 лет. А через три дня, 25 января, скончался и сам Дмитрий Алексеевич Милютин, последний российский генерал-фельдмаршал. Погребение его состоялось на Новодевичьем кладбище в Москве. Дневники и воспоминания по завещанию Д. А. Милютина были переданы на хранение в Императорскую Академию Генерального штаба.

За свою военную деятельность Д. А. Милютин заслужил все российские ордена, в том числе орден Андрея Первозванного, был удостоен многих зарубежных наград. Он состоял почетным президентом Академии генштаба и Военно-юридической академии, почетным членом ряда академий, университетов, различных обществ. Милютин вошёл в историю России, как крупный государственный деятель, реформатор, сделавший много для возвеличения государства Российского.

Н. Д. Судацов, доктор исторических наук, профессор СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Милютин Д. А. «Мы приняли вызов Западной Европы не подготовленными к предстоящей борьбе» // Воен.-ист. журн. – 1996. – № 4. – С. 81 –88.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 1: 1839-1840 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. – 559 с.: ил.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2: 1843-1845 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. – 527 с.: ил.

- Милютин Д. А.** Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 3: 1856-1860 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.: ил.
- Милютин Д. А.** Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1816-1843 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 1997. – 495 с.
- Милютин Д. А.** Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1843-1856 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. – 527 с.
- Милютин Д. А.** Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1860-1862 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 1999. – 559 с.: ил.
- Милютин Д. А.** Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1863-1864 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2003.
- Милютин Д. А.** Дневник Д. А. Милютина: В 4 т. Т. 1-4 / Ред. и примеч. Н. А. Зайончковского. – М.: Тип. журн. «Пограничник», 1947–1950.
Т. 1: 1873-1875. – 1947. – 254 с.
Т. 2: 1876-1877. – 1949. – 292 с.
Т. 3: 1878-1880. – 1950. – 324 с.
Т. 4: 1881-1882. – 1950. – 203 с.
- Милютин Д. А.** История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.: В 5 т. Т. 1-5. – СПб., 1852-1853.
Т. 1. Ч. 1-2. – 1852. – 624 с.
Т. 2. Ч. 3-4. – 1852. – 645 с.
Т. 3. Ч. 5. – 1853. – 460 с.
Т. 4. Ч. 6. – 1853. – 462 с.
Т. 5. Ч. 7. – 1853. – 462 с.
- Милютин Д. А.** Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане // Воен. журнал. – 1850. – № 1.
- Милютин Д. А.** Первые опыты военной статистики: В 2 кн. Кн. 1-2. – СПб., 1847-1848.
Кн. 1. – 1847. – 246 с.; 2 иллюминированные карт.
Кн. 2. – 1848. – 302 с.
- Байов А. К.** Граф Дмитрий Алексеевич Милютин: Биогр. очерк. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. – 78 с.
- Блиев М. М.,** Дегоев В. В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. – 592 с.
- Блиев М. М.** Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
- Богданович М.** Исторический очерк военного управления в России, 1855-1880 гг. – СПб., 1880. – 238 с.
- Бородкин М. М.** Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. – 37 с.
- Военные** реформы 60–70-х гг. XIX в. // Военная история Отечества: С древних времен до наших дней. – М., 1995. – Т. 2. – С. 5–28.
- Гордин Я.** Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. – 464 с.: ил.
- Государственные** деятели России XIX – начала XX в.: Биогр. справочник / Сост. И. И. Линьков и др. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 115-116.
- Данилов Н. А.** Исторический очерк развития военного управления в России и приложения к нему. – СПб., 1902. – 306 с. + Прил.: с. 288-306.
- Дегоев В.** Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: Рус. панорама, 2001. – 374 с.

- Дегоев В.** Большая игра на Кавказе: история и современность: Статьи, очерки, эссе. – М.: Рус. панорама, 2001. – 448 с.
- Джанишиев Г. А.** Эпоха великих реформ: Ист. справки. – 10-е доп. изд. – СПб., 1907. – 864 с.: 1 л. портр.
- Зайончковский П. В.** Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 371 с.
- Зиссерман А. Л.** Двадцать пять лет на Кавказе: В 2 ч. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879.
- Ч. 1. (1842-1851 гг.). – 424 с.
- Ч. 2. (1851-1856 гг.). – 440 с.
- Ковалевский Н. Ф.** История государства Российского: Жизнеописания знаменитых военных деятелей, XVIII – XX в. – М., 1997. – С. 236-240.
- Жерве Ник.** Граф Д. А. Милютин: К 90-летию его рождения. – СПб.: Воен. голос, 1906. – 143 с.
- Краснов В. Г.,** Дайнес В. О. Русский военно-исторический словарь. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 290 с.
- Маркелов Н.** Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил. Из содерж.: Дмитрий Алексеевич Милютин. «Последний фельдмаршал». – С. 206-209.
- Ольшевский М.** Кавказ с 1841 по 1866 год: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2003. – 608 с.
- Осинова М. Н.** Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милютин / Предисл. В. А. Золотарева. – М.: Animi Fortitudo, 2005. – 320 с.
- Покровский Н. И.** Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: Рус. полит. энцикл., 2000. – 511 с.
- Столетие** военного министерства, 1802 – 1902: Ист. очерк развития военного управления в России. Т. 3: Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 г. / Сост. Н. М. Затворницкий. – СПб.: Тип. Т-ва М. О. Вольфа, 1911. – С. 241-261.
- Фадеев Р. А.** Кавказская война. – М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 640 с.
- Бушнелл Дж. Д.** Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России, 1856 -1874: Сборник. – М., 1992. – С. 239-259.
- Залесов Н. Г.** «Записки Н. Г. Залесова» // Рус. старина. – 1903. – № 11. – С. 317-332; 1905. – № 6. – С. 509-548.
- Зыков С. П.** Наброски из моей жизни // Рус. старина. – 1910. – № 4. – С. 141-154; № 6. – С. 483-525.
- Инсарский В. А.** Записки Василия Антоновича Инсарского // Рус. старина. – 1895. – № 9. – С. 17-40.
- Кириллов В.** Милютинские реформы // Армейский сборник. – 1996. – № 7. – С. 79–82.
- Кравцов И. С.** Кавказ и его военачальники // Рус. старина. – 1886. – Т. 50, № 6-7. – С. 563-592.
- Кренке В. Д.** Записки генерал-лейтенанта В. Д. Кренке // Рус. старина. – 1882. – № 5. – С. 503.
- Лядов М.** Архив генерал-фельдмаршала гр. Милютина // Ист. журнал. – 1940. – № 7. – С. 139-147.
- Дмитрий** Александрович Милютин // Военная энциклопедия. – Пг., 1914. – Т. 15. – С. 293-297.
- Милютин Д. А.** // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 188-192.
- Осинова М.** Обзор военно-научных трудов Д. А. Милютина // Военно-ист. журнал. – 1972. – № 9. – С. 102–107.

Симонов И. С. Граф Д. А. Милютин и военно-учебное ведомство // Пед. сборник. – 1912. – № 2.

Во времена царствования Дома Романовых о Е. И. Пугачеве говорили и писали, как о государственном преступнике, который был взят в плен графом Паниным, из Симбирска препровожден в Москву, где 10 января 1775 года (все даты приведены по старому стилю. – П. Ф.) казнен на Болоте.

Его судили высшим судом Российской Империи, представлявшим собой «Особое собрание» в составе Правительствующего Сената, Синода русской православной церкви, всех знатных персон первых трех классов и президентов правительственных коллегий.

В советское же время Е. И. Пугачеву отдавалась дань уважения как руководителю крестьянского восстания 1773-1774 годов.

Кто же был на самом деле Емельян Иванович Пугачев, объявленный императрицей Екатериной II «государственным преступником чрезвычайного ранга»?

Согласно записям станичной церковной причтовой книги: «младенец мужеска пола Емельян Пугачев, рожден дня 12 июля 1726 года, день Ангела по мученику Емельяну, от 18 дня июля». Появился на свет он в станице Зимовейской, которая впоследствии по повелению Екатерины II на «вечные времена» была переименована в станицу Потемкинскую в честь своего фаворита Г. А. Потемкина. Сохранившаяся запись в станичной православной церковной причтовой книге разрушает миф о том, что Е. И. Пугачев был старообрядцем, а также подвергает сомнению данные многочисленных источников о годе его рождения⁷⁴.

В 17 лет Е. И. Пугачев был определен на военную службу в один из донских казачьих конных полков. В 1748 году он женился на станичной казачке Софье Дмитриевне Недюжевой. Через неделю после свадьбы был призван на военную службу в Пруссию, где в составе особой команды донских казаков под руководством походного атамана полковника И. Денисова принимал участие в Семилетней войне.

Неукротимой храбростью Пугачев обратил на себя внимание многих офицеров, в том числе и Ильи Денисова, который вскоре взял его в ординарцы. Однако ночью, во время тревоги, Е. И. Пугачев случайно упустил строевого коня полковника И. Денисова, за что получил наказание «битье плетью по голому телу». Его знаки сохранились на всю оставшуюся жизнь.

⁷⁴ БСЭ. – М., 1975. – Т. 21. – С. 216. – (Е. И. Пугачев родился около 1742 года);
Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 565. – (В 1742 году);
Казачий словарь-справочник. – М., 1992. – Т. 2. – С. 329. – (В 1736 году);
Энциклопедический словарь А. Брокгауза и И. Ефрона. – М., 1909. – С. 2049. – (В 1726 году);
Ленинов А. К. Донской казак Емельян Иванович Пугачев // Казачья жизнь. – PROVIDENCE R. I. 1966. – № 161. – С. 9. – (Год его рождения отмечен по записям православной церковной причтовой книги, отмеченной выше. По нашему мнению, именно эту дату, т. е. 12 июля 1726 года следует считать наиболее правдоподобной).

По свидетельству его жены, Е. И. Пугачев «был смуглолицым, ниже среднего роста, волосы и черную бороду носил «по-казацки», веру исповедовал православную, крестился тремя перстами, бывал у исповеди у станичного священника о. Федора, речь и разговоры имел по обыкновению казацкому, а иностранных языков никаких не знал».

С вступлением на царский престол императрицы Екатерины II казаки были возвращены из заграничных походов и распущены по домам. Е. И. Пугачев оказался в семейном кругу в своей родной станице. После полугодового отдыха он вновь был призван и направлен в казачий отряд под руководством есаула Е. Кутейникова для изгнания из Польши раскольников (старообрядцев-староверов). В слободе Ветка Пугачев живо интересовался традициями, бытом и нравами старообрядцев. Он нередко и подолгу беседовал со стариками, пытаясь уяснить смысл раскола в Русской православной церкви. Не исключено, что на основании этого многие историки впоследствии создали версию о его старообрядческой вере, которая будто бы привела к войне против государственного строя.

После окончания действий, проводившихся против старообрядцев он вновь был отпущен домой в свою станицу. С началом войны с Турцией 1768-1774 годов Пугачев был призван в полк Е. Кутейникова. Вскоре ему присвоили казачий чин хорунжего. При осаде укрепленной крепости Бендеры он простудился и сильно заболел. Болезнь приняла затяжной характер, заставила Пугачева уйти в 1771 году из армии и отправиться на побывку в свою станицу. Здесь с помощью станичного атамана он получил льготный документ, который позволял ему свободно выезжать за пределы станицы. Воспользовавшись этим, он поехал в городок Старочеркасск (войсковой центр), где подал прошение об освобождении его от военной службы по состоянию здоровья. Здесь он познакомился с известной знахаркой-врачевательницей Скоробогатовой, которая в течение нескольких месяцев при помощи различных настоек и целебных трав вылечила Пугачева.

Поправившись, он решил навестить свою родную сестру Федосью, которая была замужем за казаком Симоном Павловым и проживала в Таганроге. Еще в 1762 году несколько тысяч казаков было отправлено сюда на вечное поселение. Они были недовольны таким произвольным решением по отношению к себе. Вдобавок ко всему местные власти игнорировали казачьи традиции и обычаи, что заставляло казаков думать об организации побега на Терек и поселении на вольных землях. Они стали уговаривать и Пугачева бежать вместе с ними, а чтобы не вызвать подозрения властей было решено, что Федосья вместе с ним выедет в станицу Зимовейскую, чтобы подготовить приезд остальных казаков и организовать побег на Терек.

Станица Зимовейская в то время находилась на правом берегу Дона, дальше начиналась ногайская степь. Пугачев подготовил все необходимое для переправы недовольных казаков, которые, вступив на левый берег Дона, не задерживаясь, по ногайской степи отправились на Кубань. Здесь они должны были отдохнуть, а затем последовать на Терек. Переправа в те

времена без разрешения властей запрещалась. Нарушение запрета каралось смертной казнью. Руководству властей стало известно о том, что Пугачев организовал переправу, и ему пришлось некоторое время скрываться на хуторах своей станицы.

Вернувшись тайком в Зимовейскую, он узнал, что бежавшие на Терек казаки на границе с Кубанью были схвачены и отправлены под усиленным конвоем в городок Старочеркасск. Пугачев хотел скрытно пробраться в войсковой центр, чтобы там узнать подробности ареста казаков и по возможности оказать им помощь. Однако в пути следования его арестовали. Емельян Иванович обладал удивительной способностью отвлекать охрану от выполнения своих обязанностей и, усыпив ее бдительность, ему удалось уйти. Чувствуя, что круг свободы сужается, Пугачев сам решил бежать на Терек. Ночью, скрытно переправившись через Дон, степью, окольными путями, помня, что через кубанские края бежать опасно, он по землям волжских казаков и Прикумья добрался до станиц терских казаков.

Здесь в низовьях Терека, в станицах Дубовской, Бороздиновской и Кизлярском городке, проживали донские казаки, которые при императрице Анне Иоанновне были посланы на Астрахань (низовья р. Сулак. – П. Ф.), а затем из-за эпидемических болезней отправлены сюда на жительство. Из них и было создано Терское семейное казачье войско. Пугачев, прибыв на Терек, подал письменное прошение о зачислении его в это войско. Среди местных казаков нашлись и те, кто подтвердил потомственное казачество Пугачева. Спустя некоторое время он получил приписку к станице Дубовской.

Ознакомившись с жизнью казаков, Пугачев отметил, что у них существует множество проблем, которые не замечаются и не решаются правительственными властями. За короткое время он посетил станицы Галюгаевскую, Ищерскую и Наурскую. Сравнивая жизнь Семейного и Терского казачьих войск, он отметил, что первые живут гораздо хуже. Несмотря на то, что они несут одинаковую службу, но не получают вовремя жалование, провиант, порох и свинец.

На казачьих кругах этих станиц казаки внимательно слушали его выступления, которые заставляли их по-иному оценивать свое житье-бытье. Чтобы довести свои беды до Санкт-петербургских властей, казаки, собравшись в станице Галюгаевской, решили избрать Пугачева своим представителем и велели ему ехать в столицу, где ходатайствовать перед Государственной военной коллегией об уравнивании прав казаков обоих войск.

Не исключено, что сыщики и соглядатаи были в то время и на Терке, так как властям вскоре стало известно о «свободолюбивом делегате», которого необходимо арестовать. При выезде из Моздока он был задержан, помещен в местную тюрьму и прикован цепями к дубовому столу, вкопанному глубоко в землю.

Но и среди охраны нашлись добрые казаки, которые слышали речи Пугачева, и им не хотелось, чтобы он был доставлен в столицу арестантом, а не депутатом. Казак из станицы Галюгаевской помог ему распилить цепи, а

затем вместе с ним через Прикумские и Астраханские степи добраться до земель яицких казаков. Уже тогда в степях Притеречья и Прикумья начала восходить звезда будущего «амператора» России – Петра III.

Для определения прелюдии Пугачевского восстания следует пояснить историческую действительность, которая сложилась у яицких казаков в это время. Подавив восстание донских казаков (Булавинское) в 1708 году царь Петр I казнил несколько тысяч казаков, многие их семьи были выселены в Сибирь, а земли розданы войсковому атаману, старшинам и многим своим приближенным. Во избежание волнений в будущем он предпринял множество мер, которые, с одной стороны, нравились казакам, а с другой, лишали их законных прав: свободы и независимости, возможности соблюдения традиций и обычаев. Петр I возвысил роль казачьих старшин и одновременно отменил выборность войсковых атаманов. С помощью теперь уже наказных атаманов и подбираемых ими старшин постепенно урезались традиционные права казаков.

Такая же политика проводилась и среди яицкого казачества, лозунгом которого было: «Правда, Закон, Воля!» Смелым поборником казачьих прав и интересов был яицкий казачий старшина Иван Логгинов.

Еще в 1737 году на Яике были большие стычки между наказными (московскими) атаманами и войсковыми, избираемыми партиями. Иван Логгинов обвинил первого назначенного Москвой атамана Григория Меркурьева в том, что тот, выполняя указания Санкт-Петербурга, не соблюдает традиции и обычаи Яицкого войска. В 1762 году И. Логгинов в очередной раз обвинил атамана войска, теперь уже Андрея Бородина, в установлении несправедливых поборов и налогов на казаков. Яицкие казаки, поддержав Логгинова, потребовали от войсковых старшин полного отчета о сборе налогов, различных поборах и отмены пошлины с пойманной в р. Яике рыбы. Атаман Бородин подал рапорт в Военную коллегию о том, что Яицкое казачье войско взбунтовалось против российской власти.

В свою очередь и яицкие казаки во главе с И. Логгиновым направили туда же жалобу на своего войскового атамана и старшин и потребовали присылки к ним следственной комиссии.

На Яик выезжали две комиссии во главе с капитаном Чебышевым и подполковником Потаповым. Они закончили расследования в пользу казаков во главе с Иваном Логгиновым.

Решение Военной коллегии по докладу подполковника Потапова было следующее:

«Лишение Яицких старшин старшинского достоинства, наложение на них денежного штрафа, взыскание с них удержанного ими жалованья, запрещение осужденным старшинам занимать какие-либо выборные должности по войску, отрешение от должности войскового атамана А. Бородина и наложение на некоторых казаков (членов войсковой партии И. Логгинова. –П. Ф.) за якобы ложные доносы».

Но это во многом справедливое решение не выполнялось, что вновь провоцировало казаков на противодействие наказному атаману. Для

усмирения волнений на Яик выехал во главе драгунского полка и артиллерии генерал Черепов, который приказал казакам собраться на площади около Войсковой Избы и выслушать грамоты Военной коллегии. Генерал Черепов потребовал, чтобы казаки подошли к перилам (месту проведения войсковых казачьих кругов. – П. Ф.). Однако они это требование не выполнили. Угрозы применения оружия на них также не подействовали. Казаки народ вольнолюбивый и не привыкли, чтобы царские генералы приказывали им, как проводить Казачий круг. У них за много лет сложилась в этом своя традиция, и никто не имел права нарушить ее. Казаки молчаливо стояли невдалеке от перил, не думая выполнять вздорный приказ.

Взбешенный казачьим неповиновением генерал приказал драгунам стрелять в выборных казаков по команде: «Бей в упор, пли!». Прозвучали один залп, другой, третий... На казачьей площади, где всегда принимались демократичные решения, было убито 27 выборных казаков и 367 ранено.

Только после третьего залпа оставшиеся члены Войскового Казачьего круга подошли к перилам, заслушали грамоты и дали подписку повиноваться указам и распоряжениям верховной государственной власти. Однако это не успокоило подавляющее большинство казаков, их недовольство росло и нередко приводило к непослушанию.

Вскоре распоряжением Военной коллегии яицким казакам было запрещено носить бороды. Это вызвало новый взрыв возмущений, так как казаки Яика почти все были старообрядцами, поэтому поголовно носили бороды. Это же распоряжение обязывало казаков также вступать в военные формирования гусарских кавалерийских эскадронов. Яик бурлил. Через некоторое время казаки получили приказ о немедленном задержании 30000 калмыков, которые решили уйти из России в Монголию. Казаки отказались выполнять и это распоряжение властей. Ни наказной атаман, ни войсковые старшины не могли успокоить их. Видя, что ситуация выходит из под контроля, по требованию наказного войскового атамана на усмирение казаков из Оренбурга в Яицкий городок были направлены два полка пехоты, драгунский полк, два гусарских эскадрона и несколько пушечных батарей во главе с генералом Траунбенбергом.

Произошел бой между яицкими казаками, которые защищали свои «Правду, Закон и Волю!» и российскими регулярными войсками. В результате этого жестокого боя российские регулярные войска были разбиты, генерал Траунбенберг убит, а наказной атаман Петр Тамбовцев (не казак) повешен напротив Войсковой Избы.

Вот в такое беспокойное время на Яике появился Емельян Пугачев. Пожив незначительное время в казачьих станицах, он вскоре объявил себя царем Петром III, которому будто бы удалось спастись и в течение 10 лет скрываться в степях яицких казаков.

Яицким казакам, особенно тем, кто уже не мог отступить назад и давно стал на путь борьбы с государственной властью, было все равно. Они говорили: «Нам какое дело Пугачев государь он или нет! Мы из грязи сумеем сделать князя! Если он не завладеет московским царством, то мы на Яике

сделаем свое царство. Мы вздумали взять его – Пугачева, под свое защищение и сделать над собой властелином и восстановителем своих казачьих притесненных и упавших обрядов и обычаев, которые давно собираются у нас переменить. Для сих причин, мы – яицкие казаки вздумали принять его – Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он восстановил наши прежние казачьи обряды, а бояр, которые больше всего в этом деле умничают, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и вконец разорена!»

Не спокойно было в это время и в Запорожье. В конце 60-х годов здесь получила большое развитие гайдаматчина. Гайдамаки повели партизанскую войну против поляков, турок, татар и российских властей. Весной 1768 года у г. Чигирина появился крупный военный отряд гайдамаков во главе с Максимом Зализняком, который объединил казаков Правобережья и Левобережья Днепра. Ценой огромных усилий малороссийскому генерал-губернатору П. А. Румянцеву удалось усмирить при помощи войсковой старшины запорожцев, однако они наотрез отказались принимать участие в Русско-Турецкой войне 1768-1774 годов.

Самостийность запорожских казаков привела к тому, что это движение было разгромлено генералом Теккели по указу фаворита Екатерины II «ясновельможного князя» Г. А. Потемкина.

На Дону и на Волге также бурлили страсти. Войсковой донской атаман Степан Ефремов в 1769-1771 годах отказался выступить в поход против крымских татар и распустил казаков по домам. Он также вел работу по отделению Донского войска от Российской Империи и провозглашению независимости Дона. Российским властям стало известно, что атаман Ефремов ведет переговоры с турками, крымскими татарами и северокавказскими горцами о создании союза против России.

На усмирение начинающегося бунта донских казаков были посланы российские войска во главе с уже известным генералом Череповым. Он собрал в столице Дона, городке Старочеркасском, казаков и приказал дьяку зачитать грамоты Военной коллегии, а также приказ об отзыве войскового атамана Степана Ефремова. В ответ казаки, стоя на майдане, заявили генералу: «Ты хочешь всех нас писать в солдаты, но мы все помрем, а до того себя не допустим». Избив самым жестоким образом генерала, донцы повели его топить в реке Дон по стародавнему казачьему обычаю (в куль и в воду. – П. Ф.).

И хотя войсковой атаман Степан Ефремов и значительное количество казаков было арестовано и приговорено к смертной казни крупного выступления донских казаков удалось избежать. Екатерина II осознала, что репрессиями и наказаниями их невозможно успокоить, поэтому были приняты меры, в которых предусматривались привилегии для войсковой старшины и обещания для среднего казачества. Так, уже во время Пугачевского бунта, 21 июля 1774 года, царским правительством был издан указ, в котором говорилось «о всемилостивейшем прощении всех казачьих

прегрешений на Дону, следственных дел по обвинению участников недавних казачьих возмущений, об освобождении всех казаков из тюрем по делу войскового атамана Степана Ефремова». Смертная казнь ему была заменена ссылкой.

Как только Емельян Пугачев появился на Яике и объявил себя императором Петром Федоровичем, к нему стали убегать казаки с Днепра (запорожские), Дона и Терека. Все они стали именовать «Пугача» не российским, а казачьим царем. С ним все казаки связывали получение независимости от Российской Империи и установление казачьих государств.

Сохранившиеся первые «царские» документы Е. И. Пугачева подтверждают это. Первый указ Пугачева от 17 сентября 1773 года гласил: «Самодержавного Императора, нашего Великого Государя Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. В именном моем указе изображено Яицкому войску. Как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши. Так и вы послужите за свое отечество мне, Великому Государю Императору Петру Федоровичу. Когда вы устоите за свое Отечество, и не истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, Государем жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, Государю Императорскому Величеству Петру Федоровичу, винные были, и я Государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с верными до устья и землю, и травами, и денежным жалованием, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом. Я, Великий Государь Император, жалуя вас Петр Федорович».

Из манифеста Пугачева к Донскому войску 13 августа 1774 года: «...Донские казаки вы ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые не насытятся Россиею, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род».

Отметим, что когда Пугачевское восстание распространилось за границы Яицкого войска, то многие казаки, в том числе и военные руководители, стали покидать восставших и уходили домой, посчитав, что коли Яик освобожден, то все, о чем они мечтали, по их мнению, свершилось. Да и миф о царе Петре III стал быстро улетучиваться, как только в окружение Пугачева были посланы правительством знакомые ему казаки с Дона. Разумеется, дисциплина в войсках Пугачева стала падать, сражения проигрываться и в декабре 1774 года «Император Петр Федорович» был схвачен.

А. С. Пушкин в своем сочинении о Пугачевском восстании отметил разговор командующего российскими войсками в Поволжье и Оренбургском крае Панина с Пугачевым в Симбирске при его аресте: « – Кто ты таков? – спросил Панин. – Емельян Иванович Пугачев! – ответил Пугачев. – Как ты смел, вор, называться государем? – продолжил Панин. – Я не ворон (возразил Пугачев, выражаясь иносказательно, по свойственной ему привычке и забавляясь игрой слов). Я вороненок, а ворон-то еще летает. – Видя, что подобный ответ Пугачева производит сильное впечатление на столпившихся

любопытных, Панин ударил связанного Пугачева по лицу и вырвал у него клоч борода».

Е. И. Пугачев в железной клетке под усиленной охраной во главе с А. В. Суворовым был отправлен в Москву. «Особое собрание» приговорило его к смертной казни четвертованием. Казнь произошла 10 января 1775 года. Специально для этого был построен эшафот высотой около 4 аршин с четырехсторонним помостом.

Вокруг эшафота были воздвигнуты виселицы, на которых предусматривалось повесить сподвижников Пугачева. Во время казни палач допустил «ошибку» и отрубил вначале голову, а затем уже ноги и руки. Таким образом, классической казни четвертованием не получилось, за что один из чиновников, стоявших рядом, закричал на палача: «Ах ты, сукин сын! Что же ты сделал», а потом добавил: «Ну, скорее руби руки и ноги». В это же время было повешено несколько десятков сподвижников Пугачева, среди которых, за малым исключением, почти все были казаки.

Как отмечал очевидец казни помещик А. Т. Болотов: «Превеликой гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшего на сие редкое и необыкновенное зрелище». Вот так, чудом уцелевший помещик, сбежавший от «пугачевщины» в Москву, назвал страшную казнь четвертованием – редким и необыкновенным зрелищем.

Для запугивания казаков и недопущения в дальнейшем подобных восстаний императрица Екатерина II через свои правительственные органы добилась не только осуждения и казни Пугачева, но и выполнения указов и грамот по его забвению.

Так, по усмотрению Правительствующего Сената:

1. Родной курень Е. И. Пугачева в станице Зимовейской, где он родился, был сожжен, а пепел от сгоревшего дома развеяли по ветру, место засыпали солью, распахали, а затем освятили.
2. Станица Зимовейская была переименована в Потемкинскую и перенесена на левый берег Дона.
3. Донская казачка Софья Недюжева, первая жена Пугачева, и яицкая казачка Устинья Кузнецова вместе с детьми были направлены в Выборгскую и Кексгольмскую крепости (освобождены по указу Александра I в 1803 году. – П. Ф.).
4. После их освобождения прямые потомки и родственники Е. И. Пугачева были обязаны носить фамилии унижительного и оскорбительного значения: Дураковых, Остолоповых, Обьедовых. (Потомки их под этими фамилиями живут до настоящего время в России и за рубежом).
5. Имя Емельяна Ивановича Пугачева, потомственного донского казака, Российским Святейшим Синодом было предано вечной анафеме.
6. Река Яик была переименована в р. Урал.

Что же ставилось в вину Е. И. Пугачеву «Особым собранием»:

1. «Пугачев виновен в том, что его изменническое и бедственное дерзновение возмутить яицких казаков, возмечтал и, узнав несогласие между яицких казаков, старался Яицкое войско, находившееся тогда в междоусобной, по делам до них касающихся вражде, уговорить к побегу на Кубань».

2. «Пугачев стремился стать Атаманом отборной шайки разбойников, но как усмотрена им в одних мерзостная склонность к всякому злодеянию, а в других простота, далеко превзошли его ожидания и расположение, он принял имя Петра III. Паки явился на Яик, он тем свирепее пускался в такие предприятия, успехом коих чаял сообщников своих, к злодеянию склонных, ободрить, а простаков самую дерзостью еще более привести в ослепление».

Известный российский историк профессор Ключевский сформулировал идеологию и смысл Пугачевского движения так: «Пугачевщина» выступила под легальным знаменем и несла с собою идею законной власти против Екатерининской узурпации, с ее пособниками дворянами. Когда почва затряслась под ногами в правящих сферах, по почину Екатерины II, всплывает мысль об уравнивании общества, о смягчении крепостного права».

Русские историки конца XIX и начала XX веков определяли Е. И. Пугачева как руководителя крестьянской войны и руководящей силой считали крестьянство.

Однако многие ученые зарубежных стран, анализируя социальные явления в XVII-XVIII веках в России, трактуют это по-другому.

Так, американский историк профессор Ярош, исследуя «крестьянские бунты» того времени, сделал следующее заключение: «Все социальные войны, ведшиеся в России в XVII-XVIII столетиях начинались исключительно на территориях Дона (Болотников, Разин, Булавин), Яика (Пугачев) и следовательно движущей силой их был казачий народ».

Разумеется, исследователям конца XIX века, особенно советского периода XX века, было выгодно показать роль крестьянства, так как эта идея полностью совпадала с народнической и государственной идеологией. О казаках если и говорили, то только как о патриотах и ревностных защитниках монархического строя. После революционных событий 1917 года о них долгое время было запрещено даже упоминать.

Пугачевское движение охватило значительную часть территории России между Волгой и Уралом. Е. И. Пугачев выпускал свои деньги – «пугачевские рубли», на одном из уральских заводов изготавливались пушки с гравировкой, государственным орлом, титулом и именем «Царя Петра III (Пугачева)».

Несмотря на запреты произношения имени Пугачева только в 1775 году – году его казни появились:

1. Выгравированное изображение в профиль Е. И. Пугачева неизвестного английского автора.

2. Гравюра «Арест и допрос Пугачева» неизвестного автора.

3. Картина «Е. И. Пугачев в тюрьме на цепи» неизвестного автора.

4. Зарисовка Е. И. Пугачева в железной клетке неизвестного художника и др.

5. Сложено множество песен.

Очевидно, что небезопасно в то время было указывать авторство гравюр и картин даже для иностранцев.

Русский историк С. Ф. Платонов в своем труде «Пугачевщина» отмечал: «Восстание, поднятое казаками, постепенно затихло и в нем вольное казачество спело свою последнюю песню. С тех пор, под действием государственных порядков, оно потеряло окончательно свой давний оппозиционный склад и превратилось в пограничную милицию, послушную правительственному руководству. В роли такой милиции оно продолжало существовать не только на р. Яик, но и на рр. Тереке и Кубани».

Прошло 280 лет со дня рождения потомственного донского казака Емельяна Ивановича Пугачева, а память о нем живет, как о великом казачьем герое. Эта память в душах казаков, простых жителей России никогда не умирала и не умрет.

П. С. Федосов, кандидат исторических наук

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Восстание** Емельяна Пугачева: Сб. документов. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 215 с.
- Документы** ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений: 1773-1774 гг.: Сборник / Сост. А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. В. Прохоров. – М.: Наука, 1975. – 523 с.
- Емельян** Пугачев на следствии: Сб. док. и материалов / Отв. исп. Р. В. Овчинников. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 463 с.
- Крестьянская** война 1773-1775 гг. в России: [Восстание Пугачева]: Документы из собрания Гос. Ист. музея. – М.: Наука, 1973. – 440 с.
- Буганов В. И.** Пугачев. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 383 с. – (Жизнь замечат. людей. ЖЗЛ. Сер. биогр.). – Библиогр.: с. 380-382.
- Дубровин Н.** Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773-1774 гг. Т. 1-3. – СПб., 1884.
- Лимонов Ю. А.,** Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. – Л.: Наука, 1974. – 188 с.
- Мавродин В. В.** Под знаменем Крестьянской войны. – М.: Мысль, 1974. – 151 с.
- Под** знаменами Пугачева: [Сб. статей]: К 200-летию крестьянской войны под предводительством Пугачева. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1973. – 195 с.
- Пушкин А. С.** История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники: – М.: Терра, 1997. – 400 с.
- Пушкин А. С.** История Пугачева / Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М.: Восресенье, 1998. – 476 с.
- Фирсов А.** Опыт социолого-психологической характеристики пугачевщины. – СПб., 1903.
- Шишков В. Я.** Емельян Пугачев: Ист. повествование. – М.: Дрофа-Новая книга, 1994. – 752 с.
- Беликов Г.** Дерзкая челобитная: Е. И. Пугачев на Кавказе: [1771-1772] // Ставроп. правда. – 1983. – 22 янв. – С. 4.
- Берже А. П.** Пугачев на Кавказе // Рус. старина. – 1883. – Т. 37, № 1. – С. 167-170.
- Бойко С.** Наследники Пугачева: К 130-летию восстания села Маслов Кут (1853 г.) // Ставрополье. – 1982. – С. 81-90.

О поимке и бегстве Пугачева: [Извлечено из дел Моздок. воен. архива бывшим советником губ. правления М. П. Крюковым] // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. – Ставрополь, 1869. – Вып. 2. – С. 175-180. – Отд. 1.

Прозрителев Г. Н. Новые данные к истории Пугачева: [Пугачев на Тереке в 1772] // 45-я параллель. – Ставрополь, 1991. – № 3. – С. 5-8.

Чекменев С. А., Мирко В. П. Волнения казаков на Тереке в 1771-1772 годах (в период основания Моздокско-Кизлярской пограничной линии) // Материалы по изучению Ставроп. края. – Ставрополь, 1988. – Вып. 15-16. – С. 22-33.

Сто шестьдесят пять лет назад выстрел у подножья Машука оборвал земную жизнь великого поэта.

«...Погода нынешним летом в Пятигорске стояла довольно хорошая: сильные жары прохлаждались порывами ветру; маленькие дожди перепали изредка. Но 15 июля, около шести часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время между горами Машуком и Бештау скончался Лермонтов...»

Это одно из первых сообщений о трагическом событии опубликовано в газете «Одесский вестник» 6 августа 1841 года. Но уже в те дни шло осмысление значимости гения Лермонтова:

«...Русская литература лишилась одного из талантливейших своих поэтов, – сообщал корреспондент «Литературной газеты» 9 августа. – Молодой поэт, столь счастливо начавший свое литературное поприще и со временем обещавший нам замену Пушкину, преждевременно нашел смерть. Нельзя не пожалеть, что столь свежий, своеобразный талант не достиг полного своего развития; от пера Лермонтова можно было ожидать многого».

«Между нами будет сказано: я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят; в сущности он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный... В то время мы все писали такие стихи... Я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество карандашей или перьев и напишет несколько строк. Ну, разве это поэт...»⁷⁵.

Но напрасно злорадствовали и злословили недруги и завистники: Лермонтов пережил их на века. Ведь, как известно, человек живет столько, сколько о нем помнят.

Спустя тридцать лет после выстрела Мартынова в Пятигорске впервые заговорили об увековечении памяти Лермонтова, возникла идея установить на пятигорской земле памятник поэту. Но прошло еще десять лет, прежде чем в городе организовали первое всенародное чествование Лермонтова.

Добросовестные журналисты курортной газеты «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» сохранили для истории хронологию столь важного события.

В 1872 году начался сбор средств на создание памятника Лермонтову. Во Владикавказе, центре Терской области, куда административно входили Кавказские Минеральные Воды, был образован специальный «Комитет по сооружению памятника М. Ю. Лермонтову». Его председателем стал вице-губернатор Терской области Г. Х. Якобсон, а среди членов значился и контрагент (то есть арендатор) КМВ А. М. Байков, беззаветно любивший творчество Лермонтова и много сделавший для увековечения его памяти.

Видимо, именно Байкову принадлежала идея торжественно отметить 15 июля 1881 года 40-ю годовщину гибели Лермонтова.

⁷⁵ Русская старина. – 1885. – Т. 15. – С. 476.

В Пятигорске тщательно готовились к юбилею. Уже за месяц до даты «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» поместил обращение ко всем желающим принять участие в чествовании поэта. Все финансовые расходы приняло на себя Контрагентство КМВ.

1 июля в гостинице «Минеральные Воды», то есть в бывшей Ресторации, собрались участники торжества для обсуждения его программы и выбора распорядительной комиссии. Ее возглавил Якобсон, а в состав избрали как пятигорчан, так и приезжих: С. А. Милова, П. А. Щуровского, Р. Ф. Бабянского, П. А. Хохлова. Они-то и составили программу: с панихидой, концертом и гуляньем.

Жители Пятигорска и отдыхающие живо откликнулись на предложение комиссии.

Сложнее всего оказалось решить проблему с панихидой. Распорядителем по этому пункту программы был назначен городской голова К. И. Карпов. Духовенство отказалось проводить панихиду. Тогда обратились за разъяснениями к прокурору Синода К. П. Победоносцеву. Во Владикавказском архиве хранится его категоричный ответ: «Спешу уведомить, что уклонение местного духовенства от публичной панихиды по Лермонтове вполне согласно с церковными условиями, кои для них обязательны».

Но телеграмма влиятельного прокурора, очевидно, опоздала. Преосвященный епископ Кавказский Герман уже предписал пятигорскому духовенству беспрепятственно отслужить панихиду.

На средства Контрагентства комитет заказал в Петербурге у Карабасникова два бюста Лермонтова. Один из них установили в Елизаветинской (Академической) галерее, а другой – в гроте Лермонтова.

Наконец, наступил день чествования. С 11-ти часов на Соборной площади – сейчас это пересечение улицы Соборной и проспекта им. Кирова – стали собираться депутации с венками. Всего их было около тридцати.

В 12 часов в Спасском соборе началась панихида. Затем торжественная процессия с венками направилась на Нагорную улицу к усадьбе, где когда-то жил М. Ю. Лермонтов. В 1881 году она принадлежала Вейштордту.

Но сделаем небольшое отступление и перенесемся в XX век. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, почему Е. И. Яковкина, директор музея «Домик Лермонтова», категорически отрицала факт открытия мемориальной доски в этой усадьбе в 1881 году. Вот что она писала в своей книге «Последний приют поэта»: «Домика» не коснулась программа торжеств, выполненная, как гласит отчет устроителей праздника, самым блестящим образом. Посетить его в этот день никто не догадался.

Профессор В. С. Богословский в книге «Пятигорские и с ними смежные воды» сообщал, что в 1881 году на «Домике» была установлена доска с надписью: «Здесь жил поэт М. Ю. Лермонтов, родившийся 2-го окт. 1814 г. и убитый на дуэли в Пятигорске 15 июля 1841 г.» Значит, по мнению

автора, не забыли, вспомнили. Увы! Забыли и не вспомнили. И не было в 1881 году на «Домике» такой доски»⁷⁶.

Но в Государственном Историческом музее (Москва) хранится снимок пятигорского фотографа А. Энгеля «Чествование памяти М. Ю. Лермонтова 15 июля 1881 года». На нем приписка от руки: «Прибитие доски к дому, где жил Лермонтов». Фотограф запечатлел множество публики с венками перед входом в усадьбу Вейштордта и мемориальную доску. Правда, не на самом «Домике», где в это время шел ремонт, а на фасаде хозяйского дома. Этот исторический документ подтверждается и сообщениями журналистов. Они отмечали, что доска временная и будет заменена на другую.

...От дома Вейштордта процессия спустилась вниз к бульвару, а затем поднялась к Елизаветинской галерее. Галерею в тот день украшали флаги, гирлянды и разноцветные фонари. Как только депутации поднялись на площадку, заиграла музыка. Оркестр находился около Эоловой арфы и звуки марша как бы стекали с горы вниз, к многочисленной публике.

Бюст Лермонтова в центре галереи украсили венками. Звучали речи, стихи, зачитывались телеграммы, пришедшие в тот день в Пятигорск из разных мест. После официальной части венки возложили и к другому бюсту – в Лермонтовском гроте.

В одном из флигелей галереи начался благотворительный базар. Здесь можно было выпить чай, кофе, вино, приобрести на память портреты Лермонтова, фотографии грота и Домика Лермонтова.

Чуть позже в гостинице «Минеральные Воды» начался торжественный обед по подписке, на котором присутствовало около 80 человек. Распорядители постарались, и меню получилось оригинальное: подавали водку и закуски а-ля «Демон», супы «Уланша» и «Казначейша», осетра «Измаил-бей», кровавый ротсбиф «Боярин Орша», зелень «Хаджи-Абрек», жаркое а-ля «Кирибеевич», мороженое «Тамара».

Вечером у Елизаветинской галереи началось народное гуляние, а в 20 часов концерт в Михайловской галерее. В нем приняли участие все артисты, которые находились в это время в Пятигорске и которым творчество поэта было небезразличным.

В сумерках зажгли иллюминацию, и вся местность около грота Лермонтова приняла фантастический вид.

В тот день на памятник Лермонтову было собрано две тысячи рублей серебром.

Публикуя на страницах «Листка...» отчет о лермонтовском дне, А. М. Байков размышлял: «Пятигорск и собравшиеся в нем случайно представители всей России весь этот день посвятили чествованию памяти одного из тех талантов, которыми гордятся нации и которые свидетельствуют о степени их развития. Отдание должного должному, – воздаяние подобающей чести по заслугам... во всем этом есть что-то

⁷⁶ Яковкина Е. И. Последний приют поэта: Домик М. Ю. Лермонтова. – 4-е изд. – Пятигорск, 2004. – С. 56.

торжественное, величественное, свидетельствующее о зрелости и нравственной возвышенности народа.

Желательно, чтобы это первое чествование, совпадавшее с 40-й годовщиной смерти М. Ю. Лермонтова, обратилось в ежегодное, – и чтобы даже по постановке памятника... празднество это было ежегодно источником добрых дел».

Три лета подряд проводил Лермонтовский комитет подобные торжества. Проходили они примерно по одному сценарию. Правда, панихиду служили уже не в Спасском соборе, а в Николаевском вокзале, в парке «Цветник».

15 июля 1884 года вновь собрались депутаты и отсюда, из Николаевского вокзала, в торжественной обстановке несли на специальных, украшенных цветами носилках, плиту из черного мрамора – мемориальную доску для «Домика Лермонтова». Прислал ее в Пятигорск драматург А. Н. Островский.

Доска была укреплена на стене «Домика», перед входом. До сих пор она находится на этом месте.

16 августа 1889 года памятник Лермонтову был, наконец, торжественно открыт. В Пятигорске это было следующее по времени торжество, посвященное поэту.

Традиция чествовать память Лермонтова дожила до наших дней, хотя иногда и прерывалась на несколько лет.

Новым всплеском всенародной любви стало торжественное открытие второго памятника на месте дуэли 15 июля 1901 года, когда исполнилось 60 лет со дня гибели Лермонтова.

И вновь строки журналистского отчета: «Это торжество превратилось в праздник, который превзошел всякие ожидания... Открытие было назначено на 15 июля на 5 часов дня. Но уже в 4 публика потянулась из города длинной, не прерывавшейся на протяжении трех с лишком верст вереницей, к месту торжества. Погода была прекрасная, что значительно увеличило количество участников.

В начале шестого оркестр заиграл «Коль славен наш Господь в Сионе», покрывало с памятника упало и перед взорами открылся памятник. Затем началось возложение венков. Командир 25-го Ахульгинского батальона произнес речь, после чего прозвучал марш Тенгинского полка. Речь о значении поэзии Лермонтова сказал директор одной из столичных гимназий. Звучали стихи поэтов, вызвав бурные рукоплескания по адресу авторов. Когда торжества закончились, войска с музыкой и песнями на слова Лермонтова возвращались в город, а большинство публики еще долго оставалось на месте праздника, любясь красотой панорамы и слушая незатейливую музыку сазардаристов. Их заунывные монотонные мелодии как нельзя лучше гармонировали с настроениями минуты, навевая тихую меланхолическую грусть и унося мысли в мир грез».

Ежегодно, на протяжении многих десятилетий, в день гибели Лермонтова, 27 июля по новому стилю, во дворе перед «Домиком»,

последним приютом поэта, собираются почитатели лермонтовского гения. Звучит музыка, звучат стихи:

А Лермонтов... Он полон света,
Живой проходит сквозь века.
Ему венок стихов поэты
Несут к подножью Машука.

Таким своеобразным «венком поэту» стали и Лермонтовские праздники поэзии, которые проходят в Пятигорске с 1968 года в день рождения поэта.

...Роковой выстрел у подножья Машука не прервал земную жизнь великого поэта.

*А. Н. Коваленко, заведующая мемориальным отделом
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лермонтовская энциклопедия / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия»; Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 734 с.: ил.; 34 л. ил.

Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М.: Рус. панорама, 2003. – 704 с. – Имен. указ.: с. 671-703.

Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера. – М.: Современник, 1987. – 494 с. – (Любителю рос. словесности. Исследования о классике).

Мануйлов В. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография писателя. – Л.: Просвещение, 1976. – 175 с.

Из содерж.: Ранние поездки на Кавказ. – С. 19-26, 42-46, 84; Первая ссылка. – С. 94-109; О поэме «Демон». – С. 118-127, 135; Роман «Герой нашего времени». – С. 141-154; Вторая ссылка. – С. 155-166; Последние стихи поэта, написанные на Кавказе. — С. 166-167; Дуэль и смерть. – С. 168-172.

Андреев-Кривич С. А. Всевиденье поэта. – 2-е изд. – М.: Сов. Россия, 1978. – 270 с.: ил.

Гл. 1. «Тебе, Кавказ – суровый царь земли». – С. 31-48; Гл. 20. Новая встреча с Кавказом. – С. 114-133; Гл. 21. Что увидел на Кавказе автор «Бородина» и «Песни про купца Калашникова». – С. 179-184; Гл. 25. На Кавказе в 1840 году. – С. 211-213; Гл. 27. Последний год. Последние месяцы. – С. 212-224.

Захаров В. А. Загадка последней дуэли: Док. исследование. – М.: Рус. панорама, 2000. – 352 с. – (Страницы Рос. истории).

Очман А. В. Роковой поединок: дуэль и гибель М. Ю. Лермонтова в отечественной литературе XX века / Под ред. Н. М. Келейниковой. – Пятигорск: Граффити, 2001. – 263 с.

Белоконь С. В. Неизбежимый жребий: Версия гибели Тенгинского пехотного полка поручика Михаила Лермонтова. – Ставрополь: ЮРКИТ, 1997. – 192 с.

Арзамасцев В. П. Места, воспетые поэтом: О М. Ю. Лермонтове / Грав. А. Мищенко. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1981. – 231 с.: ил.

Из содерж.: «Приветствую тебя, Кавказ седой!». – С. 159-200.

По лермонтовским местам: Путеводитель / Сост. О. В. Миллер; Авт. предисл. И. Л. Андроников. – М.: Профиздат, 1989. – 328 с.: ил.

Из содерж.: Лермонтовский Кавказ. – С. 167-270; Кавказские Минеральные Воды. – С. 271-312.

Пятигорск в исторических документах, 1803-1917 гг. / Науч. ред. П. А. Шацкий; Сост. С. И. Несмачная, Н. А. Малеванов, С. С. Атапин. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. – 352 с.: ил. – Имен. указ.: с. 342-347; Топоним. указ.: с. 347-351.

Из содерж.: Журнал заседания Пятигорской городской Думы об открытии библиотеки-читальни и музея в «Домике Лермонтова». – С. 306-308.

Селегей П. Заповедный лермонтовский край: Путеводитель по Гос. музею-заповеднику М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. – 190 с.: ил.

В краю синих гор: Лермонтовский Пятигорск: [Фотоочерк. Фото В. Г. Монша и В. В. Позднова]. – М.: Сов. Россия, 1974. – 39 с.: ил.

Музей «Домик Лермонтова»: Фотоальбом / Авт. текста П. Селегей; Фото В. Каурова, Г. Костенко. – Мин. Воды: Изд-во «Кавказ. здравница», 1986. – 22 с.: ил.

Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск / Лит. обработка и примеч. П. Е. Селегея. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. – 310 с.: портр., 8 л. ил. – Список лит. в примеч.: с. 251-274. – Имен. указ.: с. 293-308.

Яковкина Е. И. Последний приют поэта: Домик М. Ю. Лермонтова. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1975. – 188 с.: ил. – Список лит.: с. 187-188.

Гаустов И. Место дуэли Лермонтова: [Из истории памятников, установленных на месте дуэли поэта в 1879, 1881, 1901, 1914-1915 гг.] // Кавказ. здравница. – 1979. – 23 янв.

Коваленко А. Н. Музею «Домик Лермонтова» – 85 лет // Ставроп. хронограф на 1997 год. – Ставрополь, 1997. – С. 87-94, фото.

Коваленко А. Памятник на месте дуэли: [К 70-летию со дня открытия на месте дуэли М. Ю. Лермонтова памятника работы художника-архитектора Б. Микешина (15 июля 1915 г.)] // Кавказ. здравница. – 1985. – 27 июля.

Краснокутская Л. Тайны старого дома: [О «Доме Рошке» в пос. Иноземцево, связанном с именем М. Ю. Лермонтова. История пос. Иноземцево (в прошлом Каррас, Шотландка)] // Кавказ. здравница. – 1998. – 17 янв.

Марученков А. Под Машуком у вод Горячих: [Из истории курорта Пятигорска в 20-е годы XIX столетия. В т. ч. Пятигорск глазами юного Лермонтова] // Кавказ. здравница. – 1997. – 15, 17, 22, 23 окт.

Незабвенной памяти поэта: [Фрагменты материалов из газет 1912-1942 гг., посвящ. Лермонтовскому музею / Публ. подгот. А. Коваленко] // Пятигор. правда. – 1997. – 5, 12, 22, 29 июля; 28 авг.

Соснина Е. «До самых звезд он кровлей достигает»: [К 85-летию со дня основания Гос. музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (27 июля 1912 г.)] // Пятигор. правда. – 1997. – 26 июля, фото.

Смирнов-Каменский Е., Павлов М. Край целебных вод: Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. – 222 с.

Из содерж.: По лермонтовским местам Железноводска. – С. 210-212.

Махлевич Я. Л. Мезонин у Нарзана: [Очерки]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. – 192 с.

Очерки воссоздают облик реального Кисловодска лермонтовской поры и соотносят его с литературным пейзажем в «Герое нашего времени».

Беликов Г. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. – 351 с.

Из содерж.: «Я встретил Вернера в С...». – С. 244-255.

Миллер О. В. Литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Библиогр. указ., 1825-1916. – Л.: Б-ка АН СССР, 1990. – 345 с.

Миллер О. В. Библиография литературы о М. Ю. Лермонтове (1917-1977 гг.) / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Сост. О. В. Миллер. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1980. – 517 с.

Морозова Л. И., Розенфельд Б. М. Лермонтов в музыке: Библиогр. справочник / Сост. Л. И. Морозова, Б. М. Розенфельд. – М.: Сов. композитор, 1983. – 175 с.

М. Ю. Лермонтов и Кавказ: Указ. лит. (1964-1978 гг.) / Ставроп. краев. науч. б-ка

им. М. Ю. Лермонтова; Сост. Т. Г. Лившиц. – Ставрополь, 1979. – 136 с.

Владимир Александрович Шаповалов родился в 1946 г. в совхозе «Коммунар» Красногвардейского района Ставропольского края в семье рабочего. Здесь прошли его детские годы, сформировалось ответственное отношение к труду. Окончив в 1964 г. Коммунаровскую среднюю школу, целеустремленный юноша поступил на историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института. Учеба в вузе стала началом большого пути и определила его последующую жизнь. Являясь своеобразной «кузницей кадров» для политических и силовых структур и хозяйственной сферы, этот факультет всегда был силен высокой профессиональной подготовкой своих студентов, формировал их нравственные качества, воспитывал патриотов своей Родины. Будучи отличником учебы, Владимир Александрович активно занимался общественной деятельностью, являясь членом бюро ВЛКСМ факультета, делегатом ряда комсомольских конференций. В студенческие годы сформировалась его активная гражданская позиция, которая и сегодня заметно отличает профессора В. А. Шаповалова. Тогда же определились и его научные интересы, связанные с политической историей и молодежной тематикой. Вся последующая жизнь и деятельность Владимира Александровича, так или иначе, всегда была связана с молодежью, с воспитанием подрастающего поколения.

В 1968 г., окончив с отличием институт, он был направлен на работу в Кавказскую среднюю школу Прикубанского района Карачаево-Черкесской автономной области учителем истории и обществоведения. Оттуда был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Службу проходил в Москве. После демобилизации работал инструктором отдела пропаганды и культурно-массовой работы Ставропольского краевого комитета ВЛКСМ. В период с 1970 по 1972 г. обучался на факультете комсомольской работы в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, которую закончил с отличием. Затем работал инструктором отдела пропаганды и культурно-массовой работы Ставропольского краевого комитета ВЛКСМ.

В 1972 г. В. А. Шаповалова избрали первым секретарем Ленинского райкома ВЛКСМ г. Ставрополя, а в 1974 г. – первым секретарем горкома ВЛКСМ, через год – вторым секретарем краевого комитета ВЛКСМ. В эти годы он организатор многих краевых форумов молодежи Ставрополя, участник международных и всесоюзных молодежных конференций, в том числе делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

В 1978 г. В. А. Шаповалов перешел на партийную работу и был избран секретарем Ленинского райкома партии г. Ставрополя. Ему приходилось заниматься различными вопросами жизнедеятельности вузов и других образовательных учреждений, широким спектром общественной и политической жизни, хозяйственного и культурного строительства. В эти годы выработался его стиль руководства, доминирующими чертами которого

являются демократичность, высокая культура общения с подчиненными, тактичность, корректность, требовательность. Работа над повышением эффективности социально-экономического комплекса района потребовала специальных знаний. Всегда стремясь к достижению самых высоких результатов в выполнении порученного, к совершенствованию своего профессионализма, Владимир Александрович в 1979 г. заочно окончил экономический факультет Ставропольского государственного сельскохозяйственного института.

В 1982 г. приказом Министерства образования Российской Федерации Шаповалов был назначен на должность проректора по международным связям Ставропольского государственного педагогического института. Это стало началом его научно-педагогической деятельности.

Работа с иностранными студентами была сложной и ответственной, требовала дипломатичности, терпения, принципиальности, поиска новых, эффективных методов вузовской работы, творческого отношения к делу и высокой ответственности. Всем этим обладал В. А. Шаповалов. Он по-прежнему вел большую общественную работу, являлся членом секции по пропагандистской работе с иностранными студентами Совета ректоров вузов края, руководителем страноведческого семинара для преподавателей института, работающих с иностранными студентами, заместителем председателя совета по профилактике правонарушений и т.д. Одновременно занимался педагогической деятельностью, читал лекции и вел занятия по дисциплинам кафедры политической истории, где работает и в настоящее время, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора.

В эти годы В. А. Шаповалов активно начал заниматься научными исследованиями. В 1982 г. он поступил в заочную аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (ныне МПГУ), досрочно закончил её в 1984 г. с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1988 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 1992 г. – профессора.

В конце 1989 г. он уже работал в должности проректора по учебно-воспитательной работе Ставропольского государственного педагогического института, а в мае 1990 г. был избран его ректором. С этого момента начался особый этап в истории института – этап создания предпосылок для постановки вопроса перед федеральными органами власти о классическом университете на Ставрополье.

В. А. Шаповалов сразу проявил себя как творческий и умелый организатор, обладающий высокой способностью к анализу, умением видеть перспективы развития и формулировать приоритетные направления деятельности. Системный, научно выверенный подход к управлению вузом, который и сегодня рассматривается им как единая и динамично развивающаяся система, позволил решить ряд крупных организационных задач. Уже на первом этапе были созданы кафедра информационных технологий в образовании и управлении, что оказалось стратегически верным решением и отделение по подготовке юристов и практических

психологов, начался переход на двухуровневую модель подготовки специалистов и многое другое. В 1994 г. заслуги вуза высоко оценило Министерство просвещения РФ, и он был переименован в педагогический университет.

В результате преобразования здесь стала разрабатываться и реализовываться программа обновления содержания высшего профессионального образования, совершенствоваться технология обучения, осуществляться компьютеризация учебного процесса. Вводились новые учебные планы, образовательно-профессиональные программы, учебно-методические материалы. Ориентируясь на интересы людей, учитывая их запросы и нужды, Шаповалов смог завоевать высокий авторитет среди профессорско-преподавательского состава и студентов, объединить всех для достижения общей цели – создание классического университета.

Ставропольский государственный университет был создан 28 февраля 1996 г. Постановлением Правительства Российской Федерации (№ 189) на базе Ставропольского государственного педагогического университета и филиала Московской государственной юридической академии. Таким образом, 2006 год является юбилейным для университета.

Владимир Александрович сумел, опираясь на поддержку Ученого совета, ректората и всего коллектива, создать университет в сложное, стремительно текущее, переходное время, когда шла смена старых и поиск новых экономических и общественно-политических приоритетов, в условиях катастрофической нехватки средств, а нужно было не только укреплять материально-техническую базу, создавать научные центры и лаборатории, внедрять новые информационные технологии, но и перестраивать содержание и технологию образования. Это было трудное, но интересное время в жизни вуза, время определения стратегии развития, время свершений. Конечно, жизнь еще расставит все по своим местам, даст заслуженные оценки событиям и людям. Но уже сегодня мы можем с уверенностью сказать, что есть главное – Ставропольский государственный университет.

Он по праву считается одним из самых престижных и динамично развивающихся вузов Южного федерального округа и страны. Ставропольский государственный университет принят в Ассоциацию классических университетов России, что является весьма значимым событием. Сегодня это крупный учебный, научно-исследовательский и культурный центр, в состав которого входят 12 факультетов, более 80 кафедр, аспирантура по 63 научным специальностям, докторантура по 15 научным специальностям, 7 научно-образовательных центров и 21 проблемная научно-исследовательская лаборатория. При университете действуют 11 диссертационных советов по 33 научным специальностям, в том числе – 8 докторских. Филиалы и представительства университета имеются в городах Буденновске, Георгиевске, Изобильном, Светлограде, Кисловодске, Элисте, Черкесске и др. Современная научная инфраструктура университета включает 8 школ и 40 направлений, осуществляющих

исследования по приоритетным направлениям науки, техники и технологии Российской Федерации.

Универсальные возможности Ставропольского государственного университета, мощный потенциал научно-педагогических кадров (на его кафедрах работают более 130 докторов наук и профессоров и около 600 кандидатов наук и доцентов), эффективная структура подготовки специалистов и кадров высшей квалификации, современная материально-техническая база, активное использование информационных технологий в образовательном процессе и научных исследованиях создают необходимые условия для удовлетворения самых разнообразных образовательных потребностей молодёжи, способствуют реализации творческих способностей каждого студента. На очных и заочных отделениях, в магистратуре и экстернате обучается около 17 тысяч человек по 50 специальностям. Число аспирантов превысило 700 человек, докторантов – 20. Университет сегодня – это 7 учебных корпусов, 4 спортивных зала, 4 общежития на 2000 мест, уникальная научная библиотека с книжным фондом более 1 миллиона экземпляров, в составе которой электронная библиотека, медиатека, центр правовой и деловой информации.

Деятельность профессора В. А. Шаповалова, как организатора науки и ректора Ставропольского государственного университета, известна не только в крае и России, но и за рубежом. Он использует современные методы управления научным и образовательным процессами, последовательно работает над созданием высокотехнологичной современной научной и образовательной базы университета. В результате реализации университетской программы подготовки кадров высшей квалификации число докторов наук только за последние 10 лет увеличилось более чем в 2,5 раза; выросло и количество специальностей (от 16 до 50), началась подготовка специалистов по таким необходимым региону направлениям, как «Журналистика», «Юриспруденция», «Менеджмент», «Налоги и налогообложение», «Организация и технология защиты информации», «Компьютерная безопасность», «Клиническая психология»; был создан редкий для подобных вузов факультет искусств; появился ряд новых структурных подразделений, обеспечивающих внедрение наукоемких технологий в образование (Ставропольский региональный центр информатизации Министерства образования России, Северо-Кавказское региональное кадастровое бюро Министерства образования России, Региональный центр Федерации интернет-образования, Ставропольский региональный центр подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области инфокоммуникационных технологий и информационной безопасности). Правительство Ставропольского края определило университет в качестве головной организации в регионе по подготовке и переподготовке сотрудников государственных органов управления и других кадров в области информатизации и сетевых технологий.

Для удовлетворения потребностей регионального рынка в

качественных образовательных услугах, обеспечения конкурентоспособности выпускников ректор университета постоянно ориентирует трудовой коллектив на совершенствование внутривузовской системы управления и обеспечения качества профессионального образования и структуры университета; внедрение информационных технологий в управление, образовательный и научно-исследовательский процесс; расширение номенклатуры специальностей высшего профессионального образования в соответствии с потребностями региона.

Под руководством профессора В. А. Шаповалова с 2001 г. успешно реализуется разработанная учеными университета «Комплексная информационная система управления и мониторинга качества учебного процесса», удостоенная бронзовой медали на Международной выставке «Инновации – 2004». По заданию Министерства образования России в рамках реализации проекта «Создание на базе Ставропольского государственного университета регионального центра по мониторингу системы послевузовского профессионального образования» учеными университета разработан соответствующий программный комплекс («Аспирантура (докторантура)», «Диссертационный совет», «Служба анализа и статистики»), позволивший осуществлять постоянный мониторинг деятельности университета в области послевузовского профессионального образования.

Ректор университета организует вузовских ученых на разработку и создание инновационной продукции для сферы образования, аграрного, промышленного и других секторов экономики. В 2006 г. под его редакцией выпущено справочно-информационное издание «Научно-инновационная деятельность Ставропольского государственного университета», где собрано свыше 100 инновационных разработок ученых университета в различных областях науки и техники: физика, химия, биология, химическая и биологическая технологии, экология, информационные технологии и защита информации, педагогика и методика преподавания дисциплин и др.

Высок авторитет профессора В. А. Шаповалова как творческого, вдумчивого, демократически мыслящего, энергичного руководителя большого коллектива, высококвалифицированного преподавателя и воспитателя студенческой молодежи. Его деятельность по достоинству оценена и научной общественностью России: он избран в состав Академии социальных наук, Академии информатизации, Международной академии наук высшей школы и Академии гуманитарных наук.

Профессору В. А. Шаповалову была дважды оказана честь быть доверенным лицом кандидата в Президенты Российской Федерации В. В. Путина, что нашло поддержку и одобрение населения Ставропольского края на выборах как в 2000 г., так и в 2004 г. За проведенную работу Владимир Александрович дважды получал благодарственные именные письма от Президента.

В течение многих лет ректор университета – член Совета по экономической и общественной безопасности края, который в условиях

сложной оперативной ситуации в Северо-Кавказском регионе является весьма важным совещательным органом при Губернаторе Ставропольского края.

За заслуги в научной, образовательной и управленческой деятельности профессор В. А. Шаповалов награжден орденами «Знак Почета» (1978) и Почета (1997), знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2000), знаком отличия Северо-Кавказского военного округа «За службу на Кавказе» и другими наградами. За заслуги в обучении и воспитании, личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2004), а за вклад в подготовку кадров для Карачаево-Черкесской Республики – «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики» (2005).

Как ученый и педагог он обладает огромной научной эрудицией, обширным исследовательским кругозором, потрясающей работоспособностью. И вместе с ним вращается, движется, как единая машина, огромный социальный механизм – университет. Высокая требовательность к себе, ответственность за результаты своей работы, их критическая оценка – все это присуще Владимиру Александровичу. Ему абсолютно чужда завышенная самооценка как собственных результатов работы, так и деятельности университета. На это он постоянно ориентирует и коллег. Гражданская позиция профессора В. А. Шаповалова во многом основывается на его глубокой вере в свою страну, свой народ.

Владимира Александровича постоянно интересуют общие социально-экономические и политические проблемы прошлого и современности, проблемы высшей школы, всего российского образования и образовательной системы края, отдельные, порой даже частные вопросы исторической науки.

Сфера его научных интересов – социологические, философские и исторические проблемы высшего образования и отечественной истории. Историк по базовому образованию и по духу, он и в социологических исследованиях опирается на обширный сравнительно-исторический материал. Исторические факты для него – эта та основа, на которой строится любое исследование, вот почему и своих учеников, студентов, аспирантов и докторантов, он ориентирует на постоянный поиск, отбор и критический анализ источников.

Он автор и соавтор многочисленных научных работ и учебных пособий по различным аспектам истории, философии и социологии образования, проблемам регионального образования, этносоциальным проблемам России. Среди них: «Очерки истории Ставропольского педагогического института» (1991), «История Отечества. Учебное пособие» (1992), «Этносоциальные проблемы России» (в соавторстве, 1994), «Социокультурные аспекты информатизации образования» (1996), «Высшее образование: современные модели, перспективы развития» (1996), «Высшее образование в социокультурном контексте» (1997), «Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа» (в соавторстве, 1997),

«Политология в вопросах и ответах. Учебное пособие для вузов» (в соавторстве, 1999), «Социология. Краткий тематический словарь» (в соавторстве, 2001), «Социология молодежи. Учебное пособие» (в соавторстве, 2001) и др. Под его редакцией было подготовлено более 60 научных изданий. Эти работы являются подтверждением фундаментальных научных основ его деятельности и как ученого, и как ректора одного из крупнейших на юге России классических университетов, а также значительным вкладом в отечественную науку.

По инициативе В. А. Шаповалова, при его авторском и научном редакторском участии были подготовлены и изданы фундаментальные коллективные монографии «Край наш Ставрополье. Очерки истории» (1999) и «История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки» (2002). Под его руководством творческий коллектив ученых университета, созданный в соответствии с Постановлением Губернатора края, работает над подготовкой к изданию «Энциклопедического словаря Ставропольского края».

Им был поддержан оригинальный проект по изданию к юбилею Великой Победы книги публицистических текстов, подготовленных студентами, аспирантами и преподавателями университета на основе воспоминаний их близких о Великой Отечественной войне. Три книги, объединенные общим названием «Никто из нас войну забыть не сможет», – это не только дань памяти людям, которые спасли мир и отстояли Родину, это и сохранение для будущих поколений малейших крупиц памяти о том трагическом и героическом времени. Это и дань уважения и признательности ветеранам войны за их ратный подвиг.

Профессор В. А. Шаповалов являлся членом редакционного совета еще одного уникального издания – «Красной книги Ставрополья» (2002). К 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова под его редакторством вышла коллективная монография «Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Антология». Он руководит и проектом по изданию антологии «Три века русской метапоэтики. Легитимация дискурса», включающей четыре тома метапоэтических текстов русских поэтов от времен Симеона Полоцкого до наших дней.

Профессор В. А. Шаповалов активно работает в области подготовки кадров высшей квалификации для университета и региона: с 1994 г. он возглавляет диссертационный совет по историческим наукам, который с 2001 г. работает как докторский, является членом докторского диссертационного совета по философским, социологическим и политическим наукам, действующим при университете.

Он – научный руководитель аспирантов и соискателей, научный консультант докторантов, с которыми щедро делится своим богатым опытом ученого и педагога. Разрабатываемые его учениками проблемы связаны с историей университетского образования, изучением традиций классических университетов России, подготовкой кадров, рассмотрением роли и места университетов в обществе. Только в последние годы под его руководством

были защищены кандидатские диссертации О. В. Терещенко «Становление и развитие классического университета в России в XIX – XX вв.» (2002) и Г. А. Перковской «Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв.» (2005).

Научная деятельность В. А. Шаповалова посвящена всестороннему изучению социокультурных детерминант высшего образования, влияния культурных традиций России на становление отечественной высшей школы, разработке моделей и перспектив развития высшего образования в России и за рубежом. Его докторская диссертация, успешно защищенная в 1997 г., была также посвящена социокультурным детерминантам высшего образования.

Под руководством профессора В. А. Шаповалова изучаются, выводятся на новый уровень и получают реальное воплощение на практике основные традиции университетского образования – фундаментальность, научность, энциклопедичность. Результаты исследований научного коллектива многократно докладывались на международных, всероссийских и региональных научных конференциях и совещаниях, посвященных проблемам высшей школы, ее реформированию.

Сегодня, в условиях модернизации российского общества, профессор В. А. Шаповалов активно участвует в различных совещаниях ректоров и научной общественности, делится своим опытом и мнением. Он дискутирует на страницах научных и периодических изданий, высказывая свою точку зрения на реформы, подчеркивая необходимость приоритета модернизации образования, которая должна явиться социокультурной основой для всех последующих реформ в стране. Важнейшей задачей для себя и своих коллег по университету он считает определение роли и места классического университета в социокультурном контексте полиэтнического региона, в котором мы живем.

При поддержке и непосредственном участии Владимира Александровича в университете активно развиваются научные исследования, посвященные этносоциальным и этнодемографическим проблемам края и региона. Их значимость и результаты отмечают не только ведущие российские ученые, но и зарубежные коллеги, с которыми университет осуществляет тесное научное сотрудничество (университеты штатов Вирджиния и Айова, США; Фрайбургский университет и Кельнский институт международных и восточных исследований, Германия; Бордосский университет, Гаврский университет и Сорбонский институт восточных цивилизаций, Франция; Тбилисский университет и др.).

За последний десяток лет университет наработал уникальный опыт сотрудничества с 20 структурными подразделениями РАН, РАО и РАМН. Это институты социально-политических исследований, социологии, психологии, проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, специальная астрофизическая обсерватория РАН и др. Владимир Александрович настроил коллектив на сотрудничество с Южным научным центром РАН, и вклад ученых университета был оценен по достоинству.

Впервые в истории вуза совместно с ЮНЦ РАН при университете были открыты отдел социально-политических проблем Кавказа (руководитель В. А. Шаповалов) и лаборатория биоресурсов, биологически активных веществ и новых материалов.

При нем вуз обрел свои главные отличительные знаки – символы: герб, флаг и гимн. А у студентов появилась Клятва, которую они принимают, вливаясь в большую и дружную студенческую семью Ставропольского государственного университета.

Уважительное отношение к коллегам и тем, кто оказывает содействие в развитии университета, нашло отражение в учреждении по инициативе Владимира Александровича почетных званий: «Заслуженный профессор СГУ» и «Почетный профессор СГУ». В период его ректорства стали издаваться биобиблиографические сборники и библиографии ученых университета.

Как ректор, он не перестает повторять коллегам, что главными фигурами в университете являются студенты и стремится сделать их учебный процесс комфортным, создать нормальные условия в аудиториях и учебных лабораториях, использовать инфокоммуникационные технологии для того, чтобы они стали профессионалами, получили широкий спектр знаний, так необходимых в современном мире. Студенты доверяют ректору, считая его подлинным гарантом соблюдения Устава университета, гарантом своих прав. А он в свою очередь верит в студентов, в то, что они внесут достойный вклад в будущее процветание России.

*Научно-исследовательская часть
Ставропольского государственного университета*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список научных трудов и учебно-методических материалов В. А. Шаповалова

Шаповалов В. А. Развитие Ставропольского государственного университета в условиях модернизации образования и формирования нового финансово-правового поля. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – 92 с.

Шаповалов В. А., Скибин Ю. Н., Ищенко В. М., Колесникова М. Е. Научные школы, научные направления, научная инфраструктура Ставропольского государственного университета: Справочное издание. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 208 с.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Орловский В. Г. Основные показатели деятельности СГУ за период 1996-2001 гг. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 68 с.

Социология молодежи: Учебное пособие / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 576 с. – [Авт. раздела – 116 с.].

Шаповалов В. А., Беляев А. В., Брановский Ю. С. Воспитательная работа в Ставропольском государственном университете: концепция, технология реализации. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 60 с.

Шаповалов В. А. Высшее образование в социокультурном контексте. – М.: Высшая школа, 1997. – 413 с.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Орловский В. Г., Скибин Ю. Н. Основные показатели деятельности Ставропольского государственного университета за период 1992-1997 гг. – Ставрополь, 1997. – 80 с.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Орловский В. Г. Основные показатели деятельности Ставропольского государственного университета за период 1992 – 1997 гг. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1997. – 132 с.

Шаповалов В. А. Социокультурные детерминанты высшего образования: Автореферат дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д., 1997. – 40 с.

Шаповалов В. А., Авксентьев А. В. Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа. – Ставрополь: СГУ, 1997. – 120 с.

Шаповалов В. А. Высшее образование в системе культуры. – Ставрополь: СГУ, 1996. – 96 с.

Шаповалов В. А. Высшее образование: современные модели, перспективы развития. – Ставрополь: СГУ, 1996. – 76 с.

История Отечества: Программа вступительных экзаменов и метод. рек. / Сост.: В. Е. Семенов, З. В. Бочкарева, В. А. Шаповалов. – Ставрополь: СГУ, 1996. – 26 с.

Шаповалов В. А., Хорошко Н. Ф. Педагогическая практика в системе многоуровневого образования. – Ставрополь: СГУ, 1996. – 58 с.

Шаповалов В. А. Социокультурные аспекты информатизации образования. – Ставрополь: СГУ, 1996. – 68 с.

Шаповалов В. А., Хорошко Н. Ф. Воспитательная система Ставропольского государственного педагогического университета (концепция). – Ставрополь: СГПУ, 1995. – 60 с.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Ерохин А. М. Концептуальные основы функционирования и развития университета как регионального научно-образовательного педагогического центра. – Ставрополь: СГПУ, 1995. – 44 с.

Шаповалов В. А., Ерохин А. М., Намчук В. П. Региональное допрофессиональное образование. – Ставрополь: СГПИ, 1994. – 147 с.

Шаповалов В. А., Авксентьев А. В. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. – 88 с.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С. Концепция реализации многоуровневой структуры высшего педагогического образования. – Ставрополь: СГПИ, 1993. – 48 с.

Шаповалов В. А., Шиянов Е. Н. Концепция регионального многопрофильного учебно-научного комплекса «Школа – колледж – ВУЗ». – Ставрополь: СГПИ, 1993. – 48 с.

Шаповалов В. А., Хорошко Н. Ф. Исследовательская и опытно-экспериментальная работа как форма педагогического творчества. – Ставрополь: СГПИ, 1992. – 54 с.

Шаповалов В. А., Пономарев Е. Г. Формирование политических партий в России: Учеб. пособие. – Ставрополь: СГПИ, 1992. – 141 с.

Учебно-методическое пособие по истории Отечества / Сост. В. А. Шаповалов, А. М. Ерохин, В. Е. Семенов. – Ставрополь: СГПИ, 1992. – 49 с.

Методические материалы и рекомендации для студентов IV курса исторического факультета по курсу истории советского общества (1945–1991 гг.) / Сост.: В. А. Шаповалов, В. Е. Семенов, Т. Е. Покотилова. – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 20 с.

Методическое пособие по истории СССР для школы будущего учителя / Сост.: В. А. Шаповалов, А. М. Ерохин, В. Е. Семенов. – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 63 с.

Педагогическая практика студентов: Программа-инструкция, метод. рек., советы / Сост.: В. А. Шаповалов, Н. Ф. Хорошко – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 59 с.

Современное рабочее и национально-освободительное движение: Метод. рек. к самостоятельной работе / Сост.: В. А. Шаповалов, Т. Е. Покотилова, В. Е. Семенов. – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 20 с.

Современное международное рабочее и национально-освободительное движение: Метод. рек. к самостоятельной работе / Сост. А. А. Аникеев, В. А. Шаповалов; Науч. ред. В. В. Ким. – Ставрополь: СГПИ, 1988. – 80 с.

Шаповалов В. А., Аникеев А. А. Организация контрпропаганды в вузе. – Ставрополь: СГПИ, 1986. – 72 с.

Рекомендации по использованию в курсе истории КПСС материалов XXVII съезда партии / Сост. П. Ф. Абрамова, В. А. Шаповалов. – Ставрополь: СГПИ, 1986. – 43 с.

Шаповалов В. А. Деятельность КПСС по развитию трудовой активности масс на селе в 70-е годы (на примере Ставроп. края): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГПИ, 1984. – 16 с.

Шаповалов В. А. Деятельность партийных организаций по совершенствованию социалистического соревнования за высокоэффективное использование земли и техники (на материалах Ставроп. края, 1970–1980 гг.): Депон. рукопись / АН СССР, ИНИОН. – 1984. – № 16143 от 28. 03. 1984. – 13 с.

Статьи в сборниках и периодических изданиях

Шаповалов В. А. Импровизация на заданную тему: Ставроп. гос. ун-ту 75 лет: [Беседа с ректором СГУ В. А. Шаповаловым; Записала С. Емельянова] // Рос. газета. – 2006. – 28 февр. – С. 6, фото.

Шаповалов В. А. Классический и... просто классный!: [О СГУ, его истории, традициях, учебной и научной работе коллектива. Беседа с ректором В. А. Шаповаловым. Вела беседу Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2006. – 28 февр. – С. 13, фото.

Шаповалов В. 10 лет в парадигме классического образования: [Ставроп. гос ун-т – многопрофильный вуз классического типа – отмечает 75-летний юбилей] // Высшее образование в России. – 2006. – № 4. – С. 55-64.

Шаповалов В. А. «Будущее России зависит от того, как образованы ее лидеры» // Ставроп. губ. ведомости. – 2005. – 17 сент. – С. 4, фото.

Шаповалов В. А. Вступительное слово руководителя проекта // «TEXTUS»: Избранное, 1994–2004: Сб. статей научно-метод. семинара «TEXTUS» / Под ред. проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь, 2005. – Вып. 11. – Ч. 1. – С. 1-5.

Шаповалов В. А., Лиховид А. А. Академическая наука – региону: Из опыта сотрудничества Института естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и Ставропольского государственного университета // Вопросы истории, естествознания и техники – 2004. – Т. 25, № 2. – С. 214-217.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на науч. конф. «Ставропольская журналистика: история и современность»] // Ставропольская журналистика: история и современность: К 10-летию специальности «Журналистика» в Ставропольском государственном университете. – Ставрополь, 2004. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Классический университет: роль и место в полиэтничном регионе // Научная мысль Кавказа. – 2004. – № 3. – С. 79-83.

Шаповалов В. А. Роль классических университетов в развитии образования и науки // Вестник СГУ. – 2004. – № 39. – С. 5-13.

Шаповалов В. А. Высшее образование как феномен культуры: история и современность // Проблемы модернизации образования: региональный контекст / Рук. авт. коллектива В. Н. Грузков. – Ставрополь, 2003. – С. 28-63.

Шаповалов В. А. Интеграция науки и образования в Ставропольском государственном университете // Вестник актуальных прогнозов «Россия: третье тысячелетие» (спецвыпуск «Наука в России: сценарий развития»). – 2003. – Т. 12, № 8. – С. 52.

Шаповалов В. А. Университетский комплекс в социокультурном контексте // Университеты и общество: Сотрудничество университетов в XXI веке. – М., 2003. – С. 267-269.

Шаповалов В. А. Высшее образование как феномен культуры: история и современность // Проблемы модернизации образования: региональный контекст / Рук. авт. коллектива В. Н. Грузков. – Ставрополь, 2003. – С. 28-63.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на пленарном заседании регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя] // Ставрополь – врата Кавказа: история, культура, политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя. – Ставрополь, 2002. – С. 13-16.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на пленарном заседании регион. науч. конф. «Качество образования как социальная проблема»] // Качество образования как социальная проблема: [Материалы регион. науч. конф.]. – Ставрополь, 2002. – С. 3-6.

Шаповалов В. А. Вступительное слово ректора СГУ В. А. Шаповалова: «Наука, культура, язык – универсальные детерминанты образования» [на 47-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов СГУ «Университетская наука – региону»] // «Философия науки, культуры, языка». – Ставрополь, 2002. – С. 3-7.

Шаповалов В. А. Конфликтологические исследования – приоритетное направление современных обществоведческих исследований // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М.; Ставрополь, 2002. – С. 3-14.

Шаповалов В. А. Ставрополь – университетский город // Вестник СГУ. – 2002. – № 30. – С. 5-6.

Шаповалов В. А., Терещенко О. В. Классический университет и развитие единого образовательного пространства России // Вестник СГУ. – 2002. – № 29. – С. 5-11.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на пленарном заседании Всерос. науч. конф.] // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всерос. науч. конф.: В 2 ч. – М.; Ставрополь, 2001. – Ч. 1. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Геополитика как идеология современности // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. науч. трудов. – Ставрополь, 2001. – С. 3-8.

Шаповалов В. А. От философской теории – к педагогической практике // Метаобразование как философская проблема: Сб. науч. статей. – Ставрополь, 2001. – С. 4-8.

Шаповалов В. А. Развитие психологии в Ставропольском государственном университете // Теоретические и прикладные проблемы психологии: Материалы II Всерос. науч. конф. – Ставрополь, 2001. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Социокультурный потенциал университетского комплекса // Вестник СГУ. – 2001. – № 27. – С. 3-9.

Шаповалов В. А., Авксентьев В. А. Современная этническая конфликтология // Политическая конфликтология между старыми и новыми парадигмами: Материалы симпозиума (14-15 июня 2001 г., Воронеж). – Воронеж, 2001. – С. 3-10.

Шаповалов В. А., Терещенко О. В. Формирование российской национальной модели университета в XIX веке // Вестник СГУ. – 2001. – № 27. – С. 61-71.

Шаповалов В. А. Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания: Материалы 44-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов СГУ «Университетская наука региону». – Ставрополь: СГУ, 2000. – С. 3-4.

Шаповалов В. А. Наши принципы – научность, фундаментальность, энциклопедичность: [Статья ректора СГУ В. Шаповалова] // Аргументы и факты: Сев. Кавказ. – 2000. – № 26. – Июнь. – С. 2.

Шаповалов В. А. Регион и регионоведческие исследования // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 16: Региональная конфликтология: Ставрополье. – М.; Ставрополь, 2000. – С. 3-12.

Шаповалов В. А. Современное образование в системе культуры // Общество и социология: новые реалии и новые идеи: Материалы первого социол. конгресса (27–30 сент. 2000 г., Санкт-Петербург). – Краснодар, 2000. – С. 3-6.

Шаповалов В. А., Авксентьев В. А. Проблемы межкультурного диалога в современных условиях и классический университет // Вестник СГУ. – 2000. – № 23. – С. 4-9.

Шаповалов В. А., Брановский Ю. С. Педагогические инновации на основе использования информационных технологий // Инновации в российском образовании: высшее профессиональное образование. – М., 2000. – Ч. 2. – С. 3-8.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на открытии науч. конф. «II Минаевские чтения»] // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа: Материалы науч. археолого-этногр., ист.-краеведч. конф. «II Минаевские чтения» (13 марта 1998 г.). – Ставрополь, 1999. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Вступительное слово [на открытии науч. конф.] // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа: Материалы межрегион. науч. конф. (25 дек. 1998 г., Ставрополь). – Ставрополь, 1999. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. «Главное – качество нашего образования»: [Беседа с д-ром социолог. наук, проф., ректором СГУ В. А. Шаповаловым; Публ. подгот. С. Емельянова] // Комс. правда. – 1999. – 23-30 апр. – С. 11.

Шаповалов В. А. Жан Жак Руссо // Политология в вопросах и ответах: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – М., 1999. – С. 453-454.

Шаповалов В. А. Ставропольскому краю – 75: Вступ. слово на расширенном заседании Ученых советов СГУ и Ставроп. гос. краевед. музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе // Вестник СГУ. – 1999. – № 21. – С. 3-5.

Шаповалов В. А., Кочура Д. В., Давыдов Ю. С., Махов К. А.-К., Аубеков М. А.-К. На этапе обновления общественной жизни. Подъем экономики края в 60-е годы (1956 – 1970) // Край наш Ставрополье: Очерки истории. – Ставрополь, 1999. – Гл. 16. – С. 375-399.

Шаповалов В. А. Интеллигенция Северного Кавказа в истории России // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конф. (10-11 апр. 1998 г., Ставрополь). – Ставрополь, 1998. – Ч. 1. – С. 3-4.

Шаповалов В. А. Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона: Тезисы междунар. науч. конф. – Ставрополь, 1998. – С. 8-9.

Шаповалов В. А. Университет XXI века: [О факультетах и специальностях СГУ, учебной базе и препод. составе] // Ставроп. губ. ведомости. – 1998. – 6 июня. – С. 4, фото.

Шаповалов В. А., Игонин А. В. Аграрная политика советского государства на Ставрополье в середине 30-х годов // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. – Ставрополь, 1998. – Ч. 2. – С. 82-88.

Шаповалов В. А. Вступительное слово ректора СГУ [на открытии научно-практ. конф.] // Современные проблемы региональной безопасности: [Материалы научно-практ. конф. (29 апр. 1997 г., Ставрополь). – Ставрополь, 1997. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Мы рассчитываем на экологизацию мышления: [О новой специальности – экология и природопользование в СГУ] // Ставроп.-Юг. – 1997. – № 5. – С. 9.

Шаповалов В. А. Октябрь 1917 года – крутой излом в истории России и мира // Октябрь 1917 года в истории России и мира: Материалы межрегион. науч. конф. (28–29 нояб. 1997 г., Ставрополь). – Ставрополь, 1997. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Региональные университетские центры и система образования // Система послевузовского и дополнительного профессионального образования в современной России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22–23 нояб. 1996 г., Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д., 1997. – С. 3-13.

Шаповалов В. А., Аникеев А. А., Брановский Ю. С. Моделирование информационной культуры студентов-историков в условиях многоуровневой подготовки специалистов // Информатизация образования, 96 и 97. – Ставрополь, 1997. – С. 7-11.

Шаповалов В. А., Брановский Ю. С. Информатизация гуманитарного образования – веление времени // Из истории исторической информатики. – Ставрополь, 1997. – С. 3-20.

Шаповалов В. А., Давыдов Ю. С. Образование – движущая сила экономической мощи и безопасности государства // Современные проблемы регион. безопасности: Материалы научно-практ. конф. (29 апр. 1997., Ставрополь). – Ставрополь, 1997. – С. 80-82.

Шаповалов В. А. Культурные традиции и высшее образование в России // Вестник СГПУ. – 1996. – № 5. – С. 3-15.

Шаповалов В. А. Проблемы перехода в классический университет в новых социально – экономических условиях // Вестник СГПУ. – 1996. – № 4. – С. 3-7.

Шаповалов В. А. Современные модели высшего образования за рубежом // Известия вузов. Северо-Кавказ. регион. Обществ. науки. – 1996. – № 4. – С. 83-90.

Шаповалов В. А. Человек и образование: типы социокультурных ситуаций // Вестник СГУ. – 1996. – № 6. – С. 3-14.

Шаповалов В. А. К понятию «педагогическая инновация» // Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона: Тезисы докл. второго годичного собрания Южного отделения РАО. – Карачаевск, 1995. – С. 3-6.

Шаповалов В. А. Ставропольский государственный педагогический университет. Перспективы развития // Вестник СГПУ. – 1995 – № 1. – С. 3-4.

Шаповалов В. А., Ветров Ю. П., Крещенко И. Н. Идея университета: (Классический университет на Ставрополье: обоснование необходимости, направление развития) // Вестник СГПУ. – 1995. – № 3. – С. 3-11.

Шаповалов В. А. Вступительное слово // Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. – Ставрополь, 1994. – С. 3-4.

Шаповалов В. А. Необходим культ науки: [Беседа с ректором СГПУ В. А. Шаповаловым. Записал О. Бармута] // Комс. правда. – 1994. – 7-10 окт. – Для Сев. Кавказа. – № 40.

Шаповалов В. А. Проблемы высшего образования в свете политических изменений в бывшем Союзе ССР // Греция: Патры, 1994. – 315 с. [- 3 с.].

Шаповалов В. А. Ставропольский педагогический университет – один из ведущих вузов Северного Кавказа // Информационный бюллетень УМО по общим проблемам педагогического образования. – Вып. 4 (6). – СПб.; Ставрополь, 1994. – С. 3-7.

Шаповалов В. А., Аникеев А. А. О постановке исторического образования в Ставропольском педагогическом институте // Непрерывное педагогическое образование. – 1994. – Вып. 4. – С. 36-42.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Горювая В. И. Концепция реализации многоуровневого высшего образования и профессиональной подготовки учителя // Многоуровневое педагогическое образование. – Ставрополь, 1994. – С. 41-64.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Горювая В. И. Организация эксперимента по введению многоуровневой системы образования // Многоуровневое педагогическое образование. – Ставрополь, 1994. – С. 3-16.

Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Горювая В. И. Программа по введению многоуровневой системы в Ставропольском педагогическом университете и

преобразованию его в региональный научно-образовательный центр // Многоуровневое педагогическое образование. – Ставрополь: СГПУ, 1994. – С. 38-40.

Шаповалов В. А., Гороя В. И. Модель специалиста как основа конструирования содержания образования и процесса обучения в педагогическом вузе // Непрерывное педагогическое образование. – Ставрополь, 1994. – С. 3-11.

Шаповалов В. А. Воспитание историей // Ставрополье в годы Великой Отечественной войны. – Ставрополь: СГПИ, 1993. – С. 3-9.

Шаповалов В. А. О некоторых аспектах повышения эффективности и качества учебного процесса // Повышение эффективности и качества учебного процесса. – Ставрополь, 1993. – С. 3-9.

Шаповалов В. А. Поиск путей обновления вуза // Становление личности учителя–профессионала: проблемы и перспективы. – Ставрополь, 1993. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. Школа изменится, если изменится учитель: [Беседа с ректором СГПИ В. А. Шаповаловым. Вела беседу Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 1993. – 13 апр.

Шаповалов В. А., Брановский Ю. С. Информационные технологии в обучении студентов гуманитарных факультетов // Пед. информатика. – 1993. – № 1. – С. 49- 53.

Шаповалов В. А., Хорошко Н. Ф. Как оптимизировать профессиональную подготовку в вузе // Становление личности учителя – профессионала: проблемы и перспективы. – Ставрополь, 1993. – С. 3-6.

Шаповалов В. А., Хорошко Н. Ф. Поиск путей обновления школы // Проблемы теории и практики социально-экономических реформ: Тезисы докл. регион. научно-практ. конф. – Ставрополь, 1993. – С. 3-5.

Шаповалов В. А. ...И три дня на сессию: [Об изменениях в организации учебно-воспитательного процесса, его демократизации] // Вечерний Ставрополь. – 1990. – 6 дек.

Шаповалов В. А., Авксентьев А. В. Воспитать интернационалиста // Агитатор Ставрополья. – 1989. – № 15. – С. 2-6.

Шаповалов В. А., Алтухов А. А. В начале этапа развитого социализма: Итоги 11-й пятилетки на Ставрополье // Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986. – Т. 2. – Гл. 14. – С. 527-564.

Шаповалов В. А. Из опыта политической и организаторской работы партийных комитетов Ставрополья по развитию трудовой активности масс на селе // О некоторых аспектах развития и функционирования политической системы советского общества: Материалы межвуз. науч. конф. (16-18 окт. 1983 г., Пятигорск). – Пятигорск, 1983. – С. 3-11.

Шаповалов В. А. Молодежь продолжает подвиг старших поколений // В суровые годы войны. – Ставрополь, 1978. – С. 311-332.

Шаповалов В. А. Поле комсомольских забот // Комсомольская жизнь. – 1978. – № 17. – С. 27-29.

Шаповалов В. А. Составляя личные комплексные... // Комсомольская жизнь. – 1976. – № 14. – С. 27-28.

Литература о жизни и деятельности В. А. Шаповалова

Шаповалов Владимир Александрович // Кто есть кто: доктора наук, профессора Ставропольского государственного университета: Справочное изд. – Ставрополь, 2006. – С. 121.

Шаповалов В. А. Все очень просто: надо много трудиться!: [О задачах, стоящих перед коллективом СГУ и вновь избранным ректором В. А. Шаповаловым; Вела беседу Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2006. – 14 апр. – С. 3, фото.

Шаповалов В. А. Классика плюс инновации: Этим определяется секрет успеха СГУ: [К 75-летию юбилею СГУ, беседа с ректором В. А. Шаповаловым; Записала М. Боева] // Рос. газета. – 2006. – 19 мая. – С. 24, фото.

В. А. Шаповалов – СГУ: [О 75-летнем пути СГУ и его ректоре, д-ре социол. наук В. А. Шаповалове] // Вечерний Ставрополь. – 2006. – 18 февр. – С. 5, фото.

Шаповалов В. А. «Достойны ли мы своих детей»: [Интервью с ректором СГУ, проф. В. А. Шаповаловым] // Ставроп. правда. – 2005. – 23 дек. – С. 3.

Шаповалов В. А. «Мы работаем на будущее России»: [О многообразии сфер учебной, научной, обществ. деятельности педагогов и студентов СГУ. Интервью с ректором В. А. Шаповаловым. Записала Н. Быкова] // Ставроп. правда. – 2005. – 19 апр. – С. 3.

Березняк А. Л. Университет начинается с библиотеки: [Об открытии новой научной библиотеки Ставропольского государственного университета. О деятельности ректора, профессора В. А. Шаповалова] // Академия: Еженедельник науки и образования Юга. – 2005. – № 17 (252). – С. 1, 4-5.

Шаповалов Владимир Александрович // Чернобаев А. А. Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь. – Саратов, 2005. – Т. 2. – С. 523.

Шаповалов Владимир Александрович // Кто есть кто: доктора наук, профессора СГУ: Справ. изд. – Ставрополь, 2001. – С. 82.

Наука в Ставропольском государственном университете (1996 – 2001 гг.): Справ. изд. – Вып. 3. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 136 с.

[О проф. В. А. Шаповалове. – С. 11, 51, 58, 61, 67, 69, 95, 124.]

Наука в Ставропольском государственном университете. Вып. 2. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – 76 с.

Из содерж.: [О проф. В. А. Шаповалове]. – С. 20, 22, 30, 31, 33.

Прайсман Л. Ректор: [Об избрании ректором СГУ профессора В. А. Шаповалова] // Ставроп. правда. – 1990. – 5 авг.

Есть художники, чьи картины находятся в лучших музеях страны, радуя новые и новые поколения людей, доставляя им радость в течение столетий.

Таков и Аполлинарий Михайлович Васнецов. Он родился 25 июля (6 августа) 1856 года в селе Рябово, затерянном в глуши Вятской губернии, в семье священника Михаила Васильевича и его жены Аполлинаруии Ивановны. Многодетная семья, где росли шесть сыновей, жила небогато, но дружно. Аполлинарий Михайлович всегда вспоминал детство как счастливую пору. «Родные поля, луга и реки, среди которых я вырос и провел детство, отрочество и юность, остались лучезарными воспоминаниями на всю мою жизнь», – писал А. М. Васнецов на склоне своих дней. Рябовские впечатления в дальнейшем неоднократно находили отражение во многих его произведениях. Васнецов писал: «Природа, окружавшая меня в детстве, воспитала из меня пейзажиста». В долгие зимние вечера всей семьей Васнецовы читали и рассматривали иллюстрированные журналы, присланные из Вятки знакомыми. Особенно понравившиеся картинки, обычно пейзажные, Аполлинарий любил копировать.

В семье Васнецовых поощряли художественные наклонности детей. Два сына – Виктор и Аполлинарий стали живописцами, а Аркадий – резчиком по дереву. Рисовать Аполлинарий начал рано. «Насколько я себя помню, страсть к рисованию никогда не покидала меня, – вспоминал он. – Когда наша детская резиденция находилась в мезонине, я мелом по его бревнам рисовал улицы с домами и деревьями. Когда у меня отняли мел, чтобы я не портил стен, я прибег к куску мыла, находя, что и оно может передавать рисунок. Инстинкт художника не дремал и настойчиво требовал своего». Видя склонность сына к рисованию, отец стал привозить ему из Вятки бумагу и карандаши, хотя это стоило недешево. Будущему художнику было девять лет, когда еще совсем молодой умерла его мать. Через четыре года скончался отец. Заботы о младших детях легли на плечи старших братьев. Аполлинарий закончил Вятское духовное училище. Через своих старших братьев он был знаком с некоторыми политическими ссыльными, внимательно прислушивался к их разговорам, все больше разочаровывался в будущей карьере священнослужителя. Еще во время учебы в училище Аполлинарий сильно скучал по дому и с нетерпением ждал каникул. Дома он наблюдал рассвет, туман над рекой и восход солнца, а зимой – лунные ночи в лесу, вьюги и непогоду. Эти мотивы он отобразил в своих первых рисунках.

В 1870 году в Вятку на летние каникулы приехал Виктор Васнецов. Убедившись в больших способностях младшего брата, он направил его учиться к польскому художнику Эльвиру Андриолли, сосланному в Вятку за участие в восстании 1863 года. Затем Аполлинарий переехал в Петербург и первые три года жизни в столице под руководством брата активно готовился

к поступлению в Академию художеств. Он много рисовал, с помощью брата познакомился с И. Е. Репиным, М. М. Антокольским и другими художниками, набирался знаний, увлекался литературой, у него появился интерес к геологии и археологии.

Затем будущий художник возвратился в Вятку для сдачи экзамена за курс реального училища с тем, чтобы иметь право поступления в Академию художеств. Но там он принял активное участие в работе кружка самообразования, увлекся народническими идеями и оставил мысль о поступлении в Академию художеств, решив посвятить себя просвещению простого народа. Он сдал экзамен на звание народного учителя и уехал в село Быстрица Орловской губернии. Но вскоре разочаровался в идеалах народников. Он покинул деревню, уехал в Москву к брату и с тех пор все силы отдал искусству, воспевая родную природу, талантливо воссоздавая картины прошлого своей страны.

Долгие годы его постоянным наставником и основным учителем был брат Виктор Михайлович. Под его руководством Аполлинарий много работал, достигая все более заметных успехов. На формирование будущего художника большое влияние оказало тесное общение с членами так называемого абрамцевского кружка и с товарищами Виктора Михайловича, обладавшими большими, яркими талантами. Так, под воздействием творчества В. Д. Поленова живопись Аполлинария становилась ярче, красочнее.

«С 1882 года я начинаю посещать Абрамцево, где по летам жил брат мой Виктор Михайлович, и писать там этюды. Здесь встретился с художниками из славной плеяды передвижников: Репиным, Поленовым, Суриковым. Поленов часто обращал мое внимание на краски и указывал, что их нужно брать ярче, «красочнее». С Репиным мы часто встречались впоследствии в Петербурге. Рисовал на его «Нечетных четвергах», на которых бывали, кроме художников, литераторы и много посторонней публики. Репин посещал мою рабочую комнату и следил за ходом работ. Был со мною всегда искренен, и его замечания были ярки и верны», – вспоминал впоследствии художник.

Летом в Абрамцеве он пишет серию этюдов. Многие из них уже отличались несомненными живописными достоинствами. Впоследствии он стал членом – учредителем Московского общества любителей астрономии и активно участвовал в его деятельности, т. к. у него с детства пробудился интерес к звездному небу.

С 1883 года в течение двадцати лет А. Васнецов ежегодно отдавал свои новые произведения на выставки Товарищества передвижников.

Его сын, Всеволод Васнецов, в книге воспоминаний «Страницы прошлого» с теплотой и нежностью писал об отце: «Он вложил в картины не только мастерство художника, но и частичку своей души... Был он прямым, честным, трудолюбивым и абсолютно порядочным, а также исключительно скромным и правдолюбивым человеком... Всего, что отец достиг в жизни, он добился только своим талантом и настойчивым трудом... Он всегда вел

размеренный образ жизни. Вставал он рано и, позавтракав, уходил в свою мастерскую при училище живописи, ваяния и зодчества. Мастерская была насыщена запахом красок, скипидара, холста... Этот запах крепко и на всю жизнь врезался в мою память – то был запах отца».

Следующим шагом в творческом развитии Васнецова-пейзажиста стала картина «Родина». Избрав темой природу Средней полосы России, художник создал обобщенный образ пейзажа родной страны. Эта картина, проникнутая глубоким идейным содержанием, – типичное произведение пейзажной живописи передвижников. «Родину» купил П. М. Третьяков для своей галереи. Затем Васнецов поехал в Киев и Крым, откуда привез много эскизов и создал новые картины. Так, картина «Элегия» очень понравилась Л. Н. Толстому.

На 1890-1900 годы пришелся расцвет творчества А. М. Васнецова. Он совершил путешествия по Среднему и Южному Уралу. Наиболее известные картины этого периода: «Тайга на Урале. Синяя гора», «Горное озеро. Урал», «Сибирь» и другие.

В 1895 году художник прибыл на Кавказ. В книге Яковкиной «Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах» упоминается о том, что он побывал в домике Николая Александровича Ярошенко в Кисловодске и тот в письме И. С. Остроухову от 6 июня 1888 года сообщал: «Аполлинарий Михайлович, кажется, доволен пребыванием здесь. Завтра едет к Эльбрусу, а после 20-го – на Военно-Грузинскую дорогу». Это путешествие поэтически описано им в очерке «Поездка к Эльбрусу». Свой рассказ он сопровождает путевыми рисунками. Во время этого путешествия А. Васнецов восходил на Малкский ледник Эльбруса, жил в Дарьяльском ущелье на станции Казбек, был в Тифлисе, проехал по Кахетии. Он писал: «Кавказ произвел на меня своим величием неотразимое впечатление. Снежные вершины и ледники, то теряющиеся в движущихся громадах облаков, то ослепительно блестящие на синеве неба, ущелья, пропасти, скалы, освещенные кровавым заревом заката, степные предгорья, как гигантские застывшие волны...»

Результатом поездки были несколько картин: «Дарьяльское ущелье», «Кавказ», «Пустыня гор», «Эльбрус перед восходом солнца», «Казбек», «Ледники Кавказа» и другие.

Интересна характеристика творчества А. Васнецова, данная его современником, известным художником А. Н. Бенуа: «Ему единственному удался Кавказ, а между тем столько русских художников писали его... Все они превращали эту дивную, мрачную и грандиозную природу в какое-то розово-лиловое, кондитерское Сорренто... Кавказ Аполлинария Васнецова единственно приближается к Кавказу Лермонтова».

В 1898 году А. М. Васнецов поехал за границу. Он посетил Францию, Италию, Германию, где написал много этюдов, затем возвратился на Родину.

За известность на художественном поприще 30 октября 1900 года Академия художеств признала его своим академиком, а затем он был избран ее действительным членом. Художник начал свою плодотворную

многолетнюю преподавательскую деятельность в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где проработал семнадцать лет. Среди его учеников были С. В. Герасимов и многие другие, ставшие известными художниками. Историк П. В. Сытин вспоминал о Васнецове: «Он обладал мягким характером и отзывчивой душой. Он часто помогал своими средствами ученикам, узнав об их нужде от них самих или от товарищей. Он был влюблен в свою профессию преподавателя. Он занимался, не считаясь с формальным учебным расписанием». В этот период Васнецов создал одно из своих лучших произведений «Озеро» и приступил к написанию обширной серии исторических полотен и рисунков, темой которых были Древняя Русь и старая Москва. Основным толчком к созданию этой серии послужила его работа над эскизами декораций к опере М. П. Мусоргского «Хованщина», затем в его декорациях ставились оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко» и «Царская невеста», «Опричник» П. И. Чайковского и другие.

Васнецов участвовал в творческих объединениях того времени «36 художников» и «Союз русских художников». Он написал пейзаж «Зимний сон», отмеченный золотой медалью на Международной выставке во Франции. Известен Васнецов и как художник-иллюстратор, поскольку он сотрудничал в журналах «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение».

В 1908 году вышла из печати книга А. М. Васнецова «Художество (Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи)». По литературной форме это одна из лучших книг, написанных художниками.

Аполлинарий Михайлович не только принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию, но и вложил немалый труд в становление молодой советской культуры. Он много работал в различных творческих комиссиях, продолжал свою деятельность и как художник и как ученый-археолог. Васнецов являлся одним из самых активных членов общества «Старая Москва». Еще в 1900 году он совершил полет над Москвой на воздушном шаре с целью изучения ландшафта города и сделал его зарисовки с высоты птичьего полета. Аполлинарий Михайлович не упускал возможности археологических изысканий, спускаясь в шахты и котлованы строившегося в начале 1930-х годов Московского метрополитена. Еще до революции его приняли в члены Комиссии по сохранению древних памятников при Московском археологическом обществе, затем он стал членом-корреспондентом этого общества и за заслуги на научном поприще единогласно был избран его действительным членом.

С 1918 по 1929 год А. М. Васнецов был председателем, а потом почетным председателем Комиссии по изучению старой Москвы. Работал он в ней с огромным увлечением и любовью. Александр Бенуа писал: «...Поселившись в Белокаменной, как раз напротив Кремля, он постепенно возгорелся настоящей страстью к Москве и весь отдался ее воспеванию. Воссоздание Москвы великих князей и царей стало его задачей, и он весь ушел в нее... Картины выходили у него несколько грубоватые, но в них

возродился подлинный дух Москвы...» По произведениям Васнецова можно восстановить этапы развития русской столицы.

В Москве, в Фурманном переулке, в доме № 6, где художник прожил последние тридцать лет, где работал и умер, создан Мемориальный музей-квартира, в котором представлены живопись, графика, документы, фотографии, характеризующие творчество этого большого мастера. Основой для музея послужила семейная коллекция картин и архивных материалов. Но особенно нужно отметить пейзажи Москвы, созданные в последние годы его жизни: «Ротонда Миловида в Найденовском парке», «Церковь Вознесения» и другие, здесь же экспонируется серия акварелей «Моя Родина».

Умер Аполлинарий Михайлович в 1933 году на семьдесят седьмом году жизни.

«Искусство Аполлинария Васнецова, обладавшего даром видеть и воскрешать живой трепет жизни ушедших веков, было проникнуто подлинно вдохновенным теплом и правдой. Он не только не умрет, а, наоборот, чем дальше будет существовать, тем будет ценимее...», – пророчески писал об этом большом мастере его современник, теоретик искусства К. Ф. Юон.

26 января 2006 года в Москве в Центральном доме художников открылась выставка «Династия Васнецовых и Вятская земля». Она предваряет серию мероприятий, которые пройдут в этом году и будут посвящены 150-летию со дня рождения уроженца Вятской губернии (Кировской области) Аполлинария Васнецова.

Кроме того, в марте в Кировском областном художественном музее состоялась выставка из фондов музея «Рябово в творчестве кировских художников». В июне в областном художественном музее пройдет выставка из фондов музея «Рисунки Аполлинария Васнецова». В августе в доме-музее Хохрякова откроется экспозиция «Дары музею художников из окружения Васнецова».

В ноябре запланирована крупная выставка произведений кировских художников в Москве, в Центральном доме художников. Завершит юбилейный год открытие в декабре месяце сетевого выставочного проекта «Древен Град. Москва XVII века в творчестве Аполлинария Васнецова. К 150-летию художника». С творчеством А. Васнецова смогут познакомиться не только кировчане, но и жители Москвы, Ярославля, Перми, Нижнего Новгорода и Екатеринбурга.

Л. И. Сытина, член Союза журналистов России

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васнецов Аполлинарий Михайлович: [Альбом репрод. / Авт.-сост. Е. К. Васнецова, И. М. Шмидт]. – М.: Изобразит. искусство, 1980. – 160 с.: цв. ил.

Васнецов Аполлинарий Михайлович: [Альбом репрод. / Сост. и авт. вступит. статьи И. М. Шмидт]. – М.: Изогиз, 1961. – 28 с.: цв. ил.

Васнецов А. М. Поездка к Эльбрусу: Из дневника художника // Детский отдых. – 1897. – № 8. – С. 55-69; № 9. – С. 19-39; № 10. – С. 25-33, рис. авт.

Васнецов А. М. Противостояние Аполлинария Васнецова: [Публ. фрагм. из рукописи художника «Странствование для обрастания правды-истины»] / Публ. и коммент. Е. К. Васнецовой и Е. И. Ядохиной // Наше наследие. – 1995. – № 35-36. – С. 80-89.

Васнецов А. М. Автобиографическая записка // Красная нива. – 1929. – № 22.

Васнецов А. М. Как я сделался художником и как и что работал: (Отрывок из автобиографии) // Каталог выставки картин, этюдов, рисунков, иллюстраций, автолитографий и архитектуры академика живописи Аполлинария Васнецова. – М., 1929. – С. 17-55; То же: Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения. – М., 1957. – С. 113-149.

Васнецов А. М. Художество: Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи. – М., 1908. – 145 с.

Каталог посмертной выставки произведений А. М. Васнецова / Вступ. ст. К. Ф. Юона. – М., 1933. – 44 с.: ил.

Васнецов В. А. Страницы прошлого: Воспоминания о художниках братьях Васнецовых. – Л.: Художник РСФСР, 1976. – 190 с.: цв. ил. – Имен. указ.: с. 185-193.

Лазаревский И. А. М. Васнецов // Журнал для всех. – 1911. – № 37.

Васнецов Аполлинарий Михайлович: [Крат. биогр. справка] // Художники народов СССР. – Биобиблиогр. словарь. – М., 1972. – Т. 2. – С. 200-201.

Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения. – М.: Моск. рабочий, 1957. – 168 с.: 17 л. ил. – (Труды музея истории и реконструкции Москвы; Вып. 8).

Беспалова Л. А. Аполлинарий Михайлович Васнецов, 1856-1933. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Искусство, 1983. – 229 с.: ил. – Библиогр.: с. 214-223. – Список произв. А. М. Васнецова. – С. 175-213.

Бенуа А. Александр Бенуа размышляет. – М.: Сов. художник, 1968. – 749 с.

Васильцов В. Цельность творчества: [О живописи А. Васнецова] // Творчество. – 1988. – № 2. – С. 26-27.

Васнецова Е. Аполлинарий Васнецов: [К творч. биогр. художника] // Художник. – 1993. – № 5. – С. 15-21, ил.

Глазунов И. Аполлинарий Васнецов // Огонек. – 1981. – № 38. – С. 24-26, ил.

Кудрявцева Л. Глазами путешественника: [О творчестве художника А. Васнецова] // Дошк. воспитание. – 1996. – № 3. – С. 60-65.

Разумовская С. Аполлинарий Михайлович Васнецов // Искусство. – 1977. – № 2. – С. 56-61, ил.

Шмидт И. Аполлинарий Васнецов // Искусство. – 1957. – С. 44-49, ил.

Польская Е. Художник и горы: [О поездке Аполлинария Васнецова на Кавказ и о картинах, написанных под впечатлением этой поездки] // Ленинское знамя, Черкесск. – 1966. – 2 сент.

Розенфельд Б. М. Малоизвестный Кисловодск. – М.: Гелиос АРВ, 2005. – 272 с.: ил.

Из содерж.: История одного музея: Н. А. Ярошенко: [О встречах художников на «Белой вилле»]. – С. 80-89.

Яковкина Е. И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1962. – 136 с.

С. 75: [А. М. Васнецов на Кавказе].

Ченикалова Е. «Забытый храм»: [О Свято-Никольском храме в Кисловодске и других церковных сооружениях, запечатленных выдающимися художниками Нестеровым, Ярошенко, Поленовым, Васнецовым и др.] // Ставроп. правда. – 2001. – 14 апр. – С. 3, фото.

Аполлинарий Михайлович Васнецов: (К 140-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 1996 год. – Ставрополь, 1996. – С. 107-111.

Кавказские Минеральные Воды, источник Нарзан стали объектами исследования еще одного всемирно известного ученого естествоиспытателя XVIII века – Петра Симона Палласа. Сделанные им открытия и эмпирические наблюдения в немалой степени способствовали развитию зоологии, ботаники, истории, геологии, минералогии, палеонтологии, географии, этнографии, языкознания. Имя П. С. Палласа стоит в одном ряду с именами таких деятелей российской науки и культуры XVIII в., как М. В. Ломоносов и Л. Эйлер.

Крупнейший ученый и путешественник второй половины XVIII в. Петр Симон Паллас положил начало планомерному научному изучению природы нашей страны.

Петр Симон Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 г. Его отец был военным хирургом, профессором Берлинской медико-хирургической коллегии. Мать – француженка Сусанна Лиенард – родом из старинной французской протестантской семьи из города Мец. Ее семья в связи с известными историческими событиями была вынуждена покинуть Францию и осесть в Германии. У родителей Палласа было трое детей: двое мальчиков и девочка. С малых лет детям прививали любовь к литературе, языкам, они получили прекрасное образование. В подростковом возрасте дети свободно владели греческим, французским, английским и латинским языками.

В 1754 г. Петр Симон по настоянию отца поступил в Берлинскую медико-хирургическую коллегию. Здесь он изучал анатомию, физиологию, акушерство, хирургию и ботанику. В коллегии будущий ученый получил основы знаний по зоологии, палеонтологии, этнологии, метеорологии, этнографии. Завершив обучение в Берлине, Паллас в 1758-1759 гг. в г. Галле изучал педагогику, философию, горное дело, зоологию. Особое внимание он уделял ботанике: обучение проходил по системе выдающегося шведского естествоиспытателя и натуралиста Карла Линнея, который получил мировую известность благодаря созданной им систематике растительного и животного мира. К моменту обучения Палласа в Галле К. Линней опубликовал свое знаменитое произведение «Система природы», в котором была представлена его система классификации растительного и животного мира. Эта система Линнея завершила огромный труд ботаников и зоологов первой половины XVIII в. Ученый разделил все растения на 24 класса. В основу такого разделения он положил число, величину и расположение тычинок и пестиков цветка, а также признаки одно-двудомного или многодомного растения. Всех животных ученый разделил на 6 классов: млекопитающие, птицы, амфибии, рыбы, черви и насекомые. По всей видимости именно этот курс знаменитого ученого окончательно определил основное увлечение П. С. Палласа – ботанику. В г. Галле он также прослушал курс математики и физики.

В 1759 г. Паллас переехал в Геттинген, который был расположен в Нижней Саксонии (до 1945 г. – провинция Ганновер) и поступил в

университет, где расширил свои познания в области естественных и математических наук. Сам университет был основан в 1737 г., и уже со второй половины XVIII в. он стал центром рационалистического направления философии, а к концу века примкнул к неогуманизму. Это высшее учебное заведение прославили такие известные ученые, как Гаусс, Дальмон, братья Гримм. С момента открытия университета при нем был основан и ботанический сад, где все свое свободное время проводил Паллас.

Пройдя курс обучения в старейшем германском университете, Паллас переехал в начале 1760 г. в Нидерланды, где изучал в Лейденском университете ряд предметов, в т. ч. ботанику. Завершил обучение он здесь защитой докторской диссертации. Тема его научного исследования была посвящена паразитическим червям. Молодому ученому исполнилось только 19 лет.

В конце 60–х гг. XVIII в. Паллас вернулся на родину. А уже в 1761 г. он уехал в Англию, чтобы увидеть ее города и кабинеты редкостей, посетить знаменитые ботанические сады в Челси и Кью с их богатыми зоологическими коллекциями.

Еще в своих ранних работах Паллас высказывал ряд новых идей. Им был напечатан первый для того времени перечень животнорастений («Elenchus Zoophytorum»), где он указывал на связь между животными и растительными царствами. Речь шла о таксономических группах растений и животных в виде родословного древа с ветвями. Позднее, в 1766 г., он выпустил «Mischbanea Zoologica» с описанием многочисленных животных форм, а в 1767-1780 гг. – «Specibegia (Zooiologica)», где было обращено внимание на географию распространения животных.

В 20-летнем возрасте П. С. Палласа избрали академиком в Риме и Лондоне.

Судьба связала Палласа с Россией в 1767 г. В 1765 г. умер великий русский ученый М. В. Ломоносов. Главой Академии наук Екатериной II был назначен «умный и просвященный» Владимир Орлов. 23 мая 1769 г. по прогнозам многих известных астрономов и ученых ожидалось уникальное явление – прохождение Венеры по диску Солнца. Для наблюдения за этим примечательным событием во многих странах Европы снаряжались специальные экспедиции. Желая участия России в такой экспедиции, Орлов по рекомендации профессора из Лейпцига Х. Людвига направил приглашение Палласу. В своем письме ученому Орлов писал, что он 22 апреля 1767 г. избран академиком и профессором натуральной истории Петербургской Академии наук.

30 июля 1767 г. Петр Симон Паллас прибыл в Санкт-Петербург. Вскоре он принял участие в подготовке научной экспедиции, о которой мечтал еще сам великий Ломоносов.

В 1768 г. Академия наук сформировала пять экспедиций для комплексного изучения Поволжья, Кавказа, Урала и Сибири. Они получили свои названия по основным базам: три – Оренбургские и две – Астраханские. Руководителями оренбургских отрядов были назначены молодые ученые

Петр Симон Паллас, Иван Иванович Лепехин и Иоганн Петер Фальк. Отряд Палласа в Оренбургской экспедиции считался основным и он являлся по существу ее общим руководителем. Вторым отрядом командовал И. И. Лепехин, который к моменту начала экспедиции окончил гимназию и университет при Петербургской Академии наук, был учеником С. П. Крашенинникова, а в 1762–1767 гг. занимался в Страсбургском университете.

Иван Иванович Лепехин (1740-1802) – выдающийся русский путешественник и натуралист, член Петербургской Академии наук с 1771 г. Он также член и непреременный первый секретарь Российской Академии наук с 1783 по 1802 г. В 1773 г. совершил экспедицию в Прибалтику и Белоруссию. Его перу принадлежит работа «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства». Лепехин высказал мысль о взаимной связи между климатом, растительностью, животным миром и природными зонами земного шара. Научные выводы Лепехина касались вопросов изменений свойств растений и животных под влиянием внешней среды.

Во главе третьего отряда Академии наук был поставлен Иоганн Петер Фальк (1727–1774), шведский врач и естествоиспытатель. Образование Фальк получил в Упсальском университете: изучал ботанику под руководством К. Линнея. По его рекомендации уехал в Россию и начал работать в Петербургской Академии наук. Основной целью экспедиции Фалька 1769-1773 гг. было изучение флоры и растительности Астраханского и Оренбургского краев, Западной Сибири, Южного Урала и Казани. В ходе экспедиции ученый собрал материалы по истории татарского и калмыцкого народов.

Маршруты Оренбургской экспедиции охватывали Поволжье от Симбирска до Царицына и Гурьева, «восточные берега Каспийского моря», «степи по ту и по сю сторону Яика», Уральские горы и Исетскую провинцию, реки Иртыш и Тобол, а также всю территорию между Уфой и Чусовой и горы между городами Екатеринбургом и Соликамском.

Экспедиция И. И. Лепехина держала путь на Волгу, Урал, север Европейской России. Она покинула Петербург 8 июля 1768 г., а экспедиция Фалька в Астраханский и Оренбургские края отбыла 2 сентября этого же года.

13 марта 1768 г. был утвержден план экспедиции П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь. Небольшой отряд, в который входили также студенты Василий Зуев, Никита Соколов, 21 июня выехал из Петербурга. Экспедиция направилась в Поволжье, а оттуда на Уфу. Двигаясь по этому маршруту, члены отряда посетили города Симбирск, Ставрополь (Поволжье), Самару, Сызрань, Оренбург, Яицкий городок, Гурьев. В отчетах Академии наук от 30 октября 1769 г. говорится: «Зачитаны рапорт П. С. Палласа от 21 сентября, присланный из Яицкого городка, с сообщением, что на гористом берегу Индфского соленого озера им обнаружена цинковая руда...» Презимовали в Уфе. Поздняя холодная весна, сильный паводок, размытые

дороги, разлившиеся реки не позволили Палласу продолжить намеченный путь на Екатеринбург и он вынужден был изменить первоначальный маршрут и направиться через Уральские горы в Исетскую провинцию (этот отрезок первоначально входил в маршрут отряда И. И. Лепехина).

8 июня 1770 г. отряд Петра Симона Палласа прибыл в Челябинскую крепость – в центр Исетской провинции. Исследования в этом регионе продолжились до 16 апреля 1771 г. Уже подъезжая к Челябинску ученый побывал на Катаве и Юрюзани, где посетил Твердышенские железоделательные заводы, обнаружил и описал обширные пещеры на Симе и Юрюзани. Сравнивая западный и восточные склоны Уральских гор, Паллас писал: «На западной стороне сыскиваемые руды, редко хорошие металлы в себе содержащие, находятся между слоями; напротив того, на восточной горе богатой рудами стороне, составляющей подол Урала, примечают руду в гнездах и продолжающихся жилах, а глинистые горы исполнены смывками и почти повсюду с лучшими смешаны металлами».

Паллас отметил особую плодородность местности: минеральное сырье, запасы осинового пуха – как возможность замены хлопка. После посещения Чебаркульской крепости и Кукушевского рудника, Санарского и Каслинского заводов экспедиция направилась на Средний Урал – в Екатеринбург, на Сысертские и Полевские заводы, Березовские золотые рудники, Тагильские заводы. Паллас впоследствии, описывая способы извлечения золота из горной породы, отметил, что рудник был выстроен по всем правилам горного искусства.

Ученый обращал внимание не только на природные богатства, заводы и рудники. Значительный интерес у него вызывали народы, населяющие территорию Урала. В своих воспоминаниях о путешествии 1767-1774 гг. П. С. Паллас описывал татарские могильники, устройство башкирских жилищ, положение крестьян и работных людей, охотников, казаков, рудокопов и т. д. Он не забывал и о своей любимой ботанике: им перечислены многие растения и животные с использованием не только латинских названий, но и местных русских наименований.

После Тагила отряд Палласа направился в г. Карпинск, где были осмотрены Богословский и Петропавловский заводы, посетил города Североуральск и Кумбу. Возвращаясь обратно в Челябинск, Петр Симон Паллас сделал открытие: 22 июня 1770 г. в районе г. Верхотурье, на горе Качканар, он обнаружил железную руду – разработка этого месторождения началась в середине XIX в. Уже в августе 1770 г. экспедиция вернулась в Челябинск. В протоколах Академии наук от 24 июня 1770 г. записано: «Зачитан рапорт П. С. Палласа из Челябинска с описанием личных мест на Урале, богатых рудами. Рапорт с описанием соленых озер и различных рудников близ Челябинска зачитан 18 октября».

1 августа 1770 г. отряд посетил Каменный завод и вновь отправился через горную часть к Челябинску. Во второй раз посетив Южный Урал, экспедиция направилась в Сибирь. Паллас побывал в северо-западной части Байкала, указав на особенность, связанную с глубиной озера, и на Ангаре. В

результате преодоления очень трудного, сложного маршрута в Забайкалье экспедиция П. С. Палласа достигла истока реки Амур. Ученый писал: «Во всю мою Сибирскую дорогу, считая от Уральских гор, кои меж Европой и Азией почитать можно, даже до Байкала столь нового и интересного из зверей и трав не собрал, как (кроме) на пограничных местах к Монголии и на северной стороне Байкала окруженной».

Экспедиция завершилась 30 июля 1774 г., когда она вернулась в Петербург. Участники Оренбургской экспедиции прошли 27264 версты, из которых 6000 верст проделали В. Зуев и Н. Соколов.

Результатом 6-летней экспедиции были обширные коллекции, послужившие основанием для музея Академии наук и трехтомное сочинение «*Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reich*». Первую и вторую книги перевел на русский язык Федор Томский – корреспондент Академии наук и Королевского Прусского немецкого собрания, член учрежденного при Московском императорском университете Российского собрания, третий том переведен Василием Зуевым. Описание путешествия П. С. Палласа стало выходить в свет прежде, чем завершилась экспедиция. К переводу на русский язык прилагались иллюстрации с досок, использованных в издании на немецком языке. На досках был дополнительно выгравирован русский текст. В третьей книге иллюстрации с добавлением русского текста встречаются только в более поздних оттисках – на бумаге с водяными знаками 1802 г. Этот труд дал превосходное научное описание природы и народностей Российской Империи XVIII в. Во время экспедиции и после нее Паллас продолжал свои научные труды по зоологии, из которых наиболее ценны «*Novae species Quadrupedum et Gllirium ordine*» (в нем описаны многие грызуны, обнаруженные им в Европейской части России и Сибири) и «*Icones Insectorum praesertim Rossiae, Sibiriaegue peculiarium*» (1781-1806).

В 1793 г. уже известный ученый Петр Симон Паллас на собственные средства предпринял путешествие в южные провинции Российской Империи. Эта поездка охватила Поволжье, Прикаспийскую низменность, Кумо-Манычскую впадину, район Кавказских Минеральных Вод и Таманский полуостров. В составе экспедиции был молодой художник из Лейпцига Х. Гейслер, который нарисовал портрет Палласа, в настоящее время находящийся в Германии.

Наблюдения Палласа описаны им в его знаменитом «Путешествии по южным провинциям Российского государства», где он подробно осветил свое посещение Кавказских Минеральных Вод.

К его приезду уже был основан Пятигорск. Описывая Горячую гору, ее строение, породу, источники, которых насчитал пять, Паллас писал, что в слоях травертина (эта порода является главной образующей породой горы) было высечено углубление, служившее ванною. Еще два естественных углубления использовались в качестве ванн. Ученый пытается определить количество общего содержания твердых веществ, температуру и целебное значение воды. О железноводских источниках он пишет: «Гора Бештау производит также горячие источники, хотя и менее обильные, чем

Машукские, но я не имел возможности осмотреть их». Далее Паллас сообщал, что между горами Бештау и Железной расположена глубокая долина, покрытая лесом, в которой источники образуют ручей Джемуху.

Особенно подробно останавливается Петр Симон Паллас на источнике Нарзан, который он назвал в честь великого князя Александра Павловича (будущего Александра I). Новое название в народе не укоренилось, и кислый источник навсегда сохранил за собой имя Нарзан.

Петр Симон Паллас сделал первый анализ Нарзана и предсказал источнику большое будущее.

Ученый дал подробное описание расположения источника: он находился внутри угла, образуемого слиянием рек Ольховки и Березовки. Угол занимала большая болотистая площадка с более возвышенным положением по отношению уровня речек. Бассейн источника имел до 27 футов длины и 17 ширины. Вокруг самого Кислого ключа, который находился в центре бассейна, образовывалась воронка. По описанию Палласа, вода вытекала с большой силой и увлекала за собой железный песок, который затем снова оседал на дно источника. Минеральная вода вливалась мелким ручейком в р. Козаду. В устье ручья было вырыто несколько ям, которые служили ваннами. Паллас указывал и на то, что рядом с новыми ваннами видны были следы прежних. Подробно описывая свойства и вкус нарзана, он уподобляет его лучшему шампанскому и говорит, что нарзан хорошо сохраняется в бутылках, которые нередко лопались от большого количества углекислоты, содержащейся в воде, а прокипяченная вода главного источника вполне пригодна для приготовления чая, т. е. почти без содержания железа. Исследуя источник Кислого ключа, Паллас определил общее количество твердых составных частей, которые были равны 2 драхам и 20 граммам в 16 фунтах. Впоследствии по его просьбе академиком Ловицем был сделан полный анализ сухих выпарок, полученных Палласом из воды главного источника, а также его боковых струй. Резюмируя свои исследования, Паллас отмечал мочегонное и слабительное действия воды, возможность ее использования при заболеваниях сосудов, не рекомендовал применение при заболеваниях желудка, подверженного повышенной кислотности. Общим выводом ученого стало: «можно эту воду без отвращения и вреда пить, сколько хочешь». Им была составлена карта Кисловодской долины (приложение к «Путешествию по южным провинциям Российского государства»).

Во время ливневых дождей русло р. Козады выходило из берегов и заносило источник песком и илом, постоянно подмывало левый берег, что было подмечено П. С. Палласом. Он предложил отвести р. Козаду в р. Елкошу с помощью искусственного канала, осушенное русло засыпать землей, а в его начале устроить плотину. Свое предложение он обосновывал мнением: «Минеральный источник протекает на большой глубине и перерезает ложе Козады не сообщаясь с последней. Поэтому невозможно опасаться, чтобы изменение направления Козады могло бы сопровождаться для источника невыгодными последствиями». Проект Палласа был

осуществлен в 1805 г. Важно и его предположение, что Нарзан берет свое начало у подножья Эльбруса.

Петр Симон Паллас в путешествие по южным губерниям России взял свою супругу Каролину Ивановну, которая в степях Предкавказья обнаружила особое волокнистое растение, плоды которого использовала для пряжи, затем изделия из этих ниток были представлены Екатерине II. В 1795 г. ученый вместе с семьей переехал в Крым, где императрица пожаловала ему имение Шулю. Оно располагалось между Симферополем и Севастополем, в долине р. Качи. Семья Палласа занялась садоводством. Постепенно имение ученого расширялось. Петр Симон в Крыму исследовал растительность, в частности крымскую сосну, облюбовал местечко у деревни Судак, где основал виноградные плантации, впервые описал около 40 местных сортов винограда, изучал процесс производства шампанского. Создал и возглавлял казенное училище виноградарства и виноделия, выписал для него 90 тыс. лоз из Европы и России. Наметил место для создания ботанического сада близ села Никита (Никитский ботанический сад был основан в 1812 г.), его занимала проблема связи Крымского полуострова с Кавказом, боролся с саранчой. Здесь, в Крыму, Паллас написал труд «Заметки о путешествии по южным наместничествам России» (Лейпциг, 1799). В 1803 г. он опубликовал с рисунками Гейслера работу «Виды астрагалов». Палласа посещали многие известные зарубежные ученые. Особо дружеские отношения сложились у него с выпускником Кембриджа Эдвардом Кларком, поэтому часть крымского гербария, собранного четой Палласов, попала в Англию, часть – в Ботанический сад при Академии наук (Ботанический сад им. В. Л. Комарова) и часть – в Московский университет.

Петр Симон Паллас – известный в мире ученый в жизни был очень скромным, застенчивым, боялся правительства и особенно Павла I, который не замечал его. В. Измайлов в «Путешествии в полуденную Россию» (1800) дал описание ученого: «Наружность его не пленительна, но выражение лица приятно; физиогномия умна, вид кроток, и в чертах его можно читать при первом взгляде, что никогда зло не приближалось к сердцу его... Речь его, подобно натуре, проста, тиха и занимательна... В произведениях его виден один ученый, но в разговоре виден человек и добрый философ. Познания показывают ум, чувства, открывают сердце... путешествие страсть его. Он говорит, что никогда его жизнь не текла так приятно, как во время странствий».

Известно, что Паллас был женат трижды: 1-я супруга, бывшая жена генерала, которая, полюбив Петра Симона, ушла из семьи и вышла замуж за молодого ученого. Имени ее не сохранилось. Она сопровождала его в экспедиции по Европейской России и Уралу. В этом браке у супругов родилась дочь, которую называли Альбертина. Второй женой стала Мария Елизавета Глан. Она родила Палласу троих детей, которые умерли в раннем детстве. Третья жена, Каролина Ивановна, была намного моложе мужа. Брак строился трудно. П. С. Паллас приобрел рядом с Симферополем хутор, названный в честь Каролины Ивановны – Каролиновкой В 1810 г. она

отказалась покинуть Россию и сопровождать мужа, когда П. С. Паллас решил вернуться на родину.

В преклонном возрасте П. С. Паллас уехал в Германию, которая к этому времени была оккупирована Наполеоном. Умер великий ученый в 1811 г. Он похоронен в Берлине, и на его памятнике была сделана длинная надпись, которая оканчивается словами: «...Все́м отпу́щен один срок кратко́го и неповторимо́го време́ни жизни».

Россия по достоинству оценила деятельность П. С. Палласа: в 1967 г. в честь его назван город Палласовка в Волгоградской области, где на площади перед вокзалом в 1989 г. установлен памятник: Паллас во весь рост с лошадью на привязи. Его имя получили железнодорожная станция (1993 г.) и филиал Волгоградского музея изобразительных искусств. В современной науке метеориты, содержащие зерна оливина, сцементированные железом, носят название палласиты. В 1772 г. академик П. С. Паллас доставил в «Кунсткамеру» знаменитый метеорит, который был назван «Палласово железо». Эта железоканальная глыба весом в 687 кг была найдена в Енисейской тайге. По предложению Свердловского отделения Русского географического общества в 1996 г. (официально утверждено в 2001 г.) на карте России появилась гора Палласа, которая расположена на границе Свердловской и Пермской областей, в Уральском хребте, на территории, относящейся к Североуральску. Дом Палласов в Симферополе сохранился. В настоящее время он отреставрирован, и в нем находится музей Палласа.

Данью заслугам Петра Симона Палласа стали экспедиции по следам ученого, организованные в 1999 и 2000 гг. Ильменским заповедником и физико-математическим лицеем № 31 г. Челябинска.

В. И. Вернадский, обращаясь к истории русской науки, писал: «...Паллас явился в первом столетии работы Академии наук самым крупным из натуралистов – академиков, традиции которых не прерываются у нас два столетия».

*Р. К. Гочияева, старший научный сотрудник
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей Особы императрицею Екатериною II. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки: В 2 ч. Ч. 1-2. – СПб., 1787-1789.

Паллас П. С. Путешествия по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук / Пер. с нем. Ф. Томского, В. Зуева. – СПб., 1768–1788.

Паллас П. С. Заметки о путешествии по южным наместничествам России. – Лейпциг, 1799.

Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на франц. языке Петром Палласом. – СПб., 1795.

Паллас П. С. Научное наследие П. С. Палласа / Пер. с нем. – СПб., 1993. – 248 с.

Александровская О. А. Становление географической науки в России в XVIII веке / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. – М.: Наука, 1989. – 232 с.: ил. – Библиогр.: с. 196-199.

Баталин Ф. А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды: В 2 ч. Ч. 1-2. – СПб., 1861. – 303 с.

Вазагов В. М., Сидоренко Ф. Ф. Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод: (Научно-попул. биогр.): К 200-летию КМВ / Пятигор. ин-т экономики и управления. – Пятигорск, 2003. – 492 с.: ил.

Из содерж.: «Еще Паллас...». – С. 36-67. – Библиогр.: с. 461-462.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 425 с.

Дементьев Г. П. Петр Симон Паллас // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники: Биология. Медицина. Сельскохозяйственные науки. – М., 1963. – С. 34-44.

Ефремов Ю. К. Петр Симон Паллас // Отечественные физико-географы и путешественники. – М., 1959. – С. 132-145.

Кузнецов И. На холмах горячих: Ист. повествование о городе Пятигорске. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1980. – 264 с.

С. 54-60, 62-64, 67, 73: [О П. С. Палласе].

Кулибин С. Н. Очерк истории развития Кавказских Минеральных Вод, (1717–1798 гг.). – СПб., 1896. – 195 с.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. 3. – М.: Просвещение, 1984. – 336 с.: карт.

Маркелов Н. Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил.

Из содерж.: Питер Симон Паллас. «В ясную погоду можно увидеть Каспийское море». – С. 13-15.

Пантелеев И. Я. Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. – М.: Госгеолтехиздат, 1955. – 204 с.

С. 18-25: [П. С. Паллас].

Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг. – Ставрополь, 1985. – 352 с.

С. 26, 39, 322: [П. С. Паллас].

Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 471 с.

Из содерж.: Петр Паллас. – С. 42-105.

Российская наука в лицах: [Сб. ст.]. Кн. 1. – М., 2003. – 536 с.: портр.

Из содерж.: Хазиев Г. З., Байматов В. Н. Петр Паллас. – С. 17-20.

Савощенко И. С. Роль русского Бальнеологического общества в развитии Кавказских Минеральных Вод. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1958. – 175 с.

Соколов В. Е., Паркис Я. А. У истоков отечественной терминологии. – М.: Наука, 1993. – 412 с.

С. 240 – 246: Экспедиция Палласа на Урал и в Сибирь.

Анохина Л. Петр Симон Паллас: [К 245-летию со дня рождения] // Кавказ. здравница. – 1986. – 19 июня.

Бобырь Л. В. Из истории региональных исследований России: академическая экспедиция П. С. Палласа (1768-1774) в Поволжье // Костромская провинция: история, традиции, современность. – Кострома, 2001. – Вып 2. – С. 38-41.

Гориславский И. «Неизбежный Паллас» // Кавказ. здравница. – 1989. – 1 июня.

Муравьев В. Дорогами российских провинций: Путешествия Петра Симона Палласа. – М.: Мысль, 1977. – 94 с. – (Замечат. географы и путешественники).

Осинов В. И. П. С. Паллас в России // Немцы в России: люди и судьбы. – СПб., 1996. – С. 137-144.

Несмачная С. Первые исследователи: [Кавказ. минеральных источников] // Кавказ. здравница. – 1984. – 8 мая.

Польская Е., Розенфельд Б. Первооткрыватели Горячих вод // Кавказ. здравница. – 1980. – 20 июня.

Петр Симон Паллас: [К 250-летию со дня рождения] // Библиографический указатель литературы к знаменательным и памятным датам по Ставроп. краю на 1991 год. – Ставрополь, 1990. – С. 69-71.

Паллас Петр Симон (1741–1811): Русский естествоиспытатель, исследователь Урала: (К 250-летию со дня рождения) // Край наш южноуральский, 1991: Рек. библиогр. указ. – Челябинск, 1990. – С. 56–58.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения С. А. Андреева-Кривича. Книги этого литературоведа, историка и этнографа – ценная часть любой научной библиотеки. Самые значительные из них посвящены судьбе и творчеству М. Ю. Лермонтова.

С. А. Андреев-Кривич родился в Пятигорске 25 сентября 1906 года. Семья Андреевых жила в доме, который стоял на месте нынешнего Театра музыкальной комедии, на знаменитом пятигорском бульваре. Здесь жители города видели в разное время А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. На этой улице стоял дом Е. А. Хастатовой, сестры бабушки М. Ю. Лермонтова. Два лета здесь провела с внуком Михаилом пензенская помещица Е. А. Арсеньева.

Милые пятигорские улочки, гроты и беседки старого парка на склоне Машука, Подкумок на дне долины, Бештау, Машук, Змеиная и Железная, Эльбрус на юге, – все в сознании будущего исследователя творчества Лермонтова виделось через его строчки. Закончив школу в Пятигорске, С. А. Андреев поступил на филологическое отделение Московского университета. Знания, полученные в лучшем университете страны, позволили молодому филологу приступить к решению конкретных исследовательских задач. Главная из них связывалась с изучением исторической основы поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». Разработкой этой проблемы Андреев-Кривич противоречил авторитетным исследователям, считавшим поэму подражательной, восходящей к литературным источникам.

Находки Андреева-Кривича в крупнейших архивах страны обогатили представление о самостоятельности юного Лермонтова, о его связи с живой современной действительностью, его знакомстве с событиями на Кавказе в начале XIX века. «Он показал, – писал об Андрееве-Кривиче П. Г. Антокольский, – как самостоятелен был Лермонтов, как мало он зависел от книжных влияний».

Андреев-Кривич исследовал материалы ЦГАДА, ЦГВИА, других первоисточников центральных и региональных архивов и библиотек. Из них следовало, что поэма «Измаил-Бей» – весьма точное воспроизведение событий, которые происходили на Кавказе в 1804 году и позже. В поэме изображено реальное историческое лицо с драматической судьбой. Это кабардинский князь Измаил-бей Атажуков. Длительное время он находился на русской военной службе, упоминался в переписке Г. А. Потемкина с Екатериной. Потемкин писал императрице: «Исмаил бей из лучшей фамилии кабардинской, подполковник в службе вашего императорского величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и на штурме оного, всеподданнейше прошу о награждении его убранный камнями медалью».

За участие в штурме турецкой крепости Измаил кабардинский князь был охарактеризован А. В. Суворовым как инициативный и храбрый

командир, действия которого оказались правильными и успешными. За это он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

К описанию реального кабардинского князя, подполковника русской армии, кстати, нужно добавить, что он был просвещенным, образованным, светским человеком, говорил по-русски и по-французски.

Исследуя архивные материалы для работы над лермонтовской поэмой, Андреев-Кривич невольно написал замечательное историческое повествование. Он счастливо соединил в своем исследовательском творчестве умение показать факт, рассказать о нем увлекательно, а затем убедить, доказать реальность документально. Все важные моменты поэмы прокомментированы именно так. Остановимся на одном значимом из них, вызвавшем серьезные противоречия у исследователей.

Из поэмы «Измаил-Бей» читатель узнает, что главный герой убит и товарищи, омывая смертельную рану, на груди увидели крест...

Именно о кресте, как боевой награде, шла речь выше. И он объединил героя лермонтовской поэмы с реальным Измаил-беем Атажуковым. Судьбу этого креста Андреев-Кривич прослеживает по архивным материалам. По существовавшим правилам после смерти Измаил-бея крест был прислан в Капитул российских императорских и царских орденов. После его получения в «Журнале Капитула» было отмечено: «Св. Георгия 4 класса после умершего кабардинского владельца полковника князя Атажукова...» При проверке оказалось, что князь Атажуков в списке награжденных орденом Св. Георгия никогда не значился. Тогда на Кавказ был послан запрос с просьбой разъяснить недоразумение. Позже в «Журнале Капитула» появилась запись: «...кабардинский князь Измаил Атажуков, получивший орден св. Георгия 4-го класса 1791 года марта 25-го дня, называется также и Измаилом-Беем». Так исследователь уже в начале своей работы соединил с исторической реальностью события и образ лермонтовской поэмы.

Изучая историческую основу поэмы «Измаил-Бей», С. А. Андреев-Кривич внимательно прочитывает в ней то, что нуждается в этнографическом комментарии:

Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.

Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести на север дальний...

Исследователю удалось найти в кабардинском фольклоре героический сказ и песню, где речь идет об Исмаиле Хатакшоко, то есть Исмаиле Атажукове, что также удалось доказать. Эти произведения кабардинского фольклора вместе с историческими исследованиями позволили ученому сделать вывод, что определяющим моментом лермонтовского творчества были реальные факты и события начала XIX века. «Лермонтовский гений искал вдохновения, – писал автор, – в подлинной жизни, в народной поэзии,

в фактах действительности».

Теперь мы можем понять источник той особой интонации, с которой звучат знаменитые строчки поэта:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Большая и плодотворная работа над поэмой «Измаил-Бей» завершилась, но интерес к судьбе и творчеству М. Ю. Лермонтова у филолога не был исчерпан. С 1949 по 1973 год вышли замечательные книги Андреева-Кривича: «Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова» (Нальчик, 1949), «Лермонтов. Вопросы творчества и биографии» (М., 1954), «Тарханская пора» (Саратов, 1963), «Лермонтов в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1973), «Всевиденье поэта» (М., 1973).

Главы этих книг посвящены поэме «Беглец», песне Казбича из романа «Герой нашего времени», сказке об Ашик Керибе, стихотворениям «Спор», «Как часто пестрою толпою окружен...», историку и просветителю кабардинского народа Ш. Б. Ногмову.

Книга «Тарханская пора» – поэтическое повествование о поэте, построенное на выверенной научной основе, на материалах и фактах, нередко собранных самим автором в селе Тарханы.

Характер исследовательского творчества С. А. Андреева-Кривича не позволял ему оставаться лишь в границах крупных публикаций и книг. В газетах «Пензенская правда», «Учительская газета», «Литература и жизнь», в журналах «Работница» и других ученый публиковал статьи о творчестве М. Ю. Лермонтова.

С. А. Андреев-Кривич был активным участником литературоведческой жизни. В 1960 г. он нашел в ЦГАЛИ письмо Н. Н. Буковского с текстом стихотворения «Прощай, немытая Россия». Известна и сейчас еще неоконченная полемика в связи с этим стихотворением. Статья С. А. Андреева-Кривича «Нет, это не Лермонтов», посвященная этому списку стихотворения, существует в форме доклада на X Всесоюзной лермонтовской конференции в Пятигорске, но еще не опубликована. И поскольку спор о стихотворении не окончен, ученый, завершив свой земной путь, продолжает участвовать в диалоге лермонтоведов.

*С. Н. Буравова, старший научный сотрудник
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев-Кривич С. А. Всевиденье поэта. – 2-е изд. – М.: Сов. Россия, 1978. – 270 с.: ил.

Из содерж.: Гл. 1. «Тебе, Кавказ, – суровый царь земли...». – С. 31–48; Гл. 20. Новая встреча с Кавказом. – С. 114–133; Гл. 21. Что увидел на Кавказе автор «Бородина» и

- «Песни про купца Калашникова»? – С. 179–184; Гл. 25. На Кавказе в 1840 году. – С. 211–213; Гл. 27. Последний год. Последние месяцы. – С. 212–224.
- Андреев–Кривич С. А.** Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. – Нальчик: Кабард. гос. изд-во, 1949. – 136 с.
- Андреев–Кривич С. А.** Лермонтов: Вопросы творчества и биографии / АН СССР, Ин-т мировой лит. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 152 с.
- Андреев–Кривич С. А.** М. Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария / Кабардино-Балкар. ин-т ист., фил. и эк. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 202 с.: ил.
- Андреев–Кривич С. А.** Тарханская пора. – М.: Дет. лит., 1968. – 239 с.: ил. – (По дорогим местам).
- Андреев–Кривич С. А.** В глубь памяти // М. Ю. Лермонтов: Тарханские мотивы. – Саратов, 1974. – С. 5–33.
- Андреев–Кривич С. А.** В Кремле, на мраморной доске...: [К биографии И. Атажукина, как прототипа Измаил–Бей] // Дон. – 1969. – № 3. – С. 165–169.
- Андреев–Кривич С. А.** Вступительная статья // Нарты: Кабардинский эпос. – М., 1957. – С. 3–42.
- Андреев–Кривич С. А.** Герой нашего времени // Лит. учеба. – 1939. – № 10. – С. 3–19.
- Андреев–Кривич С. А.** Два распоряжения Николая I: [К истории второй ссылки М. Ю. Лермонтова] // Лит. наследство. – М., 1952. – Т. 58. – С. 411–430.
- Андреев–Кривич С. А.** Когда рядом история: [О романе «Вадим»] // Огонек. – 1964. – № 42. – С. 14–15.
- Андреев–Кривич С. А.** Михаил Юрьевич Лермонтов, 1814–1841 // «Люблю Отчизну я...» – М., 1980. – С. 3–12.
- Андреев–Кривич С. А.** Лермонтов и Кавказ // Новый мир. – 1941. – № 1. – С. 252–255.
- Андреев–Кривич С. А.** Лермонтов и реакция: эпизод лит. борьбы сороковых годов // Тридцать дней. – 1938. – № 7. – С. 88–90.
- Андреев–Кривич С. А.** Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: проблемы идеала: Межвуз. сб. науч. трудов. – Куйбышев; Пенза, 1989. – С. 136–157.
- Андреев–Кривич С. А.** О новой биографии Лермонтова // Октябрь. – 1937. – № 10. – С. 179–182.
- Андреев–Кривич С. А.** Он – наш современник // Учит. газета. – 1964. – 15 окт.
- Андреев–Кривич С. А.** Ответ Лермонтову: эпизод лит. борьбы сороковых годов // Книжные новости. – 1937. – № 21. – С. 51–52.
- Андреев–Кривич С. А.** Подвиг поэта // Работница. – 1964. – № 10. – С. 14–15.
- Андреев–Кривич С. А.** Поэма о Кавказской войне: «Измаил–Бей» Лермонтова // Знамя. – 1941. – № 7–8. – С. 176–205.
- Андреев–Кривич С. А.** Пушкин и Ногмов // Сов. этнография. – 1948. – № 3. – С. 110–113.
- Андреев–Кривич С. А.** «Таинственным я занят разговором...»: [О последних стихах М. Ю. Лермонтова] // Работница. – 1970. – № 7. – С. 24–25.
- Андреева З. Н.** Андреев–Кривич С. А., русский советский литературовед // Краткая лит. энцикл. – М., 1978. – Т. 9. – С. 62.
- Антокольский П. Г.** Новое о Лермонтове // Новый мир. – 1955. – № 10. – С. 263–265.
- Гиреев Д. А.** Итоги и перспективы изучения жизни и творчества Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. – Орджоникидзе, 1963. – С. 7–24.
- Жданов В.** Последняя книга лермонтоведа // Вопросы лит.-1974. – № 8. – С. 282–286.
- Кулешов В. И.** Достижения и перспективы советского лермонтоведения // Вестник Моск. ун-та. Филология, журналистика. – 1964. – № 6. – С. 3–11.

Озеров Л. А. Путешествие в лермонтовские края // Вопросы лит. – 1964. – № 9. – С. 205-208.

Храбровицкий А. В. Путешествие в страну поэта // Дружба народов. – 1964. - № 10. – С. 256-257.

Ревич А. Тарханская элегия: С. А. Андрееву–Кривичу: Стихи // Антология мировой поэзии. – 1999. – № 11. – С. 64.

Михаил Сергеевич Макаров человек удивительной судьбы. Если человеком движет какая-то большая мысль, большая идея, если он поглощен каким-то очень большим делом – все остальное в его жизни перестает существовать, отодвигается на задний план. Михаил Сергеевич из тех людей, которые служат своему делу, делу Жизни.

М. С. Макаров родился в г. Ставрополе 2 октября 1906 г. в семье рабочего. Отец – Сергей Александрович был рабочим – металлистом на мельнице. Мать – Ксения Григорьевна занималась хозяйством и детьми, которых было четверо. Семья жила в собственном небольшом доме на окраине города – улице Карской, теперь улица Серова.

Учиться Михаил пошел в 1915 г. в начальное 4-классное училище. При советской власти он попал в школу первой ступени, а потом и второй, в школу № 5, которую окончил в 1926 г. Ещё здесь решил стать врачом. Он поступил на медицинский факультет Северо-Кавказского университета в г. Ростове-на-Дону. Его учителями были профессора с мировыми именами: А. А. Колосов – гистолог, Н. А. Богораз – хирург, П. И. Никольский – дерматолог, К. Х. Орлов – офтальмолог. Хотя посещение лекций не было обязательным, в большинстве случаев аудитории были переполнены, так как на некоторые лекции приходили студенты других курсов.

Желание иметь не только атлас, но и скелет заставило его на каникулах отправиться на Холодный родник, где в годы гражданской войны были захоронения, и «раздобыть» кости. В это время он писал студентке – однокурснице, позже жене Ольге Дмитриевне Болдыревой: «Скелет уже почти готов. Некоторые обстоятельства затрудняют работу. Это отсутствие массы мелочей, необходимых для соединения костей. Приходится пускать в ход всё, что есть под руками, столярный клей, олово, придумать «специальный бальзам», искусственные хрящи из кусочков старых подошв и тому подобное»⁷⁷. Скелет получился пестрым из-за разницы цвета костей, но он очень помог Михаилу в освоении методов хирургических вмешательств.

На третьем курсе Михаил с увлечением занимался патологической физиологией и обратил на себя внимание профессора Мирама, возглавлявшего кафедру, который предложил ему специализироваться по этой дисциплине. Но теоретическая деятельность не прельщала Михаила Сергеевича. Он хотел помогать людям. Его привлекали две специальности, решался вопрос кем быть: психиатром или хирургом. После долгих колебаний он выбрал хирургию.

Шел 1930 г. Стране нужны были врачи, поэтому курс обучения в медицинских вузах сократили на год. Но Михаилу Сергеевичу, проучившемуся четыре с половиной года, уменьшили обучение только на полгода. После выпуска 1 февраля 1931 г., пройдя двухмесячные курсы

⁷⁷ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр.1. Л. 14.

специализации и женившись, Михаил Сергеевич и Ольга Дмитриевна поехали по распределению на рудник им. Коминтерна Шахтинского района Ростовской области. Он стал санитарным врачом, она – школьным. Рудник был большим рабочим посёлком с хорошей благоустроенной больницей, отдельно расположенными инфекционным отделением и поликлиникой. Санитарная часть состояла из трёх врачей, занимавшихся эпидемиологией, вопросами питания и профилактической работой. Шахта им. ОГПУ была большая, сюда не только прибывали рабочие со всех концов СССР, но и убывали. Это влекло возникновение эпидемических заболеваний: брюшной и сыпной тиф, малярия, детские инфекции. Вчерашние студенты столкнулись с болезнями, требующими действенных и энергичных мер. Дезинфекционных и дезинсекционных камер было недостаточно. А для борьбы с сыпным тифом, прежде всего, была необходима обработка вещей прибывающих. По предложению М. С. Макарова были построены «вошебойки», довольно примитивные строения с температурой, губельной для вшей. Борьба с тифом облегчилась. Макарову усиленно предлагали возглавить санитарную организацию. Но специфика работы на руднике возбуждала в нем интерес к травматологии и ортопедии.

Опыт санитарной работы пригодился Михаилу Сергеевичу в армии, куда его призвали в 1932 г. врачом-льготником. Там приходилось выполнять и лечебную работу, быть хирургом. Через восемь месяцев он вернулся на рудник с условием получения должности хирурга. Некоторое время приходилось совмещать обязанности хирурга и санитарного врача, но основная работа – хирург поликлиники, где преобладали больные с лёгкими травмами и оперативная текучка, была ограниченной. Места хирурга в больнице не было, и Михаил Сергеевич начал работать там нештатно: с утра в стационаре безвозмездно, во вторую половину дня – в поликлинике. Так продолжалось свыше двух лет.

Молодого врача привлекала травматология. В 1934 г. он добился командировки в Ленинград для специализации по травматологии и ортопедии. Четыре месяца учёбы в клинике и библиотеке. В Институте травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена он многое увидел и усвоил. Иногда ему удавалось поучаствовать в операциях.

После возвращения на рудник он бескровными методами исправлял косолапость, делал небольшие операции на мышцах и решился на серьёзное вмешательство при спастическом параличе. Девочку 12 лет М. С. Макаров оперировал поэтапно несколько раз. Производил пересадку мышц, наблюдал больную дома. Девочка начала ходить⁷⁸. В 1935 г. он получил место штатного ординатора в больнице. Но операции производились по поводу аппендицита, грыжи, воспаления желчного пузыря, а операций ортопедическим больным не было. Поэтому отпуск 1936 г. он использовал на поиски подходящего места.

⁷⁸ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 1. Л. 19.

В Сталинградской области, в городе Калаче, хирургическое отделение на 40 коек, палата для гинекологических больных, на территории больницы роддом на 25 коек. Ортопедические заболевания самые различные – врождённые пороки развития и последствия инфекционных болезней, косолапость, конская стопа, вялые параличи – последствия полиомиелита, спастические параличи, порочные положения конечностей после неправильного лечения или вовсе не леченный костно-суставной туберкулёз. М. С. Макаров берется за новые виды операций и успешно их выполняет. Благоприятные результаты приводят к большому наплыву больных. Производятся плановые операции на брюшной полости, оказывается помощь в экстренных случаях и поступают разнообразные ортопедические больные. Он стал производить артропластику на локтевом суставе, то есть создание подвижного сустава при его неподвижности.

В Калаче у местных жителей встречался врождённый сифилис, оставлявший такие следы, как провалившиеся носы. М. С. Макаров занялся и пластической хирургией. Меньше чем через год в местной газете стали появляться сообщения о замечательном враче со словами благодарности больных. Сюда начали приезжать пациенты из Сталинграда. Отделение всегда было переполнено.

Хотя работы было много и возникли благоприятные условия для совершенствования как хирурга, он мечтал вернуться в родной Ставрополь, особенно после того, как там открылся медицинский институт. В 1938 г. Макаров приехал в Ставрополь с фотоальбомом, где были запечатлены результаты проведённых им операций ортопедических больных. Но ортопедического отделения не было. Медицинский институт только начинал работать, были созданы теоретические кафедры первых двух курсов. Михаилу Сергеевичу предложили должность помощника главного врача больницы и работу хирурга. Можно было устроиться в костно-туберкулёзной больнице на 80 коек, но в ней не было оперативного блока – больных лечили только консервативно.

Тогда Макаров предложил свои услуги крайсобесу, который открыл ортопедическое отделение при школе-интернате для физически дефектных детей на 100 человек. Вместе с директором школы Н. А. Крымским он приступил к делу. Михаил Сергеевич писал жене в то время: «Директор заражён делом организации. Организационные мероприятия шли ускоренно: подготавливалось помещение, заказывалась мебель. Приобретался хирургический инструментарий; кое-что делалось кустарным образом, так, по особому чертежу был сделан ортопедический операционный стол. Я, зная одно, что если я буду жив и здоров, то я раздую дело, столь необходимую ортопедическую помощь, в первую очередь детям, это будет иметь в самом ближайшем будущем краевое значение»⁷⁹.

Через два месяца, в июне, первое в крае ортопедическое отделение было открыто. Газета «Орджоникидзевская правда» 26 ноября 1938 г. в

⁷⁹ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 1. Л. 24.

статье «Хорошая лечебница» писала о сложных операциях, проводимых молодым врачом М. С. Макаровым, о радости детей, ставших на ноги и начавших ходить. Постепенно число коек увеличивалось, пополнялся штат работников, отделение обогатилось физиотерапевтическим кабинетом и рентгеновской установкой. Расширился диапазон операций с самыми разнообразными заболеваниями: пороками развития, параличами, реберными горбами, последствиями неправильно леченного туберкулёза костей.

Детская ортопедическая больница в Ставрополе была одной из двух в системе Наркомсобеса РСФСР и подчинялась Наркомату здравоохранения. Михаил Сергеевич ездил в Москву, где работал в ортопедических клиниках. Было решено послать его для усовершенствования за границу. Но помешала война. М. С. Макаров вспоминал первые дни войны: «...после ошеломляющего известия все мы были возбуждены, взволнованы. На лицах многих женщин можно было прочесть отчаяние, у мужчин – озабоченность в связи с изменениями планов жизни и подчинением всего себя воинской службе. По приезде домой я намеревался сейчас же идти в военкомат, но мне передали, что я обязан срочно явиться к начальнику госпиталя № 1626 в Ставрополе, в здание сельскохозяйственного института»⁸⁰.

М. С. Макаров по состоянию здоровья к службе был лишь частично годен из-за туберкулеза легких и язвы желудка. Он никогда не говорил о своих болезнях, не любил, чтобы о них напоминали, придавали особое значение. Со своими недугами справлялся сам. Михаил Сергеевич заведовал отделением на 260 коек для тяжелораненых. В нем концентрировались больные с анаэробной (газовой) инфекцией, повреждениями опорно-двигательного аппарата и суставов, магистральных сосудов, ожогами. О времени работы в госпитале он писал в записках – воспоминаниях: «Дни приёма эшелонов с ранеными были самыми напряжёнными. Мы старались как можно скорее сделать экстренные вмешательства раненым, то есть остановить кровотечение или предупредить его там, где оно было очень возможно по характеру повреждения. Производили срочные рассечения раневого канала при слепых ранениях, когда у пострадавшего развивалось нагноение гематом, флегмоны или газовые абсцессы, обрабатывали ожоговых или обмороженных больных. После оказания срочной помощи мы занимались плановыми операциями и текущей лечебной работой»⁸¹.

В один из дней в отделение пришли гости. Михаил Сергеевич вспоминал: «...пришли шефы – ученые города. Это были микробиологи профессора Покровская, Гах, биохимик доктор Тациевский, профессор патологической анатомии Лауэр, патофизиолог Бриккер и другие. Ставили вопрос о научных темах, разработка которых помогла бы лечению раненых. Микробиологи предлагали для лечения бактериофаги, биохимики советовали для этих целей раствор мочевины, патофизиолог

⁸⁰ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 82.

⁸¹ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 1. Л. 26.

говорил о возможности подстегнуть силы организма раненого препаратом из селезенки и тому подобное. Уже тогда, хорошо зная, что число методов лечения ран велико, а медикаментозных средств огромно, я был глубоко убежден в целесообразности поиска новых, наиболее рациональных способов лечения ран, считая совершенно необходимым отыскание объективного критерия в оценке полезности применяемых способов лечения»⁸².

Однако ни один из предложенных методов Макарова не устраивал. Он искал новые, более действенные способы лечения. Михаил Сергеевич много думал над этим и считал, что «на основании субъективных впечатлений течение одного и того же процесса разными врачами по-разному может оцениваться. Вот почему совершенно необходимо отыскание объективного критерия»⁸³. Макаров исходил из того, что «более тонкая оценка раневого процесса по гистологическим срезам сложна, так как связана с необходимостью хирургической биопсии, к тому же однократное патогистологическое исследование недостаточно для суждения о характере регенерации. Исследование ран изо дня в день весьма важно, так как оно позволяет судить о целесообразности лечебных мероприятий»⁸⁴. Дело в том, что взятие биопсии – весьма болезненное вмешательство в рану и это делать ежедневно нельзя. Эта проблема интересовала не только Макарова, но и многих врачей. От чего зависит процесс лечения: от свойств инфекции, состояния организма? Каков механизм воздействия лекарственных веществ?

Профессор Покровская изыскала процесс заживления ран в зависимости от вида инфекций. С поверхности раны брался мазок и изучалась его микрофлора. В свою очередь Макаров предложил свой метод, получивший известность как метод препаратов-отпечатков. Мазок с поверхности раны брали не тампоном, как раньше, а прикладывали предметное стекло к её поверхности, получая как бы отпечаток. Метод оказался простым и совершенно безвредным. Его применение позволяло проследить заживление ран в развитии всего процесса в зависимости от вида инфекций и применяемого лечения. При каждой перевязке можно было брать пробу. Этот способ, разработанный вместе с Покровской, и результаты его применения были опубликованы в монографии «Цитология раневого экссудата как показатель процесса заживления ран» в Москве в 1942 г. Этой работе высокую оценку дал академик Н. Н. Бурденко. Новый метод лечения вскоре вошел в широкую практику.

Дни и ночи сливались в один поток. Хирург не помнил, когда ел, когда спал. Ему казалось, что он стоит у операционного стола, как часовой на вахте, бессменно. «Кровь для переливания раненым приходилось брать у доноров самим, чаще у женщин-добровольцев. Но много случаев было безотлагательной потребности переливания крови,

⁸² СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 83.

⁸³ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 83.

⁸⁴ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 84.

когда посылать за донором и ждать его прихода было нельзя». Давали кровь сами же врачи, тут, на месте. А после этого еще приходилось работать с полной нагрузкой.

Михаил Сергеевич вспоминал: «Были у нас и тяжелые дни, когда мы, хотя и редко, теряли больных... Но были и радостные дни, когда мы добивались успеха. Памятен случай. Больной – юноша Ваня с Украины, совсем мальчик, поступил с первым эшеленом раненых из Донецка с огнестрельным ранением черепа, температура тридцать девять, с затемненным сознанием. После исследования выяснилось, что у него повреждение мозга – инородное тело в задней черепной ямке. Нейрохирургов не было. Таких больных мы сами оперировали. Глубоко под мозжечком, рядом с продолговатым мозгом, после трепанатомии было обнаружено и удалено инородное тело – металлический осколок. Это была первая такая операция в нашем отделении, все мы очень волновались за ее исход. Помню тревожные часы, которые разделяли со мной старшие ординаторы Елизавета Александровна Сулова, Анна Митрофановна Сотченко и другие. Ваня наш поправился, чему были очень рады. Еще вспоминается юноша, снятый с воинского учета в виду аневризмы правой стороны сонной артерии после огнестрельного сквозного пулевого ранения шеи. Он пришел в военкомат с жалобой, что его не лечат, что у него сильные боли в области шеи. Мы увидели страшную картину: на правой стороне шеи в подчелюстной области – опухоль больше кулака, пульсирующая, туго эластической консистенции. Покрывающая опухоль кожа блестела, как лакированная, была напряжена и вот-вот могла разорваться. Разрыв аневризмы таких крупных сосудов всегда стоит больным жизни... Ничего не оставалось делать, как срочно оперировать. Аневризма удалена, опасались размягчения правой половины мозга, но у молодого человека при хорошей компенсации кровообращения – через вторую артерию – этого не произошло. Он поправился, сейчас отец семейства...»⁸⁵.

Записи были сделаны позже, в те дни было не до них. Ухудшилась обстановка на фронте. Летом 1942 г. гитлеровское командование сосредоточило войска на юго-западном направлении. Был оставлен Ростов. Тридцатого июля – Батайск. Угроза нависла над Северным Кавказом. Третьего августа взят Ставрополь. В городе устанавливались новые порядки. Десятого августа шестьсот шестьдесят больных психбольницы были удушены в машинах-душегубках. Через два дня, двенадцатого августа, фашисты расстреляли на территории аэродрома 3500 жителей города, через три дня у Холодного родника – еще полтысячи человек. За пять с половиной месяцев оккупации в городе было убито около восьми тысяч его жителей.

Во время оккупации Михаил Сергеевич работал в ортопедическом отделении школы-интерната, проявляя заботу о детях-калеках. Остались только лошадь и линейка, нужно было еще собрать и сохранить урожай с пригородного хозяйства. В ортопедическом отделении нашли пристанище

⁸⁵ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 86.

оставшиеся раненые солдаты ⁸⁶. В оккупации надо было не просто жить и выжить, но и лечить раненых бойцов. Найди их фашисты – за каждого расстреляли бы не только Михаила Сергеевича, но и его жену, одиннадцатилетнего сына, весь медицинский персонал клиники. А дети из школы-интерната погибли бы от голода. Но, выполняя свой долг врача и человека, он не думал о возможных репрессиях. Даже, когда в июле днем на полустанке Нескучный Кочубеевского района немцы разбомбили эшелон с эвакуированными и вместе с ранеными в госпиталь попало трое детей, один из которых был евреем. Мальчика лечили, прятали от немцев, даже крестили в православной церкви, чтобы спасти ему жизнь.

Ещё до оккупации на Макарове сказались перегрузки и состояние его здоровья ухудшилось. У Михаила Сергеевича открылось язвенное кровотечение. Он был болен, когда вечером пришли взволнованные дети из школы-интерната. Они рассказали, что приходили немцы, и как поняли учившие немецкий язык, обещали навести «порядок». Дети, почувствовав затаенную угрозу, испугались. По городу уже прошли слухи, что немцы навели свой «порядок» в психиатрической и туберкулезной больницах так, что они опустели. Михаил Сергеевич, преодолевая боль, взяв рабочий халат, шапочку, домашнюю аптечку, ушел. Вернулся он только завтра вечером. Он рассказал, что пришли немцы, а с ними Курт Шульц – немец по происхождению, добровольно перешедший к оккупантам. Он раньше работал в городской больнице и хорошо знал Макарова. Шульц был гинекологом и обращался к Макарову, когда при родах нужна была срочная операция. Он высоко ценил его как специалиста и, возможно, эти отношения тогда повлияли на судьбу Михаила Сергеевича и его интерната. Немцы никого не тронули. Шульц предупредил, чтобы среди детей не было евреев.

Спустя многие годы Сима – Семен Матвеевич Фрайман, собирая материалы для статьи «Подранки войны», встретился с бывшей воспитательницей интерната К. Г. Раздай-Бед, бывшей поварихой тетей Полей и с Ольгой Дмитриевной Болдыревой. Самого Макарова в живых уже не было. Вот рассказ поварихи тети Поли – П. В. Савченко: «В первые дни оккупации до прихода Михаила Сергеевича я растерялась, кладовки – продуктовая и с бельем – разграблены, чем кормить, как лечить ребят, ведь все медики сбежали, я домой не уходила, как оставить детей одних? Я знала, что Михаил Сергеевич не уехал, тяжело больной дома и в интернате не появится. И вдруг кто-то из ребят передал: «Михаил Сергеевич зовет к себе в кабинет»,- я со слезами облегчения кинулась к нему. Он сказал: «Обойди дома наших сотрудников, всех, кто не уехал, зови от моего имени на работу. Человеческая обязанность за судьбу этих детей на нашей совести, пока мы сами живы». Тогда пришло несколько человек, потом еще. В то утро снова приходил Курт, один, без немцев. После разговора с ним Михаил Сергеевич велел старшим ребятам все время следить за входом немцев в интернат, сразу сообщить ему. Симочку класть на носилки, при опасности сразу убирать под

⁸⁶ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 90.

кровати, подальше в угол. Малышей одних не выпускать. Да, страху мы натерпелись за те месяцы. Питались впроголодь. Михаил Сергеевич сам ходил с нами, помогал копать мерзлую картошку на участке подсобного хозяйства. Помню, как под Новый год он вызвал меня в кабинет, снял с вешалки в шкафу костюм, который мы видели на нем только в дни приездов московских профессоров, и велел обменять на базаре на какие-нибудь продукты. Я подумала, что это он для семьи, а оказалось потом, чтобы покормить вкуснее детей около елки. Случалось, готовить было нечего. Тогда я выскребала из ларя последние горстки муки, растирала мерзлую картошку, смешивала с той мукой – в ней было больше отрубей – и пекла лепешки на воде. Подгорелые я сбрасывала в чашку на столе, сама отвернусь к плите, глотаю слезы и будто не замечаю, как ребяташки устроили вроде конвейера от кухни до палат, передают из рук в руки те горелые лепешки»⁸⁷.

А. Ф. Остров, бывший воспитанник интерната, позже заведующий отделением больницы в г. Махачкале, писал: «Михаил Сергеевич был человек с чистой совестью. Очень честный, он не оставил детей одних в беде и спас всех нас. Меня он не только лечил, но и благословил со временем на профессию врача. В отношении с подчиненными он был абсолютно деликатен, относительно благодарности пациентов был безупречный бессребреник. Ты был в их квартире, видел, как скромно живет его семья. Популярность Ольги Дмитриевны, как человека и врача («бабий бог»), не уступала известности Михаила Сергеевича. Им обязаны здоровьем многие тысячи людей за сорок лет их работы в Ставрополе. Память о них должна быть увековечена в названии, например, одной из улиц города, больницы, мединститута или тому подобное...»⁸⁸.

Так жил и работал Михаил Сергеевич весь оккупационный период. В день перед уходом немцев все оставались на своих местах, никто не ушел домой. Ждали всего, боялись, что немцы могут, уходя, поджечь дом. Ночью спали только малыши, старшие дети дежурили вместе со взрослыми. Наконец наступило утро. Семен Матвеевич вспоминает: «Да, я помню, как проснулся на другое утро от громкого многоголосого крика одного слова «Наши! Наши!» Все на окнах. Я тоже подковылял».

Сразу же после прихода Красной Армии школа-интернат была преобразована в лечебный интернат для инвалидов войны и физически дефектных детей. Горисполком назначил Макарова главврачом и директором интерната. Сюда поступали больные для долечивания. В основном производились восстановительные операции. Была создана так называемая «рука Крукенберга», то есть, лишенный кисти человек мог обслуживать себя, производить самые необходимые действия. Делались реампутации для создания культи, годной для дальнейшего протезирования. За 1943–1944 гг. через интернат прошли 523 ортопедических больных, инвалидов войны и детей.

⁸⁷ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 96.

⁸⁸ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 96.

Михаил Сергеевич использовал опыт подобных операций, накопленный еще в мирное время. Он хорошо помнил случай с десятилетним мальчиком Колей Ч., который в шестилетнем возрасте попал под поезд, остался жив, но был страшно изуродован. Ему отрезало обе руки и правую стопу. Он сам не мог даже поест, замкнулся, стал угрюмым и раздражительным. Михаил Сергеевич уделял ему особенно много времени. Ему он решился сделать операцию Крукенберга, учил его писать, рисовать, держать в «руках» ложку. Мальчик преображался на глазах. Михаил Сергеевич издал в 1946 г. брошюру «Протезы нижних конечностей и пользование ими». Его жена Ольга Дмитриевна, работавшая в мединституте ассистентом кафедры акушерства и гинекологии, изучала кроветворение при различных состояниях женщин. Ей был необходим для исследований костный мозг. Но пункция – болезненная и не совсем безвредная процедура. Вместе они стали думать над этой проблемой и придумали новый метод – пункцию крыла подвздошной кости, а не грудины по существующему методу Аринкина. Метод, предложенный Макаровыми, сейчас широко применяется в России и за рубежом. Ольга Дмитриевна отмечала: «Этим методом мною производились исследования кроветворения у женщин в норме и патологии. Была защищена кандидатская диссертация в 1949 году в Москве»⁸⁹. С тех пор у Михаила Сергеевича два главных дела в жизни: хирургия и цитология.

Макаров пришёл к мысли, что использовать метод препаратов-отпечатков можно и в онкологии. И в самом деле: ткань злокачественных опухолей хрупка и рыхла, но на стекле она будет оставлять четкий «след». Он начал проверять эту идею, беря отпечатки с поверхности уже удаленных опухолей. На стекло прилипали клетки. Значит, метод мог стать диагностическим. Открывалось интересное, неизведанное поле деятельности. Надо было только работать и работать, изучать клетки нормальной ткани и находить особенности патологической. Цитологический препарат выглядит иначе, чем гистологический. Гистологический метод – это срез ткани. При цитологическом клетки не разрушаются, поэтому делать срез нет надобности. Макаров производил опыты на больных с подозрениями на новообразование, с язвами кожи, доступными исследованию. Его цитологический метод исследования был совершенно безболезненным, что само по себе очень важно. Это позволяет в подозрительных случаях проводить повторные исследования и наблюдать опухоль в динамике развития. Его методом можно пользоваться для срочной диагностики при удалении опухоли, когда больной на операционном столе и когда важно скорее установить, доброкачественная это или злокачественная опухоль, чтобы на месте принимать решения об обширности оперативного вмешательства.

Михаил Сергеевич на основании своих исследований написал работу «Цитологическая диагностика опухолей методом отпечатков», которая стала основой его кандидатской диссертации. Небывалый случай: у Михаила Сергеевича не было научного руководителя. Он работал самостоятельно.

⁸⁹ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 99.

Такое не практиковалось и вызывало недоумение. Макаров сделал сообщение на конференции в Боткинской больнице, и работа была принята к защите. В апреле 1946 г. диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук была успешно защищена в Москве в институте усовершенствования врачей. В этом же году он был принят в медицинский институт ассистентом на кафедру госпитальной хирургии. Начался новый этап жизни – работа со студентами. В клинике лечебная работа была многоплановой: операции на брюшной полости и на почках. Сложность производимых операций возрастала. Но Михаил Сергеевич не оставлял научные исследования по цитологии. Он на практике применял свой метод цитологического исследования опухолей и продолжал изучать процессы заживления ран и воспалительной регенерации. Макаров исследовал раны более чем у 100 больных, снимал даже почасовые показатели. Работа с отпечатками показала, что на стекле имеются не только клетки эксудата – воспалительного жидкого отделяемого раны, но и клетки пролиферата, то есть клетки с поверхности восстанавливающейся грануляционной ткани.

Михаил Сергеевич наблюдал, что в ране, кроме многочисленных сегментоядерных лейкоцитов и молодых соединительно-тканевых клеток, имеются переходные клеточные элементы, а сегментоядерные лейкоциты, считающиеся клетками с законченным развитием, способными только к фагоцитозу, то есть «пожиранию» микробов, выполняющих «санитарную» функцию в ране, способны к развитию, преобразованию. Об этом говорят многочисленные переходные формы клеток от сегментоядерного лейкоцита до соединительно-тканевых, которые впоследствии образуют рубцовую ткань⁹⁰.

Но дело в том, что выявленная способность сегментоядерного лейкоцита шла вразрез с общепринятым представлением об этой клетке, как о клетке с законченным развитием, не способной к размножению и росту. Вопреки мнению, что все изменения лейкоцитов следует расценивать как дегенеративные, Михаил Сергеевич считал, что те клеточные элементы, которые увеличивались в размерах и у которых наблюдался рост или слияние ядер, менялась окраска протоплазмы – живые – это развивающиеся, преобразующие элементы.

Макаров стал изучать огромное количество литературы. Кроме специальной – по цитологии, гистологии, биологии он обратился к зоологии и ботанике. Ведь всё в природе идёт по общим закономерностям. Михаил Сергеевич изучал аналогичные процессы воспаления и заживления ран у беспозвоночных животных и даже у растений. Он захотел охватить всю литературу и попросил сына переписывать в библиотеках Ленинграда тематические библиографии из многих сотен названий, выписывал книги из столичных библиотек. 1948–1950 гг. были посвящены непрерывным исследованиям и изучению литературы. Отпуск 1950 г. у него ушел на

⁹⁰ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 1. Л. 36-37.

изучение литературы в библиотеке в Ленинграде. Из письма жене: «Ты советуешь мне немного развлечься. Ничего не получается, развлекаться мне вообще не придется пока не закончу работу. Сегодня ночью во сне решал задачу с культивированием лейкоцитов и решил! Конечно, неизвестно ещё, что из этого выйдет... В библиотеке провожу весь день до вечера...⁹¹. Сообщения Михаила Сергеевича на конференциях в Ставрополе и в Москве далеко не у всех учёных нашли положительную оценку.

Макаров всё более утверждался в необходимости заниматься культурами лейкоцитов – выращивать их вне организма, но какую применить методику? Решено было взять значительное количество экссудата, в котором содержались лейкоциты, в пробирки и туда же опустить узкие предметные стёкла в наклонном положении. Было рассчитано, что клетки станут оседать на стекло, и развитие их можно будет проследить в динамике, вынимая через определённый срок (12-24 и больше часов) предметные стёкла с таким осадочным препаратом. Опыты показали, что лейкоциты развивались, но эксперимент не был чистым. Экссудат, получаемый из плевральной полости у больных плевритом, содержал помимо сегментоядерных лейкоцитов много посторонних клеток – лимфоцитов, моноцитов и других. Нужно было решить, как получить такой экссудат, который содержал бы только сегментоядерные лейкоциты. Михаилом Сергеевичем был предложен метод асептического получения экссудата: оперировалась собака, в брюшную полость которой вводился сконструированный Макаровым экссудатоприёмник. Он подшивался к брюшной стенке так, что можно было пунктировать при помощи иглы и шприца брюшную стенку и набирать скапливающуюся жидкость. Такой выпот – экссудат при подсчёте клеток содержал 97 и более процентов лейкоцитов. Теперь результаты культивирования должны были стать убедительными.

В 1952 г. с данными своих исследований Михаил Сергеевич поехал в Москву, где говорил с учёными-морфологами, сделал доклад «Об источнике заживления ран» в Институте морфологии имени А. Н. Северцева. Работа была оценена как интересная, но необычная, противоречащая принятым представлениям. Нужны были новые доказательства, необходимо было проследить за развитием одной клетки, одного лейкоцита.

На решение этой проблемы ушёл не один год. Требовалась специальная камера, содержащая достаточное количество питательной среды и в то же время дающая возможность наблюдать живую клетку под микроскопом. Много было поисков создания её модели. В конце концов она была сконструирована. Наблюдения велись круглосуточно, с помощью фотонасадки производились снимки через каждые 4-5 часов. Этот термостат стоял в квартире у учёного.

⁹¹ СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 1. Л. 40.

Идея Михаила Сергеевича о прогрессивном развитии сегментоядерного лейкоцита начинала находить подтверждение у некоторых учёных: профессора А. В. Полежаева, Г. Новака (в Польше), Г. Левандера (в Швеции). И в 1958 г. в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР Макаров получил три удостоверения о приоритете основных положений цитологических исследований. Данные многолетних упорных трудов были отражены в монографии М. С. Макарова «Роль гранулоцитов в процессе воспалительной регенерации по данным цитологического исследования», изданной в 1975 г.

Помимо цитологии Михаил Сергеевич работал и по другим направлениям. Он много оперировал. Диапазон его хирургических вмешательств очень обширен. Кроме ортопедических операций, Макаров производил сложные операции на грудной и брюшной полостях по поводу опухолей, на почках, ювелирные вмешательства в нервную систему, такие, как иссечение симпатических узелков, расположенных вдоль позвоночника при эндоартериите – поражении артерий нижних конечностей, что грозило больным гангреной.

После открытия в краевой больнице отделения для больных костно-суставным туберкулёзом, базы кафедры госпитальной хирургии, Михаил Сергеевич сконцентрировал внимание на их хирургическом лечении. Им производились все современные сложные операции по поводу костно-суставного туберкулёза. Хорошо сознавая недостаточность консервативных методов лечения костного туберкулёза и видя огромные возможности, которые открыла перед хирургией эра антибиотиков, он считал необходимым широко внедрять в практику лечебных учреждений края оперативное лечение больных этим заболеванием.

Имея богатый опыт операций при костном туберкулёзе, Михаил Сергеевич предложил и провел операцию при туберкулёзном поражении тазобедренного сустава, положительный результат которой проверялся годами. О новой методике докладывалось на заседании Ставропольского краевого общества медицинских работников, съезде ортопедов и травматологов в Саратове в 1958 г., на съезде хирургов Северного Кавказа в 1960 г. Работа была опубликована в центральных журналах. Метод вошёл в учебные руководства по ортопедии.

Из всех локализаций туберкулёза костей лечение пораженного позвоночника представляло наиболее трудную задачу. Идея исправления горба захватила Михаила Сергеевича и долго вынашивалась им. Впервые решился Макаров на такую операцию в 1962 г. Сама техника удаления позвонка сложна, поскольку обнажался спинной мозг, и это требовало чрезвычайно бережного с ним обращения. Была выработана методика постепенного распрямления позвоночника, сначала пассивными способами, а затем с помощью активных упражнений, проводимых самими оперированными для разгибания позвоночника. Спинной мозг, обладая определённым тонусом, постепенно вправлялся в своё ложе – костный канал.

Через год, когда были очевидны положительные результаты операций, в «Ставропольской правде» появился очерк М. Саенко «Идущий первым». Об уникальных операциях Макарова передавали по Центральному радио. После этого поток писем захлестнул Михаила Сергеевича. Писали из Прибалтики, Югославии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Польши, Италии и Индии. Адреса на конвертах: Ставрополь, хирургу Макарову, или 4-я городская больница, или хирургу, исправляющему горбы. Если не знали точного адреса, то писали: «...дорогие работники почты, может я неправильно написала адрес, то, пожалуйста, разыщите этого замечательного человека и вручите моё письмо» или «Дорогая почта, начальник почты, письмоноscopy, разыщите, пожалуйста, этого Великого человека доктора Макарова М. С., хирурга и вручите»⁹².

К 1967 г. за пять лет им было прооперировано более 30 больных. М. С. Макаров защитил докторскую диссертацию в Центральном институте травматологии и ортопедии. Было рекомендовано издать, вышедшую в 1972 г. работу «Комплексное лечение кифозов туберкулёзного происхождения» как монографию. Операции по исправлению горбов продолжались, выздоровевшие в письмах сообщали о своем состоянии, приезжали для контрольного исследования.

В 1967 г. у Макарова возникла идея нового метода оперативного лечения врождённого вывиха бедра у детей. Он предложил отслоить хрящевую выстилку впадины, углубить её и вновь поместить хрящ на прежнее место. Этот метод был с успехом применён. Он дал значительно меньшее число послеоперационных осложнений, высокий процент стойких положительных результатов. Доклад о новом методе был прочитан на II Всероссийском съезде травматологов-ортопедов в Ленинграде в 1973 г., он был одобрен Министерством здравоохранения РСФСР и рекомендован к внедрению в практику.

Много лет М. С. Макаров был краевым ортопедом на общественных началах и являлся организатором ортопедотравматологической службы края. Подготовка кадров Михаил Сергеевич уделял огромное внимание. Она проводилась на курсах специализации, организуемых крайздравотделом, на факультете повышения квалификации врачей при мединституте, а также через клиническую ординатуру и аспирантуру. Ассистент кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии Т. М. Ерохина изучала антропометрические данные лечения горбатых больных. Ею уточнены в цифровых показателях благоприятные изменения пропорций тела. Эта работа стала основой ее кандидатской диссертации в 1970 г. Аспирант Ю. В. Панфилов под руководством Михаила Сергеевича провёл анализ ближайших и отдалённых результатов лечения, обобщил накопленные данные, защитил кандидатскую диссертацию. Михаил Сергеевич организовал и возглавил краевое научное общество

⁹² СГКМ. Ф. 189. Ед. хр. 4. Л. 23.

травматологов–ортопедов, на заседания которого приезжали врачи–травматологи края. Таким образом и врачи периферии вовлекались в научную работу.

К нему пришла известность. В 1964 г. в краеведческом музее была открыта экспозиция, посвящённая М. С. Макарову – учёному-общественнику, хирургу-новатору, цитологу, внёсшему новое в учение о регенерации и заживлении ран. В 1968 г. в Институте детской ортопедии и травматологии имени Г. И. Турнера в Ленинграде в галерее крупнейших отечественных учёных – ортопедов был помещен портрет Михаила Сергеевича.

В октябре 1976 г. Макарову исполнилось 70 лет, ему оставалось жить чуть больше года. Он был удивительно добрым и бескорыстным человеком и часто повторял: «Надо дорожить каждым прожитым днём, потому что путь наш короче наших расчётов»⁹³.

М. С. Макаров – автор более ста научных работ, а главное, он вернул здоровье и счастье тысячам больных, слава о нём гремела за пределами страны. Многие оперированные им люди и сейчас вспоминают доктора Макарова с благодарностью.

Ю. А. Кошман, аспирант СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Макаров М. С. Комплексное лечение кифозов туберкулёзного происхождения. – М.: Медицина, 1972. – 128 с.: ил. – Библиогр.: с. 120-127.

Макаров М. С. Роль гранулоцитов в процессе воспалительной регенерации по данным сравнительного цитологического исследования / Ставроп. краев. науч. о-во травматологов-ортопедов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1975. – 232 с.: ил. – Библиогр.: с. 217-231.

Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М. С. Макарова / Ставроп. гос. мед. акад.; Отв. ред. Б. Д. Минаев. – Ставрополь, 1998. – 454 с.

Из содерж.: Минаев Б. Д. Профессор М. С. Макаров – выдающийся ученый – новатор Ставрополья. – С. 5-7; Бодулин В. В., Хералов А. К., Панфилов Ю. В. и др. Становление, пути развития и некоторые итоги деятельности кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии Ставропольской государственной медицинской академии. – С. 7-14; Чумаков В. И., Первушин Ю. В., Солдатов А. А. Развитие идеи М. С. Макарова о сравнительной однотипности динамики лейкоцитарных клеток в процессе воспалительной регенерации. Хронобиологический аспект. – С. 18-20.

Афремова О. А. Доктор Макаров: [выдающийся хирург и морфолог]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1988. – 172 с.: ил. – (Замечательные люди Ставрополья).

Беднова Н., Гавриш Л. Возвращающий радость // Кавказ. здравница. – 1966. – 16 окт.

Беднова Н. Поздравляем юбиляра // Ставроп. правда. – 1966. – 9 окт.

В борьбе за здоровье человека: [Из практики хирурга, доцента Ставроп. мед. ин-та М. С. Макарова] // Кавказ. здравница. – 1963. – 9 янв.

Долог Э. Служу своему дому // Молодой коммунист. – 1968. – № 6. – С. 53-60.

Карпов Е. В истине усладу находить... // Ставрополье. – 1979. – № 3. – С. 49-52.

⁹³ Ставроп. правда. – 2001. – 11 дек.

- Карпов Е.** На семи холмах. – М.: Сов. Россия, 1981. – 79 с.
- Липнягова В.** Жизнь – поиск: [К 70-летию М. С. Макарова] // Кавказ. здравница. – 1976. – 1 окт.
- Подсвилов И.** Возвращенный танец // Ленинское знамя. – 1966. – 27 марта.
- Саенко М.** Идущий первым: Очерк // Ставроп. правда. – 1963. – 2 июня.
- Чернов В.** Служение людям // Ставроп. правда. – 1976. – 9 сент.
- Шергов И.** Хирург // Орджоникид. правда. – 1941. – 5 апр.

Из новых знакомых особенно замечателен был Н. В. Майер. Дружбе его я многим обязан и потому очень бы хотелось изобразить его таким, каким он был, но едва ли сумею: так много сталкивалось разнообразных, а нередко и противоположных качеств в этой личности, далеко выступавших из толпы.

Г. И. Филипсон⁹⁴

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения и 160 лет со дня смерти Николая Вильгельмовича (Васильевича) Майера, скромного штаб-лекаря в войсках Кавказской линии и Черномории, которого любили и дорожили дружбой с ним многие выдающиеся его современники. Они-то и оставили о нём воспоминания. Этот разночинец, вольнодумец и протестант, с характером неровным и раздражительным, полный сарказма, но искренний и прямодушный, стал необходимым членом кружка декабристов, тянувших на Кавказе солдатскую лямку. Он был дружен с Лермонтовым, который «снял с него портрет поразительно верный».

Очевидно, Н. В. Майер любил рассказывать друзьям о своём детстве и родителях: «Отец Майера был уважаемый ученый секретарь одной Академии, – вспоминал Г. И. Филипсон. – Крепкого сложения, бодрый умом и телом. 70-летний старик не любил своего младшего сына, который ни в чём на отца не был похож. Ребёнок провёл детство в болезнях и страданиях; от золотухи у него одна нога сделалась на четверть короче другой. Только любовь матери могла удержать жизнь в этом тщедушном ребёнке... Отец его был крайне либеральных убеждений; он был масон и деятельный член некоторых тайных политических обществ, которых было множество в Европе в то время. Как учёный секретарь Академии, он получал из-за границы книги и журналы без цензуры. Это давало ему возможность следить за политическими событиями и за движением умов в Европе. В начале 20-х годов он получил из-за границы несколько гравированных портретов итальянских карбонарий, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного из них, только что расстрелянного австрийцами, с его младшим сыном Николаем. Позвав к себе мальчика, он поворачивал его во все стороны, осматривал и ощупывал его угловатую большую голову и, наконец, шлёпнув его ласково по затылку, сказал по-немецки: «Однако же из этого парня будет толк!» С этого времени он полюбил своего Николаса,

⁹⁴ Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1885. – С. 105.

охотно с ним говорил и читал и кончил тем, что привил сыну свои политические убеждения»⁹⁵.

Детство Николая прошло в Петербурге в казенной квартире Академии наук. Материальные обстоятельства семьи были, очевидно, достаточно тяжелы, так как своих детей Вильгельм Майер вынуждён был с ранних лет приспособить к работе. В Академии служили три сына Майера: двое из них, Александр и Григорий – помощниками комиссара книжной лавки. В свидетельстве о крещении, представленном Николаем Майером при поступлении в Медико-хирургическую академию, значится, что он родился 23 сентября 1806 г., а в феврале 1816 г. младший сын Майер был определён отцом на службу в канцелярию Академии наук. В прошении отца значилось: «Желая сына своего Николая, обученного, кроме русского языка, немецкому, французскому и латинскому, равно как и наукам, в общежитии необходимым, сообразно с его наклонностию посвятить его государственной службе, – прошу покорнейше Комитет правления поместить его в число канцелярских служителей, хотя с малым жалованием впредь до усмотрения в нём способностей». Николай был определён на низшую канцелярскую должность копииста с окладом 60 рублей в год. Он прослужил в этой должности пять с половиной лет.

В 1822 г. Николай и его старший брат Григорий были уволены по прошению отца из Академии наук в связи с желанием «посвятить себя врачебной науке». В тот же год Григорий поступил в Медико-хирургическую академию. Годом позже туда же поступил и Николай. Г. И. Филипсон рассказывает об этом периоде жизни Майера: «Научные занятия его были неровны, порывисты; если он делал успехи, то благодаря своему острому уму и огромной памяти. Он много читал и много думал»⁹⁶.

Накануне выпуска Майера из Академии, в начале мая 1827 г., с отцом произошла трагедия. Материалы архива Академии наук подробно описывают обстоятельства, предшествовавшие его смерти. Ещё в марте 1827 г. была начата в Академии переписка по поводу того, что комиссар книжной лавки «не выполняет сделанного с ним в 1818 г. условия и не представляет по себе 5000 рублей поручительства» (оно требовалось за казенные книги, которые доверены были ему для продажи. – Л. К.). Последний срок взноса указанной суммы был назначен на 1 мая 1827 г. Накануне ночью Вильгельм Майер скрылся из дома, оставив записку, 1250 руб. ассигнациями, несколько серебряных монет и полную лавку книг – казенных и ему лично принадлежавших. Больше о нём никаких сведений не встречается.

«По выпуске из Академии, – вспоминал Филипсон, – Майер поступил на службу врачом в ведение генерала И. Н. Инзова, управлявшего колониями в южной России, а оттуда переведён в Ставрополь для особых поручений в

⁹⁵ Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1885. – С. 106.

⁹⁶ Там же.

распоряжение начальника Кавказской области, генерала А. А. Вельяминова. Зимой он жил в Ставрополе, а летом – на Минеральных Водах»⁹⁷.

Н. П. Огарёв, познакомившийся с Майером в Пятигорске в 1838 г., отмечал его органическое тяготение к декабристам: «Необходимость жить трудом заставила его служить, а склад ума заставил служить на Кавказе, где среди величавой природы, со времени Ермолова, не исчезал приют русского свободомыслия, где собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями. Жизнь Майера естественно примкнулась к кружку декабристов, сосланных из Сибири на Кавказ. Он сделался необходимым членом этого кружка, где все его любили, как брата»⁹⁸. Ближе других Майер сошёлся с С. М. Палицыным, А. А. Бестужевым, А. И. Одоевским, но и с остальными декабристами он поддерживал тесные дружеские связи до самой смерти.

Воспоминания Н. М. Сатина, Н. П. Огарёва и Г. И. Филипсона говорят о нём как о «личности, далеко выступавшей из толпы», отмечают его «ум и огромную начитанность», живость, остроумие и душевную теплоту речи. Всеми отмечалось, что «его сердечное благородство и его потребность любви не уживались с действительностью».

23 апреля 1834 г. военный министр А. И. Чернышёв доложил Николаю I о новом деле на Кавказе. Оно касалось «прикосновенного к происшествию 14-го декабря» поручика С. М. Палицына, пятигорского окружного врача Майера и исполняющего должность пятигорского городничего Ванева⁹⁹. Дальнейшие донесения дополняли и конкретизировали скудные строки первых жандармских рапортов. Сообщалось, что найдены «пасквильные рисунки» Майера, один из них «набросанный пером и представляет женскую фигуру с поднятою секирою в одной руке и отсечённою коронованною головою в другой; поодаль же коронованный череп». В деле архива III отделения сохранилось описание и второй «пасквильной картинки» с изображением развивающегося знамени над вооружённой толпой и с надписью «Liberte et Egalite» («Свобода и равенство»).

Содержание рисунков Н. Майера ярко характеризовало его «странный образ мыслей, исполненных либерализма и безнравственности». Разночинец Майер с особой силой и полнотой воспринял идеи революционного террора. «Свободы тайной страж, карающий кинжал» оказался в центре его политических мечтаний.

Арестованные 2 апреля 1834 г. Майер, Палицын и Ванев первые два месяца находились в Пятигорске под домашним арестом. В июне в связи с приближением курса вод их, как «людей подозрительных, весьма беспокойных и даже вредных», решено было удалить из города. Н. Майер был направлен в крепость Прочный Окоп: «...меня на днях отправляют в крепость Прочный Окоп, что на Кубани, к земле черноморских казаков! Не

⁹⁷ Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1885. – С. 107.

⁹⁸ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 556.

⁹⁹ Имя и отчество в использованном документе отсутствует.

знаю, что дальше будет – может, повезут в Петербург...», – писал он брату Александру из Пятигорска.

Дело грозило принять серьёзный оборот. После первого доклада военного министра А. И. Чернышёва Николай I запросил мнение А. Х. Бенкендорфа, после чего был дан приказ о переводе арестованных в Петербург. Изучив присланные с Кавказа бумаги, А. Х. Бенкендорф высказался за то, чтобы с вызовом повременить.

Арестованные с самого начала следствия вели себя очень выдержанно и умело: сразу начали добиваться своего освобождения, пытались предать дело гласности и привлечь к нему внимание. Благожелательно к арестованным отнёсся и командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г. В. Розен. Всё это и определило их участь, дело так и осталось делом «о подозрительном поведении». А. Х. Бенкендорф в докладной записке от 14 августа 1834 г., представленной через военного министра графа А. И. Чернышёва Николаю I, высказался за освобождение всех арестованных с оставлением их под тайным надзором.

После освобождения из крепости осенью 1834 г. Н. Майер продолжал жить на Кавказе, служа врачом при штабе генерала А. А. Вельяминова и поддерживая самые дружеские связи с декабристами.

В 1835 г. имя Н. Майера вновь упоминается в жандармских донесениях в связи с производством обыска у А. Бестужева. Тяжело больной Бестужев летом приехал в Пятигорск и поселился на квартире у Майера. Незадолго до этого А. Х. Бенкендорф известил Г. В. Розена о том, что необходимо «внезапным образом осмотреть все вещи и бумаги Бестужева и о последующем донести его величеству».

В Пятигорск был отправлен подполковник корпуса жандармов Казасси¹⁰⁰, учинивший «внезапным образом» 24 июля 1835 г. осмотр квартиры Бестужева.

«В третий год бытности на Кавказе, – пишет Филипсон, – он очень сблизился с А. Бестужевым (Марлинским) и с Палицыным – декабристами... Бестужеву Полевой прислал белую пуховую шляпу, которая тогда в Западной Европе служила признаком карбонария. Донос о таком важном событии обратил на себя особенное внимание усердного ничтожества, занимавшего должность губернского жандармского штаб-офицера. При обыске квартиры, в которой жили Майер, Бестужев и Палицын, шляпа была найдена в печи. Майер объявил, что она принадлежит ему, основательно соображая, что в противном случае кто-нибудь из его товарищей должен был неминуемо отправиться в Сибирь...»

Обыск не дал никаких результатов.

В Государственном музее-заповеднике М. Ю. Лермонтова в фонде С. И. Недумова хранятся копии документов, безвозвратно утраченных в годы Великой Отечественной войны и подробно описывающих обыск и арест доктора и его друзей.

¹⁰⁰ Имя и отчество в использованном документе отсутствует.

В 1837 г. в Ставрополе Н. Майер познакомился с М. Ю. Лермонтовым, переведённым прапорщиком в Нижегородский драгунский полк за стихотворение «Смерть поэта». Долгое путешествие на юг сказалось на здоровье поэта, который приехал «весь в ревматизмах» и вынужден был в течение нескольких месяцев принимать лечебные ванны на Кавказских водах. Они встретились на квартире товарища Лермонтова по Московскому университетскому пансиону Н. М. Сатина. Ему, сосланному в Симбирскую губернию за участие в студенческом кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, летом 1837 г. было разрешено поехать на Кавказские Минеральные Воды. Здесь его лечил доктор Майер: «Это был замечательно умный и образованный человек», – считал Сатин. Образ доктора запечатлён Лермонтовым по единогласному свидетельству многих в лице доктора Вернера, с его чертами души «испытанной и высокой» – лучшего современника лермонтовского героя – Г. А. Печорина. «Он был дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своём «Герое нашего времени» под именем Вернера – и так верно, что кто только знал Майера, тот сейчас и узнавал», – вспоминал декабрист Н. И. Лорер, поддерживавший и личную и письменную связь с Майером до самой его смерти.

Словесный портрет Майера, составленный современниками, подтверждается единственным известным изображением доктора, оставленным им самим¹⁰¹.

«Вернер, – писал Лермонтов в романе, – человек замечательный по многим причинам. Он скептик и материалист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, – и не на шутку, – поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными, но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, – больные взбесились. Почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упавший кредит...»¹⁰².

В подтверждение этому отметим, что в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, в архиве Олениных, сохранился альбом в красном сафьяновом переплёте, заполненный

¹⁰¹ Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. – М., 1967. – С. 606.

¹⁰² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; Коммент. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – СПб.: Акад. проект, 1996. – 371 с. – (Русская классика с комментариями).

рисунками А. Н. Долгорукова и Н. В. Майера. Он был у Г. Н. Оленина во время его поездки на Кавказ в 1839 г. Самое любопытное в альбоме – шаржи на некоторых лиц, проживавших тем летом в Кисловодске. Среди изображённых встречаются знакомые Лермонтова: графиня Е. П. Ростопчина, полковник А. С. Траскин, А. М. Миклашевский, князь В. И. Барятинский). К сожалению, рисунки доктора до сих пор не опубликованы.

Осенью 1837 г. по окончании курса вод Майер перебрался в Ставрополь. Его квартира вновь стала местом, где собиралась передовая молодёжь. Здесь лучшая часть офицерства встречалась с декабристами. Г. И. Филипсон, один из постоянных посетителей квартиры Майера, вспоминал: «Через Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые по разрядам присылались из Сибири в войска Кавказского корпуса. Из них князь Валерьян Михайлович Голицын жил в одном доме с Майером и был нашим постоянным собеседником. Это был человек замечательного ума и образования... Казалось бы, у него не могло быть резких противоречий с политическими и религиозными убеждениями Майера, но это было напротив, оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо их отстаивали. Спорам не было конца, и иногда утренняя заря заставляла нас за нерешённым вопросом»¹⁰³. В обстановке оживлённых разговоров и споров на квартире Майера очутился и Лермонтов, прибывший в Ставрополь из Ольгинского укрепления. Происходящее на квартире Майера нашло отражение в лермонтовском романе: «Я встретил Вернера в С<таврополе> среди многочисленного и шумного круга молодёжи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убеждён в разных разностях».

Неизвестно, встречался ли Лермонтов с Майером после 1837 г., и поддерживал ли с ним связь. Сыновья Майера рассказывали о будто бы хранившихся у их отца письмах Лермонтова, которые пропали во время Крымской войны. Никаких подтверждений этим сведениям нет.

Летом 1838 г. в Пятигорске Н. В. Майер познакомился с Н. П. Огарёвым. В это время он был очень дружен с А. И. Одоевским. «Он и Одоевский бывали у нас почти ежедневно, – вспоминал Огарёв, – они были глубоко привязаны друг к другу».

После смерти генерала А. А. Вельяминова в 1838 г., а Майер находился при нём в последние минуты, он перешёл на службу в штаб Черноморской береговой укрепленной линии, который возглавлял Н. Н. Раевский–младший. Штаб генерала Раевского и его семья находились в Керчи, куда перебрался и Майер. У Раевских он познакомился со своей будущей женой С. А. Дамберг – гувернанткой супруги генерала Анны Михайловны, а затем и его детей. В 1841 г. они поженились и продолжали жить в Керчи. Н. И. Лорер в письме к Нарышкину от 19 февраля 1841 г. писал: «...Н. Васильевич просит Вас его не забывать и любить его по-прежнему. Он остаётся при Раевском покамест и будет смотреть по обстоятельствам», а 22 февраля 1845 г. он сообщает:

¹⁰³ Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1885. – С. 108.

«...Наш Николай Васильевич начинает хворать, в письмах его нет прежней энергии, нет веселья и соли»¹⁰⁴.

7 февраля 1846 г. Николай Майер умер и был похоронен на городском кладбище г. Керчи. «Он потух быстро, в самой цветущей поре», – писал Н. П. Огарёв¹⁰⁵.

Некоторые факты биографии Николая Вильгельмовича Майера сохранили его друзья. Сотрудники музея «Домик Лермонтова» Н. Бронштейн и С. Недумов уже в XX веке опубликовали ранее неизвестные документы о нём.

Но обессмертил имя доктора Михаил Юрьевич Лермонтов.

*Л. Н. Кочкарева, заведующая научной библиотекой
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер; Вступ. ст. М. И. Гиллельсона. – М.: Худож. лит., 1989. – 672 с.

Из содерж.: Сатин Н. М. Отрывки из воспоминаний. – С. 249-253; Лорер Н. И. Из «Записок декабриста». – С. 393-403.

Лорер Н. И. Записки декабриста / Подгот., вступ. ст. М. В. Нечкиной. – 2-е изд. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.- 416 с.: ил. – (Сер. «Полярная звезда»). – Библиогр.: с.375-402. – Указ. имен.: с. 402-405.

Огарев Н. Кавказские воды: (Отрывок из моей исповеди) // Огарев Н.П. О литературе и искусстве. – М., 1988. – С. 55-56.

Н. В. Майер и кружок декабристов.

Розен А. Е. Записки декабриста / Подгот. и вступ. ст. Г. А. Невелева. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 479 с.: ил. – (Сер. «Полярная звезда»).

Из содерж.: Кавказские Минеральные Воды. – С. 369-391.

Сатин Н. М. Из воспоминаний Н. М. Сатина // Почин: Сб. любителей рос. словесности за 1895 г. – М., 1895. – С. 237-241.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. – С. 261.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Рус. вестник. – 1869. – Т. 80, № 4. – М., 1869. – С. 694-695.

Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Тип. М. Каткова, 1885. – 361 с.

С. 105-108, 178, 208-209, 243: [О докторе Н. В. Майере].

Филиппов С. Лермонтов на Кавказских Водах: (Встреча с современником) // Филиппов С. Под летним небом: Встречи и впечатления. – М., 1894. – С. 11-56.

Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 784 с.: ил.

С. 269: [О Майере (Мейере) Н. В.].

Андронников И. Лермонтов: Исследования и находки. – 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1967. – 647 с., 32 л. ил.

Из содерж.: Ученый татарин Али. – С. 335-378: [О докторе Н. В. Майере].

¹⁰⁴ Бронштейн Н. Доктор Майер // Литературное наследство. – М., 1948. – Т. 45–46. – С. 493.

¹⁰⁵ Огарев Н. Кавказские воды: (Отрывок из моей исповеди) // Ставроп. хронограф на 1998 год. – Ставрополь, 1998. – С. 283.

- Андреев-Кривич С. А.* Всеведение поэта. – 2-е изд. – М.: Сов. Россия, 1978. – 271 с.: ил.
- Из содерж.: Новая встреча с Кавказом. – С. 174-178; Герой и «Герой времени». – С. 184-198.
- Афанасьев В.* Лермонтов. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 560 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; Вып. 719).
- С. 379-384: [О знакомстве М. Ю. Лермонтова в Пятигорске летом 1837 г. с Н. В. Майером].
- Афанасьев В.,* Боголепов П. Тропа к Лермонтову. – М.: Дет. лит., 1982. – 285 с.: ил. С. 133-134: [Майер Николай Васильевич (1806-1846)].
- Бродский Н. Л.* Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 году // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45-46. – С. 730-740.
- В т. ч. о докторе Майере и о переписке между Н. В. Майером и М. Ю. Лермонтовым (предположения).
- Бронштейн Н.* Доктор Майер: [Характеристика доктора Майера, послужившего прототипом доктора Вернера в романе «Герой нашего времени», собиравшего в Ставрополе в 1837 году вокруг себя оппозиционно настроенную молодежь] // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45-46. – С. 473-496.
- Висковатый П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / Вступ. ст. Г. М. Фридлиндера. – М.: Книга, 1989. – 454 с. + Прил.: с. 1-24. – Факс. изд. – Вых. данные ориг.: М.: Типолитография В. О. Рихтера, 1891.
- Из содерж.: М. Лермонтов на Кавказе в 1837 году. – С. 251-268.
- Гершензон М. О.* Образы прошлого. – М.: Окто, 1912. – 545, IX с. С. 310-320: [О Н. В. Майере].
- Гершензон М. О.* Доктор Вернер из «Героя нашего времени» // Мир божий. – 1900. – № 12. – С. 230-239.
- Гиреев Д. А.,* Недумов С. И. К истории знакомства Лермонтова с декабристами // Лит. наследство. – М., 1956. – Т. 60, кн. 1: Декабристы-литераторы. – С. 507-514.
- Дурылин С. Н.* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. – М., 1940. – С. 130-134.
- Иванова Т.* Лермонтов на Кавказе: Эссе. – 2-е изд., доп. – М.: Дет. лит., 1975. – 211 с.: ил.
- Из содерж.: Улица у подножия Машука. – С. 38-46: [О знакомстве Н. В. Майера с М. Ю. Лермонтовым в Пятигорске].
- Кравченко В. Н.* Михаил Юрьевич Лермонтов в Ставрополе. – Ставрополь: ЮРКИТ, 2004. – С. 17-20.
- Мальшиева М. П.,* Познанский В. С. Лермонтов и декабристы на Кавказе // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. История, философия и филология. – 1991. – № 2. – С. 9-16.
- Мануйлов В. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография писателя. – Л.: Просвещение, 1976. – 175 с.
- Из содерж.: Первая ссылка. – С. 94-109; Роман «Герой нашего времени». – С. 141-154.
- Михайлова А. Н.* Альбом Г. Н. Оленина // Лит. наследство. – М., 1952. – Т. 58. – С. 482-485.
- Морозова Г. В.* Встречи Лермонтова с декабристами на Кавказе // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. – М., 1941. – Сб. 1. – С. 17-632.
- В т. ч. М. Ю. Лермонтов и Н. В. Майер.
- Недумов С. И.* Лермонтовский Пятигорск / Науч. ред. П. Е. Селегея. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. – 312 с.: портр.
- Из содерж.: Кавказское окружение М. Ю. Лермонтова в 1837 году. – С. 96-107.
- Попов А. В.* Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1954. – 220 с.

Из содерж.: Лермонтов в Ставрополе. – С. 27-33; Лермонтов в Пятигорске: [Автор утверждает, что М. Ю. Лермонтов познакомился с Н. В. Майером в г. Ставрополе в апреле 1837 года]. – С. 60-69.

Чекалин С. В. Наедине с тобою брат...: Записки лермонтоведа. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. – 159 с.: ил.

Из содерж.: По следам «Героя нашего времени». – С. 60-74.

Громова Е. «Неблагонадежный» доктор М...: [О прототипе доктора Вернера, друге и соратнике М. Ю. Лермонтова, штаб–лекаре Н. В. Майере, его пребывании в Ставрополе и Мин. Водах] // Ставроп. правда. – 2001. – 13 июля. – С. 3, фото.

Гурвич К. П. Доктор Николай Васильевич Майер: [О прототипе доктора Вернера] // Сов. здравоохранение. – 1976. – № 4. – С. 78-82.

Кацнельбоген А. Г. Доктор Н. В. Майер и декабристы // Сов. здравоохранение. – 1980. – № 8. – С. 59-62.

Наханетов Б. А. О медицинском окружении Михаила Юрьевича Лермонтова: (К 170-летию со дня рождения) // Сов. здравоохранение. – 1984. – № 11. – С. 68-70.

Наханетов Б. А. Образ доктора Вернера из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как объект психологического экспериментирования // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 91-97. – Библиогр.: 27 назв.

Нейман Б. Б. Прототип доктора Вернера: («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) // Лит. в школе. – 1967. – № 1. – С. 75-77.

Шевченко А. Доктор Майер: Рассказ: [О Н. В. Майере, прототипе Вернера в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», его знакомстве с поэтом. Действие происходит в Пятигорске] // Ставрополье. – 1983. – № 3. – С. 9-21; Ставроп. правда. – 1994. – 4 окт., рис.; Пятигор. правда. – 2001. – 9 окт. – С. 3.

Есть люди, которые, не занимая высоких должностей, не произнося громких речей, не стремясь к славе, живущие скромно, но отдающие все силы и знания любимому делу, приобретают большое уважение, любовь и известность среди жителей того или иного региона...

Таким неравнодушным, бесконечно любящим свой город, трепетно относящимся к его судьбе, был краевед из Кисловодска Борис Сергеевич Виноградов. Его помнят как скромного, слегка замкнутого, сдержанного, немногословного человека, обладающего колоссальными знаниями по истории Кисловодска, Кавказских Минеральных Вод, Северного Кавказа. К нему обращались люди самых различных профессий, должностей и возрастов. Борис Сергеевич радушно делился с ними своими знаниями, стараясь вызвать интерес к самым разнообразным аспектам прошлого и настоящего родного города. Любовь к истории и краеведению Борис Сергеевич Виноградов унаследовал от своих предков.

Он родился 11 октября 1906 года в городе Кисловодске в семье учителей. Оба деда, происходившие из крепостных крестьян Смоленской губернии, тоже были учителями.

Дед по линии отца, Иван Павлович Виноградов, слыл личностью незаурядной, и известной. Сведения о нем как о педагоге и писателе имеются в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

Действительный статский советник, награжденный российскими орденами вплоть до ордена Святого Владимира 4-й степени, служивший инспектором народных училищ Костромской губернии, Иван Павлович был основателем смоленского архива, а также музеев в Смоленске и Вязьме. Он является автором многих книг по древнерусской и западной истории. В одной из своих работ, посвященной двадцатипятилетию Александровской гимназии Смоленского земства в г. Вязьме, он, подчеркивая талант русского народа, упоминает об Иване Петровиче Федотове, сыне крепостных крестьян, одном из лучших учеников гимназии, окончившем ее с золотой медалью и впоследствии ставшем учителем.

Так распорядилась судьба, что жизненные пути И. П. Виноградова и И. П. Федотова пересеклись. Сын Ивана Павловича Сергей женился на дочери Ивана Петровича Софье. В этом браке родились дети Борис и Евгений Виноградовы.

Отец Бориса Сергеевича Виноградова, Сергей Иванович, внес немалый вклад в развитие просвещения и культуры г. Кисловодска в первой трети XX века.

После окончания юридического факультета Московского университета он включился в революционную борьбу, участвовал в баррикадных боях на Красной Пресне, был арестован, сидел в Бутырской тюрьме, заболел туберкулезом и после освобождения по совету врачей в декабре 1905 года переехал в Кисловодск, ставший для него родным и любимым городом. С

первых дней Сергей Иванович включился в педагогическую и общественную работу.

В 1903 году в Кисловодске была открыта мужская гимназия. Ее первыми учителями были известные в городе, а затем и в стране люди. Директором мужской гимназии стал Василий Алексеевич Маклашин, профессор математики, работавший в 30-х годах ректором Грозненского нефтяного института. Естественные науки преподавал Владимир Александрович Сельский, впоследствии известный ученый, академик, один из авторитетнейших геологов страны, первооткрыватель крупнейших месторождений нефти за Каспием и Волгой. Его именем назван теплоход технического назначения «Академик Сельский». Математик гимназии Леонид Николаевич Перцев после революции перешел на работу в Военную академию имени Фрунзе, где много лет преподавал высшую математику.

В этот творческий преподавательский коллектив гимназии в 1905 году вошел и Сергей Иванович Виноградов в качестве учителя географии. Его жена Софья Ивановна преподавала в женской гимназии. Незаурядные педагогические способности Сергея Ивановича, его инициативная общественная деятельность способствовали тому, что в 1923 году он был назначен первым заведующим школой № 1 им. В. И. Ленина, ставшей преемницей Кисловодской гимназии. Более 30 лет С. И. Виноградов отдал педагогической деятельности. Среди его воспитанников были академики Петр Александрович Ребиндер, Борис Васильевич Петровский, писательница Вера Смирнова, заслуженный артист Иван Петров, писатель Владимир Киришон и многие другие.

Сергей Иванович вел большую общественную работу. По его инициативе в первые годы Советской власти в Кисловодске создавались новые школы, детские сады, детские дома, городская библиотека. Он возглавлял отдел единой трудовой школы, вел большую работу по ликвидации неграмотности, читал лекции. В 1923 году С. И. Виноградову было присвоено почетное звание Героя труда. В 1-й кисловодской школе учились и его дети, для которых Сергей Иванович был непререкаемым авторитетом.

Прекрасные педагоги, талантливые одноклассники, атмосфера уважения к труду и знаниям, царившая в гимназии, а также исключительный пример родителей, в особенности отца, сыграли большую роль в становлении характера старшего сына, Бориса Сергеевича Виноградова, окончившего 1-ю кисловодскую школу им. Ленина в 1924 году.

Природа наделила Бориса Сергеевича разносторонними способностями, удивительной любовью к труду и чувством долга: днем он учился в школе, а вечером спешил на железнодорожные курсы.

Еще до окончания школы Борис Сергеевич закончил электротехнические курсы путей сообщения Кавказского округа. Работать начал с 16 лет электромонтером, а с 1924 года был геодезистом в изыскательской партии первого советского нефтепровода Грозный – Черное море. В 1925 году Борис Сергеевич уехал в Москву, где работал на

электромеханическом заводе, проводившем восстановление электросилового оборудования заводов и фабрик, пострадавших во время разрухи. В своей автобиографии Борис Сергеевич писал: «Мне выпало счастье участвовать в восстановлении электрооборудования заводов «Серп и молот», «Красный пролетарий», «Красный Октябрь», в типографии «Искра революции» и на многих других предприятиях, где я получил большие практические знания и опыт, став высококвалифицированным мастером электротехником».

В 1928 году вследствие тяжелой травмы он вернулся в Кисловодск. После выздоровления поступил на работу на Кисловодский нарзанский завод электромехаником.

Одновременно Борис Сергеевич много времени отдавал общественной работе, краеведению, экскурсионной деятельности, пролетарскому туризму. В 1929 году при Наркомпросе РСФСР было создано акционерное общество «Советский турист», которому были переданы все турбазы и экскурсионные бюро. В Кисловодске было открыто экскурсионное бюро Кавказских Минеральных Вод, разместившееся в очень удачном месте: в курортном парке, в правом крыле здания «Подковы» (архитектор Н. Н. Семенов). Этот памятник архитектуры конца XIX века находился в самом центре курорта: между Нарзанной галереей и зданием «Ресторации». В нем располагалась и почта. Отдыхающие с огромным удовольствием записывались на экскурсии, интерес к этому познавательному виду отдыха был невероятно велик. Заведующим экскурсионным бюро был назначен Борис Сергеевич Виноградов. Его деятельность в области развития туризма на Северном Кавказе охватывает 30-е – 50-е годы XX века, то есть период работы акционерного общества «Советский турист» и Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Им были заложены первые методические разработки экскурсионных маршрутов по Кавминводам и подготовлены кадры экскурсоводов. В период работы ОПТЭ туризм приобрел небывалый подъем и носил массовый характер. Более 40 маршрутов функционировало в Кисловодском экскурсионном бюро. Почти все методические разработки, которыми пользовались экскурсоводы в последующие годы, были созданы в период деятельности ОПТЭ. Виноградов проработал в этой должности до начала Великой Отечественной войны.

Борис Сергеевич очень любил природу, много путешествовал, прекрасно знал топонимику родного края, в Кисловодске ему был знаком каждый переулок, балка, дом, улица. Он много и плодотворно занимался историческим краеведением.

В 1934 году в том же здании «Подковы» Борисом Сергеевичем была организована курортная выставка, и он стал ее первым заведующим. В 1947-1948 годах он был создателем и заведующим музея ВЦСПС на Кавминводах на базе санатория им. Кирова.

В июле 1941 года Б. С. Виноградов попал на фронт, служил рядовым на Северном Кавказе в 1681-ом отдельном саперном батальоне. В 1942 году демобилизовался по состоянию здоровья. После окончания оккупации фашистами Кисловодска до конца войны работал на восстановлении

разрушенной железнодорожной связи – пригодились его блестящие навыки электротехника.

В 1948 году Борис Сергеевич был направлен на работу в военный санаторий. Постоянно стремясь к новым знаниям, совершенствуя свой опыт, он овладел очень редкой по тем временам специальностью электротехника медицинской аппаратуры. За сорок с лишним лет работы по основной специальности электромеханика им внесено множество рационализаторских предложений, но запатентованы его изобретения были именно в области медицинской аппаратуры.

Работая в санатории, Борис Сергеевич старался сделать жизнь сотрудников и отдыхающих приятной и радостной: везде, где только возможно, он выращивал цветы, ухаживал за ними, делал таблички с названиями. Внимательное отношение к отдыхающим выражалось и в организации бесед на медицинские темы с показом приборов, необходимых при лечении различных заболеваний.

Любовь к истории и краеведению проявлялась в характере Бориса Сергеевича всю его жизнь.

Он стал одним из основателей Кисловодского краеведческого общества, в уставе которого, утвержденном 17 сентября 1962 года, была определена одна из основных задач деятельности – создание музея в городе. Борис Сергеевич активно включился в эту работу. Его по праву можно считать одним из основателей народного музея, открытого в 1965 году в башне Кисловодской крепости. Фонды музея стали формироваться еще в 1963 году. Материалов для будущего музея у Бориса Сергеевича было много. Он передал большое количество документов по истории Кисловодска, фотографий, образцов минералов, книг, филокартическую коллекцию, ценнейшие материалы о периодах Гражданской и Великой Отечественной войн и многое другое. Виноградов вел активную работу с жителями Кисловодска по сбору материалов для музея. Борис Сергеевич имел прекрасную фотоаппаратуру и был великолепным фотографом – одним из лучших в Кисловодске. Им передана большая коллекция сделанных специально для музея фотоснимков – видов Кисловодска, его окрестностей, Кавказских Минеральных Вод. До конца жизни он являлся членом музейного совета и внештатным научным сотрудником музея.

В скромной квартирке Бориса Сергеевича был свой домашний музей, которым он очень гордился и дорожил. Он собрал богатейшую коллекцию редких книг, часто тратя последние деньги на их приобретение. В дальних путешествиях и экскурсиях им была собрана ценнейшая коллекция минералов и горных пород Северного Кавказа. Редкостью были и фотографии с рисунков художника М. А. Зичи (1829–1906) – иллюстраций к произведениям М. Ю. Лермонтова, на которых были запечатлены виды Кавказских Минеральных Вод XIX века. Полвека собирал Борис Сергеевич материалы об Эльбрусе, о жизни его исследователей и покорителей, изучал легенды и сказания народов Северного Кавказа об этом природном исполине.

Он вел огромную переписку, что также давало возможность пополнить домашнюю коллекцию новыми материалами о Кисловодске. Все было аккуратно разложено по полочкам, поэтому хозяин мог быстро найти нужный материал. Обстановка квартиры состояла из старинной мебели, которую Борис Сергеевич сам реставрировал.

Жена Бориса Сергеевича умерла рано, и он делал все возможное, чтобы помочь дочери и внукам. Сам же был доволен тем, что имел, вел аскетический образ жизни.

Природа наделила Бориса Сергеевича многими талантами: в квартире висели его картины; литературно одаренный человек, он писал новеллы, очерки, стихи, рассказы, пьесы, воспоминания (в 20-30-е годы посещал кисловодские литературные салоны). Всегда был занят делом, но при этом слыл человеком безотказным, к нему всегда можно было обратиться по любому вопросу.

Борис Сергеевич тепло говорил о своем отце и очень гордился им. Дружил с учителями, в том числе с прекрасным педагогом Ниной Михайловной Шрейдер. Никогда не забывал родную школу. В приказе директора школы № 1 Р. М. Дорохиной от 1961 года выражается огромная благодарность краеведу Борису Сергеевичу Виноградову за активное участие по созданию и оборудованию школьного краеведческого музея. В нем в большой классной комнате представлены образцы изделий местной промышленности, чучела птиц, гербарии растений, произрастающих на территории Кавказских Минеральных Вод, а также модели первых нарзаных ванн и современного каптажа. Особое внимание привлекала коллекция нумизматики.

Обладая прекрасными педагогическими способностями, переняв опыт отца и других учителей, с большой любовью относясь к детям, Борис Сергеевич в 1969 году, выйдя на пенсию, организовал для подростков и детей младшего возраста клуб «Орлик», расположившийся по улице Патриса Лумумбы (бывшая Широкая). До последних дней он работал общественным директором клуба, отдавая знания, теплоту своей души этому благородному делу. В клубе было все необходимое для обучения и отдыха детей: хорошо оборудованная комната для кружковой работы с фотолабораторией, технической мастерской, радиоаппаратурой, «живым уголком»; концертный зал, где проводились вечера художественной самодеятельности, ставились спектакли, показывались художественные и научно-популярные фильмы для детей; комната отдыха, оборудованная библиотекой, настольными играми. Учащиеся разных классов и школ после занятий и в выходные дни спешили в свой любимый «Орлик». Клуб славился не только на Кавказских Минеральных Водах, но и далеко за пределами региона.

В течение всей своей жизни Борис Сергеевич стремился к знаниям и самообразованию. Он окончил курсы «Трансэнергокадров» НКТП, два факультета, философский и исторический, вечернего университета марксизма-ленинизма, двухгодичное отделение журналистики. Им прочитаны тысячи лекций по краеведению и охране природы, опубликовано

много статей в периодической краевой и республиканской печати. Участник Великой Отечественной войны он удостоен ордена Отечественной войны второй степени и многих медалей. За общественную деятельность Борис Сергеевич награжден более ста грамотами Министерства обороны СССР и СКВО, краевого комитета КПСС и крайисполкома, а также грамотами городских организаций.

Его официальный трудовой стаж составляет более 50-ти лет, работал же Борис Сергеевич до последнего дня своей жизни. Умер он в возрасте 82-х лет, 21 сентября 1988 года, похоронен в Кисловодске.

После смерти Бориса Сергеевича почти все материалы его домашнего музея были переданы близкими в «родной» краеведческий музей, где они хранятся и сегодня. Фонд Б. С. Виноградова востребован: материалы постоянно выставляются в музейной экспозиции, ими, как и при жизни краеведа, пользуются жители Кавказских Минеральных Вод.

Все, кто знал Бориса Сергеевича, с большим уважением и теплотой вспоминают этого бескорыстного, влюбленного в свой город и очень добропорядочного человека. По праву пальма первенства краеведа Кисловодска принадлежит Борису Сергеевичу Виноградову.

*Е. И. Зайцева, главный хранитель
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Публикации Б. С. Виноградова

Виноградов Б. С. Некоторые вопросы из истории экскурсионного дела на Кавминводах // Совет ветеранов туризма. – Пятигорск, 1979. – Вып. 2. – С. 35–47.

Виноградов Б. С. Первые субботники в Кисловодске // Кавказ. здравница. – 1971. – 1 мая.

Виноградов Б. С. Дом, где жили поэты // Кавказ. здравница. – 1973. – 20 сент.

Виноградов Б. С. Приходите дети в клуб // Ставроп. правда. – 1977. – 11 марта.

Виноградов Б. С. Так начинался курорт: [К 175-летию Кавказских Минеральных Вод] // Ставроп. правда. – 1978. – 27 апр.

Виноградов Б. С. Посади свое дерево // Молодой ленинец. – 1982. – 11 дек.

Виноградов Б. С. С именем вождя // Кавказ. здравница. – 1984. – 22 февр.

Виноградов Б. С., Виноградов Е. С. Живи улица Широкая: Родословная памяти // Кавказ. здравница. – 1988. – 6 февр.

Литература о жизни и деятельности Б. С. Виноградова

Виноградов Е. С. Лучше гор могут быть только горы. – Москва; Кисловодск, 1999. – С. 22 – 26.

Реутов В. Уникальная коллекция // Сов. здравница. – 1959. – 25 февр.

Петренко А. Литературные труды краеведа // Кавказ. здравница. – 1960. – 24 апр.

Петренко А. Домашний музей // Кавказ. здравница. – 1960. – 26 февр.

Белый Т. Новатор // Кавказ. здравница. – 1961. – 15 дек.

Виноградова Т. Вечер книголюбов // Кавказ. здравница. – 1964. – 5 марта.

Норец С. Вторая жизнь крепости // Ставроп. правда. – 1974. – 16 нояб.

Дудко К. «Орлик» // Молодой ленинец. – 1976. – 18 февр.

Кравцов И. Нетерпение сердца // Кавказ. здравница. – 1976. – 3 марта.

Петренко А. Сокровища наших квартир // Ставроп. правда. – 1982. – 23 янв.

Петренко А. Энтузиаст // Ставроп. правда. – 1981. – 17 окт.

Алексеев К. Всегда в поиске // Кавказ. здравница. – 1981. – 22 окт.

История зарождения кисловодских школ относится к началу XX века, когда в городе были открыты мужская и женская гимназии. Одним из ярких представителей развития образовательной системы Кисловодска является заслуженный учитель РСФСР Александр Михайлович Божко.

Он родился в крестьянской семье в слободе Рудня Саратовской губернии, на берегу небольшой реки Терсы. Его отец в 1905 году, сблизившись с большевиками, рисовал заманчивые картины о равенстве и свободе грядущей жизни, когда земля будет принадлежать народу.

Эти идеи запали в душу его детей, хотя они и не вполне понимали их смысл. В дальнейшей своей жизни Александр Михайлович не раз анализировал эти понятия, открывая в них новые и новые стороны.

Начальную школу Александр одолел без труда. Соседи говорили: «Сашка, Михайла Данилыча – мальчишка башковитый, книжки читает и про политику рассуждает, как взрослый. В отца пошел...»

На тринадцатом году своей жизни он смог убедить командира одного из отрядов 9-й армии, что ему идет уже пятнадцатый, и стать связным в штабе кавалерийского полка. Во время выполнения задания штаба Божко был ранен, а падая с убитого коня вывихнул ноги.

В госпитале его навестил отец: «Отвоевался ты сын, учиться пойдешь. Мне не довелось, так хоть ты выучишься. Теперь грамотные люди позарез нужны». Александр был принят в Руднянскую школу второй ступени. Непросто было учиться детям бедняков, хоть и говорят, что сытое брюхо к ученью глухо, но и голодное от наук отвлекает.

Одним из первых в Рудне Александр вступил в комсомол.

Весна 1920 года в Саратовской губернии, как и во всем Поволжье, выдалась на редкость безводной. Разбивая «железные» плиты земли на огороде, будущий педагог мечтал стать агрономом, чтобы выращивать семена, не боящиеся засухи, но судьба распорядилась иначе.

Александра направили в село Митякино учителем, где он проявил прекрасные педагогические способности. По комсомольской путевке Александр Михайлович поступил на педагогический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Учеба в аспирантуре, работа завучем в Николаевском педагогическом техникуме... Вскоре он стал кандидатом в члены партии.

В начале 20-х годов XX века в Нижневолжском крае в результате его национальной пестроты уровень грамотности был близок к нулю. А. М. Божко командируют для работы в Нижневолжский край. Как инспектор-методист Александр Михайлович, лично вникая в суть любой проблемы, постоянно находится в разъездах по краю. На самолете У-2, на верблюдах, запряженных в тачанку, часами трясясь по раскаленной степи на лошадях, он решал поставленную задачу: научить молодежь писать простейшие слова, осилить принцип чтения.

Александр Михайлович и другие ликвидаторы неграмотности добились поставленной цели. Нижневолжский край первый в Советском Союзе стал краем почти стопроцентной грамотности.

С 1932 года и до последнего дня его существования А. М. Божко работает в ГУСе (Государственном ученом совете, созданном в 1919 году).

Ему довелось слышать наркома просвещения А. В. Луначарского, его заместителя М. Н. Покровского, нового наркома А. С. Бубнова. Неизгладимое впечатление на него произвели выступления Н. К. Крупской. На всю жизнь осталось воспоминание о личном общении с этой необыкновенной женщиной. В одном из интервью Александр Михайлович вспоминал: «С Надеждой Константиновной мне довелось работать – я был членом государственного ученого совета в 30-е годы. Она руководила программной методической секцией. Это был период теоретического становления советской школы. Именно Надежда Константиновна помогла перенести основные положения марксизма в школу. И не только теоретически. Создание пионерской организации, детское самоуправление в школах – это ее прямая заслуга».

Эти встречи еще больше утвердили в сознании Александра Михайловича необходимость развития народного образования.

После реорганизации ГУСа Божко направили заведующим отделом народного образования в Орджоникидзе (после изменения статуса края он стал замнаркома просвещения Северо-Осетинской автономной республики).

Необходимость в школьных помещениях была чрезвычайно велика. Только за 1936 год в Орджоникидзе было построено восемь школ, впервые в городе появились здание для музыкальной школы и летний пионерский городок. Новые школы строились и в селах, ученики обучались на русском и родном языках. За успешное строительство школ А. М. Божко в феврале 1937 года был премирован приказом народного комиссара просвещения РСФСР, а в сентябре жизнь Александра Михайловича резко изменилась. Его обвинили в националистическом заговоре, саботаже строительства школ, подготовке террористических актов и во встречах с заговорщиками.

Годы небытия Божко провел на Соловецком острове. Здесь Александр Михайлович привлекал людей своей щедростью. Он делился единственным, что у него было – знаниями. О годах, проведенных на острове, Божко говорил так: «На нас смотрели там, как на обреченных. Поэтому много позволяли. Там была богатая библиотека, и я много читал». Тогда же у него проснулась жажда постижения того, что происходило в стране и он всерьез увлекся историей.

Александр Михайлович полюбил суровый край, где провел почти двадцать лет, где получил справку о полной реабилитации, где был восстановлен кандидатом в члены КПСС и стал ее членом в 1956 году.

Желание Божко поселиться в Кисловодске было удовлетворено. Ему предоставили квартиру и работу. Первое время трудился запасным учителем при горно, заведующим методическим кабинетом. Работе этой не хватало

самостоятельности, размаха. И когда ему предложили занять место директора средней школы № 2, он с радостью согласился.

Начиная работать директором, Божко был убежден, что школа должна воспитывать целостную личность, строителя будущего, имея точное представление о том, каким она хочет видеть это будущее.

Главным средством формирования материалистического мировоззрения для А. М. Божко было изучение ленинского наследия. Именно с этого он и начал свою работу: беседовал с учителями, предлагая считать первой задачей организацию их самообразования (позже они назовут это школой творческого труда). Учителя делились на секции: начальных классов, гуманитарных и естественных наук. Его главными помощниками и соратниками стали секретарь партбюро Андрей Константинович Лаптиев, учитель физики Роберт Иосифович Шугжда, завуч Евгения Ивановна Пичугина. Вскоре и другие учителя включились в работу по изучению ленинского наследия: А. С. Рембиш, Е. Ф. Жукова, Т. Г. Саруханян, А. П. Заботина, Н. В. Диденко.

Постепенно весь коллектив проникся этой идеей. Важным этапом в жизни школы стала организация ленинских чтений, где с докладами выступали и учителя, и учащиеся, была создана методическая комната, где хранились разработки и печатные издания педагогического коллектива школы, была введена кабинетная система и тематическое планирование. Все новое и интересное, о чем узнавал директор, тут же трансформировалось применительно к создаваемой в школе системе обучения и воспитания.

В учебном процессе учителя-предметники руководствовались рекомендациями, разработанными в брошюре А. Божко и В. Макаева «По заветам Ленина». В ней были расписаны темы и литература для чтения и в младших классах, и попредметно – для старшеклассников.

Впервые А. М. Божко доложил педагогической общественности об опыте школы в 1963 году. Были друзья, но были и противники, а самым главным противником оказалось безразличие. Но опыт жил и развивался.

В 1966 году была издана хрестоматия для начальных классов «О Владимире Ильиче Ленине» в виде нескольких книжечек. В школе был создан музей В. И. Ленина, продолжилась работа по изданию ленинской хрестоматии для старших классов. В 1967 году в Ставрополе вышло ее первое издание для учащихся 8-10 классов под названием «В. И. Ленин. Избранное». Составителями хрестоматии были А. М. Божко, Б. В. Смирнов, В. В. Макеев и Е. И. Максименко.

Опыт школы поддержали ученые педагоги из Ульяновска, Ленинграда, Казани, которые работали в этом направлении, но признавали, что ставропольцы обогнали их и приезжали в Кисловодск на учебу.

В 1970 году в Москве в Политиздате вышел сборник произведений В. И. Ленина для учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений под грифом Академии педагогических наук СССР. В 1972 году издательство «Просвещение» выпустило книгу для чтения и бесед с учащимися начальных классов о В. И. Ленине «Страницы великой жизни».

Эти книги неоднократно переиздавались, выходили в свет на многих языках народов Советского Союза, что явилось всесоюзным признанием системы.

В начале восьмидесятых годов опыт Кисловодской школы № 2 вышел на международный уровень и привлек внимание болгарских педагогов. Пазарджикский округ обратился к Ставропольскому краю с просьбой командировать А. М. Божко в Болгарию для распространения опыта Кисловодской школы № 2. Несколько раз он ездил в НРБ в составе группы деятелей народного образования.

В 1982 году Александр Михайлович выступал на встрече работников народного образования, которая проводилась на базе выставки «В семье единой», представленной на ВДНХ СССР.

В то же время школа № 2 города Кисловодска экспонировалась на ВДНХ и получила диплом I степени. А. М. Божко был награжден серебряной медалью.

Плодотворный труд А. М. Божко в 1966 году был отмечен орденом Ленина, а за большие заслуги в педагогической работе его удостоили медалей Н. К. Крупской (1969) и Г. Димитрова (1982). В 1980 году Александру Михайловичу было присуждено высокое звание народного учителя СССР.

«Он один из тех, кто стоял у истоков советской школы. Вот в нем и сочетается глубокое знание современной педагогической науки, психологии, школьной практики. Божко – это педагог–исследователь», – говорили о нем учителя.

*Г. В. Баранова, младший научный сотрудник
Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость»*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Божко А. М., Макаев В. В. Обучение и воспитание на примере жизни и деятельности В. И. Ленина: Из опыта работы ср. шк. № 2 г. Кисловодска / Ставроп. краев. ин-т по усовершенствованию учителей. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. – 27 с.

Божко А. М., Макаев В. В. По заветам В. И. Ленина: Из опыта Кисловодской средней школы № 2 на примере жизни и деятельности В. И. Ленина / Ставроп. краев. ин-т по усовершенствованию учителей. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. – 87 с.: ил.

Божко А. М., Николаева Л. А., Сидоров В. И. Растить достойных ленинцев: система работы пед. коллектива средней школы № 2 г. Кисловодска по воспитанию учащихся на примере жизни и деятельности В. И. Ленина в духе идей ленинизма. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. – 184 с.: 1 л. портр.

Божко А. М. Сердцевина убежденности // Ставроп. правда. – 1984. – 22 апр.

Божко А. М. С именем Ленина в сердце каждом // Кавказ. здравница. – 1984. – 1 окт.

Батурина Т. П. Александр Божко: [О народном учителе СССР]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. – 255 с.: ил. – (Замечат. люди Ставрополья).

Даусон О. Будь счастлив, учитель! // Ставроп. правда. – 1979. – 1 сент.

Стасенко А. Дорога на всю жизнь // Ставроп. правда. – 1976. – 22 февр.

Цыганков И. Александр Божко // Кавказ. здравница. – 1969. – 31 мая.

Хейтсвер В. Дело всей жизни // Кавказ. здравница. – 1963. – 14 июня.

Евгений Федорович Шреттер – академик архитектуры, чье имя навсегда вошло в историю Кавказских Минеральных Вод как автора проекта здания грязелечебницы в Ессентуках.

Он родился 4 ноября 1876 в г. Кременчуге Полтавской губернии в семье купца 1-й гильдии, австрийца по происхождению. Окончив Ровенское реальное училище в 1897 г., Шреттер поступил на архитектурный факультет Высшего художественного училища при Академии художеств в Санкт-Петербурге, где завершил учебу в 1904 г. (дипломный проект – «Дворец наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке»), получил звание архитектора-художника, преподавал на Женских строительных курсах, работал в Петербурге, Екатеринославле и Ялте. В Петербурге на Марсовом поле по его проекту в 1910 г. было построено здание для скетинг-ринга (катания на роликовых коньках).

В 1911 г. Шреттер принял участие в конкурсе на строительство помещения грязелечебницы в г. Ессентуки, проводившемся Санкт-Петербургским обществом архитекторов по поручению Министерства торговли и промышленности и получил вторую премию (первую – М. М. Перетяткович, третью – И. А. Фомин). Для претворения в жизнь был принят именно его проект, поскольку в нем проявлялось не только мастерство архитектора в отношении композиционного построения, но и функционального назначения здания (в конкурсных материалах это особенно отмечалось). Грязелечебница, служащая для принятия лечебных процедур и отдыха, всем своим видом должна была внушать доверие, спокойствие и некоторую торжественность, т. е. олицетворять храм здоровья.

Шреттер заключил договор с Министерством торговли и промышленности на руководство строительством и авторский надзор. Торжественная закладка грязелечебницы состоялась в июле 1913 г., а в июне 1915 г. она вступила в строй. В то время даже Европа с ее знаменитыми курортами еще не знала такого блистательного по замыслу бальнеологического заведения. В своей работе зодчий удачно сочетал композиционные формы классической античной архитектуры с новейшими для тех лет достижениями техники и бальнеологии. Здание грязелечебницы состоит из четырех корпусов, соединенных между собой. Главный монументальный фасад украшает портик с фронтоном и двумя рядами колонн ионического ордера. Ко входу ведут подъездные пандусы, окаймляющие греческий «дворик» с бассейном и скульптурами лежащих львов. На высоких постаментах у главного входа – скульптурные изображения бога врачевания Эскулапа и богини чистоты и здоровья Гигеи. На крупных гладких плоскостях стен – барельефы, обозначающие лечебное назначение этого сооружения. Над входной дверью – изображение бога

морей Посейдона. По античным образцам создавалась и черепичная крыша грязелечебницы.

Само здание построено из местного камня, архитектурные элементы выполнены из кисловодского доломита. Скульптурные изображения и барельефы были созданы из искусственной массы под цвет доломита. Скульптурной отделкой здания занимались В. В. Козлов и А. А. Дитрих, Л. К. Шодкий. Наблюдение за строительством осуществлял архитектор И. Г. Шамврицкий. Сложное бальнеологическое оборудование устанавливал инженер И. И. Володкевич. Общее проектирование оборудования было поручено инженеру В. К. Правздику. За поставку оборудования отвечала фирма «Зигель». Котлы поставлялись из Луганска, медные трубы – с медно-прокатного и трубного завода в Петрограде. Ванны первоначально заказывались в Англии, но их поставка оказалась нерентабельна, поэтому воспользовались услугами отечественных производителей. Плитка для облицовки полов в грязелечебнице изготавливалась Славянским заводом Акционерного общества Дзевульской и Лянге. Стеновые терракотовые глазурованные плитки поступали из Финляндии от изразцового завода «Ракколаниоки». Массивные входные двери поставил петроградский торговый дом Шаевича и Бару.

Гостиная мебель для грязелечебницы была изготовлена по заказу и эскизам архитектора Шреттера одной из лучших мебельных мастерских Пятигорска – мастерской Желтикова и Гурджиева.

Кроме этого с 1912 по 1913 гг. Евгений Федорович руководил строительством грязелечебницы в Пятигорске по проекту М. М. Перетятковича. В 1912 г. по проекту Шреттера в Ессентуком парке были сооружены Торговая галерея для продажи кавказской утвари и сувениров (ныне здание электросветолечебницы) и бюветы источника № 4 на главной аллее. В 1913 г. в Пятигорске по его проектам построены у подношвы горы Машук «Вилла роз» для химика Э. Э. Карстенса, который открыл радиацию родона и жил здесь с 1903 по 1937 гг., дом для Мациевского (сейчас это здание находится на проспекте им. С. М. Кирова, 57).

Из-за конфликта с руководством Кавказских Минеральных Вод, которое задерживало оплату строительных работ, Шреттер вынужден был покинуть эти места в ноябре 1914 г., работал в Петербурге, затем с 1918 г. в Одессе, позже переехал в Варшаву, где скончался 11 мая 1925 г. Там же он и похоронен.

К сожалению, большинству замыслов талантливого архитектора не суждено было воплотиться в жизнь, а между тем, их было много, о чем свидетельствуют документальные материалы, сохранившиеся до наших дней – проекты для различных архитектурных конкурсов, в которых Е. Ф. Шреттер принимал участие и почти всегда занимал призовые места.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Шреттер Е. Ф.** Ессентукская грязелечебница // Зодчий. – 1916. – № 5.
- Ессентуки:** Новая грязелечебница: К открытию // Целебные силы России. – 1915. – № 13-14. – С. 296-297.
- Боглачев С. В.** Архитектура старого Пятигорска. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2005. – 656 с.: ил. и портр.; 6 карт. – (К 225-летию Пятигорска).
Из содерж.: Вилла Карстенса. – С. 208-209, ил.
- Кавказские Минеральные Воды /** Науч. ред. И. С. Савощенко. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1960. – 280 с.
С. 241, 272: [В 1912 г. по проекту академика Е. Шреттера началась постройка грязелечебницы].
- Летопись** Пятигорска / Гор. и краеведч. о-во; Авт.-сост. Л. Н. Польской. – Пятигорск, 1993. – 122 с.
Из содерж.: 1913 г.: По проекту архитектора Е. Ф. Шреттера у подошвы Машука для химика КМВ Э. Карстенса построена вилла в античном стиле. Ныне входит в ансамбль санатория им. М. Ю. Лермонтова.
- Паньков И. Ю.** Архитектурное наследие: Кавказские Минеральные Воды. – Ростов н/Д., 2003. – 100 с.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. Ессентукские встречи. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. – 222 с.
- Гилевич Е.** Грязелечебница Евгения Шреттера // Памятники Отечества: (Кавказские Минеральные Воды). – М., 2001. – № 49. – С. 120-121.
- Герасимов В.** Забытое наследие Евгения Шреттера // Кавказ. здравница. – 1998. – 21 марта.
- Грязелечебница** им. Н. А. Семашко // Кавказские Минеральные Воды: Путеводитель. – М., 1987. – С. 247-250, фото.
- Иванова Е.** Дворец здоровья: [Ессентукской грязелечебнице – 50 лет] // Кавказ. здравница. – 1965. – 25 сент.
- Никитин И.** Храм исцеления // Моск. комсомолец – Кавказ. – 2000. – 7-14 сент.
- Шуваева О.** Нет равных в Европе // Кавказ. здравница. – 1989. – 11 янв.
- РГИА.** Ф. 37. Оп. 70. Д. 515. Л. 64.

Кавказ всегда манил к себе многих не только чудесным климатом, богатством природы, яркостью и колоритностью типов, но и главным образом благодаря радушному приему, обычно оказываемому здесь выдающимся, передовым людям...

В. И. Сафонов

Русский композитор, педагог и музыкальный ученый Сергей Иванович Танеев приезжал на Кавказ 10 раз в летние месяцы.

Весь июнь 1885 года Танеев провел в Ессентуках, принимая курс лечения под наблюдением доктора Богословского. Жил композитор в доме казака Яницкого на Кисловодском шоссе. На отдыхе, как и все люди искусства, Танеев не прекращал работу. Из письма к П. И. Чайковскому узнаем, что в Ессентуках он написал этюды для фортепиано. Композитору А. С. Аренскому сообщал о том, что похудел, окреп и около 1 июля переедет в Кисловодск.

В Кисловодске композитор остановился в доме Гайвалева на Верхней улице, занимая отдельную большую комнату. Встречался со старыми друзьями и добрыми знакомыми: И. И. Иванюковым – профессором Московского университета, экономистом; М. М. Ковалевским – ученым, историком и этнографом; Н. К. Михайловским – публицистом и литературным критиком. Всех их объединяла любовь к Кавказу и каждый по-своему пытался приоткрыть «завесу горных тайнств».

Из Кисловодска в июле 1885 года Танеев совершил многодневное путешествие в Сванетию через Кавказский хребет. В письме к Аренскому композитор сообщал о маршруте: «...я, Ковалевский и Иванюков сейчас уезжаем в большое путешествие. В дороге будем дней 20... Перевал сделаем близ Урусбиевского аула, недалеко от Эльбруса». Это путешествие открыло композитору музыку горцев: непривычную, поразившую резкими звуками и удивительными ритмическими ходами. В результате этой поездки появилась тетрадь кавказской музыки, в которую вошли 20 песен: две одноголосые, остальные – на два голоса. В музее П. И. Чайковского в Клину хранится рукопись этой «Горской тетради» с пометкой: «Кавказ 1885, 25 июля, Урусбиевский аул».

Пребывание Танеева на Водах в 1890 году отмечено рождением известного Первого струнного квартета, посвященного учителю и другу П. И. Чайковскому. Последующие приезды на Кавказ в 1891, 1892, 1894 годах связаны с упорной работой композитора над единственной его оперой «Орестея» по сюжету одноименной трагедии Эсхила (либретто А. А. Венкстера).

В его письме к Чайковскому из Пятигорска узнаем подробности: «Я очень усердно занимаюсь сочинением, пишу ежедневно утром и вечером...» Чайковский из Клина отвечал: «Думаю, что опера твоя будет совершенно особняком, редко выдающимся по оригинальности замысла и зрелой обдуманности исполнения произведением». Опера-трилогия «Орестея» стала удивительным в русской музыкальной культуре опытом претворения античного сюжета, воплощенного в величавых, пластически строгих музыкальных образах. И Пятигорск послужил колыбелью этого выдающегося создания С. И. Танеева.

Предлагаем несколько интересных фрагментов воспоминаний о Танееве. Они принадлежат одному из его многочисленных учеников – Леониду Сабанееву (1881-1968) – блестящему представителю русской музыкальной критики начала XX века.

«Мне много раз приходилось думать об историческом значении творчества Танеева. Его музыка была из тех, которым не посчастливилось при жизни... В общем, мир равнодушно прошел мимо плодов этой напряженной трудовой и подвижнической жизни, прошел с таким равнодушием, что больно становилось за того, кто всю чистоту своего облика и все напряжение своих научных и художественных сил отдал своему горячо любимому делу».

«Как бы ни относиться к творчеству С. И. Танеева – даже совершенно вне всякой музыки – Танеев есть один из тех великих русских людей, великих духом и силой воли, которым во всяком случае место в истории есть и должно быть. В этом смысле я считаю его личностью, которая ценна с точки зрения истории культуры вообще, вне профессиональных музыкальных или иных интересов и задач.

Танеевское творчество и его труды – не для современников и даже не для ближайших потомков. Эта музыка, честно созданная и мастерски сделанная, из тех, смысл, значимость и размеры которой становятся ясными только удаленным поколениям...

Несколько лет пройдут, и Танеев станет действительно тем, чем он и хотел быть в начале своей карьеры и чем он незаметно для себя и стал – русским классиком, представителем чистой музыки, которой так мало было уделено внимания русскими композиторами».

Приведенные отрывки из книги Л. Л. Сабанеева «С. И. Танеев. Мысли о творчестве и воспоминания о жизни» (вышла в свет в Париже в 1930 году) не лишены субъективизма, свойственного, впрочем, любым воспоминаниям, но многие мысли Сабанеева – с позиции сегодняшней оценки места Танеева в отечественной и мировой культуре кажутся очень точными и пронизательными.

В творчестве Танеева непосредственно с нашим краем связано не так много, но, несомненно, «Горская тетрадь» и сегодня занимает видное место в музыкальном наследии Сергея Ивановича Танеева, привлекая внимание музыкантов, композиторов и простых слушателей уже на протяжении многих лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Танеев С. И.** Дневники, 1894 – 1909: В 3 кн. – М.: Музыка, 1981–1985.
- Танеев С. И.** Избранные письма: В 2 т. Т. 2. – М.: Музыка, 1958. – 173 с.
- Танеев С. И.** Материалы и документы. Т. 1: Переписка и воспоминания / Под ред. В. А. Киселева. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 355 с.: ил.
- Танеев С. И.** Из научно-педагогического наследия: Неопубликованные материалы: Воспоминания учеников / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. Ф. Арзаманова, Л. Корабельниковой. – М.: Музыка, 1967. – 164 с.: ил.; 1 л. портр.
- Памяти** Сергея Ивановича Танеева, 1856-1946: Сб. статей и материалов к 90-летию со дня рождения. – М.; Л., 1947. – 260 с.
- Бажанов Н. Д.** Танеев. – М.: Мол. гвардия, 1971. – 239 с.: ил. – (Жизнь замечат. людей. ЖЗЛ. Сер. биограф.; Вып. 10 (498). – «Список сочинений С. И. Танеева» и лит. о нем. – С. 235-237.
- Бернандт Г. Б.** С. И. Танеев. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1983. – 288 с. – Библиогр: с. 284-287.
- Корабельникова Л. З.** Творчество С. И. Танеева: Историко-стилист. исслед. – М.: Музыка, 1986. – 296 с.: ил. – Библиогр.: с. 267-274.
- Корабельникова Л. З.** Танеев Сергей Иванович // Музыкальная энциклопедия. – М., 1981. – Т. 5. – Стб. 412-423. – Библиогр.: с. 421-423.
- Савенко С. И.** Сергей Иванович Танеев. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1985. – 174 с.
- Хопрова Т. А.** Сергей Иванович Танеев, 1856–1915: Попул. монография. – 2-е изд. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1980. – 102 с.: ил.
- Воронина Г. Е.,** Розенфельд Б. М. Звучала музыка на Водах. – Ужгород: АРЕХ, 1993. – 136 с.: ил.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. Дорогие адреса: Памятные места Кавказских Минеральных Вод / Вступ. ст. В. А. Мануйлова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. – 176 с.: ил.; 16 л. ил. – Библиогр.: с. 147-150. – Указ. адресный именной и имен: с. 151-175.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. Эссентукские встречи. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. – 222 с.: ил.; 16 л. ил. – Библиогр.: с. 210-220. – Хронограф Эссентукского курорта. – С. 198-209.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит...: [Знаменитые гости Кавказских Минеральных Вод] / Вступ. ст. В. А. Мануйлова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. – 286 с.: ил.
- Из содерж.: Горская тетрадь: С. И. Танеев. – С. 191-198.
- Розенфельд Б. М.** Малоизвестный Кисловодск. – М.: Гелиос АРВ, 2005. – 272 с.: ил.
- Из содерж.: Дорогие места: С. И. Танеев. – С. 91-98.
- Розенфельд Б. М.** Танеев Сергей Иванович // Лермонтовская энциклопедия. – М., 1981. – С. 562.

Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. «Горская тетрадь» // Кавказ. здравница. – 1977. – 3 дек. – (Страницы прошлого).

Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. – 1886. – № 1.

Лузина Н., Тумаринсон Л. Жемчужина южная: Кисловодск глазами «курсовых»: [Из истории и культурной жизни Кисловодска начала XX в.] // Кавказ. здравница. – 2002. – 12, 13 февр. – С. 4, фото.

Урусбиева Ф. А. Просвещение и культура Балкарии в XIX – начале XX в. // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик, 1981. – С. 112-117.

Хаджиева Т. Исмаил Урусбаев и его сыновья // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. – М., 2001. – С. 132-137.

Юденич Н. О лирике Танеева: инструментальные циклы: К 125-летию со дня рождения композитора // Сов. музыка. – 1981. – № 12. – С. 80-84.

Вопросы организации науки на Северном Кавказе и ее истории в настоящее время приобретают особую актуальность, что связано с возросшими требованиями, которые ставит перед наукой всесторонний процесс реформирования российского общества. В этой связи обращение к опыту прошлого позволяет по-новому взглянуть на эти процессы.

Ведущую роль в организации и проведении научных исследований на Северном Кавказе сыграл Северо-Кавказский институт краеведения. Он возник в г. Владикавказе в мае 1920 г. по приказу Терского областного отдела народного образования в «целях приложения научных знаний и выводов к опытно-практической деятельности правительственных учреждений края (отдел народного образования, совнархоз, облземотдел)... При институте существуют научно-учебные вспомогательные учреждения: музей, библиотека, мастерские по изготовлению наглядных пособий для школ и народных университетов, биофизическая станция, ботанический и зоологические сады». Директором института с 1920 г. до начала 1923 г. был профессор, геолог С. А. Гатуев. После его отъезда в Ленинград им стал, утвержденный Наркомпросом Горской республики, Н. В. Виддинов¹⁰⁶.

Основными направлениями деятельности института являлись систематическое и всесторонне изучение Северного Кавказа, а также собирание материалов краеведческого характера для научного музея.

Реорганизация Горской республики в 1924 г. привела к автономному существованию областей Северного Кавказа, что организационно отразилось на становлении НИИ в каждой республике. В результате в июле 1925 г. постановлением второй краевой конференции по просвещению горских народностей Северо-Кавказский институт краеведения был закрыт «как ненужное учреждение, в котором сидят люди, зараженные великодержавным шовинизмом, продолжающие придерживаться старых методов и мешающие развитию и укреплению краеведческих организаций среди горских народов. Имущество его разделить между Северной Осетией и Ингушетией». В данный отрезок времени были образованы Северо-Осетинский и Чечено-Ингушский НИИ краеведения. В Чеченской, Адыгейской и других областях появились научные общества по изучению края.

Однако необходимость в общем координирующем центре организации всех научных исследований Северного Кавказа привела к образованию нового института. В ноябре 1926 г. по распоряжению правительства РСФСР постановлением № 73 Совнаркома в связи с ликвидацией института краеведения во Владикавказе в Ростове-на-Дону при Северо-Кавказском исполнительном комитете в ведении Краевого национального совета под

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф-А. 2307. Оп. 9. Д. 203. Л. 25.

общим наблюдением Главнауки по Северному Кавказу был организован Северо-Кавказский краевой горский НИИ краеведения. Фактически он приступил к работе в 1927 г.¹⁰⁷ Устав института соответствовал типичному положению о НИИ. Институт состоял из 11 штатных сотрудников и 13 научных практикантов (аспирантов), представлявших коренные народности Северного Кавказа.

Его директор с момента образования и до 1930 г. – карачаевец У. Алиев, ученый секретарь, заведующий отделом экономических исследований – армянин А. Гозулов, заместитель директора, заведующий отделом естественно-производительных сил – русский П. Ерохин, заведующий отделом культуры – русский А. Дьячков-Тарасов, заведующий лингвистическим отделом – русский М. Беляев.

По своей структуре институт состоял из четырех отделов: естественно-производительных сил, социально-культурного, лингвистического и экономического.

Основные задачи института заключались в научном изучении краеведческих материалов, касающихся естественно-производительных сил горских областей Северного Кавказа, морфологии и динамики этнографии горских племен, генетической и современной социологии материальной культуры национальных областей, языка и письменности, экономики горских народов в области сельского хозяйства, промышленности и обмена, в подготовке научных кадров из среды молодых горцев.

Основными методами проведения научных исследований были камеральные работы по изучению материалов, добытых в экспедициях, и полевые работы на территории Северного Кавказа, а также обучение научных практикантов (аспирантов).

Центрами научных исследований института являлись соответствующие отделы. В 1927-1928 гг. в отделе естественно-производительных сил научная работа проводилась по линии обработки материалов экспедиций в Чечню, Ингушетию и Осетию, в результате чего была составлена карта полезных ископаемых и природных ресурсов региона. Под руководством П. М. Ерохина и А. А. Сомова особое внимание было уделено курортам Чечни и Северной Осетии.

Отдел социальной культуры провел экспедиции в Карачай, Адыгею, Северную Осетию, Ингушетию и Кабардино-Балкарию для изучения социально-бытового уклада жизни горцев и его отражения в эпосе, преданиях, песнях, исследования горского права и психофизической природы горцев. Руководили экспедициями У. Д. Алиев, А. Н. Дьячков-Тарасов, профессор А. М. Ладыженский, А. М. Митрофанов, Д. Р. Рогаль-Левицкий, профессор Козловский. К экспедиционной работе привлекались сотрудники местных вузов, научных обществ и Государственного института материальной культуры.

¹⁰⁷ ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

В результате проделанной работы были определены или рассмотрены проблемы происхождения карачаевцев, русской колонизации Северного Кавказа в первой половине XIX в., выдвинут вопрос о средневековом Кавказе, произведено социально-демографическое обследование горского населения, собран материал по местному фольклору и т.д.

В связи с коренизацией края и переходом делопроизводства на языки национальных областей был образован лингвистический отдел, к которому позже присоединилась терминологическая комиссия по включению в горские языки специальных терминов.

В состав лингвистического отдела вошли следующие секции: горско-турецкая – руководитель У. Д. Алиев, горско-иранская – профессор Б. А. Алборов, ингушско-чеченская – З. Мальсагов, абхазско-адыгейская – профессор Н. Ф. Яковлев. Основные усилия ученые сосредоточили на разработке грамматик и словарей карачаевского, осетинского, чеченского, ингушского, адыгейского, кабардинского и черкесского языков.

Экономический отдел под руководством научного сотрудника института А. И. Гозулова в контакте с экспедицией профессора В. П. Христиановича провел обследование национальных областей для описания и анализа народного хозяйства и кустарной промышленности, выяснения экономической эффективности переселения горцев на плоскость¹⁰⁸.

В своей исследовательской деятельности институт обслуживал исключительно горцев. Однако различный уровень хозяйственного и культурного развития осложнял проведение научно-исследовательской работы.

Результаты научных исследований находили отражение в издательской работе института. Выпускались периодические издания «Бюллетень института», «Горский краевед», «Записки института», журнал «Революция и горец». Кроме того, каждый отдел НИИ выпускал научные труды, монографии, хрестоматии и другую научную литературу.

Фактически за два года институт провел большую работу по объединению научных сил, постановке проблем научного исследования национальных областей, изучению региона по вопросам экономики, культуры, быта и производительных сил. Результаты научной работы Горского института оказали существенное влияние на развитие указанных сфер общественной жизни народов Северного Кавказа, способствовали поднятию их уровня культуры. Собранные лингвистические, этнографические, архивные и другие научные материалы имеют актуальное значение для развития современного кавказоведения и изучения истории народов Северного Кавказа.

В 30-е гг. на содержании научных исследований стал сказываться плановый, идеологический характер эпохи «великого перелома» и «большого скачка». В 1930 г. деятельность института была обследована со стороны Главнауки Наркомпроса РСФСР. К недостаткам работы НИИ проверяющие

¹⁰⁸ ГАСК. ФР. 89. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

отнесли: отсутствие партийного влияния на ход научно-исследовательской работы, в результате чего создавались «аполитичные труды отдельных беспартийных специалистов»; недостаточность контроля за издаваемыми материалами, благодаря чему пропускались идеологически невыдержанные материалы; слабую связь с партийно-хозяйственными органами и бесплановость в организации научных исследований¹⁰⁹.

После проверки были внесены изменения в состав научных работников НИИ. Директором института был назначен доцент Северо-Кавказского коммунистического вуза Н. Г. Буркин, его заместителем и руководителем отдела социальной культуры – А. И. Менабде. Были пересмотрены планы работ института и его деятельности на основе марксистско-ленинского метода и мировоззрения и «в соответствии с задачами социалистического строительства в национальных областях Северного Кавказа».

Главное внимание института было сосредоточено на подготовке специалистов из среды горцев, «чтобы Горский НИИ превратился в центр по подготовке марксистско-ленинских научных кадров»¹¹⁰.

Аспирантура охватывала три специальности: экономику, историю, язык и литературу. В 1931 г. все аспиранты являлись членами или кандидатами в члены ВКП(б). Национальный состав обучающихся был представлен следующим образом: адыгейцев – 5, кабардинцев – 3, осетин – 3, чеченцев – 2, ногайцев – 1, ингушей – 2, карачаевцев – 2. Институт ставил целью подготовку научно-партийных кадров из горцев для национальных областей, «способных вести ленинскую исследовательскую работу в области общественных наук, быть преподавателями горских вузов и специалистами для работы в руководящих советских, хозяйственных учреждениях национальных областей».

Согласно положению «Об аспирантах Северо-Кавказского краевого горского НИИ» 1930 г. аспирантами зачислялись лица, обнаружившие способности к научно-творческой и научно-практической деятельности. Они утверждались советом института на 3-летний срок и вели свои занятия под руководством научных сотрудников. Штатными аспирантами могли быть только лица из среды северокавказских горских национальностей, не моложе 20 и не старше 35 лет, как окончившие вузы, так и не окончившие, но обладающие требуемыми знаниями и способностями к научной работе. К заявлению кандидата должны были прилагаться автобиография, отзывы общественных, партийных и профсоюзных организаций, документы о получении образования, копия военного документа и «научные работы, если есть»¹¹¹.

Предварительными условиями зачисления в аспиранты являлись устный коллоквиум, собеседование по марксистско-ленинской методологии (диамат, истмат, политэкономия) и избираемой специальности в пределах

¹⁰⁹ ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 8. Л. 204.

¹¹⁰ ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

¹¹¹ ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 8. Л. 198.

указанной литературы, а также письменная работа по избираемой специальности.

Обучение в аспирантуре проходило по истории, экономике, языковедению и литературе.

Работа аспиранта заключалась в углубленном изучении основных вопросов избранной им специальности и расширении его научного кругозора в области смежных дисциплин, в овладении марксистской методологией исследования, в освоении актуальных проблем социалистической реконструкции и культурного развития национальных областей Северо-Кавказского края. Кроме того, необходимо было выучить один или два иностранных языка в пределах свободного чтения книг по избранной специальности.

В результате смены в 1930 г. руководства Горского НИИ был обновлен состав научных работников и отчислены все научные практиканты. Согласно директиве крайкома ВКП(б) «Горский НИИ должен [был] превратиться в центр по подготовке марксистско-ленинских научных кадров из среды горцев».

В 1930 г. было набрано 18 аспирантов, которые являлись членами или кандидатами в члены ВКП(б): адыгейцев – 5, кабардинцев – 3, осетин – 3, чеченцев – 2, ногойцев – 1, ингушей – 2, карачаевцев – 2. Большинство аспирантов окончило комвузы, преимущественно КУТВ. Всего в институте на двух курсах насчитывалось 25 человек: 14 – на первом и 11 – на втором, а по национальному составу: адыгейцев – 6, кабардинцев – 2, осетин – 4, чеченцев – 4, ногойцев – 1, ингушей – 3, карачаевцев – 1, черкесов – 2, даргинцев – 1 и лезгин – 1¹¹². Фактически в институте было представлено большинство национальностей Северного Кавказа.

Достаточно четко определялась профильность аспирантов. Институт ставил своей целью «подготовку из аспирантов научно-партийных кадров из горцев для национальных областей Северного Кавказа, способных вести ленинскую исследовательскую работу в области общественных наук, быть преподавателем горских вузов и специалистами для работы в руководящих советских, хозяйственных учреждениях национальных областей»¹¹³. Как видно, институт превращался в кузницу новых кадров партийных и советских работников, которые должны были вести социалистические преобразования в национальных республиках на научной основе.

Секция языка и литературы готовила квалифицированных работников для научно-исследовательских учреждений национальных областей Северного Кавказа и Дагестана, а также преподавательский состав для национальных вузов и национальных отделений педвузов, работников терминологических комиссий.

Экономическая секция специализировалась на подготовке квалифицированных работников-экономистов, промышленников и аграрников для научно-исследовательских учреждений национальных

¹¹² ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 40. Л. 21.

¹¹³ Там же. Л. 25.

областей Северного Кавказа и Дагестана, а также преподавательского состава для национальных вузов и педвузов, специалистов-экономистов для плановых и хозяйственных органов.

Историческая секция готовила квалифицированных работников в области истории народов СССР и горских народов для научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа и Дагестана, преподавательский состав для национальных вузов, научных работников по истпарту, разработке истории Октябрьской революции и гражданской войны в национальных областях. При этом особое внимание аспирантов-историков обращалось на теоретическое и историческое изучение национально-колониального вопроса в связи с проблемой социалистической революции на Советском востоке¹¹⁴.

Экспедиционное и разведочное исследование естественных богатств национальных областей уже не входило в задачу Горского НИИ. Главное внимание сосредотачивалось на изучении истории горских народов с точки зрения выявления классовой борьбы, а также грамматик и терминологий горских языков.

В результате сужения целей и задач научных исследований Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт краеведения в 1934 г. постановлением президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета был реорганизован в Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт с двумя отделениями: истории, языка и литературы. Работа по изучению естественных богатств края была перенесена в созданные к этому времени национальные краеведческие и отраслевые НИИ.

Соответственно изменились цели научных исследований НИИ. В области истории – собирание, систематизация и издание документов по истории горских народов Северного Кавказа и Дагестана. При этом акцент делался на изучение классовой борьбы и национально-освободительного движения в XIX-XX вв., истории Октябрьской революции и гражданской войны. Исходя из целевой подготовки, историческое отделение состояло из двух отделов: истории классовой борьбы и национально-освободительного движения и истории Октябрьской революции и гражданской войны.

В области языка и литературы цель заключалась в систематическом и всестороннем изучении проблем теории и истории языков и литературы тюркских народностей Северного Кавказа и Дагестана. Отделение языка и литературы состояло из двух отделов. Сектор языка занимался методологией языковедения, изучением научных грамматик чечено-ингушского, осетинского, адыгейского, кабардино-черкесского, абазинского, дагестанского, карачаево-балкарского, ногайского и кумыкского языков. Сектор литературы специализировался на методологии литературоведения и истории горских литератур Северного Кавказа и Дагестана. Среди выполненных тем следует отметить «Очерки чеченской грамматики», «Синтаксис карачаево-балкарского языка», «Абазины и абазинские

¹¹⁴ ГАСК. ФР. 1260. Оп. 1. Д. 44. Л. 25.

диалекты», «Кумыкские диалекты и грамматика кумыкского языка», «Очерки экспериментальной фонетики языков Северного Кавказа и Дагестана» и другие.

В 1935-1937 гг. Северо-Кавказский горский историко-лингвистический институт им. С. М. Кирова располагался в Пятигорске – новой административной столице Северо-Кавказского края. По постановлению президиума Орджоникидзевского краевого исполнительного комитета от 5 сентября 1937 г. институт был ликвидирован.

За свою небольшую историю Горский НИИ краеведения выполнил громадную и разностороннюю научную и организационную работу. Фактически его деятельностью были заложены основы научно-исследовательской работы в регионе и открыты НИИ во всех республиках Северного Кавказа. Поставленные сотрудниками института широкие научные проблемы в области экономики, культуры, истории, этнографии и в других областях позволили за короткий промежуток времени накопить научный материал, результаты которого частично нашли свое отражение в многочисленных публикациях и практической деятельности. В результате огромной работы секций было положено начало развитию письменности народов Кавказа и изучению их языков и литературы, составлению истории народов Северного Кавказа.

Деятельность Горского научно-исследовательского института способствовала объединению всех научных сил высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и вспомогательных учреждений в единое научно-образовательное пространство Северного Кавказа, которое получило свое развитие в последующие годы.

*С. Б. Калинин, кандидат
исторических наук, доцент кафедры истории СГАУ*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций: Справочник. – 2-е изд. / Центр бюро краеведения. – Л., 1927. – 205 с.

Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения. № 1-4. – Ростов н/Д., 1927.

№ 1. – Июнь. – 60 с.

№ 2-4. – Июль – сентябрь. – 87 с.

Горский краевед: Сб. программ по собиранию краевед. материалов в нац. областях Север. Кавказа. Ч. 1. – Ростов н/Д.: Крайнациздат, 1928. – 71 с.: ил.

Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского ин-та. Т. 1. – Ростов н/Д., 1928. – 272 с.

Из содерж.: Ерохин П. М. Горные курорты Чечни. – С. 3-32; Щепкина О. И. Лекарственные и технические растения автономных областей и республик Северного Кавказа. – С. 33-82; Микей И. Я. Геологический очерк Военно-Сухумской дороги. – С. 83-112; Кречмер У. У. Недровые богатства Карачая. – С. 113-116; Яковлев Н. Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. – С. 117-128; Алиев У. Д. О принципах

составления карачаево-балкарской грамматики. – С. 129-135; Дьячков-Тарасов А. Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь. – С. 137-150; Ладыженский А. М. Очерки социальной эмбриологии. – С. 151-187; Жак Д. К. Грамотность в национальных автономиях края. – С. 187-194; Яковлев Н. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. – С. 195-204; Самарский А. Я. Культурная революция и кадры культурников-националов. – С. 205-214; Гиваргизов А. Объединенный горский архив. – С. 215-217; Вязигин А. А. Некоторые источники для культурно-исторического изучения горских народностей в архивах Северного Кавказа. – С. 219-222; Черняев П. Как изучал П. К. Услар язык убыхов. – С. 223-225; Ерохин П. М. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института с 1 марта 1927 по 1 июня 1928 года. – С. 227-230; Алиев У. А. Книгоиздательское дело на национальных языках Северного Кавказа. – С. 231-243; Ямпольский М. Л. Северо-Кавказское краевое бюро краеведения. – С. 245-249; Библиография: Ладыженский А. М. Проф. Дирр в Мюнхене. Об обычном праве кавказских горцев; И. Гозулов. Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей; Ямпольский М. Л. Издательская деятельность Осетинского научно-исследовательского института. – С. 251-262; Микей И. Новые книги по геологии Северного Кавказа. – С. 262-271.

Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского ин-та. Т. 2. – Ростов н/Д., 1929. – 270 с.

Ямпольский М. Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1927. – 73 с.

Алиев У. Д. Краеведение в национальных областях Северо-Кавказского края и его организация // Краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1928. – № 3-4. – С. 3-9.

Алиев У. Д. Тезисы доклада У. Д. Алиева «О желательности объединения работ национальных [горских] институтов» [на совещании краеведов Северо-Кавказского края 9-10 июня 1928 г. в Ростове-на-Дону] // Краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1928. – № 1-2. – С. 205-206.

Бодров А. И. О состоянии и задачах краеведческой библиографии на Северном Кавказе // Советское краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1933. – № 2. – С. 47-55.

Воскресенский А. И., Ямпольский М. Л. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития // Краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1928. – № 1-2. – С. 6-19.

Горский научно-исследовательский институт: Отдел экономических исследований и отдел социальной культуры // Краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1928. – № 1-2. – С. 155-156.

Краевой горский институт: (Доклад о деятельности Института в Комиссии государственного ученого совета 27 июня 1929 г.) // Записки Северо-Кавказского горского научно-исслед. ин-та. – Ростов н/Д., 1929. – Т. 2. – С. 295-314.

Петерсон Э. Р. Задачи краеведения на Северном Кавказе во второй пятилетке // Сов. краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1933. – № 2. – С. 5-9.

Петров Ф. Н. Краеведение и социалистическое строительство: (Доклад на III Всероссийской краеведной конференции 12 декабря 1927 г.) // Известия Центрального бюро краеведения. – М., 1928. – № 1. – С. 9-17.

Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // Историк-марксист. – 1934. – № 3.

Тахо-Годи А. Краеведение в нацреспубликах и областях // Советское краеведение. – 1931. – № 4. – С. 15-20.

Ямпольский М. Л. Краеведческие организации Северо-Кавказского края // Краеведение на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1928. – № 1-2. – С. 108-112; № 3-4. – С. 67-70.

Белоконь В. В. К истории кавказоведения 1920-1930-х годов: [История создания и деятельности Северо-Кавказ. краев. горского ин-та краеведения] // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. – Ставрополь, 2001. – С. 622-631.

Колесникова М. Е. Краеведческое движение на Северном Кавказе в 1917 – 1930 гг. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докл. межрегион. науч. конф. (12-15 апр. 2001 г.). – Ставрополь, 2001. – С. 192-197.

Чеснокова Г. Д. Архивные материалы об истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института, (1927 – 1937 гг.) // Текст: Узоры ковра: Сб статей научно-метод. семинара «ТЕХТУС». – Ставрополь, 1999. – Вып. 4, ч. 1. – С. 150-165.

Прайсман Л. Б. Прерванный полет, или назад, в будущее // Ставроп. правда. – 1999. – 26 мая.

В наши дни Моздок – не только один из многонациональных городов Северной Осетии–Алании, но и центр развитого сельского хозяйства и промышленности, который прошел путь от крепости до города.

В последней четверти XVIII в. главной задачей внешнеполитического курса российского правительства была колонизация Предкавказья. Указ от 9 декабря 1762 г. положил начало возведению крепостей на кордонной линии от Кизляра до Моздока. Началось государственное освоение новых территорий, в результате которого возникали новые села, станицы, города, строились крепости¹¹⁵.

Поводом к возникновению крепости Моздок послужили междоусобицы кабардинцев, расколовшие народ на два враждебных лагеря, причем большая их часть добивалась покровительства крымского хана. Для предотвращения укрепления власти хана над Кабардой Екатерина II удовлетворила прошение владельца Малой Кабарды К. Кончокина и разрешила ему вместе со своими подвластными (до 40 дворов) переселиться на левый берег Терека. В доказательство верности России и императрице К. Кончокин и его семейство приняли в Санкт–Петербурге святое крещение. Екатерина II пожаловала К. Кончокину чин подполковника и разрешила ему выбрать любое урочище на левом берегу Терека. Его выбор пал на Моздок («Мез-догу» – в переводе с кабардинского означает «Дремучий лес»)¹¹⁶. Новая крепость из-за малочисленности её обитателей не смогла бы отразить возможное нападение. Поэтому императрица объявила горцам, желающим поселиться в Моздоке и принять крещение, о пожаловании денежной суммы в размере 10 руб. узденям, а простым людям – 5 руб. Этой мерой Екатерина II сравнительно быстро достигла желаемого, так как за короткое время число жителей новой крепости значительно увеличилось. Общими усилиями горцев и казаков Моздок к 1763 г. превратился в укрепленный форпост с двумя казенными домами и небольшой деревянной церковью, ставшей в дальнейшем центром миссионерской деятельности на Кавказе. Через 2 года здесь уже действовала таможня, а в самой крепости были свой лекарь и школа для обучения русскому языку и Закону Божьему. Хозяйственная деятельность Моздока и выгодное его расположение на торговых путях привлекали сюда население из соседних регионов. Кроме военнотружущих, отставных солдат и чиновников, здесь обустривались русские, армяне, грузины, черкесы, осетины и кабардинцы.

¹¹⁵ Город Моздок: Ист. очерк. – Владикавказ, 1995. – С. 22.

¹¹⁶ Краткий путеводитель и дорожник по Терской области и Кавказским Минеральным Водам // Терский календарь на 1891 г. – Владикавказ, 1890. – Отд. 3. – С. 185-186.

Жители Моздока разбивали виноградники и делали превосходное вино, выращивали тутовые сады и занимались шелководством, разводили скот и домашнюю птицу, а также возделывали поля и сеяли хлеб. Одним из главных занятий населения была торговля. Предприимчивые торговцы, в основном армяне и грузины, вкладывали свои капиталы в Астраханскую, Джульфинскую и Персидскую торговые компании.

На административное устройство Моздока повлияло первоначальное его предназначение как оборонительной крепости. Управление сосредотачивалось в руках коменданта. Поскольку Моздок сложился как многонациональный город, «насадить» в нем определенную систему управления было трудно, так как у каждой национальной группы были свои «обычаи управления», которых они и придерживались. Для предотвращения недовольства с их стороны российское правительство не запрещало им жить по вековым традициям. Однако проживающие в Моздоке национальные группы независимо от их традиционного управления обязаны были подчиняться коменданту¹¹⁷, который о своих действиях отчитывался перед Астраханским губернаторским правлением.

Таким образом, со строительством крепостей в Предкавказье начала формироваться система управления. Ее развитие определили близость театра военных действий, многонациональный состав и малочисленность населения.

Для усиления охраны южных границ правительство Екатерины II приняло решение о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии. Подготовкой ее проекта занялся Г. А. Потемкин. К апрелю 1777 г. проект был окончательно принят и утвержден Екатериной II. Разработанный план представлял собой укрепленную линию, протянувшуюся от Азова до Моздока с 10 крепостями, рядом форпостов и редутов. Для организации управления краем 5 мая 1785 г. вышел указ о создании Кавказского наместничества, состоящего из двух областей: Кавказской и Астраханской. Среди многочисленных городов Кавказской области Моздок получал статус уездного города.

В январе 1786 г. Кавказское наместничество распорядилось об открытии в новых уездах присутственных мест, состоявших из магистрата и нижнего земского суда. Чтобы не затягивать введение гражданского управления на местах, в феврале 1786 г. в города Кавказской губернии специально были направлены чиновники. Открытие присутственных мест начиналось с прочтения высочайшего повеления и благодарственного молебна. В Моздоке и Кизляре вся ответственность за это возлагалась на надворного советника Зряхова.

Несмотря на изменение административного статуса крепостей Центрального и Восточного Предкавказья, для достижения состояния процветающих городов им потребовалось не одно десятилетие. Важную роль по преодолению трудностей в становлении городов, как будущих центров

¹¹⁷Бентковский И. В. Историко-статистические сведения о г. Моздоке // Сб. стат. сведений о Ставроп. губернии. – Ставрополь, 1871. – Вып. 4. – С. 20.

Северо-Восточного Кавказа, сыграли магистраты. Первоначально этот орган самоуправления наделялся административно-судебными функциями. Но очень часто на местах магистраты занимались благоустройством городов, решали социально-экономические и финансовые проблемы, которые особенно остро стояли в этот период.

Немало проблем пришлось решать правительству в Моздоке. Открытые в нем в феврале 1786 г. присутственные места не успели проработать и год, как в доме, в котором они размещались, произошел пожар. По сообщению моздокского коменданта Таганова, в ночь «... с 23 на 24 ноября 1786 г. в Моздокских присутственных местах произошел пожар... от неосторожности инвалидной роты гарнизонного батальона солдат (заменивших сторожей), которые с вечера топили печь, закрыв трубы, а от трубы загорелись покои, когда они проснулись... уже загорелась камышовая крыша... спасти постройку не удалось... часть разломилась, а остальное сгорело до основания»¹¹⁸. Решение вопроса о приобретении нового дома для присутственных мест ложилось на городское общество.

К этому времени Моздок по сравнению с другими городами Предкавказья был одним из развитых. К 1786 г. в нем проживали 4 купца, 8 мещан (русских), новокрещенных из различных наций – 181 человек, 14 греков, 445 грузин, 4 армян – католиков, 388 армян – григориан. Нередко в Моздокский магистрат обращались иногородние купцы с просьбой «приписать» их в купечество или мещанство города, так как Моздок фактически до конца XVIII в. оставался одним из главных торговых центров Предкавказья. Так, в 1786 г. кизлярский житель И. Григорьев обратился в Моздокский магистрат с просьбой записать его на время в местное купечество с платежом в правительственную казну 50 руб. годовых. Со своей стороны магистрат по этому вопросу принял единственное решение – передал дело И. Григорьева на рассмотрение в губернский магистрат. Это еще раз свидетельствовало о подавлении инициативы на местах и неразвитой правовой базе самоуправления как института.

С изменением административного статуса у новых городов прибавились финансовые проблемы. Из-за отсутствия постоянных источников дохода органы самоуправления не могли решать вопросы городской жизни. Поэтому неоднократно они вынуждены были обращаться в высшие инстанции с прошениями помочь решить данную проблему.

Так, летом 1786 г. Моздокский магистрат обратился с рапортом в губернский магистрат, в котором сообщал: «Хотя в силу изданного Ее императорского Величества 1785 г. городского положения и определены городу доходы из коих употреблять повелено часть – на содержание магистрата и прочих людей, коим по городской службе жалование определено, но как иные еще никаких доходов по новости учреждения в приход не поступает, почему магистрат претерпевает большой недостаток»¹¹⁹. Одной из главных причин такого положения дел, по мнению

¹¹⁸ ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

¹¹⁹ ГАСК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

магистрата, являлась малочисленность купеческого сословия, так как на 1786 г. о своих капиталах объявили только 8 купцов. Выход из сложившейся ситуации магистрат видел в пополнении доходов с городской земли, водяных мельниц, питейной продажи и торговли.

Расположение Моздока, как впрочем, и других городов Предкавказья, вблизи театра военных действий наложило свой отпечаток на его развитие. Одной из тяжелых повинностей, которую несли горожане, был военный постой. Проходившие через город военные полки местные власти размещали в домах горожан. По этому поводу летом 1786 г. бургомистр, ратманы и моздокский городской голова обратились к коменданту с просьбой о «сведении постоя» с их квартир, так как положенный срок к этому времени уже прошел. К тому же, у бургомистра магистрата были финансовые проблемы, поэтому свою квартиру он едва мог содержать. На это комендант ответил отказом, объясняя его отсутствием свободных домов. А по справке оказалось, что в Моздоке есть свободное жилье для размещения военных чинов.

Чтобы дать возможность купечеству и дворянству открыть свое дело на Кавказе, 2 июня 1786 г. вышел манифест, дающий право городам Предкавказья получать кредит в государственном заемном банке. Выдачей кредитов должны были заниматься главный директор банка и наместник Кавказа. Чтобы обеспечить возврат кредитов, по предложению сенатора П. В. Заводовского каждому городу, который брал денежный кредит, необходимо было предоставить «благонадежность возврата» и «средства» под залог. Эти меры предосторожности объяснялись нестабильным социально-экономическим положением городов Центрального и Восточного Предкавказья.

Моздокское общество, выслушав в магистрате манифест императрицы, единогласно выразило желание воспользоваться кредитом, чтобы «...производить торговлю в здешнем городе для общественного продовольствия, промыслов...»¹²⁰. Но так как многие представители купеческого сословия недавно поселились в Моздоке и еще не успели развернуть свое дело и получить стабильную прибыль, было принято решение взять только 5 тыс. руб. Контролировать процесс получения кредита, а также его выплаты поручалось Моздокскому магистрату.

Важным событием для Моздока стало открытие в 1793 г. двух монастырей – мужского и женского, а также учреждение викарной епископской кафедры, во главе которой стоял преосвященный Гай, епископ Моздокский и Маджарский. В этом же году в городе был открыт верхний пограничный суд, который непосредственно занимался судебными разборами различных дел.

Решающую роль в жизни города Моздока сыграла Жалованная грамота Павла I от 15 апреля 1799 г., дарованная армянам, которая подтверждала «все прежние права и преимущества» их для «... возбуждения начатых ими полезных заведений»¹²¹. Чтобы дать возможность развернуть свое дело,

¹²⁰ ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

¹²¹ ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

грамота на 10 лет освобождала армян от уплаты налогов в пользу государства. Но самое главное, они имели право не исполнять рекрутскую повинность. Постоянная повинность их касалась только в тех случаях, когда «... воинские команды мимо селений армянских проходить должны». Дарованные армянам права позволяли им беспрепятственно заниматься торговыми операциями и «коммерческими» делами. В дальнейшем при каждом удобном случае армяне заявляли о своих правах.

Правовое положение органов городского самоуправления наиболее полно отражено в журналах Кавказского губернского правления. Так, на сообщение Моздокского магистрата в марте 1805 г. о «чрезмерных властных полномочиях» полицмейстера Таганова и его «домогательного требования ведомостей о приходе и расходе за 1804 г.», а также доставки в полицию рабочих и строительного материала «для укрепления», правление предписало магистрату выполнить все требования полицмейстера и «не заниматься бесполезной перепиской», а больше содействовать полиции. Не получил одобрения Моздокский магистрат и в самостоятельном назначении выборов на должность ратмана, так как избранный мещанским обществом в 1803 г. ратман Ф. Негодяев за противозаконные действия был отстранен от должности, а его место занял купец 3-й гильдии Н. Ветров. Губернское правление потребовало подробный отчет по этому делу.

Одной из особенностей формирования управленческой сферы в Предкавказье было то, что в первой половине XIX в. в одних городах действовали думы и ратуши, а в других их функции выполняли словесные суды, городничие и коменданты. Подобная ситуация наблюдалась и в Моздоке, где долгое время в связи с многонациональным составом населения проблемы решали армянские и словесные суды, а полнота власти была сосредоточена в руках комендантов.

К примеру, весной 1810 г. в губернское правление обратился моздокский комендант Диянов с прошением опубликовать в публичных ведомостях объявление о вызове наследников умерших штаб-лекаря Веникова и вдовы Сизилуовой для получения оставшихся после них домов. Рассмотрев это дело, правление во главе с гражданским губернатором М. Л. Малинским постановило, что в связи с неявкой наследников оставшуюся недвижимость после умерших продать с публичного торга и передать деньги в казну. В то же время, если комендант, а также армянский и словесный суды, посчитают нужным, использовать эти дома для постоянной повинности.

Становление системы местного самоуправления в Моздоке происходило постепенно под влиянием сложившихся традиций и близости театра военных действий. Так, после предоставления отчета, составленного кавказским губернатором И. В. Гудовичем о состоянии гражданского управления в Предкавказье в 1808 г., последовал высочайший указ. Согласно ему полиция Моздока «соединялась в одну власть» и подчинялась коменданту, а «городничего же к герольдии (возвратить) для определения к

другому месту»¹²². Упразднение этой должности объяснялось тем, что «город Моздок есть пограничный и весь нераздельно состоит в крепости и что форштат от него занят одними только казаками набираемой из горцев команды под воинским началом состоящей».

Начало XIX в. для России было связано с войнами, которые она вела непрерывно, что требовало мобилизации финансовых, материальных и людских ресурсов. Наиболее тяжелой была Отечественная война 1812 г. На всей территории государства шёл сбор средств в поддержку армии. Не осталось в стороне и население Предкавказья. Организатором этой помощи на местах вместе с властями выступило городское самоуправление.

В августе 1812 г. думы и ратуши получили из губернского правления манифест императора Александра I «О составлении внутри государства новых сил», в котором речь шла о начале войны и о защите Отечества, о сборе всенародного ополчения. В Моздоке после объявления манифеста императора только грузинское общество пожертвовало 300 руб.¹²³ Одновременно в городах Предкавказья создавалось ополчение. В Моздоке во главе 15 дворян стоял уездный предводитель дворянства князь Туманов.

В первой половине XIX в. система управления в Моздоке претерпела изменения. Должность городничего была упразднена еще в 1808 г., а вся власть сосредоточилась в руках коменданта. Ему подчинялась не только полиция, но и дума. Таким образом, гражданское управление находилось в подчинении у военного (коменданта), что нарушало главные принципы Жалованной грамоты городам. Свое недовольство по этому поводу выразил гражданский губернатор М. Л. Малинский, направивший в 1814 г. «записку» в Министерство полиции, в которой описал состояние гражданского управления в Предкавказье¹²⁴. Занимаясь делами городского самоуправления, М. Л. Малинский одной из причин его медленного становления считал малочисленность чиновничьего аппарата.

Учитывая особенности Предкавказья, правительство в первой половине XIX в. предприняло меры по реформированию действовавшей системы управления. После преобразования в 1822 г. Кавказской губернии в область и перенесения присутственных мест в Ставрополь был поставлен вопрос о пересмотре системы управления области. 6 февраля 1827 г. было издано новое положение «Учреждение для управления Кавказской областью»¹²⁵. В нём впервые оговаривались выборы городского головы в многонациональных городах, где предлагалось их проводить по баллам «из кандидатов от каждого общества». Новое учреждение для управления Кавказской областью долго обсуждалось общественностью. Среди многочисленных проектов, представленных на рассмотрение в Министерство внутренних дел и Сенат, проект генерала Головина непосредственно касался Моздока. Он предложил следующие нововведения.

¹²² ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 275-а. Л. 1.

¹²³ СГКМ. Ф. 8. Д. 1. Л. 82.

¹²⁴ ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 734. Л. 134.

¹²⁵ Полн. собр. законодательства. – СПб., 1830. – С. 107.

Исходя из социально-экономического развития городов Предкавказья, генерал Головин внес ряд предложений об организации в них управления. К этому времени Моздок уже не мог претендовать на статус развитого города, поэтому было предложено в связи с малочисленностью населения оставить его заштатным городом, закрыв в нем полицейское управление, окружной и армянский суды. Вместо них должна была функционировать ратуша, а если пожелают горожане, то оставить думу и совестный суд. В связи с этим дела армян, которые на основании грамоты от 1799 г. велись в Кизлярском и Моздокском судах, передавались в Кавказский областной суд.

Пока в правительстве обсуждался проект управления Кавказской областью, на местах действовала система управления, введенная по положению 1827 г. Социально-экономическое развитие городов Предкавказья фактически определяло деятельность органов местного самоуправления. На протяжении многих лет в Моздоке вызывал непримиримые разногласия вопрос о городской думе, состоявшей из гласных от сословий (в данном случае – наций). Трудноразрешимые проблемы возникали во время выборов городского головы и гласных думы. Имели место случаи, когда национальные общества отказывались участвовать в выборах. Поэтому городское самоуправление в Моздоке, а также в Кизляре было сведено к регулярно действовавшим армянским судам.

Подобная ситуация наблюдалась в этих городах в январе 1828 г., когда на очередных выборах городских должностей грузины и казаки отказались принимать участие в избрании городского головы, гласных думы и членов словесного суда. Для решения возникшей проблемы Кавказское областное правление предложило «... посредством полиции, армянского суда и старшин грузинского и казацкого сословий внушить им жителям городов непрременную обязанность приступить к узаконенному выбору градского головы, который может быть избран из всех наций по большинству голосов всего градского общества, а гласные могут быть избраны или же от общего всех согласия»¹²⁶. Разъяснение горожанам важности работы думы и городского головы желаемого результата не принесло. Подчиняясь указам местных властей в Моздоке, словесный суд избрал все-таки на должность главы города купца Н. Авдюнина.

В первой половине XIX в. Моздок славился своими ярмарками. Русские купцы привозили сукно, ситец, меха, изделия из металла и стекла, хлеб; грузины и персы торговали здесь табаком, кофе и вином. Город фактически обустроивался за счет сборов от ярмарочных торгов. Так, во время апрельской ярмарки в 1834 г. было продано товаров на 32640 руб. Состояние экономики в городе отразилось и на процессе формирования местного самоуправления, финансовое обеспечение которого должно было взять на себя население.

Преобразования 1822 г. затронули и Моздок. По инициативе А. П. Ермолова с этого года начался перенос Военно-Грузинской дороги с правого

¹²⁶ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 391. Л. 72.

берега Терека на левый, что в значительной мере повлияло на социально-экономическое развитие Моздока. Проводя эти мероприятия, правительство предвидело снижение его военно-политического значения на Кавказе. По этому поводу А. П. Ермолов в 1822 г. в рапорте на имя министра императорского двора и уделов П. М. Волконского писал: «... и упразднится Моздок – место одно из самых убийственных – там госпиталь и карантин, которые перенесутся»¹²⁷.

Очередные преобразования в управлении были проведены в октябре 1838 г., когда правительство решило вместо армянского суда открыть в Моздоке ратушу. Указом от 9 ноября 1838 г. Моздок по «малочисленности населения» получил статус заштатного города¹²⁸. Окружной суд, полицейское управление и армянский суд были закрыты, а вместо них учреждалась ратуша, которая функционировала вместе с городской думой.

Несмотря на преобразования в сфере управления, нередко между органами самоуправления и местными властями возникали конфликты. Заявление о бездействии думы было одним из наиболее распространенных обвинений. По поводу одного из них моздокский городской голова Улуханов давал объяснения гражданскому губернатору. В 1843 г. моздокский комендант полковник Циклауров подал жалобу на думу в связи с тем, что она не исполнила его требований при строительстве укреплений для отражения возможных нападений горцев. По рапорту городского головы оказалось, что дума предоставляла коменданту как рабочих, так и необходимые стройматериалы.

После объявления в 1838 г. Моздока заштатным городом Моздокско-Кизлярское окружное управление было переведено в Кизляр, а присутственные места, кроме думы, в Моздоке закрывались¹²⁹. Как и в других городах Предкавказья, главной задачей думы являлось заведывание доходами и расходами. В 1845 г. мещане Моздока подали на нее жалобу гражданскому губернатору, обвиняя думу в сильном завышении подати с мельниц, которая выросла с 2 руб. до 4 руб. серебром. К тому же, каждый приезжающий на мельницу обязан был заплатить в думу пошлину за скот. С повышением выплат мельницы стали терять доходы, так как население перестало пользоваться их услугами, находя более дешевые места. На просьбу мещан снизить подать губернатор ответил отказом. Он объяснил, что действия думы не были противозаконными, а сбор податей, осуществляемый по приходно-расходным ведомостям, утвержден самим начальником области.

Не проводя коренных преобразований в системе управления Предкавказьем, правительство указом от 2 мая 1847 г. преобразовало Кавказскую область в Ставропольскую губернию¹³⁰. Округа были трансформированы в уезды. Заштатный Моздок вошел в состав Кизлярского

¹²⁷ Город Моздок: Ист. очерк. – Владикавказ, 1995. – С. 54.

¹²⁸ ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 491. Л. 43–44.

¹²⁹ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1335. Л. 144.

¹³⁰ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

уезда. Статус заштатного города определил дальнейшее развитие Моздока. С 1843 г. в нем прекратил работу уездный суд, занимавшийся вопросами приобретения недвижимости. Теперь горожане для оформления таких документов были вынуждены отправляться в Ставрополь или Пятигорск. Для горожан это стало крайне невыгодно. Поездка для оформления купчей и акта на владение обходилась очень дорого. Поэтому в Моздоке заключались сделки между горожанами без официального оформления документов. Как правило, это заканчивалось размолвками и начинались бесконечные тяжбы между жителями.

Чтобы предотвратить разорение обывателей, городской голова обратился в 1851 г. к гражданскому губернатору с просьбой разрешить Моздокской ратуше оформлять документы на недвижимость. В прошении он подчеркнул, что без акта на владение недвижимостью домовладелец не платит пошлину в казну, которая теряет таким образом неплохую прибыль.

Рассматривая отчеты по Моздоку, управляющий гражданской частью в 1852 г. предложил сократить городские расходы, упразднив городскую думу, а её функции возложить на ратушу и городского голову. По приказу губернского правления об изменениях в системе управления Моздока сообщалось городскому голове и поручалось ему пригласить членов ратуши и думы для составления проекта устройства новой ратуши.

Согласно проекту, представленному в правление, городской голова считал необходимым предоставить ратуше на основании закона 1846 г. право совершения «... актов, кои дозволены уголовным судом» на сумму до 1500 руб. серебром¹³¹. Таким образом, моздокский городской голова в своем проекте затронул немаловажную проблему – отсутствие органа управления, ведающего вопросами недвижимости. После рассмотрения отчета и проекта моздокского городского головы губернное правление распорядилось в 1852 г. вместо ратуши и думы открыть в Моздоке магистрат.

Однако по представлению кавказского наместника 4 сентября 1853 г. вышел указ, согласно которому в заштатном г. Моздоке дума и ратуша соединялись в один орган под названием Моздокская городская ратуша. Фактически это был проект, представленный моздокским городским головой и утвержденный Ставропольским губернским правлением. Но из него правительство исключило пункт о переименовании Моздокской ратуши в магистрат, так как проблемы заштатного города вполне мог решить этот орган самоуправления без увеличения штата служащих.

После окончания Кавказской войны в Моздоке развернулась активная городская жизнь, несмотря на статус заштатного города. В 1860 г. моздокский городской голова Я. Улуханов обратился к гражданскому губернатору с просьбой от армянского общества открыть в городе клуб. Свое прошение оно мотивировало желанием «...развить однообразную общественную жизнь, проводимую уединенно в своих домах, сблизиться с сословиями русских и иметь общее место для развлечений, коммерческих и

¹³¹ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2845. Л. 27.

промышленных переговоров». Содержание клуба должно было осуществляться за счет взносов посетителей и гостей города. Распоряжение клубом общество предоставляло «достойным из почетных» граждан Моздока и если согласятся – дворянам. В декабре 1860 г. гражданский губернатор передал армянскому обществу Моздока разрешение от кавказского наместника на реализацию данного проекта.

В это время стала заметно налаживаться экономика Моздока. В городе были построены 2 свечных и 2 мыловаренных завода братьев Евангуловых, которые после объединения превратились в крупные мыловаренный и свечной заводы¹³². С развитием каменного строительства в Моздоке повысился спрос на кирпич, что дало толчок к устройству 4 кирпичных заводов. С 1863 г. в городе началось строительство одного из крупных на Северном Кавказе винокуренного завода Ходжаева, а с 1865 г. стали действовать 2 водочных завода.

Еще в 1865 г. жители города обратились к кавказскому наместнику с прошением отделить их от Ставропольской губернии и присоединить к Терской области «... со всеми правами и преимуществами, какими он пользуется». Свое прошение они объясняли тем, что Моздок находится далеко от Ставрополя, поэтому горожане сталкиваются с большими затруднениями при обращении к «начальству» губернии. В связи с многочисленными преобразованиями административно-управленческой системы городов Предкавказья Моздок ко второй половине XIX в. стал своеобразным центром казачьего войска. Горожане вели торговлю в основном с казаками и народами Кавказа. К тому же, из-за подчинения Моздока «в военном отношении» начальству Терской области гражданские и уголовные дела жителей рассматривались в ней.

По этому вопросу к губернатору обращался непосредственно начальник Терской области с поддержкой прошения жителей Моздока. Он подчеркнул, что при образовании Терской области из бывшего левого крыла Кавказской линии в ней не было гражданских учреждений, поэтому Моздок оставался в Ставропольской губернии. Однако положение области стало меняться с введением в ней гражданского управления. Рапорт начальника Терской области и прошение жителей Моздока были рассмотрены правительством. Указом от 29 ноября 1866 г. город Моздок был причислен к Терской области¹³³.

В истории г. Моздока открывалась новая страница. Несмотря на изменения в административно-управленческой сфере, во второй половине XIX в. наметились тенденции экономического подъема, связанные, прежде всего, с окончанием Кавказской войны и притоком населения. В это время Россия стояла на пороге новых реформ, которые Моздок встретил как город Терской области.

*Н. А. Ряснянская, кандидат
исторических наук, старший преподаватель СГАУ*

¹³²ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5137. Л. 1 об.

¹³³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4939. Л. 33.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бентковский И. Историко-статистические сведения о г. Моздоке // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1871. – Вып. 4. – Отд. 1. – С. 5-39.

Город Моздок: Ист. очерк / Северо-Осетинский ин-т гуманит. исслед.; Отв. ред. А. Г. Кучиев. – Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 1995. – 279 с.

Гниловской В. Азово-Моздокская оборонительная линия // Памятники Отечества. Земля Ставропольская. – 2002. - № 48. – С. 42–47.

Екатеринодар, Моздок // Кавказский календарь на 1850 г. – Тифлис, 1849. – Отд. 3. – С. 1–119.

История Кабарды с древнейших времен до наших дней. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 394 с.

Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1981. – 232 с.

Ларина В., Бежанов И. Моздок: Ист. очерк. – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1970. – 178 с.

Малахова Г. Н. Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. – М.; СПб.: Кн. изд-во, 1999. – 180 с.

Моздок // Историко-статистический словарь Российской Империи. – СПб., 1867. – Т. 3. – С. 286-287.

О поселениях на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, по ныне существующей почтовой дороге – волжских и хоперских казаков // Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857. – С. 313-325.

Охонько Н. А. Азово-Моздокская линия и ее роль в становлении России на южных рубежах: (К 225-летию со времени основания) // Ставроп. хронограф на 2002 год: Краевед. сб. – Ставрополь, 2002. – С. 246–253.

Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи: (Главы из книги) / Пер. с фр. Е. Сосниной // Новый журн. – 1997. - № 1. – С. 183-198.

Из содерж.: Гл. XII: Путешествие из Моздока в Георгиевск. – С. 183-186.

Потто В. А. Кавказская война: В 5 т. Т. 1. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 672 с.

Присоединение Северного Кавказа к России // Документальная история образования многонационального государства. Россия и Северный Кавказ в XVI- XIX вв.: Сб. документов. – М.: НОРИА, 1998. – Кн. 1. – С. 34-41.

Крюков М. Города Ставропольской губернии, заштатный город Моздок // Ставроп. губ. ведомости. – 1850. – 27 мая.

Хицунов И. Исторический, географический и статистический очерк городов Ставропольской губернии // Ставроп. хронограф на 1996 год. – Ставрополь, 1996. – С. 215–224.

Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе: К 300-летию дома Романовых // Кавказский календарь на 1913 г. – Тифлис, 1912. – С. 3-70.

Кравченко В. Екатерина – Потемкину: «Быть по сему»: [О роли кн. Г. А. Потемкина в строительстве крепостей Азово–Моздокской оборонит. линии. По материалам архивов] // Ставроп. правда. – 2002. – 30 авг. – С. 3, фото.

В дни похорон Лермонтова был создан посмертный портрет поэта. Автором его был живописец Шведе, о котором писали в своих воспоминаниях современники поэта А. И. Арнольди и Н. И. Лорер. Рисунок Шведе и картина, написанная маслом, хранятся в Институте русской литературы (ИРЛИ) в Петербурге.

Кто такой Шведе? Как он оказался у гроба поэта летом 1841 года?

По воспоминаниям А. И. Арнольди, Роберт Шведе приехал вместе с ним в Пятигорск летом 1841 года. Поселились они на тогдашней окраине города, в доме коменданта И. В. Уманова. Этот дом сохранился. Он входит в мемориальный лермонтовский квартал. Сегодня в нем размещена музейная экспозиция «Лермонтов в изобразительном искусстве». На фасаде – мемориальная доска с текстом: «В этом доме И. В. Уманова в 1841 году Лермонтов навещал квартировавших здесь однополчан А. И. Арнольди и А. Ф. Тирана, встречался с художником Р. Шведе и декабристом Н. И. Лорером».

В то время Роберт Шведе еще не был профессиональным художником – впереди предстояла учеба в Академии художеств. Но он рисовал с юности, давал уроки рисования, и уже в ту пору писал пейзажи и портреты. Арнольди вспоминал: «Шведе приходился двоюродным братом товарищу моему Цейдлеру и был хорошим портретистом. Портрет отца, мачехи, двух сестер моих, дяди Николая Ивановича Лорера, а также портрет убитого в бытность нашу на Кавказе Лермонтова свидетельствуют о его таланте...»

А вот что писал о художнике Н. И. Лорер: «На третий день моего пребывания в Пятигорске я сделал несколько визитов. А вечером ко мне пришел Александр [Арнольди] и артист Шведе, любовались видом из моих окон, положили его на полотно, а Шведе впоследствии снял с меня портрет масляными красками...»¹³⁴ Этот портрет хранится ныне в Эрмитаже.

«Кроме того, – вспоминал А. И. Арнольди, – он (Шведе) часто со мной писал виды с природы, для чего мы спускались к Подкумку, резво бежавшему в долине».

Итак, о Роберте Шведе было известно, что он входил в круг пятигорского лермонтовского окружения, жил по соседству с поэтом. Новые материалы о художнике были получены в 1987 году. В тот год Лермонтовский музей в Пятигорске посетил Улдис Артурович Шведе, сотрудник НИИ земледелия и экономики сельского хозяйства Латвии. Он привез материалы по своей родословной, которую составил вместе с Николаем Евгеньевичем Шведе, капитаном I ранга в отставке, ученым-гидрометеорологом из Ленинграда.

¹³⁴ Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984. – С. 266.

История рода Шведе воскрешает события начала XVIII века, когда завершилась многолетняя Северная война и Лифляндия перешла в состав России из-под шведской короны. Эти земли, где жили в основном латыши, Петр I решил передать немецким помещикам. По царскому указу от 25 апреля 1716 года все латыши и пленные шведы, которые находились на территории Лифляндии, оказались в крепостной зависимости. Один из пленных шведов осел близ городка Айнажи и женился на местной девушке. Возникла семья, которой по национальности мужа присвоили фамилию Шведе. Прошло столетие и к началу XIX века потомки пленного шведа родные братья Густав и Федор Шведе сумели выбиться из крестьянского сословия. Густав стал управляющим большого имения и сумел дать хорошее образование своим детям. Особенных успехов достигли его сыновья Леопольд, Альберт и Роберт. Альберт проявил способности к математике и конструированию. В 17 лет он поступил в Кронштадтскую техническую школу, которую окончил через семь лет лучшим учеником своего выпуска. Затем он еще четыре года постигал судостроительную теорию, а практике посвятил всю жизнь – стал военно-морским инженером. Он строил защитные сооружения Кронштадта, участвовал в строительстве морских фортов Севастополя.

Леопольд Шведе построил немало кораблей, среди которых и военный корвет «Аскольд» (1863), считавшийся самым быстрым и красивым во флоте. Леопольду Шведе было присвоено звание генерал-майора.

Роберт Шведе родился 6 декабря 1806 года в сельском доме Мойзекилл в Лифляндии. С детства в нем проявился художественный талант, который его привел в столицу на Неве. Первые серьезные уроки живописи он получил от профессора Петербургской Академии художеств, известного портретиста Ц. Т. Неффа. По его протекции тридцатипятилетнего Шведе приняли вольноприходящим в академию, где он мог совершенствовать свой талант. В 1847 году по окончании курса Роберт Шведе получил звание художника портретной живописи. Его дипломной работой был портрет президента Академии художеств принца Максимилиана Лейхтенбергского.

Звание академического художника Роберт не защищал, предпочел стать вольным художником. Он окончательно остался в Петербурге, хорошо зарабатывая на жизнь писанием портретов по частным заказам. В 1852 году Шведе перебрался в Ригу. Летние месяцы художник с семьей проводил в своем поместье Даненфельд на берегу Даугавы. Когда дети подросли – а у Роберта было 9 детей, – сельский дом был продан, и вся семья жила постоянно в Риге. Теперь летом он ездил на Рижское взморье, где с удовольствием занимался пейзажной живописью. Последние годы жизни художник провел в поместье Грефенфельд близ городка Лимбажи, где умер 28 июля 1871 года в возрасте 65 лет.

В Латвии и в Петербурге, где жил художник, о нем известно не много. В Рижском изофонде значилось всего 4 произведения Роберта Шведе, а в латвийской энциклопедии о нем упоминается как об учителе первого латвийского художника Отто Бертыня. В России почти все публикации о

Шведе повторяют давно известное – что он является автором посмертного изображения М. Ю. Лермонтова. Высказывалось предположение, довольно убедительное, что Шведе написал и последний прижизненный портрет Михаила Юрьевича. Путем долгих кропотливых поисков с момента приезда потомка художника в Пятигорск и по сегодняшний день удалось выявить 27 работ Роберта Шведе, в основном портретов и пейзажей.

В январе 2001 года выяснилось, что наш старый знакомый Улдис Артурович Шведе разыскал в Латвии автопортрет своего предка и опубликовал его в статье, посвященной одному из сыновей художника Леопольду Робертовичу Шведе. Тот, оказывается, был одним из первых энергетиков в России и с 1896 года работал в Царском Селе, обслуживая первую в Европе электростанцию. Подлинный автопортрет Роберта Шведе остается пока в Латвии, в собственности частных лиц. Музей Лермонтова в Пятигорске поместил в своей экспозиции репродукцию этого автопортрета. Теперь мы можем представить одного из тех, кто оказался подле Лермонтова трагическим летом 1841 года.

*Г. М. Аведова, старший научный сотрудник
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текстов и коммент. М. И. Гиллельсона, О. В. Миллер; Вступ. ст. М. И. Гиллельсона – М.: Худож. лит., 1989. – 672 с.: ил. – (Сер. лит. мемуаров). – Указ. имен: с. 636-669.

Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 416 с. – (Сер. "Полярная звезда").

Пахомов Н. П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 364 с.: ил.

Сто шедевров Лермонтовского музея / Сост. Н. В. Маркелов. – Пятигорск: Снег, 2004. – 199 с.

Из содерж.: На смертном одре: [М. Ю. Лермонтова на смертном одре запечатлел художник Р. К. Шведе]. – С. 62-63.

Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Исследования 1900-2004 гг.: Антология / Отв. ред. В. А. Шаповалов; Ред. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – 894 с.

Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...». – М.: Сов. Россия, 1991. – 183 с.: ил. – Библиогр. в примеч.: с. 172-182.

Из содерж.: Неизвестный портрет М. Ю. Лермонтова работы Р. К. Шведе.

Аведова Г. Незабываемая страница: [О художнике Р. Шведе, которым был создан посмертный портрет М. Ю. Лермонтова] // Кавказ. здравница. – 1986. – 25 июля.

Зумпарова Н. Последний портрет поэта // Кавказ. здравница. – 1970. – 25 нояб.

Малахова В. Г. О портретах М. Ю. Лермонтова // Таманская старина. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 92-95.

Махлевич Я. Л. Лермонтов, 1841?: [Об истории литографии Шведе-Белоусова «Неизвестный военный» (из фондов Орловской картинной галереи), выполнена между 1844 и 1854 гг., и ее сходстве с М. Ю. Лермонтовым] // Ставрополье. – 1985. – № 5. – С. 80-96.

Тер-Габриэляни И. Г. Последний портрет поэта: [Работы Р. К. Шведе] // Кавказ. здравница. – 1964. – 4 авг.

Фрейдель Е. В. Шведе Роберт Константинович // Лермонтовская энциклопедия. – М., 1999. – С. 620.

...По важнейшим делам, судебная власть зовёт к себе в помощь общество, в лице присяжных заседателей, – и говорит этим обществу: "я сделала всё, что могла, чтобы выяснить злое дело человека, ставимого мною на твой суд, – теперь скажи своё слово самообороны или укажи мне, что, ограждая тебя, я ошибалась в его виновности".

*А. Ф. Кони*¹³⁵

В декабре 2006 г. исполняется ровно 100 лет со дня введения в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей, одного из самых демократичных институтов пореформенной дореволюционной судебной системы России. В свое время при введении новых судебных уставов в губернии в 1868 г.¹³⁶ одним из изъянов судебной реформы 1864 г. стало отсутствие суда присяжных. Причин для этого было много. Среди них следует особо подчеркнуть колониальную политику царизма в управлении национальными окраинами, к которым в середине прошлого века относился и Северный Кавказ, частью входивший в Кавказский край. Отсутствие суда присяжных в Ставропольской губернии было вызвано и опасением центрального правительства в слишком либеральном рассмотрении подсудных ему дел в связи с преимущественно крестьянским населением губернии. Однако, пусть и не так быстро, как этого ожидало местное население, действие суда присяжных было распространено и на Ставропольскую губернию.

После многолетних обсуждений в центре и на местах население Ставропольской губернии в начале XX в. получило реальную возможность решения уголовных дел в окружном суде с участием присяжных заседателей. Немалую роль при принятии положительного решения сыграл известный русский юрист А. Ф. Кони. После проведенного им еще в конце XIX в. инспектирования Тифлисского окружного суда и Тифлисской судебной палаты он пришел к выводу, что «представлялось бы возможным... распространить на Ставропольскую губернию установление суда с участием присяжных заседателей ввиду того, что в этой губернии в населении лишь 1/14 часть нерусского происхождения, что поэтому Ставропольская губерния находится в лучшем положении, чем, например, Казанская, с ее огромным инородческим населением – татарами, черемисами, чувашами и вотяками»¹³⁷.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2.

¹³⁶ Ставропольский окружной суд: (К 130-летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 1998 год: Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1998. – С. 46-50.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4279. Л. 79, 79 об.

Этот суд был высочайше утвержден 13 февраля 1906 г. мнением Государственного совета «О введении суда присяжных заседателей в губерниях Ставропольской и Черноморской, а также в Кубанской области»¹³⁸. Первые сессии суда присяжных прошли здесь в декабре 1906 г. и привлекли к себе широкое общественное внимание.

Несмотря на то, что к этому времени многое из законоположений, предусмотренных реформой 20 ноября 1864 г., было выхолощено контрреформами 80-х гг. XIX века, открытие суда присяжных протекало в достаточно праздничной атмосфере. Первая сессия Ставропольского окружного суда для разбора дел с участием присяжных заседателей была назначена на 7 декабря 1906 г. Примечательно, что открытие суда должно было произойти не в губернском, а в уездном центре – селе Благодарном, что уже само по себе свидетельствовало об определённой раскрепощённости взглядов в провинции. Введение института присяжных привлекло к себе внимание не только всего состава суда и задействованных присяжных заседателей. Событие это вызвало оживление и среди общественности.

Началось всё, как всегда, традиционно, с торжественного молебна. Затем в переполненном публикой зале были произнесены приличествующие моменту речи священником о. Куликовым, председателем суда Н. Т. Жилою и прокурором окружного суда. От имени служащих судебного ведомства в Петербург были отправлены телеграммы с выражением чувства глубочайшей любви и преданности Николаю II¹³⁹ и благодарности за труды и содействие, понесённые министром юстиции И. Г. Щегловитовым по введению института присяжных заседателей в пределах Ставропольской губернии¹⁴⁰. После торжественного открытия суд приступил к работе. Но как бы тщательно не готовились к этому событию, из тридцати лиц, избранных на данную сессию в присяжные заседатели, явились всего двадцать четыре. Из этого числа после приведения их к присяге и были избраны по жребию четырнадцать человек (из них два запасных) для решения дела. Состав присяжных заседателей получился наполовину из крестьян. Для первого заседания были отобраны два дела о кражах, которые не вызвали бы затруднений у присяжных. Первый вердикт по делу о воре, судившемся за кражу уже четыре раза, гласил: «Да, виновен»¹⁴¹.

В годы своего существования в Российской Империи этот суд был эффективным инструментом в установлении правосудия в стране. Время доказало состоятельность суда и в современных условиях строительства правового демократического государства в Российской Федерации после его повсеместного возрождения, хотя споры вокруг суда присяжных не утихают до сих пор.

¹³⁸ № 27397. – 13 февраля 1906 г. – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О введении суда присяжных заседателей в губерниях Ставропольской и Черноморской, а также в Кубанской области // Полн. собр. законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26. Отделение первое. 1906. – СПб.: Типография II-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1909. – С. 120, 121.

¹³⁹ Ставроп. губ. ведомости. – 1906. – 23 дек. – С. 5.

¹⁴⁰ ГАСК. Ф. 398. Оп. 3. Д. 137. Л. 23.

¹⁴¹ Ставроп. вестник. – 1906. – 14 дек. – С. 3.

В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает обращение к истории открытия этого суда на Ставрополье в начале XX в., когда вопрос о его необходимости, пожалуй, не вызывал почти ни у кого ни малейшего сомнения. Из целого ряда документов, относящихся к введению суда присяжных в границах действия Ставропольского окружного суда, мы решили остановить свой выбор на одном, найденном нами в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт – Петербурге, – журнале совещания по вопросу о целесообразности открытия здесь суда с участием присяжных заседателей. Особая значимость этого документа связана с тем, что для обсуждения этого вопроса осенью 1904 г. в г. Ставрополь прибыли первые лица Министерства юстиции, а совещание провел лично министр юстиции Н. В. Муравьев.

Представляем вниманию читателя с незначительными сокращениями стенограмму этого совещания.

Ж У Р Н А Л Ъ.

1904 года Сентября 6 дня. гор. Ставрополь.

«По распоряжению Г. Министра Юстиции, Статс Секретаря *Н. В. Муравьева* было образовано, под личным его Высокопревосходительства председательством, Особое Совещательное Присутствие для обсуждения вопроса о желательности, возможности и своевременности введения в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей.

В состав этого Присутствия вошли: 1) Директор Второго Департамента Министерства Юстиции *Н. Д. Чаплин*; 2) старший председатель Новочеркасской судебной палаты *Н. С. Крашенинников*; 3) прокурор той же палаты *С. Д. Набоков*; 4) Член Консультации, при Министерстве Юстиции учрежденной, для ревизионных поручений *А. В. Малама*; 5) чиновник особых поручений V класса при Министерстве Юстиции, доктор медицины *Л. А. Гордон*; 6) Ставропольский губернатор *А. Н. Вельяминов*; Ставропольские предводители дворянства: 7) губернский *И. Т. Горошко* и 8) уездный *В. К. Дворжицкий-Богданович*; 10) председатель Ставропольского окружного суда *Н. Т. Жила*; 11) товарищ председателя того же суда *С. А. Дадьянц*; члены того же суда: 12) *Г.В. Раевский-Буданов*; 13) *Д. С. Воскресенский*; 14) *А. А. Ресслер*; 15) *Н. С. Петров*; 16) *С. К. Тарашкевич* и 17) *А. А. Максимович*; уездные члены: 18) по Ставропольскому уезду *А. И. Евдокимов* и 19) Александровскому *В. И. Стоцкий*; 20) прокурор Ставропольского окружного суда *В. И. Рыковский* и товарищи прокурора того же суда: 21) *Н. Д. Байков* и 22) *И. П. Кротов*.

Обязанности секретаря Присутствия исполнял член Ставропольского окружного суда *Л. К. Прокофьев*.

По объявлении заседания открытым г. Министр Юстиции, указав на то, суждению настоящего Присутствия подлежит лишь вопрос о введении в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей общего состава, сделал устный доклад, изложив в нем историю возникновения означенного вопроса, а также последовательный ход его развития и постепенного назревания, причем из доклада этого выяснилось следующее.

Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части остановилась, между прочим, на вопросе относительно желательности и возможности введения суда присяжных заседателей на окраинах Империи, а в том числе и в Ставропольской губернии. В видах выяснения сего вопроса было сделано сношение со старшим председателем Тифлисской судебной палаты, – с тем, чтобы последний, по предварительном истребовании мнений от председателей и прокуроров окружных судов, сообщил по мнениям тем свое, по соглашению с прокурором судебной палаты, заключение.

В ответ на это старший председатель и прокурор Тифлисской судебной палаты представили в 1897 году следующие данные и заключения, сообщенные им председателем и прокурором Ставропольского окружного суда.

1) Ставропольская губерния, по составу своего населения, почти не отличается от губерний внутренней России: она имеет сплошное русское население, за исключением незначительного количества инородцев – калмыков и тухменцев и небольшого числа представителей других народностей: армян, эстов и немцев, и поэтому не существует никаких препятствий ко введению, на всем пространстве губернии, судопроизводства с участием присяжных заседателей общего состава.

2) По собранным сведениям оказалось, что дел, подлежащих рассмотрению суда присяжных заседателей, поступило в Ставропольский окружной суд в 1896 году всего 301... причем такое,

приблизительно, количество дел сего рода поступало и в предшествовавшие годы. На рассмотрение этих дел потребовалось бы 200 дней или 13-16 сессий, по три недели каждая.

3) Принимая во внимание: 1) что все сельское население Ставропольской губернии за весьма незначительным исключением принадлежит к крестьянскому сословию, в среде которого мало развита грамотность, а также весьма невелико число людей состоятельных, и что поэтому едва ли найдется в каждом из четырех (бывших тогда. – *И. 3.*) уездов достаточное число лиц, которые могли бы удовлетворять условиям, изложенным в ст. 84 учр. суд. уст., и 2) что в Ставропольской губернии один только город Ставрополь, да и тот находится на окраине губернии, а остальные три уездных центра расположены в селениях, также находящихся на концах своих уездов, причем другие селения отстоят от этих центров на 100 и более верст, председатель и прокурор Ставропольского окружного суда полагали, что лицам крестьянского сословия, которые будут призываться к исполнению обязанностей присяжных заседателей, будет весьма обременительно являться в суд издали и на долгое время и потому, вероятно придется сократить указанное в ст. 551 уст. угол. суд. число лиц, приглашаемых в суд в качестве присяжных заседателей и для составления самого присутствия последних, чтобы таким путем можно было призывать их на короткое время. Вместе с этим... в Ставропольской губернии только две тюрьмы: в гор. Ставрополе и сел. Благодарном, а так как разрешению присяжных заседателей подлежали бы более важные дела, по которым обвиняемые будут содержаться под стражею, то рассмотрение таких дел могло бы происходить в городе Ставрополе и селении Благодарном, куда, следовательно, для равномерного отбывания повинности, призывались бы присяжные заседатели и из соседних уездов, т.е. из весьма отдаленных мест губернии, отстоящих от указанных пунктов на расстоянии 200 и более верст.

4) Весьма полезно было бы призывать для исполнения обязанностей присяжных заседателей волостных судей, как лиц, избранных уже общественным доверием для отправления судейской службы и получающих за последнюю некоторое вознаграждение.

5) Относительно участия инородцев (калмыков и татар) в отправлении уголовного правосудия в качестве присяжных заседателей председатель и прокурор Ставропольского окружного суда указывали на тот факт, что... большая часть калмыков и некоторые тухмяне знакомы с русским языком, и между ними есть, весьма, впрочем, немногие, которые могут и читать по-русски. В среде их имеются зажиточные люди, которые и могли бы призываться к отпращиванию обязанностей присяжных заседателей, – преимущественно по тем делам, по которым их однородцы обвиняются в преступлениях, влекущих за собою лишение прав состояния, с тою главным образом целью, чтобы содействовать другим присяжным и коронным судьям знанием туземных языков и обычаев.

6) Для образования комиссий по составлению очередных списков присяжных заседателей и составления общих их списков в Ставропольской губернии имеются почти все должностные лица, указанные в ст. 89 и 97 учр. суд. уст., кроме предводителей дворянства, каковой имеется лишь один – в Ставропольском уезде. Но в других уездах... уездных предводителей дворянства могли бы заменить председатели уездных съездов, а составление списка о лицах, владеющих землею и другим недвижимым имуществом в уездах... по неимению председателей земских управ, могло бы быть возложено на начальников полиции.

С своей стороны старший председатель и прокурор Тифлисской судебной палаты находили, что в видах установления однообразной формы отправления правосудия на территории Северного Кавказа, по крайней мере до тех пор, пока Ставропольская губерния не будет окончательно выделена из состава Кавказского края, представляется желательным распространить и на эту губернию институт присяжных заседателей особого состава для решения, при его участии, всех важнейших уголовных дел. При этом и старший председатель и прокурор Тифлисской судебной палаты сослались главным образом на те затруднения, какие могло встретить введение в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей общего состава и которые были указаны в отзыве председателя и прокурора Ставропольского окружного суда. Но ранее того, а именно еще в 1896 году, старший председатель и прокурор Тифлисской судебной палаты представили Комиссии свое краткое заключение по настоящему вопросу, причем тогда признавали возможным ввести в Ставропольской губернии суд присяжных заседателей на тех же основаниях, как и во внутренних губерниях Империи, ввиду того, что условия жизни в названной губернии почти ничем не отличаются от таковых же условий сих местностей и что в ней действует уже институт земских начальников...

Обсудив все имевшиеся в ее распоряжении данные, Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части признала вполне возможным ввести в Ставропольской губернии суд присяжных на общих предположенных ею основаниях и постановила лишь включить в проект новой редакции учреждения судебных установлений оговорку, что в названной губернии, наряду с некоторыми другими губерниями, где не введено земских учреждений, количество земли, дающее право на внесение в списки присяжных заседателей общего состава и устанавливаемое по общему правилу применительно к имущественному цензу для избрания земских гласных, определяется в 20 десятин. Вместе с тем Комиссия имела в виду, что вопрос о распространении действия суда присяжных на означенную губернию должен получить, по предположению Министерства, разрешение независимо от направления работ Комиссии и что особое по сему предмету представление будет внесено на уважение законодательной власти в непродолжительном времени.

Соответственно означенным предположениям Министерства Юстиции, основанным на последовавшем, согласно Высочайше утвержденному 10 мая 1899 года мнению Государственного Совета, выделении Ставропольской губернии из состава Кавказского края, Министерство в том же мае 1899 года обратилось к Ставропольскому губернатору с просьбою сделать распоряжение о безотлагательном собрании по всем уездам вверенной ему губернии подробных сведений относительно числа имеющих в среде местного населения лиц, которые, владея землею в количестве не менее 20 десятин или другим имущественным цензом... и притом удовлетворяя прочим условиям... могли бы быть включены в список присяжных заседателей...

В ответ на это сношение Ставропольский губернатор представил в Министерство Юстиции в июне месяце 1900 года журнал особого губернского совещательного присутствия, присовокупив, что он лично вполне присоединяется к мнению остальных членов присутствия...

Всего лиц, имеющих право быть присяжными заседателями, в губернии оказалось 2666, а именно: в городе Ставрополе и в Ставропольском уезде – 827, и в уездах: Александровском – 712, Медвеженском – 665 и в Новогригорьевском – 413 и в приставствах Ачикулакском и Трухменском и Большедербетовском улусе – 49...

На основании всех собранных данных и приняв во внимание состоявшееся 2 декабря 1898 года постановление Ставропольского губернского дворянского собрания относительно возбуждения, в установленном порядке, ходатайства о введении в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей, особое совещательное губернское присутствие пришло к единогласному заключению о желательности, своевременности и возможности осуществления в Ставропольской губернии указанного преобразования, так как со времени введения в этой губернии судебной реформы, благодаря развитию народного благосостояния и широкому распространению грамотности, народ привык к гласному суду и в достаточной степени уразумел благотворность тех начал, на которых зиждется последний, причем лучшие элементы населения несомненно с любовью и гордостью примут личное участие в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей.

По обсуждении всех приведенных данных Министр Юстиции нашел вполне целесообразными предположения, намеченные по настоящему делу Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части относительно введения в Ставропольской губернии суда присяжных на общих основаниях, и предположения эти включены были в проект новой редакции учреждения судебных установлений, внесенный в Государственный Совет 31 декабря 1901 года, особого же законопроекта по этому предмету разрабатываемо не было.

Что же касается статистических данных о числе дел, кои по введении в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей оказались бы подведомственными этому суду, то из имеющихся в Министерстве Юстиции сведений усматривается, что в Ставропольской губернии в 1901 и 1902 гг. ... в среднем выводе, возникало по 250 дел, подведомственных суду присяжных заседателей. И хотя, по сообщенным, дополнительно, председателем Ставропольского окружного суда сведениям, в 1903 году число дел указанной категории возросло до 348... но такое возрастание объясняется причинами чисто случайными и, между прочим, усилением деятельности состоящих при местном окружном суде судебных следователей и увеличением их личного состава вследствие образования нового следственного участка.

Приведенный выше доклад Г. Министр Юстиции закончил предложением присутствующим высказать свое мнение...

Ставропольский городской голова... заявил, что введение суда присяжных в Ставропольской губернии представляется вполне своевременным и желательным...

К этому мнению присоединились также Ставропольские губернский и уездный предводители дворянства.

С своей стороны Ставропольский губернатор Генерал-Майор Вельяминов указал, что вверенная ему губерния, как в экономическом отношении, так и по широкому распространению в ней грамотности, стоит не только не ниже, но значительно выше многих местностей Империи, где суд присяжных уже существует, что среди населения губернии имеется достаточный контингент лиц, могущих без большого для них обременения и с пользою для дела исполнять обязанности присяжных заседателей, что вследствие сего введение в Ставропольской губернии суда присяжных никаких серьезных, а тем более непреодолимых, препятствий и затруднений встретить не может и что поэтому, присоединяясь к мнению, высказанному по данному вопросу предместником его по управлению губернией, ныне покойным Генерал-Лейтенантом Никифораки, он находит распространение на Ставропольскую губернию суда присяжных мерою для края полезною, желательною, своевременною и практически легко осуществимою.

Но при этом товарищ председателя окружного суда С. А. Дадьянц заявил, что считает нежелательным распространение права быть присяжными заседателями на инородцев Ставропольской губернии: калмыков, трухмян и татар... После сего (обсуждения. – *И. З.*) предложенная г. Дадьянцом поправка Особым Присутствием была отвергнута единогласно.

Независимо от того товарищ прокурора Н. Д. Байков... (признал. – *И. З.*) введение суда присяжных заседателей в Ставропольской губернии мерою безусловно желательной...

Прокурор Новочеркасской судебной палаты С. Д. Набоков, вполне присоединяясь к высказанному остальными членами Особого Присутствия мнению... высказал пожелание, чтобы мера эта была осуществлена возможно скорее.

К пожеланию этому присоединился и старший председатель Новочеркасской судебной палаты Н. С. Крашенинников, указавший вместе с тем на то, что... контингент помянутых лиц (могущих исполнять обязанности присяжных заседателей. – *И. 3.*) следует признать более чем достаточным даже теперь; в будущем же число таких лиц несомненно должно постоянно возрастать, вследствие чего и не представляется оснований к опасению, что может встретиться какое-либо в этом отношении затруднение при составлении общих и очередных списков присяжных заседателей и пополнении состава последних при слушании подведомственных им дел на сессиях окружного суда...

Директор же Второго Департамента Министерства Юстиции Н. Д. Чаплин... заявил, что он и ранее сочувственно относился к этому вопросу, но, ознакомясь с положением последнего в настоящее время и взглядами на него местных деятелей администрации, городского и дворянского самоуправления, а также суда и прокурорского надзора, проникся твердым убеждением в несомненной желательности, своевременности и фактической возможности разрешения его в утвердительном смысле и притом в ближайшем будущем...

Обсудив все вышеизложенное и приняв в соображение, что суд присяжных, согласно указаниям науки и опыта жизни, является лучшею и наиболее совершенною формою суда уголовного; что население Ставропольской губернии по своему умственному развитию, а также степени материальной обеспеченности и зажиточности, оказывается достаточно подготовленным к восприятию норм этого суда и разумному пользованию благами последнего; что оно, несомненно, охотно пойдет навстречу всем правительственным в данном направлении начинаниям; что почва для таких начинаний представляется вполне подготовленной; что точными статистическими данными положительно установлено, что в Ставропольской губернии, на всем ее пространстве, имеется в наличности и достаточный контингент лиц, кои с успехом и без значительного для себя обременения будут в состоянии исполнять обязанности присяжных заседателей, и все те правительственные установления и должностные лица, на кои может быть возложено составление общих и очередных списков присяжных заседателей, и что, наконец, приспособление для судебных заседаний, с участием присяжных, зданий, в которых ныне происходят заседания суда коронного как в городе Ставрополе, так и в уездах, во время выездных сессий, не может встретить особых технических затруднений и не потребует больших денежных затрат со стороны казны, – Особое Совещательное Присутствие единогласно постановило: признать введение в Ставропольской губернии суда присяжных заседателей на тех основаниях, на каких суд этот действует в других частях Империи, – возможным, крайне желательным и вполне своевременным»¹⁴².

И. В. Зозуля, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории России СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Государственные законы Российской Империи по судебным уставам императора Александра II: Гражданский и уголовный судебник / Сост. част. Поверенным Жемчужниковым; Под ред. юристов Лунина и Сергеева. – М., 1887. – 1040 с.

Российское законодательство X–XX веков: [Текст и коммент.]: В 9 т. Т. 8: Судебная реформа / Отв. ред. Б. В. Виленский. – М.: Юрид. лит., 1991. – 495 с.: ил.

Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1: Судебные уставы. – СПб., 1892. – 360 с.

Учреждение судебных установлений: Изд. Неофиц. / Сост. Н. Шрейбер. – СПб., 1910. – 116 с.

Афанасьев А. К. Присяжные заседатели в России, 1856-1885 гг. // Великие реформы в России, 1856-1874: Сб. – М., 1992. – С. 174-182.

Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов, 1969. – 102 с.

Владимиров А. Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. – Харьков, 1873. – 127 с.

Глазер Ю. О влиянии суда на приговор присяжных. – СПб., 1868. – 114 с.

Демичев А. А. Российский суд присяжных: история и современность: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. пед. ун-та, 2000. – 104 с.

¹⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 917. Л. 198-203 об.

Джаншиев Г. А. Сборник статей: К юбилею судебной реформы 1864-1914 / Под ред. В. П. Обнинского; Со вступит. ст. акад. А. Ф. Кони и перепиской Г. А. Джаншиева с А. Ф. Кони. – М., 1914. – С. 520 с.: 1 л. портр.

Джаншиев Г. А. Страница из истории судебной реформы. – М., 1883. – 155 с.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: Ист. справки. – 10-е доп. изд. – СПб., 1907. – 864 с.: 1 л. портр.

Карнозова Л. М. Суд с участием присяжных заседателей // Судебная реформа: проблемы и перспективы. – М., 2001. – С. 182-195.

Миттермайер К. Суд присяжных и его значение. – Одесса, 1895. – 32 с.

Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов, 1999. – 219 с.

Немытина М. Суд присяжных в России: [XIX в.] // Сов. юстиция. – 1992. – № 21/22. – С. 21-22.

Пашин С. А. Российский суд присяжных заседателей вчера и сегодня // Знамя. – 1996. – № 6. – С. 177-188.

Петрухин И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 5-15.

Побережный В. В. Российский суд присяжных: ист. опыт и возможные перспективы // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1992. – № 2. – С. 31-37.

Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864-1917 гг. / Сост. С. М. Казанцев. – Л., 1991. – 290 с.

Диссертации и авторефераты

Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1966. – 24 с.

Гондаренко А. С., Зозуля И. В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. (на примере Кубани и Ставрополья). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 314 с.

Зозуля И. В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – 27 с.

Зозуля И. В. Окружной суд в административно-территориальных образованиях Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2002. – 28 с.

Литвиненко В. Т. Нормативно-правовое регулирование судоустройства и судопроизводства в дореформенный период и период проведения судебной реформы 1864 года: (На примере Ставроп. окр. суда): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 22 с.

Новикова Е. С. Суд присяжных в России: становление и развитие: (На примере Ставроп. губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – 22 с.

Двадцатипятилетие Ставропольского окружного суда, 17 апр. 1868 г. – 17 апр. 1893 г. – Ставрополь, 1893. – 4 с.

Прозрителев Г. Н. К 50-летию Ставропольского окружного суда. 17 апр. 1868 г. – 17 апр. 1918 г. – Ставрополь, 1918. – 26 с.

Материалы по вопросу об учреждении окружного суда в городе Пятигорске, Терской обл., с введением в нем ин-та присяжных заседателей: Вып. 2 / Изд. Пятигор. гор. думы; Под ред. гор. судеб. комиссии. – Пятигорск: Тип. К. К. Кибардина, 1911. – 62 с.

Водолажская В. Лед тронулся... К 140-летию судеб. реформы в России: [О дореволюц. судопроизводстве в России и Ставроп. губ., в т. ч. о первых судах присяжных] // Ставроп. правда. – 2005. – 14 янв. – С. 3. – (История в документах).

Данелян Р. С., Цатурян Т. В. Реализация института суда присяжных в регионе Кавказских Минеральных Вод // Научные труды. Т. 7: Материалы межвуз. научно-практ. конф. «Дни науки». – Пятигорск, 2001. – С. 57.

Зозуля И. В. К вопросу о роли местных органов власти царской России в организации суда

присяжных на Северном Кавказе // Государственная власть и самоуправление: взаимоотношения и проблемы: Материалы заседания круглого стола (27 окт. 2003 г.). – Ставрополь, 2003. – С. 31-35.

Зозуля И. В. Суд присяжных заседателей на Ставрополье // Проблемы археологии Север. Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С. 54-57.

Зозуля И. В. Суд присяжных на Северном Кавказе: исторический опыт и современность // Проблемы совершенствования российского законодательства на рубеже 21 века: (Регион. аспект). – Ставрополь, 1999. – С. 41-45.

Карташев А. Ю. Суд присяжных: [С 1 ноября 1993 г. Ставроп. краев. суд приступил к рассмотрению уголовных дел по 1-й инстанции с участием коллегии присяжных заседателей] // Вестник управления судебного департамента при Верховном суде РФ в Ставроп. крае. – 2000. – № 2. – С. 8-9.

Сердюкова И. Г. Возрождение суда присяжных в России в ходе судебной реформы 1993 года: [В т. ч. в Ставроп. крае] // Научные труды. Т. 7: Материалы межвуз. научно-практ. конф. «Дни науки». – Пятигорск, 2001. – С. 74.

Тащилин М. Т. Индивидуализация наказания в суде присяжных: [Ст. зам. пред. Ставроп. краев. суда, канд. юрид. наук, заслуж. юриста РФ М. Тащилина] // Рос. юстиция. – 2000. – № 5. – С. 5-6.

Тащилин М. Т. Суд присяжных и индивидуализация наказания по уголовному праву России // Научные труды Пятигор. гос. технолог. ун-та. Сер. 1. Юрид. науки. – Пятигорск. – 2001. – С. 100-108.

Фуш В. Господа присяжные заседатели: [О суде присяжных в России и Ставроп. крае. Взгляд журналиста на просчеты в организации деятельности этого вида судов] // Ставроп. губ. ведомости. – 2002. – 20 апр. – С. 3.

Ярышева С. Ю., Зайцева Е. Н. Проблемы организации суда присяжных в России: [В т. ч. в Ставроп. крае] // Научные труды. Т. 7: Материалы межвуз. научно-практ. конф. «Дни науки». – Пятигорск, 2001. – С. 78.

В пестрой сутолоке жизни судьба редко сталкивает нас с такими цельными, законченными и в то же время, так сказать, многогранными натурами, какою был Ярошенко¹⁴³. Едва ли найдется сколько нибудь значительная область жизни или мысли, которою он не интересовался бы в большей или меньшей степени. И эта редкая между художниками жадность на работу сознания не мешала свободе его художественного творчества, в котором неизбежно много бессознательного. Это был в полном смысле *мыслящий художник*, – подчеркиваю и существительное, и прилагательное, потому что было бы несправедливо подчеркнуть одно из них. Боюсь быть непонятым: не гениальный художник был покойный, но в пределах своих художественных сил, – конечно, очень больших, – он являет собою редкий образец равновесия целей и средств. Его иногда упрекали в известной тенденциозности и вообще в перевесе мысли, задачи произведения над исполнением. Быть может, это и верно относительно первых его картин («Литовской замок», «Невский проспект ночью»), несколько аскетически сухих. Но чем дальше, тем больше отделялся он от этой боязни заслонить роскошью красок и образов смысл картины, от этой скупости на художественные средства для достижения жизненной цели. И этот процесс развития очень характерен для Ярошенко: он расправлял крылья по мере того, как они росли и никто не может сказать, какой силы достиг бы он, если бы судьба подкосила его не в 1898 г., а десятью, двадцатью годами позже. Одно можно сказать наверное: искусство, как ни дорого оно ему было, никогда не стало бы для него самодавлеющею целью. Не хуже кого бы то ни было чувствовал он красоту «красивых пятен», эффектного освещения и т. п., но пускал их в ход не ради их самих, и это-то ставилось ему в вину. В частности, его упрекали в том, что он выбирал преимущественно мрачные сюжеты и страдал тем, что у нас иронически называется совсем не смешными словами: «гражданская скорбь». Упрек заезженный и уже потому нелепый, что бросающие его обыкновенно ничего не имеют против «гражданской радости». Но относительно Ярошенко упрек этот требует и фактической поправки. Не говоря о таких отнюдь не мрачных картинах, как «Спевка» или «На качелях», стоит напомнить наиболее популярное произведение покойного – «Повсюду жизнь», где художник сумел уловить улыбки радости и умиления на лицах пассажиров арестантского вагона. Художественное произведение всегда было для Ярошенко прежде всего правдивым воспроизведением действительности в ее типических чертах, но вместе с тем суждением об этой действительности, – суждением,

¹⁴³ Михайловский Н. Памяти Н. А. Ярошенко: [Художник скончался 25 июня 1898 г. в Кисловодске] // Рус. богатство. – 1898. – № 7. – С. 171-175.

выраженным образно, художественно и, следовательно, доставляющим эстетическое наслаждение, при посредстве которого суждение художника должно передаваться зрителю.

Сознательно стоя на этой точке зрения, уравнивавшей элементы правды, эстетические и, если угодно, «гражданские», Ярошенко вел неустанную борьбу сначала с академической эстетикой, а затем и нахлынувшей в последнее время декадентской волной. Борьбу эту он вел, во-первых, своим примером, непосредственными вкладами в русское искусство; во-вторых, деятельным участием в Товариществе передвижных выставок, душою которого он уже давно стал; в третьих, наконец, – устной пропагандою, для которой у него были все данные. Высокообразованный, глубоко убежденный, обладавший притом своеобразно прекрасным даром слова, он сделал для русского искусства гораздо больше, чем это может казаться людям, не знавшим его лично. В большом и разнородном обществе он не был разговорчив, но в кругу близких знакомых и товарищей по профессии это был истинно блестящий собеседник.

Года два или три тому назад я провел лето в Кисловодске, в одном доме с Ярошенко, в том самом доме, где он и умер. За все время моего пребывания в Кисловодске гостеприимные хозяева едва ли хоть один день оставались без посетителей, в числе которых было несколько молодых художников. Разговор естественно часто заходил об искусстве в его общих задачах и в его технике, о различных художественных школах, о том или другом художнике, о той или другой картине, об этюде, только что написанном одним из молодых художников, и т. п. И, слушая умные, то спокойные, но твердые, «проникновенные», то язвительно остроумные речи Ярошенко, я не раз пожалел, что этот человек не владеет пером или почему-нибудь не хочет прибегать к нему для изложения своих мыслей.

В то лето Ярошенко много работал. Кроме этюдов, он писал «Стадо овец в развалинах храма» и начал «Искушение Иуды». И я видел, с какою тщательностью работает этот, будто бы пренебрегающий исполнением человек. Развалины древнего храма были написаны раньше, с натуры, во время странствований в кавказских горах, – Ярошенко не раз предпринимал далекие и трудные поездки в горы. Теперь ему вздумалось загнать в развалины на ночлег стадо овец. И вот как принялся за дело опытный, чего-чего не писавший на своем веку художник: он привел к себе во двор с базара десятка полтора овец, долго бился, располагая их в разные группы, снял с этих групп несколько фотографий, зарисовал их себе в альбом и только после этого решился вставить их в картину. Но гораздо больше занимало его «Искушение Иуды». Это был его первый и единственный опыт разработки евангельского сюжета, и в высшей степени характерен мотив, по которому он, как я имею основание думать, остановился на Иуде, этом вековечном символе измены и предательства. Когда я увидел первый маленький набросок углем «Искушения Иуды», меня поразило отсутствие типических еврейских черт в лицах фарисеев, соблазняющих Искарюота. Конечно, от этого эскиза, задачей которого было лишь наметить общий план картины,

нельзя было и ожидать деталей, но дело-то в том, что намеки на детали как будто были, и в еле намеченных лицах некоторых из фарисеев-соблазнительщиков мелькало как будто что-то знакомое. Я выразил художнику свое недоумение: «Это так, шутка, – отвечал он, улыбаясь, – это вот такой-то, это такой-то». И он назвал несколько художников, выбывших из Товарищества передвижных выставок по соображениям, имевшим мало общего с искусством... Само собою, разумеется, что в картине не осталось потом и следа этой «шутки». Ярошенко исключительно для себя «шутит», для собственного удовлетворения, но эта шутка дает возможность заглянуть в душу художника, в скрытые от зрителя житейские потайники его творчества. Измена тому делу, которое он считал святым, оскорбляла, возмущала его, и эти чувства настойчиво требовали для себя художественного выражения. Но, раз остановившись на образе Иуды, Ярошенко уже предоставил свободное течение творческому процессу, который привел его к моменту, кажется, никем еще не эксплуатируемому.

Иуда много раз вдохновлял художников всех времен и народов, причем выбирался обыкновенно один из двух моментов, – знаменитый предательский поцелуй или же раскаяние, приведшее Искарюта к самоубийству. Ярошенко поступил иначе. Ни поцелуй, ни раскаяние не входили в состав той измены, которая в действительности натолкнула его на мысль об Иуде, и его творчество направилось совсем в другую сторону. Иуда был для него прежде всего чувственный и потому легко поддающийся соблазну, но вместе с тем и нерешительный человек. А эти две черты могли выступить с особенною яркостью именно в той обстановке, какая дана в картине Ярошенко: фарисеи соблазняют Иуду доводами из писания, соображениями житейскими, деньгами. Первоначально в картине еще выглядывала из-за занавеса женщина, как орудие соблазна, но затем Ярошенко почему-то (я не мог добиться почему) уничтожил этот оригинальный намек. Таким образом, в основе «Искушения Иуды» несомненно лежит тенденция с характером «гражданской скорби», но свободный процесс творчества поднял ее до степени высокой художественной задачи. К сожалению, в картине мало движения, да и слишком уж трудную задачу задал себе художник собственно лицом Иуды, на котором должна отражаться сложная душевная борьба.

Было бы крайне желательно, чтобы передвижники, так много обязанные покойному и так много потерявшие с его смертью, устроили выставку и издали альбом его произведений. Его многолетняя и разнообразная художественная деятельность составляет одну из самых светлых страниц истории русского искусства, и если умер Ярошенко, то не должна умирать память об этом художнике-мыслителе, об этом человеке, которому ничто человеческое не было чуждо.

Ник. Михайловский, русский критик, публицист

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ге Н. Н.** Письма, статьи, критика, воспоминания современников / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. Ю. Зограф. – М.: Искусство, 1978. – 399 с.: ил.; 25 л. ил. – (Мир художника).
С. 15, 139, 141, 144-146, 160, 161, 166, 200, 285, 343-344, 346: [О Н. А. Ярошенко].
- Мясоедов Г. Г.** Письма, документы, воспоминания / Сост. В. С. Оголевец; Вступ. ст. Л. М. Тарасова. – М.: Изобраз. искусство, 1972. – 327 с.
С. 21, 24, 76, 96, 100, 105, 108, 110-121, 123, 126-127, 133-134, 187, 229, 277-279, 281, 284-285, 288-290, 304: [О Н. А. Ярошенко].
- Нестеров М. В.** Воспоминания / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. А. Русаковой. – 2-е изд. – М.: Сов. художник, 1989. – 415 с.: ил.; 115 л. ил.
С. 94, 142, 144-145, 156-161, 173, 234, 247-252, 269, 271-272, 346: [О Н. А. Ярошенко].
- Шишкин И. И.** Переписка, дневник, современники о художнике / Сост. и вступ. ст. И. Н. Шуваловой. – Л.: Искусство, 1978. – 463 с.: ил.; 24 л. ил.
С. 17, 23, 142, 179, 181, 187, 204, 207-208, 210-213, 218-221, 259, 317-320, 322, 325, 383-384, 396, 407-409, 411, 419: [О Н. А. Ярошенко, в т. ч. письма Н. А. Ярошенко к И. И. Шишкину].
- Ганейзер Е. А.** Над могилой Н. А. Ярошенко // Искусство и худож. пром-сть. – 1899. – № 4-5. – С. 402-403.
- Михайловский Н. К.** Памяти Н. А. Ярошенко // Русское богатство. – 1898. – № 7. – С. 171-175.
- Ярошенко Н. А.:** [Некролог] // Ист. вестник. – 1898. – Т. 73. – С. 740.
- Ярошенко Н. А.:** [Некролог] // Сезонный листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. – 1898. – 27 июня.
- Порудоминский В. И.** Николай Ярошенко. – М.: Искусство, 1979. – 201 с.: ил; 15 л. ил. – (Жизнь в искусстве).
- Прытков В. А.** Николай Александрович Ярошенко. – М.: Искусство, 1960. – 320 с.: ил.; 55 л. ил.
- Бехтерев Л. И.** Поиски наследства. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. – 142 с.: ил.
- Виноградов Е. С.** Н. А. Ярошенко в Кисловодске: К 150-летию со дня рождения. – Кисловодск, 1997. – 38 с.
- Выставка** произведений Н. А. Ярошенко, посвященная 130-летию со дня его рождения: Каталог выставки. – Кисловодск: Кисловод. худож. музей Н. А. Ярошенко, 1977. – 20 с.: ил.
- Музеи** Кавказских Минеральных Вод / Администрация КМВ; Под ред. В. Триско. – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2002. – 33 с.
Из содерж.: Мемориальный музей-усадьба художника Н. А. Ярошенко. – С. 5-7.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. Дорогие адреса. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. – 176 с.: ил.
Из содерж.: Дом над Ольховкой: Н. А. Ярошенко. – С. 64-72.
- Польская Е. Б.,** Польский Л. Н., Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит...: [Знаменитые гости курортов Кавказских Минеральных Вод]: Книга очерков / Вступ. ст. В. А. Мануйлова. – Кисловодск: МИЛ, 2005. – 245 с.: ил.
Из содерж.: Дань потомков: [О художнике Н. А. Ярошенко]. – С. 170-180.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит...: [Знаменитые гости Кавказских Минеральных Вод] / Вступ. ст. В. А. Мануйлова. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. – 286 с.: ил.
Из содерж.: Н. А. Ярошенко. Дань потомков. – С. 146-154.
- Розенфельд Б. М.** Малоизвестный Кисловодск. – М.: Гелиос АРВ, 2005. – 272 с.: ил.
Из содерж.: История одного музея: Н. А. Ярошенко. – С. 80-89.
- Секлюцкий В. В.** Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. – 120 с.: ил. + Прил.: Современники о Н. А. Ярошенко.

- Яковкина Е. И.** Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1962. – 136 с.
Из содерж.: Николай Александрович Ярошенко. – С. 70-78.
- Бескровная Н.** На рубеже веков: [О творчестве Н. А. Ярошенко, посмертной судьбе художника] // Кавказ. здравница. – 1998. – 4 июля.
- Виноградов Е.** «Портретист гор»: Кисловодские полотна Н. А. Ярошенко // Кавказ. здравница. – 1986. – 16 дек.
- Гочияева Р.** «Рафаэль» из Карачая: [О дружеских отношениях Н. А. Ярошенко и карачаевского художника И. Крымшамхалова] // Кавказские Минеральные Воды: К 200-летнему юбилею, 1803-2003. – СПб., 2003. – С. 68-70.
- Поленова И.** Взволнованный голос эпохи: К 140-летию со дня рождения Н. А. Ярошенко // Кавказ. здравница. – 1986. – 13 дек.
- Польская Е. Б.,** Розенфельд Б. М. В субботу у Ярошенко: [Сто лет назад] // Смена, Ленинград. – 1974. – 8 дек.
- Потемкина А. И.** Последнее свидание с Ярошенко // Кавказ. край. – 1992. – № 12. – 16-22 марта. – С. 7-9.
- Ченикалова Е.** Свет снежных вершин: Рассказ: [А. И. Куинджи и Н. А. Ярошенко на Кавказе. 1879 г.] // Кавказ. здравница. – 1993. – 10, 11, 13 авг.
- Ягушевская Л.** ...Бесконечный облик смысла: [О художнике Н. А. Ярошенко] // Кавказ. здравница. – 2001. – 15 дек. – С. 6.
- Кисловодский** художественный музей Н. А. Ярошенко / Авт. текста В. Секлюцкий. – Мин. Воды: Кавказ. здравница, 1986. – 25 с.: ил.
- Потемкина А. И.** Николай Александрович Ярошенко: (Кисловодский худож. музей Н. А. Ярошенко). – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – 8 с.: ил.
- Бабков М.** Возрождение «Белой виллы» и ее хранитель: [О Владимире Вячеславовиче Секлюцком, создавшем музей «Белая вила Ярошенко» в г. Кисловодске] // Литературный Кисловодск. – Кисловодск, 2002. – № 4. – С. 41-47.
- Бескровная Н.** Дорогие сердцу полотна: [О Кисловодском музее Н. А. Ярошенко] // Кавказ. здравница. – 1988. – 5 марта.
- Блохин Н.** Прогулки с Секлюцким: [Из воспоминаний о художнике, дир. Кисловодск. худож. музея Н. А. Ярошенко] // Ставроп.-Юг. – 1997. – № 1. – С. 39.
- Данилина Л.** Белая вила: [О доме-музее Н. А. Ярошенко в Кисловодске] // Ставроп. правда. – 1988. – 14 июля, рис.
- Дудкина Т.** Притяжение «Белой виллы» // Кавказские Минеральные Воды: К 200-летнему юбилею, 1803-2003. – СПб., 2003. – С. 58-67.
- Иванова Л.** Человек-легенда: [К 90-летию со дня рождения В. В. Секлюцкого – основателя музея Н. А. Ярошенко] // Кавказ. здравница. – 1997. – 6 авг.
- Кириленко И. Н.** Мемориальный музей-усадьба художника Н. А. Ярошенко // Историко-культурное наследие Кавказских Минеральных Вод и преемственность поколений. – Ставрополь, 2003. – С. 79-84.
- Красников А.** Притяжение «Белой виллы»: Исполнилось сорок лет со дня основания Кисловодского мемориального музея-усадьбы художника Н. А. Ярошенко // Парлам. газ. – 2002. – 23 апр. – С. 6.
- Мемориальный** музей-усадьба художника Н. А. Ярошенко // Достояние: Музеи Ставропольского края. – Ставрополь, 2004. – С. 18-19.
- Рыбалко С.** Ярошенко в Кисловодске: Стихи // Кавказ. здравница. – 1998. – 18 июля.
- Николай** Александрович Ярошенко: (К 115-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 1996 г. – Ставрополь, 1996. – С. 159-164, фото.

*Ты пишешь мне: «Как жизнь идет?»
Я сею хлеб. Лелею землю.
И все, что мне судьба дает,
С открытою душой приемлю.
(«Письмо друга»)*

Известный ставропольский поэт и прозаик Виктор Андреевич Ярош родился 29 декабря 1936 года на Ставрополье, в селе Рагули Апанасенковского района в семье сельских учителей. С двух лет жил в селе Спицевка Грачевского района на родине своих предков. Здесь прошли его детство и юность. Эти годы были нелегкими, как у многих его современников – фашистская оккупация, разруха, недоедание. Но в то же время – любовь близких людей, полынные запахи родной земли, позже нашедшие воплощение в поэтическом творчестве:

*Я вновь пройду по милым взгоркам,
Спущусь к ручью в знакомый лог.
И терпкий дух полыни горькой
Струиться будет из-под ног.
Как дрогнет сердце, замирая!
Как ясно я пойму тогда:
Где б ни был я, родного края
Мне не покинуть никогда.
(«Где б ни был я»)*

После окончания средней школы с серебряной медалью В. Ярош работал в колхозе, райкоме комсомола, позже поступил в Ставропольский педагогический институт. Защитив диплом, уехал по распределению учителем в школу аула Озек-Суат Левокумского района.

С 1963 года живет и работает в Невинномыске. С этим городом тесно переплелась его судьба. Будучи студентом он выезжал в составе стройотряда на сооружение Невинномысского химического комбината – гиганта химии всей страны. Руками таких же, как В. Ярош, молодых энтузиастов строился новый, особенный для степного Ставрополья город. Он хотел в будущем жить в этом городе, среди близких по духу и устремлениям людей.

За годы жизни в Невинномыске В. Ярош работал журналистом, редактором заводского радио, газоспасателем, аппаратчиком, инженером, учителем. Узнал много новых людей и профессий. Его всегда привлекали личности яркие, честные, естественные в мыслях и поступках. В. Ярош с юности писал стихи, в основном лирические, необыкновенно искренние и глубокие.

Живя в Невинномысске, Виктор Андреевич начал работать над прозой, используя ее богатые возможности для всестороннего раскрытия непростых характеров своих героев.

В 1973 году была напечатана его повесть «Чертов палец», герой которой, молодой чабан Николай Добрынин, достоверен и убедителен в своем стремлении быть хорошим человеком. В последующие годы выходят из печати книги «Любовь моя, любовь...», «Наша с тобой биография», «Ветка алычи», «Возвращение к себе» и другие.

Повести и рассказы В. Яроша на сельскую и рабочую темы подкупают искренностью интонации, богатым жизненным материалом. Главными в его произведениях остаются проблемы человеческой души. В одном из интервью В. Ярош определил их словами В. Шукшина: «Что с нами происходит? Какими мы становимся? Какими будем?»

В 1982 году В. А. Ярош был принят в члены Союза писателей России. Много сил он отдал изучению истории Невинномысска, на его глазах превратившегося из скромной станицы в современный город, промышленный центр края.

В. А. Ярош не кабинетный писатель, он стремится жить активной, полнокровной жизнью среди своих героев. Много лет Виктор Андреевич руководит литературным объединением «Кубань», пестуя начинающих поэтов и прозаиков. Он надеется, что какими бы трудными для литературы ни были последние годы, в людях сохранился запас внутренних духовных ценностей, потребность в творчестве:

Когда, за день намаявшись в заботах,
К столу присяду, притворю окно,
Я вижу, что уже явился кто-то
На белый лист, как на экран кино¹⁴⁴.

Е. Б. Егорова, библиограф СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ярош В. А. Чертов палец: Повесть. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1973. – 192 с.

Ярош В. А. Любовь моя, любовь...: Рассказы. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1980. – 174 с.: ил.

Ярош В. А. Наша с тобой биография: Докум.-худож. хроника. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1981. – 174 с.

Ярош В. А. Ветка алычи: Рассказы. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1985. – 204 с.

Содерж.: Случайная гостя; Поддубовские новости; Ветка алычи; Хурта; Осенняя роза; Телеграммы в юность; Испытай себя; Натюрморт с лимоном; Зеленые запахи; Технологический конфликт; Мончук; Иваново поле; Член общества; Имею право;

¹⁴⁴ Ярош В. А. Творчество: Стихи // Ярош В. А. Любовь моя, любовь...: Повести и рассказы. – Невинномысск, 2000. – С. 220.

Квадратный; Обнова; И вдруг среди суеты; Живи всегда; Принцесса Люська; Любовь моя, любовь.

Ярош В. А. Возвращение к себе: Стихи. – Ставрополь: Изд-во «Юркит», 1996. – 128 с.

Ярош В. А. Любовь моя, любовь...: Повести и рассказы. – Невинномысск: Гор. тип., 2000. – 255 с.

Ярош В. А. Слушаю небо: Стихи. – Невинномысск: Гор. тип., 2005. – 223 с.

Ярош В. Чувствовал Россию: [Стихи] // Ставроп. правда. – 2005. – 22 июня. – С. 3.

Ярош В. Рассказы: [Все нормально; Инопланетянка] // Лит. Ставрополье. – 2005. – № 2. – С. 37-52.

Анохина Л. Первая книга // Ставроп. правда. – 1973. – 20 сент.

Белоусов В. Это было недавно, это было давно // Молодой ленинец. – 1980. – 9 июля.

Борисов С. Кто они, наши современники // Кавказ. здравница. – 1986. – 21 июня.

Войнова Т. Выбор пути // Ставроп. правда. – 1974. – 4 июля.

Кандиева И. Уроки нравственности // Ставрополье. – 1981. – № 4. – С. 86-87.

Кожевников В. За оком души: [О писателе В. Яроше. К 50-летию со дня рождения] // Ставрополье. – 1986. – № 6. – С. 48-49.

Пирогова И. Казаться или быть...; Воронкина В. Авторская заданность и ее плоды // Ставрополье. – 1974. - № 1. – С. 62-66.

Степанов Б. О подвигах, о славе // Ставроп. правда. – 1981. – 25 нояб.

Ярош Виктор Андреевич: [Краткая биогр. справка] // Ставрополье. – 1985. – № 6. – 3-я с. обл.

Ярош В. А. Книга о современниках: [Интервью с членом Союза писателей СССР В. А. Ярошем] // Невинномысский рабочий. – 1985. – 1 янв.

Ярош В. А. Уроки поэта – на всю жизнь: [Беседа с писателем В. А. Ярошем. Записала Л. Филатова] // Невинномысский рабочий. – 1999. – 20 марта.

**ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ КАВКАЗА –
ИВАН ВАРФОЛОМЕЕВИЧ ЯКОБИ**
(К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

И. В. Якоби прожил интересную и богатую событиями жизнь. Это был умный, высокообразованный военачальник и государственный деятель.

Иван Варфоломеевич Якоби родился в 1726 г., воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе. Окончив в 1747 г. обучение, в чине прапорщика он был определен на службу в Сибирь, где комендантом был его отец. Более пятнадцати лет продолжалась служба Якоби здесь, где он выполнял многочисленные дипломатические поручения, заключающиеся в сопровождении различных документов и почты в Китай.

После смерти отца в 1769 г. Якоби покинул Сибирь и в чине полковника получил назначение во вторую армию, действовавшую на Кавказе против турок. В 1774 г. он был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Георгия за подвиг в Крыму, когда, командуя гренадерским каре, захватил турецкий ретраншемент и 12 орудий. Затем по приказу А. В. Суворова он участвовал во взятии крепости Алушты.

В 1774 г. окончилась турецкая война, но военные действия на Кавказе не прекращались. Однако этот край не имел для России большого значения до той поры, пока светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин не был назначен новороссийским генерал-губернатором и не обратил, наконец, должное внимание на отдаленную Астраханскую губернию. Якоби был назначен на Кавказ в 1775 г. по представлению князя Г. А. Потемкина со званием астраханского военного губернатора. Соединив, таким образом, в своих руках военное и гражданское правление, он стал одним из первых российских кавказских начальников.

По заданию Г. А. Потемкина Якоби вместе с фортификатором Н. Ладыженским и отрядом казаков совершил объезд будущей Азово-Моздокской линии укреплений, на месте определяя устройство крепостей. Одновременно он делал описание местности, что легло в доклад Г. А. Потемкина Екатерине II «Об учреждении линии от Моздока до Азова».

24 апреля 1777 г. императрица утвердила этот доклад. 8 мая того же года она объявила Потемкину указ: «На строение новоучреждаемой линии от Моздока до Азова потребную сумму пятьдесят тысяч рублей повелели мы отпустить... в ведомство нашего Астраханского губернатора Якобия».

В докладе Екатерине II Григорий Александрович сообщал, что описание границы от Моздока до Азова, положенное в основу укрепленной линии, выполнено по его указанию лично Якоби. Поэтому Потемкин просил ее: «Если Вашему Императорскому Величеству все выше описанное благоугодно будет, то построение сей линии, заселение войск, о командовании оными не соизволите ли... возложить на попечение помянутого губернатора, как испытанного уже в пограничных делах начальника, который... отправляя тамошние пограничные секретные дела, с

лучшею удобностию может управлять и оною линиею, нежели другой военный начальник».

Якоби начал с самых решительных мер для обуздания горцев. По его совету были заложены новые крепости Екатериноградская, Георгиевская и Ставропольская; при нем началось заселение будущей Кавказской губернии казенными крестьянами и построена Азово-Моздокская линия. Она начиналась с Моздока и через Екатериноградскую, Георгиевскую, Александровскую и Ставропольскую крепости шла до границ Войска Донского. Затем через крепость Св. Димитрия (ныне г. Ростов-на-Дону) доходила до Азова и состояла из десяти крепостей. При них располагались казачьи станицы, которые были укреплены ретраншементами. «Из них Моздокская крепость находилась в районе Моздокского полка, Екатериноградская, Павловская, Марьевская, Георгиевская и Александровская принадлежали к Волжскому полку, а Андреевская (впоследствии Северная), Ставропольская, Московская и Донская – к Хоперскому. Этим рядом крепостей и сильных казачьих станиц была прикрыта лежавшая за Тереком, между Кубанью и Доном, обширная пустынная степь... Якоби хорошо понимал, что одни договоры с Турцией не в состоянии были обеспечить наши границы от диких вторжений татар и потому спешил противопоставить им сплошное воинственное население хоперских и волжских казаков... Постепенно усиливающееся русское оседлое население начинает мало-помалу оттеснять кочевников и прочно занимать лучшие их земли, которые, однако же, все еще приходилось отстаивать с оружием в руках»¹⁴⁵.

В 1777 году в составе Азово-Моздокской линии появилось довольно мощное укрепление, которому вскоре было суждено превратиться в центр российской политики на Кавказе – город Георгиевск. Этот год считается официальной датой его основания на месте прежней крепости. Название крепость получила во имя великомученика Победоносца Георгия – святого, особо почитаемого российскими военными, а также осетинами и жителями Грузии. К осени 1777 г. укрепление было подготовлено для постоянного размещения в нем гарнизона.

Георгиевская крепость сразу стала одним из главных на Северном Кавказе административных центров. Здесь располагалась штаб-квартира командующего Кавказской линией. Потому Георгиевск был выбран местом подписания одного из важнейших дипломатических документов того времени – Договора о добровольном вхождении Восточной Грузии под протекторат Российской Империи. В 1783 г. документ, получивший название Георгиевского трактата, подписали послы Картли-Кахетинского правителя Ираклия II, князя И. Багратион-Мухранский, Ч. Чавчавадзе и архимандрит Гайозян. Со стороны России свою подпись поставил граф Павел Сергеевич Потемкин. Ираклий II отказывался от чьей либо зависимости, кроме России. Это было спасение грузинского народа от порабощения и прямого

¹⁴⁵ Потто В. А. Генерал Якоби // Потто В. А. Кавказская война. Т. 1. – Ставрополь, 1994. – С. 94.

уничтожения со стороны османских и иранских феодалов. Георгиевский трактат выражал духовную общность и общие интересы российского и грузинского народов.

После утверждения Екатериной II плана строительства крепостей первым к их возведению должен был отправиться Владимирский драгунский полк. Якоби ордером от 5 октября 1777 г. дал ему наставление выйти из уже устроенной Павловской крепости и идти к Черному лесу у истоков речки Ташлы: «...Предписывается вам следующее: как дистанция ваша занимается от реки Бийбалы до самого Черного леса, где и назначено к построению пять крепостей: 1-я – на Бийбале, 2-я – на Калаусе, 3-я – на Ташле, 4-я – Егорлыке и 5-я – при самом Черном лесе, но по позднему времени и по малости людей нынешнюю осень все их окончить не можно, для чего располагаю я ныне построить только две крепости – одну на Калаусе, а другую на Ташле, то вы позволите эскадроны ваши расположить в оных, смотря на пространство их, где больше оставить должно: к пребыванию же вашему месту назначается на Ташле...»

В прочих ордерах Якоби давались распоряжения о распределении по крепостям Азово-Моздокской линии артиллерийских орудий и боеприпасов.

Одной из гражданских сторон деятельности астраханского военного губернатора было устройство власти в поселениях, которые начали создаваться вокруг строящихся крепостей, а также инспекция хода их возведения.

На плечи Якоби легла и забота о первых переселенцах из Центральной России согласно указу об этом Екатерины II. В Астрахани Якоби оживил деятельность судостроительной верфи, заложенной еще Петром I. Теперь «суворовские» и вновь построенные суда стали подниматься вверх по Волге с торговыми целями, бороздили Каспий уже с военными целями, перевозя военные и прочие грузы к устьям рек Сулак и Терек. Якоби пытался оживить торговлю с Персией по морю.

С устройством Азово-Моздокской линии началось упорядоченное передвижение населения и товаров, что не устраивало тех кабардинских и адыгских князей, которые жили набегами на кочевые народы Предкавказья и южные окраины России. Весной 1779 г. они решили ликвидировать установленную границу.

Три или четыре тысячи черкесов переправились через Кубань под предводительством Дулак-Султана и напали на русские крепости. Одновременно шесть тысяч кабардинцев, перейдя через Малку, внезапно атаковали лагерь Якоби у крепости Св. Павла.

«Действия кабардинцев также не отличались особенной удачей. Отбитые два раза от лагеря Якоби, они повернули назад и бросились на Марьевскую крепость, где двести волжских казаков под начальством капитана Басса едва успели запереть перед ними ворота.

Обступив крепость и наскоро построив громадные щиты-мантелеты для прикрытия от казацких выстрелов, кабардинцы приступили к правильной осаде и повели траншеи. В два дня, работая руками и кинжалами, они дошли

до крепостного рва, как вдруг, утром десятого июня, в тылу у них появился Якоби. Разбитые в кровопролитном сражении, последовавшем затем под стенами Марьевской крепости, кабардинцы бежали за Малку и тотчас же... изъявили покорность, давали аманатов, предлагали двойное вознаграждение за причиненные убытки, но упорно стояли на требовании, чтобы были уничтожены крепости Павловская, Марьевская и Георгиевская. Получив отказ, кабардинцы в августе снова нахлынули на линию, и на этот раз ареной своих действий сделали окрестности Георгиевска. Здесь они выжгли на корню весь хлеб, истребили сенокосы, угнали много скота, пробовали даже штурмовать самый Георгиевск...

Это прискорбное происшествие случилось двадцать седьмого сентября, в тот самый день, когда на линию прибыли новые войска под командой генерал-майора Фабрициана...

Фабрициан предложил Якоби тотчас атаковать главный стан кабардинцев, расположенный на одном из островов, образуемых Малкой. Предложение было принято, и двадцать девятого сентября значительный отряд со всех сторон обложил кабардинцев... Пять часов длилась упорная битва... лагерь взят приступом, и все, что было на острове, легло под штыками русских солдат.

Замечательно, что в этом бою сражались против русских только одни князья и дворяне со своими вассалами – уорками и узденями. Простой народ почти не участвовал в битве, толпы его стояли верстах в шести-семи и при первых выстрелах бежали в горы. Лишенные лучших своих предводителей, кабардинцы явились в лагерь и просили пощады и мира. Им перечислили все учиненные ими до этого времени клятвы, столько же измен и столько же монарших прощений.

«Какое же обеспечение вы представите в том, что не нарушите и нынешней клятвы, как нарушили прежние?» – спросил их Якоби.

Кабардинцы ответили, что они вполне отдаются на великодушные победителей»¹⁴⁶. Когда были объявлены условия мира, обе стороны скрепили их своей клятвой, и кабардинцы торжественно признали Малку границей российских владений, отказавшись от всяких притязаний на земли, занятые под русские укрепления.

В результате этого район Пятигорья отошел под контроль России, и здесь была заложена крепость Константиногорская, положившая начало городу Пятигорску.

Построенная при слиянии рек Золотушка и Подкумок Константиногорская крепость позволяла контролировать стратегически важную долину и, что немаловажно, в перспективе давала возможность создать на основе местных источников минеральной воды курорты. По словам военного историка Иосифа Дебу, «...горячие, серные, целительные воды, а более державшиеся в Бештовых горах различные горские народы, и

¹⁴⁶ Потто В. А. Генерал Якоби // Потто В. А. Кавказская война. Т. 1. – Ставрополь, 1994. – С. 97-99.

обеспечение предполагаемых по реке Куме российских селений, были причиной построения Константиногорского укрепления».

Как же все-таки родилась Константиногорская крепость? Историк П. Г. Бутков в изданной в 1869 г. книге «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год» писал, что крепость построена по «представлению» И. В. Якоби. Но это сообщение не было подтверждено какими-либо историческими материалами.

Теперь же можно с полной уверенностью сказать, что утверждение историка соответствуют действительности. Об этом свидетельствует подлинный документ, хранящийся в Российском военно-историческом архиве.

Это – рапорт И. В. Якоби Г. А. Потемкину, посланный из расположенной на Азово-Моздокской линии крепости Святого Павла и датированный 23 июля 1779 г. Документ воскрешает сложный исторический период, когда во всей противоречивости сталкивались на Северном Кавказе стратегические интересы России по укреплению своих границ и захватнические устремления Турции.

Обращаясь к Г. А. Потемкину, Иван Варфоломеевич докладывал: «Хотя при поднесении всеподданнейшего Ея Императорскому Величеству от вашей светлости доклада о заведении линии и не полагалось крепости при Бештовых горах... весьма за нужное полагаю я там построить сверх прежнего апробованных одно укрепление сообразное прочим крепостям...»

Далее генерал подробно изложил свои предложения о переводе в «новую крепость» регулярных войск и переселенцев. Предложение о строительстве крепости Якоби обосновал не только тем, что новое укрепление «будет служить замком всей линии», но и с хозяйственно-экономической точки зрения. Места эти, по его заключению, «для конницы полезные, для земледелия плодотворные и для всей хозяйственной экономики выгодные, едва ли по всей линии подобные им сыскать можно».

«Чего ради, – заключил свой рапорт Якоби, – не благоугодно ли будет вашей светлости испросить мне Милостивого на то благоволения и определить сюда откуда заблагорассуждено будет один полевой батальон и исправных казаков на поселение и повелеть выслать их сюда к назначенному времени».

Рапорт Якоби – первый документ, в котором была высказана и обоснована мысль о необходимости строительства крепости «у Бештовых гор».

За заслуги перед Россией в деле освоения земель Кавказа высочайшим повелением Иван Варфоломеевич Якоби был произведен в генерал-поручики и награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

Между тем кабардинские князья, недовольные тем, что Якоби отобрал у них земли и верховья от устья Малки и по Большой и Малой Куме, начали писать доносы императору Александру I. Все это привело к тому, что в 1779 г. Якоби был смещен со своего поста, передав временно дела генералу Фабрициану.

Историки считают, что Константиногорская крепость начала строиться в 1780 г. Этот год является официальной датой основания города Пятигорска, хотя ряд документов указывает на более позднее появление крепости – около 1783 г. Свое название она получила в честь внука Екатерины II Константина Павловича. Константиновыми горами стали именовать русский район Пятигорья. Но название это не прижилось и осталось только в историческом имени крепости. Константиногорская крепость была первым в Пятигорье постоянным русским военным укреплением. В функции крепости входил военный контроль за передвижением отрядов немирных горцев по долине реки Подкумок. Долина с древности известна как важная торгово-военная дорога в Предкавказье.

В 1781 г. И. В. Якоби был назначен оренбургским губернатором. Но деятельность Ивана Варфоломеевича на этом посту была, как и на Кавказе, непродолжительной. В декабре 1782 г. генерал-поручик Якоби стал колыванским и иркутским генерал-губернатором. «При нем в Иркутске и Колывани, – пишет исследователь Ю. Лубченко, – были построены здания для присутственных мест, основаны приказы общественного призрения, богадельни, открыты народные училища. Были возобновлены торговые связи с Китаем и налажена торговля в Кяхте. Его неутомимая деятельность была оценена – Якоби наградили орденом Св. Владимира 1 степени».

Но и здесь на Якоби писали доносы уже особы, недовольные его реформаторскими делами. Десять лет тянулась тяжба и даже Екатерина II, поверив лживым наветам, сказала о Якоби: «Если бы он был горд и если бы у него было сердце, то теперь же зарезался».

Лишь при Павле I суд поставил точку в этом деле, определив: «Читано и перечитано нами несколько тысяч листов дело из коего иного не усмотрели, кроме ябед, сплетен и кляуз».

И. В. Якоби стал почетным шефом Таврического полка и получил чин генерала от инфантерии. Но Иван Варфоломеевич, уже решивший оставить военную службу, вышел в отставку. Он умер честным человеком в первые годы царствования императора Александра Павловича в 1803 г. в Петербурге.

В этом же году, 24 апреля, Александром I был направлен «Рескрипт» инспектору Кавказской линии, астраханскому военному губернатору и главноуправляющему в Грузии князю П. Д. Цицианову о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства». В связи с этим важным событием нужно всегда помнить, что намерения генерала Якоби устроить крепость близ Бештовых гор сыграли свою немаловажную роль в дальнейшем развитии прославленного курорта.

Дочь Ивана Варфоломеевича Якоби Анна Ивановна была замужем за отставным капитаном лейб-гвардии Преображенского полка, советником Нижегородской гражданской палаты Александром Никаноровичем Анненковым; их сын, Иван Александрович Анненков, поручик Кавалергардского полка, состоял членом петербургской ячейки Южного общества, участвовал в деятельности Северного общества декабристов и

после событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. был приговорен к каторжным работам в Сибири. После амнистии 1856 г. восстановлен в правах и, прожив 76 лет, скончался в Нижнем Новгороде, где служил председателем местной земской управы.

Илона Каргаманова, ученица 11-го класса Пятигорской гимназии № 4;

*А. Н. Коваленко, заведующая мемориальным отделом
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бентковский И. В. Генерал-майор Якоби: Основатель Моздокско-Азовской линии в 1777 году: (Биогр. заметка) // Ставроп. губ. ведомости. – 1877. – № 7.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией: В 12 т. / Архив. упр. наместника Кавказского / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис, 1866-1893.

Наш край: Документы, материалы, 1777-1917 гг.: К 200-летию г. Ставрополя / Гос. архив Ставроп. края; Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: П. А. Шацкий (гл. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. – 424 с.

Из содерж.: Устройство Азово-Моздокской укрепленной линии и ее заселение. – С. 19-49.

Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общее замечание о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах / Собр. И. Дебу с 1816 по 1826 год. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. – 463 с.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. – СПб., 1871-1888.

Исторический очерк Кавказских войн от начала до присоединения Грузии: (К 100-летию занятия Тифлиса) / Изд. Военно-ист. отдела при штабе Кавказ. воен. округа. – Тифлис, 1899. – 237 с.

Из содерж.: Генерал Якоби и время его управления Кавказской линией.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. – Ставрополь: Кавказ. край, 1994. – 672 с.

Из содерж.: Генерал Якоби. – С. 93-101.

Потто В. А. [Новая Азово-Моздокская линия и формирование двух новых казачьих полков Хоперского и Волжского. – Тяжелый поход этих полков летом 1777 года на Кавказскую линию. – Поселение волжских и хоперских казаков на новой линии. – Участие волжских и хоперских казаков в блистательной победе генерала Германа над сераскиром Батал-пашой. – Гребенцы, семейные казаки, волжцы и хоперцы в штурме Анапы] // Потто В. А. Два века Терского казачества. – Владикавказ, 1912. – Т. 2. – С. 128-136, 188-198.

Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь: Тип. губ. правл., 1912. – 10 с.

Толстов В. На Азово-Моздокской линии в 1777-1825 гг.; Пограничная служба на линии в период 1777-1800 гг.; На Кавказской линии в 1800-1825 гг. // Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска, 1696-1896. – Тифлис, 1900. – Ч. 1. – С. 44-136.

Всеподданнейший доклад князя Г. А. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волжского и Хопёрского казачьих войск / Публ. Е. Фелицына // Кубан. сборник. – Екатеринодар, 1904. – Т. 2. – С. 3-5.

Край наш Ставрополье: Очерки истории / Науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.

С. 78–87: Возникновение первых поселений у крепостных стен.

Алферов В., Чекменев С. Степная вольница: (Из истории земли ставропольской). – Ставрополь: Кн. изд-во, 1978. – 168 с.: ил.

Из содерж.: Кавказский форпост России. – С. 31-44; Беспокойная линия. – С. 45-60.

Чекменев С. А. Переселенцы: (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). – Пятигорск, 1994. – 391 с. – Библиогр.: с. 340-348.

Лубченков Ю. Н. Самые знаменитые георгиевские кавалеры России. – М.: Вече, 2003. – 480 с.

Из содерж.: Иван Варфоломеевич Якоби. – С. 134-135.

Маркелов Н. Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил.

Из содерж.: Иван Варфоломеевич Якоби. «Крепость при Бештовых горах». – С. 25-27.

Фоменко В. А. Константиногорская крепость: (Ист. очерк) / Ред. Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск, 2002. – 23 с.

Волосухин В. Ю. Проблемы защиты границы и строительство оборонительных линий на Северном Кавказе в 1-й половине XIX века // История и основные этапы становления государственной границы на Юге России и перспективы развития ККОПО. – Ставрополь, 1997. – С. 26-33.

Гниловской В. Г. Азово-Моздокская оборонительная линия // Памятники Отечества (Земля Ставропольская). – 2000. – № 48. – С. 42-47.

Гниловской В. Г. Первые карты Азово-Моздокской линии // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1974. – Вып. 3. – С. 122-143.

Гниловской В. Г. План Ставропольской крепости 1811 года: Историко-геогр. очерк // Материалы по изучению Ставроп. края. – Ставрополь, 1949. – Вып. 1. – С. 165-176. – Библиогр.: 7 назв.

Гниловской В. Г. Первые планы сел Александровского и Северного Ставропольской края, 1777-1778 гг.; Планы Донской и Московской крепостей Азово-Моздокской линии, 1800-1801 гг. // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1977. – Вып. 4. – С. 116-121; 129-132.

Маркелов Н. Под сенью Бештау: [Из истории строительства крепостей Азово-Моздокской укрепленной линии] // Пятигор. правда. – 1996. – 2 апр.

Неваленя Т. «...От Кизляра до Тамани»: [О жизни «Кавказской линии» в прошлом веке] // Пятигор. правда. – 1996. – 1 авг.

Охонько Н. А. Азово-Моздокская укрепленная линия – как прообраз пограничной стражи на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века // История и основные этапы становления гос. границы на Юге России и перспективы развития ККОПО. – Ставрополь, 1997. – С. 8-15.

Охонько Н. Забытые памятники российской славы: [Из истории крепостей Азово-Моздокской оборонит. линии] // Ставроп. правда. – 1997. – 4 июня.

Охонько Н. Азово-Моздокская линия и ее роль в становлении России на южных рубежах: (К 225-летию со времени основания) // Ставроп. хронограф на 2002 год. – Ставрополь, 2002. – С. 246-253.

Селегей П. Первая страница: [О генерал-поручике Якоби, распорядителе в делах по устройству укрепленной линии от Моздока до Азова] // Кавказ. здравница. – 1980. – 26 апр.

Стащук Н. И. Заселение Ставрополья в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставроп. края. – Ставрополь, 1952. – Вып. 4. – С. 137-173.

Федосов П. От Кубани до Каспия: [О переселении на Азово-Моздокскую линию хоперских и волжских казаков. 1777– 1860 гг.] // Ставроп. правда. – 1993. – 11 июня.

Хоменко Ю. Ставропольская крепость // Архитектура и строительство России. – 1990. – № 7. – С. 26-28.

Кузнецов И. Тихая линия: Ист. сказание о ставроп. казаках. – Ставрополь: Изд-во "Сенгилей", 1997. – 366 с., портр.

«Я МАЛО ЖИЛ И ЖИЛ В ПЛЕНУ...»

(К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ЗАХАРОВИЧА ЗАХАРОВА)

В Русском музее Петербурга хранится замечательный портрет генерала А. П. Ермолова кисти Петра Захарова. Нельзя не сказать о том, как причудливо переплелись судьбы художника и его героя.

Не многие, думается, из современных русских читателей догадываются, что лермонтовский Мцыри, один из самых ярких и любимых персонажей отечественной классики, по национальности – чеченец! Написав когда-то в детстве в подражание Пушкину «Кавказского пленника», теперь Лермонтов ситуацию совершенно перевернул: пленником у него становится не русский, а горец. Мцыри, конечно, чеченец не этнический, а, можно сказать, литературный. Для Белинского он – «пленный мальчик черкес» (черкесами тогда часто называли всех горцев), у Шевырева – «чеченец, запертый в келью монаха». Сам Лермонтов нигде в тексте поэмы об этом определенно не говорит, но по ряду деталей можно все-таки судить о национальной принадлежности героя. Вспомним сцену поединка с барсом и слова Мцыри: «Как будто сам я был рожден / В семействе барсов и волков...» Все это замечательно перекликается со строками «илли» – чеченской героической песни:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой...¹⁴⁷

По одной из версий в поэме Лермонтова отразилась судьба известного художника Петра Захарова. По рождению Захаров чеченец, его родной аул Дады-Юрт в наказание за набеги и в назидание всей остальной незамирной Чечне в 1819 году был уничтожен русскими войсками. «В сем намерении, – повествует в своих записках А. П. Ермолов, – приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву с небольшим отрядом войск, присоединив всех казаков, которых по скорости собрать было возможно, окружить селение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады...»

Облитого кровью трехлетнего ребенка, взятого из рук умирающей матери, солдаты доставили Ермолову, который захватил мальчика с собой в штаб-квартиру корпуса. Об этом потом в поэме «Мцыри» и упомянул Лермонтов:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал.
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес

¹⁴⁷ Перевод Н. Тихонова.

Трудов далекого пути.

Он был, казалось, лет шести...

Первоначально автор избрал эпиграфом к поэме французское изречение «On n'a qu'une seule patrie» («Родина бывает только одна»), но впоследствии заменил его строкой из Библии.

Пленника Ермолов крестил и передал под присмотр казаку Захару Недоносову, откуда пошла и фамилия – Захаров. Когда ребенок подрос, его взял на воспитание двоюродный брат Ермолова – генерал П. Н. Ермолов, командир 21-й пехотной дивизии. Обнаружив в себе незаурядные способности, Захаров учился в Петербургской Академии художеств, завершив курс с серебряной медалью. Стал известным живописцем, за портрет Ермолова, выполненный в 1843 году, он был удостоен звания академика. На портрете Ермолов изображен как человек своей эпохи, а вернее, как человек и эпоха, то есть личность столь же грандиозная, как Кавказские горы за его спиной, а эпоха – столь же грозная, как черное грозное небо над ними.

Трудно сказать, можно ли вполне полагаться на слова современника о Захарове, что «Брюллов считал его лучшим после себя портретистом». Однако портрет «проконсула Кавказа» – произведение впечатляющей художественной силы – получил успех в обществе, и с него было выполнено несколько литографий, причем такой известный издатель и торговец как Дациаро сделал это без разрешения автора, пустив в продажу «пиратские» оттиски. Считают, что Петр Захаров мог быть знаком и с Лермонтовым и даже написал его прекрасный портрет в мундире лейб-гвардии Гусарского полка.

В 1843 году, то есть в год получения звания академика, в полном расцвете таланта Захаров написал «Воинственный автопортрет в бурке с ружьем», изобразив себя в традиционном одеянии кавказских горцев и с зачехленным ружьем за плечами. «Задумчивое лицо, глубокие темные глаза с грустным проницательным взглядом психологически верно передают глубину горя человека, оторванного от родины, – отмечает исследователь творчества Захарова Н. Ш. Шбаньянц. – Художник отлично пишет кавказскую бурку и папаху, столь распространенные среди горцев. Непринужденная композиция, с несколько легким полуповоротом фигуры подчеркивает своеобразие портрета. Несмотря на то, что художник с самых ранних лет жил в русской семье, он никогда не забывал о своем народе и до конца жизни оставался верен ему».

В последние годы автопортрет Захарова находился в Чечено-Ингушском республиканском музее краеведения в городе Грозном. Музей пострадал в ходе недавних боевых операций, и судьба автопортрета нам неизвестна. В Государственном музее-заповеднике М. Ю. Лермонтова в Пятигорске хранится пусть и не столь значительный, но все же очень интересный акварельный портрет Петра Захарова работы художника Р. Леона. Русский художник «из чеченцев» изображен на нем незаурядным и сильным человеком, достигшим высоты своего дарования, но уже утомленным нуждой и болезнью.

Перед схваткой с барсом Мцыри испытывает «жажду борьбы и крови», причем испытывает неожиданно для себя, ибо прежде, говорит он, «рука судьбы вела меня иным путем...». Чеченец, ставший русским художником, – это судьба, и рукой судьбы тут послужил сам Ермолов; может быть – не слишком доброй рукой, так как аул Дады-Юрт был уничтожен именно по его приказу. Портрет генерала художник подписал так, как и обычно это делал: «П. Захаров, из чеченцев». С трех лет не слышавший родной речи, выросший в русской семье и воспитанный в лоне русской культуры, он упорно выводил всякий раз на законченном полотне: «чеченец». Родина бывает только одна.

*Н. В. Маркелов, главный хранитель
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Шабаньянц Н. Ш.** Академик П. З. Захаров, художник из чеченцев, (1816-1846 гг.). – 2-е изд., перераб. и доп. / Респ. музей изобраз. искусств. – Грозный: Чечено-ингуш. кн. изд-во, 1974. – 59 с.
- Сто шедевров Лермонтовского музея / Сост. Н. В. Маркелов.** – Пятигорск: Снег, 2004. – 199 с.
- Из содерж.: «Как при Ермоллове ходили в Чечню, в Аварию к горам». – С. 108-112.
- Маркелов Н.** Кавказские силуэты. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006. – 280 с.: ил.
- Из содерж.: Петр Захарович Захаров. «Я мало жил и жил в плену». – С. 145-152.
- Ефремов П. А.** Портреты Лермонтова // Рус. старина. – 1875. – № 9. – С. 66-69.
- Малахова В. Г.** О портретах М. Ю. Лермонтова // Таманская старина. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 92-95.
- Асуев Ш.** Мцыри, который... рисовал Лермонтова // Сов. Россия. – 1985. – 17 мая. – С. 6; Кавказ. здравница. – 1985. – 21 мая.
- Виноградов Б. С.** Размышления о портрете: (К вопросу о типологии литературы и живописи): [Жизнь и творчество П. З. Захарова] // Вопросы литературных связей. – Грозный, 1979. – Т. 8. – С. 43-49.
- Гоголев Н.** Об одной загадочной подтасовке: [О судьбе портрета М. Ю. Лермонтова работы П. Захарова] // Интеллектуал. собственность. – 1995. – № 11-12. – С. 49-52.
- Захаров В. А.** Портрет поэта: [История портрета М. Ю. Лермонтова, написанного по заказу бабушки поэта – Е. А. Арсеньевой художником-чеченцем Петром Захаровым не ранее 1838-1839 гг.] // Ставрополье. – 1991. – № 3. – С. 32-39. – (К 150-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова).
- Захаров В. А.** Портрет: [Проблема авторства портрета Лермонтова] // Ставроп. правда. – 1989. – 12-15 окт. – С. 7.
- Лохвицкий М.** «Демон» – древнее адыгейское сказание? Прообраз «Мцыри»? Две гипотезы: [П. Захаров – прототип «Мцыри»] // Лит. Грузия. – 1987. – № 6. – С. 162-174.
- Льянов Б.** Как защищал права художник XIX века, или История об интеллектуальных кражах: [О работе П. Захарова «Портрет М. Ю. Лермонтова»] // Интеллектуал. собственность. – 2000. – № 3. – С. 70-75.
- Молева Н.** Кто ты, Мцыри?: [О П. З. Захарове – предполагаемом прототипе Мцыри] // Москва. – 2003. – № 2. – С. 215-220.
- Степанова С.** Петр Захаров – чеченец: [Портрет М. Ю. Лермонтова работы Захарова] // Юный художник. – 1987. – № 12. – С. 33-37.
- Харлампиева И.** Судьбы связующая нить: [О версии знакомства М. Ю. Лермонтова с художником П. Захаровым] // Библиотека. – 2000. – № 12. – С. 84-86.

Шабаньянц Н. Ш. М. Ю. Лермонтов и художник П. З. Захаров // М. Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI Всесоюз. лермонтов. конф. – Ставрополь, 1965. – С. 153-159.

Шинкаренко И. К атрибуции так называемого «вильфертовского» портрета М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1968. – № 12. – С. 65-67.

Шинкаренко И. Об авторе и дате одного из портретов М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1970. – № 6. – С. 67-68.

СОВХОЗ «ПЕРВОМАЙСКИЙ»

(К 75-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ)

Государственное хозяйство совхоз «Первомайское» Наркомзема РСФСР было организовано в Минераловодском районе в 1931 году как свиноводческое. В довоенное время оно интенсивно развивалось. Были построены животноводческие помещения, жильё для работников совхоза, создана инфраструктура. Хозяйство было обеспечено необходимой сельскохозяйственной техникой и стало работать рентабельно. Однако его поступательному развитию помешала Великая Отечественная война. Коллектив совхоза, несмотря на то, что многие мужчины были призваны в действующую армию, делал всё зависящее от него, чтобы дать максимальное количество сельскохозяйственной продукции для фронта и страны. Многие рабочие места заняли женщины, старики и подростки, которые встали на военную трудовую вахту под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!» Рабочие совхоза трудились, не считаясь со временем, работая и за тех, кто был призван в действующую армию.

В период оккупации с августа 1942 по январь 1943 годов сельчане стремились внести свой посильный вклад в борьбу с фашистами. С риском для жизни они бойкотировали мероприятия оккупантов, выводили из строя технику, срывали важные мероприятия, направленные на разграбление хозяйства. В частности, многие из них не возвратили на фермы животных, взятых ими перед оккупацией. Совхозу был нанесен колоссальный ущерб: разграблены животноводческие фермы, запасы зерна и кормов, разрушены хозяйственные постройки, уничтожено оборудование.

После освобождения совхоза от немецко-фашистской оккупации в январе 1943 года работники совхоза приступили к восстановлению разрушенного и разграбленного оккупантами. На фермы и хозяйственные дворы сводили сохранённый работниками совхоза скот, сносили припрятанную упряжь. В степи собирали отставших, брошенных и раненых лошадей, запасные части к тракторам, комбайнам, сельскохозяйственным машинам. Рабочие совхоза приступили к подготовке к весенне-полевым работам: ремонтировали технику, откармливали рабочий скот.

Весенне-полевые работы приходилось вести в чрезвычайно трудных условиях. Техника значительное время простаивала, так как не было запасных частей, не хватало топлива. Основная тяжесть весенне-полевых работ легла на плечи женщин, стариков и подростков.

В архиве сохранился финансово-хозяйственный отчет о деятельности совхоза за 1943 год. Расходы и потери, вызванные войной и непокрытые спецассигнованиями, составили 22488 рублей. Эта сумма была погашена прибылью от сдачи продукции государству с учетом госдотации и от реализации продукции подсобных отраслей (огородничество) и составила 112000 рублей. На склады совхоза от урожая 1943 года поступило всего 2159 ц зерна, что было крайне мало и не могло обеспечить свинопоголовье кормами. Урожай оказался очень низким из-за того, что работники,

саботируя мероприятия оккупантов, сорвали осенью 1942 года полевые работы: некачественно провели сев, не вспахали под посев землю.

Преодолевая трудности военного лихолетья, работники вели большую созидательную работу, стремясь быстрее достичь довоенного уровня. В 1945 году коллектив совхоза «Первомайский» добился положительных результатов: весенний сев был выполнен в сжатые сроки, а хлебоуборка проведена качественно, главным образом комбайнами. Сдача продукции государству была перевыполнена, осенний сев осуществлён в хорошие агротехнические сроки. Был перевыполнен план по получению молодняка (телят и поросят). Большинство зерновых озимых (пшеница, ячмень) и яровых (овёс, ячмень) культур было расположено на расстоянии 10-15 км от усадьбы¹⁴⁸.

В послевоенные годы в совхозе была проделана большая работа по наращиванию объёмов производства за счёт его интенсификации, внедрений достижений сельскохозяйственной науки в практику. Хозяйство сложилось как многоотраслевое. Коллектив активно включился в социалистическое соревнование за высокие показатели по производству и сдаче государству мяса, молока, яиц и сельскохозяйственных культур. Совхоз «Первомайский» был всегда в числе ведущих хозяйств по выполнению обязательств в районе. В нём широко практиковалось подекадное подведение итогов соревнования с вручением переходящих вымпелов и знамён. Бригаде, занявшей первое место, вручались красный вымпел и денежная премия в размере тридцати рублей.

В директивах по пятому пятилетнему плану была поставлена задача добиться производства в стране не менее 75 ц мяса на 100 га пашни и 16 ц мяса на 100 га других сельскохозяйственных угодий. Задача была сложной и требовала от тружеников сельского хозяйства более интенсивных методов работы. Такой подход к решению вопроса обеспечения населения страны мясом нашёл горячую поддержку коллектива совхоза «Первомайский». Рабочие и специалисты, обсуждая данный вопрос, отмечали, что добиться его решения можно только самоотверженным и высокопроизводительным трудом. В совхозе ещё раз внимательно посмотрели на расстановку кадров в животноводстве, а также на то, кого можно дополнительно направить на животноводческие фермы. Большая роль в этом отводилась профсоюзной организации совхоза, которая объединяла большинство работников.

В это время на фермах работали 245 человек. Главные усилия администрации, общественных организаций совхоза и всего коллектива были направлены на увеличение производства продуктов земледелия и животноводства. При этом значительное внимание уделялось воспитательной работе в коллективе, выращиванию и поощрению маяков производства. Одним из таких маяков для всех на свиноферме стала Н. В. Потапова, которая проявила инициативу, взяв на себя повышенные обязательства и приняла для ухода 25 супоросных свиноматок вместо 17 по норме. Благодаря

¹⁴⁸ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.

её заботливому уходу за свиноматками она не допустила отхода и от каждой из них получила за один опорос более 8 поросят, которые были все сохранены. Это послужило примером добросовестного отношения к труду и своим обязанностям.

С начала 60-х годов широко стали внедряться принципы материальной заинтересованности в зависимости от результатов работы. В свиноводстве лучших показателей добилась бригада № 5 фермы № 1, получившая за один опорос от одной свиноматки по 9,1 поросёнка; отличились свиноводки Н. И. Ткаченко, А. И. Чупахина и Н. В. Потапова. Работая в суровых условиях зимы, труженицы боролись за жизнь каждого поросёнка. Содержание поголовья в примитивных лагерях и недостаток кормов усложняли основную задачу по воспроизведению животных в намеченном объёме. Бригада не останавливалась перед возникающими трудностями, используя советы более опытных работников. В результате, труженицы перевыполнили план и не остались в долгу перед Родиной.

По молочным гуртам лучшие показатели имела ферма № 4, где было надоено 550 кг молока на фуражную корову. Работницы фермы строго соблюдали правила зооветсанитарии, применяя опыт мастеров животноводства. Благодаря этому кислотность молока не превышала нормы, а случаи падежа скота были редки из-за содержания поголовья животных в тёплых коровниках с сухими подстилками. Регулярная дезинфекция станков и образцовый порядок снижали вероятность риска по ухудшению качества молока. Так, в 1960 году государству было сдано 2123 ц мяса, или 133% плана, 3266 ц молока на 163%, 762 тыс. штук яиц на 181% плана.

Работники птицеводства брали пример с Матрены Архиповны Миргородской, которая работала в совхозе с 1953 года. Благодаря своему старанию и трудолюбию опытная птичница добилась высокой яйценоскости кур-несушек. При обязательстве 138 яиц она получила по 146 яиц с каждой курицы. Миргородская была удостоена почетного звания «Лучшая птичница Ставрополя», а также Красного знамени Минераловодского райкома КПСС и райисполкома¹⁴⁹.

Следуя задачам, установленным на XXII съезде КПСС, состоявшемся в 1962 году, по увеличению производства мяса, а соответственно поголовья скота, основным направлением на фермах было избрано свиноводство. Для этого использовалось искусственное оплодотворение свиноматок, что позволяло получить ожидаемое потомство с большей массой от особей, не отличавшихся высокими показателями.

Планка была поставлена достаточно высокая. За год было необходимо получить 18 тыс. поросят, откормить и сдать государству 14 тыс. голов свиней. Возникли некоторые трудности по размещению поголовья. Но здесь нашли выход из создавшегося положения путём применения групповых методов проведения опоросов в нескольких расширенных станках. В каждом

¹⁴⁹ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

из них находились по три-четыре свиноматки, это давало возможность полнее использовать производственные площади помещений.

Наряду со свиноводством решались задачи по производству птичьего мяса. Во время развернувшейся в крае кампании по повсеместному выращиванию мяса птицы совхозом было получено 130 тыс. ранних цыплят и 30 тыс. утят. В связи с этим пришлось расширить летний лагерь по содержанию птицы, а для водоплавающей отвести специальные водоёмы¹⁵⁰.

В процессе работы вырастали руководители подразделений совхоза. Молодой девушкой пришла на свиноферму Зина Доценко. Работала добросовестно, добиваясь высоких показателей. Здесь её приняли кандидатом в члены КПСС. А когда встал вопрос о бригадире, то Доценко было доверено руководство бригадой свиноводов. Она проявила хорошие организаторские способности, упорство и настойчивость в достижении цели. Под её руководством бригада добивалась замечательных успехов в труде. К открытию XXII съезда КПСС в начале октября 1962 года коллектив бригады успешно справился с годовым заданием, получив 3050 поросят, что на 50 голов больше годового обязательства. Бригаде было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда», а З. Н. Доценко – звание «Ударник коммунистического труда», вручен диплом «Лучшая свинарка Ставрополья».

Специалисты стремились сделать опыт передовиков производства общим достоянием каждой фермы, бригады, каждого работника животноводства. Механизаторы совхоза вносили ценные рационализаторские предложения, которые способствовали поднятию производительности труда и снижению себестоимости продукции, а также улучшению условий труда рабочих. Передовики брали шефство над отстающими, к ним часто приезжали гости из других хозяйств, чтобы ознакомиться с работой механизаторов кормоцеха. Молотобоец И. П. Исаенко и кузнец П. В. Парасенко внесли ряд предложений по переоборудованию навозоразбрасывателя РПТМ-2 для разбрасывания минеральных удобрений. Экономический эффект от этого изобретения составил 150 рублей. Не менее ценное предложение было внесено механиком отделения И. И. Шопорюком и трактористом А. Д. Иванушкиным по изготовлению приспособления для разгрузки навоза с тракторных прицепов и автомобилей. Экономический эффект от этого предложения составил 700 рублей в год¹⁵¹.

На основании инструкции, утвержденной Министерством сельского хозяйства СССР от 7 мая 1960 года, по согласованию с Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, Министерством финансов СССР и ВЦСПС в совхозе выплачивали денежные вознаграждения рационализаторам.

Когда в стране началось увлечение шелководством, в совхозе Первомайский много внимания уделялось разведению гусениц тутового шелкопряда, а также производству и сдаче коконов государству по отделениям. В связи с недостатком общественных помещений гусениц

¹⁵⁰ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 126. Л. 23.

¹⁵¹ Коммунист. – 1962. – № 4. – С. 2.

частично раздавали работникам совхоза. Это в некотором роде облегчало их разведение, так как на дому выкармливание велось без отрыва от производства¹⁵². Однако развития это направление не получило. Дело было хлопотное, требовало значительных затрат ручного труда, а в совхозе и так не хватало рабочих для решения главных производственных задач.

В повышении производительности труда, состоянии дисциплины и положении дел по повышению производства продукции огромную роль играли охрана труда, техника безопасности и социальное страхование. Контроль за этим осуществлял профсоюзный комитет. При нем состоял ответственный инспектор. В отделениях и цехах, а также в профгруппах имелись общественные организаторы, на которых был возложен контроль за состоянием охраны труда и техники безопасности. Однако, в погоне за высокими показателями нередко ему не уделялось должного внимания, в результате чего были производственные травмы. При этом общая потеря рабочих дней за 1968 год составила 280, за которые были выплачены 684 рубля¹⁵³.

Рабочий комитет в поле своего зрения держал социально-бытовые вопросы в коллективе. Через жилищно-бытовую комиссию совхоза он занимался не только распределением новых квартир, их ремонтом, но также обеспечением рабочих земельными участками под огороды личного пользования. Большое место в его работе занимала культурно-массовая работа. От получения квартир рабочими зависело многое, а главным образом обеспеченность хозяйства кадрами. Поэтому в совхозе постоянно велось жилищное строительство. Только в 1968 году 36 семей получили квартиры в новых домах. Большое количество квартир было отремонтировано, хотя из-за отсутствия лесоматериалов возникали определенные проблемы¹⁵⁴.

Основными очагами проведения культурно-массовой работы являлись клубы и библиотеки, а также красные уголки. В совхозе имелись 4 клуба. В клубах и красных уголках читались лекции, доклады на общеполитические, производственно-массовые и другие темы. В клубе центральной усадьбы регулярно демонстрировались кинофильмы, работала агитбригада, которая также выступала и в отделениях. Библиотека центральной усадьбы имела 8067 книг и 801 читателя. В ней проводились читательские конференции и тематические вечера. Красные уголки находились при каждой МТФ, а также в некоторых отделениях и бригадах¹⁵⁵.

Вместе с совхозом росли и его люди. Валентина Алексеевна Коровашкина пришла в совхоз «Первомайский» младшим зоотехником в 1968 году и работала на МТФ до 1996 года. Ферма на тот момент находилась в упадке. Надои на фуражную корову не превышали 2500 кг в год. С приходом Валентины Алексеевны «работа закипела», стала проводиться

¹⁵² ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 126. Л. 23.

¹⁵³ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 184. Л. 15.

¹⁵⁴ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 184. Л. 22.

¹⁵⁵ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 184. Л. 19.

учёба доярок с изучением новейших методов труда, достижений и опыта передовиков и подведением итогов работы. На занятиях внимательно выслушивались поступавшие предложения по увеличению объёмов продукции. Ферма постепенно набирала темпы в работе и вскоре стала ежегодной победительницей в социалистическом соревновании. Удои молока здесь выросли до 4 тыс. кг в год. Люди, работавшие с Валентиной Алексеевной, относились к ней с огромным уважением, называли ее отзывчивым и добрым человеком, которая помогала устраивать детей в ясли, получить квартиру и в решении многих жизненных вопросов. Проработав шесть лет зоотехником, она была назначена бригадиром. За трудовые достижения Валентина Алексеевна была награждена медалью «За трудовую доблесть», орденами «Знак Почёта» и Трудового Красного Знамени.

В 1972 году руководителем совхоза «Первомайский» стал С. В. Турапин. После окончания агрономического факультета Ставропольского сельскохозяйственного института в 1954 году он работал в совхозе «Темижбекский» Новоалександровского района. Затем достаточно продолжительное время был агрономом в совхозе «Каменнобалковский» Благодарненского района, откуда его направили на должность директора совхоза «Первомайский». В совхозе в это время были три отделения, которые работали по направлениям полеводство, животноводство, в том числе молочное, и птицеводство.

Первое отделение находилось в посёлке Загорском, рядом с комбикормовым заводом и занималось свиноводством, птицеводством и разведением крупного рогатого скота. Совхоз имел 500 голов свиней, 130 тыс. голов птицы, стадо крупного рогатого скота составляло 4000 голов, в том числе 1200 коров.

Второе отделение располагалось в Баженово, главным направлением которого было полеводство. Выращивались пшеница, ячмень, овёс, рожь, сортовая и гибридная кукуруза, подсолнечник, гречиха, соя, картофель, кормовая свекла и другие культуры. Общая площадь сельскохозяйственных угодий составляла 13 тыс. га, из них 10 тыс. га были под пашней.

Третье отделение размещалось в хуторе Красный Чабан. Основная его работа была направлена на разведение крупного рогатого скота и молодняка.

Четвертое отделение находилось в хуторе «Славянский», напротив стекольного завода, и занималось разведением дойных коров и телят. Оно состояло из четырёх корпусов, в трех из которых содержали коров, а один отводился для молодняка. Между первым и вторым корпусами был построен переход, который функционировал как родильное отделение для телят. Также здесь находилось оборудование по первичной переработке молока. В 1974 году во время ящура молоко приходилось стерилизовать при температуре 70 градусов в течение 40 минут, поэтому оно было безопасным для населения. Его сдавали на Минераловодский и Иноземцевский молочные комбинаты для дальнейшей переработки.

Поскольку совхозу нужна была прочная кормовая база для животноводства и птицеводства, то встал вопрос о строительстве

собственного комбикормового завода. К его организации подошли со всей ответственностью. Для приобретения необходимого оборудования были привлечены средства из государственного бюджета. Строительство началось в 1975 году под руководством инженера Ю. И. Рубана, который в дальнейшем стал директором комбикормового завода. Из Югославии было завезено современное оборудование, благодаря которому можно было одновременно производить восемнадцать видов кормов в необходимом объёме. Процесс был полностью автоматизированным, и за ним наблюдало лишь несколько человек. Совхоз превратился в высокорентабельное сельскохозяйственное предприятие.

Агрономы и земледельцы совхоза, занимаясь вопросами повышения культуры земледелия, непрерывно искали пути рационального использования ресурсов, а также средств, выделяемых государством для развития сельского хозяйства и кредитов, взятых в банке. Кроме того, немаловажной задачей было бережное отношение к земле, добиваясь при этом максимальной отдачи от каждого гектара, от каждой тонны внесенных удобрений. Повышать продуктивность полеводства и животноводства за счёт внедрения в производство достижений сельскохозяйственной науки стало главной обязанностью всех специалистов.

Весомый вклад в развитие растениеводства внес главный агроном Н. В. Каминский, который на основе своих разработок, апробированных на практике, написал и защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. Для повышения урожайности им использовались опытные участки. Первоначально на них высевались семена различных культур в небольшом объёме, а затем по всхожести определялось соответствие условий (влажность почвы, климат, кислотность, вносимые удобрения и др.) для высокопродуктивного разведения сельскохозяйственных культур в совхозе. В ходе опытов Каминский выяснил, что немаловажной проблемой является низкий уровень обеспеченности растений фосфорным питанием, а также угнетение их сорняками в период вегетации. Поэтому большое внимание агроном уделял обогащению почвы фосфором. Лучшими способами оказались внесения удобрений под основную обработку почвы и припосевное. В зависимости от наличия в почве подвижных форм фосфора на гектар вносились 3-5 ц суперфосфата. В результате удалось увеличить средний урожай подсолнечника в 1977 году на 3,9 ц, или на 43%.

В практику широко вошло умелое применение химической прополки, что также существенно повлияло на повышение урожайности. В то же время оказалось, что при обработке почвы гербицидами уничтожались не только злаковые сорняки, но и подсолнечник в начальные фазы его развития. Выяснилось, что этот гербицид оказался бессильным против двудольных сорняков. Путём опытных исследований было установлено, что при внесении гербицидов в хорошо прогретую почву (10-12 °С) на глубину заделки семян они полностью поражают взошедшие сорняки и наклюнувшиеся одно- и двудольные растения. Однако уже через 8-10 дней гербициды не оказывают

вредного воздействия на высевные семена подсолнечника, при этом урожай поднимается на 8 ц с га, или на 93,5%. Таким способом в 1976 году было обработано и получено 276 га и получено 378 тыс. ц семян.

Н. В. Каминский большое внимание уделял предпосевной подготовке семян. Наиболее часто используемым методом стала их обработка микроэлементами и электрическое облучение в коронном разряде магнитного поля. При электрическом облучении семян прибавка урожая составила 1,7 ц с га, или 9,6%. На участках, где высевались обработанные смесью микроэлементов семена, с каждого га собрали на 7,8 ц маслосемян больше, чем на контрольном поле. С смесь микроэлементов (цинк, марганец, кобальт, медь) использовалась для обработки не проросших семян, при этом их всхожесть повышалась на 2-10%. Это служило дополнительным подтверждением высокой жизнеспособности и урожайности растений, полученных из обработанных семян. Микроэлементы также широко использовались для внекорневой подкормки зерновых культур. Благодаря применению этого же приёма на посевах кукурузы в 1978 году экономический эффект составил 15200 рублей¹⁵⁶.

Сергей Владимирович Турапин руководил совхозом «Первомайский» до 1980 года. За годы работы он показал себя умелым организатором. Совхоз неоднократно одерживал победу в социалистическом соревновании, занимал высокую позицию среди хозяйств по району. Ежегодно подводились итоги работы тружеников совхоза, вручались знаки, вымпелы и медали. За достигнутые результаты С. В. Турапин был награжден орденом Ленина.

В 1980 году директором совхоза стал Юрий Иванович Рубан, бывший выпускник Ставропольского сельскохозяйственного института, со специальностью инженера-механика. После получения диплома он некоторое время работал в совхозе «Урожайненском» Нефтекумского района. В 1975 году Рубан был назначен директором комбикормового завода в совхозе «Первомайский», в строительстве которого принимал активное участие. Юрий Иванович перевел структуру хозяйства на цеховую систему, от четырех отделений перешел к девятнадцати участкам.

Три участка занимались растениеводством. На них возделывались пшеница, рожь, овёс, картофель, гибридная кукуруза, кориандр, горох, рапс и подсолнечник. Были расширены общие площади, занимаемые теплицами, и к 1983 году они составили 1 га. Совхоз сдавал государству 600 т растительного масла в год. Большое внимание уделялось повышению культуры земледелия и плодородия почв. С этой целью ежегодно на гектар вносилось 20 т органических удобрений и 2,5 т минеральных. Для сравнения в настоящее время их вносится менее 1,5 т.

На молочнотоварных фермах тщательно следили за санитарным состоянием в связи с тем, что вероятность попадания аммиака в надоенное молоко была велика. Это способствовало бы повышению кислотности молока, поэтому стали применять специальные установки – «ёлочки».

¹⁵⁶ Коммунист. – 1977. – № 46. – С. 3.

Благодаря такому устройству молоко по молокопроводам сразу поступало во фляги, а затем в холодильник. При сдаче молока на молочные комбинаты для дальнейшей переработки его кислотность была оптимальной.

В районе нельзя было встретить хозяйства, которое по рентабельности превосходило бы совхоз «Первомайский». Так, в 1987 году рентабельность производства здесь составила 36,2%. Этому во многом способствовало переводение хозяйства на хозрасчёт и самокупаемость, поэтому оно практически не нуждалось в дотациях государства. Производительность труда увеличилась на 160 % и в год на человека составляла 7-8 тыс. рублей, что давало возможность выплачивать заработную плату сотрудникам в размере 500 рублей. Для сравнения заработная плата председателя совхоза составляла 650 рублей.

В 1981 году была организована пасека, насчитывавшая к 1988 году 150 ульев. Для увеличения объёмов ожидаемого мёда проводились внеплановые посеы медоносов для пасеки. Для этого использовались гречиха, акация, подсолнечник, эспарцет и многие другие культуры. Большое внимание уделялось посевам рапса, так как он начинал цвести в конце апреля, а использование его в качестве медоноса способствовало разрастанию пчелиных семей. Ульи размещались недалеко от полей для эффективного сбора пыльцы. Если расстояние, преодолеваемое пчелой, превышало один километр, то собранная ею пыльца расходовалась на собственные нужды, что соответственно снижало объём мёда. На зиму ульи перевозились в скрытые от ветра места – лесополосы и посадки. Для уменьшения вероятности гибели насекомых производилось утепление ульев. С пасеки мед поступал на центральный склад и уже отсюда он отправлялся в школы, детские сады и на участки.

Особое внимание в совхозе уделялось социальной сфере и закреплению кадров. С этой целью значительные средства выделялись на социально-культурное строительство. В 1980-1988 годах были построены многоквартирные дома. А всего совхоз имел на балансе 440 благоустроенных квартир. В поселке Загорском был построен детский сад на 140 мест и комплекс средней школы. Здесь же на первом отделении была отремонтирована столовая с использованием среднеазиатского мрамора, украшенного ручной росписью. Она использовалась как зал торжеств, в том числе для проведения свадеб, юбилеев и массовых мероприятий. На молочнотоварных фермах были организованы оздоровительные комплексы с саунами, массажными кабинетами и др. Рабочим комитетом выдались путевки в дома отдыха, санатории и профилактории. Кроме этого совхоз имел возможность отправлять на отдых небольшие группы людей за счет средств фонда предприятия. Для детей ежегодно имелись путевки в пионерские лагеря Пятигорска и Терконзавода¹⁵⁷.

В годы перестройки совхоз «Первомайский» распался на несколько организаций: АО «Астор», хозяйство «Первомайское» и СПК «Дружба».

¹⁵⁷ ГАСК. ФР. 3386. Оп. 1. Д. 184. Л. 16.

Первоначально деятельность акционерного общества «Астор» была направлена на производство мяса и зерна, руководителем которого был назначен Юрий Иванович Рубан. В начале 2000 года от «Астора» был обособлен ещё один сельскохозяйственный промышленный комплекс «Первое Мая», руководителем которого стал Валерий Иванович Попов. Функции этих организаций были направлены на ликвидацию задолженностей государству. В настоящее время внешний управляющий СПК «Первое Мая» устроил торг имущества в связи с предстоящей ликвидацией организаций.

Основной задачей хозяйства «Первомайское» с момента основания и до сегодняшнего дня является увеличение производства зерна для сдачи его государству. Руководителем хозяйства является В. И. Степаненко. СПК «Дружба» под управлением Владимира Ивановича Гриднева занимается производством мяса и молока, имея в своём распоряжении около 80 коров. Оба хозяйства находятся в упадке.

Сегодня значительная доля от общих объёмов производства мяса в крае (64%) и молока (73%) приходится на крестьянско-фермерские и личные подсобные хозяйства. В частном секторе поголовье коров в три раза больше, чем в сельхозорганизациях, поэтому вопрос продуктивности индивидуального молочного стада из личного перерастает в рамки государственного. От того, сколько продукции и какого качества будет производить частный сектор, зависит деятельность перерабатывающих предприятий и молочных заводов, а значит и обеспеченность жителей свежими и качественными продуктами.

В сентябре 2005 года Президентом России были предложены приоритетные национальные программы. Национальный проект развития аграрно-промышленного комплекса будет строиться на принципах рыночной экономики. Поставлена задача увеличения производства мяса и молока, так как потребление именно этих наиболее ценных продуктов питания на душу населения за годы реформ сократилось в 1,5 раза. Проект будет реализовываться по двум направлениям: ускоренное развитие животноводства и развитие малых форм хозяйствования. Для его реализации за 2006-2007 годы предстоит освоить 30,9 миллиарда рублей, из них на развитие животноводства – 14,63 миллиарда рублей и на развитие малых хозяйств – 15,97 миллиарда рублей.

В области животноводства упор будет делаться на обновление основных фондов. Кредиты, необходимые для строительства и модернизации животноводческих комплексов и ферм, будут выдаваться сроком на 8 лет. Субсидирование процентной ставки будет осуществляться за счёт федерального бюджета на 2/3 суммы. Для обновления основных фондов предусмотрено приобретение племенных животных и современного технологического оборудования через систему государственного лизинга. При этом уставной капитал «Росагролизинга» увеличивается на 8 миллиардов рублей. Предполагается отмена таможенных пошлин на ввоз технологического оборудования для животноводства, если аналогичное

оборудование не производится в России. На ввоз импортного мяса, твердых сыров, сливочного масла и сухого молока предполагается установить квоты.

В развитии малых форм хозяйствования в АПК для поднятия существующих показателей (93% картофеля, 51% мяса, 55% молока, 80% овощей) планируется упростить кредитование личных подсобных (ЛПХ) и крестьянско-фермерских (КФХ) хозяйств. Впервые предлагается проводить стопроцентное субсидирование процентной ставки, в том числе на 95% за счет федерального и на 5% за счет краевого бюджетов. Планируется стимулировать создание заготовительных снабженческо-сбытовых структур, кредитных кооперативов и предприятий по переработке сельхозпродукции, производимой в ЛПХ и КФХ.

Основным партнером в вопросах кредитования АПК должен стать Россельхозбанк, его уставной капитал увеличивают на 9,4 миллиарда рублей. Предполагается, что сеть банков в крае будет расширена, а также созданы дополнительные офисы Россельхозбанка в районах.

Возможно, реализация данного проекта на практике даст толчок развитию сельского хозяйства и позволит вернуть в какой-то степени прежний уклад жизни.

Е. Г. Затона, студентка
биолого-медико-химического факультета СГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Край наш Ставрополье: Очерки истории / Науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.

Ставропольское село: в людях, цифрах и фактах: Учебно-метод. пособие / Сост. А. В. Горбачев, В. Г. Хворостьянов; Под общ. ред. И. М. Зубенко; Вступ. ст. А. Л. Черногорова, В. Ф. Гаркуши. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2003. – 245 с.: ил.

Гриценко В. Б. История земли минераловодской. – Минводы: Кавказ. здравница, 1998. – 512 с. – (Посвящ. 120-летию г. Минеральные Воды).

Из содерж.: Поселок Первомайский. – С. 391-399.

История городов и сел Ставрополья / Под ред. А. А. Анисеева. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. – 702 с.

Из содерж.: Первомайский. – С. 448-449.

Гатуев П. Истоки прибыли // Ставроп. правда. – 1968. – 7 февр.

Каминский Н. В. Дорогой поиска // Сел. зори. – 1974. – № 4. – С. 16-17.

Каминский Н. В. Затраты невелики, а эффект значительный // Корма. – 1974. – № 2. – С. 9-10.

Каминский Н. В. На засоленных черноземах: Из опыта выращивания подсолнечника // Блокнот агитатора. – 1979. – № 11-12. – С. 27-30.

Мельник А. Н., Давыденко И. П. Эффективность коллективного подряда в звене // Планирование и учет в сельскохоз. производстве. – 1985. – № 4. – С. 14-16.

Скобликов А. Наука плюс творчество // Сел. зори. – 1976. – № 1. – С. 44-45.

Турапин С. В. Сельская новь: [совхоз «Первомайский»] // Кавказ. здравница. – 1979. – 4 июля.

Хусаинов Б. Страницы жизни: [О трудовом и жизненном пути М. С. Букшиной, старшей птичницы с-за «Первомайский», награжденной орденом Ленина] // Ставроп. правда. – 1971. – 8 нояб.

Шевченко А. Назвали совхоз «Первомайский» // Кавказ. здравница. – 1990. – 2 мая.

И. Д. СУРГУЧЕВ – ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

В Государственном архиве Ставропольского края хранятся подлинные документы, связанные с биографией, творчеством и общественной деятельностью писателя Ильи Дмитриевича Сургучева.

Прежде всего следует назвать метрические книги Троицкого и Казанского кафедрального соборов г. Ставрополя, в которых имеются сведения о членах семьи И. Д. Сургучева: рождении его самого, братьев и сестер, дочерей, смерти отца и жены¹⁵⁸.

Его отец, Дмитрий Васильевич Сургучев – уроженец с. Ишутина Тарусского уезда Калужской губернии. Приехав в Ставрополь, он купил имение. Об этом свидетельствует архивный документ – донесение ставропольского нотариуса Алексея Соколова старшему нотариусу Ставропольского окружного суда о совершении 23 июля 1882 года купчей на усадьбное место, проданное коллежским регистратором Лавром Ермолаевичем Павловым крестьянину Дмитрию Васильевичу Сургучеву за 2600 рублей серебром¹⁵⁹. Поместье находилось на углу улиц Хоперской и Армянской (ныне Голенева и Шаумяна). На приобретенном месте Дмитрий Сургучев построил новый дом, где устроил гостиницу, назвав ее «Калужское подворье». В нем любил останавливаться торговый люд, так как гостиница находилась в удобном месте и содержалась в порядке и чистоте. О последнем отмечалось на заседании Ставропольской городской думы 13 января 1906 года¹⁶⁰.

В журнале генеральной проверки торговли и промыслов в г. Ставрополе Ставропольской казенной палаты есть сведения о том, что крестьяне Калужской губернии Дмитрий Васильевич и Соломония Петровна Сургучевы, каждый в отдельности, 18 декабря 1882 года зарегистрировали трактирные заведения на Казанской площади (ныне Нижний рынок) с годовым оборотом 2500 руб. и прибылью 250 руб.¹⁶¹

Родители Ильи Дмитриевича хотели, чтобы он стал священнослужителем, поэтому определили его в духовное училище, затем в Ставропольскую духовную семинарию. Сохранился журнал заседаний педагогического собрания правления Ставропольской духовной семинарии. В протоколе от 13 июля 1897 года имеется запись об учебе семинариста 2-го класса 1-го отделения Ильи Сургучева на «хорошо» и «отлично» в 1896-1897 учебном году¹⁶².

¹⁵⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1489. Л. 102 об. – 103; Д. 1490. Л. 10 об. – 11; Д. 1491. Л. 40 об. – 41, 254 об. – 255; Д. 1395. Л. 98 об. – 99; Д. 1401. Л. 46 об. – 47; Д. 1409. Л. 69 об. – 70; Д. 1413. Л. 74-75; Д. 1416. Л. 38 об. – 39; Д. 1421. Л. 133 об. – 134, 137 об. – 138.

¹⁵⁹ ГАСК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

¹⁶⁰ ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8695. Л. 43-44.

¹⁶¹ ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2081. Л. 38 об. – 39.

¹⁶² ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 45. Л. 46-46 об.

После окончания семинарии продолжать духовное образование И. Д. Сургучев не стал. Он поступил в Санкт-Петербургский университет на восточный факультет.

В архивном фонде Ставропольского городского полицейского управления хранится рапорт от 7 июня 1904 года пристава 1-й части г. Ставрополя ставропольскому полицмейстеру о прибытии в город студента Санкт-Петербургского Императорского университета Ильи Дмитриевича Сургучева, который, как отмечалось в документе, остановился в доме своего отца на Хоперской улице¹⁶³. Студенты в то время считались главными возмутителями спокойствия, поэтому полиция считала необходимым за ними присматривать.

В студенческие годы Илья Дмитриевич женился на Ольге Григорьевне Меланьиной. В 1902 году у них родилась дочь Клавдия, в 1904 – Вера. В 1907 году в возрасте 25 лет Ольга Григорьевна умерла. Об этих фактах свидетельствуют метрические книги.

Наиболее подробные свидетельства сохранились о брате Сургучева Иване. Он, как и Илья Дмитриевич, учился в Ставропольской духовной семинарии. Из послужного списка узнаем, что Иван Дмитриевич с 1907 года был псаломщиком, а с 1913 года дьяконом церкви Рождества Богородицы станицы Бекешевской Баталпашинского отдела Кубанской области¹⁶⁴.

Литературная биография Ильи Сургучева началась еще в годы учебы в университете. В материалах о писателе, собранных литературоведом Ефимом Тимофеевичем Кабаченко, есть копия автобиографии, написанной для С. А. Венгерова, историка, составителя биографических словарей по русской литературе. Вот что пишет Сургучев о своих первых литературных опытах: «Писал рассказы, – главным образом в миролюбивском «Журнале для всех», «Вестник Европы» Ковалевского. Почти все они вошли в 1-й том рассказов, изданный «Знанием» в 1910 году. Из отдельных рассказов этого тома были отзывы о рассказе «Соседка» – Ю. Айхенвальда, напечатанный в «Слове»... Об этом же рассказе написал большую статью в «Приднепровском крае» (Екатеринослав, 1909) Буюкович и был посажен за нее в тюрьму губернатором, который усмотрел в статье – восхваление преступления...» В этом письме к С. А. Венгеру И. Д. Сургучев называл свой газетный псевдоним – Феникс (провинциальный)¹⁶⁵.

Во вновь созданном фонде библиографа, писателя Людмилы Григорьевны Орудиной, стараниями которой в Ставропольском книжном издательстве в 1985 году вышел роман И. Д. Сургучева «Губернатор», хранятся его рассказы «Английские духи», «Сидельников», «Следы вчерашнего» (состоит из трех новелл), «Прихожане прелестной Мариэтты», «Кровь цветов», «Еленучча», а также пьеса «Реки Вавилонские».

¹⁶³ ГАСК. Ф. 188. Оп. 38. Д. 11. Л. 14.

¹⁶⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1138. Л. 21-22.

¹⁶⁵ ГАСК. Ф. 6153. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-12.; Маслов И. Ф. Словарь псевдонимов. – М., 1960. – С. 460; ГАСК. ФР. 6153. Оп. 1. Д. 15. Л. 104.

Сургучев вернулся в Ставрополь сразу после окончания университета и прожил здесь до 1920 года, временами на месяц-другой выезжая в Москву и Петербург для устройства своих литературных дел. Но не только писательской и журналистской деятельностью занимался Илья Дмитриевич, он вел в городе большую общественную работу: избирался гласным Ставропольской городской думы, в 1910 году – председателем железнодорожной комиссии, добивавшейся того, чтобы Армавиرو-Туапсинская дорога прошла через г. Ставрополь. Он многое сделал для положительного решения данного вопроса. В связи с этим интересно архивное дело «Протоколы заседаний железнодорожной комиссии при Ставропольской городской думе», где имеется протокол заседания от 21 июля 1910 года, на котором большинством голосов И. Д. Сургучев был избран председателем комиссии. В дело включены телеграммы и письма, написанные его рукой, а также газетные публикации¹⁶⁶.

Вызывает интерес дело Ставропольского окружного суда по обвинению Ильи Дмитриевича Сургучева по 1040-й статье уложения о наказаниях за 1912-1913 годы.

Во время издания художественно-сатирических журналов «Ставропольский сатирикон» и «Сверчок» проявился его талант сатирика. В 1911 году, работая в газете «Северный Кавказ» главным сотрудником, Сургучев опубликовал сатирический материал под заголовком «Говорят». Хотя имена были изменены, но в героях публикации узнали себя купеческий сын Иван Прокофьевич Меснянкин, присяжный поверенный Евгений Григорьевич Маслов и купеческий сын Николай Кузьмич Глущенко. Они подали жалобу судебному следователю 2-го участка города Ставрополя с просьбой привлечь Илью Дмитриевича Сургучева по статье 1040-й уложения о наказаниях к уголовной ответственности «за оскорбительный отзыв о них в печати, заключающий в себе злословие». Комичность ситуации была в том, что жалобщики возбудили уголовное преследование только через 1 год и 5 месяцев после появления публикации. Что называется: спохватились, когда след простыл. Срок для возбуждения судебного дела по нарушениям постановления о печати составлял один год. Поэтому дело было закрыто. Самое же ценное в архивном деле – автограф-рукопись статьи И. Д. Сургучева¹⁶⁷.

Еще одну страницу из жизни писателя открывает фотокопия донесения комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта от 15 октября 1917 года (подлинник находится в Российском государственном историческом архиве). Этим комиссаром Временного правительства был никто иной как И. Д. Сургучев. В донесении он сообщал, что в армии «...безотрадная картина общего падения духа и дисциплины. Необходимы особые меры поднять армию, оградить от безответственных сил. Положение армии в настоящий

¹⁶⁶ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2239. Л. 1.

¹⁶⁷ ГАСК. Ф. 398. Оп. 47. Д. 138. Л. 1-20.

момент чрезвычайно серьезно. Нужны теперь смелые и сильные решения, за которыми должны последовать столь же решительные действия»¹⁶⁸.

В фондах Е. Т. Кабаченко и Л. Г. Орудиной собраны критические статьи о рассказах, пьесах «Торговый дом», «Осенние скрипки», «Реки Вавилонские», опубликованные в дореволюционной печати; библиография произведений И. Д. Сургучева и литературы о нем по картотеке С. А. Венгерова, хранящейся в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге¹⁶⁹.

В библиотеке архива сохранились газеты с материалами о творчестве писателя. В частности, в газете «Северо-Кавказский край» от 30 декабря 1915 года помещена статья Н. Розанова «Сны жизни» (силуэт творчества И. Д. Сургучева). Автор пишет: «...И. Д. Сургучев действительно талантлив. Это говорят специалисты своего дела. Если угодно, Сургучев – бытовик. Если угодно, Сургучев – импрессионист там, где надо одним штрихом определить всю фигуру, движение человеческой души или развернувшуюся картину; но иногда он и медлителен в описании, в старой реалистической манере подробен...

Есть удивительные слова, – милые, нежные, как старая любовная музыка. Вот такие слова нашел Сургучев. И вот такими нежными словами написаны его книги...»¹⁷⁰.

Е. Б. Громова, ведущий археограф

Государственного архива Ставропольского края

Выписка из метрической книги Троицкого собора города Ставрополя за 1880 год о смерти Николая Дмитриевича Сургучева

№ 38. Дата смерти: 22 (погребен 23) марта 1880 года.

Звание, имя, отчество и фамилия умершего: Калужской губернии, Тарусского уезда, Корнеевской волости Дмитрия Сургучева сын Николай. Лета умершего: 3-х лет. От чего умер: от младенческой. Совершали погребение: протоиерей Василий Розалиев с псаломщиком Щегловым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1489. Л. 102 об. – 103. Подлинник

Выписка из метрической книги Троицкого собора города Ставрополя за 1881 год о рождении Ильи Дмитриевича Сургучева

№ 18. Дата рождения: 16 (крещен 18) февраля 1881 года. Имя: Илья. Родители: Калужской губернии, Тарусского уезда, Кореевской волости

¹⁶⁸ ЦГВИА. Фонд «Кабинет военного министра». Д. 1876. Л. 44; ГАСК. ФР. 6153. Оп. 1. Д. 14. Л. 91.

¹⁶⁹ ГАСК. ФР. 6153. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-10, 115-119; Д. 14. Л. 13-15.

¹⁷⁰ Северо-Кавказский край. – 1915. – 30 дек. – С. 2; ГАСК. ФР. 6153. Оп. 1. Д. 15. Л. 37-40.

сельца Ишутина крестьянин Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломонида Петровна, оба православные. Восприемники: канцелярский служитель Фотий Петрович Маковозов и жена ставропольского 2-й гильдии купца Ефима Петровича Беркова Домна Семеновна. Таинство крещения совершили: священник Дмитрий Быстролетов с псаломщиком Василихиным.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1490. Л. 10 об. – 11. Подлинник

**Выписка из метрической книги Троицкого собора города Ставрополя
за 1882 год о рождении Гавриила Дмитриевича Сургучева**

№ 65. Дата рождения: 19 (крещен 22) апреля 1882 года. Имя: Гавриил. Родители: Калужской губернии, Тарусского уезда, Кореевской волости села Ишутина крестьянин Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломония Петровна, оба православные. Восприемники: канцелярский служитель Фотий Петрович Маковозов и ставропольская купчиха Домна Симеоновна Беркова. Таинство крещения совершили: протоиерей Василий Стрепетов с псаломщиком Чикаловым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1491. Л. 40 об. – 41. Подлинник

**Выписка из метрической книги Троицкого собора города Ставрополя
за 1883 год о рождении Ефросинии Дмитриевны Сургучевой**

№ 118. Дата рождения: 22 (крещена 27) сентября 1883 года. Имя: Ефросиния. Родители: Калужской губернии, Тарусского уезда села Ишутина крестьянин Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломония Петровна, оба православные. Восприемники: коллежский регистратор Фотий Петрович Маковозов и жена ставропольского купца Домника Симеоновна Беркова. Таинство крещения совершили: протоиерей Василий Стрепетов с псаломщиком Чикаловым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1491. Л. 254 об. – 255. Подлинник

**Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора
города Ставрополя за 1886 год о рождении Иоанна Дмитриевича
Сургучева**

№ 141. Дата рождения: 13 (крещен 14) ноября 1886 года. Имя: Иоанн. Родители: Калужской губернии, Тарусского уезда Кореевской волости сельца Ишутина крестьянин Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломония Петровна, оба православные. Восприемники: губернский секретарь Фотий Петрович Маковозов и жена ставропольского купца Домника Симеоновна Беркова. Таинство крещения совершили: священник Александр Яковенков с иподьяконом Корнильевым.

**Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора
города Ставрополя за 1892 год о рождении
Серафимы Дмитриевны Сургучевой**

№ 81. Дата рождения: 28 июля (крещена 1 августа) 1892 года. Имя: Серафима. Родители: Калужской губернии, Тарусского уезда села Ишутина крестьянин Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломония Петровна, оба православного вероисповедания. Восприемники: титулярный советник Фотий Петрович Маковозов и жена крестьянина Воронежской губернии и уезда, села Никитовки Домна Семеновна Беркова. Таинство крещения совершили: священник Василий Ермолаев с и. д. псаломщика Михаилом Белоусовым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1401. Л. 46 об. – 47. Подлинник

**Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора
города Ставрополя за 1899 год о рождении
Елизаветы Дмитриевны Сургучевой**

№ 80. Дата рождения: 19 (крещена 22) октября 1899 года. Имя: Елизавета. Родители: крестьянин Калужской губернии, Тарусского уезда, Кореевской волости, сельца Ишутина Дмитрий Васильевич Сургучев и законная жена его Соломония Петровна, оба православного вероисповедания. Восприемники: статский советник Петр Кириллович Ширинский и жена крестьянина Калужской губернии Мария Васильевна Троякова. Таинство крещения совершили: ключарь протоиерей Дмитрий Успенский с дьяконом Михаилом Белоусовым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1409. Л. 69 об. – 70. Подлинник

**Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора
города Ставрополя за 1902 год о рождении Клавдии Ильиничны
Сургучевой**

№ 116. Дата рождения: 1 (крещена 8) ноября 1902 года. Имя: Клавдия. Родители: студент Санкт-Петербургского университета Илья Дмитриевич Сургучев и законная жена его Ольга Гавриловна (так в документе), оба православного вероисповедания. Восприемники: сын крестьянина Калужской губернии, Тарусского уезда, Кореевской волости, сельца Ишутина Гавриил Дмитриевич Сургучев и дочь крестьянина той же губернии и уезда, Сашинской волости, сельца Жалична Наталья Георгиевна Дубова. Таинство

крещения совершили: кафедральный протоиерей Александр Яковенков с псаломщиком Леонидом Сашецким.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1413. Л. 74-75. Подлинник

Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора города Ставрополя за 1904 год о рождении Веры Ильиничны Сургучевой

№ 46. Дата рождения: 27 апреля (крещена 4 мая) 1904 года. Имя: Вера. Родители: студент Санкт-Петербургского Императорского университета Илья Дмитриевич Сургучев и законная жена его Ольга Григорьевна, оба православного вероисповедания. Восприемники: крестьянин Калужской губернии, Тарусского уезда, Кореевской волости, сельца Ишутина Дмитрий Васильевич Сургучев и жена крестьянина села Благодарного Ставропольской губернии Мария Васильевна Меланьина. Таинство крещения совершили: кафедральный протоиерей Александр Яковенков с псаломщиком Петром Гавриловым.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1416. Л. 38 об. – 39. Подлинник

Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора города Ставрополя за 1907 год о смерти Дмитрия Васильевича Сургучева

№ 5. Дата смерти: 26 (погребен 28) января 1907 года. Звание, имя, отчество и фамилия умершего: крестьянин Калужской губернии и уезда, волости Кореевской Дмитрий Васильевич Сургучев. Лета умершего: 56 лет. От чего умер: от катарального воспаления легких. Исповедовал и приобщал: протоиерей Александр Яковенков. Совершали погребение: протоиерей Александр Яковенков с дьяконом Василием Щекиным и псаломщиком Леонидом Сашецким.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1421. Л. 133 об. – 134. Подлинник

Выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора города Ставрополя за 1907 год о смерти Ольги Григорьевны Сургучевой

№ 13. Дата смерти: 7 (погребена 10) марта 1907 года. Звание, имя, отчество и фамилия умершего: жена студента Санкт-Петербургского университета Ольга Григорьевна Сургучева. Лета умершего: 25 лет. От чего умер: от хронического воспаления легких. Исповедовал и приобщал: протоиерей Александр Яковенков. Совершали погребение: протоиерей Александр Яковенков с дьяконом Василием Щекиным и пономарем Лиманским.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1421. Л. 137 об. – 138. Подлинник

**Донесение Ставропольского нотариуса Алексея Соколова старшему
нотариусу Ставропольского окружного суда о совершении купчей на
усадебное место, проданное коллежским регистратором Лавром
Ермолаевичем Павловым крестьянину Дмитрию Васильевичу
Сургучеву**

№ 53

24 июня 1882 года
Ставрополь-Кавказский

Имею честь донести Вашему высокородию, что 23-го июня за № 37 я совершил купчую крепость о продаже коллежским регистратором Лавром Ермолаевичем Павловым крестьянину Калужской губернии, Тарусского уезда сельца Ишутина Дмитрию Васильевичу Сургучеву за 260 рублей усадебного места с постройками на нем, состоящего в 1-й части города Ставрополя на углу Хоперской и Армянской улиц под №№ 6 и 8 и выпись этого акта выдать Павлову.

Нотариус А. Соколов
ГАСК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 11. Л. 3. Подлинник

**Рапорт пристава 1-й части города Ставрополя ставропольскому
полицмейстеру о прибытии в город студента С.-Петербургского
университета Ильи Дмитриевича Сургучева**

№ 2897

7 июня 1904 г.
г. Ставрополь-Кавказский

Имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что 4-го сего июня прибыл в отпуск студент Императорского С.-Петербургского университета Илья Дмитриевич Сургучев и остановился в доме своего отца на Хоперской улице.

Пристав*
ГАСК. Ф. 188. Оп. 38. Д. 11. Л. 14. Подлинник

**Из протокола заседания железнодорожной комиссии при
Ставропольской городской думе 21 июля 1910 года**

На заседании присутствовали члены комиссии: М. А. Поваляев, В. А. Соколов, А. А. Филимонов, Н. А. Косенков, В. Э. Лобановский, Н. М. Зозулевский, И. В. Пастухов, И. Д. Сургучев.

Вследствие отказа М. П. Пояркова от должности председателя комиссии было приступлено к выборам. Предложены были следующие лица:

* Подпись неразборчива.

В. А. Соколов, И. П. Меснянкин, И. Д. Сургучев. За отказом В. А. Соколова, на баллотировку были поставлены И. П. Меснянкин и И. Д. Сургучев. Закрытой баллотировкой были выяснены следующие результаты: И. Д. Сургучев получил 6 избирательных и 1 неизбират. И. П. Меснянкин получил 2 избират. и 5 неизбират. Избранным в председатели комиссии оказался И. Д. Сургучев*.

ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2239. Л. 1 – 1 об. Подлинник
Постановление Ставропольской городской управы о выдаче
И. Д. Сургучеву удостоверений

№ 3368

3 августа 1910 года

Определено: Вследствие поездки члена городской управы, председателя городской ж. д. комиссии И. Д. Сургучева выдать ему: 1) удостоверение в том, что ему разрешена поездка в разные города России по железнодорожному делу и 2) удостоверение в том, что он уполномочен вести переговоры в интересах проведения ж. д. линии через г. Ставрополь с лицами и учреждениями, которые могут оказать пользу в удовлетворительном разрешении вопроса.

З. м. городского головы:
Зозулевский

Н. М.

ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2239. Л. 13. Подлинник

Из послужных списков священноцерковнослужителей клировой
ведомости

Рождества Богородицкой церкви станицы Бекешевской
Баталпашинского отдела Кубанской области за 1913 год

Диакон Иоанн Дмитриевич Сургучев, рожден в 1886 году, 13 ноября.

Кружечного дохода получает 52 руб.

От земли – 195 руб.

Сын умершего крестьянина.

По окончании 4-х классов Ставропольской духовной семинарии с переводом в 5-й класс назначен Преосвященным Агафодором псаломщиком к церкви ст. Бекешевской – 19 сентября 1907 г.

Согласно прошения резолюцией Высокопреосвященнейшего Агафодора определен диаконом к той же церкви – 28 марта 1913 г.

Рукоположен в сан диакона – апрель 1913 г.

Указ и грамоту имеет.

В семействе: жена Мария Яковлевна – 1886 г., 20 июля.

Сын Борис – 1912 г., 2 мая.

Поведения оч. хорошего.

ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1138. Л. 15, 19, 21 об. – 22. Подлинник

* В конце документа автограф И. Д. Сургучева.

Жалоба купеческого сына Ивана Прокофьевича Меснянкина, живущего в 4-й части губ. гор. Ставрополя, в доме Торбина, и купеческого сына Николая Кузьмича Глущенко, живущего во 2-й части гор. Ставрополя, по Александровской улице, в доме Анатолия Кухтина судебному следователю 2-го участка города Ставрополя

В № 6 газеты «Север Кавказа» за 1911 год, издающейся в Ставрополе, помещена статья под заглавием «Говорят», заключающая в себе оскорбительный отзыв о каждом из нас, жалобщиков.

Злословие в отношении меня, Меснянкина, выразилось в следующих выражениях статьи: «Управляющий «Модерна» И. И. Венецианов, как нам передают, для завлечения публики собирается пригласить известного клоуна Ивана Пассаженского, чтобы выпустить его на балкон «откалывать колена»; «теперь вот надо надевать штаны с петушками, выходить на балкон и откалывать колена». «После разговора с клоуном наш сотрудник» и т. д.»

Намерение автора статьи усилить оскорбление и унижить мое достоинство проявилось в упоминании о пребывании моем в должности городского головы.

Помимо того, оскорбительность по моему, Меснянкина, адресу усугубляется надругательством автора над личностью моего покойного отца Прокофия Ивановича Меснянкина, выразившимся в следующих фразах статьи: «Старику худо (в преисподней), сидит в пекле, поджаривают его, как колбасу», «И архиерейские молитвы не помогают», – жаловался старик; «Господи, взмолился Прокофий: грабил народ, душил, векселя подделывал, в тюрьме неоднократно сидел, думал: «Ну, пусть гремит Прокофьево имя на земле, а они Модерн».

Злословие в отношении меня, Маслова, выразилось в следующей части статьи: «Говорят, что в некоем городе один адвокат Е. Г. Бутерброд-Смаслом изнывает от бездарности, сделавшись редактором газеты и, в чаянии быть приглашенным к губернатору на обед, принес ему поздравление с праздником, но ... на обед приглашен не был».

Окончание статьи касается как меня, Глущенко, в отдельности, так и нас, Маслова и Глущенко, обоих.

«Был с ними и другой издатель Н. К. Глупыщенко. Вышед от губернатора на бульвар, они, говорят, горько плакали, смотрели в губернаторские окна и говорили со слугами: «А там едят. Вкусно! А мы и прогрессивную невинность потеряли, и обеда не приобрели». Бутерброд-Смаслом плакал басом, а Глупыщенко – тенором».

В отношении тождества лиц, выведенных в статье «Говорят» и нас, жалобщиков, сомнения нет, ибо имена наши и отчества, как они указаны в статье, совпадают с действительными; я, Меснянкин, фигурирую как владелец театра «Модерн» и «Пассажа» (намек в фамилии «Пассаженский»), как сын старика Прокофия и как бывший городской голова.

Моя, Маслова, фамилия вошла в состав вымышленной, фигурирующей в статье (Бутерброд-Смаслом); инициалы имени и отчества тождественны с действительными; указания на меня, как адвоката и издателя прогрессивной газеты, и ссылка на факт принесения поздравления губернатору от имени издательства и редакции, – все это не оставляет сомнения в том, что 2-я часть статьи касается меня, Маслова.

Что касается меня, Глущенко, здесь достаточным признаком тождества выведенного лица со мною служат инициалы имени и отчества (Н. К.), а также созвучная с действительной фамилия (Глупыщенко); то же подтверждает указание на мое издательство и факт принесения поздравления губернатору от имени газеты.

Автором указанной статьи является Илья Дмитриевич Сургучов, содержатель гостиницы «Калужское подворье» в Ставрополе, главный сотрудник газеты «Север Кавказа».

Рукопись статьи, писанная рукою Сургучова с пометкою редактора С. К. Кухтина и заведовавшего редакцией г. Громыко о принадлежности статьи г. Сургучову, а также № 6 газеты «Север Кавказа» прилагаются при сем.

В случае отрицания Сургучовым принадлежности ему статьи, просим произвести экспертизу – сличения почерка автора рукописи с текстом, писанным рукою г. Сургучова, для чего будут предъявлены нами его статьи и письма.

На основании изложенного и статьи 1040 Уложен. о наказан. просим привлечь Илью Дмитриевича Сургучова к уголовной ответственности за оскорбительный о нас отзыв в печати, заключающий в себе злословие.

Илья Дмитриевич Сургучов имеет место жительства в г. Ставрополе губернском, во 2-й части, в гостинице «Калужское подворье».

Прилагаются: № 6 газеты «Север Кавказа» и рукопись статьи «Говорят».

*Ставропольский купеческий сын Иван Прокофьевич Меснянкин
Ставропольский купеческий сын Николай Кузьмич Глущенко
Присяжный поверенный Евгений Григорьевич Маслов*

г. Ставрополь
6 окт. 1912 г.

ГАСК. Ф. 398. Оп. 47. Д. 138. Л. 16-17. Подлинник

Рукопись И. Д. Сургучева сатирической заметки «Говорят», помещенной в газете «Северный Кавказ» от 15 мая 1911 года

Говорят, в «Модерне» дела из рук вон плохи. Дело летнее, жарко, народ не ходит. Музыка, которую выставляют против магазина, не помогает. Управляющий И. И. Венецианов, как нам передают, для завлечения публики собирается пригласить известного клоуна Ивана Пассаженского, чтобы выпустить его на балкон «откалывать колена».

Биография этого клоуна довольно интересна: был когда-то в одном городе городским головой.

– Как же дошли вы до жизни такой? – спросили мы его.

– Все на свете бывает, - отвечает нам Иван Пассаженский.

– Были городским головой?

– Был.

– А теперь вот надо надевать штаны с петушками, выходить на балкон и «выкидывать колена»?

– Надо. Привлечение публики. Бедросов вон в роще, ему хорошо.

А здесь – надо.

После разговора с клоуном наш сотрудник отправился в преисподнюю интервьюировать старика Прокофия.

Старику худо, сидит в пекле, поджаривают его, как колбасу.

– И архиерейские молитвы не помогают! – жаловался старик.

– Ну как на земле там мои орлы? – спросил он.

– Модерн! – ответили мы.

– Модерн! Господи! – взмолился Прокофий: грабил народ, душил, векселя подделывал, в тюрьме неоднократно сидел, – думал: «Ну пусть гремит Прокофьево имя на земле, а они Модерн!»

Говорят, что в некоем городе один адвокат Е. Г. Бутерброд-Смаслом, изнывавший от бездарности, ставший издателем газеты, в чаянии быть приглашенным к губернатору на обед, принес ему поздравление с праздником, но ... на обед приглашен не был.

Был с ним и другой издатель газеты Н. К. Глупыщенко. Вышед от губернатора на бульвар, они, говорят, горько плакали, смотрели в губернаторские окна и говорили со слугами:

– А там едят! Вкусно! А мы и прогрессивную невинность потеряли, и обеда не приобрели!..

Бутерброд-Смаслом плакал басом, а Глупыщенко – тенором.

Н.

Статья принадлежит Илье Дмитриевичу Сургучеву. Завед. редакции Громько.

Эта статья принадлежит Илье Дмитриевичу Сургучеву. Бывший редактор «Северного Кавказа» С. Кухтин*.

ГАСК. Ф. 398. Оп. 47. Д. 138. Л. 6-7. Подлинник. Автограф

**Протокол осмотра газеты «Северный Кавказ» от 15 мая 1911 года,
в которой опубликована статья «Говорят»**
1912 года, октября 18 дня г. Ставрополь

* Заключение в конце рукописи.

И. д. судебного следователя 2 уч. г. Ставрополя при нижеподписавшихся понятых производил осмотр газеты «Северный Кавказ» № 6 за 1911 год, при чем оказалось: осматриваемая газета отпечатана 15 мая 1911 года. Редактором-издателем газеты является С. А. Кухтин. Газета состоит из шести листов и в ней имеется статья под заголовком «Говорят». В ней имеются следующие выражения: «Управляющий И. И. Венецианов, как нам передают, для завлечения публики собирается пригласить известного клоуна Ивана Пассаженского, чтобы выпустить его на балкон откалывать колена. Биография этого клоуна довольно интересна: был когда-то в одном городе городским головой. «Как же дошли вы до жизни такой?» – спросили мы его. «Все на свете бывает», – отвечает нам Иван Пассаженский. «Были городским головой?» – «Был». «А теперь вот надо надевать штаны с петушками, выходить на балкон и «выкидывать колена»? После разговора с клоуном наш сотрудник отправился в преисподнюю интервьюировать старика Прокофия. Старику худо, сидит в пекле, поджаривают его, как колбасу. «И архиерейские молитвы не помогают!» – жаловался старик. «Ну как на земле там мои орлы?» – спросил он. «Модерн!» – ответили мы. «Модерн! Господи!» – взмолился Прокофий: грабил народ, душил, векселя подделывал, в тюрьме неоднократно сидел, - думал: «Ну пусть гремит Прокофьево имя на земле, а они Модерн!»»

Говорят, что в некоем городе один адвокат Е. Г. Бутерброд-Смаслом, изнывавший от бездарности, ставший издателем газеты, в чаянии быть приглашенным к губернатору на обед, принес ему поздравление с праздником, но ... на обед приглашен не был.

Был с ним и другой издатель газеты Н. К. Глупыщенко».

Далее по осмотру ничего не оказалось, постановлено: газету «Северный Кавказ» приобщить к настоящему делу в качестве вещественного доказательства.

И. д. суд. следователя Неклюдов.
Понятые*.

ГАСК. Ф. 398. Оп. 47. Д. 138. Л. 19. Подлинник

**Постановление о ходатайстве по прекращению следствия по обвинению
И. Д. Сургучева по ст. 1040 уложения о наказаниях 1912 года,
31 октября, г. Ставрополь**

И. д. судебного следователя 2 уч. г. Ставрополя, рассмотрев дело обвинения Сургучева по 1040 ст. уложения о наказаниях, нашел: 1) что жалобщики Глущенко, Маслов и Меснянкин возбудили уголовное преследование против Сургучева за напечатанную им статью «Говорят», как это видно из осмотра в № 6 газеты «Северный Кавказ» от 15 мая 1911 года, через 1 год 5 месяцев после появления в печати означенной статьи и 2) что

* Подписи неразборчивы.

согласно 1 примечанию к 158 ст. уложения о наказаниях срок для возбуждения судебного преследования по нарушениям постановлений о печати полагается со дня совершения нарушения годовой, а потому и, руководствуясь 277 ст. у. у. суд постановил дело обвинения Сургучева по 1040 ст. уложения о наказаниях представить в Ставропольский окружной суд через подлежащее лицо прокурорского надзора с ходатайством о прекращении следствия по настоящему делу за пропуском срока для возбуждения судебного преследования.

И. д. суд. следователя Неклюдов.

В этом деле перенумеровано, прошнуровано и запечатано четыре (4) листа.

И. д. суд. следователя Неклюдов.

ГАСК. Ф. 398. Оп. 47. Д. 138. Л. 19 об. – 20. Подлинник

Донесение комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта Сургучева

15 октября 1917 г.

В настроении армии особых перемен нет. Та же безотрадная картина общего падения духа и дисциплины. Необходимы особые меры поднять армию, оградить солдат от влияния безответственных сил. Положение армии в настоящий момент чрезвычайно серьезно. Нужны теперь смелые и сильные решения, за которыми должны последовать столь же решительные действия.

Нередко проглядывает отрицательное отношение к приказам Временного правительства. Немалую роль в этом играет большевистская агитация, борьба с контрой все более и более затрудняется.

Главная причина недовольства в солдатских массах – недостатки в обмундировании и продовольствии. Вопрос о снабжении армии всем необходимым может оказаться роковым.

Случаев братания – не было.

Значительных случаев обсуждения и неисполнения боевых приказов - не было. Приказы о расформировании полков исполняются с большими трудностями.

Количество дезертиров не велико. Довольно значительное число из уехавших в отпуск не возвращается.

Эксцессов – не было.

Случаев предания военно-полевому суду – не было.

Положение армейских организаций и отношение к ним командного состава – без перемен.

Взаимоотношение солдат и командного состава – заметно не улучшаются.

Командный состав работает в полном контакте с комиссарами.

Служба, занятия и работа в большинстве случаев выполняются вяло и неохотно.

Прибывшее пополнение страдает теми же коренными недостатками. В некоторых частях армии в последнее время практикуется посылка делегатов в запасные полки, питающие соответствующие части фронта. Подобные делегации окопников способны благотворно влиять на запасные полки и посылка их может быть полезна в жизни армии. Большое волнение вызывают приказы о расформировании полков 3-й очереди. Недовольство сильно главным образом в полках 18 июня, которые заявляют о том, что они не должны быть расформированы ввиду их боевых заслуг. Согласно предначертанию Ставки решено было сохранить некоторые из третьеочередных полков, более дисциплинированные и стойкие за счет менее стойких полков, ...* корпусных и прочих комитетов; между тем понятие лучшие и худшие полки при общей неустойчивости армии является совершенно условным и временным, создавая однако массу затруднений, возникают соревнования и ссоры между полками, из которых каждый считает себя лучше другого, угрожая при этом всевозможными эксцессами вплоть до вооруженных преступлений против комитетов и командного состава, ввиду этого возможно было продолжить без особых эксцессов расформирование только полков третьеочередных дивизий.

РГВИА. Фонд Кабинета военного министра. Д. 1876. Л. 44-45;

ГАСК. Ф. 6153. Оп. 1. Д. 14. Л. 91. Фотокопия

* Слово неразборчиво.

**ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК
О СЛУЖБЕ И ДОСТОИНСТВАХ СОСТОЯЩЕГО ПРИ
КОМАНДУЮЩЕМ ВОЙСКАМИ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И В
ЧЕРНОМОРИИ ПО ВОЕННОЙ ЧАСТИ ШТАБ-ЛЕКАРЯ МАЙЕРА**

Апреля 15 дня 1841 года.

I. Чин, имя, фамилия, должность, им отправляемая, сколько от роду лет и какого вероисповедания.

Лекарь 2-го отделения Николай Васильевич Майер, тридцати лет; вероисповедания греко-российского.

II. Из какого звания происходит?

Из иностранцев.

III. Есть ли за ним с родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имение?

У родителей	родовое	<i>Не имеет</i>
У него самого	благоприобретенное	
У жены, буде женат	родовое	<i>Не имеет</i>
	благоприобретенное	

IV. Когда в службу вступил и в оной какими чинами и в каких должностях и где проходил, также не было ли каких отличных по службе деяний и отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время.

	Годы	Месяцы и числа
По экзамену Медико-хирургической академии признан лекарем 2-го отделения.	1827	Августа 8
Определен врачом к Бессарабским колониям иностранных поселенцев.	1829	Июня 18
Уволен <по> заболеванию от службы.	1830	Апреля 30
Определен на вакансию в Пятигорске, произведен в коллежские секретари.	1833	Июня 8
Перемещен из гражданского в военно-медицинское ведомство и определен состоять при г<осподине> командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории, по военной части с жалованьем и прочими довольствиями по табелю 6 ноября 1819 года.	1834	Мая 29
Медицинским департаментом Военного министерства утвержден в звании штаб-лекаря.	1838	Ноября 5

V. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет, когда именно?

Не был.

VI. Не был ли в штрафах и под судом, когда, и если был, то за что именно, когда и чем дело кончено?

Не был.

VII. К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и за что?

Способен и достоин.

VIII. Не был ли в отпусках и если был, то когда и на сколько времени и являлся ли на срок к должности?

В 1837 году на 4 месяца и <в> 1840 году на 28 дней и на срок явился.

IX. Не был ли в отставке с награждением чина или без одного и когда?

Был с 30-го апреля 1830 года по 25 мая 1833 года.

X. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся и какого вероисповедания?

Холост.

Верно: Дежурный штаб-офицер подполковник
Кусаков

ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Ед. хр. 1601. Л. 33-34

Публикацию подготовил М. С. Кориунов, магистр образования

ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗЕ

Согласно данным биографического справочника декабристов¹⁷¹ из более чем 300 указанных в нем фамилий 94 человека, причастных к событиям 1825 г., так или иначе посетили Кавказ. Это почти треть осужденных или «прикосновенных» к декабризму. Справочник не исчерпывает всех сведений о декабристах на Кавказе, в нем возможны неточности, но громадная работа, проделанная десятками исследователей и краеведов под руководством академика М. В. Нечкиной, позволяет прояснить некоторые моменты из истории декабризма.

Самая многочисленная партия сосланных на Кавказ декабристов приходится на 1826 (30 человек) и 1827 (20 человек) гг. Тогда приводился в исполнение приказ о разжаловании части декабристов в рядовые и переводе причастных к декабризму лиц тем же чином на Кавказ. В 1837 г. сюда прибыло 10 человек, т. к. для некоторых из них перевод рядовым на Кавказ был прощением, а не наказанием. В 30-е гг. декабристов на Кавказ привозили почти ежегодно, кроме 1830, 1834 и 1835 гг. В 40-е гг. поток ссыльных истощился. Только в 1840 г. прибыли 2 человека, а в 1841, 1845 и 1848 гг. – по 1 человеку. Время приезда трех выявленных декабристов на Кавказ не установлено.

Предположительно здесь служили 16 членов Северного и 15 Южного обществ, а также 9 активных участников восстания в Петербурге, формально не состоявших в тайных обществах. 9 человек были членами раннедекабристских обществ, но не вступили ни в Северное, ни в Южное общества. Кроме того, на Кавказе оказались 8 участников выступления Литовского пионерного батальона и члены Общества военных друзей. По 2 человека среди декабристов-кавказцев представлены участники восстания Черниговского полка и члены Общества соединенных славян.

Анализ данных справочника позволяет увидеть, что определенная часть будущих декабристов была хорошо знакома с Кавказом еще до событий 1825 г. Пока их выявлено 11 человек, среди которых шестеро после восстания были освобождены «с оправдательным аттестатом» или «высочайше повелено оставить без внимания». Это адъютант А. П. Ермолова, штабс-капитан Николай Павлович Воейков, Николай Николаевич Муравьев (Карский), который впервые прибыл на Кавказ в 1816 г., а в 1854-1856 гг. был наместником Кавказа. Из пяти обвиненных трое достаточно известные личности. К ним можно отнести Александра Ивановича Якубовича, которого в 1816 г. перевели за дуэль в Нижегородский драгунский полк капитаном. Он участвовал в покорении Казикумыкского ханства в Дагестане в отряде Мадатова. Его знаменитая черная повязка – следствие ранения в голову в 1823 г. в кавказских экспедициях. За участие в

¹⁷¹ Декабристы: Биогр. справочник. – М.: Наука, 1988.

восстании на Сенатской площади Якубович был осужден по I разряду, отбыл 13 лет каторги и умер на поселении. Он известен историкам тем, что распространял упорные слухи о существовании на Кавказе тайного общества, а также своей дуэлью с А. С. Грибоедовым в Тифлисе.

До восстания побывал на Кавказе и Вильгельм Карлович Кюхельбекер – друг А. С. Пушкина. Он был чиновником для особых поручений у А. П. Ермолова с 1821 до мая 1822 г. Впоследствии также был осужден по I разряду и умер в Сибири. В 1816 г. был разжалован из юнкеров и отправлен на Кавказ Петр Григорьевич Каховский, который дослужился здесь до поручика и был уволен в отставку в 1821 г. Позже он приезжал лечиться на Кавказские Минеральные Воды. На Сенатской площади Каховский должен был стрелять в царя, но смертельно ранил генерала Милорадовича, за что в числе 5 декабристов, признанных виновными вне разрядов, повешен. Полковник В. К. Тизенгаузен, участник Отечественной войны 1812 г., осужденный по VII разряду как член Южного общества, служил в Мингрельском пехотном полку, с которым участвовал в походах против Персии и Турции в 1810 – 1811 гг.

После декабристского восстания через Кавказ прошли не только многие из официально осужденных, но и декабристы, формально признанные невиновными. Офицерам, связанным с декабристами, доверия у власти не было. Из приговоренных к разным видам наказаний на Кавказе оказались 10 человек, осужденных Военным судом – 8 членов Общества военных друзей в Литовском пионерном батальоне, а также участники восстания в Черниговском полку – член Южного общества Е. Е. Лачинов и А. С. Войнилович.

Среди попавших под приговор Верховного суда декабристов 7 человек последнего XI разряда оказались на Кавказе рядовыми в 1826 – 1827 гг. Среди них один из 5 братьев Бестужевых, предпоследний брат мичман П. А. Бестужев, активный участник восстания на Сенатской площади Н. Р. Цебриков, член Общества соединенных славян А. В. Веденяпин 2-й. Из них 4 были уволены из армии унтер-офицерами, а 3 – прапорщиками. В 1827 г. рядовыми на Кавказ прибыли 2 осужденных по X разряду декабриста. Это младший брат друга А. С. Пушкина И. И. Пуцина, Михаил Иванович Пуцин, который к моменту увольнения в 1831 г. дослужился до чина поручика. В 1829 г. он был ранен навывлет в грудь, а летом этого же года во Владикавказе встретился с А. С. Пушкиным. Тогда же прибыл в Тифлисский пехотный полк и разжалованный за агитацию против присяги Николаю I Н. П. Кожевников, который также встречался на Водах с Пушкиным. В это же время на Кавказ были доставлены двое осужденных по IX разряду декабристов: член Северного общества П. П. Коновницын 1-й и Н. Н. Оржицкий. Коновницын тоже летом 1829 г. встречался с А. С. Пушкиным, а в следующем году, дослужившись до чина поручика, умер в 27-летнем возрасте.

Только один из трех декабристов, осужденных по VIII разряду, сразу был отправлен рядовым на Кавказ – лейтенант Гвардейского экипажа,

участник восстания в Петербурге Б. А. Бодиско 1-й, прибывший во Владикавказ в 1826 г. и убитый через 2 года в бою с горцами. Несколько позже, в 1829 г., после сибирской ссылки был доставлен рядовой В. М. Голицын, бывший князь, титулярный советник и камер-юнкер, член Северного общества, участник русско-турецкой войны. После увольнения по болезни в 1837 г. он был зачислен в штат Общего кавказского областного управления в Ставрополе, в котором прослужил до 1839 г. Третьим был М. А. Назимов, который также после ссылки прибыл с группой других декабристов в 1837 г.

Среди 5 декабристов, имевших наказание по VII разряду, большинство из них до Кавказа прошли по суду как члены Южного общества и получили 1-2 года каторги и ссылку. Член Общества соединенных славян А. К. Берстель провел более года в крепости. 8 лет прослужил на Кавказе член Южного общества С. И. Кривцов, дослужившийся до чина прапорщика. Отдал службе на Кавказе четверть века В. С. Толстой, начавший рядовым в 1829 г., а завершивший её чиновником для особых поручений при кавказских наместниках М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьеве. В. Н. Лихарев, убитый на Кавказе, и А. И. Черкасов прибыли из Сибири к месту службы в 1837 г.

На Кавказе служили по одному декабристу, осужденному по VI и V разрядам. Это умерший здесь от малярии, член Южного общества А. О. Корнилович (VI разряд), оставивший воспоминания о движении декабристов, а также активный участник восстания в столице, барон А. Е. Розен (V разряд), который прибыл из Сибири с группой своих товарищей в 1837 г. В 1838 г. он служил в Пятигорске в 3-м линейном кавказском батальоне.

В краеведческой литературе много написано о группе из 5-6 декабристов, одновременно прибывших на Кавказ в 1837 г. после каторги и поселения в Сибири. Трое из них были осуждены по IV разряду. Всего же служило в нашем регионе 6 декабристов, приговоренных к этому разряду наказаний. В основном это была каторга до 8 лет и поселение. Среди них выделялась личность поэта-декабриста, друга М. Ю. Лермонтова, а также фигура Н. И. Лорера, который оставил подробные записки о Южном обществе и пребывании декабристов на Кавказе. Через 3 года сюда прибыли осужденные по тому же разряду братья Беляевы.

На Кавказ не попал ни один декабрист, осужденный по II и III разрядам, зато здесь служили 5 человек, приговоренных по I разряду. 3 декабриста были членами Северного общества, а 2 – поляки, ученики Белостокской гимназии, члены местного тайного общества. Эти молодые люди, отсидев в крепости, уже в 1828 г. стали рядовыми Нижегородского драгунского полка. Анджей Яневич прослужил на Кавказе 36 лет и уволился со службы подполковником. Среди перворазрядников был известный не только историкам декабризма, но и филологам поэт и писатель А. А. Бестужев (Марлинский), второй по старшинству из братьев Бестужевых, погибший в бою у мыса Адлер после 8 лет тяжелой службы. Другой член Северного общества А. Н. Сутгоф попал на Кавказ позже всех осужденных – в 1848 г. в возрасте 47 лет. Он остался навсегда в этом крае. Сутгоф 9

месяцев, с марта по ноябрь 1859 г., был смотрителем Кисловодских вод и до конца своей жизни, 1872 г., управлял казенным имением и дворцом великого князя Михаила Николаевича в Боржоми.

Из 47 «прикосновенных» к делу декабристов 8 были освобождены с оправдательным аттестатом или высочайшим повелением оставлены без внимания. Это камер-юнкер, сын камергера Никита Всеволожский, участник собраний «Зеленой лампы», который в 1828 г. работал в ведомстве тифлисского военного губернатора. Можно назвать и сына сенатора А. И. Гагарина, который переехал на Кавказ в 1845 г. вместе с М. С. Воронцовым и участвовал в делах против горцев. В конце 40-х он был градоначальником Дербента, а также военным губернатором Кутаисской губернии, где и погиб в 1857 г. Среди них следует упомянуть и полковника И. П. Шипова, члена Союза спасения и Союза благоденствия, который стал командиром лейб-гвардии Сводного полка, отправленного на Кавказ 21 февраля 1826 г. Наконец, нельзя не сказать о Павле Александровиче Катенине, участнике Союза спасения, поэте и драматурге, о котором А. С. Пушкин писал: «Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый». В 1836 г. он был комендантом крепости Кизляр.

Освобожденный с оправдательным аттестатом член Союза благоденствия, надворный советник, столоначальник в Департаменте внешней торговли А. В. Семенов в 1838-1839 гг. был гражданским губернатором Кавказской области (Ставрополь), став действительным статским советником. Сын героя Отечественной войны 1812 г., друг А. С. Пушкина, полковник Н. Н. Раевский, подозреваемый в принадлежности к тайному обществу, в 1826 г. был переведен на Кавказ командиром Нижегородского драгунского полка. В 1831 г., имея звание генерал-майора, за близость со ссыльными декабристами был переведен на более низкую должность. С 1839 г. Раевский-младший стал генерал-лейтенантом, начальником Черноморской береговой линии.

Для 22 человек, причастных к декабризму, перевод на кавказскую службу был главным наказанием за знакомство с декабристами, за родство с ними, за доноительство, за участие в раннедекабристских организациях и проч. Среди них был младший из братьев Бестужевых, 17-летний Павел. Был отправлен на Кавказ с замечанием полковник А. И. Вальц 2-й за то, что не донес властям о существовании тайного общества. Член Союза спасения и Союза благоденствия, капитан Генерального штаба В. Д. Вальховский, который был переведен на Кавказ при Паскевиче в 1826 г., в 30-е гг. служил обер-квартирмейстером в Кавказском корпусе. Он также был исполняющим должность начальника корпуса, замещая Г. В. Розена во время его отсутствия в 1835 г., командиром бригады при занятии мыса Адлер. В этом списке встречаются и участники восстания, например, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Особо надо сказать об участнике Отечественной войны 1812 г., члене Союза благоденствия П. Х. Граббе, который провел 4 месяца в крепости и был возвращен в свой полк в том же чине. В 1839 г. генерал-лейтенант Граббе был назначен командующим войсками на Кавказской

линии и Черномории, уволен в 1842 г. В 1866 г. он был избран наказным атаманом Войска Донского, членом Государственного Совета и написал «Памятные записки».

Член Северного общества подполковник А. М. Миклашевский 1-й служил на Кавказе в 22-ом егерском полку еще до восстания декабристов. С 1826 г. после месячного заточения в крепости он опять на Кавказе. Участвовал в экспедициях Ермолова, Паскевича, Мадатова, а с 1829 г. стал командиром 42-го егерского полка, где служили многие декабристы. Миклашевский был убит во главе полка при штурме Агач-Кале в 1831 г. и похоронен в Шуше.

Служил на Кавказе в 1826-1828 гг. внук А. В. Суворова корнет А. А. Суворов, член Северного общества. В 1828 г. флигель-адъютант Суворов сопровождал Николая I при его поездке в действующую армию, участвовавшую в русско-турецкой войне.

Не менее 25 декабристов, служивших на Кавказе, были участниками русско-персидской (1826-1828) и русско-турецкой (1828-1829) войн. 21 участник движения декабристов нашел свой последний приют в земле Кавказа, умерев от болезней и ран или погибнув в бою.

Такой предварительный обзор пребывания декабристов на Кавказе может стать отправной точкой для дальнейшей работы с источниками с тем, чтобы дополнить или исправить эти сведения.

Т. А. Булыгина, доктор исторических наук, профессор СГУ

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Прибытие декабристов на Кавказ по годам

1826

1. Арцыбашев Д. А. (1803 или 1804-1831)
2. Бестужев Павел А. (1808-1846)
3. Бестужев Петр А., рядовой (1804-1840)
4. Богданов А. И. (род. 1803)
5. Бодиско Б. А. 1-й, рядовой (1800-1828)
6. Брое А. А. (1802-1871)
7. Вадковский А. Ф. 2-й (род. ок. 1801)
8. Вальховский (Вольховский) В. Д. (1798-1841)
9. Вальц А. И. 2-й (1790-1864)
10. Васильчиков Н. А. (1799-1864)
11. Веденяпин А. В. 2-й, рядовой (1804-1847)
12. Волков В. Ф. (ум. 1828)
13. Всеволожский Н. В. (1799-1862)
14. Гангеблов (Гангеблидзе) А. С. (1801-1891)
15. Гофман П. И. (род. 1794)
16. Гудим И. П. (ум. 1828)
17. Добринский А. А. (ум. 1860)
18. Кудашев М. Ф. (1805-1847)
19. Левенталь Ф. К. (1785-1849)
20. Ледоховский Н. К. (род. ок. 1804)
21. Леякин Г. Г. (1803-1876)
22. Леман П. М. (1797-1860)
23. Малютин М. П. (род. ок. 1803)
24. Меллин Н. Р.

25. Миклашевский А. М. 1-й (1798 или 1799-1831)
26. Оржицкий Н. Н. (1796-1861)
27. Раевский Н. Н. (1801-1843)
28. Семичев Н. Н. (1790 или 1791-1830)
29. Суворов А. А. (1804-1882)
30. Шипов И. П. (1793-1845)

1827

1. Берстель А. К. (1788-1830)
2. Бурцов (Бурцев) И. Г. (1794 или 1795-1829)
3. Вадбольский А. П. (род. ок. 1806-1863)
4. Вильканец М. Ф. (род. ок. 1799)
5. Вишневецкий Ф. Г. (1798 или 1799-1865)
6. Войнилович А. С. (род. ок. 1801-1845)
7. Гвоздев А. Н. (1794-1828)
8. Искрицкий Д. А. 1-й (1803-1831)
9. Кожевников. Н. П. (1804-1837)
10. Лаппа (Лаппо) М. Д. (1799 или 1800-1841)
11. Лачинов Е. Е. (1799-1875)
12. Коновницын П. П. 1-й (1803-1830)
13. Окулов Н. П. (род. 1797 или 1798)
14. Петровский Э. А. (род. ок. 1804)
15. Путята Н. В. (1802-1877)
16. Пуцин М. И., рядовой (1800-1869)
17. Сухоруков В. Д. (1794-1841)
18. Фок А. А. (1803 или 1804-1854)
19. Цебриков Н. Р., рядовой (1800-1862)

1828

1. Барковский Ф. К. (род. 1804)
2. Воехович П. П. (1805-1830)
3. Яневич А. Д. (род. ок. 1804 – ум. после 1862)

1829

1. Бестужев (Марлинский) А. А., рядовой (1797-1837)
2. Голицын В. М., рядовой (1803-1859)
3. Толстой В. С., рядовой (1806-1888)

1831

1. Кривцов С. И. (1802-1864)

1832

1. Корнилович А. О., рядовой (1800-1834)
2. Палицын С. М. (1806-1887)

1833

1. Катенин П. А. (1792-1853)
2. Майборода А. И. (ум. 1844)

1836

1. Игельстром К. Г., рядовой (1799-1851)

1837

1. Вегелин А. И. (1800 или 1801-1860)
2. Граббе П. X. (1789-1875)
3. Лихарев В. Н. (1803-1840)
4. Лорер Н. И., рядовой (1795-1873)
5. Назимов М. А. (1801-1888)
6. Нарышкин М. М. (1798-1863)
7. Одоевский А. И., рядовой (1802-1839)
8. Ордынский Ф. В. (род. 1802)
9. Розен А. Е., рядовой (1799 или 1800-1884)
10. Черкасов А. И. (1799-1855)

1838

1. Мазгана П. Д. (1802-1843)
2. Семенов А. В. (1799-1864)

1839

1. Дивов В. А., рядовой (1805 или 1806-1842)

1840

1. Беляев Александр Петрович (1803-1855)
2. Беляев Петр П. (1804 или 1805-1864)

1841

1. Скалон А. А. (1804-1899)

1845

1. Гагарин А. И. (1801-1857)

1848

1. Сутгоф А. Н. (1801-1872)

Не установлено точно

1. Жуков И. П. (род. ок. 1801 или 1802 – ум. после 1847)
2. Сизиневский В. О. (род. ок. 1801)
3. Хвошинский П. К. (1790-1852)

II. Убиты или умерли на Кавказе

1. Берстель А. К. (1788-1830)
2. Бестужев (Марлинский) А. А., рядовой (1797-1837)
3. Бодиско Б. А. 1-й (1800-1828)
4. Бурцов (Бурцев) И. Г. (1794 или 1795-1829)
5. Воехович П. П. (1805-1830)
6. Войнилович А. С. (ок. 1801-1845)
7. Волков В. Ф. (1828)
8. Гагарин А. И. (1801-1857)
9. Гвоздев А. Н. (1794-1828)
10. Гудим И. П. (1828)
11. Дивов В. А., рядовой (1805 или 1806-1842)
12. Искрицкий Д. А. 1-й (1803-1831)
13. Кожевников Н. П. (1804-1837)
14. Коновицын П. П. 1-й (1803-1830)
15. Корнилович А. О., рядовой (1800-1834)
16. Лихарев В. Н. (1803-1840)
17. Мазгана П. Д. (1802-1843)
18. Миклашевский А. М. 1-й (1798 или 1799-1831)
19. Одоевский А. И., рядовой (1802-1839)
20. Семичев Н. Н. (1790 или 1791-1830)
21. Сутгоф А. Н. (1801-1872)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Красноярск: Кн. изд-во, 1990. – 383 с.

Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 416 с. – (Сер. "Полярная Звезда").

Назимов М. А. Письма, статьи / Подгот. и вступ. ст. О. В. Попова. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 240 с. – (Сер. "Полярная Звезда").

Розен А. Е. Записки декабриста. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 480 с. – (Сер. "Полярная Звезда").

14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев / Сост. П. В. Ильин при участии А. А. Кононова; Вступ. ст. П. В. Ильина; Коммент. А. А. Кононова. – СПб.: Акад. проект, 1999. – 750 с.

Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе // Рус. старина. – 1903. – Т. 34, № 6. – С. 481-502.

Габаев Г. Солдаты – участники заговора и восстания декабристов: (Биобиблиогр. справка) // Декабристы и их время. – М., 1932. – Т. 2. – С. 357-364.

Гиреев Д. А., Недумов С. И. Декабристы на Кавказе: Новые разыскания // Известия Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-та. – Орджоникидзе, 1957. – Т. 19. – С. 147—165.

Горская Е., Захаров В. Декабристы на Кавказе // Кавказ. здравница. – 1975. – 22 окт.

Захаров В. А. Две поездки М. Ю. Лермонтова на Кубань // Рус. лит. – 1983. – № 4. – С. 139-151.

Захаров В. Декабристы на Кубани // Комсомолец Кубани. – 1985. – 14 дек.

Захаров В. Лермонтов и декабристы // Таманец. – 1978. – 28, 31 янв.

Захаров В. Н. И. Лорер в Прочном Окопе: (К 150-летию восстания декабристов) //

Сов. Армавир. – 1975. – 10 дек.

Сатин Н. М. Встреча с декабристами на Кавказе // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М., 1951. – Т. 3. – С. 318-320.

Толстой В. С. Кавказские записки декабриста В. С. Толстого / Публ., коммент. В. А. Захарова // Сборник Рус. ист. о-ва. – М., 2000. – Т. 2 (150). – С. 109-149.

Недосекин В. Декабристы на Кавказе // Кубань, Краснодар. – 1975. – № 12. – С. 87-88.

Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. – 168 с.

Романовский В. А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов ист.-фил. факультета Ставроп. пед. ин-та. – Ставрополь, 1958. – Вып. 13. – С. 15-37.

Сакварелидзе Р. Д. К вопросу о существовании "Кавказского тайного общества" // История СССР. – 1959. – № 5. – С. 1

Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. – 1951. – № 1. – С. 100—107.

Фадеев А. Декабристы на Дону и на Кавказе: Ист. очерк. – Ростов н/Д., 1950. – 72 с.

Чирг А. Ю. Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе // Вопросы общественно-политических взаимоотношений на Северо-Западном Кавказе в XX в.: Сб. статей. – Майкоп, 1987. – С. 59-76.

Движение декабристов: Указ. лит.: 1928-1959 / Гос. публ. ист. б-ка РСФСР; Всесоюз. б-ка иностр. лит.; Под общ. ред. М. В. Нечкиной. – М.: Изд-во ВКП, 1960. – 434 с.

Движение декабристов: Указ. лит.: 1960-1976 / АН СССР; Ин-т истории СССР; Гос. публ. ист. б-ка РСФСР; Отв. ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1983. – 302 с.

Движение декабристов: Указ. лит.: 1977-1992 / Гос. публ. ист. б-ка России; Науч. ред. С. В. Мироненко. – М., 1994. – 360 с.

«МОЖЕТ СОБСТВЕННЫХ ПЛАТОНОВ... РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ РОЖДАТЬ»

(ВИКТОР КСЕНОФОНОВИЧ ПАНКОВ)

Богата русская земля хорошими людьми. Богата и талантами. И в ряду сотен тысяч талантливых людей и наш земляк – Виктор Ксенофонтович Панков. У него редкая профессия – литературный критик. Он хорошо был известен литературной общественности страны: в 1949-1959 годах возглавлял отдел литературы и искусства газеты «Правда», затем работал в редколлегии журнала «Знамя», вел преподавательскую работу в Литературном институте им. А. М. Горького, состоял секретарем правления Союза писателей РСФСР. Получил сначала кандидатскую, а потом и докторскую степень. Активно печатался в газетах, журналах, выпускал книги. И в наших городских библиотеках есть книги В. К. Панкова. Если глаза – зеркало души, то книги – зеркало души человека, его мыслей, чувств. Одноклассники, сокурсники и сотрудники рассказывают о В. Панкове как о человеке целеустремленном, талантливом и очень добром. А его книги говорят о том, что он очень любил свою Родину, свой народ, был убежденным коммунистом.

Родился Виктор Ксенофонтович 20 ноября 1920 года в селе Ганино близ города Вичуги Ивановской области. Здесь прошло его детство. В 30-х годах семья Панковых переехала на Северный Кавказ. Жили сначала в Дербенте, Махачкале, Нальчике, а потом в Минеральных Водах. В школе № 4 им. Сталина Виктор появился в девятом классе. Одноклассница Лиза Давыдова вспоминает: «Внешне он ничем не выделялся, более того, был даже незаметен, маленький, с простым лицом, курносый, даже сейчас трудно вспомнить, что-то русое, с небольшой рыжиной. Жил он в интернате трудно, голодно. Но учился легко, принимал участие во всех делах класса и школы. Ну, а если класс учинял какое озорство, он в стороне не оставался. По мнению одноклассников, он был самый настоящий отличник: учительница математики М. И. Осельская души в нем не чаяла, а учительница русского языка и литературы любила, как родного сына, и он часто оставался ночевать у нее. Одноклассников он поражал глубоким знанием первоисточников. Виктор читал Ленина, Маркса, Энгельса, а статьи Горького «О литературе» перечитывал по многу раз, так что знал их почти наизусть.

В школьном драмкружке он играл роли монаха и Варлаама в драме Пушкина «Борис Годунов», ходил с товарищами на вершину горы Бештау, с радостью бегал на литературные и танцевальные вечера в школе. В письме в школу в 1962 году он пишет: «...так интересно было жить в Минводах именно потому, что мы дружили, любили друг друга и наделяли мир той красотой, которую неповторимо видишь в молодости. Для меня наша школа была центром – домом, клубом, театром, институтом. Наверное, это потому, что у нас были хорошие учителя, дружный класс и у многих ребят, можно сказать, ломоносовская страсть к знаниям».

Но из всех увлечений – главным была литература. Здесь несомненно

сказалось влияние Ольги Владимировны Линк. Она окончила до революции Высшие женские курсы, или как их называли, Бестужевские. Знала и любила литературу и умела любое учебное задание превратить в творчество самих учеников, помогала им раскрывать свой внутренний мир. В школе издавался рукописный журнал, среди одноклассников ходила совершенно наивная повесть Вити Панкова «Любовь мальчишки», а драмкружок ставил его столь же наивную пьеску «Школа».

Уже с 8 класса он мечтал только об одном институте – о Московском институте истории, философии и литературы. Только о нем. Без всяких колебаний. Без малейшего желания прикидывать какие-то варианты. Десять классов он закончил с золотым аттестатом и незамедлительно послал документы в заветный институт. Его одноклассницу Нину Букрееву приняли сразу же (кстати, 6 августа 1937 года в газете «Комсомольская правда» в статье «Славное пополнение высшей школы» говорилось, что в институт была принята дочь машиниста из Минеральных Вод Н. Букреева), а Панкову пришел отказ: претендентов очень много, принять не можем. И тогда Виктор решил ехать в столицу при отсутствии денег: хоть зайцем, хоть на крыше вагона, хоть пешком шагать. Без волнения он не мог вспоминать эти дни: учителя выхлопотали ему бесплатный железнодорожный билет, учительница собрала корзинку.

И вот 8 августа 1937 года он на Курском вокзале. Вещи руки не тянут, их нет. В карманах тоже легко – всего денег 20 рублей по тем временам. Ни знакомых, ни родственников. В приемной комиссии побеседовали с настырным пареньком и выписали направление в общежитие на Усачевке. А ведь было 18 человек на место! Но надо еще дожить до стипендии. Были проданы орфографический словарик и книга Горького, с которой он не расставался два года. Директор магазина, взглянув на юношу, все понял и предложил работу – развозить на тачке книги по киоскам. Тачка была такая тяжелая, с окованными колесами, что ее битюгу бы возить по булыжным переулкам. Но Виктор справился и с этой задачей.

И вот потекли студенческие годы: лекции, занятия, споры о литературе допоздна в общежитии. В 1968 году В. К. Панкову поручили написать актовую лекцию для первокурсников. На память пришли студенческие годы. Сколько любви, заботы, желания помочь, предостеречь, дать разумный совет в той лекции. Вот эти советы: учение – один из самых напряженных видов труда; у вас не должно быть пропусков в знаниях; уважайте свое желание знать; надо выплавить из «руды» книжных страниц и жизненных впечатлений чистый и твердый металл убеждений; сама студенческая среда, в которой вы будете жить – отличный университет; если хотите больше видеть – ходите пешком. И самый главный совет: это должно быть частицей вашей жизни – вечный долг перед поколениями тех, кто прошел через аудитории институтов, техникумов, училищ. Так заканчивается актовая лекция В. К. Панкова «Пора познания». А еще в той лекции примечательны такие слова: «У студентов есть всегда свой фронт. У нашего поколения – Отечественная война. Мы жили в предчувствии ее. Мы готовились к ней. А

когда она началась, то и участвовали в ней».

Едва Виктор отметил свое девятнадцатилетие, как ему пришлось надеть красноармейскую форму. На перемене вызвали в комитет комсомола. Разговор короткий и прямой: война с белофиннами, можешь или не можешь идти добровольно. Через несколько минут В. Панков, Сергей Наровчатов и другие студенты стали красноармейцами. После короткого обучения в Подольске 34-й отдельный легколыжный батальон бросили в тыл противника на выручку окруженной дивизии.

Студентов очень уважали бойцы-рабочие. А сам Панков с любовью вспоминает о командире взвода Силкине. «Наш лыжный батальон проник в тыл противника, очень страдал от жесточайших морозов. И тогда по требованию командира отделения Силкина мне пришлось отдать на разведение костра томик стихов Маяковского. Это был тот самый случай, когда стихи грели и своим поэтическим пафосом, и своими материальными страницами».

Виктор Панков полгода провалялся в госпиталях Кирова и Свердловска в связи с ампутацией пальцев обеих ног после обморожения и только 8 августа 1940 года снова приехал в Москву. За это время иными стали все – серьезными, посуровевшими, внутренне настроенными на то, что скоро – новый бой. Так закончилась пора отрочества и юности. Впереди была новая эпоха.

В 1942 году Виктор Панков вторично добровольно вступил в Красную Армию, был рядовым в радиодивизионе, уволен в марте 1943 года. На Северный Кавказ снова приехал в 1942 году, здесь в Нальчике жили две его сестры. В сборнике «Народный героизм и литература» он пишет: «Помимо моей любимой Ивановской области по детским и юношеским годам мне навсегда памятен Северный Кавказ – Минеральные Воды, Дагестан, Кабардино-Балкария. Вот они эти исхоженные мною горы и ущелья вблизи Эльбруса, вот селения, в которых я бывал, вот люди, с которыми я дружил, хотя это и было другое поколение. Вот эта солнечная земля, где удивительно сочетаются снежные вершины, плавно снижающиеся предгорья и широкие степи».

Здесь он работает в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» литсотрудником и заведующим отделом, потом секретарем райкома комсомола в городе Прохладном, заместителем редактора молодежного радио обкома ВЛКСМ.

В 1943-1945 годах Панков продолжил учебу в МГУ на филологическом факультете, одновременно занимался комсомольской работой, а в 1945 году стал заместителем заведующего отделом пропаганды Московского комитета ВЛКСМ, сотрудничал в газете «Московский комсомолец».

Заведующий отделом заслуженный работник культуры Н. Симаков вспоминает, что когда в 1954 году со студенческой скамьи он приступил к работе библиографом в справочной библиотеке редакции газеты «Правда», то Виктор Ксенофонтович часто давал ему новинки для рецензирования, привлекал к написанию обзоров произведений советских писателей, брал с

собой на литературные диспуты в Дом литераторов, на съезды писателей и журналистов. «Я с горечью узнал о его преждевременной смерти. Вспоминаю о нем, как о достойном человеке и настоящем друге. Храните и вы память о нем, вы можете им гордиться», – написал он в письме в школу, где учился В. Панков.

У Виктора Панкова как литературного критика были две главных темы: Горький и народ. Полностью сосредоточился на литературной критике он с 1948 года. Писал рецензии. И постепенно почувствовал: невозможно просто ограничиваться откликами на книгу за книгой. Нужна общая идея, объединяющая свои интересы в литературе.

«Моим путеводителем стал Горький. Мне захотелось проследить, изучить, понять буквально все, что он написал о советской действительности. Понять ради исторического познания живой, нынешней литературы». Так родилась первая книга – «Советская действительность в изображении М. Горького» (М., 1955).

Любовь к личности Горького у него была не случайной. Для поколения 30-х годов он был не просто великим пролетарским писателем, а близким человеком. У Виктора с Горьким вообще было много общего: голодное детство, ломоносовская страсть к знаниям, любовь к литературе, жизненные университеты. Общей у них была и цель: служить своему народу. Панков приводит замечательные слова Горького из дневников 20-х годов: «Я думаю, что, когда этот удивительный народ отмучается – он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот и уставший и обезумевший от преступлений мир».

Для Виктора Ксенофонтовича путеводной звездой стали слова писателя: «Человек создан затем, чтобы идти вперед и выше. И так будут делать наши дети и внуки». Эти слова «вперед и выше» он часто приводит в своих работах. В одной из последних статей в 1975 году «Музы не молчали» Панков пишет: «Минувшими тридцатью годами наша литература не разделена, а соединена с литературой военного времени. Нынешние наши годы по отношению к годам военным фактически и есть то будущее, за которое мы сражались. И ныне можно двигаться вперед и выше, лишь никоим образом не минуя былых славных свершений, более того – опираться на них».

Военную пору Панков называет годами титанической борьбы: «и в них наша литература будет многое открывать, многому учиться».

Более 200 произведений литературы о войне отрецензированы критиком В. Панковым. Сделать это было не только его долгом. Прожитые годы давали ему право личной оценки значимости произведений. «Может быть, поэтому я особенно люблю вступать в разговор о книгах, созданных при нас, в годы нашей сознательной жизни. Люди, подобные мне, родившиеся в двадцатом, как будто прожили еще не так много. Между тем воспоминания уже отчетливо оттеняют все, что мы видим сегодня. У нас есть личный опыт для сравнений».

Это дает ему право, рецензируя книгу Ю. Бондарева «Горячий снег»,

сказать такие слова: «Снег – и вдруг горячий? Однако в неожиданном образе этом нет никакой замысловатости. Но есть вполне закономерное сопряжение крайних точек отсчета в напряжении человеческих сил и чувств. Война такова, что и снег бывает горячим».

Вместе с героями книг он вспоминает свою комсомольскую юность и суровые годы Великой Отечественной войны. Для него интересны герои, характеры которых несут свет гуманизма социалистической культуры. Названия его книг говорят о том, что человек этой редкой профессии заострен был на одной цели – сделать жизнь лучше, человека красивее, мир добрее. Вот названия работ Панкова: «Главный герой», «На стержне жизни», «Воспитание гражданина», «Время и книги», «Традиции в движении», «В живом потоке», «Народный героизм и литература».

Прошло более четверти века со дня смерти В. К. Панкова. Изменился мир вокруг нас, иными стали ценности. В журналистике появились непривычные слова: «черный пиар», «желтая пресса». Но хочется верить, что все это временное, принесенное извне, что пройдут годы и настоящая литература, близкая нам по духу, войдет снова в наш дом, как это было в 60-70-е годы.

И мы вспомним имена не только писателей и поэтов той поры, но и тех, кто открывал им дорогу в мир Литературы. И тогда среди имен литературоведов достойное место займет наш земляк, выпускник школы № 104 из города Минеральные Воды, один из тысяч наших русских Ломоносовых – Виктор Ксенофонович Панков.

И. Шкарупа, учитель истории г. Минеральные Воды

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Книги В. К. Панкова

Панков В. К. Воспитание гражданина. Современная советская литература. Герои. Проблемы. Дискуссии. – М.: Сов. писатель, 1965. – 371 с.

Панков В. К. Воспитание гражданина. Советская литература, годы шестидесятые. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Худож. лит., 1969. – 376 с.

Панков В. К. Время и книги. Проблемы и герои советской литературы 1945-1973 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1974. – 528 с.

Панков В. К. Время, человек, литература. – М.: Знание, 1972. – 112 с.

Панков В. К. Главный герой. Изображение народа в послевоенной советской литературе. – М.: Гослитиздат, 1960. – 323 с.

Панков В. К. М. Горький и советская действительность. – М.: Моск. рабочий, 1968. – 350 с.

Панков В. К. На стержне жизни. Проблемы и герои современной советской литературы. – М.: Сов. писатель, 1962. – 356 с.

Панков В. К. Народный героизм и литература: Статьи. – М.: Сов. писатель, 1977. – 263 с.

Панков В. К. Советская действительность в изображении Горького. – М.: Сов. писатель, 1957. – 382 с.

Панков В. К. Традиции в движении. О современной советской литературе. – М.: Сов. писатель, 1971. – 318 с.: портр.

Литература о жизни и творчестве В. К. Панкова

Какурина Д. А. Панков Виктор Ксенофонтович // Краткая лит. энцикл. – М., 1968. – Т. 5. – С. 571.

Пустовойт П. Книга о главном // Литература и жизнь. – 1962. – 12 сент.

Дымшиц А. Об авторитетности суждения // Лит. Россия. – 1963. – 31 мая.

Ломидзе Г. Опыт двух десятилетий // Лит. газета. – 1965. – 16 февр.

Петров С. Время и книги: [Рец.] // Лит. Россия. – 1965. – 16 апр.

ИХ ИМЕНА ЗАПЕЧАТЛЕНЫ НА КАРТЕ АНТАРКТИДЫ

(АНТОН ЛУКИЧ ОМЕЛЬЧЕНКО)

*История – давняя составляющая
реальность жизни, а все героическое в
истории нужно человечеству для будущего.*

В. Чивилихин

На восточной окраине г. Минеральные Воды расположился поселок Ленинский. На фронтоне школы дата – 1878 г. Раньше это был дом помещика Михаила Адамовича Пеховского, имение которого со 175 жителями вошло в состав поселка Султановского. Помещик был богат, деятелен и удачлив. Он построил небольшой кожевенный завод, бойню, мыловарню, вырыл пруд, разбил прекрасный сад. Говорят, что на Дону у Пеховского были овечьи отары и собственный конезавод. Он занимался разведением донской породы лошадей.

Сюда, на Северный Кавказ, приезжали на заработки из Центральной России и Украины крестьяне, отчаявшиеся прокормить семью на маленьком наделе. У малоземельного крестьянина Луки Омельченко из села Батьки на Полтавщине было семеро детей. Антон, родившийся в 1883 году, был самым младшим в семье. Первыми отправились чабановать к отставному генералу Пеховскому старшие, а потом пришел черед и малолетнему Антону ехать на заработки, и было ему всего 13-14 лет. Сначала он пас коров, потом его пристроили к лошадям. Маленький, легкий, быстрый и смысленый мальчуган понравился помещику, и он решил сделать из него первоклассного жокея. Антона отдали на обучение тренеру-англичанину. Мог ли он предвидеть, что его знание лошадей и английского языка сделает его участником полярной экспедиции Р. Скотта к Южному полюсу. А пока Антон Омельченко стал превосходным наездником, участвовал в скачках и добывал славу для лошадей помещика Пеховского. Однако в 1909 г. помещик умер, его похоронили здесь же, в имении, в выстроенной им когда-то церкви. Вдова Пеховского вышла замуж за полковника Ведерникова, тоже заядлого лошадирика. Он начал возить Антона в большие города страны, в Западную Европу. Когда началась русско-японская война, полковник взял с собой Антона (которого по некоторым сведениям усыновил), но умер где-то под Владивостоком. Антон устроился работать на местный ипподром. Неизвестно, как встретился он с доверенным лицом Р. Скотта лейтенантом Б. Брюссом, по другим сведениям с Эдгаром Эвансом, но в семье Омельченко рассказывают, что в монгольских степях бывший жокей помог наловить 20 маньчжурских лошадей, способных выдержать низкие температуры. По другим сведениям, эти лошади были закуплены в Харбине.

Познакомившись с Антоном, Роберт Скотт решил взять его в экспедицию. И не прогадал. Дневники полярника пестрят отличными отзывами о трудолюбии и характере Антона. «Антон все возится в конюшне, славный малый, наш вечно бдительный Антон». Уверенный в превосходстве

английской нации, Р. Скотт написал такие предельно искренние слова: «Я убедился, что нашим русским молодцам подобает не меньше похвал, чем моим англичанам» (в экспедиции был также каюр Дмитрий Горев).

Между тем одиссея Антона была нелёгкой. 26 ноября 1910 г. корабль экспедиции «Терра Нова» двинулся к Антарктиде. На пятые сутки начался шторм. Антон Омельченко всё время находился в конюшне, оборудованной под баком. Он, как мог, старался облегчить страдания лошадей, хотя самого мучили приступы морской болезни. «Ну, не молодчина ли этот Антон?» – записал в дневнике Роберт Скотт. 4 января 1911 г. корабль подошел к побережью Антарктиды. На берег выгрузили измученных лошадей, и Антон начал оборудовать конюшню. Капитан отметил, что у Антона работы больше всех, а конюшня в образцовом порядке. Впрочем, русский участник экспедиции не гнушался никакой работы. А в свободное время мог лихо сплясать гопака. Об этом есть в фильме, хранящемся в одном из лондонских музеев.

Уже в начале похода Р. Скотт понял, что лошади не дойдут к Южному полюсу: они проваливались в сыпучий антарктический снег. Через месяц пришлось пристрелить последнюю лошадь. Антон сопровождал экспедицию до середины шельфового ледника Росса (до 81° южной широты), а потом вернулся в лагерь. 18 января 1912 г. до полюса дошел капитан Р. Скотт, но оказалось, что норвежец Р. Амундсен опередил его на 33 дня. На обратном пути все пятеро англичан погибли. Их нашли только через 8 месяцев. Антона вместе с другими участниками экспедиции забрал английский корабль. В Англию Антон прибыл в 1914 г. Его наградили медалью, дали пенсию правительства Великобритании. Его имя увековечено на карте Антарктиды: на Берегу Отса есть бухта Омельченко (63° 30' южной широты и 151° 47' восточной долготы).

Но начался пожар Первой мировой войны. Антон Омельченко вернулся на родину и попал на фронт. Домой, в село Батьки, вернулся после Гражданской. Женился, построил хату, растил сыновей Лариона и Ивана, работал заведующим избой-читальней, почтальоном. Смерть его была так же необычна, как и жизнь. Рассказывали, что сидел Антон Лукич на крыльце своей хаты, читал газету, а с неба скатилось сияющее ядро шаровой молнии, коснулось его плеча и понеслось дальше, унося с собой человеческую жизнь. Случилось это весной 1932 г., и было ему 48 лет. Но живая нить времен не рвется. Его внук Виктор Омельченко был участником украинской экспедиции на Южный континент в 2002 г. в качестве механика. Говорят, он внешне очень похож на своего деда: такой же энергичный, веселый, компанейский. Виктор отвез в Антарктиду горсть родной земли, а оттуда привез гранит на могилу деда, первого и единственного конюха Антарктиды. В Англии имя Антона Омельченко внесли в список Королевского географического общества. Впервые о нем написал норвежский географ и писатель Коре Холт в книге «Соревнование», в 1965 г. англичанин Г. Ладлем издал книгу «Капитан Скотт», где также упоминает двух русских участников экспедиции. У нас в стране трижды издавались дневники Р. Скотта: до

революции, в 1934 г. и в 1955 г. К последнему изданию даны вступительная статья и комментарии Н. Я. Болотникова.

И тем не менее в географических энциклопедиях нет упоминания об Антоне Омельченко. К сожалению, погиб архив Антона Лукича, который он отдал сотруднику полтавского музея. Но именно на таких судьбах нужно воспитывать подрастающее поколение, потому что о них написаны строки английского поэта XIX в. Теннисона: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

В декабре 2006 г. отмечается 95-летие покорения Южного полюса, и будет справедливо, если именем А. Омельченко назовут улицу поселка Ленинского, бывшего имения А. Пеховского, где начал свой трудовой путь конюх Антарктиды, ибо нет ничего важнее памяти о великих русских, прославивших свой народ.

И. Шкарупа, учитель истории Минераловодского лицея № 104

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Последняя экспедиция Р. Скотта / Под ред. Н. Я. Болотникова. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1955. – 406 с.

Ладлем Г. Капитан Скотт / Под ред. канд. геогр. наук Л. И. Дубровина с предисл. акад. А. Ф. Трешникова. – 2-е изд. – Л.: Гидрометеиздат, 1989. – 288 с.

Пристли Р. Антарктическая одиссея: Сев. партия экспедиции Р. Скотта. – 2-е изд. – Л.: Гидрометеиздат, 1989. – 359 с.

Хват Л. Б. Пришедшие издалека. – М.: Географиздат, 1963. – 190 с.: ил. – (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Гриценко В. Б. История земли Минераловодской. – Минеральные Воды, 1998. – 386 с.

Болотников Н. Я. Их имена запечатлены на карте Антарктиды: (О судьбе русских участников антарктической экспедиции Роберта Скотта) // Наука и жизнь. – 1969. – № 10. – С. 116-121, фото.

Голованов Я. К. Роберт Скотт: «Бороться до последнего сухаря» // Голованов Я. К. Этюды об ученых. – М., 1976. – С. 286-291.

Дебенгем Ф. Капитан Скотт на Южном Полюсе: Воспоминания англ. ученого, участника экспедиции к Южному Полюсу в 1912 г. // Природа. – 1962. – № 1. – С. 100-104.

Причина гибели экспедиции Р. Скотта: [1912 г. Статьи] // Природа. – 1978. - № 10. – С. 80-98.

Из содерж.: Корякин В. С. Несоответствие средств и цели. – С. 80-94, портр.; Каневский З. М. «Ужасное разочарование...». – С. 94-98.

БУЛГАКОВСКИЙ ВЛАДИКАВКАЗ

В г. Владикавказе (нынешнем г. Орджоникидзе) М. А. Булгаков сделал свои первые шаги в литературе. Здесь в 1920-1921 годах были им написаны первые фельетоны, пьесы, начата работа над романом «Белая гвардия» и заложена основа пьесе «Дни Турбиных». Мы считаем Пятигорск колыбелью творчества Л. Н. Толстого, с таким же основанием можем назвать колыбелью творчества М. А. Булгакова тихий и уютный город на берегах буйного Терека – Владикавказ.

Литературовед из г. Орджоникидзе, преподаватель местного университета, редактор альманаха «Литературная Осетия» Девлет Азаматович Гиреев (1916-1981) в изданной в 1980 году книге «Михаил Булгаков на берегах Терека» первый пролил свет на обстоятельства жизни и творчества писателя во Владикавказе. Д. А. Гиреев детально просмотрел местные и центральные газеты, белогвардейские и советские, начала 20-х годов, о своих находках делал предварительные сообщения на лермонтовских конференциях в Пятигорске. По «благословению» участливо отнесшегося к его рукописи К. М. Симонова она еще в глухие «застойные» годы, при окружавшем имя М. А. Булгакова «заговоре молчания», появилась в осетинском издательстве «Ир». «Светлой памяти Константина Михайловича Симонова – первого читателя рукописи этой книги и доброго советчика – посвящаю» – стоит в эпиграфе к повести, которую автор назвал документальной.

Этой же темы бегло коснулась в главе «Владикавказ» в изданной в 1983 году монографии «Творческий путь Михаила Булгакова» известная исследовательница его жизни и творчества Л. М. Яновская. К. М. Симонов также помог ей в издании этого труда. К сожалению, Л. М. Яновская смутно представляла реалии во Владикавказе двадцатых годов, изобразив его как исключительно осетинский город – центр Северной Осетии. Ничего подобного! – скажем мы. В то время осетинской автономии еще не было. Только в ноябре 1920 года при участии И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова во Владикавказе на съезде горских народов Северного Кавказа было провозглашено образование Горской республики. Сам же Владикавказ еще до начала тридцатых годов был автономным округом, своеобразным «вольным городом». Здесь на положении гостей располагались возникшие в 1922 году Северо-Осетинская и Ингушская автономии с их областными исполкомами, которые помещались напротив друг друга в бывших зданиях прежних учреждений Терской области. В других лучших зданиях города нашли гостеприимный приют Северо-Осетинский и Ингушский обкомы партии.

Сам Булгаков в третью годовщину Октября был свидетелем учредительного съезда Горской республики (ГССР) и, почти наверняка, посильно участвовал в устройстве юбилейного спектакля для съехавшихся со всего Северного Кавказа делегатов съезда.

Этого существенного обстоятельства не учитывали многие исследователи творчества писателя, хотя оно, конечно, влияло на условия его обитания в бывшей столице Терского казачьего войска, в городе с громкозвучным историческим названием «Владикавказ».

Значительно больше конкретных подробностей о жизни и творчестве тут Булгакова в напечатанном в 1987 году в журнале «Москва» (№ 7) «Жизнеописании Михаила Булгакова» М. О. Чудаковой, неутомимой и талантливой исследовательницы. Многими своими сведениями она обязана была первой жене писателя Т. Н. Лаппе (Кисельгоф), установив с ней живую связь еще в 1970 году, когда само имя Булгакова было чуть ли не под запретом. На периферии, например, в Пятигорске, даже в год широко отмечавшегося 90-летия писателя литсотрудник краевой газеты «Кавказская здравница» Р. Агаханов яростно протестовал против упоминания в газете имени «белогвардейца» Булгакова, в то

время как после издания «Мастера и Маргариты» это имя уже было на устах читателей всего земного шара...

После выхода книги Д. А. Гиреева кто-то из знакомых прислал ее Татьяне Николаевне и она по первому же впечатлению послала свой отклик в издательство «Ир» в г. Орджоникидзе. Д. А. Гиреев и Т. Н. Лаппа начали переписываться. Уточняя многие факты владикавказской биографии Булгакова, он задавал ей ряд вопросов, посылал снимки городских зданий, которые могли служить пристанищем для супругов в их беспокойной и тревожной жизни. Сама Татьяна Николаевна («Тася» – так ее звал Михаил Афанасьевич) любезно и охотно отвечая на письма, постоянно настойчиво приглашала его приехать к ней в Туапсе, где она жила, чтобы поговорить лично. В этом был резон. Не обо всем, что касалось жизни супругов на Кавказе в 1920-1921 годах можно было тогда свободно рассказать в письмах. К сожалению, встреча не состоялась. Д. А. Гиреев собирался быть в двадцатых числах октября 1981 года на лермонтовской конференции в Тамани, но в тот день в Таманский лермонтовский музей пришла телеграмма о его трагической гибели в одном из сел Северной Осетии, куда он выезжал от своей кафедры на сельскохозяйственные работы студентов. Так Д. А. Гиреев и не встретился с Татьяной Николаевной и не поговорил с ней. А скоро умерла и она сама...

Письма Татьяны Николаевны к Гирееву пролежали без движения в его архиве, хотя и содержат много интересных подробностей, исходящих от самого авторитетного источника. Теперь дети Д. А. Гиреева – его наследники – подготовили письма для публикации, отвечая усилившемуся в нашей стране интересу к любому новому слову о жизни и творчестве писателя. Публикацию Азамата, Марины и Татьяны Гиреевых дополняет комментарий «Булгаковский Владикавказ», сводящий воедино все сведения, собранные о литературной колыбели М. А. Булгакова, включая и старые открытки, рисующие облик города тех лет. Они лучше, чем иной документ и даже булгаковские «Записки на манжетах» переносят нас в те времена.

Письма Т. Н. Лаппы (Кисельгоф) уточняют, что Булгаков поехал на Кавказ не по доброй воле (Гиреев полагал, что он поехал по настоянию матери искать там брата), а по мобилизации командования Добровольческой армии. До того он мирно занимался в Киеве частной врачебной практикой – принимал больных на дому как врач-венеролог.

Белогвардейцы вошли в Киев 31 августа 1919 года, и вскоре ему прислали мобилизационный листок, выдали из английского обмундирования френч, галифе, шинель и предписали ехать на службу в военный госпиталь в г. Владикавказ. В тылах денкинской армии поезда ходили еще нормально, по расписанию, и через несколько дней после пересадки в Ростове-на-Дону Булгаков добрался до станции Беслан. Отсюда по короткой ветке ходил небольшой пассажирский состав – «передача», который и доставил его до вокзала во Владикавказе. До военного госпиталя на Госпитальной улице – старинного здания времен войны с Шамилем – было рукой подать, и врач на фаэтоне быстро с вещами добрался до места своей новой службы.

Что могло поразить его при первом взгляде на город? Наутро, выйдя на широкую Госпитальную улицу, он был восхищен открывшейся перед ним панорамой Кавказского хребта: к югу высилась господствующая над городом массивная громада Столовой горы, напоминающая лежащую фигуру женщины со сложенными на груди руками. Правее из-за гор розовела на утренней заре коническая вершина Казбека. Он не мог не вспомнить слова М. Ю. Лермонтова:

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Восхитительный вид на горы – было неожиданное и впервые увиденное здесь явление. Утром при безоблачном небе оно было прекрасно. Чуть позже впечатление еще сильнее взволновало, когда по совету местных жителей Булгаков сходил перед закатом к

площадке церкви на Осетинской слободке, чтобы полюбоваться отсюда цепью гор со Столовой горой и вершинами Казбека и Адайхоха. Даже в родном Киеве ему ничего подобного видеть не приходилось! Набедовавшись во Владикавказе, он потом назовет это «горное царство» «постылым».

День был воскресный, больных и раненых в госпитале было немного, и Булгаков посвятил его осмотру города, раскинувшегося по берегам Терека, глухой шум которого доносился справа. Отведя взор от пленительной панорамы Кавказского хребта, Булгаков на противоположной стороне Госпитальной улицы увидел ряд обгоревших, обугленных пожаром, полуразрушенных домов-скелетов, кое-где прикрытых деревянными заборами. Такая же картина руин открылась на параллельной Моздокской (ныне им. Льва Толстого) улице, к которой пришлось идти по Червленной. В одной из ближних, примыкавших к Тереку улочек, он мог заметить рябые от пулевых выщербин кирпичные стены домиков. Таких следов уличные бои не оставили даже в родном Киеве, где петлюровцев сменили «гетмановцы» – войска украинского гетмана Павла Скоропадского, а красные части – немцы и деникинские добровольцы.

Жители рассказывали, что в этом районе год назад, в августе 1918 года, на протяжении двух недель войска Терской республики вели яростные бои с ворвавшимися ночью в город мятежными терскими казаками-бичераховцами, сторонниками находившегося в г. Моздоке Терского казачьего правительства Г. Бичерахова. Особенно поразившая в тот день Булгакова Воздвиженская улочка получила название улицы Августовских событий и теперь неотъемлема от революционной истории города.

Тогда, отражая натиск бичераховцев, пришлось открыть по ним огонь из броневиков, один из которых проник на улицу Моздокскую и успешно поражал мятежников. Стоявший на вокзале бронепоезд снарядами накрывал места сосредоточения казаков-бичераховцев, разрушал их укрытия в домах.

Дальнейший путь к центру города пролегал мимо руин разрушенной во время прежних боев психбольницы, мимо оригинального здания Братской церкви и приводил к памятнику штабс-капитану Лико и солдату Тенгинского полка Архипу Осипову. Памятник стоял в самом начале главной улицы Владикавказа – Александровского проспекта, как струна протянувшегося через весь город по направлению к подошве Столовой горы. Монумент находился перед зданием штаба 21-й дивизии, полки которой сражались многие десятилетия в Кавказской войне. Немало солдат этих полков обрели последний покой на тихом загородном Госпитальном кладбище, а по надгробным плитам офицеров, погребенных на старом городском кладбище, можно было изучать историю борьбы этих полков с Шамилем.

Большой след в жизни Владикавказа оставил Тенгинский пехотный полк. Город служил ему штаб-квартирой многие десятки лет, и тенгинцы решили оставить о себе память в виде монумента. Его венчал золоченый одноглавый орел с лавровым венком в клюве. Были сделаны надписи: «Памятник сей поставлен в царствование императора Александра 3-го в 1881 году». «1-й батальон 77-го пехотного Тенгинского полка первому своему рядовому». «Штабс-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову». «Погибшим во славу русского оружия в Михайловском укреплении 22 марта 1840 года». У этого памятника солдатской славы – герою, взорвавшему пороховой погреб, жертвуя жизнью, – до революции ежегодно служили панихиду в память павших.

Главная улица столицы Терской области – Александровский проспект – еще носила черты военного города. Прежде здесь задавали тон военные – Терского казачьего войска, прославленных русских пехотных и конных полков – Тенгинского, Апшеронского, Ширванского, Нижегородского драгунского и других. На скамейках тенистого бульвара, посреди проспекта, сидели, почитывая газеты, отставные офицеры, чиновники войсковых учреждений. Но теперь, в 1919 году, проспект заполняли офицеры казачьих войск – кубанцы и терцы в черкесках с башлыками, подтянутые и brave горцы «Дикой дивизии», офицеры «цветных» деникинских офицерских полков с трехцветными

шевронами, корниловцы с изображением черепа на рукавах, алексеевцы, дроздовцы, марковцы. Среди них попадались участники «Ледяного похода»: таких легко было определить по знаку на груди – мечу в терновом венце. Изредка попадались офицеры знаменитого на Кавказе Апшеронского полка; в память кровавых схваток они носили на голенищах сапог лакированную красную полосу. Ближе к центру города правая рука едва успевала отвечать на приветствия встречаемых военных. Без опыта нелегко сразу было разбираться в чинах казачьих офицеров – хорунжих, сотников, есаулов, войсковых старшин. Мелькали лихо отдававшие честь кадеты, вышедшие в воскресенье в отпуск из местного кадетского корпуса, построенного на окраине города в 1904 году.

На проспекте мелькали названия гостиниц «Гранд-Отель», «Европа», «Париж». «Империаль», кинотеатров «Гигант», «Риччи», «Патэ», уютных кафе «Чашка чая», вывески подвальных шашлычных.

Лучшая пора во Владикавказе – конец сентября. На бульваре множество гуляющих. Нарядные жены офицеров, институтки, гимназистки. Прогуливались и сестры милосердия с красными крестиками на белоснежных косынках и фартуках с нагрудниками. Особенная толчея царила на перекрестке проспекта и Базарной улицы, в центре города. Ее оживляла разноязычная толпа горцев, составлявшая своеобразие Владикавказа, с особенностями в одежде, осанке, поведении. Не просто было приезжему с первого взгляда отличить осетина от ингуша, чеченца от кумыка, армянина от грека, перса от кабардинца. Степенно шли горцы-хаджи, с белой чалмой на папахах – свидетели их довоенного еще пребывания в священном исламском городе Мекке. Встречались тут и надменные представители осетинской аристократии – баделята в дорогих черкесках, белых бурках, с серебряными кинжалами и газырями, в изящных кожаных ноговицах.

На площади, неподалеку от здания театра, висела доска Освага (Осведомительного агентства), отмечавшего флажками на карте поход Добровольческой армии на Москву. В сентябре еще ничто не предвещало начало ее отступления в глубину Кавказа и в Крым. Трехцветные флажки все ближе подвигались к Туле... Под густой зеленью лип на бульваре было спокойно и мирно. Ничто на проспекте не напоминало о гремевшей где-то гражданской войне. Лишь в начале и в конце проспекта возникали следы войны – руины дома правнучки адмирала Крузенштерна возле кинотеатра «Гигант» и развалины некогда красивого особняка барона Штейнгеля, переданного в дар городу и располагавшегося на площади у старого военного Преображенского собора. На бульваре было множество фруктовых лавочек, где персы торговали отборными фруктами – яблоками «шафран» и чудесными алагирскими грушами. Тут можно было купить и великолепные яблоки из садов аула Унал в Ардонском ущелье.

Одной из достопримечательностей Владикавказа с давних пор, с 1894 года, служил «Трек велосипедистов», устроенный М. Р. Ерофеевым и превращенный затем в оригинальный сад «Трек», лучший на Кавказе. Вниз к площадке, разбитой прямо на берегу Терека, надо было спуститься по каменной лестнице. Гостей встречал фонтан с каменным журавлем, из клюва которого исторгалась вверх струя. Посреди парка был пруд с островком. Тут располагался построенный в восточном стиле летний театр. Вдоль берега тянулась тенистая тополевая аллея, кончавшаяся романтической каменной скамьей в южной оконечности парка, на так называемой «стрелке». Вблизи стояло заросшее мхом колесо водяной мельницы. Северная часть парка выходила к «кладкам» через Терек, соединявшим одну часть города с другой. Вблизи «кладок» на левом берегу виднелось изящное здание новой мечети. Старая афиша у музыкальной раковины напоминала о проходившем в парке летом торжестве – 25-летию «Трека». Тогда приезжал сам М. Р. Ерофеев.

В чудесный, солнечный день ничто не напоминало о наступающей осени; на деревьях не было ни листочка с печатью осеннего увядания. Под неустанный рокот Терека приятно сиделось в шашлычной со стаканом хорошего кахетинского или чашечкой кофе по-турецки со знаменитым местным «сараджевским» коньяком. На этикетке

бутылки было изображение горного тура. Мальчишки-газетчики бегали по парку, предлагая воскресные газеты: «Терскую жизнь», «Терец», «Терско-Дагестанский вестник», «Кавказскую газету».

Бегло просмотренные заголовки ничего не давали ни уму, ни сердцу. Все мысли Булгакова витали в далеком Киеве, в родной семье, в тревогах о жене Тасе, матери, братьях и сестрах. Надо было скорей дать телеграмму Тасе, чтобы поспешила выехать из Киева к нему во Владикавказ.

За воротами парка и городского сада открывался вид на огромную площадь. Справа – большое здание, где находилась контора почтовых дилижансов по Военно-Грузинскому тракту. Отсюда прежде отходили рейсовые кареты, дилижансы, омнибусы с туристами, желавшими поглядеть на теснины Дарьяла и другие замечательные места Военно-Грузинской дороги. Еще правее был армянский торговый квартал с экзотическими лавочками, ремесленными мастерскими и выложенными прямо на улицу изделиями – медными кумганами, тазами и пр. На этой исторической площади была основана в 1784 году Владикавказская крепость: сюда прибывали «оказии», стояли заезжий дом, дом коменданта. На месте заезжего дома, где в 1829 году жил А. С. Пушкин, устроили в память этого события Пушкинский сквер с павильоном – красивой оригинальной беседкой, где в 1888 году отдыхала посетившая город императорская чета. Под горой, неподалеку, был виден старый еще крепостной Преображенский собор с изображением на его стене ордена Св. Владимира с мечами. Наверх, мимо мужской гимназии, вела Крепостная улица. Тут стоял громадный кафедральный собор, отстроенный в 1894 году и заложенный в память покорения Восточного Кавказа. Тут же, на Соборной площади, находился дворец терского войскового и наказного атамана, в котором жил он сам и хранились регалии Терского казачьего войска. У входа с обнаженными пашками стояли два казака в синих черкесках. Правее виднелось оригинальное здание Терского областного музея, напоминающее замок.

На этом первую прогулку по городу и ознакомление с ним можно было бы и закончить... Оставалось лишь по пути в госпиталь зайти на почтамт на Евдокимовской улице, в десятке саженей от проспекта, и послать Тасе телеграмму.

Первые впечатления о Владикавказе были благоприятны. В ту пору это был еще оправдывающий свое имя живописный и красивый город со строго шахматным расположением кварталов в прямых, как военный строй, улицах. Все это также надо видеть и знать нам, чтобы понять новый, резко отличный от прежнего, киевского, мир, так внезапно вторгшийся в жизнь Булгакова. До сих пор ни один из исследователей этой задачи перед собой не ставил, и мы позволили остановиться на этом подробнее, нарисовав облик города, каким он был в 1919 году.

Пришлось входить в рутину врачебной госпитальной жизни, с обходами больных и раненых, заполнением историй болезни, пробами пищи, ночными дежурствами. Не прошло и недели, как прибыла Татьяна Николаевна и надо было устраивать с нею жилье. «Мы жили в какой-то слободке, – сообщала она, – но не помню сейчас ее названия. Город по сравнению с Киевом казался мирным и сытым. Помню в витринах были какие-то караваи, которые, я было, приняла за торты, но Булгаков мне объяснил, что это кукурузные хлеба». Кукуруза издавна составляла главную зерновую культуру горцев окрестных аулов, и ее было вдоволь. Но и белого пшеничного хлеба тоже хватало. Пекарни выпекали пышные, горячие, «с пылу, с жару» лаваш и чуреки. На Тереке еще не знали ни продразверстки, ни продотрядов (это все появится с конца 1920 года) и с продуктами тут было пока хорошо. Шумный азиатский базар поражал обилием всякой снеди. Да и в госпитале больные не могли пожаловаться на скудное питание. Из Новороссийска вместе с оружием, обмундированием шло от союзников в изобилии и продовольствие: консервы, мясо, рис и пр. – остатки запасов Первой мировой войны 1914-1918 годов. У супругов было время прогуляться по городу, поглядеть на его слободки – Курскую, Шалдон, Осетинскую, Молоканскую, а то сесть в трамвай, доехать до

кадетского корпуса и дальше пройти до Реданта – преддверия Военно-Грузинской дороги. Пешком или на «линейке» можно было доехать до Сопицкой будки, Сараджевского завода, к громадному Алагирскому заводу. Осень стояла чудесная, и Владикавказ в такую погоду показывал себя с лучшей стороны.

Но семейная идиллия не продолжалась долго. От начальства пришло Булгакову предписание выехать в г. Грозный, чтобы там приступить к работе в госпитале. Командование Терско-Дагестанского края, сосредоточив здесь группу войск, повело наступление на силы главаря националистических чеченских банд Узун-Хаджи и чеченских партизан Гикало. Булгакова назначили заведующим перевязочным пунктом 3-го Терского конного полка, и он участвовал в наступлении свободного казачьего отряда на Чечен-аул и на Шали. В рассказе «Необыкновенные приключения доктора» («Литературная Грузия», 1975, № 2) описаны бои под этими аулами. Судя по «Терско-Дагестанскому вестнику» (1919, № 181) эти события происходили 15-20 октября 1919 года.

По завершении экспедиции Булгаков и сопровождавшая его повсюду жена вернулись сначала на станцию Беслан, а затем снова во Владикавказ. Она об этом рассказывала: «Потом жили в Беслане – не доезжая Владикавказа. Все время жили в поезде – в теплушке или купе. Знакомых там не было. Вообще там ничего не было кроме арбузов. Мы целыми днями ели арбузы... Потом вернулись во Владикавказ – в тот же госпиталь, откуда его посылали. Жили сначала у каких-то армян – одну комнату занимали; у Михаила был вестовой. Дружили с атаманом казачьим – ходили к нему на вечера – и с генералом Гавриловым. Вообще в городе жизнь шла довольно оживленная – кафе, на улицах из них слышна музыка... Потом генерал ушел вместе с полком – при слухах, что красные наступают, госпиталь расформировали – еще при белых, а генеральша Лариса Дмитриевна пригласила нас жить к себе – в свободную комнату. Они сами снимали, кажется, у атамана дом. У нее был сын – мальчик, прислуга – финка Айна. У них, наверно, и встречали Новый год 1920-й...» Запомнилось Татьяне Николаевне, что первоначально (до отъезда в Грозный) жили во Владикавказе «в каком-то большом холодном помещении (не то в бывшей школе, не то в какой-то конторе)».

Из слов Т. Н. Лаппы не видно, где и когда Булгаков познакомился с терским атаманом (им тогда был генерал Вдовенко) и с генералом Гавриловым. Скорее всего это произошло в Грозном в экспедиции против Узун-Хаджи. Знакомство было настолько прочным, что Михаил Афанасьевич стал вхож в его дом (тот самый дворец, который он видел, гуляя по городу). Что касается генерала Гаврилова, то это мог быть командир бригады, сражавшейся осенью в Чечне.

«Встречали Новый год, – писала Татьяна Николаевна, – у Гавриловых – он уже очень немолодой генерал, она еще довольно молодая кокетливая дама. Были какие-то офицеры. Помню все очень много пили, были взбудоражены».

Будущее было темно и неясно. Добровольческая армия терпела поражение за поражением и откатывалась на Кавказ, в Крым и на Одессу. До Владикавказа эти события были пока далеки. Но удастся ли здесь отсидеться? Впрочем для самого Булгакова, человека, стоящего вне политики и повидавшего в Киеве смену многих властей, в этом не было забот и тревог. Но все же, все же! Что несет новый, да еще високосный год? – на это мог ответить лишь Воланд...

Госпитальная повседневная лямка не очень радовала Булгакова, но просто так – по желанию эту службу бросить было никак нельзя – его тотчас бы сочли дезертиром, а у него были свои твердые и устойчивые понятия о долге. Киевский опыт частной практики подсказывал ему и другой путь: можно было бы с успехом вернуться к денежным, гонорарным занятиям врача-венеролога. Гражданская война принесла бы немало пациентов. Но главная его мечта была другая – тяготение к писательской деятельности.

В автобиографии 1924 года он писал об одном факте своего творчества: «Как-то ночью, в 1919 году, глухой осенью едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки,

вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали».

О какой газете идет речь? Предположительно, это газета «Грозный», куда Булгаков мог ездить по делам службы один, без Таси, до назначения в тот город. Мог также быть и Пятигорск, где находилось Управление Терско-Дагестанским краем во главе с генералом Эрдели и издавалась Петросяном большая газета «Кавказский край». Это соответствует словам Т. Н. Лаппы, которой Булгаков по приезде ее во Владикавказ сразу же сказал: «Я печатаюсь». – «Ну, поздравляю, – ответила она, – ты же всегда этого хотел».

Но Яновская и Чудакова полагают, что речь идет о рассказе, появившемся во владикавказской «Кавказской газете» в первой неделе февраля 1920 года (6 или 7 числа по старому стилю, принятому у денкинцев). Булгаков вырезал три прямоугольных кусочка из газеты и 26 апреля 1921 года послал их сестре Вере со словами: «Посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком: «Дань восхищения». Хоть они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут небезинтересны вам...» Эти газетные клочки сохранились и находятся в рукописном отделении Государственной библиотеки им. Ленина. В отрывке уже есть известная по «Белой гвардии» и «Дням Турбиных» песенка Николки:

Здравствуйте, дачницы,
Здравствуйте, дачники,
Съемки у нас уж давно начались.

Это ее пел он под гитару на сцене МХАТа.

«На оборотной стороне этих прямоугольных клочков газеты рекламные объявления, по которым можно датировать номер и даже установить название газеты, – пишет Л. М. Яновская. – Во Владикавказе выходило не так уж много газет. Судя по шрифтам и характеру объявлений, это «Кавказская газета». Но самый экземпляр «Кавказской газеты», несмотря на упорные розыски в библиотеках и архивах страны, мне найти не удалось».

«Кавказская газета» через несколько дней прекратила существование и вместо нее 15/28 февраля 1920 года, в субботу, начала выходить новая, ежедневная, беспартийная, политическая и литературно-общественная газета «Кавказ». В числе сотрудников газеты впервые была названа фамилия Булгакова. Неизвестно, что успел Булгаков опубликовать на ее страницах. Но через много лет он скажет: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе».

Т. Н. Лаппа вспоминала о том периоде: «...через некоторое время я случайно встретила Ларису Дмитриевну. Она мне сообщила, что ее муж куда-то уехал, она не знает точно даже куда! У нее есть свободная комната и ей бы хотелось, чтобы к ней переехали на квартиру. Вскоре мы в доме Гавриловых заняли комнату».

Белогвардейцы тем временем стремительно отступали, после того как в сальских степях в лютые морозы вымерзла их ударная сила – донская конница. Красная Армия вела наступление на Екатеринодар и Новороссийск. Ее силы завязали упорные бои под Ставрополем. Крупные силы кубанцев отходили к Майкопу. Подходил черед Пятигорску, в районе которого скапливались конные полки. Вблизи Грозного и Владикавказа оживилась деятельность краснопартизанских отрядов Гикало, Мордовцева, Такоева. В газетах начали печатать объявления с предложениями по сходной цене выехать по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. В то время граница с Грузией проходила у Ларса, и там стояли пограничные военные посты. Было уже ясно, что белогвардейцы вот-вот оставят Владикавказ, но еще выжидали развития событий. Тем не менее, госпиталь, где Булгаков прослужил полгода, расформировали. Жалованье заплатили денкинскими «колоколами» (так назывались деньги, отпечатанные в Англии с изображением Кремля и царь-колокола). Эти деньги на базаре уже не шли, и Татьяна Николаевна лишь случайно накупила на них в одной лавке балыки.

В эти дни Булгаков послал жену в Пятигорск, но поезда туда не ходили и она вернулась. Однако он во что бы то ни стало стремился съездить туда. Неизвестно, что его влекло; то ли встреча с родственником, то ли зондирование почвы для работы в «Кавказском крае». Случилось, что поезд в Пятигорск все же пошел, и Булгаков на один день съездил туда. Вернулся со страшной головной болью, температура поднялась до 40 градусов. Еще успел придти главный врач госпиталя, не успевший отступить из города, и поставил диагноз – возвратный тиф. Болезнь протекала тяжело: мучили боли, преследовали кошмары, терял сознание. Татьяна Николаевна сбилась с ног, неотступно сидела у постели больного, бегала за врачами. «Если будем отступать, – предупредил главный врач госпиталя, – ему нельзя ехать».

Позже Булгаков упрекал жену: «Ты – слабая женщина, не могла меня вывезти!» – «Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, – как же я могла везти? – оправдывалась она. – Они мне так и говорили: «Что же вы хотите – довести его до Казбека и похоронить?» Болезнь эта описана в «Записках на манжетах», описаны и последующие события.

Булгаков медленно поправлялся. Во время его болезни белые покинули Владикавказ, отойдя по Военно-Грузинской дороге в Грузию, и в городе возникло «междущарствие»: не было ни белых, ни красных. Начались грабежи, разбивали склады, магазины. Всюду валялись бумага, солома, окровавленные перевязочные бинты. Первыми вошли в город партизанские отряды Мордовцева. Возник Владикавказский ревком, начавший выпускать свои «Известия». Как только подтянулись из Пятигорска войска XI армии, в конце апреля по новому стилю, состоялось торжественное вступление частей Красной Армии. Парад войск принимали командарм М. И. Василенко, председатель Северо-Кавказского ревкома Г. К. Орджоникидзе, секретарь партбюро Северного Кавказа и зам. председателя ревкома С. М. Киров.

Из начавшей выходить газеты «Коммунист» за 17 апреля 1920 года узнаем о состоявшемся 15 апреля в кинотеатре «Гигант» многолюдном митинге, на котором выступил давний друг владикавказцев, вернувшийся в город после почти двухлетнего отсутствия, С. М. Киров. «По его словам, – писали в газете, – он был сильно удивлен теми настроениями, которые еще существуют у местных обывателей. Они ничему не научились. Они все еще думают, что советская власть – временная, что она уйдет – они все еще шипят на всех углах и перекрестках, они забывают о том, что советская власть это неизбежность, это история и что ее не предотвратить никакими усилиями».

Булгаков был еще слаб, и не смог быть на этом митинге. Все события протекали на глазах Татьяны Николаевны. «С продуктами было туго, – замечает она. – Выручала моя золотая цепочка, которую в день свадьбы мне подарила мать. Мы ее «разбивали» на кусочки, и спекулянты за них давали продукты». Но хождения по городу в ту пору были небезопасны. Однажды она вышла и видит, что город пуст. В другой раз ночью шла за врачом по пустой улице. Встречный ингуш схватил ее за руку, она едва вырвалась и убежала. Наступила година разрухи.

С той поры едва выздоровевший Булгаков оказался у истоков культурной жизни советского Владикавказа, совершенно оставив медицину, а затем был вовлечен в самый водоворот борьбы за становление новых взглядов на литературу и искусство в молодом пролетарском государстве. Здесь он впервые вошел в среду профессиональных литераторов.

Через Владикавказ, несомые ветрами гражданской войны, проехали с юга на север и с севера на юг и Осип Мандельштам, и Борис Пильняк, и Рюрик Ивнев. Последний 3 сентября в «Гиганте» выступал докладчиком в диспуте «Любовь и смерть». Дважды посетил Владикавказ по поручению В. И. Ленина и с мандатом корреспондента «Правды» писатель А. С. Серафимович. Он выступал в местном цехе поэтов. Булгаков постигал, как тяжел, как кропотлив труд писателя-художника. «Написал фразу. Слово вычеркнул –

сверху другое поставил. Подумал – еще раз перечеркнул... вышла фраза, как кованная...», – говорил Серафимович, приводя в пример Л. Н. Толстого.

Во Владикавказе обстановка для общения с литераторами оказалась даже более благоприятной, нежели в Пятигорске. Там в те годы побывали лишь драматург Борис Ромашов, написавший первую свою пьесу «Федька есаул», и поэт Велемир Хлебников, создавший несколько стихотворений. В созданных позднее «Записках на манжетах» – первой повести Булгакова, носящей печать своеобразного едкого «булгаковского» стиля и в отрывке «Богема» он переплавляет свои впечатления о бурной жизни прежде тихого кавказского городка.

По рассказам Татьяны Николаевны, друг Булгакова Юрий Львович Слезкин, известный русский писатель, появился во Владикавказе после прихода красных. Но это – аберрация ее памяти. И неудивительно: ведь она вспоминала о давних владикавказских событиях через 60 лет.

Предоставим слово дневниковым записям Слезкина о знакомстве и дружбе с Булгаковым. «С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 года. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента. Когда я заболел сыпным тифом, его привели ко мне в качестве доктора...

По выздоровлении я узнал, что сам Булгаков болен паратифом. Тотчас же, еще едва держась на ногах, я пошел к нему, чтобы ободрить его и что-нибудь придумать на будущее. Все это описано у Булгакова в его «Записках на манжетах». Белые ушли, организовался ревком. Мне поручили заведование подотделом искусств при Терском наробразе. Булгакова я пригласил в качестве заведующего литературной секцией. Там же, во Владикавказе, он поставил при моем содействии свои пьесы: «Самооборона» в одном акте и «Братья Турбины» – бледный намек на теперешние «Дни Турбиных»... Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово».

В газете «Коммунист» за 9 апреля 1920 года (возможно, что еще по неотмененному старому стилю, действовавшему при белых) появилось извещение за тремя подписями:

«Заведывающий Подотделом искусств Ю. Слезкин,
Заведывающий литературной секцией М. Булгаков,
Секретарь К. Туаев».

В подотдел искусств, первоначально находившийся в бывшей дирекции народных училищ, приходили артисты, певцы, музыканты, художники, поэты, литераторы, занесенные вихрями революции и гражданской войны на берега Терека. Культурная жизнь провинциального города буквально «кипела» в мучительных поисках путей к новизне. Сам Булгаков занял твердую позицию защитника классики.

Начали работать два театра, опера в составе 160 человек, открылся цирк, кинотеатры – в летнем коммерческом клубе на бывшей Лорис-Меликовской улице и в летнем театральном здании «Трека». Читали лекции, ставили самодеятельные спектакли, устраивали диспуты и концерты. Местная газета за 14 мая 1920 года похвалила устроенный первомайский митинг-концерт. «В общем все артисты, все зрители и все ораторы были вполне довольны друг другом, не исключая и писателя Булгакова, который тоже был доволен удачно сказанным вступительным словом, где ему удалось избежать щекотливых разговоров о «политике».

Театры, клубы, лекционные аудитории были переполнены: публика рвалась на чтения «цеха поэтов», литературные диспуты. Владикавказ и прежде считался «театральным» городом. В 1910 году здесь начинал свою деятельность воспитанник местной гимназии Е. Б. Вахтангов. В театре серые солдатские шинели и красные косынки комсомолок соседствовали с нарядами постоянных местных театралов.

При участии Булгакова организовали студию драматического искусства для осетин, на основе которой был открыт осетинский национальный театр. Основали Горский народный художественный институт, и в нем Булгакова назначили деканом театрального отдела. Затем открыли консерваторию.

В условиях провинциального многоязычного городка все это выглядело довольно беспомощно, что позже саркастически отметил сам Булгаков в «Записках на манжетах».

Булгаков так описывал обстановку в подотделе искусств, который они со Слезкиным «лепили из хаоса», и где он заведовал сперва литературным, потом театральными отделами: «В гулком здании ходят, выходят... В комнате на четвертом этаже два шкафа с оторванными дверцами, колченогие столы. Три барышни с фиолетовыми губами то на машинках громко стучат, то курят».

Упоминание четвертого этажа наводит на мысль, что подотдел искусств находился в тот момент на верхнем этаже бывшей гостиницы «Париж», на Александровском проспекте, единственного тогда в городе четырехэтажного здания. Позже тут находилось студенческое общежитие, а затем Владикавказский горисполком.

М. О. Чудаковой удалось в 1980 году встретиться с одной из трех «барышень» «подиска» – с Любовью Давыдовной Улухановой, которая назвала двух других барышень, сидевших вместе с ней в ободранной комнате бывшей гостиницы. Одну из них звали Марго, другую – вчерашнюю «гимназистку с толстенными косами» – Тамара Ноевна Гасумянц. Марго – это местная армянка Абазова. Она, как и Тамара Гасумянц, училась позже в Горском педагогическом институте – в здании бывшей Ольгинской гимназии, которую они ранее обе закончили. Л. Д. Улуханова запомнила, что на работу Булгаков приходил во френче со снятыми погонами. Носил смятую военную фуражку, ботинки с обмотками.

Слезкин, узнав, что Татьяна Николаевна работает в угрозыске на несвойственной ей канцелярской работе, устроил ее статисткой в театр. В городе было два театра – первый и второй, один – в старом здании, другой – в кинотеатре «Гигант». В театре она носила фамилию «Михайлова», выступала в массовых сценах и однажды исполняла роль горничной в пьесе «Мадам Сан-Жен».

«Сначала, – рассказывала она М. О. Чудаковой, – продолжали жить у генеральши и столовались у нее одно время, но когда я в театр поступила, не успевала к определенному часу после репетиций, а генеральша, Лариса Дмитриевна, не оставляла мне обеда... Михаил узнал, и отказался от ее обедов.

Театр денег не платил – только выдавал постное масло и огурцы... Подотдел ему тоже не платил. Только за пьесы потом уже платили. Жили мы в основном на мою золотую цепь – отрубали по куску и продавали. Она была витая, как веревка, чуть уже мизинца толщиной. Длинная – я ее окручивала два раза вокруг шеи, и она еще свисала, еще камешек на ней на груди была... Вот на эту цепь мы и жили.

Я все больше покупала печенку на базаре, где-то брала мясорубку и делала паштет. Иногда ходили в подвальчик... ели шашлыки, пили араку».

Этот «изумительный подвальчик в кавказском духе, где черный, как бес, персук подает в самом заднем чулане горячую араку и шашлык», упоминает и Слезкин в изданном в 1922 году романе «Столовая гора», в котором дана широкая картина жизни во Владикавказе в 1920 году. Кстати, этот роман служит важным источником при изучении обстоятельств жизни и творчества Булгакова в ту пору. Сцены базара, цирка, кафе, уличной жизни города представляют важный комментарий к материалам владикавказской биографии писателя. Миновать эти сведения ни один исследователь не должен, тем более, что и сам Булгаков служит прототипом главного героя романа. Слезкин вводит и в лабораторию его творчества. Позднее в дневнике он заметил: «Его манера говорить схвачена у меня в образе писателя в «Столовой горе». И не случайно, подарив в 1927 году Слезкину книгу повестей и рассказов, Булгаков написал: «Милому Юре Слезкину в память наших скитаний, страданий у подножия Столовой горы. У подножия ставился первый акт Дьяволиады, дай нам Бог дожить до акта V-го – веселого, с развязкой свадебной».

Первые месяцы после прихода Советской власти, до введения продразверстки, жизнь во Владикавказе не менялась – базар на закрывался, действовали частные кафе, пекарни, выпекавшие лаваш и чуреки, существовали шашлычные.

В романе Слезкина красочно зрелище базара: «Разноязычный говор вместе с пылью, терпким запахом баранины, черемши и брынзы колыхается над низкими рядами, камышовыми навесами кэбавен и духанов, арбами и корзинами. Ингуши, осетины, терские казаки, татары, персы, армяне, кабардинцы, беженцы-турки, красноармейцы из Ярославской, Тульской, Рязанской губерний продают и покупают, покупают и продают – меняют одно на другое, торгуются, клянутся, ругаются, призывают в свидетели бога, черта, аллаха, джина. Мальчишки-папиросники снуют между ног, перекликаются друг с другом, ныряют в толпу, как пловцы.

Пузатые русские самовары клубят белый пар на длинных столах, русские бабы-казачки в платках с розанами подают чай. Масленные, жирные солнечные пятна плывут по их потным, круглым, румяным лицам, по самоварной меди, по стаканам и чашкам, по красным звездам буденовок, по рыжим папахам.

Во фруктовых лавках над пирамидами алой клубники, розовых, лакированных черешен, скороспелой янтарной айвы, в густом приторном дыханье плодов, поджав ноги, сидят персы, перебирают четки, кивают мимо идущим.

Распялив ноги, вниз головой висят освежеванные туши баранов, капля за каплей падает наземь пунцовая кровь, – вьются над ними черной стаей овода и мухи, особенные, жирные, блестящие изумрудные мухи, точно родившиеся из густой бараньей крови. Старый, тощий пес сидит в стороне, из открытой пасти его свешивается голодная, мутная слюна».

Во Владикавказе с давних пор была большая колония персов, и их консул защищал ее интересы перед властями. «Время от времени, – пишет Слезкин, – гуськом по окраинному переулку семят персианки в цветных шелковых чадрах, скрывающих их стан и головы и подхваченных у маленьких проворных ног. Женщины, не переставая, говорят – выщелкивают короткие слова, не понижая, не повышая голоса, все на одной и той же металлической ноте. Точно большие, жирные, в райском оперении птицы. Черный глаз нет-нет да и блеснет из-за яркого убежища, из-за прямой брови».

А вот сценка в кафе-столовой Беридзе, где посетители в разное время разные. «Рано утром, до службы, забегают всевозможные заведующие с портфелями, наскоро пьют чай, едят мацони. Все они живут на холостую ногу, дома у них ералаш – самовара не ставят. Они пьют чай, сидя на краешке стула, читают газету, жуют чурек...», «...бритые актеры и актрисы спешат на репетицию, у них на счету каждая минута, режиссер назначил сбор ровно в 12 – раз навсегда. За опаздывание вывесят штраф...

– Вы только подумайте, нет, вы только подумайте! – кипятится одна из них. – Я встаю в шесть утра, убираю комнату, приношу с Терека воду, потом бегу на базар, с базара домой, ставлю чайник, кормлю детей, колю дрова и бегу в театр. Разве можно успеть вовремя».

А вот и сам театр:

«Впереди убитая булыжником площадь, на ней полуразвалившаяся водокачка, из которой бежит, бежит, не переставая вода, образуя топкую лужу, края ее заросли травой, пробившейся между камней. Слева врос в землю приземистый, раздавшийся в стороны дом. Он выкрашен в желтую краску, стены его заклеены афишами, на фронте красное, выцветшее на солнце полотнище: «Первый Советский театр». За площадью стремится вверх прямая стрела бульвара. Каштаны и акации, сплетая над ними свои ветки, образуют зеленый шатер... В ушах неумолчно гремит орган Терека, особенно явственно звучащий в эти ранние утренние часы. Весь воздух рассыпается в прах под ударами его глубокого рокочущего голоса...

Чистильщик сапог, черный, как его мази, сел на обычное свое место – угол бульвара и площади. Он кричит, выбрасывает из глубины горла шершавые, угловатые, как битый щебень, слова.

Ослик везет на маленькой тележке механическое пианино. Рядом семенит низенький старичок-итальянец. Он останавливается в тени у кинотеатра «Риччи» и начинает крутить ручку пианино. По площади несутся бравурные звуки мелодии. Этот старичок – одна из достопримечательностей города. Все его знают и любят».

Далее Слезкин ведет героя романа в цирк, находившийся возле здания почты, на углу Александровского проспекта и Евдокимовской улицы... «Конский пот, навоз, махорка, медный гуд оркестра, нестройный гам человеческих голосов, смеха и лая.

Сейчас начнется борьба – третья, последняя часть программы. Международный чемпионат борцов-победителей. Захватывающее дух зрелище.

В проходе давка. Каждый хочет увидеть лучше. Кавалеры отважно прочищают дорогу к первым рядам. За ними поспешают дамы. Лица у них красные от напряжения, волосы прилипли ко лбу, на губах шелуха от семечек.

– Товарищи!.. Осторожно... Товарищи!..

Мальчишки-папиросники сидят на брусках, поддерживающих шапито. Им лучше всех. Они сидят, болтают ногами, перекликаются, изредка плюют вниз на публику».

Добротный двухэтажный дом генерала Гаврилова, где жили Булгаковы, с большим двором, капитальным забором, местные власти решили использовать под детское учреждение.

«Дом генеральши, – передавала Т. Н. Лаппа М. О. Чудаковой, – забрали под детский сад. Сама она куда-то уехала вместе с сыном. Нам дали неплохую комнату, около самого театра – на Слепцовой... Иногда ходили обедать к Милочке Беридзе – ее мать готовила обеды за деньги...»

Этот дом на Слепцовой, 9 на целый год стал пристанищем Булгаковым. Он и доньше сохранился под тем же номером на нынешней улице Маяковского. «Больше мы на квартиры не переезжали», – разъясняет Татьяна Николаевна.

Но возникли разночтения по поводу этажа, где они жили. Татьяна Николаевна утверждает: «Там мы жили на первом этаже». Д. А. Гиреев в подписи под снимком дома: «В этом доме, на верхнем этаже справа, в 1920-1921 годах жил Булгаков». За смертью обоих вопрос об этаже остается открытым, хотя уже теперь следует подумать о том, чтобы дом увенчать мемориальной доской. Это, пожалуй, самое достоверное в г. Орджоникидзе место, служившее М. А. Булгакову жильем в трудные для него годы.

С приходом Советской власти на Кавказ вошла среди части населения поговорка, что «она стелет мягко, но спать будет твердо». Лето 1920 года оказалось исключительно тяжелым. В Крыму еще держался барон Врангель, высадивший на Кубани огромный десант генерала Улагая, который быстро продвигался к Краснодару и шел на соединение с укрывшимися в горах бело-зелеными повстанческими отрядами. Их презрительно называли «бандами», но с ними, тем не менее, пришлось бороться на протяжении трех лет. В горных ущельях возникла Армия возрождения России, во главе которой стоял генерал Фостиков. В Кабардино-Балкарии появился крупный отряд полковника Даутокова-Серебрякова. Непокойно было и в Чечне, где снова активизировались националистические отряды имама Гоцинского. Множество бело-зеленых повстанческих отрядов действовало в Пятигорье. Непокойно стало и в районе Владикавказа, в терских казачьих станицах, особенно в станицах Сунженской линии. С Кубани в село Ардон пришлось перебросить целую кавдивизию. Местные власти непродуманно ущемили интересы терских казаков, решив передать ингушам земли и станицы Сунженской линии. В ответ казаки ближайших к Владикавказу станиц Тарской, Ермоловской, Сунженской и Фельдмаршальской подняли мятеж. Против них применили силу, а население станиц переселили в район Пятигорья, создав на много лет мучительную проблему казачьих переселенцев. Позже в центре это переселение сочли ошибкой, но повернуть события

назад было нельзя. К тому же с появлением продотрядов и изъятием хлеба в счёт продразвёрстки, с установлением заградительных отрядов, не допускавших подвоза продуктов на базары Владикавказа и Грозного, терские казаки ожесточились еще больше.

В городах возникали антисоветские заговоры. На Владикавказ, где повсюду встречались следы жарких уличных боев 1918 года, надвигались разруха, голод. В городе осело много белых офицеров, не успевших уйти по Военно-Грузинской дороге. Из Грузии же свободно проникали эмиссары разных контрреволюционных организаций – казачьих, горских, действовавших под крылом грузинских меньшевиков. В городе скопилось много беженцев-армян, бежавших от турецкого геноцида и из районов, находившихся под оккупацией турецких войск; южных осетин, бежавших от преследований грузин; русского населения, покинувшего Хасав-Юрт и Гудермес во время разгрома их чеченцами в 1918 году. Из России нахлынула масса беспризорных детей, сирот гражданской войны, спешивших в поездах к южному солнцу, на Кавказ. Все они ютились в разбитых вагонах на вокзале, в разрушенных домах, на чердаках, в подвалах, в воровском притоне на базаре.

Командированным в местную ЧК работникам нелегко было разобраться в сложной классовой, национальной, сословной обстановке Владикавказа. Был введен комендантский час, и по ночам по городу расхаживали патрули, задерживавшие всех, кто не имел ночного пропуска. Один из героев Слезкина гибнет, так как не подчинился требованию патруля остановить коня и предъявить пропуск.

В романе Слезкин описал сцену ночного обыска на квартире старого отставного генерала Рихтера. «В глухой час ночи раздавался роковой стук в дверь, от которого сразу просыпались все в доме и, затаив дыхание, не шевелясь, забивались под одеяло, слушали. Потом начинали бить без остановки – кулаками и прикладами».

«Последний раз пришли по ордеру из ЧК, искали офицерские карточки и оружие. Растрепали все альбомы, выкинули на пол письма сына, убитого на войне с немцами, нашли тесак Павловского училища, хранившийся как память, и германскую каску. Карточек было много – выпуск кадетского корпуса, выпуск училища, полковые товарищи генерала, давно уже калеки или покойники. В коробке от конфет, перевязанной розовой ленточкой, лежали обернутые в папиросную бумагу погоны сына Димы – кадетские, юнкерские и прапорщичьи с одной синей полоской и звездочкой, аттестат училища, визитная карточка, которую он заказал при выпуске в офицеры, пучок волос – льняных, детских, ладанка, найденная при нем, убитом, вместе с девичьим миниатюрным на эмали портретом и сломанная деревянная дощечка с выжженной надписью: «Прапорщик Рихтер – убит 14 июля 1915 года». Дощечка эта лежала на гробе».

У дочери генерала, 25-летней Лизы, служившей в совнархозе машинисткой, возникла перепалка с чекистом-матросом. У нее хотят забрать ее письма.

– Товарищи, поймите, это мои письма, мои личные интимные письма.

– От офицера.

– Ну, положим от офицера. Что же такого? Тогда все были офицеры. Я не виновата. Потом мы с ним разошлись. Я даже не знаю, что с ним...

Такие сцены во Владикавказе, где особенно много было старых отставных офицеров, происходили во множестве домов, держа в напряжении и Булгакова. Не забудем: как служивший в Белой армии, он обязан был пройти регистрацию в ЧК, состоять на учете и являться в определенные дни на отметку.

Татьяна Николаевна рассказывала М. О. Чудаковой: «Был май месяц; Михаил ходил еще с палкой, опирался на мою руку. В это время как раз приехали коммунисты, какая-то комиссия, разыскивали белогвардейцев. И я слышу, как кто-то говорит: «Вот этот печатался в белогвардейских газетах». – «Уйдем, уйдем отсюда скорей!» – говорю Михаилу. И мы сразу же ушли. Я вообще не понимаю, как он в тот год остался жив – его десять раз могли опознать! Тогда время было трудное. Так, например, выяснилось, что начальник милиции – из белогвардейского подполья... А в доме, где мы жили, оставался сын казачьего атамана Митя, он мне часто колот дрова, немного даже ухаживал за мной.

И вот однажды он говорит мне: «Вступайте в нашу партию! – Какую? – У нас вот собираются люди, офицеры... Постепенно вы привлечете своего мужа...» Я сказала, что вообще не сочувствую белым и не хочу. А потом я узнала, что он предложил это же бывшей медсестре из детского сада, с которой у него был роман, а она сообщила об этом, и его расстреляли. А про Михаила, конечно, могли сказать, что он печатался в белогвардейской газете. Да даже этот Митя мог назвать его имя!»

Собственно в «Кавказской газете» и в «Кавказе» – частных, отметим это, изданиях – Булгаков проработал без году неделю и вряд ли что-нибудь, кроме беллетризированных фельетонов, очерков и рецензий успел в них опубликовать. С этой стороны Владикавказская ЧК вряд ли могла предъявить ему претензии.

В Екатеринодаре, например, другой литератор, С. Я. Маршак, весь 1919 год печатался под псевдонимом «Доктор Фрикен» в самостийнической газете «Вольная Кубань» и даже издавал сборники своих стихотворных фельетонов, и никто в этом его не упрекал. После же освобождения Кубани Красной Армией он организовал в Краснодаре детский театр и вместе с Е. И. Дмитриевой (знаменитой Черубиной де Габриак) издал книгу детских пьес «Театр для детей». Ничего неблагоприятного не было и в службе Булгакова в 3-ем Терском конном полку в качестве военного врача. Председатель Ревкома Северного Кавказа Серго Орджоникидзе после капитуляции в мае 1920 года под Сочи 60-тысячной белоказачьей армии распорядился всех ее военных врачей послать на курорты Кавказских Минеральных Вод, чтобы обслуживать вновь создающиеся советские здравницы. Они благополучно прижились в новых санаториях, многие вступили в партию, и никто из них даже в 1937 году не подвергался репрессиям за службу в Белой армии.

Однако постоянная настороженность, неуверенность в завтрашнем дне, предчувствие бед не покидают Булгакова. Слезкин в романе говорит устами героя, имея в виду Булгакова: «...Утром я заведовал Лито: написал доклад о сети литературных студий и воззвание к ингушам и осетинам о сохранении памятников старины». Затем – «становлюсь по очереди – историком литературы, историком театра, «спецом» по музыковедению и археологии, дошлым парнем по части революционных плакатов – мы готовимся к неделе красноармейца...»

...Добавьте к этому выступления Булгакова в Летнем театре, в парке «Трека» на литературных вечерах Терского отделения РОСТА вместе со Слезкиным, литератором и контрразведчиком Хаджи-Муратом Мугуевым, поэтессой Людмилой Беридзе.

Иногда проводили вечера у застрявшей во Владикавказе известной певицы Збруевой. «У неё, – по словам Татьяны Николаевны, – были какие-то вечера с водкой... Вообще пили там много. Там было такое кизлярское, бледно-розовое, очень вкусное вино, но когда его много пьешь – потом не встанешь». То был знаменитый чихирь.

Булгаковы познакомились с неким Моисеенко, который с женой Ольгой частенько заходил к ним на Слепцовскую улицу. Он сильно привязался к Булгакову, уверяя его: «Мишенька, я вас люблю». Вообще же круг знакомых был довольно узок. Ближе всех были Слезкин с женой, талантливой актрисой театра, Жданович. Еще поддерживались тесные отношения с местным адвокатом Борисом Ричардовичем Беме, хорошим знакомым С. М. Кирова. По-приятельски общался с блестящим московским актером Л. Н. Полем, который играл в пьесе Булгакова «Братья Турбины» роль Турбина. Поль был «кумиром» местных гимназисток, устраивал среди них драматические кружки, приобщал их к искусству. И Поль, и Збруева в дальнейшем, однако, уехали: он в Пятигорск, она в Кисловодск.

«Однажды, иду я в театр, – вспоминает Татьяна Николаевна, – вдруг слышу – «Здравствуйте, барыня!» Обращиваюсь, – а это бывший денщик Михаила, Барышев, – когда я приехала во Владикавказ, у него был денщик, или вестовой... Я всегда ему деньги на кино давала. – «Какая, – говорю, – я теперь тебе барыня?...» – «Где вы живете?» – спрашивает. – «Здесь, в городе, а ты?» – «Да я перешел в Красную Армию!»

Можно представить, сколько волнений принес Булгакову этот случайный уличный эпизод... Эти настроения проявились позже в «Записках на манжетах». «Ходит какой-то между столами. В сером френче и чудовищном галифе. Вонзается в группы, и те разваливаются. Как миноноска режет воду. На кого ни глянет – все бледнеют. Глаза под стол лезут. Только барышням – ничего! Барышням – страх не свойствен.

Подошел. Просверлил глазами, вынул душу, положил на ладонь и внимательно осмотрел. Но душа – кристалл!

Вложил обратно. Улыбнулся благосклонно.

– Завлито?

– Зав. Зав.

Пошел дальше. Парень будто ничего. Не поймешь, что он у нас делает. На Тео не похож. На Лито тем более».

Вот и гадай теперь, кто же это «возникал» перед Булгаковым?!

Булгаков далее рисует человека с орлиным лицом и огромным револьвером на поясе. «Он первый свое, напоенное чернилами, перо вонзил с размаху в сердце недорезанных, шлявшихся по старой памяти на трэк в бывшее летнее собрание. Под неумолчный гул мутного Терека он проклял сирень и грянул:

Довольно пели вам луну и чайку!
Я вам спою чрезвычайку!

Это было эффектно!»

Но тоже остается загадкой, кого Булгаков имел в виду. Видимо, кто-то из приезжих, кто имел отношение к ютившемуся в редакции «Коммуниста» под винтовой лестницей местному цеху поэтов.

Но одна фигура ясна. Булгаков о ней писал:

«И было в лето от Р. Х. 1920-е из Тифлиса явление. Молодой человек, весь поломанный и развинченный, со старушечьим морщинистым лицом, приехал и отрекомендовался: дебошир в поэзии. Привез маленькую книжечку, похожую на прейскуртант вин. В книжечке – его стихи...

Возненавидел меня молодой человек с первого взгляда. Дебоширит на страницах газеты (4 полоса, 4 колонка). Про меня пишет. И про Пушкина. Больше ни про что. Пушкина больше, чем меня, ненавидит. Но тому что! Он там, идеже несть...

А я пропаду, как червяк».

«Дебошир» – это сотрудник газеты «Коммунист» В. Вокс. Его первая заметка в газете «По-старому, по-бывалому...» появилась 15 апреля 1920 года. Вокс скоро выступил в газете с рецензией на концерт, устроенный подотделом искусств. В ней он, походя, лягнул Булгакова, взяв в кавычки слово «писатель». Но Булгаков не остался в долгу, и в письме в редакцию обвинил Вокса в музыкальной безграмотности.

После публичного посрамления Вокса Булгаков стал ему ненавистным врагом. С того дня у начинающего писателя наступила полоса бед и невзгод, сделавшая его жизнь тягостной, горемычной, полуголодной.

«Все было хорошо. Все было отлично, – писал Булгаков в «Записках на манжетах». – И вот пропал из-за Пушкина. Александра Сергеевича, царствие ему небесное!»

Началось с того, что на одном из литературных вечеров редактор газеты «Коммунист» и журнала «Творчество» Г. А. Астахов сделал доклад о Гоголе и Достоевском и по словам Булгакова, «обоих стер с лица земли». Тогда же пообещал сделать такой доклад и о Пушкине. Скоро большие плакаты на бульваре и у входа в городской парк оповестили об устраиваемом цехом поэтов и ТерРОСТА в летнем театре докладе Астахова «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения».

«В одну из июньских ночей, – писал Булгаков, – Пушкина он обработал на славу. За белые штаны, за «вперед гляжу я без боязни», за «камер-юнкерство и холопскую

стихию», вообще, за «псевдореволюционность и ханжество», за неприличные стихи и ухаживание за женщинами...»

«Где был Пушкин, – вопрошал Астахов, – когда вешали хорошо ему знакомых декабристов и ссылали остальных пачками в Сибирскую каторгу?..»

Гуманный Пушкин танцевал мазурку и кружился бесконечно в котильоне, поедал, по-прежнему, трюфели и страсбургский пирог, запивал шампанским, писал мадригалы и экспромты о хорошеньких ножках и рисовал карикатуры на повешенных, к которым цинично приписывал: «И я бы мог, как тут».

«Обливаясь потом, в духоте, я, – писал Булгаков о своих впечатлениях, – сидел в первом ряду и слушал, как докладчик рвал на Пушкине в ключья белые штаны. Когда же, освежив стаканом воды пересохшее горло, он предложил в заключение Пушкина выкинуть в печку, я улыбнулся. Каюсь. Улыбнулся загадочно, черт меня возьми. Улыбка не воробей!

– Выступайте оппонентом!

– Не хочется!

– У вас нет гражданского мужества.

– Вот как? Хорошо, я выступлю.

И я выступил, чтобы меня черти взяли. Три дня и три ночи готовился. Сидел у открытого окна у лампы с красным абажуром».

«Сегодня, в 9 часов вечера, в Доме Артиста, ТерРОСТА и цехом поэтов устраивается Литературный диспут. – появилось в газете объявление. – В программе – прения по докладу: «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения». Принимают участие т. Астахов (докладчик), тт. Булгаков, Беме (оппоненты) и др.

Вход бесплатный, свободный для всех».

Задолго до начала диспута помещение летнего театра заполнила публика. Постукивая «модной» для того времени обувью – деревянными колодками на ремешках, девушки и молодые люди спешили занимать места. Оппоненты с трудом пробились к сохранным для них в первом ряду стульям.

Левацкий, в духе пролеткультовских взглядов, призыв докладчика Астахова бросить Пушкина в «очистительный огонь революции» поверг публику в недоумение. Во Владикавказе еще не привыкли к таким речам.

«На диспуте, – пишет Татьяна Николаевна, – я присутствовала. И помню выражение лица Михаила – ведь по его глазам, по его чуть побелевшему лицу я поняла, чего ему стоило не ответить резкостью «низвергателя» Пушкина».

Речь Булгакова в защиту Пушкина публика встретила восторженно, проводив его горячими рукоплесканиями. Газета «Коммунист» уже 3 июля в отчете «На диспуте о Пушкине» ядовито сообщила:

«Что стало с молчаливыми шляпками и гладко выбритыми лицами, когда заговорил литератор Булгаков. Все пришли в движение. Завозились, заерзали от наслаждения. «Наш-то, наш-то выступил! Герой!» Благоговейно раскрыли рты, слушают. Кажется ушами захлопали от неистового восторга. А бывший литератор разошелся. Свой почуял своих, яблочко от яблони должно было упасть, что называется в самую точку. И упало. Захлебывались от экстаза девицы. Хихикали в кулачок «пенсистые» солидные физиономии.

– Спасибо, товарищ Булгаков! – прокричал один.

Кажется, даже рукопожатия были. В общем искусство прежних людей полагало свой триумф».

Увы, это была пиррова победа. Разве могли позволить Астахов и Вокс воспользоваться ею Булгакову? Сам Астахов под псевдонимом М. Скромный в статье «Покушение с негодными средствами» с подзаголовками «Волк в овечьей шкуре», «Рожденные ползать не способны летать», назвав оппонентов «господами», рекомендовал

им «при следующих выступлениях для своих прогулок подальше (от революции) выбрать закоулок».

Поспешил укорить Булгакова в местном журнале «Творчество» (1920, № 3) и ненавидевший его Вокс, писавший по поводу диспута: «Все было выдержано у литератора Булгакова в духе несколько своеобразной логики буржуазного подголоска и в тезисах и во всех ухищрениях вознести Пушкина». Это было сказано «в духе» будущих его московских гонителей Орлинского и Литовского. Их имена, а также имена Астахова и Вокса спасены от забвения только по их враждебным выпадам против писателя.

Диспут сыграл в судьбе Булгакова поистине роковую роль. Он писал в «Записках на манжетах»: «Я – уже не завлито. Я – не завтео.

Я – безродный пес на чердаке. Скорчившись сижу. Ночью позвонят – вздрагиваю».

Интересно бы отыскать следы Вокса! По сведениям Д. А. Гиреева, он – бывший студент юридического факультета, воевал на германском фронте, был в 1919 году следователем X армии на Кавказе. Вдруг он жив и донине?

Владикавказские события «вокруг Пушкина» ярко и художественно описаны в книге Д. А. Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека». Криком отчаяния звучат, относящиеся к тому времени фразы в «Записках на манжетах»:

«Что это за проклятый город Тифлис!

Второй приехал! В бронзовом воротничке. В бронзовом. Так и выступал в живом журнале. Не шучу я!!!

В бронзовом, поймите!..

Беллетриста Слезкина выгнали к черту, несмотря на то, что у него всероссийское имя и беременная жена. А этот сел на его место. Вот тебе и изо, мизо...»

Что имел в виду Булгаков, говоря о «бронзовых воротниках», разгадать, увы, невозможно! О первом таком пришельце из Тифлиса можно предположить, что речь шла о Воксе. Со вторым пришельцем в бронзовом воротничке разобраться легче, так как он сменил Слезкина на посту зав. отделом искусств. В ЦГАЛИ есть афиша о выходе 2 августа во 2-ом советском театре «Гигант» номера первого «живого» (устного) журнала искусства и литературы «Карусель». Известна и программа журнала. Вступительное слово от редакции сказал Г. Б. Евангулов. Он же вместе с другими поэтами читал стихи и сделал обзор «Новая книга В. Маяковского». Булгаков выступал с обзорами «Литературные итоги» и «Хроника искусств».

Новая для Владикавказа личность Г. Б. Евангулова – это скорее всего и есть второй пришелец из Тифлиса, «человек с бронзовым воротничком».

Для полноты картины надо сказать о появлении во Владикавказе еще одного лица – художника и поэта Н. Щуклина. Его имя значится в составе редколлегии устного журнала «Карусель». В газетном объявлении от 3 сентября о диспуте на тему «Любовь и смерть» в том же 2-ом советском театре имя Щуклина стоит в одном ряду с участниками в прениях Беридзе, Булгаковым, Евангуловым, Слезкиным. Но к Щуклину мы еще вернемся. Его роль неясна и сомнительна... Что касается Евангулова, то впервые его имя возникло в роли заведующего отделом искусств под воззванием о записи в Народную драматическую студию 10 июня 1920 года.

Вопреки гонениям друзья не унывают. 14 октября они устроили «Вечер чеховского юмора», где Булгаков прочел вступительное слово «Чеховский юмор», а Слезкин сделал сообщение «Чехов в воспоминаниях современников». Большой успех имели исполненные П. Н. Полем рассказы «Хирургия» и «Смерть чиновника».

Тем временем тучи начали сгущаться и над головой Булгакова. В журнале «Творчество» обрушились на 1-й советский театр, где якобы царит беспорядок. Кто-то похитил парики, бороды и усы. Актеры носят театральные костюмы и торгуют ими на «толкучке». На кладбище видели сторожа в кафтане Ивана Грозного. Актеры поставили в свою пользу оперетту «Гейша», не сдав ни копейки из выручки в кассу.

Актеров, реквизиторов и гримеров можно понять. За свой труд они получали гроши, а жить было тяжело и голодно. Но журнал отыгрался на руководителях подотдела: «Сорабис и подотдел искусств как государственные учреждения, руководимые «бывшими» людьми от искусства, не сочли дать новому театру ничего...»

В ЦГАЛИ хранится рукопись романа Слезкина «Столовая гора» с эпизодом обсуждения на профсоюзном собрании Рабиса работы подотдела искусств. «Все недовольны подотделом искусств, – говорится в ней, – подотдел не работает в контакте с союзом. Подотдел не выказывает достаточной пролетарской твердости – таково непоколебимое мнение комячейки. Нужно убрать буржуазный элемент и ввести железную дисциплину... За два месяца наш подотдел три раза менял помещение, два раза реорганизовывался и сменил двух завов...»

И тут выяснилась неблагоприятная роль Щуклина. Он, оказывается, был председателем комиссии по обследованию деятельности подотдела искусств и по его материалам была наложена резолюция: «Изгнаны: 1. Гатуев, 2. Слезкин, 3. Булгаков (бел.), 4. Зильберминц». (ГАСО. Ф. 36. Д. 17. С. 1-3).

О Зильберминце мы ничего не знаем, а о мотивах изгнания остальных можем сказать. Одаренный поэт Дзахо Гатуев в 1918 году на 2-ом съезде народов Терека в Пятигорске был очень близок к Кирову, давал отчеты о съезде в газеты Владикавказа. Но он был сыном известного в Терской области священника, и это решило дело. Слезкин был генеральским сыном, отец владел имением в Витебской губернии. А Булгаков мало того, что «белогвардеец», у него еще и отец – профессор богословия Киевской духовной академии...

На резолюции об изгнании из подотдела искусств стоит дата 26 ноября 1920 года, а незадолго до того изгоняемые «протащили» еще один пушкинский вечер, взяв реванш за летний диспут. На вечере Слезкин сделал доклад «Мастер и его достояние», а Булгаков – «Революционер духа».

Вокс не приминул обрушиться на Булгакова с новыми нападками: «... столичные литераторы, укрывшиеся в подотделе искусств, сделали новую попытку «развратить» публику, преподнеся ей своего кумира Пушкина...»

«Господи! – взывал Булгаков в «Записках на манжетах». – Дай так, чтобы дебошир умер! Ведь болеют же кругом сыпняком. Почему же не может заболеть он? Ведь этот кретин подведет меня под арест!..»

Горечь изгнания из подотдела искусств частично нейтрализовалась успехом поставленной 16 октября в 1-ом советском театре пьесы Булгакова «Братья Турбины», над которой он работал летом. «Турбины», – писал Булгаков двоюродному брату К. П. Булгакову, – четыре раза за месяц шли с треском успеха. Театр гремел, публика хлопала, кричала «Автора!»

Пьесу печатала на машинке первая владикавказская красавица, дочь ингушского генерала, Тамара Мальсагова. Она потом вспоминала, как смеялась, когда Булгаков сказал ей, что эта пьеса будет идти на сцене Художественного театра. Уже через пять лет оправдались надежды Булгакова: «Дни Турбиных» в окончательной редакции действительно с триумфом пошли в Московском Художественном театре!

Но Вокс не был бы Воксом. 4 декабря он с опозданием, необычным для него, писал о пьесе: «Автор устами резонера во 2-ом акте, в сценах у Алексея Турбина, с усмешкой говорит о «черни», о «чумазах», о том, что искусство не понятно для толпы, о «разъяренных Митьках и Ваньках». Мы решительно и резко отвечаем, что таких фраз никогда ни за какими хитрыми масками не должно быть. И мы заявляем больше, что, если встретим такую подлую усмешку к «чумазам», к «черни» в самых гениальных страницах мирового творчества, мы их с яростью вырвем и искромсаем на клочья».

Своими горькими мыслями Булгаков делился со Слезкиным. Тот утешал как мог. Говорил, что их здесь хорошо знают, и при крайней нужде не оставят в беде, помогут устроиться. К тому же во Владикавказе и с едой легче, нежели в другом месте.

До сих пор они питались в долг в кафе у Дарьи Ивановны Беридзе. Но дела у нее шли все хуже. В «Столовой горе» читаем: «Жизнь становится тяжелей. Продукты на базаре дороже, многие клиенты платят с большой рассрочкой или вовсе не платят. Нужно изворачиваться изо всех сил, вставить чуть свет, ловить арбы с овощами и молочными продуктами на дороге до базара, продавать то ту, то иную вещь, до предела сокращать свой скромный гардероб и свои потребности, на одну латку ставить другую. Но следует готовиться к худшему: оно никогда не медлит своим приходом. Одно кафе опечачивается за другим, каждый день можно ждать, что та же участь постигнет столовую Дарьи Ивановны. Правда, это совсем скромная, домашняя столовая, но все же...» Во Владикавказе стали вводить порядки поры военного коммунизма.

Неудивительна реплика, появившаяся в «Записках на манжетах»: «...Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть? Что есть-то мы будем?!»

«Голодный, поздним вечером, иду в темноте по лужам», – читаем дальше.

И, наконец, коротко – «Я голодаю...»

Булгакову, наконец, удалось установить связи с родными. 1 февраля 1921 года он писал двоюродному брату Косте: «...Помню около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрады с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Университете народа и драматической студии), читаю вступительные слова и проч. проч. ... Тася служила на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали, и она без дела.

Я живу в скверной комнате на Слепцовской улице, д. 9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе».

В письме Булгаков изложил свои затаенные горестные думы: «Жизнь моя – мое страдание. Ах, Костя; ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать, – писать.

В театре орали «автора» и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремющий зал. И думал: «А ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь. Судьба – насмешница».

«Наконец, – продолжал Булгаков, – на днях снял с пишущей машинки «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Послезавтра читаю ее комиссии. Здесь она несомненно пойдет».

Премьера пьесы состоялась 18 марта 1921 года, в 50-ю годовщину Парижской коммуны. Сестре Вере Булгаков в апреле 1921 года сообщал: «Пойду завтра смотреть во 2-ом акте моего мальчика Анатоля Шоннера (героя пьесы). Изумительно его играет молодая актриса Ларина. Мой Анатолий – мой отдых в моих нерадостных днях».

И, конечно же, 23 марта с рецензией на «Парижских коммунаров» в «Коммунисте» выступил неизменный Вокс. «В постановке, – писал он, – видна немалая работа, но массовая сцена первого акта в основе неверна. Разве опыты с «театральной условной толпой» Станиславского, Гордона Крэга, – снисходительно поучал он, – не убедительны!»

«...Мог ли он знать, – ответила ему Л. М. Яновская, что не только у Булгакова – у Станиславского было впереди это открытие – напряженные, обжигающие дыханием гражданской войны массовые сцены «Дней Турбиных», новое слово на подмостках Художественного театра».

Сестре Вере Булгаков писал 26 апреля 1921 года: «Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится. Думаю, что Вы поймете сами... Я жалею, что не могу

послать вам мои пьесы. Во-первых, громоздко, во-вторых, они не напечатаны, а идут в машинных списках, а в-третьих, они чушь. Дело в том, что творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное. Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю 3-актную комедию-буфф салонного типа «Вероломный папаша» («Глиняные женихи»). И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушавшая ее, хохотала в продолжении всех трех актов... Салонная! Салонная! Понимаешь. Эх, хотя бы увидеться нам когда-нибудь всем. Я прочел бы Вам что-нибудь смешное».

Даже Щуклин, член той комиссии, которая слушала пьесу, через 55 лет вспоминал, что пьеса действительно была очень веселая. А его самого, графоманствующего поэта и карьериста-художника, написавшего в 1925 году портрет Ильича на Машуке ради саморекламы и скрывшего имена двух своих помощников, подавшего доклад на «вычистку» Булгакова, вряд и заподозришь в благожелательном отношении к писателю.

Булгаков писал Вере: «Посылаю тебе мой последний фельетон «Неделя просвещения». Вещь совершенно ерундовая, да и притом узко местная. Хотелось бы послать что-нибудь иное, но не выходит. ...А «Неделя» – образчик того, чем приходится мне пробавляться».

В «Неделе просвещения» несколько раз упоминается имя тромбониста Ломбарда. Знакомый Булгакова по Киеву Б. А. Ломбард играл на тромбоне в воинской части, в симфонических концертах и в оперных спектаклях.

Его сын впоследствии рассказывал: «Я помню, как отец пришел, протянул матери газету и сказал удивительные слова: «Вот... Читай, что обо мне написали».

В фельетоне шла речь о том, что военком некоей части заставлял неграмотных красноармейцев посещать оперу «Травиата» и слушать вторую рапсодию Листа в исполнении симфонического оркестра в совпрофе, а в цирк не пускал. Этот фельетон повлек для Булгакова неожиданные и непредвиденные последствия. О них он рассказал в «Богеме»: «Фельетон в местной владикавказской газете я напечатал и получил за него 1200 рублей и обещание, что меня посадят в особый отдел, если я напечатаю еще что-нибудь похожее на этот первый фельетон.

– За что?..

– За насмешки».

Страницы газеты «Коммунист» неожиданно были еще раз предоставлены Булгакову. 13 апреля появилась его рецензия на трагедию А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», где дана высокая оценка артисту театра Аксенову. Но когда вскоре Булгаков обратился с просьбой указать, что подписанная инициалами «М. Б.» рецензия на «Травиату» ему не принадлежит, редакция напечатала глумливую заметку, в которой видны уши того же Вокса: «Редакция считает напыщенную самовлюбленность и боязнь за свое «имя» у автора письма нездоровым пережитком прошлых дней». Его пренебрежительно назвали «местным литератором», дабы унизить в глазах владикавказской публики. Но Булгаков уже был очень популярной личностью в городе, и все газетные выпады принимал равнодушно. Однако горький осадок от постоянных булавочных уколов оставался.

«И так я поживаю, – сокрушенно пишет он Косте Булгакову, – за письменным столом, заваленным рукописями. Ночью иногда перечитываю свои ранее напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы? Я упорно работаю. Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое. Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые друзья и приятели, черт бы их всех взял!»

И вдруг в момент глубокого опустошения внезапно возник просвет. В «Богеме» писатель так рассказывает о произошедших событиях: «Доживал я во Владикавказе последние дни, и грозный призрак голода (штамп! штамп!...) ... грозный призрак голода постучался в мою скромную квартиру, полученную мною по ордеру. А вслед за

призраком постучался присяжный поверенный Гензулаев – светлая личность с усами, подстриженными щеточкой, и вдохновенным лицом».

Булгаков посетовал: придется помирать с голоду в паршивом Владикавказе: в подотделе искусств денег нет, и жалованья не платят, вступительные слова перед пьесами кончились, за фельетон в газете пригрозили посадить в особый отдел... И Гензулаев уговорил Булгакова написать пьесу на революционную тему из жизни горцев, обещая свое содействие в разработке деталей горского быта. «С того времени мы стали писать. – сообщил Булгаков в «Записках на манжетах». – У него была круглая жаркая печка. Его жена развешивала белье на веревке в комнате, а затем давала нам винегрет с постным маслом и чай с сахарином... Через семь дней трехактная пьеса была готова...» Сам Булгаков был в отчаянии: пьеса была написана ради денег, наспех, он стыдился этого «рукоделия». Но при полном отсутствии пьес современного содержания, да еще переведенная на осетинский язык П. Тотровым, она «произвела фурор». Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она была поставлена во владикавказском театре под название «Сыновья муллы». Участвовали артисты ингушского драматического кружка, и она прошла три раза. Юная сотрудница ингушского наробраза Тамара Тонтовна Мальсагова тоже играла в спектакле и позже, будучи доцентом Чечено-Ингушского университета в Грозном, вспоминала: «Народу было тьма, публика национально бурно реагировала, даже в патетический момент в публике раздался выстрел». По словам самого Булгакова: «В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, – после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, – кричали:

– Ва! Подлец! Так ему и надо!

И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: «автора!»

За кулисами пожимали руки».

«И я выходил, – говорится в «Богеме», – и делал гримасы, чтобы моего лица не узнали на фотографической карточке (сцену снимали при магнии)».

Когда в г. Орджоникидзе отмечали 100-летие своего театра, местная комсомольская газета поместила к юбилею статью Е. Б. Польской, где отмечалась роль К. Л. Хетагурова, С. М. Кирова и М. А. Булгакова в его истории. Но молодые журналисты проявили незаурядную подлинно газетную оперативность: съездили в Грозный, взяли интервью у Т. Т. Мальсаговой об ее встречах с Булгаковым и опубликовали в том же номере. Тогда-то она и рассказала, как перепечатавая для Булгакова его пьесу «Братья Турбины», обратилась к нему от имени девушек ингушского наробраза с просьбой: «А вы напишите для нас пьесу!» Она рассказала, что пьесу «Сыновья муллы» ставили и в Грозном, и там она имела большой успех. Зрители тоже от возбуждения стреляли из наганов в потолок. «Сыновья муллы» на осетинском языке ставились и в 1928-1929 годах с участием молодого В. Тхапсаева.

Позже Тамара Мальсагова училась в Горском педагогическом институте и перевелась из него на исторический факультет МГУ. Так что в 1926 году могла смотреть «Дни Турбиных» во МХАТе.

Еще в 1967 году В. А. Чеботарева высказала предположение, что соавтором «Сыновей муллы» был владикавказский адвокат, шотландец по происхождению Б. Р. Беме. На эту точку зрения склонялась тогда и М. О. Чудакова.

«Нет, не Беме, – разъясняла Т. Н. Лаппа-Кисельгоф. – Но соавтор был из местных. Ингуш... или осетин... Ингуш, кажется, – приводит ее слова Л. М. Яновская. – Писали они у нас дома и у него тоже».

Гензулаев – фамилия, придуманная Булгаковым. По утверждению Т. Т. Мальсаговой, соавтором Булгакова был некий Пензулаев, дагестанец, юрист. К сожалению, Т. Т. Мальсаговой уже нет в живых. С ее смертью ушли многие важные детали, касающиеся начала творчества Булгакова-драматурга. Печально, что никто не удосужился ее подробно расспросить об этом!

В дни премьеры «Сыновей муллы» произошло еще одно событие в жизни Булгакова. О нем узнаем из составленной Г. Файманом газетной хроники: «Местный литератор Михаил Булгаков» (Театр. – 1987. – № 6). В «Коммунисте» за 13 мая 1921 года появилось извещение, что 15 мая в помещении народного художественного института (Александровский пер., 5 б. Николаевское училище) состоится открытие Горского народного художественного института. В этом торжестве участвовали ректор, профессор И. В. Глоба, наркомпрос Горской ССР К. Бутаев, профессор А. Р. Гюнтер, представители ЦИК С. М. Киров, декан театрального отделения М. А. Булгаков. У Булгакова появилась возможность познакомиться с С. М. Кировым, который в былые времена – до революции – был активнейшим театральным рецензентом газеты «Терек» и не пропускал в театре ни одного спектакля. Эта встреча, которой мог содействовать и Б. Беме, могла бы укрепить положение Булгакова во Владикавказе, оградить его от нападков его врагов, но он этим не воспользовался...

Все же в число булгаковских мест Владикавказа вошло таким образом здание Николаевского реального училища, где вскоре расположился Горский сельскохозяйственный институт (находится тут и донныне). Заодно можно назвать и место, где была редакция «Кавказской газеты», а затем «Коммуниста». Это дом с упомянутой Булгаковым винтовой лестницей на углу Александровского (Пролетарского) проспекта и Слепцовой (ныне им. Маяковского) улицы. Здесь затем находилась осетинская газета «Растзинад»

В тот момент, когда возникла возможность работать деканом в созданном Художественном институте, писать пьесы для Ингушского и Осетинского наробразов, когда прошло самое трудное зимнее время, Булгаков неожиданно принимает решение покинуть Владикавказ. Впрочем, еще в феврале он писал брату Косте: «Во Владикавказе я попал в положение «ни взад, ни вперед». Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать или в Москву (м. б. очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь...» В 1923 году он в «Записках на манжетах» сказал более определенно: «...Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море, и Францию – сушу – в Париж!»

Более чем вероятно, что такое решение Булгаков принял под впечатление прочитанного в «Коммунисте» за 18 мая приказе по гарнизону города Владикавказа: «...город Владикавказ с его окрестностями (радиусом 10 верст за чертой) находится на военном положении...» Для города это значило новые аресты, облавы, введение комендантского часа, резкое осложнение в политическом положении, преследование состоящих на учете ЧК лиц, служивших в Белой армии. Военное положение могло задеть и его. Опять могли вызвать на допрос в особый отдел, в ЧК. Упаси Боже! У Слезкина в «Столовой горе» один из персонажей говорит о приехавшем в город нелегально бывшем редакторе газеты при белых: «Он два раза проезжал по Лорис-Меликовской улице... два раза». Эта фраза ничего не говорит современному читателю. Приоткроем же завесу. На Лорис-Меликовской улице (ныне имени Ленина) находился большой трехэтажный дом штабс-капитана С. Атарова, который по освобождению Владикавказа в 1920 году заняли особый отдел и ЧК.

Обратившись за разрешением на выезд в Тифлис, Булгаков указал причину отъезда: «Для постановки моей революционной пьесы».

«Во всем Владикавказе, – пишет он в очерке «Богема», – был только один человек, не знавший меня в лицо, и это именно тот бравый юноша с пистолетом на бедре, каковой юноша стоял, как пришитый, у стола, где выдавались ордера... и я протянул к нему руку, юноша остановил ее на полпути, и сказал голосом звонким и непреклонным:

– Зачем едете?

– Для постановки моей революционной пьесы.

Тогда юноша запечатал ордер в конверт и конверт, а с ним и меня, вручил некоему человеку с винтовкой, молвив:

– В особый отдел.
– А зачем? – спросил я.
На что юноша не ответил».
По дороге конвоир «сказал:
– Сейчас через базар будем проходить, так ты не вздумай побежать. Грех выйдет.
– Если бы вы даже упрашивали меня сделать это, я не сделаю, – ответил я совершенно искренно.
И угостил его папироской.
Дружески покуривая, мы пришли в особый отдел».
Там состоялся короткий разговор:
– А зачем вы в Тифлис едете? Отвечай быстро, не задумываясь...
– Для постановки моей революционной пьесы...
– Пьесы сочиняете?
– Да. Приходится.
– Ишь ты. Хорошую пьесу написали?..
– Да, хорошую».
Дело кончилось тем, что Булгакову дали папиросу и ордер на выезд. Конвоиру же было сказано:
«Проводи литератора наружу».
Теперь оставалось уехать. В 1921 году для этого нужно было с вещами – одеялом и керосинкой – идти на вокзал и там ходить по путям, всматриваясь в бесконечные составы теплушек. «Вытирая пот, – говорится в «Богеме», – на седьмом пути увидел у открытой теплушки человека в ночных туфлях и веером в бороде. Он полоскал чайник и повторял мерзкое слово «Баку».
– Возьмите меня с собой, – попросил я.
– Не возьму, – ответил бородатый.
– Пожалуйста, для постановки революционной пьесы, – сказал я.
– Не возьму...
Я сел на одеяло у горячей рельсы и закурил... Борода выглянула.
– А какая пьеса? – спросила она.
– Вот.
Я развязал одеяло и вынул пьесу.
– Сами написали? – недоверчиво спросил владелец теплушки.
– Еще Гензулаев.
– Не знаю такого.
– Мне необходимо уехать.
– Ежели не придут двое, тогда, может быть, возьму. Только на нары не претендовать. Вы не думайте, что если вы пьесу написали, то можете выкомаривать. Ехать-то долго, а мы сами из политпросвета.
– Я не буду выкомаривать, – сказал я, чувствуя дуновение надежды в расплавленном зное, – на полу могу...
Бородатый подумал.
– Вот что... Я вас на наш паек зачислю по дороге. Только вы будете участвовать в нашей дорожной газете. Вы что можете в газете писать?
– Все, что угодно, – уверил я, овладевая пайком и жуя верхнюю корку.
– Даже фельетон? – спросил он, и по лицу его было видно, что он считает меня вруном.
– Фельетон – моя специальность.
Три лица появились в тени нар и одни босые ноги. Все смотрели на меня.
– Федор! Здесь на нарах одно место есть. Степанов не придет, сукин сын, – басом сказали ноги, – я пушу товарища фельетониста.

– Ну, пусть, – растерянно сказал Федор с бородой. – А какой фельетон вы напишите?

– Вечные странники.

– Как будет начинаться? – спросили нары, – да вы полезайте к нам чай пить.

– Очень хорошо – вечные странники, – отозвался Федор, снимая сапоги, – вы бы сразу сказали про фельетон, чем на рельсе сидеть два часа. Поступайте к нам».

«Прощай, Владикавказ!» – этими словами кончается «Богема», из которой приведен рассказ о последнем булгаковском месте – вокзале, где с юмором обрисован отъезд писателя в Баку.

Татьяна Николаевна так рисует это событие: «...Театр закрылся, артисты разъехались, подотдел искусств расформировался, Слезкин из Владикавказа уехал. И делать было нечего. Михаил поехал в Тифлис – ставить пьесу, вообще разведать почву. Потом приехала я».

Путь на Тифлис был долгим, так как по Военно-Грузинской дороге езды тогда не было, не ходили ни автомобили, ни фургоны, ни линейки. Выехал он из Владикавказа, по-видимому, в двадцатых числах мая и 2 июня писал сестре Наде и брату Косте: «Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе. Ну, и судьба! Ну, и судьба!»

Сколько чувств, сколько горьких переживаний скрыто за этим восклицанием!

Из Тифлиса поехали в Батум. Булгаков пытался писать в газеты, но у него ничего не брали. «Очень, – по словам Татьяны Николаевны, – волновался, что службы нет, денег нет, комнаты нет. Очень много теплоходов шло в Константинополь. «Знаешь, может мне удастся уехать», – сказал он. Вел с кем-то переговоры, хотел чтоб его спрятали в трюме, что ли».

Татьяна Николаевна рассказывала, как Булгаков усадил ее на пароход в Одессу, чтобы она вернулась в Киев. Уже каждый вторник оттуда по открывшейся Крымско-Кавказской товаро-пассажирской линии приходил пароход, чаще всего «Игнатий Сергеев». Чтобы купить билет на поездку, пришлось продать на базаре кожаный баул, в свое время купленный в Берлине.

«Если будет случай, я все-таки уеду», – сказал ей на прощание Булгаков. Но, видимо, его постигла неудача, либо же, как полагает Д. А. Гиреев, у него произошел психологический перелом. По Гирееву, как-то вечером Булгаков услышал с парохода, пришвартованного к дальнему пирсу, стройное пение казачьего хора.

Кубанцы, вернувшись в Россию, на радости запели:

Гей, Кубань ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь.

Песня эта приобрела значение кубанского казачьего гимна. Она рождена была в прошлую мировую войну на Кавказе в Экспедиционном корпусе генерала Баратова и сочинил ее полковой священник Уманского полка Образцов. По морской глади далеко разносились слова:

Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны,
Шлем поклон тебе, родимая,
Твои верные сыны.

Песню пели казаки, возвращающиеся в Россию из «сидения» на острове Лемнос, после того как в 1920 году ушли с П. Н. Врангелем из Крыма.

Действительно, как раз тогда начальник «Азнефти» А. П. Серебровский, будучи в Турции, распропагандировал часть казаков вернуться в Россию для работы на нефтепромыслах Баку. С их помощью надеялись вывести нефтепромыслы из разрухи и увеличить добычу нефти на экспорт. Возвращавшиеся казаки целовали родную землю,

плакали. И Булгаков под этим впечатлением отказался от намерения уехать за границу. В фильме «Бег» (по Булгакову) мы видим, как Хлудов-Слащев наблюдает за посадкой на один из пароходов, зафрактованных Серебровским для перевозок репатриантов. Всего было доставлено тогда в Баку до 10 тысяч человек.

О дальнейшей их судьбе сведений нет, несмотря на упорные наши старания обрести их следы... Видимо, их постигла судьба другой крупной партии казаков, направленных через Одессу на шахты Донбасса. Их расстреляли за протесты против тяжелых бытовых условий, голодного пайка, несносного труда в подземных забоях и подконвойного лагерного содержания.

В «Записках на манжетах» Булгаков описывает ночь на море: «И вдруг из-за темного мыса – трехъярусные огни.

«Полацкий» идет на Золотой Рог».

«Довольно! – говорится в финале «Записок». – Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен!»

Татьяна Николаевна, когда ей сказали в Москве, что Булгаков остался в России и ее разыскивает, не поверила: «Я настолько была уверена, что из Батума он уехал за границу, и мы никогда не увидимся...»

После краха батумской мечты, начиналось новое восхождение писателя на его московскую Голгофу!..

*Л. Леонидов-Польский.
1988 г.*

КАВКАЗСКИЙ МУНДИР М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В последние годы лермонтоведение обогатилось массой новых работ. Издано полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, где учтены новейшие находки и открытия исследователей, разыскано и введено в научный оборот значительное количество архивных документов, выяснены многие неизученные ранее обстоятельства жизненного пути и творчества поэта.

Однако, многие факты биографии Лермонтова еще до конца не ясны. Это касается, прежде всего, военной карьеры поэта¹⁷², что и неудивительно – бесспорно, исследователи, занимавшиеся изучением и уточнением лермонтовских жизненных перипетий, были выдающимися искусствоведами, литературоведами, филологами, краеведами, но не военными историками. Биографии Лермонтова писали (и пишут) именно гуманитарии¹⁷³, слабо разбирающиеся как в военной терминологии и военной организации¹⁷⁴, так и (особенно!) в униформологии XIX столетия¹⁷⁵. Между тем почти вся сознательная жизнь

¹⁷² Исследования Н. В. Маркелова следует считать лишь попыткой раскрыть тему – боевая судьба Лермонтова налицо, но военная карьера его не прослеживается (Маркелов Н. Все картины военной жизни, которых я был свидетелем... – М., 2001. – С. 3-32; Он же: «Умереть с пулею в груди...». Боевая судьба М. Ю. Лермонтова. – Пятигорск, 2003. – С. 3-29).

¹⁷³ Характерный пример некомпетентности в военной сфере жизни Лермонтова – работы С. А. Андреева-Кривича, где слово «фронт» истолковано в значении «театра военных действий», куда Государь отправил поэта «непосредственно участвовать в боевых операциях» (Андреев-Кривич С. А. Два распоряжения Николая I // Лит. наследство. – М., 1952. – Т. 58. – С. 414; Он же: Лермонтов М. Ю. и Кабардино-Балкария. – Нальчик, 1979. – С. 134). Но «фронт» – это воинский строй, строевая служба (Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. – М., 2004. – С. 872; Чистова И. С. Английский автор о Лермонтове // Рус. лит. – 1979. – № 3. – С. 233) и Николай Павлович всего лишь запретил прикомандировывать поручика к отрядам, назначаемым в экспедицию (Висковатый П. Ответ «штатского» писателя «военному» писателю // Ист. вестник. – 1885. – № 6. – С. 714; Захаров В. А. Загадка последней дуэли: Докум. исследование. – М., 2000. – С. 191).

¹⁷⁴ Так, в солидной работе последних лет встречаем такое истолкование строки из поэмы «Герзель-аул»: «Карабинеры – солдаты, вооруженные карабинами...» (Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. – Армавир, 2003. – С. 91). Но автор, Н. С. Мартынов, мог иметь в виду только либо солдат Эриванского карабинерного полка Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), либо в узком смысле – чинов карабинерных взводов (в каждом батальоне карабинерного или егерского полка). Учитывая, что эриванцы участвовали в экспедиции с сентября, а описываемые в «Герзель-ауле» события происходили летом 1840 г. (Уманская М. М. Из истории литературных отношений Лермонтова и Мартынова // Страницы истории русской литературы. – М., 1971. – С. 405), то мы склоняемся ко второму наблюдению. Вооружение у карабинеров было то же, что и в пехоте. Другой пример – перечень частей, входивших в состав отряда генерал-лейтенанта Галафеева (Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М., 2003. – С. 386; Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 2001. – Т. 9. – С. 216). Остается удивляться таким частям, как «Сводно-егерский Батальон резервной бригады» и «Кавказский Линейный Батальон 10-го Полка». Под первым, очевидно, имеется в виду сводная часть из 2 запасных полубатальонов егерской бригады в составе одной из дивизий ОКК. Под вторым подразумевается 10-й Кавказский линейный батальон, 4 роты которого составляли гарнизоны. Встречаем два Эриванских полка – дело в том, что Ширванский пехотный в те годы именовался Пехотным Фельдмаршала Князя Варшавского Графа Паскевича-Эриванского полком. Недоумение вызывает появление в отряде всей 8-й дивизии (4 полка), которая *никогда* не входила в штат Кавказского корпуса. Имеются в виду резервные полубатальоны этой (или, скорее, 7-й) дивизии? Линейные казачьи полки не участвовали в экспедиции в полном составе, выделяя только отдельные сотни в состав Сборного полка. Из артиллерии присутствовали 2-я резервная батарея 19-й бригады и 3-я и 8-я батарейные батареи 20-й бригады (13 орудий); казачья батарея принадлежала к Кавказскому линейному войску. На 11 июля 1840 г. численность Чеченского отряда была гораздо скромнее. См.: Лебединец Г. С. Михаил Юрьевич Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 году // Рус. старина. – 1891. – № 8. – С. 356; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказ. сб. – Тифлис, 1886. – Т. 10. – С. 282-284, 294, 296, 298, 312.

¹⁷⁵ По сей день самые серьезные исследователи (Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – С. 193) колеблются в атрибуции портрета Лермонтова в гусарском вицмундире со шляпой. Но еще И. И. Глазунов, М. Н. Лонгинов и П. А. Ефремов считали его плодом творчества П. З. Захарова, хотя иногда и с ошибочной датировкой (Ефремов П. А. Портреты Лермонтова // Рус. старина. – 1875. – № 9. – С. 67). Их правота блестяще подтвердилась в 1970 г. с помощью униформологии, когда было неопровержимо доказано, что этот холст был написан в 1838-1839 гг. и, следовательно, должен принадлежать кисти Захарова. См.: Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Карл Брюллов. Итальянские находки. –

Лермонтова была связана с военным мундиром¹⁷⁶, и без учета этой особенности его карьеры нельзя не обойтись биографам.

Возможно, временами (с зимы 1841 г.) мундир и был Лермонтову в тягость и он мечтал об отставке, но именно военная служба была его настоящей и подлинной жизнью. И особенно это было заметно во время пребывания поэта на Кавказе, когда поручик Лермонтов оказался составляющей и неотъемлемой частью военно-административной структуры России. Не идеализируя роль военной организации, военно-административных органов управления, стоит напомнить, что армия России всегда выступала здесь, на Кавказе, важнейшим инструментом и субъектом политики государства в обеспечении благоприятных внешних условий для развития кавказских народов, поддержании внутреннего порядка, реализации миротворческих задач, принимала самое деятельное участие в обустройстве края¹⁷⁷. Но когда требовалось – русская армия жестко¹⁷⁸ подавляла всякие проявления недовольства и отражала набеги «хищных и воинственных» народов Кавказа¹⁷⁹. И поручик Лермонтов со своей «охотничьей» (волонтерской) командой успешно вел партизанскую войну против горцев, активно участвовал в карательных экспедициях русских войск на территорию мятежной Чечни, честно и умело исполняя свой воинский долг во имя российских имперских интересов. С его гибелью армия лишилась «храброго своего офицера»¹⁸⁰...

Военная служба Лермонтова была связана с четырьмя полками, но нас интересуют из них только два, в которых протекала кавказская жизнь поэта. Это были Нижегородский драгунский (№ 9) и Тенгинский пехотный (№ 39)¹⁸¹ полки. Первый числился при ОКК, второй входил в состав 20-й пехотной дивизии того же корпуса.

«В мундирах выпушки, погончики, петлички...»¹⁸²

Как любой военный человек, Лермонтов должен был носить форменную одежду¹⁸³. Этот факт, несомненно, оставил глубокий след и в его жизни, и в его творчестве.

М., 1984. – С. 128-131; Захаров В. А. Портрет поэта // Ставрополье. – 1991. – № 3. – С. 32-39; Он же: К атрибуции портрета М. Ю. Лермонтова 1834 г., приписываемого Будкину // Лермонтовский текст: Ставроп. исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. – Ставрополь, 2004. – С. 660-667; Шабаньянц Н. Ш. М. Ю. Лермонтов и художник П. З. Захаров // М. Ю. Лермонтов: Материалы и сообщения VI Всесоюз. лермонтовской конф. – Ставрополь, 1965. – С. 153-159; Шинкаренко И. Об авторе и дате одного из портретов М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1970. – № 6. – С. 67-68. – То же самое можно сказать и о форме лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, который будто бы еще в 1838 г. носил голубые доломаны с серебряными шнурами (Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова // Лит. наследство. – Т. 45-46. – М., 1948. – С. 211) и синими выпушками (!), а также «сюртуки оливкового цвета» с малиновыми выпушками (о «вувльфертовском» портрете Лермонтова) (Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам... – М., 1962. – С. 61-62). Но желаемое у сторонников «лермонтовской» версии доминировало над действительным: в Гродненском полку с 1833 г. доломаны и ментики полагались алые, как у лейб-гусар, но с серебряным прибором (и без выпушек!); сюртуки были темно-зелеными, а выпушки воротника и обшлагов в 1833 г. поменяли цвет с малинового на светло-синий (Звегинцов В. В. Русская армия. – Париж, 1979. – Ч. 5. – С. 502; Шинкаренко И. К атрибуции так называемого «вувльфертовского» портрета М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1968. – № 12. – С. 65-67).

¹⁷⁶ Ср.: Грачева О. А. Литературный век, носящий военный мундир // Военно-ист. журн. – 2005. – № 7. – С. 76-77.

¹⁷⁷ Пляскин В. П. Военное содержание государственной национальной политики России на Кавказе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия»: Ист. чтения. – СПб., 2001. – С. 277-284.

¹⁷⁸ На лермонтовский период приходится нарастание взаимной ожесточенности боевых столкновений, не имеющей аналогов в прошлом. См.: Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Пятигорск, 2004. – С. 47.

¹⁷⁹ Лапин В. В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб., 2003. – С. 7.

¹⁸⁰ Каплан Л. А. Я. Булгаков о дуэли и смерти Лермонтова // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45-46. – С. 710.

¹⁸¹ Номер не входил в состав названия полка и находился только на предметах обмундирования: на пуговицах и щитке герба овчинной шапки. В Тенгинском полку на солдатских погонах и на поле офицерских эполет стоял номер дивизии.

¹⁸² Грибоедов А. С. Горе от ума. – Л., 1973. – С. 76. См.: Экштут С. «В мундирах выпушки, погончики, петлички...» // Родина. – 2004. – № 4. – С. 56-58.

С военными мундирами неразрывно связана жизнь русского общества первой половины XIX века. Время Николая I – апофеоз развития военного костюма¹⁸⁴, эпоха жесточайшей стандартизации, «мундиромании»¹⁸⁵ и неукоснительного соблюдения мельчайших требований регламента – вплоть до ношения усов и длины баков на лице¹⁸⁶. Не стоит, однако, называть эти мелочи гнетом, оскорбляющим личность: дисциплинарные условности у каждого века свои. Хотя в советской историографии николаевское время принято было считать царством мракобесия и стагнации общественной мысли, но это был блистательный период российской истории. В эти годы мундир становится как бы составной частью жизни русского общества. Феномен русского мундира¹⁸⁷ нельзя рассматривать только как явление материальной культуры, предмет материально-вещевого снабжения. Именно по внешнему виду войск в первую очередь судили о силе и мощи государства Российского. Мундир являлся не просто изделием портного, это был «вещественный знак невещественных отношений», многозначный символ, напоминавший о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества¹⁸⁸.

Безусловно, любая одежда, кроме чисто утилитарных функций, несла на себе функцию знакового механизма социальной среды или культуры. Вещь определяла место человека в обществе, диктовала его поведение, его поступки¹⁸⁹ (ср.: образ «солдатской шинели» разжалованного). «Когда я служил в гвардии, я ... видел в себе и других только эполеты и мундир, – признавался бывший подпоручик С. И. Кривцов. – ...Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность. ...Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все»¹⁹⁰.

Мундир военного напоминал об исключительной, ни с чем не сравнимой почетности статуса его носителя¹⁹¹. Более того, он и давал человеку право на подобный почет, тем самым во многом формируя характер человека, носящего мундир. Воспитательный для военнотружущих эффект, когда мундир предстал уже не вещью, но символом высокой идеи, был очевиден. Форменный костюм играл большую роль для развития духа корпоративности, особого чувства единства тех, кто носил мундир той или иной воинской части¹⁹². Это был символ ее индивидуальности, который «считал каждый за счастье и особую честь носить»¹⁹³. «Особенные обстоятельства войны, – отмечал историк и участник Кавказской войны Р. А. Фадеев, – развивали в кавказских полках, в самой

¹⁸³ В связи с этим на портрете работы П. Е. Заболотского (Лермонтовская энцикл. – М., 1981. – С. 430) Лермонтов не может быть в темном штатском сюртуке с красными обшлагами – скорее всего, это домашний халат. (Если только, конечно, данный портрет был исполнен в 1840 г., а не в 1830-1832 гг., как считал Н. П. Пахомов). Только выйдя в отставку, Лермонтов мог надеть штатский сюртук, к которому мечтал прикрепить «красную ленточку» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 2001. – Т. 7. – С. 230) ордена Св. Станислава (Серков С. Р. Орден Святого Станислава // Военно-ист. журн. – 1990. – № 6. – С. 90).

¹⁸⁴ Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. – Екатеринбург, 1992. – С. 121. Ср.: Выходцев Л. В. Николай I. – М., 2003. – С. 497-508; Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников // Отеч. история. – 2004. – № 6. – С. 86. «Не люблю войну; она портит солдат, пачкает одежду и уничтожает дисциплину», – это точное высказывание маркиз де Кюстин приписывал великому князю Константину Павловичу, брату Николая.

¹⁸⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1999. – С. 33.

¹⁸⁶ За много лет. Воспоминания неизвестного. (1844-1894) // Рус. старина. – 1894. – № 2. – С. 177; Милютин Д. А. Воспоминания, 1843-1856. – М., 2000. – С. 164.

¹⁸⁷ Смирнов А. «Солдат должен быть украшен»: Военный мундир как символ // Родина. – 1995. – № 1. – С. 84-85.

¹⁸⁸ Петренко П. «Нет выше чести – носить русский мундир» // Военно-экон. журнал. – 1994. – № 5. – С. 45-47; Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 1999. – С. 194.

¹⁸⁹ Серман И. З. Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836-1841. – М., 2003. – С. 246.

¹⁹⁰ Цит. по: Захаров В. А. Лермонтов и декабристы // Лермонтовский текст. – С. 650.

¹⁹¹ Таланов А. И. Кавалергарды: По страницам полковой летописи. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 51.

¹⁹² Ср.: Смирнов А. Имя полка // Родина. – 1996. – № 4. – С. 37.

¹⁹³ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания, 1845-1846 // Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 415.

сильной степени, дух военной семьи, гордость своего полкового мундира»¹⁹⁴. Между частями ОКК шло непрекращающееся соревнование в доблести, принимавшее порой крайние формы. «Все кавказские полки, – вспоминал поручик Генштаба И. Бларамберг, – соревновались в смелости друг с другом, и каждый полк имел в облике нечто характерное, свой шик. Тогдашние офицеры, которые долго служили в Кавказской армии¹⁹⁵, сразу распознавали солдата Кабардинского, Куринского, Апшеронского, Ширванского, Ереванского (Эриванского. – М. Н.) и др. полков, и не только по униформе, а скорее по походке, манерам и особому щегольству»¹⁹⁶.

«Настоящие» кавказские полки, «воспитанные на практической почве постоянной войны»¹⁹⁷, были проникнуты корпоративным духом, солдаты и офицеры быстрее овладевали навыками ведения военных действий в горах. Мундир же мог помочь сохранению и развитию данного «своеобразного характера» воинской части. А он, утверждал, основываясь на опыте войны Р. А. Фадеев, доказывал «развитие нравственной силы, связывающей людей в одно целое». Без единого же «духа, проникающего какое ни есть отдельное общество, нельзя ожидать ничего особенного ни в войне, ни в мире»¹⁹⁸.

«М. Ю. Лермонтов, – признавал видный специалист в истории военного костюма, полковник И. П. Шинкаренко, – с честью носил скромный мундир Тенгинского полка, в нем запечатлен он в 1841 году и таким сохранится навсегда в нашей памяти»¹⁹⁹. Однако, как и военная служба Лермонтова в целом, тема «Лермонтовский военный мундир» не нашла своих исследователей. Специальных работ, разрабатывающих эту проблематику, в том числе и на региональном уровне, нет. В качестве исключения можно назвать статью Г. Э. Введенского²⁰⁰. Однако автор построил свое повествование всего лишь на одной работе по истории русского военного мундира, дополнив ее своими отстраненными размышлениями. Для изучения нашей темы данная статья не имеет никакого значения.

Униформология, как вспомогательная историческая дисциплина, никогда не находила практического применения при исследованиях портретов Лермонтова. Хотя и признавалось официально, что историко-предметный метод (соответствие мундира и знаков отличия у изображенного и предполагаемого лица) «довольно убедителен»²⁰¹, идентифицировался в действительности «не мундир, а лицо»²⁰². Так, до нас дошли две картины, где представлены мундиры кавказских полков поэта – его автопортрет (куртка Нижегородского полка) и акварель К. А. Горбунова (сюртук Тенгинского полка). Но поверхностный, проводимый с недостаточным уровнем компетентности и профессионализма искусствоведческий анализ этих изображений, игнорирование хорошо различимых униформологических признаков послужили причиной того, что и в наше время костюм Лермонтова на известном автопортрете характеризуется как черкеска (!)²⁰³.

¹⁹⁴ Фадеев Р. А. Кавказская война. – М., 2003. – С. 106. См.: Безотосный В. М. Век нынешний и века минувшие: параллели в истории Северного Кавказа // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 140.

¹⁹⁵ Анахронизм: так с 1857 г. именовался Отдельный Кавказский корпус.

¹⁹⁶ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005. – Прил. – С. 419.

¹⁹⁷ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский, 1815-1879. – М., 1888. – Т. 1. – С. 55.

¹⁹⁸ Фадеев Р. А. Указ. соч. – С. 221.

¹⁹⁹ Шинкаренко И. П. «...носил мундир Тенгинского полка» // Кавказ. здравница. – 1974. – 16 янв. – С. 4.

²⁰⁰ Введенский Г. Мундиры М. Ю. Лермонтова // Памятники Отечества. – 1995. – № 3-4 (34). – С. 60-67. К сожалению, нам осталась недоступной следующая работа: Казакова Н. А., Файбисович В. М. Мундир и судьба: Военные реалии в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова // Персонаж и предметный мир в художественном произведении. – Сыктывкар, 1988. – С. 55-73.

²⁰¹ Муза Е. В. О некоторых задачах атрибуции предметов изобразительного искусства в литературных музеях // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. – М., 1975. – Ч. 2. – С. 250.

²⁰² Порхомацкий Я. Л., Пересункин А. Ю. Шинель не на том плече // Лит. газета. – 1970. – 11 марта. – С. 13.

²⁰³ Попутно развенчаем еще одно заблуждение – акварель, приписываемая А. И. Клондеру, изображает вовсе не Н. И. Лорера (Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах,

Свою задачу автор видит в том, чтобы на основе анализа всех имеющихся источников дать как можно более точное и полное описание кавказского походного и всedневногo костюма прапорщика, а потом поручика Лермонтова как типичного офицера Кавказского корпуса. С этой целью текст разделен по хронологическому признаку на четыре части. Отдельно изучается костюм Лермонтова за каждый год его кавказской службы, а полученные выводы обобщаются и дополняются с помощью новых данных в ходе рассмотрения сохранившейся описи его гардероба (1841 г.), подводящей своеобразный итог кавказской эпопее лермонтовского мундира.

Драгунский прапорщик

Как известно, корнет Лермонтов был переведен тем же чином (с переименованием в прапорщико)²⁰⁴ на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, 27 февраля 1837 г.²⁰⁵ В связи с этим он в письме С. А. Раевскому (первая половина марта 1837 г.) упоминал, что «заказал обмундировку и скоро еду»²⁰⁶, подразумевая униформу своего нового полка.

С этим же заказом связана забавная история («шалость») в духе гвардейской молодежи²⁰⁷. А именно, когда приятель поэта, офицер лейб-гвардии Московского полка К. А. Булгаков, надев шинель «драгунской формы», шаровары, «куртку с кушаком, шашку на португее через плечо и баранью шапку»²⁰⁸, доставленные для Лермонтова из магазина офицерских вещей, разъезжал в таком виде по Петербургу (в самом начале марта 1837 г.). Мемуарист²⁰⁹ сообщает об этом случае (а нарушение правил ношения мундира каралось

иллюстрациях, документах. – Л., 1959. – С. 306; Кравченко В. Н. Кавказские были. – Ставрополь, 2005. – С. 70; Сто шедевров Лермонтовского музея. – Пятигорск, 2004. – С. 75), а ротмистра Кавалергардского полка, сослуживца не Лермонтова, а Н. С. Мартынова (Нечитайлов М. В. К вопросу об ошибочной атрибуции «портрета Н. И. Лорера» // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2005. – С. 176-179).

²⁰⁴ Драгуны сохраняли пехотную систему чинов, в отличие от остальной кавалерии (Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С. 42).

²⁰⁵ Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. – М.; Л., 1957. – Т. 6. – С. 816.

²⁰⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 100.

²⁰⁷ Гвардейские «шалости» 1820-1840-х гг. выражались также в явном, даже нарочитом нарушении формы одежды или в пародиях на нее, как своеобразный протест, антитеза: «мундир – нарушение». По определению Ю. М. Лотмана, это был «особый тип разгульного поведения, который уже воспринимался не в качестве нормы армейского досуга, а как вариант вольномыслия. Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка. Типовая модель такого поведения строилась как победа над некоторым корифеем данного типа разгула. Смысл поступка был в том, чтобы совершить неслыханное, превзойти того, кого еще никто не мог победить». См.: Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. – Л., 1988. – С. 19; Горшман А. М., Рыбин В. А. В чужом мундире? // Военно-ист. журн. – 1990. – № 5. – С. 72-73; Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психол. категория) // Лит. наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 52-54; Чистова И. С. Дневник гвардейского офицера // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 171. Ср.: Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. Белые пятна красного цвета: Декабристы. – М., 2001. – Кн. 2. – С. 277-278.

²⁰⁸ Следует отметить точность мемуариста (достоверность известий которого нередко подвергалась сомнениям исследователями) в передаче деталей формы одежды, в точности отвечающих периоду 1834-1842 гг., но не позднее (с той лишь поправкой, что под кушаком подразумевается офицерский шарф). Цвет воротника драгунской шинели соответствовал расцветке воротника мундира (куртки).

²⁰⁹ Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников: (Из «Воспоминаний В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, в период с 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.») // Рус. архив. – 1892. – № 9. – Стлб. 1834-1837.

строго)²¹⁰ как о совершенно выходящей из ряда вон проказе, на которую был способен только самый известный в то время в гвардии повеса и шалун²¹¹.

В другом письме С. А. Раевскому (вторая половина ноября – начало декабря 1837 г.), описывая впечатления уже от кавказской службы, Лермонтов упоминал, что ездил по Линии и Закавказью «одетый по черкесски, с ружьем за плечами»²¹². В последнем издании сочинений Лермонтова научный комментарий (С. А. Бойко) к этому месту гласил: «Походная форма Нижегородского драгунского полка – черкеска с газырями на груди и бурка. Таким Лермонтов изобразил себя на автопортрете 1837 г.»²¹³. Это неточное утверждение с завидным постоянством переходило из одного собрания сочинений в другое²¹⁴. Источником его, по-видимому, послужили работы И. Л. Андроникова, который, в частности, писал: «Лермонтов путешествовал в черкесской одежде, с ружьем за плечами: такова была форма нижегородских драгун»²¹⁵. Далее исследователь, признав, что на автопортрете Лермонтова (1837 г.) изображена не черкеска²¹⁶, а форменная куртка драгун²¹⁷, делал парадоксальный вывод, что именно в таком костюме Лермонтова «видели в Грузии»²¹⁸. В связи с этим возникает вопрос – что же представлял собой форменный мундир **Нижегородского полка** во второй половине 1830-х гг.

Именным указом от 20 июня 1834 г.²¹⁹ нижегородским драгунам в ознаменование их отличной боевой службы на Кавказе была пожалована особая униформа. «Этот красивый и оригинальный костюм Кавказского типа, с газырями и черкесскими шашками, выделявший полк из ряда других кавалерийских полков, – писал В. А. Потто, – не мог не интересовать Нижегородцев, напоминая им о славных подвигах, совершенных в стране, где этот костюм служил народной одеждою. И Нижегородцы гордились ею, как взятою с боя»²²⁰. Кстати, что любопытно, в тексте указа²²¹ говорилось *только* о нижних чинах. Но и офицеры, конечно же, тоже пошили себе новую форму. Однако, не сразу драгуны полка облачились в свои новые мундиры – оказалось, что нет материалов, а когда их, наконец,

²¹⁰ Васильев А., Космолинский П. Сабля, шашка, конь гусарский // Наука и жизнь. – 1988. – № 9. – С. 152. В 1827 г. М. Романов, человек штатский, был определен рядовым в Серпуховский уланский полк только из-за того, что «не быв в военной службе, надел мундир» лейб-гвардии Кирасирского полка (Долгорукий В. П. В рядах Нижегородского драгунского полка. 1826-1830 гг. // Рус. старина. – 1882. – № 9. – С. 448-449).

²¹¹ См. о его проделках: Марченко Н. Приметы милой старины: Нравы и быт пушкинской эпохи. – М., 2001. – С. 347-348; Ульянов И. Э. Регулярная пехота, 1801-1855. – М., 1996. – С. 168.

²¹² Цит. по первой публикации письма (автограф не сохранился): Шан-Гирей Ак. М. Ю. Лермонтов: Рассказ // Рус. обозрение. – 1890. – Т. 4, № 8. – С. 741.

²¹³ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 346, прим. 4.

²¹⁴ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. – Т. 6. – С. 734; Он же: Собр. соч.: В 4 т. – Т. 4. – Л., 1981. – С. 503.

²¹⁵ См., например: Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М., 1968. – С. 248; Живые страницы: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. – М., 1979. – С. 376.

²¹⁶ Классические по недостоверности описания мундира Нижегородского полка на автопортрете см.: Афанасьев В. В. Лермонтов. – М., 1991. – С. 372; Гротская З. В. Подарок Лермонтова // В мире книг. – 1983. – № 7. – С. 41; Селегей П. Е. Домик Лермонтова: Путеводитель по Гос. лит.-мемориал. музею. – Ставрополь, 1973. – С. 50, 56.

²¹⁷ Е. А. Ковалевская справедливо замечала, что на автопортрете поэт представлен «в форме Нижегородского драгунского полка – в мундире с газырями, с шашкой через плечо, в наброшенной бурке» на левом плече (Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. – М., 1980. – С. 242). Эта характеристика почти дословно перешла в том, посвященный изобразительному наследию Лермонтова (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 2001. – Т. 8. – С. 293).

²¹⁸ Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии в 1837 году. – Тбилиси, 1958. – С. 13. Нет оснований полагать, что Лермонтов участвовал в смотре Нижегородского полка под Тифлисом 10 октября (Яковкина Е. И. О маршруте путешествия М. Ю. Лермонтова по Кавказу в 1837 году // М. Ю. Лермонтов: Временник Государственного музея «Домик Лермонтова». – Пятигорск, 1947. – Вып. 1. – С. 60-61), где ему и мог представиться редчайший случай переодеться из сюртука или черкески в форменную куртку.

²¹⁹ Полное Собрание Законов Российской империи. – Собр. 2. – СПб., 1835. – Т. 9. – № 7200. – Отд. 1.

²²⁰ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. – СПб., 1894. – Т. 4. – С. 31.

²²¹ Продублированного у А. В. Висковатова.

выслали из Тифлиса, здесь уже не было свободных рук для пошива. В итоге, драгуны впервые смогли явиться в новой форме к Пасхальной заутрене 1836 г.²²². Впрочем, даже после этого употребление экзотичной униформы оставалось, как обычно на Кавказе, весьма и весьма ограниченным. В целом, ее можно назвать парадно-выходной, не более.

Офицерская униформа включала в себя овчинную шапку (как в пехоте ОКК, но с серебряным этишкетом)²²³ и темно-зеленую куртку (без фалд) с такими же обшлагами (прямыми, с красной выпушкой по верху) и красным воротником (с темно-зеленой выпушкой на нем). Куртка застегивалась 18 парами проволочных крючков. На ней имелись газыри и чешуйчатые, вызолоченные эполеты²²⁴. Куртку дополняли шарф на поясе, темно-зеленые шаровары с красными однорядными лампасами²²⁵ и шашка²²⁶.

Эта форма не имела ничего общего с костюмом Лермонтова «по-черкесски». Именно куртка (не черкеска!) и показана на лермонтовском автопортрете. Несложно подсчитать, что ее поэт надевал всего несколько раз – в Петербурге на Кавказе при первом представлении начальству (возможно) и, конечно, при написании акварели (несомненно, до исключения из полка)²²⁷, не более. К этой куртке он, формально прослужив в драгунах всего несколько месяцев, в отличие от ветеранов-нижегородцев особой любви не питал и даже позволил себе позднее откровенную насмешку над полковым мундиром²²⁸ (см. ниже). Вспомним и неблагоприятную роль драгунского капитана в «Герое нашего времени», обрисованную весьма нелестными штрихами (возможно, несправедливо – по крайней мере, по отношению к его полку). Как несколько по иному поводу выразился Я. Л.

²²² Потто В. А. Указ. соч. – С. 31, 68.

²²³ Полное Собрание Законов Российской империи. – Собр. 2. – СПб., 1837. – Т. 11. – № 8830. – Отд. 1.

²²⁴ Судя по рисункам у А. В. Висковатова и другим источникам (Потто В. А. Указ. соч. – С. 68; Указатель по Кавказскому историческому музею. – Тифлис, 1907. – С. 278) на каждой стороне груди находилось по шесть черных кожаных напатронников с вызолоченными (или высеребрёнными с чернью) «головками» (колпачками на верхнем конце патронов в газырях). Газыри обшиты горизонтально тремя рядами золотого галуна, а кругом нижней части и обоих боков напатронников нашивался более широкий галун. Напатронники прицеплены цепочками к круглой бляхе с каждой стороны груди, всё вызолоченное. Но даже на форменной куртке драгун, судя по иконографии эпохи, встречались отступления от регламента. Образца для обшивки газырей и кармашков установлено не было. На автопортрете Лермонтова показаны только 4 патрона в газырях, рядов галуна поперек патронов только два, а обшивки кругом напатронников нет вообще. Количество патронов, как и отсутствие выпушки на обшлагах, стоит отнести к невнимательности к деталям или особому приему художника – на рисунках Г. Г. Гагарина патронов по шесть (История конницы. – Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. – М., 2001. – С. 258, рис.). С другой стороны, это можно объяснить спешкой и/или незнанием всех деталей покроя и цвета при изготовлении нового мундира в Ставрополе после кражи сшитого в столице образца. Выпушка воротника наличествует на автопортрете (Лермонтовская энцикл. – С. 176-177, вклейка), но отсутствует на портретах офицеров полка 1842 г. (Потто В. А. Указ. соч. – С. 128-129, вклейка).

²²⁵ Лампасы эти хорошо помнили и противники драгун, и курортное общество. В романе Е. П. Лачиновой встречаем «дерзкие ухватки казако-лампасного драгуна». Цит. по: Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит... – Ставрополь, 1980. – С. 120. В публикации романа (Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. – Ставрополь, 1986. – С. 212) допущена, видимо, опечатка: «казако-ландпасного».

²²⁶ Офицерская лядунка кавалерийского образца, черная кожаная с серебряной крышкой (с золотым орлом), на золотой галунной перевязи (прибор серебряный, подбой черного сафьяна). Что до шашки, то ее носили на черном кожаном ремне (с серебряным набором, по кавказскому обычаю) через правое плечо (приказ по полку от 3 марта 1836 г.) (Потто В. А. Указ. соч. – С. 69). Офицерские шашки имели серебряную отделку, но образца и для них, и для ножен установлено не было (Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800-1917 годов. – СПб., 1994. – С. 73-74). Современники называли неуставные драгунские шашки «азиатскими» или «кавказскими» (Зиссерман А. Л. 25 лет на Кавказе (1842-1867). – СПб., 1879. – Ч. 2. – С. 187), и у Лермонтова, например, на акварели ножны шашки (не «клыча») обтянуты красной кожей с золотой галунной отделкой.

²²⁷ Автопортрет был сделан «на Кавказе в 1837 году» (Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. – М., 1989. – Т. 1. – С. 453).

²²⁸ Введенский Г. Э. Драгуны: Кавалерия российской армии. – СПб.; Калининград, 2004. – С. 46.

Махлевич, «лейб-гусарская ирония автора приобретает здесь удивительную наглядность...»²²⁹.

Тем не менее, на автопортрете Лермонтов стоит именно в драгунском мундире, задрапировав его буркой. Здесь можно согласиться с Г. Э. Введенским, считавшим, что поэту все же «импонировала некоторая экзотичность»²³⁰ красивого и оригинального мундира Нижегородского полка, не имевшего аналогов в истории русской регулярной конницы. Вспомним слова А. В. Мещерского, писавшего о том, что «мундир этого полка славился тогда совершенно справедливо, как один из самых красивых в нашей кавалерии». «Я видел Мартынова в этой форме, – добавлял князь, – она шла ему превосходно»²³¹. Лермонтов мог руководствоваться теми же стремлениями, надевая²³² куртку одной из самых элитных частей Кавказского корпуса²³³.

Как и во всей Кавказской армии, походным и всedневым костюмом Лермонтова как драгунского офицера служил сюртук пехотного образца (воротник и обшлага его по расцветке соответствовали имевшимся на куртке). Как будет сказано ниже, сюртук на Кавказе носился без эполет (а равно и без шарфа или лядунки), только с поперечными золотыми галунными контр-погончиками на плечах. Сами же эполеты пристегивались на плечи одежды лишь в штаб-квартире, да и то изредка. Поверх сюртука всегда надевалась пашка на плечевой портупее. К сюртуку полагались фуражка в белом чехле (подробнее см. ниже) и шаровары – форменные или неуставные, чаще всего желтые лезгинские²³⁴.

В то же время многие офицеры Нижегородского полка (как было принято повсюду в войсках ОКК) сочетали форменные предметы обмундирования с элементами горского национального костюма и снаряжения. Недаром Лермонтов иронизировал в «Герое нашего времени» по поводу офицеров «в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским»²³⁵.

Так, тогдашний командир драгун полковник С. Д. Безобразов, по замечанию В. А. Потто²³⁶, был «всегда в высоком белом папaxe (высокой белой папaxe. – М. Н.), на белом коне». Популярны были, кроме шашек и кинжалов²³⁷, черкесские папaxи, башлыки,

²²⁹ Махлевич Я. Расшифровка некоторых сокращений в «Герое нашего времени» // Вопросы лит. – 1976. – № 4. – С. 213.

²³⁰ Введенский Г. Мундиры М. Ю. Лермонтова. – С. 65.

²³¹ Цит. по: Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. – М., 1989. – Т. 2. – С. 159.

²³² Впрочем, В. П. Бурнашев приводит слова А. И. Синицына, отозвавшегося о новой форме Лермонтова, что «все это преуморительно сидеть будет на нем» (Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. – Стлб. 1834).

²³³ Захаров В. А. М. Ю. Лермонтов и Кубань в 1837 г.: «под пули горцев»? // Археология, этнография и краеведение Кубани. – Краснодар, 2003. – С. 37.

²³⁴ Зиссерман А. Л. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 187; Из записок князя Амилахвари // Кавказ. сб. – Тифлис, 1907. – Т. 26. – С. 29-30, 39, 85-86; К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказ. сб. – Т. 10. – С. 411, 481-482; Он же: Указ. соч. // Кавказ. сб. – Тифлис, 1887. – Т. 11. – С. 325; Потто В. А. Воспоминания о Закавказском походе 1855 г. // Кавказ. сб. – Тифлис, 1906. – Т. 25. – С. 8; Он же: История 44-го драгунского Нижегородского ... полка. – СПб., 1894. – Т. 6. – С. 70.

²³⁵ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 2000. – Т. 6. – С. 296. Речь идет о переделке вошедшего в поговорку выражения Чацкого («Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским»). Кроме того, Лермонтов позволил себе насмешку в адрес Нижегородского полка.

²³⁶ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского ... полка. – Т. 4. – С. 37.

²³⁷ Не совсем понятно, на основании чего Г. Э. Введенский решил, что драгуны использовали именно «камы (прямые кавказские кинжалы)» (Введенский Г. Указ. соч. – С. 64). Такой знаток кавказского оружия, как Г. Н. Прозрителев, указывал, что кинжал «кама» состоял из двух половин и «у горцев он не был в употреблении» (Сабли рая (горское оружие в Кавказской войне). – Гр., 1992. – С. 4). *Кама* назывался и большой обоюдоострый осетинский кинжал (Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик, 1999. – С. 246), и «широкие длинные кинжалы» лазов (Богданович М. Дневник осады Карса в 1855 году доктора Сандвита // Воен. сб. – 1878. – № 2. – С. 314). Впрочем, Д. А. Лонгворт именовал и обычный «обоюдоострый кинжал» черкесов «камой» (Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. – Нальчик, 2002. – С. 46). О кинжалах горцев также см.: Ван-Гален Х. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. – СПб., 2002. – С. 354-355.

бешметы (под сюртук)²³⁸. Ну и, конечно, черные войлочные кавказские бурки, позднее воспетые Лермонтовым в «Кавказце» (см. ниже). Бурки того времени были очень короткими, имели колоколообразную, расширяющуюся книзу форму²³⁹. Их носили внакидку на левом плече, чтобы «правая рука и плечо были свободны»²⁴⁰. Именно эту бурку и накинул на плечо Лермонтов²⁴¹, готовясь к написанию автопортрета. Однако, вопреки мнению лермонтоведов²⁴², бурка (тем более не «полосатая»²⁴³) никоим образом не входила в состав драгунской *униформы*.

Единственным обстоятельством, которое могло выделять Лермонтова среди прочих офицеров Нижегородского полка в ходе действий в Закавказье²⁴⁴, явилось ношение им в дороге полного черкесского костюма – папахы, черкеска, бешмет (см. выше). Других случаев использования этого комплекта в полку пока не засвидетельствовано²⁴⁵. Впрочем, судя по тому, что капитан полка А. А. Столыпин в 1841 г. смог позировать Лермонтову в костюме курда (!), черкесская одежда тем более не являлась вещью из ряда вон выходящей в офицерском драгунском гардеробе.

Уже в первый период своей кавказской службы Лермонтов мог убедиться, что многие формальности, обязательные в российской армии, а тем более в гвардии, в условиях Кавказа не соблюдались²⁴⁶. Как писал в 1837 г. сам поэт, «здесь, кроме войны, службы нету»²⁴⁷. «Чего в других войсках до такой степени никогда не бывало»²⁴⁸, – позднее добавил князь М. С. Воронцов, адресуясь А. П. Ермолову.

Несомненно, это было связано именно с воздействием войны на русские войска, а Кавказ, по выражению А. А. Вельяминова, был «хорошей военной школой»²⁴⁹. Война

²³⁸ К. Указ. соч. // Кавказ. сб. – Тифлис, 1885. – Т. 9. – С. 456, 460-461, 491; Он же: Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне: (Воспоминания очевидца) // Кавказ. сб. – Тифлис, 1889. – Т. 13. – С. 500; Потто В. А. Указ. соч. – С. 160.

²³⁹ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа, XVIII-XX вв. – М., 1989. – С. 16. См. изображения казачьих бурок: Заседателя Л. Б. Культура и быт северокавказского казачества // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 37.

²⁴⁰ Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе. – СПб., 2004. – Т. 1-2. – С. 164.

²⁴¹ Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь, 1954. – С. 211.

²⁴² Пахомов Н. П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М.; Л., 1940. – С. 42.

²⁴³ Он же: Живописное наследие Лермонтова. – С. 114.

²⁴⁴ Любопытно, что сам Лермонтов тогда (ноябрь-декабрь 1837 г.) формально не имел права носить там мундир Нижегородского полка, поскольку был переведен в гродненские гусары 11 октября (Кравченко В. Н. Михаил Юрьевич Лермонтов в Ставрополе. – Ставрополь, 2004. – С. 42). Однако, приказ был опубликован 1 ноября, а до штаб-квартиры полка дошел в начале 20-х чисел ноября. Из списков Нижегородского полка Лермонтов был исключен 25 ноября 1837 г. (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. – СПб., 1913. – Т. 5. – С. 15).

²⁴⁵ Так, на акварели Г. Г. Гагарина 1841 г. (Григорий Гагарин. – М., 2004. – С. 21, рис.) князь М. Б. Лобанов-Ростовский показан в полном черкесском костюме (коричневая черкеска с черной меховой оторочкой рукавов, выреза на груди и краев пол, с серебряной тесьмой и черными напатронниками; коричневый верх папахы; красный бешмет; ноговицы из черной и коричневой половин) с ружьем и кинжалом. Однако, судя по всему, Лобанов тогда еще не был юнкером Нижегородского полка (Лермонтовская энцикл. – С. 264), а состоял на гражданской службе (Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 174-176).

²⁴⁶ «Кавказские солдаты были только мастера на марши, но не маршировку...» (Андреев В. Ермолов и Паскевич // Кавказ. сб. – Тифлис, 1876. – Т. 1. – С. 199-200). Современник оставил яркое свидетельство о неспособности Кавказского корпуса к тонкостям фронта и плац-парадной службы, когда и сам князь М. С. Воронцов «не знал, где и кому следовало идти или стоять, и мы тоже ничего не знали. Полковник [А. П.] Плац-Бек-Кокум, бывший конногренадер и фронтовик, только руками разводил от ужаса» (Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания // Рус. старина. – 1917. – № 3. – С. 335).

²⁴⁷ Цит. по: Русские писатели в нашем крае: Сб. ст. – Грозный, 1958. – С. 50.

²⁴⁸ Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Рус. архив. – 1890. – № 2. – С. 363.

²⁴⁹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. – С. 434. – Сходным образом высказывались и другие современники: «...[Кавказ] – лучшая школа не только для офицеров, но и для генералов» (Notice sur la campagne des Russes au-delà du Kouban en novembre 1830, extraite des lettres d'un officier d'un regiment de chasseurs de l'armee russe // Journal asiatique. – 1831. – Т. 7. – P. 436; Сергеев А. П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого: История создания повести. – М., 1983. – С. 211, 213).

налагала свой отпечаток на психологию и солдата, и офицера. «В войне много зла, но есть и поэзия²⁵⁰; человек ... смотрит ... на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды, много забот, много и разливной беззаботности, мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает...»²⁵¹. Эти слова принадлежат известному российскому хирургу Н. И. Пирогову, о войне знавшему не понаслышке.

Современники оставили следующие впечатления о внешнем виде кавказских войск лермонтовского времени, 30-х гг. XIX в.: «Нас, гвардейских офицеров, с первого взгляда поражали в кавказских войсках видимая распушенность, неряшество в одежде, даже казавшееся отсутствием дисциплины и точного отправления службы, – писал будущий военный министр и старинный знакомец Лермонтова Д. А. Милютин. – Но вместе с тем не могли мы не подметить во взгляде каждого солдата какой-то отваги и самоуверенности, чего-то особого, отличавшего эти войска от всех других. Видимо, это были войска боевые, а не парадные»²⁵². «Вообще тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от младшего до старшего, – признавался капитан Генерального штаба Г. И. Филипсон. – О киверах и шляпах помину не было; ходили в фуражках или папах, а вместо форменной шпаги или сабли носили черкесскую шашку²⁵³ на ременной португее через плечо. Глазу моему, привыкшему на Севере к стройной формальности, странно было видеть такое разнообразие и даже иногда фантастичность военных костюмов»²⁵⁴.

Григорий Иванович засвидетельствовал и реакцию Николая Павловича на кавказский походный костюм во время смотра в Геленджике (20 сентября 1837 г.). «Государь..., – по словам Филипсона, – выражал свое довольство ... даже наивными усилиями все делать и одеваться по форме; а между прочим своеобразные отступления беспрестанно бросались в глаза²⁵⁵ ему, привыкшему к педантической точности в гвардии и при смотрах армейских войск. Говорят, что он сказал: «Я очень рад, что не взял с собою великого князя Михаила Павловича; он бы этого не вынес»²⁵⁶. Действительно, кавказские войска при «очень строгой»²⁵⁷ дисциплине имели «очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме» (Г. И. Филипсон) и не подражали «другим в смешных, странных и вредных обыкновениях, принятых в оных» (Н. Н. Муравьев)²⁵⁸. К Кавказскому корпусу было «нельзя применять мерку других войск»²⁵⁹. Здешние полки соблюдали форму одежды (именно «отчасти») только на смотрах, в мирное время, пока не выступали в поход. Начальство (вплоть до самого императора), как правило, не стесняло инициативу

²⁵⁰ «В бою была поэзия, риск, возможность отличия... Бой считался делом, а мирное затишье прозябанием» (Рукевич А. Ф. Из воспоминаний старого эриванца // Ист. вестник. – 1914. – № 12. – С. 766-767).

²⁵¹ Севастопольские письма Н. И. Пирогова, 1854-1855. – СПб., 1899. – С. 69.

²⁵² Милютин Д. А. Год на Кавказе. 1839-1840 // Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 202. См. характеристику кавказских войск: Герман Р. Э. Суворовские традиции и Кавказская армия в XIX веке // Суворов и Кавказ: значение наследия великого полководца и гражданина России для современных защитников южных рубежей страны. – Ставрополь, 2000. – С. 38-41.

²⁵³ «По принятой здесь форме, – писал о кавказских офицерах М. Ф. Федоров, – все были без эполет, имея вместо сабель и шпаг на узеньком ремне, чрез правое плечо, черкесские сабли, называемые шашками» (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказ. сб. – Тифлис, 1879. – Т. 3. – С. 4).

²⁵⁴ Воспоминания Г. И. Филипсона. – М., 1885. – С. 92.

²⁵⁵ *Что* именно бросалось ему в глаза, прекрасно иллюстрируют мемуары гвардейского офицера Г. П. Самсонова, прикомандированного к отряду А. А. Вельяминова: «Чтобы дать понятие о красоте нашего обмундирования, я опишу свой офицерский туалет. Сюртук, прорванный и по швам, и по целым местам, потерял совершенно свой нормальный цвет; фуражка, с переломанным козырьком и каким-то фиолетовым околышком, не имела никакой формы, панталон вовсе не было; сапоги стоптанные и во многих местах прорванные – отказались служить. ... Выбрать из подкладки сюртука более целые места – вот и кантики готовы. Сюртук покрыли заплатами, не стесняясь различием качества и цвета ... материала. ... Остриг меня ротный цирюльник...» (Самсонов Г. Из записок старослуживого // Рус. вестник. – 1892. – № 10. – С. 127).

²⁵⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Рус. архив. – 1883. – № 6. – С. 254.

²⁵⁷ Шомпулев В. А. Заметки старого кавказца // Рус. старина. – 1908. – № 11. – С. 497.

²⁵⁸ Цит. по: За стеной Кавказа. – М., 1989. – С. 274-275.

²⁵⁹ Герман Р. Э. К вопросу о деятельности А. П. Ермолова и А. И. Барятинского на Кавказе // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С. 48.

подчиненных в модернизации своего костюма применительно к походным условиям, т.к. само на опыте испытало, что значит экипировка, созданная в кабинете.

«Атмосфера Кавказской армии всегда была чужда ... мертвящему шаблону и очковтирательству»²⁶⁰, – отмечал эмигрантский историк русской армии. «Понятно, что этот порядок вещей и военная служба на Кавказе должны были прийтись по вкусу Лермонтову, ненавидевшему мелкие стеснения фронтовой (строевой. – М. Н.) службы, испытанной им в Петербурге, – заключал биограф поэта. – Порядок и жизнь кавказская приходились по нутру этой свободолюбивой натуре»²⁶¹. Не все побывавшие на Кавказе были рады вновь оказаться в «правильном» военном мире с его строгим соблюдением формы и уставов. Среди таких офицеров был и Лермонтов. Появившись уже второй раз на Кавказе, поэт оказался в совершенно знакомой и привычной ему неформальной обстановке.

Пехотный поручик

Что касается второго периода пребывания поручика **Тенгинского пехотного полка** Лермонтова на Кавказе, то его костюм в Чеченском отряде генерал-лейтенанта А. В. Галафеева (1840 г.) запечатлел подпоручик Кавказской гренадерской артиллерийской бригады К. Х. Мамацев. «Я хорошо помню Лермонтова, – рассказывал Константин Христофорович, – и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенной через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах»²⁶². Далее автор уточнял, что и рубашка Лермонтова была «с косым расстегнутым воротом», а шашку дополнял кинжал²⁶³.

Надо отметить, что рубахи (в шаровары и с фуражкой на голове) составляли летнюю форму нижних чинов ОКК²⁶⁴. Но кавказские офицеры²⁶⁵ и даже генералы²⁶⁶ тоже надевали в жаркий день белые или цветные рубахи без сюртука (или под сюртуком нараспашку). Так, походная одежда графа Ф. Л. Гейдена, адъютанта князя М. С. Воронцова, в 1847 г.

²⁶⁰ Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1993. – Т. 2. – С. 28. Ср.: Гаммер А. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М., 1998. – С. 48.

²⁶¹ Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1987. – С. 233. – Неслучайно поэт признавался в том, что «совсем отвык от фронта» (Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М.; Л., 1964. – С. 89). Отвыкать, судя по описаниям постоянных «шалостей», было особенно не от чего. Н. С. Мартынов утверждал, что «невynosимо тяжела была в то время служба в гвардии», отчего он и отправился волонтером на Кавказ (см. о командировке офицеров: Попов А. В. Лермонтов в первой ссылке // Труды СГПИ. – Ставрополь, 1949. – Вып. 3. – С. 41, прим. 1). Но в доказательство Мартынов глубокомысленно и невнятно ссылаясь только на некий «нравственный гнет», который «тяготел над нами» (Из бумаг Николая Соломоновича Мартынова // Рус. архив. – 1893. – № 8. – С. 592). Обращает на себя внимание странное сходство с высказываниями маркиза А. де Кюстина: «... Они едут на войну в глубине Кавказа, чтобы отдохнуть от ига, тяготеющего на них на родине». См.: Герштейн Э. Г. Лермонтов и «кружок шестнадцати» // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. – М., 1941. – Сб. 1. – С. 105-106. Ср., однако, комментарии М. Яшина об обстоятельствах командировки Мартынова на Кавказ (отбрасывая ложные представления автора о поручике как некоем шпионе при Лермонтове): Яшин М. Вокруг Лермонтова: (По материалам Кавалергард. полка) // Звезда. – 1964. – № 10. – С. 192-193.

²⁶² Цит. по: Шадури В. С. Новое о Константине Мамацашвили, однополчанине М. Ю. Лермонтова // Лит. Грузия. – 1974. – № 10. – С. 81.

²⁶³ Мануйлов В. А. Новые материалы об участии М. Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 году. (По воспоминаниям К. Х. Мамацева) // Труды Ленингр. библ. ин-та. – Л., 1957. – Т. 2. – С. 247.

²⁶⁴ Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. – М., 1980. – С. 225; Махлевич Я. Л. Кавказский вид // Панорама искусств-4. – М., 1981. – С. 253; Рекалов И. 83-й пехотный Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии, 1845-1881 года. Краткая история боевых дел полка. – Ставрополь, 1911. – С. 16.

²⁶⁵ Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и пережитом с 1803 года // Рус. старина. – 1881. – № 10. – С. 283.

²⁶⁶ Архив Раевских. – СПб., 1908. – Т. 2. – С. 432; СПб., 1912. – Т. 4. – С. 16-17, вклейка; Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984. – С. 214-215; Санеев С. А. «Век служи, Раевский, с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет» // Военно-ист. журн. – 2004. – № 6. – С. 71.

заклучалась «в красной канаусовой рубашке» под сюртуком²⁶⁷. Я. П. Бакланов также летом разъезжал в красной канаусовой расстегнутой рубашке²⁶⁸. Генерал И. М. Лабынцев – этот «Ней Кавказской армии» – одевался в засаленный сюртук, под которым носил грязную ситцевую рубаху (1844 г.)²⁶⁹. (Отряд Лабынцева «сблизился» с войсками Галафеева вскоре после первой битвы на Валерике²⁷⁰, так что Лермонтов мог некоторое время наблюдать генерала вблизи). Поэтому костюм Лермонтова не представлял собой ничего своеобразного – обычная форма боевого кавказского офицера²⁷¹. Кусок канаусу²⁷² Лермонтов, вероятно, приобрел в Ставрополе; там же, очевидно, была и пошита рубашка²⁷³.

Неприятно относившийся к Лермонтову подполковник Генштаба барон Л. В. Россильон (квартирмейстер Чеченского отряда) замечал²⁷⁴, что «он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука поэта, который он носил без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае». Грязь эту, безусловно, стоит отнести на счет нелюбви рассказчика к Лермонтову. Многие лермонтовские современники (например, Ф. Боденштедт) подчеркивали всегда вкус к чистоте и изяществу в одежде поэта. (С другой стороны, когда было в походе стирать одежду?). Но другое указание Россильона относительно облика поэта – «молодецки заломив белую холщовую шапку» – нельзя не оценить как подтверждение того, что Лермонтов носил фуражку в белом чехле (см. ниже).

Сдвинутую на затылок фуражку с помятой тульей можно видеть и на рисунке с Лермонтова, выполненном штабс-капитаном Генштаба бароном Д. П. фон дер Паленом²⁷⁵ в конце июля 1840 г. (Этот портрет Лермонтова был сделан в палатке Л. В. Россильона²⁷⁶). На фуражке здесь заметна линия околыша, что позволяет предполагать наличие белого чехла на одной только тулье. Видимо, именно эта фуражка приводится в описи вещей Лермонтова 1841 г. (см. ниже). Такой вариант головного убора носил, например, другой кавказский знакомый Лермонтова капитан Д. С. Бибииков (1841 г.)²⁷⁷. На Кавказе популярны были также фуражки с чехлом, закрывавшим и тулью, и околыш. Но

²⁶⁷ Из записок Н. В. Исакова // Рус. старина. – 1917. – № 4-6. – С. 62. Толстовский поручик Розенкранц тоже ходил «в одной красной рубахе» (см. ниже), но и здесь мы видим кавказскую реальность, не связанную с образом Лермонтова.

²⁶⁸ Нечитайлов М. В. К вопросу о походно-повседневном обмундировании генералитета Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны (1817-1864) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – С. 173.

²⁶⁹ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Рус. старина. – 1893. – № 8. – С. 300.

²⁷⁰ Лебединец Г. С. Указ. соч. – С. 357.

²⁷¹ Шинкаренко И. П. Указ. соч. – С. 4.

²⁷² Ср.: Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 2. – СПб., 1865. – С. 216.

²⁷³ Согласно воспоминаниям некоего С. З. П-ва, Лермонтов в Тамани «носил рубашку с высоким воротником» (Арканников О. О пребывании М. Ю. Лермонтова в Тамани // Рус. архив. – 1893. – № 11. – С. 575). Но это свидетельство справедливо подвергается сомнению (Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью: От Пушкина до Горького. – Краснодар, 1976. – С. 174-175, 176-178).

²⁷⁴ Висковатов П. А. Указ. соч. – С. 305.

²⁷⁵ Впервые опубликован: Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде генерала Галафеева во время экспедиции в Малую Чечню в 1840 г. // Рус. старина. – 1884. – № 1. – С. 88-89. По компетентному мнению Н. П. Пахомова, «это единственный портрет, на котором поэт вышел действительно живым и непринужденным» (Пахомов Н. П. Лермонтов. – С. 48). Известен сходный отзыв А. А. Блока об этом наброске, изображающем «поэта “очень русским”, простым офицером в измятой походной фуражке»: «Не правда ли, Лермонтов только такой? Только на этом портрете? На остальных – не он» (Чуковский К. И. Александр Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников. – М., 1980. – Т. 2. – С. 242).

²⁷⁶ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Вновь найденный и впервые изданный его портрет. 1840 // Рус. старина. – 1884. – № 1. – С. 239.

²⁷⁷ Корнилова А. В. Кавказское окружение Лермонтова в альбомах современников // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. – М., 1979. – С. 384-385, вклейка.

ни их, ни фуражку «*a la Коцебу*»²⁷⁸ поэт не использовал. На рисунке Палена можно увидеть и лермонтовский пехотный сюртук (см. ниже) с расстегнутым (но не отогнутым) воротником, без эполет – повседневно-походный костюм кавказского офицера. Сюртук без эполет, панталоны навыпуск (видимо, верблюжьего сукна), шашка на ремне и фуражка Лермонтова представлены на другом рисунке 1840 г. («На привале к Темир-Хан-Шуре»)²⁷⁹, где он показан со спины.

В числе прочего Россильон возмущался и тем, что Лермонтов ходил тогда небритым²⁸⁰. На рисунке Палена действительно видно, что поэт, «пользуясь свободой походной жизни», отпустил себе небольшие баки и, по-видимому, дал волю волосам расти и на подбородке²⁸¹. Но кавказские офицеры в экспедициях отпускали и длинные волосы (как на автопортрете Лермонтова), и бакенбарды, даже небольшие бороды (из сослуживцев Лермонтова – П. А. Урусов, например)²⁸², и начальство этим совершенно не беспокоилось²⁸³. Во всей армии «некоторые из военнослужащих дозволяют себе иметь на голове весьма длинные волосы и причесывают их или даже завивают, подражая всем прихотям новых, странных обычаев, нередко из-за границы к нам достигающих», – с раздражением констатировал приказ военного министра 1837 г.²⁸⁴ Отважный и толковый офицер, но педантичный и суховатый человек, Россильон просто дал волю своей антипатии к Лермонтову²⁸⁵. Каждый видит свое...

Итак, в экспедициях 1840 г. Лермонтов носил фуражку (с белым чехлом на тулье), сюртук²⁸⁶ без эполет²⁸⁷, под ним красную рубашку и брюки навыпуск поверх сапог.

²⁷⁸ Моду на этот головной убор ввел П. Е. Коцебу, начальник штаба ОКК (1837-1853 гг.). «Не подумайте, однако, – саркастически разъяснял современник, – чтобы это была какая-либо немецкая оригинальная шапка или чухонский колпак: это просто фуражка, обтянутая белым чехлом, который покрывает вместе и козырек» (Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 209-210).

²⁷⁹ Иванова Т. А. Лермонтов на Кавказе. – М., 1968. – С. 200, рис.

²⁸⁰ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. – Т. 1. – С. 344. Летом 1841 г., нанося в Пятигорске визит И. Е. Дядьковскому, Лермонтов «все просил прощения, что не брит» (Смотров В. Письмо Н. Молчанова к В. В. Пассеку о последних днях и гибели Лермонтова // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45-46. – С. 715).

²⁸¹ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде... // Рус. старина. – 1884. – № 1. – С. 85.

²⁸² Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года. – СПб., 1866. – С. 163. Д. В. Ракович приписывает и Лермонтову в кампании 1840 г. бороду (Беличенко Ю. «Спецназ» поручика Лермонтова // Красная звезда. – 2001. – 28 нояб.), но явно ошибочно.

²⁸³ Ко времени поездки в Петербург Лермонтов, конечно же, волосы постриг коротко. В Пятигорске «волосы он носил здесь летом коротко остриженными» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 436). Судя по посмертному портрету кисти Р. К. Шведе в 1841 г. поэт был коротко стрижен и носил небольшие усы (Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. Указ. соч. – С. 53).

²⁸⁴ Цит. по: Ашукин Н. С. Историко-бытовой комментарий к драме Лермонтова «Маскарад» // Лермонтов М. Ю. Маскарад: Сб. ст. – М.; Л., 1941. – С. 245.

²⁸⁵ См. об этом: Есаков А. Михаил Юрьевич Лермонтов. 1840 г. // Рус. старина. – 1885. – № 2. – С. 474-475.

²⁸⁶ П. А. Висковатов указывал, что в экспедиции 1840 г. Лермонтов «носил бурку на расстегнутом сюртуке», далее почти дословно передавая сообщение Россильона и описывая рисунок Палена (Висковатый П. Речка смерти: (Эпизод из кавказской жизни М. Ю. Лермонтова) // Ист. вестник. – 1885. – № 3. – С. 475). В своей биографии он ничего не говорит о ношении бурки, равно и мемуаристы умолчали о ней. Бурку обычно носили только в непогоду или в холода. Отсюда заключаем, что Висковатов добавил от себя этот факт.

²⁸⁷ В этой связи отметим т. н. «Портрет неизвестного», литографию Л. Я. Белоусова (между 1844-1853 гг.) по Р. К. Шведе (до 1844 г.), где представлен офицер в сюртуке без эполет, с отогнутым воротником и верхней частью бортов, в фуражке без кокарды и с шашкой на португее. Было высказано предположение об отождествлении изображенного лица с Лермонтовым. Однако, униформология в данном случае бессильна – литография не раскрашена. См.: Виноградов А. В. Лермонтовская Кубань: (Историко-литературовед. этюды). – Армавир, 1997. – С. 45-51; Махлевич Я. Л. Лермонтов, 1841? // Ставрополье. – 1985. – № 5. – С. 80-96. Тем не менее, это изображение в некоторых работах последних лет уже открыто именуется портретом Лермонтова (Польский Л. Н. Лермонтов в Пятигорске. – Пятигорск, 2002. – С. 21). В одном весьма спорном

Вооружен он был шашкой (на узкой ременной плечевой портупее из черной кожи) и кинжалом (на поясе).

Представляет интерес и выяснение деталей костюма, бывшего на Лермонтове в период его пребывания на Кавказе в 1841 г. и, в частности, в момент его гибели (15 июля). Только полным невежеством можно объяснить встречающееся иногда высказывание о некоем «кителе», бывшем на одном из участников дуэли²⁸⁸. Из свидетельств современников совершенно очевидно, что Лермонтов носил «шапку» (фуражку), как и секунданты²⁸⁹, и сюртук (безусловно, без эполет)²⁹⁰, который перед дуэлью расстегнул²⁹¹.

Под сюртук же он надел свою «историческую» (выражение П. А. Висковатова) канаусовую рубашу малинового²⁹² или красного²⁹³ цвета. Относительно точного колера последней вещи мнения современников несколько расходятся. По всей вероятности, рубаша со временем просто выцвела, отчего визуально напоминала красную, либо, пропитанная кровью («Нельзя было хладнокровно смотреть на покойного: его канаусовая рубашка вся была смочена кровью»)²⁹⁴ и грязью, казалась темнее обычного оттенка.

Сын Мартынова передавал со слов отца, что на дуэли «Лермонтов стоял в рейтузах и красной канаусовой рубашке»²⁹⁵. Однако, наличие на Михаиле Юрьевиче сюртука в момент выстрела противника не подлежит сомнению (см. ниже). В Пятигорск он тоже приехал «в расстегнутом армейском сюртуке, немного смятом и потертом в дороге»²⁹⁶, без эполет. Карандаш (графит в камышовой оправе, длина 8 см), который, по словам Э. А. Шан-Гирей, достали «из жилета убитого Лермонтова»²⁹⁷, в действительности²⁹⁸ был вынут не из жилета, а «из бокового кармана сюртука секундантом Глебовым».

Что же касается кителя (белый полотняный двубортный сюртук свободного покроя, с очень длинными полами), то он действительно встречается в походной форме младших офицеров ОКК с 1836-1840 гг. Так, упоминаются «холщовый китель»²⁹⁹ прапорщика А. А. Бестужева-Марлинского, или капитан Д. В. Максимович «в белом кителе, при шашке»³⁰⁰ и т.д. Однако, китель, во-первых, так никогда и не вытеснил сюртук до самого окончания Кавказской войны. А во-вторых, этот предмет имел очень мало общего с тем кителем,

издании выдвигалась не лишняя, впрочем, смысла гипотеза о том, что в действительности это портрет М. П. Глебова (Герасименко А. Невольник чести. – М., 2004. – С. 33-34).

²⁸⁸ От издателя // Захаров В. А. Загадка последней дуэли. – М., 2000. – С. 7.

²⁸⁹ Щеголев П. Е. Лермонтов. – М., 1999. – С. 516. Другие документы о дуэли прямо называют четыре шапки фуражками (Нечаева В. С. Суд над убийцами Лермонтова: («Дело штаба Отд. Кавказ. Корпуса» и показания Н. С. Мартынова) // М. Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. – М., 1939. – С. 39, 42).

²⁹⁰ Вопреки сообщению П. К. Шугаева (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 68).

²⁹¹ Мартынов П. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова // Ист. вестник. – 1892. – № 4. – С. 91.

²⁹² Лермонтов в записках А. И. Арнольди / Публ. Ю. Г. Оксмана // Лит. наследство. – М., 1952. – Т. 58. – С. 472.

²⁹³ Цит. по: Иванов С. В. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. – М., 1964. – С. 364.

²⁹⁴ Лермонтов в записках А. И. Арнольди. – С. 476, прим. 25.

²⁹⁵ Мартынов С. Н. История дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым // Рус. обозрение. – 1898. – № 1. – С. 323. В. Я. Брюсов, однако, не без оснований усматривал здесь сходство с текстом А. С. Пушкина (Дронов В. Пометы Брюсова на полях сочинений Лермонтова // Литература и Кавказ. – Ставрополь, 1972. – С. 111).

²⁹⁶ Филиппов С. Лермонтов на кавказских водах: (Рассказ современника) // Рус. мысль. – 1890. – № 12. – С. 72.

²⁹⁷ Корганов В. Д. Статьи, воспоминания, путевые заметки, библиография. – Ереван, 1968. – С. 347.

²⁹⁸ Цит. по: Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Памятные вещи // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. – М.; Л., 1953. – Т. 2. М. Ю. Лермонтов. – С. 158.

²⁹⁹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. – М., 1980. – С. 172. О ношении офицерами кителя см.: Воспоминания В. А. Полторацкого // Ист. вестник. – 1893. – № 3. – С. 750; № 6. – С. 679, 680.

³⁰⁰ Ливенцов М. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов: (Извлечения из дневника) // Рус. обозрение. – 1894. – № 6. – С. 621.

который был введен для офицеров армии в 1860 г. и ассоциируется в сознании неспециалистов с внешним обликом офицеров Кавказского корпуса времен Лермонтова. В частности, никаких офицерских погон в то время не существовало вообще – впервые они появляются (сначала на шинелях) только в 1854 году. Поэтому офицерский китель обходился вообще без знаков различия. Что же касается нижних чинов пеших войск³⁰¹, то у них белый холщевый китель летом (в сочетании с фуражкой в чехле) получает распространение с 1840-х гг., но уже к началу 1860-х гг. полностью исчезает из обихода³⁰².

С учетом вышесказанного, приходим к выводу, что летом 1841 г. Лермонтов носил тот же костюм, который был на нем годом ранее в Чечне – фуражку и сюртук поверх красной рубашки.

Опись 1841 г.

В завершение приведем перечень вещей, значащихся в документе, озаглавленном: «Опись имения, оставшегося после убитого на Дуэли Тенгинского Пехотного полка поручика Лермонтова» (17 июля 1841 г.)³⁰³. Можно сравнить этот текст с некоторыми сходными по характеру источниками. Например, в фондах ГАСКа хранится опись вещей убитого под Ахульго корнета князя Д. Гуриела из Казачьего Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, откомандированного на Кавказ (январь 1840 г.)³⁰⁴. Известна и другая опись (июль 1852 г.) деталей костюма офицера Тенгинского пехотного полка штабс-капитана А. Г. Худолея, однополчанина Лермонтова, тоже убитого горцами³⁰⁵. Однако, в отличие от приведенного ниже документа, перед нами не весь гардероб того или иного офицера, а лишь «имение», оставшееся, очевидно, на хранении в его квартире, описанное и проданное с аукциона в отсутствие претендентов на это имущество. Напротив, опись вещей Лермонтова представляет собой описание именно того гардероба поэта, который он в мае 1841 г. привез в Пятигорск. Эти «разные вещи» (условно обозначенные нами как гардероб № 1) после гибели владельца А. А. Столыпина обязался доставить «родственникам его Лермонтова» (28 июля).

В то же время вещи Лермонтова, оставленные им в крепости Анапа (в декабре 1840 г. – январе 1841 г.) (гардероб № 2), были, как обычно, в отсутствие наследников и родственников распроданы с торгов. Вырученные деньги (сумма составила примерно 76-103 руб.), скорее всего, поступили в казну Тенгинского полка³⁰⁶. Реестров этих вещей (по мнению В. А. Захарова, «это были предметы обмундирования»³⁰⁷), к сожалению, не обнаружено.

Тем большую ценность приобретает **опись гардероба № 1** (особенно учитывая то, что вещи, занесенные в нее, практически в полном составе не дошли до нас). Данное описание не представляет собой ничего необычного, но именно в этом и кроется его огромная ценность для изучения кавказского военного мундира. При крайней скудости

³⁰¹ Драгунам и саперам китель был положен официально, и именно у этих родов войск он и был заимствован прочими солдатами и офицерами на Кавказе.

³⁰² Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет, 1642-1892. Ч. 4. – СПб., 1895. – С. 277; Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 2. – М., 1979. – С. 13; Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. – Paris, 1899. – P. 19 (под «la blouse blanche ou bleue», вероятно, понимается китель, но не исключено, что и рубашка, поскольку синий цвет для кителя не характерен).

³⁰³ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – С. 407-409; Щеголев П. Е. Указ. соч. – С. 509-512. По словам В. И. Чилаева, опись эта вторичная, поскольку в первую, составленную в отсутствие А. А. Столыпина, были включены многие столыпинские вещи, включая пистолеты (Мартыанов П. Указ. соч. – С. 100, прим. 2).

³⁰⁴ ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 23. Лл. 1-1 об., 42-42 об., 43 об., 44.

³⁰⁵ Ставроп. губ. ведомости. – 1852. – К № 29. – С. 426. Гуриел был убит 23 августа 1839 г., Худолей – 5 апреля 1852 г. (Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае, 1801-1885 гг. – Тифлис, 1901. – С. 47, 102).

³⁰⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – С. 266.

³⁰⁷ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – С. 620.

опубликованных источников всякий новый материал представляет собой серьезное подспорье исследователю.

Во-первых, опираясь на документ, становится возможным установить с документальной точностью костюм Лермонтова в период нахождения его весной и летом 1841 г. в Ставрополе, Пятигорске и Железноводске. Во-вторых, появляется уникальная возможность проверить, дополнить, подтвердить или уточнить свидетельства современников и участников тех кавказских событий 1841 г. относительно внешнего вида поэта. Также, сравнивая этот источник с мемуарной литературой, есть основания утверждать, что походный мундир Лермонтова в чеченской экспедиции 1840 г. составляли те же предметы, которые мы находим в описи от 17 июля и которые он носил тем летом. Наконец, этот редчайший документ благодаря его неоднократной публикации и поэтому доступный всеобщему обозрению, лишней раз доказывает то, насколько максимально приспособлен был для ведения войны в условиях Кавказа (и, что крайне важно, с ведома и прямого дозволения высшего начальства) офицерский костюм. Итак:

1. Головные уборы

1. № 49, 76 (здесь и далее номера по описи). «Шапка Шерстяная вязаная синего цвету старая с красным околышком (околышем. – М. Н.)» и «Шапочек вязанных бомажных» две штуки. Очевидно, подразумевается домашний головной убор³⁰⁸.

2. **Фуражка**: № 85. «Фуражка Суконная белая с красным околышком». Как любезно подсказал нам В. В. Стецов, речь, несомненно, идет о фуражке в белом чехле на тулье – походном головном уборе Лермонтова. (Будучи пехотным офицером³⁰⁹ Лермонтов носил темно-зеленую фуражку с красным околышем³¹⁰).

Однако, белый цвет чехла резко выделялся на темном фоне и в походе становился хорошей мишенью для противника – горцев, персов, турок. «Где только завидят белые шапки, туда и целят»³¹¹, – писал о персах А. С. Грибоедов. Поэтому целые батальоны, случалось, летом воевали на Кавказе без чехлов.

Но офицеры, особенно молодые, нередко пренебрегали этим правилом³¹². Тем более, что их сюртук и без того представлял собою удобную мишень для вражеского стрелка на светлом фоне солдатских рубаш или шинелей. Так, 8 апреля 1838 г. генерал-майор Н. Н. Раевский доносил командующему ОКК генерал-лейтенанту Е. А. Головину о польских дезертирах на Черноморском побережье: «Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на Польском языке: “цельте в черных”, подразумевая под этим наших офицеров»³¹³.

3. **Шанка**: № 82. «Папах форменных с прибором из коих одна старая две». Имеется в виду черная овчинная шапка образца 1829-1842 гг. для ОКК, на которую с прежнего

³⁰⁸ Ср.: «...В персидском халате и шелковой на голове шапочке» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т. 2. – С. 161).

³⁰⁹ В Тенгинском пехотном полку поручик Лермонтов состоял с 13 апреля 1840 г. (Герштейн Э. Г. Секретные сведения о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. – Ставрополь, 1960. – С. 179). С Селенгинским пехотным полком (11-я пехотная дивизия, красное поле эполет, № 21) (Звегинцов В. В. Указ. соч. – С. 519, 521) Лермонтов никогда не имел ничего общего, вопреки некоторым «исследованиям» (Зоркин В. И. М. Ю. Лермонтов в Селенгинском пехотном полку // Ангара. – 1969. – № 3. – С. 110-117; Он же: История одного портрета // В мире книг. – 1973. – № 11. – С. 85-86). См.: Шинкаренко И. П. Указ. соч. – С. 4.

³¹⁰ Мы подчеркиваем данную деталь, поскольку во многих художественных произведениях эта фуражка становится именно белой (цит. по: Очман А. В. Роковой поединок: Дуэль и гибель М. Ю. Лермонтова в отечественной литературе XX века. – Пятигорск, 2001. – С. 153, 189).

³¹¹ Грибоедов А. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. – М., 1971. – С. 173.

³¹² Гейман В. А. 1845 год: Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год. – СПб., 2001. – С. 369.

³¹³ Архив Раевских. – СПб., 1910. – Т. 3. – С. 662. Вариант: «Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке: «цельте в черных». Беглые ... сими словами означают по платью наших офицеров» (Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: (Сб. докум. материалов). – Тбилиси, 1953. – С. 144). См.: Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Поляки на Кавказе: «За нашу и вашу свободу»? // Европа и Северный Кавказ в XIX-XX вв.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. – Ставрополь, 2005. – С. 35-36.

кивера был перенесен весь «прибор» (герб и подбородная чешуя) с заменой только султана серебряным помпоном. Современники оставили ряд описаний Лермонтова в этой шапке, но вне Кавказа. Дело в том, что, хотя шапка и представляла собой шаг вперед по сравнению с кивером, но вряд ли можно было назвать ее практичной – будучи скорее вариацией на старые темы, шапка оказалась столь же неудобной. Кавказские полки быстро вернулись к фуражкам, а обременительные шапки стали оставлять в штаб-квартирах. Ни один известный нам источник не сообщает о ношении их в походе. Поручик Н. В. Симановский, участник экспедиции 1837 г., записал 8 июня в дневнике: «Пришло от корпусного командира барона Розена приказание, чтобы все гг. прикомандированные офицеры на царском смотре были бы непременно в полной парадной форме, почему я и написал в Москву к Александрову-1, прося его выслать мне поскорее мою шапку»³¹⁴.

Думается, Лермонтов возил с собой эти шапки только на случай поездки в Петербург или Москву, где требовалось строгое соблюдение форменного мундира³¹⁵. Именно там и запечатлели шапку мемуаристы 1841 года. «В своем армейском мундире и с кавказским кивером», – описывал В. И. Красов впечатления от встречи с Лермонтовым³¹⁶. А К. А. Бороздин запомнил, что поэт «все время возился с своим неуклюжим кавказским барашковым кивером, коническим, увенчанным круглым помпоном»³¹⁷.

II. Форменная одежда

1. **Сюртуки:** № 29-31. «Сертуков суконных форменных поношенных с красною подкладкою» – два, «Сертук Летний шерстяного ластику» и «Сертук суконный форменный на калмыцком меху». Еще один сюртук был на Лермонтове в момент гибели. Позднее, «так как он был весь в крови и грязи и прострелен пулею»³¹⁸, сюртук был сожжен слугой поэта – «никому тогда не пришлось в голову сохранить его»³¹⁹.

Темно-зеленый двубортный³²⁰ сюртук служил наиболее распространенным элементом офицерской формы одежды. В данном случае он имел темно-зеленые с красной выпушкой по верху круглые обшлага и красный³²¹ стоячий воротник. На картине К. А.

³¹⁴ Симановский Н. В. Дневник. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Звезда. – 1999. – № 9. – С. 199.

³¹⁵ Появление в конце 1846 г. в Петербурге двух адъютантов М. С. Воронцова в фуражках, но при гвардейских адъютантских мундирах, произвело настоящий фурор «в салонах и на улицах, где военный в фуражке был тогда чудом для всех. Начальство гвардейского корпуса заявило, что приезжие, числясь в гвардии, должны следовать форме гвардейской, а не кавказской; князь Воронцов выразил противное мнение и, наконец, победа осталась за фуражками, к великому соблазну служак-формалистов» (Лонгинов М. Н. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках // Рус. старина. – 1873. – № 3. – С. 386-387).

³¹⁶ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1964. – С. 302.

³¹⁷ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 353 (ранее считалось, что автором воспоминаний был И. П. Забелла). Символичен в этом отношении комментарий М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер, демонстрирующий неведение лермонтоведов в деталях русского военного мундира: «Кивер с кистью Лермонтов никогда не носил. Это ошибка мемуариста» (Там же. – С. 595, прим. 3). Кивер с кистью Лермонтов действительно никогда не носил. Но кисть и помпон (у офицеров посеребренный или позолоченный шар, крепился на верху головного убора) в военном мундире – разные вещи, и у Лермонтова помпон был и на гусарском кивере, и на шапке драгун Тенгинского полка. Мемуарист, кстати, ошибочно называет овчинную шапку («овчинный папах») кивером из-за сходства силуэта первой с сужающимся кверху кивером. Овчинная шапка ОКК была введена в 1829 году (а не в 1834), как комментировало данное место издание 1964 г. (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 498, прим. 4). Шапку запретили носить в ноябре 1842 г. (за исключением драгун?), заменив ее фуражкой (Звегинцов В. В. Указ. соч. – С. 469, 517, 528).

³¹⁸ Мартыанов П. Рассказы Христофора Саникидзе о Лермонтове // Ист. вестник. – 1895. – № 2. – С. 600.

³¹⁹ Шан-Гирей Э. Воспоминание о Лермонтове // Рус. архив. – 1889. – № 6. – С. 319.

³²⁰ Два ряда по 6 пуговиц – вопреки сюртукам на некоторых памятниках Лермонтову.

³²¹ А. Чарыков, несомненно, ошибался, когда писал, что в Пятигорске у Лермонтова в 1841 г. сюртук «был уже не с белым, а с красным воротником». Как он указывает сам, в 1840 г. Лермонтов носил форму Тенгинского полка (Чарыков А. К воспоминаниям о Лермонтове // Ист. вестник. – 1892. – № 6. – С. 815, 816), т.е. красный воротник. Ношение штатского сюртука или одежды другого полка исключается (а таковой

Горбунова³²² Лермонтов запечатлен именно в сюртуке Тенгинского полка³²³, с вызолоченными пуговицами (на них № «39»), но без эполет, с одними золотыми галунными контр-погончиками. Сюртук на красной стамедной подкладке (заметной на отворотах) и с отогнутым воротником (см. ниже). Через правое плечо перекинута перевязь шашки.

Часто свой сюртук офицеры подбивали мехом, что мы видим в описи. Летний вариант, напротив, шили из более тонкой ткани³²⁴. «Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате»³²⁵, – писал сам Лермонтов о кавказской моде – архалуках или бешметах³²⁶. Большим шиком считалось ходить в расстегнутом сверху донизу сюртуке поверх цветного шелкового бешмета (или рубашки, как в случае Лермонтова) и с кинжалом на поясе³²⁷. Самого поэта в походе или вне строя всегда отличал отогнутый назад воротник расстегнутого сюртука³²⁸, открывающий шейный платок. Ф. Боденштедт описывает облик Лермонтова в Москве зимой 1840-1841 гг.: «У него на шее был небрежно повязан черный платок; военный сюртук без эполет был не нов и не до верху застегнут, и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое белье»³²⁹. А. А. Краевский пояснял, что Лермонтов «имел короткую шею, и стоячий воротник был ему неприятен»³³⁰.

«Было на Кавказе в обычае» не надевать эполет не только в походах, но и в повседневном обиходе. «Все Кавказские офицеры, – замечал А. Л. Зиссерман, – носили Черкесские шашки и сюртуки без эполет, но с контрпогонами»³³¹.

2. **Мундир**: № 32. «Мундир поношенный». Темно-зеленый фрачный мундир Тенгинского полка имел красные воротник, обшлага с клапанами и отвороты фалд, красную выпушку по борту, талии и карманным складкам, девять пуговиц спереди. Видимо, именно этот мундир Лермонтов надевал во время жизни в столице. Здесь необходимо заметить, что нам совершенно неясно, на чем основана гипотеза Г. Э. Введенского о том, что «мундира Тенгинского пехотного полка Лермонтов так и не надел»³³².

Во-первых, адъютант П. Х. Граббе прапорщик Я. И. Костенецкий запомнил, что в декабре 1840 г. Лермонтов явился к нему в канцелярию штаба «в полной форме»³³³. Т.е. при мундире: Печорин является к Максиму Максимычу «в полной форме», и при этом «на нем мундир был такой новенький» («Бэла») ³³⁴. В Пятигорске Лермонтов и Столыпин

белый воротник, с зеленой выпушкой, на темно-зеленом сюртуке имелся в 1840 г. во всей армии только у Рижского драгунского полка), значит это неточность мемуариста, писавшего в начале 1890-х гг.

³²² Лермонтовская энцикл. – С. 528-529, вклейка.

³²³ Махлевич Я. Л. Цюрих – Петербург – Кавказ. «Живописное путешествие» Иоганна Якоба Мейера в 1842-1845 годах: Новое имя в истории русско-швейцарских культурных связей // Панорама искусств-7. – М., 1984. – С. 125.

³²⁴ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 148. Впрочем, офицеры могли и летом воевать в меховом сюртуке.

³²⁵ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. – С. 145.

³²⁶ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказ. сб. – Тифлис, 1894. – Т. 15. – С. 202; Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Рус. архив. – 1883. – № 6. – С. 253; Гейман В. А. 1845 год: Воспоминания // Кавказ. сб. – Тифлис, 1879. – Т. 3. – С. 354; Потто В. А. Генерал-адъютант И. Д. Лазарев. – Тифлис, 1900. – С. 83.

³²⁷ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 359.

³²⁸ Висковатов П. А. Указ. соч. – С. 442, прим. 46.

³²⁹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 263, 295, 310.

³³⁰ Цит. по: Пахомов Н. П. Указ. соч. – С. 51.

³³¹ Зиссерман А. Л. Критические заметки. О фельдмаршале князе Барятинском. – О Лермонтове // Рус. архив. – 1885. – № 5. – С. 81.

³³² Введенский Г. Указ. соч. – С. 67. Не менее надуманны пространные рассуждения автора о том, что же носил Лермонтов во время своего пребывания в столице (там же).

³³³ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Рус. архив. – 1887. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 112.

³³⁴ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – М., 1962. – С. 11.

представлялись коменданту В. И. Ильяшенкову тоже «в парадной форме»³³⁵ (май 1841 г.). Форма для явки к вышестоящим чинам на Кавказе претерпевала определенные изменения. К середине 1840-х гг.³³⁶ начальству представлялись именно «в сюртуке, без эполет, без шапки» и в фуражке. Но в 1830-е гг.³³⁷ еще сохранялись старые порядки, когда к старшему офицеру должно было являться по служебным делам «в мундире, при шарфе», что соответствовало уставу. Конечно, бывали и исключения, многое зависело от самого начальника, но таков был порядок. Вспомним, что в 1837 г. Лермонтов «приехал в Ставрополь совсем без вещей, которые у него дорогой были украдены»³³⁸, и поэтому явился к начальству не тотчас по приезду в город, а когда мундир и другие вещи были приготовлены, за что он получил выговор, так как в штабе нашли, что он должен был явиться, в чем приехал»³³⁹.

Во-вторых, офицер **не мог не располагать** мундиром полка, в котором служил, пускай в поход он его не брал. Например, из дневника Н. В. Симановского³⁴⁰ видим, что мундиры привезли только 9 или 10 июня 1837 г., лишь спустя месяц после начала похода, и, очевидно, одним только прикомандированным к отряду гвардейцам.

«В то время, – вспоминала Э. А. Шан-Гирей, – в торжественные дни, все военные должны были быть в мундирах; а так как молодежь, отпускаемая из экспедиции на самое короткое время отдохнуть на воды, мундиров не имела, то и участвовать в парадном балу не могла...»³⁴¹. Однако, это означает не то, что у Лермонтова не было полкового мундира вообще, а лишь то, что на бал в Кисловодск (август 1840 г.) он приехал без него. Исходя из других источников, можно полагать, что на балы и в Пятигорске только все «желающие танцевать должны были явиться в мундирах; прочие, кому здоровье не позволяло наряжаться, могли быть в сюртуках»³⁴². Причем, все это были строгости местного начальства: сам Государь в июне 1837 г. дозволил штаб- и обер-офицерам на минеральных водах ходить в сюртуках и фуражках³⁴³. А присутствовать на балу кавказский офицер мог в сюртуке и ... ермолке³⁴⁴.

В-третьих, в Москве во время отпуска Лермонтов «носил пехотную армейскую форму», и В. И. Красов запомнил его в «армейском мундире и с кавказским кивером»³⁴⁵.

³³⁵ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 321.

³³⁶ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 397. «Вообще, офицеры ... не любили стеснять себя: явиться, например, к начальнику в домашнем костюме, т. е. ... без эполет ... без сюртука, в каком-нибудь домашнем архалуке ... не считалось предосудительным» (Петров А. История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича полка. – Петровск, 1892. – С. 132).

³³⁷ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказ. сб. – Тифлис, 1895. – Т. 16. – С. 187; Записки И. П. Дубецкого // Рус. старина. – 1895. – № 6. – С. 139, прим. 1.

³³⁸ Это случилось в Тамани. Произошедшие там события поэт позднее красочно описал в одноименной повести (Захаров В. Заметки к биографии М. Ю. Лермонтова. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 24). Факт кражи вещей у Лермонтова (в «Тамани» перечислены шкатулка, шашка и кинжал) подтверждает в письме отцу Николай Мартынов (5 октября 1837 г.): «...Его обокрали по дороге» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. – С. 109).

³³⁹ Цит. по: Захаров В. А. Две поездки М. Ю. Лермонтова на Кубань // Рус. лит. – 1983. – № 4. – С. 144. Деньги на пошив формы (1050 руб.) Лермонтову одолжил П. И. Петров (Захаров В. А. Лермонтов на Кубани. – М., 1998. – С. 20).

³⁴⁰ Симановский Н. В. Указ. соч. – С. 198-200, 208, 212.

³⁴¹ Шан-Гирей Э. Еще о Лермонтове // Рус. архив. – 1887. – № 11. – С. 438. См.: Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. – Ставрополь, 1974. – С. 165. Дата бала иногда оспаривается лермонтоведами.

³⁴² Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 211.

³⁴³ Полное Собрание Законов Российской империи. – Собр. 2. – СПб., 1837. – Т. 12. – № 10441. – Отд. 1.

³⁴⁴ Заславский И. Я. Три сюжета из ознобишинского архива // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 263.

³⁴⁵ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 163, 380.

Сюртук Лермонтова очевидцы прямо называли принадлежащим к полковой форме³⁴⁶. Наконец, то, что мундиром своего полка Лермонтов все же располагал, следует из цитированного выше отрывка описи его вещей.

3. **Верхняя одежда**: № 43-44. «Шинель светлосерого сукна с красным воротником летняя на демикатоновой подкладке», «Таковая же на вате светлосерого сукна с бобровым воротником подкладка таковая же» (зимняя «Николаевская» шинель).

Форменная шинель имела висячий «большой воротник» (пелерину) и стоячий «малый воротник». В январе 1841 г. длина пелерины, «начиная от нижнего края малого воротника», была ограничена размерами в «только один аршин»³⁴⁷. Лермонтов, по словам П. И. Магденко, «имел обыкновение отгнать воротник» не только на сюртуке, но и на своей шинели³⁴⁸.

Зимний шинельный воротник из меха бобра пользовался популярностью. Бобровый воротник на зимнюю шинель заказывал себе примерно за 100 руб. А. Бестужев после производства в офицеры³⁴⁹. Среди вещей корнета Гуриела значилась «шинель старая с бобровым воротником и шелковой подкладкою» (1840 г.)³⁵⁰. В черновиках «Набега» (1852 г.) Л. Н. Толстой описывает генерала (А. И. Барятинский), который, «увернувшись в шинель с бобровым воротником ... представлял из себя ... живописную картину»³⁵¹.

III. Рубашки и белье

№ 50, 52, 59, 60, 53, 54, 65, 58, 63, 64, 55, 56. «Рубашек канаусовых старых» семь. Именно эти рубахи Лермонтов надевал под свой сюртук. «Холщовых белых старых» рубах две. «Фланелевая длинная» рубаха. Фланелевые, холщевые, холстинковые или лосинные подштанники и пять фуфаек (три фланелевые, летняя канифасовая и лосинная). В придачу – нитяные (12 пар) или шерстяные (3 пары) носки и носовые платки из цветного шелка (8) или белого батиста (5).

IV. Брюки

1. № 33. «Брюк одни новые другие поношенные суконных форменных» двое. Форменные панталоны офицеру полагались зимние (темно-зеленые с красной выпушкой по боковым швам) и летние (белые полотняные или замшевые; по уставу они носились с 15 мая по 15 сентября).

2. № 34-36, 51. «Шаровара поношенные», «Таковые же верблюжьи старые», «Таковые-же Серого Сукна поношенные», «Шаровара летние белые». Среди шаровар упоминаются очень популярные на Кавказе среди офицеров желтые шаровары из лезгинского «верблюжьего» сукна, с прорезными карманами, непременно на шелковом очкуре (поясном шнуре)³⁵².

V. Предметы кавказского костюма

1. **Черкесское платье**: № 38, 40. «Черкеска простого темного сукна», «Бешмет Белый каленкоровый (коленкор – тонкая бумажная ткань. – М. Н.)».

Первым делом прибывшие на Кавказ офицеры покупали себе («разумеется, втридорога», скептически отмечал очевидец) бурку (в непогоду ее носили вместе с шинелью), башлык, папаху и шашку. Не менее модным у офицеров было полностью

³⁴⁶ Лорер Н. И. Записки моего времени: Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. – М., 1988. – С. 510.

³⁴⁷ Полное Собрание Законов Российской империи. – Собр. 2. – СПб., 1842. – Т. 16. – № 14214. – Отд. 1.

³⁴⁸ Магденко П. Михаил Юрьевич Лермонтов в июне 1841 г. // Рус. старина. – 1879. – № 3. – С. 527.

³⁴⁹ Трудные годы: Декабристы на Кавказе. – Краснодар, 1985. – С. 160.

³⁵⁰ ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 23. Л. 43 об.

³⁵¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. – М., 2002. – С. 286.

³⁵² Воспоминания Г. И. Филипсона. – С. 90, 114; Из записок князя Амилахвари. – С. 29-30, 39; Каченовский В. Л. Первое знакомство с Кавказом: От Червленной до Хасав-Юрта. 1846 // Воен. сб. – 1863. – № 7. – С. 160; Корнилова А. В. Указ. соч. – С. 384; Нечитайлов М. В., Стецов В. В. От идеи к реальности: (К вопросу об эволюции русского мундира в Кавказской войне) // Воин. – 2003. – № 11. – С. 84; Гейман В. А. Указ. соч. – С. 273.

одеваться по-черкесски³⁵³, «и никто не находил этого неправильным». «Большая часть офицеров, особенно приезжих, – свидетельствовал Г. И. Филипсон, – носили этот костюм если не публично, то по крайней мере в своей квартире»³⁵⁴. «Пестрота одежды, форм, моды чрезвычайно разительна в Пятигорске, оттого что, кроме русского и европейского покроя, можно видеть и азиатский, – вторил ему служивший там А. Е. Розен. – ...Офицеры в черкесском наряде гарцуют на славнейших черкесских конях»³⁵⁵. Правда, в боевых условиях офицеры с одеждой «национального черкесского костюма»³⁵⁶ старались надевать форменную фуражку, чтобы свои же солдаты не приняли за горца³⁵⁷. Вспомним Печорина, которого казаки «по одежде приняли ... за черкеса». При иных обстоятельствах такая встреча могла закончиться трагически, в лучшем случае – трагикомическим образом. Отсюда и принимаемые меры предосторожности.

Лакеи, камердинеры, повара вслед за своими господами рядились в черкески и папахи³⁵⁸. «Люди» Лермонтова (два наемных слуги) и А. А. Столыпина тоже были одеты «по-кавказски, ... в папахах и черкесках верблюжьего сукна», «с шашками и кинжалами», как сообщает встретивший их на пути из Ставрополя в Георгиевск П. И. Магденко³⁵⁹. Г. Г. Гагарин зарисовал слугу Лермонтова, Х. Д. Саникидзе, в этой желтой (верблюжьей) черкеске с зелеными сафьяновыми газырями (1841 г.)³⁶⁰.

Причину перехода на местные образцы угадать нетрудно: они были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны. Изящный дизайн костюма, наиболее удовлетворяющий эстетике мужской фигуры³⁶¹, формировал своего рода культ мужественности, таивший скрытую агрессию³⁶². «Мужская одежда у черкес, – сообщал Хан-Гирей, – красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе...»³⁶³.

Усвоение солдатами и офицерами комплекса горской мужской одежды и оружия было связано с тем, что он максимально отвечал тактике мобильных действий бойца-одиночки, был приспособлен «как нельзя лучше к наездничеству и к конной драке»³⁶⁴. Особенно черкесскую одежду ценили офицеры и казаки «как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна»³⁶⁵. Походный мужской костюм оказался предельно

³⁵³ Шимановский Н. В. Арест Грибоедова // Грибоедов А. С. Сочинения. Воспоминания современников. – М., 1989. – С. 443-444.

³⁵⁴ Воспоминания Г. И. Филипсона. – С. 93; Захаров В. А. Загадка последней дуэли. – С. 283 («Герзель-аул» Н. С. Мартынова; феска, впрочем, к элементам кавказского костюма не относится – ее случайное появление у адыгов (Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. – Краснодар, 1996. – С. 281) следует объяснять турецким влиянием); Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 444.

³⁵⁵ Розен А. Е. Записки декабриста. – СПб., 1907. – С. 249.

³⁵⁶ Цит. по: Туганов Р. У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. – Нальчик, 1998. – С. 50.

³⁵⁷ Кавказцы: (О малоизвестном очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец») // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 135, рис.; Каченовский В. Л. Указ. соч. – С. 168.

³⁵⁸ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 477; Записки И. П. Дубецкого // Рус. старина. – 1895. – № 4. – С. 138. «Простой народ в Ставрополе и вообще в Кавказской области носит черкесское платье», – замечал современник (цит. по: Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. – Ставрополь, 1963. – С. 119). Ср.: Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне: (Очерки хозяйства, культуры и быта). – Минеральные Воды, 1994. – С. 92.

³⁵⁹ Магденко П. Указ. соч. – С. 527.

³⁶⁰ Корнилова А. В. Григорий Гагарин: Творческий путь. От романтизма к русско-византийскому стилю. – М., 2001. – С. 116.

³⁶¹ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С. 136; Ткачев Г. А. Станица Червленая: Ист. очерк. Вып. 1. – Владикавказ, 1912. – С. 113.

³⁶² Ср.: Абдулвахובה Б. Б. Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI – начале XIX в. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2002. – С. 126; Дмитриев А. В. Клиники Златоуста // Военно-ист. журн. – 1993. – № 12. – С. 77.

³⁶³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978. – С. 240.

³⁶⁴ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. – СПб., 1871. – С. 64.

³⁶⁵ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – СПб., 1858. – С. 199.

целесообразным в своей функции при относительной конструкционной простоте составляющих элементов. В этой красоте³⁶⁶ и одновременно простоте и надежности кавказской одежды (см. ниже слова Печорина) – залог ее исключительной популярности среди военнослужащих ОКК³⁶⁷.

Черкесская одежда, оружие, сбруя и конь составляли «предмет военного щегольства», пользуясь уважением и предпочтением³⁶⁸. Так, лермонтовский герой Г. А. Печорин в «черкесском костюме верхом»³⁶⁹ был «совершенный денди: ни одного галуна лишнего, оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, ни слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая»³⁷⁰.

Интересно, что английский исследователь Ч. Тернер считал черкесский костюм Печорина (упоминаемый также во время его службы в крепости³⁷¹, хотя и не «на свадьбе в горном ауле», как полагала О. В. Миллер) свидетельством его недостоверности, фальши, зафиксированной в дневнике³⁷². Однако, не говоря уже о том, что офицеры на Кавказе часто одевались по-черкесски (см. выше), в печоринском костюме мы видим почти дословное совпадение с предметами из гардероба автора. Этот факт – новое подтверждение того обстоятельства, что «автобиографическая основа образа Печорина явно давала себя знать», воплощая «существенные стороны»³⁷³ образа мыслей и некоторые черты облика самого Лермонтова. Кроме того, отмечал С. Н. Дурылин, как показывает изучение обширного исторического и бытового материала, относящегося к эпохе и месту действия «Героя нашего времени», Лермонтов строил образ Печорина, все другие образы романа, весь его бытовой фон и сценарий действия на точном основании и изучении действительности 1820-1830-х гг.³⁷⁴

«Совершенный денди» стремился подражать черкесскому щегольству. По словам А. Л. Зиссермана, Кабарда «искони считалась на всем севере Кавказа образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами...; отсюда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки»³⁷⁵. Кавказский денди («франт, щеголь») носил черкесскую одежду с такой же аристократической изысканностью, как фрак или военный мундир.

«Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, – признавался Печорин, – как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский

³⁶⁶ Мужчин-горцев одевали с ног до головы женщины, и во всех результатах их труда был «виден тонкий вкус и отличное практическое приспособление» (Дубровин Н. Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2002. – С. 188-189).

³⁶⁷ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия»: Ист. чтения. – СПб., 2001. – С. 61-63; Заседателева Л. Б. Культура и быт северокавказского казачества // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 40; Очерки традиционной культуры казачеств России. – М.; Краснодар, 2002. – Т. 1. – С. 42; Фролов Б. Е. Об адыгском влиянии на оружие черноморских казаков // Фольклорно-этногр. исслед. этнических культур Краснодар. края. – Краснодар, 1995. – С. 78-80, 86.

³⁶⁸ Назарова И. М. К вопросу о межнациональных отношениях на Северном Кавказе // Региональные проблемы исторической науки. – Ставрополь, 1998. – С. 36.

³⁶⁹ См.: Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. – Л., 1975. – С. 206-208.

³⁷⁰ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. – С. 81.

³⁷¹ «Он ... оделся по-черкесски, вооружился...» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 232).

³⁷² Миллер О. В. Английский исследователь о романе М. Ю. Лермонтова // Рус. лит. – 1980. – № 4. – С. 206.

³⁷³ Лермонтовская энцикл. – С. 24.

³⁷⁴ Дурылин С. Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. – М., 1941. – Сб. 1. – С. 241-242.

³⁷⁵ Зиссерман А. Л. 25 лет на Кавказе. Ч. 2. – С. 382. Ср.: Арнольди М. О. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890. – С. 13.

лад»³⁷⁶. Один из его коней черкесской породы носит имя Черкес. Точно так же звали и серого скакуна самого Лермонтова, купленного тотчас по приезду в Пятигорск (1841 г.). В описи вещей Лермонтова значится «Седло Черкесское простое с прибором» (№ 99)³⁷⁷.

Линейные казаки, по словам современников, успешно соперничали с горцами в искусстве верховой езды³⁷⁸. «Мчится он (казак. – М. Н.) обыкновенно пригнувшись к шее лошади, на которой сидит так же свободно и покойно, как бы сидел на мягком диване»³⁷⁹, – восхищался А. П. Беляев. Армейские офицеры, как мы видим на примере Печорина (и самого Лермонтова – великолепного всадника)³⁸⁰, с таким же успехом конкурировали с казаками.

И. Березин, путешественник по Кавказу начала 1830-х гг., описывал свои впечатления от встречи с офицером в горском костюме. «Не правда-ли, вы ожидаете от меня громких фраз, неистового изумления, вы уже приготовлены к сцене первой встречи с Черкесом?.. И точно: удивление мое чуть не превратилось в столбняк, только совсем от другой причины. Отчаянный наездник, безукоризненный Горец заговорил самым чистым велико-русским наречием: это был русский офицер, по каким-то делам приехавший из соседнего отряда. Кто же знал, что русские офицеры умеют маскироваться Горцами и притом так искусно, что “путешественник по Востоку” может принять их за чистых Черкесов?»³⁸¹ Разумеется, офицер старался передо мною, как перед новичком, показать всю роскошь своего горского костюма, все удобства черкесского облачения, но я, профан, никак не мог взять на первый раз в толк, отчего чевяки, башмаки без толстой подошвы и каблуков, лучше наших сапогов, почему шашка рубит сильнее, чем сабля, отчего седло с деревянными уключинами спереди и сзади удобнее чисто кожаного, какое преимущество имеют широкие неуклюжие стремяна Горцев перед нашими, и многое другое, чем офицер так гордился. Мне казался странным русский человек в черкесском наряде, и я пятился от него, будто от иноземца, между тем как офицеры Низового укрепления с восторгом созерцали его драгоценный кинжал и его бесценную шашку»³⁸².

В лермонтовском очерке «Кавказец» (1841 г.)³⁸³ был выведен обобщенный типаж такого кавказского офицера, «представителя определенного социального разряда людей»³⁸⁴, обрисован с натуры его быт, а также представлена психологическая эволюция

³⁷⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 296.

³⁷⁷ Дуэль Лермонтова с Мартыновым: (По материалам следствия и военно-судного дела 1841 г.). – М., 1992. – С. 35.

³⁷⁸ Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско. – Краснодар, 1996. – С. 194; Филин М. Д. Люди императорской России: (Из архивных разысканий). – М., 2000. – С. 190-191.

³⁷⁹ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Красноярск, 1990. – С. 268.

³⁸⁰ «...Все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нем ... качества бесстрашного, лихого и неутомимого ездока-джигита», – передавал В. И. Чилаев (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 329). См. об образе коня в творчестве Лермонтова: Найдич Э. Этюды о Лермонтове. – СПб., 1994. – С. 199-207. О верховых прогулках Лермонтова см.: Маркелов Н. Кавказскими маршрутами поэта // Ставрополье. – 1979. – № 3. – С. 60.

³⁸¹ Ср.: «...Один из моих спутников остановился перед окном в полном черкесском одеянии. Синий кафтан был надет сверх желтого архалука из шелковой материи, ременной кушак перетягивал стройную талию, за пояс были заткнуты пистолет и кинжал в серебряной оправе, ружье висело за спиной, и белая косматая шапка на черных волосах дополняла одежду моего спутника и так согласовывалась с его выразительным грузинским лицом, что трудно было узнать в нем русского офицера (выделено нами. – М. Н.)» (Ган Е. Воспоминания Железноводска // Ставроп. хронограф на 2004 год. – Ставрополь, 2004. – С. 324).

³⁸² Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань, 1850. – Ч. 1. – С. 58. См.: Виноградов А. В., Виноградов В. Б. «Настоящий кавказец» и его прототипы // Вопросы северокавказ. истории. – Армавир, 1997. – Вып. 2. – С. 55-56.

³⁸³ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. – М.; Л., 1937. – Т. 5. – С. 322-325.

³⁸⁴ Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. – Воронеж, 1973. – С. 625, 630 («предельно обобщенный социальный тип кавказского армейского офицера»).

этого «чернорабочего войны». «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское», – писал Лермонтов. «Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая *гурда*; кинжал – старый *базалай*³⁸⁵, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает; лошадь – чистый *Шаллох*³⁸⁶ и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев»³⁸⁷.

Следует уточнить, что Лермонтов имел в виду под «гурдой» клинок шашки с клеймом гурда, редкое и дорогое, но качественное («настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется») оружие³⁸⁸. Столь же характерны были для горца крымское ружье и пистолет³⁸⁹.

Истинному кавказцу, продолжал Лермонтов, присуще было «сильное предубеждение против шинели в пользу бурки³⁹⁰; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает – ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским³⁹¹ и портретом Ермолова³⁹², не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую Андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением».

Отметим, что мастера дагестанского аула Анди славились своим ремеслом «по всему Кавказу за лучшие». Белые и светлые бурки делали они, как правило, штучно – для знатных заказчиков. «Андийские бурки были легкими, служили отличной защитой от холода и непогоды, выдерживали сабельные удары и даже защищали от пуль». Учитывая, что «казаки и русские офицеры на Кавказе ... отдают предпочтение бурке», андийские изделия пользовались большим спросом. Цена таких бурок достигала 25 и даже 40 руб. серебром³⁹³.

³⁸⁵ «Это название, – писал Г. Н. Прозрителев, – явилось синонимом хорошего кинжала» (Сабли рая. – С. 3). Кинжалы эти «так редки, что немногим удавалось даже видеть их (так настоящий ли кинжал Базалай был у героя Лермонтова? – М. Н.), и большинству они известны были только понаслышке» (Потто В. А. Кавказская война. – Ставрополь, 1994. – Т. 4. – С. 549). См.: Березин И. Указ. соч. – С. 102 (хороший базалаевский кинжал стоил около 10 руб. серебром); Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. – С. 43-44.

³⁸⁶ Шаллох – питомец конного завода узденей Малой Кабарды Шолоховых. Эти лошади примечательны «по особому образованию копыт, целых, без заднего разреза». См.: Забудский. Обзорение Кавказского края по северную сторону главного хребта в историческом, топографическом и статистическом описаниях. Ч. 2. Ставрополь, 1914 // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Вып. VIII. 1915. – Ставрополь, 1916. – С. 78; Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. – М., 2004. – С. 113. Кабардинские лошади славились по всему Кавказу; кроме Шаллоха, Лермонтов упоминает породы Грам и Лоов.

³⁸⁷ Лермонтов М. Ю. Кавказец. – С. 323.

³⁸⁸ Подробнее см.: Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 31; Асхабов И. Чеченское оружие. – М., 2001. – С. 63-73; Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. – СПб., 1851. – С. 80; Русские на Кавказе: Эпоха Ермолова и Паскевича. – СПб., 2004. – С. 307; Фролов Б. Е. Европейское холодное оружие в Кавказском линейном казачьем войске // Материалы заседания, посвящ. 30-летию научно-творческой, пед. и обществ. деятельности школы академика В. Б. Виноградова (1964-1994). – Армавир, 1994. – Ч. 2. – С. 39.

³⁸⁹ О крымских ружьях на Кавказе см.: Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 42-44; Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; Комментар. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – СПб., 1996. – С. 276-277.

³⁹⁰ Довольно странно, что в описи вещей гардероба Лермонтова бурка не упоминается.

³⁹¹ Ср.: Левкович Я. Л. К цензурной истории сочинений А. А. Бестужева // Лит. наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 295-296.

³⁹² Маркелов Н. В. Пушкин и Северный Кавказ. – М., 2004. – С. 131-132.

³⁹³ Джахиева Э. Г. Из истории экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII – первой трети XIX в. // Вопросы северокавказ. истории. – Армавир, 2004. – Вып. 9.

Пресловутая бурка, по словам Э. Г. Герштейн, «несет в лермонтовском описании особые художественные функции. Она неудобна, но играет роль **фетиша** (выделено нами. – М. Н.) для кавказца по той же причине, по какой он “говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна”, “хотя порой служба ему очень тяжела”³⁹⁴. По тем же мотивам он упрямо читает Марлинского и “говорит, что это очень хорошо”, но “в экспедиции больше не напрашивается”³⁹⁵.

Тем не менее, соглашаясь с определенной ритуализацией образа бурки у Лермонтова, уточним, что в корне неверно называть данный предмет «неудобным». То, что дождь льет за воротник, ничего не говорит о бесполезности вещи – герой автора всего лишь забыл надеть вместе с буркой еще и башлык, каковым горцы надежно укутывали голову и шею в непогоду³⁹⁶. Сама же бурка на протяжении военных действий всегда служила незаменимым и удобным предметом (и не только на Кавказе). В горах она заменяла походную постель и одновременно одеяло офицерам, ночевавшим на земле³⁹⁷, спасая их от холода и сырости, и выражения «прилег на бурке»³⁹⁸ или «разостлали свои бурки»³⁹⁹ вошли в летописи Кавказской войны. Более того, в столкновении бурка могла ослабить и удар шашки⁴⁰⁰, а во время сна запах бараньей шерсти отгонял от владельца бурки змей, распространенных на Кавказе⁴⁰¹.

«Художественной деталью, вобравшей в себя это стойкое исповедание уже обманувшего символа веры, – продолжала Э. Г. Герштейн, – и является его подчеркнутая кавказская одежда...»⁴⁰². Но главный вывод автора, о том, что во всем «виноваты были политический режим и система воспитания, проводимые Николаем I», безусловно, не соответствует исторической действительности. Повторяем, что есть более простое объяснение неудобствам бурки – «кавказец» всего лишь забыл или не захотел (мода, желание щегольнуть?) присоединить к ней капюшон-башлык, который и закрывал голову и шею от дождя.

В целом, изучая текст «Кавказца», создается впечатление, что у Лермонтова, как и многих его современников, чрезмерное увлечение местными обычаями и стремление русских кавказцев стать «восточнее» самих горцев подчас вызывало оправданные насмешки и иронию.

В «Герое нашего времени» отношение к подобной моде высказано еще нейтрально. Так, Печорин говорит, что «в черкесском костюме верхом я больше [вариант:

– С. 36-37; Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С. 239; Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., 1847. – Паг. 1-я. – С. 44-46.

³⁹⁴ См. реакцию современников, поклонников творчества А. А. Бестужева-Марлинского, на реалии службы на Кавказе (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. – С. 172-173, 380-381) и перемену отношения А. С. Пушкина, столкнувшегося с результатами политики А. П. Ермолова, к его личности и деятельности (Виноградов В. Б. Пушкинская Кубань: (Историко-литературовед. этюды). – Армавир, 1999. – С. 38-49; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX): Полемические этюды. – Армавир, 1996. – С. 50-51).

³⁹⁵ Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова [1-е изд.] – М., 1964. – С. 358; [2-е изд.] – С. 204.

³⁹⁶ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45, 97, 245; Гакстаузен Ф., фон. Закавказский край. – СПб., 1857. – Ч. 1. – С. 15; Хан-Гирей. Указ. соч. – С. 241; *Hommage de Hell. Situation des Russes dans le Caucase // Revue de l'Orient.* – 1841. – Т. 4. – Р. 158.

³⁹⁷ Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна // Рус. старина. – 1900. – № 3. – С. 678; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. – С. 43.

³⁹⁸ Цит. по: Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. – С. 81.

³⁹⁹ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805-1850. – СПб., 1882. – С. 419.

⁴⁰⁰ Корганов А. С. История 45-го драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка. – Тифлис, 1884. – С. 13.

⁴⁰¹ Грозова И. Дневник офицера // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. – СПб., 2000. – С. 399.

⁴⁰² Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 358; [2-е изд.] – С. 204-205.

«совершенно»]⁴⁰³ похож на кабардинца, чем многие кабардинцы»⁴⁰⁴. Но в «Кавказце» уже налицо сарказм и скепсис по отношению к «азиатским» обычаям среди офицеров⁴⁰⁵. «Весь очерк выдержан в сатирическом духе», – отмечал Л. П. Семенов⁴⁰⁶. Другие исследователи также признают, что для очерка «характерно слегка ироническое, окрашенное легким юмором отношение к изображаемым человеческим “особям” и “видам”»⁴⁰⁷. Здесь Лермонтов «иронизирует»⁴⁰⁸, пишет «с мягкой иронией, а подчас и с сарказмом»⁴⁰⁹. «В деле разрушения кавказской романтики»⁴¹⁰ поэт воспользовался страшным орудием «современной образованности» – иронией⁴¹¹. Образ героя «Кавказца», указывал Н. Г. Охотин, «снижен у Лермонтова еще больше, чем в очерке» В. В. Львова «Армейский офицер» (вышел в той же серии, «Наши, списанные с природы русскими», 1842 г.), породившем «обвинения в злостной карикатурности». Но «сатира не характеристика, и карикатура не тип», – писал об очерке Львова рецензент «Русского вестника»⁴¹².

Не находим подтверждения гипотезе, высказанной П. А. Вырыпаевым⁴¹³, что прототипом «кавказца», будто бы описанного «с большим сочувствием к его трудной доле», стал П. П. Шан-Гирей. До прославления и опального генерала (А. П. Ермолова), и офицеров его закалки в этом очерке очень далеко⁴¹⁴. Не забудем, что Лермонтов оставался гвардейским офицером⁴¹⁵, всегда с иронией⁴¹⁶ и чувством превосходства⁴¹⁷ взиравшим на «пехотного армейского офицера»/«кавказского армейца»⁴¹⁸, да еще и «в весьма не щеголеватой армейской форме»⁴¹⁹, даже когда в таковой роли он очутился сам⁴²⁰.

⁴⁰³ Аналогичный оборот использует А. В. Дружинин, описывая своего героя, А. А. Оленинского: «...Молодой человек лет двадцати-трех, по одежде, посадке и вооружению совершенно похожий на кабардинца» (Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 2. – С. 5).

⁴⁰⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 295-296, 507.

⁴⁰⁵ Он же. Кавказец. – С. 322-325. См.: Келли Л. Лермонтов. – М., 2006. – С. 152.

⁴⁰⁶ Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. – Пятигорск, 1939. – С. 149.

⁴⁰⁷ Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 630.

⁴⁰⁸ Вырыпаев П. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. – Воронеж, 1972. – С. 207-208.

⁴⁰⁹ Жданов Ю. А. Нерасторжимые звенья. – Ростов н/Д., 1984. – С. 154.

⁴¹⁰ Эйхенбаум Б. М. Л. Толстой на Кавказе, (1851-1853) // Рус. лит. – 1962. – № 4. – С. 55.

⁴¹¹ Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. – Л., 1940. – С. 164.

⁴¹² Наши, списанные с природы русскими: Прил. к факсим. изд. – М., 1986. – С. 28, 79.

⁴¹³ Вырыпаев П. А. Указ. соч. – С. 204-209; [2-е изд.] – Саратов, 1976. – С. 145-148; Он же: Один из возможных прототипов «Кавказца» // Рус. лит. – 1964. – № 3. – С. 59; Лермонтовская энцикл. – С. 451, 618. – С. этой гипотезой соглашался и В. А. Мануйлов, полагавший, что «в собирательном образе Максима Максимила и в очерке «Кавказец» немало общего с личностью и судьбой П. П. Шан-Гирея» (Вырыпаев П. А. Лермонтов. – С. 13).

⁴¹⁴ Ср.: Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 354-365; [2-е изд.] – С. 202-208; Кавказцы: (О малоизвестном очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец»). – С. 132. Ряд исследователей придерживаются обратного мнения. См.: Андроников И. Л. Лермонтов. – М., 1951. – С. 277-280; Бескровная Е. А. Познание Кавказа: строки из писем А. А. Бестужева-Марлинского // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар; Армавир, 2004. – С. 62; Виноградов А. В., Виноградов В. Б. Дань лермонтовской судьбе: (Историко-литературовед. этюды). – Армавир, 2004. – С. 14-19; Виноградов В. Б., Гусева Н. А. Ф. Ф. Торнау (Торнов) – офицер-кавказовед, выразитель идей «РОССИЙСКОСТИ» // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Армавир, 2003. – Ч. 1. – С. 24. Ср.: Клычников Ю. Ю., Клычникова М. В. Северный Кавказ в русской литературе в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История и культура народов Северного Кавказа. – Пятигорск, 2005. – Вып. 1. – С. 32-33.

⁴¹⁵ «...Понаедут к нам целые легионы “гвардионцев”... шестьдесят наград отнимутся у наших многотерпцев-строевиков, для украшения этих “украсителей” модных салонов» (Ливенцов М. Указ. соч. // Рус. обозрение. – 1894. – № 8. – С. 698).

⁴¹⁶ Махлевич Я. Л. Мезонин у Нарзана. – Ставрополь, 1983. – С. 43.

⁴¹⁷ Туровский Н. Ф. Дневник поездки по России в 1841 году // Ставроп. хронограф на 1997 год. – Ставрополь, 1997. – С. 242.

⁴¹⁸ Левина И. Н. Печорин: попытка самоопределения (некоторые особенности номинации в романе М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. – Ставрополь, 1996. – С. 132; Семенов Л. П. Указ. соч. – С. 110.

⁴¹⁹ Щеголев П. Е. Указ. соч. – С. 368. Язвительный словесный рисунок «армейского пехотного мундира» Лермонтов оставил в своем романе. См.: Шанский Н. М. Читая и перечитывая Лермонтова // Русский язык в школе. – 1984. – № 4. – С. 70-71. Мода на ношение эполет «в виде крылышек амура», т. е.

Безусловно, сам поэт не пренебрегал на Кавказе удобством горского костюма, адаптируясь к местным условиям – свидетельств тому немало. Так, например, 12 июля, вспоминая А. И. Арнольди, «Лермонтов подъезжал верхом на сером коне в черкесском костюме»⁴²¹. Но к болезненной, доходящей «до невероятия» страсти «кавказцев» перенимать все и вся у горцев, Лермонтов относился отнюдь не положительно, с оттенком сарказма. «Нужно сказать, – подтверждал Н. А. Кузминский⁴²², – что Лермонтов всегда посмеивался над теми из русских, которые старались подражать во всем кавказцам: брили себе головы, носили их костюмы, перенимали ухватки; последних в насмешку называл он *l'armee russe* («русская армия». – М. Н.)».

И именно в лице Н. С. Мартынова⁴²³ перед Лермонтовым явилась наивысшая степень подмеченного им⁴²⁴ явления, живая пародия на него. Вот почему внешний вид Мартынова в его «смешном костюме» (выражение А. С. Траскина)⁴²⁵, который «утрировал вкусы горцев», необычайно раздражал поэта. Иронизируя над Мартыновым, Михаил Юрьевич высмеивал не только лично его, но и всю *l'armee russe*, «полуазиатских, полурусских существ».

Еще один пятигорский знакомый Лермонтова, подпоручик Кабардинского егерского полка Н. П. Раевский, тоже носил черкеску и бешмет⁴²⁶. Однако, именно он и прозвал Мартынова⁴²⁷ денди «на черкесский манер». Это доказывает, что офицер, носящий черкесский костюм, и офицер – «настоящий кавказец» не одно и то же на Кавказе. Николай Павлович справедливо замечал, что «есть в этом (офицерском. – М. Н.) сословии (люди) намного более настоящие, чем те, кого слишком вульгарно награждают этим эпитетом. Кавказский корпус, конечно, включает их множество – что признают слишком редко, чтобы понять их...» (июнь 1840 г.)⁴²⁸.

В подтверждение этой мысли сошлемся на очерк «Кавказец», где страсть героя – армейского офицера ОКК – «ко всему черкесскому доходит до невероятия». Эта тяга к горским нравам и обычаям, по словам автора, и делает героя «настоящим кавказцем». Здесь Лермонтов сразу же проводит границу между характером штабс-капитана Максима Максимыча (из «Героя нашего времени») и собственно «настоящего кавказца»⁴²⁹. Первый

выгнутых вверх, получила распространение уже при Александре I (Таланов А. Кавалергарды, 1801-1825. – М., 1988. – С. 13).

⁴²⁰ Ср.: Файбисович В. Номер на пуговице // Родина. – 2000. – № 11. – С. 82, 86.

⁴²¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 273.

⁴²² Цит. по: Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 361 (Кузьминский); [2-е изд.] – С. 207 (Кузьминский). См. также: Чекалин С. В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С. 107.

⁴²³ Герштейн Э. Г. Указ. соч. [2-е изд.] – С. 269-270; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 337, 346, 351, 363, 533; Михайлова А. Новонайденное письмо о дуэли и смерти Лермонтова // Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952. – С. 489; Павлов Д. М. Дуэль Лермонтова // Лермонтовский текст. – С. 220-221. Мартынов носил не форму Гребенского полка, как считается (Очман А. В. Новый Парнас. – Пятигорск, 2002. – С. 206), а вседневный казачий (= горский) костюм.

⁴²⁴ Причем совсем недавно – «Кавказец» предположительно был закончен в начале 1841 г.

⁴²⁵ Вацура В. Э. Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова: (Письмо А. С. Траскина к П. Х. Граббе) // Рус. лит. – 1974. – № 1. – С. 117.

⁴²⁶ Чекалин С. В. Лермонтов. Знакомая с биографией поэта... – М., 1991. – С. 112.

⁴²⁷ А. П. Смольянинов приводил сомнительный, но характерный факт о внешнем облике отставного майора: «Мартынов носил на себе бурку и имел пистолет» (Мануйлов В. Отклик современника на смерть Лермонтова // Лит. наследство. – М., 1948. – Т. 45-46. – С. 724).

⁴²⁸ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. – С. 215-216 (пер. с фр.).

⁴²⁹ См. обзор мнений по проблеме: Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 626-628. К большому нашему сожалению, статья Б. С. и В. Б. Виноградовых («Кавказец» М. Ю. Лермонтова // Изв. Чечено-Ингуш. научно-исслед. ин-та ист., яз. и лит. – Грозный, 1968. – Т. 5, вып. 3. – С. 61-72) осталась нам недоступной. Ряд исследователей сближает или отождествляет образ «настоящего кавказца» из очерка Лермонтова с фигурой Максима Максимыча. См.: Ашхотов Б. Г. М. Ю. Лермонтов и Кавказ // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. – Ставрополь, 1998. – Ч. 1. – С. 25; Дурылин С. Н. «Герой нашего времени». – М., 1939. – С. 112 (цит. по: Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. – М., 1965. – С. 27); Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. – М., 1982. – С. 92; Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; Комментар. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – С. 37-38,

хорошо знает нравы и обычаи горцев, поддерживает с ними деловые и торговые отношения. Но Максим Максимыч никому не подражает и остается самим собой – простым, но в то же время здравомыслящим, душевным и благородным русским офицером⁴³⁰. «Это тип чисто русский...», – справедливо признавал В. Г. Белинский⁴³¹. И, продолжая его мысль, добавим – кое в чем тот же тип офицера, который изображен в профиль на паленовском портрете (ср. слова А. А. Блока). В то же время у недалекого и малообразованного «настоящего кавказца» подражание всему черкесскому укладу носит поверхностный характер. Максим Максимыч и «кавказец», по справедливому выражению Э. Э. Найдича, «два человека, отличающиеся друг от друга разной степенью отсталости, характерами и отношением автора»⁴³². Эти различия проходят через весь очерк.

И в этом ироническом отношении к «татаромании» «настоящих кавказцев» Лермонтов был не одинок. Выше приводилась реакция «заезжего» из России И. Березина на подобное слияние «черкесского с нижегородским». До нас дошел один из вариантов карикатур на «существо полурусское, полуазиатское» – шарж на гвардейского драгунского поручика князя П. А. Урусова, исполненный, вероятно, Д. П. Паленом (1841 г.). Накинута на плечи короткая бурка, кинжал, два пистолета и шашка курьезно сочетались со «вздернутым славянским носом Урусова, его бородой, подстриженной “*a la мужик*”, и простой армейской фуражкой»⁴³³.

Еще раньше А. И. Полежаев в поэме «Эрпели» (1832 г.) тоже несколько скептически отзывался об офицерах «в доспехах горских», которые, смешавшись с мирными туземцами на марше, «заводят речи – на словах/ И пантомимой – о конях,/ Кинжалах, шашках...»⁴³⁴. Другой современник полагал, что «снисходительный взгляд начальства на форму одежды офицерства устранял всякое стеснение в этом отношении, и при встрече на улице иного офицера трудно было отличить от чеченца или духанщика». (А. В. Дружинин ехидно отмечал, что в Пятигорске «черкесски с патронами вижу я у одних ямщиков»⁴³⁵). Далее В. А. Полторацкий приводил ироничную зарисовку облика прапорщика Куринского егерского полка А. В. Пистолькорса, который «бросился в татароманию, т.е. свел куначество с мирными чеченцами, перенял от них одежду, посадку на коне, джигитовку и все прочие приемы». После чего «облачился с ног до головы в военные доспехи горского туалета, навесил на себя весь комплект азиатского оружия и, воссев на карего кабардинца, натянул поводья, дал плеть и, пронзительно гикнув по-чеченски, окончательное обрек себя в непобедимые джигиты»⁴³⁶.

Именно Пистолькорс (офицер храбрый и талантливый, но склонный к «татаромании») был изображен в «Набеге» (1852 г.) Л. Н. Толстого под именем поручика

253-254; Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Проза и письма / Коммент. Б. М. Эйхенбаума, В. А. Мануйлова – С. 488, 492; Лермонтовская энцикл. – С. 213; Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – С. 45-46, 128-129; Развитие реализма в русской литературе. – М., 1972. – Т. 1. – С. 209; Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 628-629. Тем не менее, некоторые авторы (Цейтлин А. Г. Указ. соч. – С. 27-29) признают значительные отличия портретов в «Кавказце» и «Герое нашего времени».

⁴³⁰ «...Познакомьтесь с ним получше, – и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нежное сердце бьется в железной груди этого по-видимому очерствевшего человека; вы увидите, как он каким-то инстинктом понимает всё человеческое и принимает в нем горячее участие..., – и вы от души полюбите простого, доброго, грубого в своих манерах, лаконического в словах Максима Максимыча. ...Этот добрый простак, который и не подозревает, как глубока и богата его натура, как высок и благороден он» (Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. – Л., 1941. – С. 43, 61). Ср.: Григорьян К. Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». – Л., 1975. – С. 252-253; Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – М., 1989. – С. 126-127, 130-132.

⁴³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. – М., 1954. – С. 205.

⁴³² Найдич Э. Э. Очерк Лермонтова «Кавказец» в свете полемики вокруг «Героя нашего времени» // Рус. лит. – 2001. – № 4. – С. 146.

⁴³³ Корнилова А. В. Кавказское окружение Лермонтова. – С. 388-390. Сходно описывал облик Мартынова К. Любомирский (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 463).

⁴³⁴ Полежаев А. И. Сочинения. – М., 1988. – С. 205, 218.

⁴³⁵ Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 2. – С. 207.

⁴³⁶ Воспоминания В. А. Полторацкого // Ист. вестник. – 1893. – № 2. – С. 380-381.

Розенкранца⁴³⁷. «На нем были черный бешмет с галунами, такие же ноговицы, новые, плотно обтягивающие ногу чевяки с чиразами (галунами. – М. Н.), желтая черкеска и высокая, заломленная назад папаха. На груди и спине его лежали серебряные галуны, на которых надеты были натруска и пистолет за спиной; другой пистолет и кинжал в серебряной оправе висели на поясе. Сверх всего этого была опоясана шашка в красных сафьянных ножнах с галунами и надета через плечо винтовка в черном чехле. По его одежде, посадке, манере держаться и вообще по всем движениям заметно было, что он старается быть похожим на татарина (горца-мусульманина. – М. Н.)»⁴³⁸.

«Капитан (поручик. – М. Н.) Розенкранц, – замечал французский журналист А. И. Делаво, – в особенности курьезный тип: это один из тех военных, которых множество в русской армии, воспитанных на романах Лермонтова и Марлинского, оставаясь ложным характером, но в остальном отважным и предприимчивым»⁴³⁹. Карикатурно-театральное воплощение русско-немецкого удальца-джигита опознали в рассказе Толстого и многие современники. Об этом рассказал А. Л. Зиссерман: «В его *Набеге* выведен поручик Розенкранц; до какой степени изображение верно, можно судить по тому, что, когда я в первый раз в Чечне выступил с отрядом и увидел штабс-капитана Пистолькорса, разъезжающего в шикарном черкесском костюме, со всеми ухватками чистокровного джигита, я не мог не подумать: да это Розенкранц, как есть, на чистоту, без прикрас. И некоторые из грозненских старожилов просто мне даже объявили, что Розенкранц Толстого и есть он, Пистолькорс; что с него-то портрет и писан. А таких **Пистолькорсов было не мало** (выделено нами. – М. Н.), и увлекались некоторые до того, что готовы были чуть не перейти в мусульманство и совсем очечениться...»⁴⁴⁰.

Как и Лермонтов, граф Толстой носил на Кавказе черкеску (черную), которая ему очень шла, и регулярно упражнялся в езде и джигитовке⁴⁴¹. Но «настоящим кавказцем» он не был и не мог стать. В своих рассказах Толстой иронизировал над теми, кто принимал позу героев произведений А. А. Бестужева-Марлинского⁴⁴². На Розенкранце разрядился иронический заряд авторской мысли о поклонниках Кавказа, сформировавшихся по книжным и изустным, дурно понятым и перетолкованным легендам⁴⁴³. Поручика Толстой характеризовал как одного «из наших молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову»⁴⁴⁴. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму Героев нашего времени, Мулла-Нуров и т. п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов. ... Он никогда не снимал с себя ... кинжала сверх рубашки, с которым он даже спать ложился». Розенкранц, по словам автора, считал «своей неперменной обязанностью» «казаться тем,

⁴³⁷ Блиева З. М. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век. – Владикавказ, 2003. – С. 155-156; Виноградов Б. С. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. – Грозный, 1959. – С. 54; Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 21. – М., 1985. – С. 105, 529, прим. 31.

⁴³⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 12-13.

⁴³⁹ Delaveau H. La litterature et la vie militaire en Russie. 1812. – Le Caucase. – La Crimee // Revue des Deux-Mondes. – 1856. – Т. 4. – Р. 787.

⁴⁴⁰ Зиссерман А. Л. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 327.

⁴⁴¹ Опульский А. И. Л. Толстой на Кавказе. – Орджоникидзе, 1960. – С. 30, прим. 2.

⁴⁴² Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. – М., 2002. – С. 469. Как заметил Е. Г. Вейденбаум (Кавказские этюды. Исследования и заметки. – Тифлис, 1901. – С. 311), «Кавказ вошел в моду в русском обществе с легкой руки Бестужева-Марлинского». Как признавался сам Лев Николаевич при появлении на Кавказе, сочинения Марлинского и Лермонтова – «вот все источники, которые я имел для познания Кавказа. ... Эти образы, украшенные воспоминанием, необыкновенно поэтически сложились в моем воображении» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 207). Но то, что в «Записках о Кавказе» осталось для автора воспоминанием «детства или первой юности», стало характерной чертой Розенкранца в «Набеге».

⁴⁴³ Ткачев А. Подпоручик Севастопольский. Мистерия войны // Воин. – 1996. – № 3. – С. 37.

⁴⁴⁴ «Ссылка на Лермонтова характерна; Толстой сам связывает с его именем свой рассказ» (Семенов Л. П. Лермонтов и Лев Толстой // Лермонтовский текст. – С. 33).

чем он хотел быть» – настоящим горцем⁴⁴⁵. Но «...всякий узнал бы в нем русского, а не джигита. Все было так, да не так»⁴⁴⁶.

Нельзя согласиться с высказываемым некоторыми исследователями мнением о том, что «страсть его ко всему кавказскому» спасала «настоящего кавказца» от «превращения в ... военную машину для реализации имперских планов»⁴⁴⁷. Напротив, данный очерк посвящен именно службисту на Кавказе⁴⁴⁸, будь он чиновником или военным. Как указывает Лермонтов, сам «настоящий кавказец» – лишь ложное подражание всему восточному, «существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес»⁴⁴⁹.

2. **Сафьяновые чувяки** черкесской работы, темно-красного цвета с серебряными позументами. Чувяки – горская обувь, мягкие сафьянные башмаки (туфли) без подошвы. «Они шьются обыкновенно несколько меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги подобно перчаткам, – описывал черкесские обычаи Ф. Ф. Торнау. – После того надевший новые чувяки должен лежать выждать, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чувяками впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва»⁴⁵⁰. Сам Торнау, тогда егерский подпоручик, износив в кампании 1832 г. сапоги, заменял их осетинскими чевьяками, указав на их преимущества при ходьбе в горах⁴⁵¹. Есть и другие сообщения о ношении чувяков (ошибочно названных «черевичками») и ноговиц (гетр) русскими офицерами на Кавказе⁴⁵².

Чувяки не значатся в описи, но были доставлены в Тарханы камердинером Лермонтова А. И. Соколовым и в 1883 г. переданы в Лермонтовский музей⁴⁵³.

3. **«Калмыцкий Ергак»**: № 48. Калмыцкий ергак (тулуп из пыжиковых, сурочьих шкур, шерстью наружу) был любимым зимним лагерным костюмом генерал-майора В. М. Козловского⁴⁵⁴. Ранее носил его и генерал-майор В. Д. Вольховский, обер-квартирмейстер ОКК⁴⁵⁵. Как мы видим, был ергак и у поручика Лермонтова.

VI. Предметы домашнего обихода

№ 39, 41-42. «Желет (жилет. – М. Н.) Шелковый Черный поношенный», «Халат Бохарский (бухарский. – М. Н.) кашемировый», «Халат Малашовый»⁴⁵⁶ на меху крымских (крымских. – М. Н.) Мерлушек». В быту (даже в походной палатке) господа офицеры предпочитали халат⁴⁵⁷, иногда поверх сюртука. Особенно комично он выглядел в сочетании с папачой⁴⁵⁸. В длиннополом халате или шинели у палатки в крепости Грозной показан один из приятелей Лермонтова поручик И. Я. Евреинов⁴⁵⁹ на рисунке из альбома

⁴⁴⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 13-14. Ср.: Жуков Д. А. Кавказская эпопея Л. Толстого // Жуков Д. А. Прозрения: Россия на Голгофе. – М., 1991. – С. 154.

⁴⁴⁶ Толстой Л. Н. Казаки; Хаджи-Мурат. – М., 1981. – С. 45.

⁴⁴⁷ Виноградов А. В., Виноградов В. Б. День лермонтовской судьбе. – С. 18. Ср.: Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». – Армавир, 2000. – С. 4; Мануйлов В. А. Указ. соч. – С. 46.

⁴⁴⁸ Исмаил-Заде Д. Настоящий кавказец // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 82.

⁴⁴⁹ См.: Найдич Э. Э. Указ. соч. – С. 144-146.

⁴⁵⁰ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 129.

⁴⁵¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Рус. вестник. – 1869. – Т. 80, № 3. – С. 107, 120-121.

⁴⁵² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; Комментар. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – С. 318-319.

⁴⁵³ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 164.

⁴⁵⁴ Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Рус. старина. – 1894. – № 1. – С. 136.

⁴⁵⁵ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. // Рус. вестник. – 1869. – Т. 80. – № 4. – С. 659.

⁴⁵⁶ П. К. Мартьянов, приводя эту опись («в деле Пятигорского комендантского управления, 1841 года, № 96»), называет халат «термаламовым» (Мартьянов П. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. – С. 99-100, прим. 2). Вероятно, перед нами более точная передача источника: термалама (тармалама), согласно В. И. Далу, это плотная шелковая или полупелюшковая ткань (яркой расцветки), идущая на халаты.

⁴⁵⁷ Из записок Н. В. Исакова. – С. 62.

⁴⁵⁸ Записки И. П. Дубецкого // Рус. старина. – 1895. – № 5. – С. 88; Лорер Н. И. Записки моего времени. – С. 456.

⁴⁵⁹ Корнилова А. В. Указ. соч. – С. 378.

П. А. Урусова. У самого Лермонтова в Пятигорске упоминается халат шелковый темно-зеленый, с узорами, опоясанный толстым шнурком с золотыми желудями на концах⁴⁶⁰.

VII. Другие предметы

1. № 37. «Эпалет мишурных пар три». Офицерам Тенгинского полка (как первого полка 1-й бригады 20-й пехотной дивизии)⁴⁶¹ полагались позолоченные эполеты с красным суконным полем, на коем имелась шифровка («20») из золотого шнурка. Как обер-офицер, Лермонтов носил эполеты без бахромы. Поскольку он был поручиком, на поле его эполет стояли три кованых серебряных звездочки (прапорщик отличался одной звездочкой).

Впрочем, на Кавказе эполеты и шарф надевались «в весьма редких случаях»⁴⁶², обычно только при представлении начальству⁴⁶³, да и то не всегда. Конечно, бывали исключения. Так, одна из картин Г. Г. Гагарина все же показывает эполеты на сюртуках офицеров пехоты и инженеров. Но это одно из редчайших свидетельств их употребления в походе⁴⁶⁴. Кроме того, при аресте казака «пуля сорвала эполет»⁴⁶⁵ с Печорина, стоявшего тогда на постое в станице.

Но для Кавказа более типично поведение штабс-капитана Максима Максимыча, который, направляясь к прапорщику Печорину только по делам службы, официально «надел эполеты, шпагу и пошел к нему»⁴⁶⁶. Герой новеллы А. В. Дружинина «Легенда о кислых водах» (1854) «надел форменный сюртучок, и ... кое-как застегнул его на три пуговицы, – о застегивании крючков воротника думать было нечего, ... надев перчатки, дополнил парадный кавказский наряд⁴⁶⁷ маленькою белою фуражкой... На пороге он вспомнил, что позабыл надеть эполеты, часть наряда, без которой **невозможно было делать первого визита на водах** (выделено нами. – М. Н.)»⁴⁶⁸.

2. № 70. «Шарф шерстяной красный». Имеется в виду шарф, которым укутывали шею в холода. Например, длинный вязаный шарф носил зимой генерал В. М. Козловский⁴⁶⁹.

3. № 72-73. «Шейных косынок шелковых черных» три, один «Платок бомажный шейный же». Такой черный шейный платок, завязанный узлом, показан на портрете Лермонтова кисти К. А. Горбунова и упоминается мемуаристами.

4. № 77. «Перчаток белых замшевых пар пять».

Прапорщик А. А. Бестужев заказывал себе в апреле 1837 г. «три пары лайковых и три пары тонких замшевых перчаток на небольшую руку, да два cols (воротничка. – М. Н.), деланных галстуха, нешироких, но подлиннее, с завязками из черной материи»⁴⁷⁰.

VIII. Снаряжение

1. № 74. «Портупей Четыре». Видимо, здесь перечислены вместе форменные и «черкесские» образцы.

⁴⁶⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 390.

⁴⁶¹ Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. – Тифлис, 1896. – Ч. 1-2. – С. 74, 84 (вместо 20-я дивизия, следует читать 21-я); Попов С. А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого: Полковые униформы. – М., 1995. Рукопись // ОПИ ГИМ. № НВ 6370. – С. 8.

⁴⁶² Зиссерман А. Л. Указ. соч. Ч. 2. – С. 187.

⁴⁶³ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 328; Милютин Д. А. Указ. соч. – С. 201.

⁴⁶⁴ Михайлова К. В., Смирнов Г. В. Живопись XVIII – начала XX века из фондов Государственного Русского музея. – Л., 1982. – С. 121, ил. 91.

⁴⁶⁵ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 365.

⁴⁶⁶ Там же. – С. 229.

⁴⁶⁷ Сарказм автора понятен, если вспомнить, что парадной формой являлся мундир, тогда полукафтан, а не сюртук.

⁴⁶⁸ Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. 2. – С. 29.

⁴⁶⁹ К. Летучий отряд в 1850-1851 г. // Кавказ. сб. – Тифлис, 1888. – Т. 12. – С. 378.

⁴⁷⁰ Семевский М. И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1797-1837): Ст. 3 // Отеч. записки. – 1860. – № 7. – С. 76.

2. № 75. Два «мишурных» темляка. Офицерский темляк был серебряным, с примесью черного и оранжевого шелка.

3. № 84. «Шарф Мишурный». Речь идет о форменном шарфе с пряжкой, которым опоясывались офицеры при исполнении служебных обязанностей. В июле 1837 г. «офицерам даны новой формы шарфы не с широкою, как прежде было, а с узкою [плотного плетения] серебряною тесьмою, о трех полосках из светло-оранжевого и черного шелка, повязываемою во всю ее ширину, между двумя нижними пуговицами мундира»⁴⁷¹. Впрочем, еще со времени Александра I дозволялось офицерам заменять серебряные шарфы белевыми (из ткани с хлопчатобумажной основой) «для облегчения в издержках». Длина шарфа не регламентировалась и зависела от объема талии конкретного офицера. У Лермонтова шарф был из мишуры – парчевой ткани, где вместо серебряных нитей использовались посеребренные нити из олова. (Эполеты Лермонтова-корнета были медные; как видим, он старался сократить расходы на свое обмундирование, обходившееся ему, конечно, недешево.) Среди заказов А. А. Бестужева упоминаются «форменный шарф подлиннее, фальшивый, с подшивкою и пряжками, да форменный серебряный темляк со звездочками»⁴⁷².

Впрочем, шарф «простые офицеры не носили во время экспедиции»⁴⁷³. Так, в распоряжении по Чеченскому отряду от 10 мая 1841 г. перед выступлением в поход было указано: «Г.г. генералам, штаб- и обер-офицерам эполет, мундиров и шарфов с собой не брать»⁴⁷⁴. Напротив, этот предмет являлся на Кавказе деталью формы одежды адъютанта. Видимо, в 1840 г. Лермонтов «был при шарфе и временно исполнял при Граббе должность ординарца» в Ставрополе⁴⁷⁵, в приемной которого он встретился с М. Х. Шульцем⁴⁷⁶. Наконец, все принявшие участие в похоронах поэта офицеры были в мундирах и «при шарфах»⁴⁷⁷.

4. Кавказский пояс с набором (размеры 87x2,3 см), который носил Лермонтов в 1841 году. Тогда в Пятигорске он достался на память о поэте А. И. Арнольди («черкесский пояс с серебряной “жерничкой”»)⁴⁷⁸ и позже был передан в Лермонтовский музей. (В описи значится пояс вместе с кинжалом – № 87, но это, вероятно, уже другая вещь).

Пояс был пошит из черной кожи. На нем имелся серебряный прибор: пряжка с петлей, наконечник, подвесная пластина с отверстиями для крепления оружия, шесть круглых пуговиц и две граненых заклепки, которыми крепилась к поясу жирница. Жирница (сальница) имела вид прямоугольной серебряной коробочки размерами 5x3,6x1,6 см. По серебру была пущена чернь дагестанской работы: стилизованный растительный орнамент. Узор черни на жирнице и остальных серебряных деталях прибора пояса был один и тот же. Под жирницу пристегивался к поясу кожаный подклад красного сафьяна, подбитый шелком и обшитый по краям серебряным галуном⁴⁷⁹.

По словам Э. Спенсера, «маленькая металлическая коробка» (жирница) на поясе горца содержала «кремень, сталь, смазочный материал (масло)»⁴⁸⁰. Ф. Дюбуа де Монпере более точно описывал принадлежности пояса: кремень и трут хранятся в кожаном кошелье, а «прекрасно выполненная из черного серебра маленькая коробочка» хранила в себе

⁴⁷¹ Ср.: Русский костюм, 1750-1917. Вып. 2: 1830-1850. – М., 1961. – С. 82.

⁴⁷² Семевский М. И. Цит. соч.

⁴⁷³ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 122.

⁴⁷⁴ Цит. по: Беличенко Ю. Лермонтов: Роман докум. поиска // Подъем. – 2002. – № 1.

⁴⁷⁵ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 605.

⁴⁷⁶ Маркелов Н. В. «Я только что приехал в Ставрополь...» // Лермонтовский текст. – С. 724.

⁴⁷⁷ Захаров В. А. Дело о «погребении Лермонтова» // Тарханский вестник. – 2000. – Вып. 12. – С. 32.

⁴⁷⁸ Лермонтов в записках А. И. Арнольди. – С. 472.

⁴⁷⁹ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 162-163; Они же: О кавказском поясе и пороховнице Лермонтова // Описание рукописей и изобразит. материалов Пушкинского дома. – М.; Л., 1953. – Т. 2. М. Ю. Лермонтов. – С. 329-330.

⁴⁸⁰ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. – С. 22.

сало, «которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе»⁴⁸¹. И. Бларамберг уточнил, что в коробочке имелось сало или масло, «чтобы чистить оружие»⁴⁸². Наконец, Г. Н. Прозрителев называл жирницу «жирничкой» и считал, что ее содержимое, сало, «служило для смазывания металлических частей и для предохранения от ржавчины»⁴⁸³. Итак, суммируя: жирница – один из горских инструментов для ухода за оружием, металлическая коробочка с жиром или маслом для смазки ружья и пуль, размещенная справа на поясе⁴⁸⁴.

5. Еще один предмет снаряжения тоже не упоминается в описи. Но он, в отличие от пояса с жирницей, не сохранился. Это «пороховница из серебра с чернью, с буквою Л., принадлежавшая Лермонтову, которую он носил на Кавказе, когда надевал черкеску (важное уточнение, позаимствованное из письма П. А. Висковатова. – М. Н.)»⁴⁸⁵. Пороховница (натруска) Лермонтова представляла собой «небольшой рожок». Бларамберг описывал подобный горский предмет экипировки следующим образом: «Маленький рог с мелким порохом они вешают на веревке себе на шею...». В натруске хранился высококачественный порох, который насыпали на полку ружья или пистолета⁴⁸⁶.

IX. Оружие

1. № 83. «Полусабли с серебрянным темляком». С августа 1830 г. полусабля (клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним долом; деревянная рукоять покрыта черной лакированной кожей и обмотана витой проволокой, гарда с одной дужкой вызолоченная; общая длина около 930 мм, длина клинка около 798 мм, масса до 1,35 кг) в черных лакированных ножнах с медным вызолоченным прибором⁴⁸⁷ составляла холодное оружие пехотного офицера. На Кавказе, однако, все без исключения офицеры заменяли полусаблю (презрительно прозванную «сеledкой») горской шашкой, турецкой или персидской саблей⁴⁸⁸. «От шпаг отвыкли, – признавался Э. В. Бриммер в разговоре с И. Ф. Паскевичем, – на что они годны? Разве шашлык на них жарить?»⁴⁸⁹.

2. № 86. «Пистолет Черкесский в серебрянной обделке с золотой насечкою в чехле азиатском»⁴⁹⁰. Ружье не упоминается, но оно, конечно, у Лермонтова имелось: вспомним его письмо 1837 г. (см. выше) и описания Печорина в романе (возвращение с охоты в «Бэле» – «ружье из чехла – и туда»; ночлег в «Тамани» – «поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол»)⁴⁹¹.

⁴⁸¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 442.

⁴⁸² Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45.

⁴⁸³ Сабли рая. – С. 6.

⁴⁸⁴ Ср.: Dulaurier E. La Russie dans la Caucase. I. Armee reguliere, cosaques et milices indigenes // Revue des Deux-Mondes. – 1860. – Т. 27. – Р. 788 («коробочка с жиром для смазки нарезного ружья»).

⁴⁸⁵ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. О кавказском поясе и пороховнице Лермонтова. – С. 328-330.

⁴⁸⁶ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45.

⁴⁸⁷ Кулинский А. Н. Указ. соч. – С. 49-50.

⁴⁸⁸ Высказанную недавно гипотезу об отождествлении полусабли из описи с ятаганом (Лермонтову приписывается сохранившаяся половинка рукояти холодного оружия – будто бы ятагана) (Ульянова В. П. Кавказское оружие М. Ю. Лермонтова // Тарханский вестник. – 1996. – № 6. – С. 34 сл.) нельзя назвать удачной. «Ятаган» с равной степенью вероятности может являться и шашкой, или же саблей, и на последнюю атрибуцию есть прямые указания (письмо тамбовского краеведа Н. А. Никифорова, передавшего рукоять И. Л. Андроникову). К. А. Жуков любезно указал нам, что «восточно-анатолийский тип рукояти вполне может сопровождать то, что мы любим называть словом “кхопеш”. Т. е. ятаган, но не совсем привычного турецкого облика. Такая вот “шашечная” монтировка иногда встречается на подобных клинках. Навершие в виде расходящихся крыльев легко может быть на шашке и на ятагане, это ни о чем не говорит» (сообщение от 21.10.2005 г.).

⁴⁸⁹ Бриммер Э. В. Указ. соч. – С. 216.

⁴⁹⁰ О пистолетах на дуэли Лермонтова-Мартынова см.: Латышев С., Мануйлов В. Как погиб Лермонтов (ответ И. Д. Кучерову и В. К. Стешицу) // Рус. лит. – 1966. – № 2. – С. 122-123, 126-127.

⁴⁹¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 245, 264.

3. № 87. «Кинжал с ножиком (подкинжальным ножичком⁴⁹². – М. Н.) с белою ручкою при нем поясок с серебряным подчернием прибором 16 штук и жирничка Серебрянная же». «Кинжал, всегдашний спутник мой и товарищ в деле...»⁴⁹³, «по обычаю всех кавказцев»⁴⁹⁴ (А. А. Бестужев) носившийся на поясе.

Этому оружию Лермонтов посвятил два отдельных стихотворения – «Кинжал» (1837 г.) и «Поэт» (1838 г.)⁴⁹⁵, эпизодически упоминая его и в других своих произведениях. По преданию, первое стихотворение было написано в 1837 г. по случаю подарка Лермонтову кинжала (с некоей золотой надписью на клинке) из коллекции А. Г. Чавчавадзе⁴⁹⁶. Другой кинжал, «служивший поэту в столкновениях и стычках с врагами»⁴⁹⁷, в начале 1841 г. Лермонтов подарил А. А. Краевскому, который передал его позднее в Лермонтовский музей. (Но история о том, что Лермонтов будто бы *отбивался* им от трех (!) горцев – лишь небывлица, в которой, однако, никто не сомневался, начиная с П. А. Висковатова⁴⁹⁸).

Этот кинжал (привезенный, вопреки традиции, отнюдь не из первой «ссылки») дошел до нас. Согласно каталогу он относился к дагестанской работе и, кстати, больше подходил рослому человеку, чем его невысокому владельцу, имея в длину 33,9 см (клинок) и 11 см (рукоять). Любопытная деталь: Н. С. Мартынов летом 1841 г. всегда ходил «с большим дагестанским кинжалом на поясе»⁴⁹⁹, и другие источники подчеркивают значительные размеры оружия⁵⁰⁰ («чуть не до полу», «ниже колен»). Следовательно, знаменитый *roignard* (в серебряной оправе), осмеянный Лермонтовым, тоже был дагестанской работы, как и его двойник, которым воображение поэта наделило его героя Печорина («дагестанский кинжал, – подарок приятеля»)⁵⁰¹.

Рукоять лермонтовского кинжала из слоновой кости, с навершием втянутой формы, на двух серебряных с чернью заклепках (скрепляли обе половины рукояти) в виде розеток (из шести лепестков). Клинок обоюдоострый, с долом посередине и со сквозным круглым отверстием у пяты (основания). На клинке золотая насечка⁵⁰² – два клейма мастера и монограмма «А. К.» (А. Краевский), конечно, добавленная позже. Ножны (длиной 34 см) деревянные, крытые зеленым бархатом, с обратной стороны – красным сафьяном, обшитые серебряным галуном. Устье с петлей и наконечник ножен серебряные с чернью и узором: стилизованный растительный орнамент по фону, набитому пунцоном⁵⁰³.

4. № 88. «Шашка в Серебрянной с подчернием (под чернью. – М. Н.) оправе с португеею накоей 12 пуговиц Серебрянных с педчернием». «И шашка, вечная подруга/ Его трудов, его досуга...»⁵⁰⁴

⁴⁹² Такие ножики горцы использовали при еде (Лонгворт Дж. А. Указ. соч. – С. 54-55).

⁴⁹³ Воспоминания Бестужевых. – М.; Л., 1951. – С. 491.

⁴⁹⁴ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 267.

⁴⁹⁵ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. – М., 2000. – С. 75, 87-88, 91-92, 299-300. О сохранившемся кинжале Лермонтова см.: Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии. – С. 234.

⁴⁹⁶ Магомед-Расул. Слово о кинжале // Литература Дагестана и жизнь. – Махачкала, 1982. – С. 78; Миллер О. В. По лермонтовским местам. – М., 1989. – С. 238.

⁴⁹⁷ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде. – С. 84.

⁴⁹⁸ Маркелов Н. В. Все картины военной жизни, которых я был свидетелем. – С. 10-11. Ср.: Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. – С. 67. Указывается, что Лермонтов просто ускакал от нападавших горцев. Кинжал служил только оружием ближнего боя. Поэт просто немного преувеличил грозившую ему опасность.

⁴⁹⁹ Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Иллюстрированное полное собрание сочинений. – М., 1915. – Т. 6. – С. 28.

⁵⁰⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 343.

⁵⁰¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 274.

⁵⁰² На принадлежавших генералу С. Д. Безобразову кинжалах также имелся писанный золотом стих из Корана (Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. – С. 254).

⁵⁰³ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Памятные вещи. – С. 162.

⁵⁰⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 100, 314. «Шашка, черкесская сабля», – внес пояснение поэт (Там же. – С. 351). Об источниках Пушкина см.: Тютюнина Е. С. «Черкес оружием обвешан» (А. С. Пушкин и П.-С. Паллас) // Ист. регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Армавир, 2001. – Ч. 1. – С. 18-19.

Источники подтверждают, что все прибывавшие на Кавказ офицеры первым делом покупали себе⁵⁰⁵ («разумеется, втридорога», скептически отмечал очевидец)⁵⁰⁶ бурку, башлык, папаху и шашку. Не менее модным у офицеров было полностью одеваться по черкесски, «и никто не находил этого неправильным». «Все постоянно носили оружие, азиатские кинжалы и пистолеты, за поясом», сзади, чтобы в битве «не быть простыми зрителями», не снимая оружие даже на балу⁵⁰⁷.

«Азиатская шашка под серебром, неразлучная спутница каждого... Считалось у нас еще большим шиком иметь ... на поясе кинжал»⁵⁰⁸, – описывал арсенал кавказского офицера тех лет В. А. Гейман. «Черкесское оружие носили всегда и все офицеры, – комментировал Г. И. Филипсон. – Общая мода имела своих фанатиков и знатоков. Оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно недурно... огнестрельное оружие было гораздо хуже⁵⁰⁹... Наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы. Русские переняли от Черкесов старательное сбережение оружия»⁵¹⁰. «Их оружие... – писал о горцах Ж.-Ш. де Бесс, – всегда содержится в чистоте и сверкает»⁵¹¹.

Возвращавшиеся в Россию офицеры увозили с собой черкесский костюм и оружие⁵¹². А. А. Бестужев-Марлинский язвительно замечал, что «до сих пор офицеры наши вместо полезных или по крайней мере занимательных известий вывозили с Кавказа одни шашки, наговицы да пояски под чернью»⁵¹³. Дошло до того, что в июле 1847 г. начальник артиллерии ОКК приказал офицерам соблюдать форму одежды, поскольку «некоторые из кавказских артиллеристов, во время пребывания их в отпуску в России, представлялись начальству не в мундирах, а в казакинях (черкесках. – М. Н.) и в черкесских шапках»⁵¹⁴.

Возможно, именно указанная в описи 1841 г. шашка (без плечевой портупей) поступила в Лермонтовский музей и дошла до наших дней. Не исключено, что оружие попало к его последнему владельцу от М. П. Глебова, друга Лермонтова, среди вещей которого состояла кавказская шашка «с литерой Л. на серебряной оправе». Поскольку ее описание в последний раз публиковалось в 1953 г.⁵¹⁵, имеет смысл привести его вновь с нашими комментариями. Размеры шашки: рукоять 13,8 см, клинок 81 см, ножны 84 см. «Рукоять шашки с раздваивающимся набалдашником⁵¹⁶, серебряная с чернью

⁵⁰⁵ И не только на Северном Кавказе. «Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке», – подтверждал Пушкин (Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 386) распространение закавказских сабель, шашек и кинжалов в офицерской среде.

⁵⁰⁶ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 328; Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб., 2003. – С. 23; Чекменев С. А. Переселенцы. – Пятигорск, 1994. – С. 251.

⁵⁰⁷ Бриммер Э. В. Указ. соч. – С. 214; Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 425, 435; Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб., 1864. – С. 39; Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 75.

⁵⁰⁸ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 397.

⁵⁰⁹ Ср. со словами Максима Максимыча из «Фаталиста»: «Впрочем эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны, или недовольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских [не люблю я этих винтовок и пистолетов]; они как-то нашему брату неприличны, – приклад маленький, того и гляди нос обожжет... Зато уж шашки у них – просто мое почтение!...» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. – С. 366, 543).

⁵¹⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Рус. архив. – 1883. – № 5. – С. 165.

⁵¹¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. – С. 335-336.

⁵¹² Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 105. Лермонтов тоже привез с собой с Кавказа в 1837 г. шашку, а в 1841 г. два кинжала.

⁵¹³ Цит. по: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 162.

⁵¹⁴ Янжул М. А. 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады, 1806-1886: Ист. очерк войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. – Тифлис, 1887. – С. 25-26. О другом случае нарушения формы одежды прибывавшими в Россию с Кавказа военными служащими см.: Полное Собрание Законов Российской империи. – Собр. 2. – СПб., 1858. – Т. 32. – № 32594. – Отд. 1.

⁵¹⁵ Фотографию шашки и кинжала Лермонтова см.: Литературное наследство. – Т. 45-46. – С. 709.

⁵¹⁶ Имеется в виду клиновидный вырез, имеющийся сверху на головке рукояти, который разделял ее на две половины – уши. Данное раздвоение имело практическое назначение. Оказавшись в удобном

дагестанской работы⁵¹⁷: растительный орнамент в виде цветка розы с листьями по фону, набитому пунцоном.

Клинок стальной, изогнутый, двудольный, об одном лезвии. На клинке выгравированы⁵¹⁸: всадник, скачущий влево, с занесенной над головой шашкой (должно быть, саблей. – М. Н.) в левой руке...; птица на ветке и изображенные почти прямолично человеческие головы в головных уборах, напоминающих тиары или венцы...; звезда и полумесяц, исполненные золотой насечкой... Над изображением всадника – гравированная надпись в одну строку. На оборотной стороне клинка выгравированы те же изображения с той только разницей, что всадник повернут вправо, держит шашку в правой руке, птица посажена на вазу с фруктами (?), лица изображены в профиль, изображение полумесяца и звезды отсутствует, надпись дана в две строки».

Только в начале 1960-х гг. надписи на шашке Лермонтова были расшифрованы грузинским ученым, профессором Ш. Я. Амиранашвили⁵¹⁹. Он установил, что на клинке шашки выгравирован эпизод из поэмы Фирдоуси «Шахнамэ», а изображенные здесь фигуры – это Рустам и другие персонажи известного иранского эпоса. Надписи на клинке исполнены на грузинском языке, и здесь же названа (тоже по-грузински) фамилия «Элиарашвили» без имени (армянин Геурк или Геург Саркисович Элиаров, лучший тифлисский мастер-оружейник, дважды упоминаемый Лермонтовым).

Не установлено, изделие ли это самого старого Геурга (на чем настаивает П. Горская) или его сыновей⁵²⁰. Последнее более вероятно – сам Геург умер около 1822-1824 гг. и поэтому никак не мог встретиться с поэтом, но имя его закрепилось за мастерской как «фирменная марка». Согласно преданию, Лермонтов заходил (в лавку?), сидел, смотрел на ковку оружия (в кузнице). Предание, перекликающееся с записью 1837 г. («несем его [кинжал] к Геургу»), восходит к сыну Геурга, Каграману. Впрочем, не исключено, что у Лермонтова оказалось оружие работы Каграмана, но с булатом, изготовленным самим Геургом⁵²¹. С другой стороны, А. А. Бестужев-Марлинский упоминал шашку, у которой «на клинке было написано имя» владельца⁵²². Очевидно, и этот обычай пользовался популярностью на Кавказе.

Ножны шашки Лермонтова «деревянные, покрыты черной шагреновой кожей. Устье, наконечник и две обоймицы с кольцами – серебряные, с тем же растительным узором чернью, как на рукояти. На лицевой стороне устья, в центре черненого узора розы, той же

положении, горец втыкал шашку в землю, и этот раструб служил опорой для ружейного ствола (Стецов В. В. «Солдаты» гор. Войско горцев времен имама Шамиля в 1830-1860 гг. // Воин. – 2003. – № 14. – С. 90).

⁵¹⁷ Собственно рукоять была деревянная, обложенная серебряным листом с гравировкой и чернью. К сожалению, не уточняется, на основании чего было решено, что рукоять шашки именно дагестанской работы.

⁵¹⁸ Клинок соответствует кавказской подделке под западноевропейское оружие (Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 33). Но шашка делалась в Тифлисе, на заказ, и мастер знал, что она предназначена для русского офицера. Ср.: Нарожная Ф. Б., Нарожный Е. И. А. С. Пушкин о комплексе вооружения горцев первой трети XIX века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2003. – Вып. 2. – С. 177-178.

⁵¹⁹ К сожалению, статья Ш. Я. Амиранашвили (К определению изображений на клинке шашки М. Ю. Лермонтова // Лит. Грузия. – 1964. – № 10. – С. 110-112) осталась нам недоступной.

⁵²⁰ Горская П. «Загадка» лермонтовской шашки // Кавказ. здравница. – 1962. – 23 мая. – С. 4; За хребтом Кавказа / Сост. В. С. Шадури. – Тбилиси, 1977. – С. 156; Лермонтовская энцикл. – С. 157; Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...» – М., 1991. – С. 41, 44. Сохранилось не менее трех сабель, одной шашки и двух кинжалов работы Геурга или его сыновей.

⁵²¹ Несмашная М. «Геурга старого изделия...» // Лит. Армения. – 1986. – № 10. – С. 99, 100.

⁵²² Бестужев-Марлинский А. А. Ревельский турнир: Ист. повести. – М., 1984. – С. 258. См.: Семевский М. И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский), (1798-1837). Ст. 2 // Отеч. записки. – 1860. – № 6. – С. 343. Третий вариант: на клинке шашки, изготовленной сыном Геурга Элиарова, Ефремом, сделаны надписи «Епрем Якович Элиаров» и «Полковник ... Кавасов» – имена мастера и заказчика (Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 173).

чернью выполнен герб рода Лермонтова⁵²³: рыцарский шлем с короной над щитом и две ветви по сторонам; на щите инициалы славянскими буквами: “М. Л.”. На внутренних срезах устья выгравировано: “Михаила” (на одной стороне), “Лермонтова” (на другой)...»⁵²⁴.

Конечно же, эта шашка была изготовлена в 1837 г. в Тифлисе, привезена Лермонтовым обратно в Россию и в 1840-1841 гг. сопутствовала ему в кавказских военных экспедициях и походах.

Заключение

Итак, на протяжении кавказской службы Лермонтов сменил два мундира – Нижегородского драгунского полка (овчинная шапка, куртка с газырями, шаровары с лампасом и шашка) и Тенгинского пехотного полка (овчинная шапка, мундир, панталоны и полусабля). Последний отличался от общеармейской пехотной формы только цветом эполет и шифровкой на них, а также необычным головным убором, во всех частях ОКК заменявшим кивер. Драгунский костюм, однако, был уникальным – ни один другой кавалерийский полк русской армии не имел такого мундира, и даже Лермонтов отдал ему должное, запечатлев на своем автопортрете (и высмеяв в романе).

Однако, необходимо иметь в виду, что на Кавказе форменная одежда вынималась из сундука только для представления начальству. В другое же время, и в первую очередь в походе, многие формальности, обязательные в российской армии, а тем более в гвардии, здесь не соблюдались. Кавказские войска, имея «очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме», соблюдали ее (именно «отчасти»!) только на смотрах, пока не выступали в поход. Несомненно, это надлежит связывать именно с воздействием опыта и условий Кавказской войны на повседневный быт и униформу русских войск.

Кавказский офицер почти всегда и везде носил сюртук (здесь – с отогнутым воротником и поверх красной «исторической» рубашки), к тому же без эполет. Поверх сюртука надевалась шашка на плечевой португее, особо воинственные личности дополняли ее кинжалом и даже пистолетом на поясе. К сюртуку полагались фуражка, летом в белом чехле (только на тулье в данном случае), и неуставные шаровары (обычно желтые шерстяные). Эти неписанные правила подтверждаются свидетельствами современников и описью гардероба Лермонтова. Поэту, как и многим другим бывшим гвардейцам, кавказские порядки пришлись по вкусу, и он с готовностью следовал им. За эти вольности Лермонтова, случалось, осуждали более педантичные сослуживцы. Но никаких последствий это не имело: в целом, начальство, как правило, не стесняло инициативу подчиненных в модернизации своего костюма применительно к походным условиям, т.к. само на опыте испытало, что значит экипировка, созданная в кабинете.

Кроме того, многие офицеры сочетали предметы обмундирования с элементами горского национального костюма (папахи, черкески, бешметы, ноговицы, пресловутая бурка). В числе тех, кто прибегал к подобной адаптации, был и Лермонтов. Но он, в отличие от иных местных военных щеголей, не увлекался чрезмерным подражанием местным обычаям, о которых отзывался в своих произведениях (например, очерк «Кавказец») с иронией и сарказмом.

«Таким образом, и кавказские офицеры, и солдаты, – описывал однополчан Лермонтова историк Тенгинского полка Д. В. Ракович, – были одеты крайне своеобразно. Всякого свежего человека, первый раз встречавшего кавказские войска, поражало это почти полное отсутствие воинского вида и именно в то время, когда высшие сферы признавали форму за сущность и малейшее отступление от образцов готовы были считать

⁵²³ В золотом поле щита черное стропило, сопровождаемое внизу шестилистником того же цвета и обремененное тремя сквозными ромбами (веретенами) в цвет поля. На стальном с золотыми украшениями шлеме – дворянская корона и золотое на червлёной подкладке клочковатое покрывало (намет). Девиз: SORS MEA JESUS («Судьба моя Иисус») (Медведев М. Ю. Герб Лермонтова // Аврора. – 1991. – № 7. – С. 3-4).

⁵²⁴ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 160-161.

падением доблести»⁵²⁵. «Но мы, дети кавказской армии, настолько присмотрелись к странностям всякого рода, что даже не замечали их»⁵²⁶, – завершал речь историка неизвестный офицер Нижегородского драгунского полка. Эти слова с полным основанием можно отнести и к поручику Михаилу Юрьевичу Лермонтову...

**М. В. Нечитайлов, кандидат
исторических наук, старший преподаватель СГУ**

⁵²⁵ Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе, 1819-1846. – Тифлис, 1900. – С. 129. «В общем неказисты были с внешней стороны кавказцы, не любили они также парадов, смотры их были обыкновенно неудачны, но это не мешало им оказывать чудеса храбрости и выносливости», – продолжал историк.

⁵²⁶ К. Указ. соч. – С. 378.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТУДЕНТА СГПИ

Недавно добрые люди к моему 70-летию сделали неожиданный сюрприз – подарили две толстые тетради, около 90 страниц рукописного текста, о которых я совершенно забыл.

В одной тетради было начало моей повести «Венец творения», во второй – очерки о Ставропольском педагогическом институте, где я учился на историко-филологическом факультете в 1953-1958 годах. Они были написаны к 25-летию СГПИ, т. е. ровно 50 лет тому назад, нигде не печатались, как и повесть. Я все прочитал чуть ли не со слезами на глазах, вспомнил таинственную А. А. Л., о которой на обложке написал в рифму (тогда я баловался стихами). Вот эти строки:

«Алла,
У меня так мало
Слов.
Тебе мне нечего сказать?
Неправда!
И мой прием не нов,
Когда берусь тебе писать.
Люблю, люблю я будущую мать
Детей.
Не знаю, как назвать
Тебя, всегда капризную...
Алла,
Время забыть тебя настало.
«Что ты во мне нашла?» –
Спрошу у тебя устало.
Ты усмехнешься мне лукаво,
Скажешь:
«Ты просил и я пришла.
Я,
Вадим, твоя забава...»

Стихи наивные, юношеские, как и очерки. Но мне показалось, что читателям будет интересно, как начинался будущий писатель, член Союза писателей СССР. И я некоторые очерки сократил, немного подредактировал, сделал из них воспоминания.

Некоторые герои моих очерков ныне почти забыты, другие стали известными и ... тоже почти забыты, хотя много сделали для культуры Ставрополя. Полагаю, что следует расширить о них информацию прежде всего для нынешних преподавателей и студентов СГУ, который в этом году отметил свое 75-летие.

Вадим Белоусов, историк по образованию, работал в газете «Молодой ленинец», в альманахе «Ставрополье», в газете «Ставропольская правда». Автор ряда книг, первая из которых «Под полом шуршат мыши» нашумела в свое время. Писал очерки, критические статьи, был принят в Союз российских писателей.

Александр Поповский, историк по образованию, работал в школах Тувы, затем в профтехучилищах Ставрополя, печатался в газетах края, в различных сборниках, альманахе «Ставрополье», журнале «Южная звезда». Наиболее известна его повесть «Предел допуска», изданная в Ставрополе в 1990 году. Сейчас живет в Германии.

Игорь Романов, филолог по образованию, участник Великой Отечественной войны, работал после института в газетах «Советская Калмыкия», «Молодой ленинец», в альманахе «Ставрополье», редактором Ставропольского книжного издательства, автор почти 20 поэтических и прозаических книг. Он известный русский поэт, член Союза писателей России.

Юрий Мацарев, филолог по образованию, был артистом Ставропольского драматического театра, Севастопольского театра, играл во многих кинофильмах советского времени. Сейчас живет в Севастополе, руководит детской артистической студией.

Карп Черный, педагог по образованию, работал в школах, в газете, в издательстве, с 1933 года преподаватель СГПИ, декан, завкафедрой, участник Великой Отечественной войны. Карп Григорьевич начал писать в 20-е годы XX столетия, первая повесть «Бабы», много лет был главным редактором альманаха «Ставрополье», руководил краевой писательской организацией, заслуженный работник культуры. Черный был известным писателем, общественным деятелем в СССР, членом Союза писателей СССР с 1958 года. Он автор многих книг о Пушкине, Толстом. Наиболее известен его сборник избранных произведений «Звенья», вышедший в свет в 1972 году. Умер 18 сентября 1985 года.

В моих студенческих очерках упоминаются и другие люди. Например, писатель И. Егоров, преподаватели Серебряков, Костин, студенты Кошелев, Коротинили, Николай Костинников, ставший советским и партийным деятелем в крае; Василий Медведев, ставший после института комсомольским работником, журналистом и затем работником крайсовпрофа. Об Анатолии Ивановиче Лопырине, докторе наук, овцеводе, ставшим Героем Социалистического Труда, или о преподавателе, критике Вениамине Михайловиче Тамахине, чья книга о стилистике Шолохова стала в свое время учебником для студентов СГПИ, не буду больше ничего говорить. Это были знаковые фигуры не только на Ставрополье. Все они, как и вышеперечисленные, оказали огромное влияние на сотни и тысячи людей. В том числе и на меня. Низкий им за это поклон, живущим и умершим. Все они, бывшие студенты, преподаватели, ученые, литераторы и журналисты, общественные деятели, сделали скромный пединститут и нынешний университет «духовно кормящей матерью»...

Первый раз я попал в здание пединститута, будучи еще учеником средней школы № 3. Я и двое моих друзей с улицы Подгорной, Вовка и Виктор, вошли в институт через черный ход, со двора, где не было дежурных парней, дюжих студентов спортфака. В горячке, оглядываясь, мы проскочили по длинному узкому коридору до лестницы, которая вела на второй этаж, где был зал. Здесь затерялись среди студентов, большинство из которых были девчонки. Одна из них Лида – за ней ухаживал Виктор, студент стройтехникума, – пригласила нас, не имевших официальных пригласительных билетов. Мы ведь были ташлянской «шантрапой», этикета не знали, чуть что и ввязывались в драку, не умели ухаживать за девочками, потому что тогда школы были раздельные, мужские и женские, как при цареватюшке. А Эрос уже начал посещать нас, но хорошенькие студентки избегали общения с «фулюганами».

Я стал бродить по коридорам, узким и мрачным. Они подавляли меня, привыкшего к нашей простой светлой школе. Я тогда не знал, что нахожусь в здании бывшей духовной семинарии. Лица танцующих девочек казались мне бледными и даже серыми. Мне даже вспоминался Короленко и его «Дети подземелья».

Я кончил десятый класс и, конечно, как все, думал, куда мне следует поступить. Но не сюда, не в этот мрачный пед, хотя здесь и много очаровательных девушек. Я мечтал о путешествиях, как Пржевальский и мой прадед Иван Чернов. Я хотел стать геологом, для которого крыша – небо, а постель – земля. Вот почему я после окончания школы поехал в Новочеркасск поступать на геолого-разведочный факультет политехнического института. Но там меня «зарезали» на экзаменах. Я не прошел по конкурсу и в самом мрачном настроении вернулся в Ставрополь, с месяц буквально выл от тоски, не хотел и слушать советы родственников. Мол, поступай в пединститут, ты литературу любишь, давно сочиняешь стихи и даже романы.

Я недоволюсь фыркал и презрительно говорил: «Подумаешь, пед... мрачный, холодный. Да и в роду у нас полно учителей без меня – тетя Фатима, тетя Тоня, дядя Гриша, дядя Петя...»

Мой суровый отец, зоотехник по образованию, разведчик времен войны с фашистами, рявкнул: «Тогда иди работать!»

Работал на стройке. Не понравилось. Мама, знакомая с юности с Анатолием Ивановичем Лопыриным, предложила идти к нему лаборантом. Лопырин был заведующим ЛИО, лабораторией искусственного осеменения ВНИИОКа, на войне потерял глаза и я ему мог быть полезным в разных ипостасях.

Что я делал в ЛИО? Читал Лопырину книги, писал под его диктовку, мыл полы, помогал его жене Нине Викторовне оперировать овец. Потом таскал этих овец на своем загравке, смотрел до боли в глазах в микроскоп. А в свободное время сочинял разную чепуху, читал Вергилия, Овидия,

Лукреция и других древних. Книг этих авторов было много в библиотеке ВНИИОКа, а почему, не знаю.

Много у меня было бесед с умнейшим Анатолием Ивановичем. От него узнал о доминанте Ухтомского, об учении Павлова, о том, что надо развивать в себе художественное мышление, воображение, знать русский язык не на тройку, а на пятерку и даже лучше. «Из тебя, Вадим, может получиться неплохой литератор, а потому поступай в педагогический. Неважно, что это провинциальный институт. Там преподаватели не хуже московских, – как-то ненавязчиво говорил Лопырин. – Я туда и свою Алку направлю, будете вместе учиться».

А я среднюю школу № 3 закончил худо, почти на одни тройки. По литературе и русскому была четверка. Пятерка была одна, по истории, наверное, потому что преподаватель по истории Беликов любил меня, как сына. А моя тетя Тоня, «русачка и литераторша», злилась, когда я не мог разобрать «по науке» сны Веры Павловны, не знал до конца наизусть «Бородино» и плохо спрягал глаголы, путал родительный падеж с винительным и нехотя выводила четверку, а в основном тройки ставила. И называла ямщиком...

Анатолий Иванович убедил меня поступать в педагогический. И я вторично попал в сумрачное здание института в августе 1953 года, начал сдавать вступительные экзамены.

В коридорах и на дворе кричали и смеялись многочисленные абитуриенты, в основном девушки. А ребят было мало... один из них, высокий юноша с уклончивым взглядом, говорил мне: «Серебряков свирепствует. Он даже не стесняется искать шпаргалки в карманах. Эх, жизнь поломатая, трактором перепахатая... даже в занюханный пед я, видно, не поступлю!»

Когда нам сказали, что надо заходить в 60-ю аудиторию все внезапно умолкли. Заходили робко, по одному, стремясь сесть за последние столы, чтобы быть поодаль от зорких глаз экзаменаторов.

Я сел за первый стол, где уже был высокий брюнет в потертом пиджаке. «Я Мацарев... Юрка, – шепнул он. – Ты хорошо знаешь русский?» Я неопределенно пожал плечами, хотя мои тети-учительницы считали определенно – Владька знает родной язык, потому что много читает с раннего детства. Однако я кое в чем помог Юрке и мы благополучно написали свои сочинения. Я получил четверку, Юрка – тройка.

Устный по литературе мы сдали на четверку. По истории я получил пять, бедный Юрка – три. Но оптимизм не покидал Мацарева. «Нас, парней, как видишь, очень мало. Нас все равно возьмут... на развод. Лишь бы не было двойки». Немецкий он, как и я, практически не знал. Но я бойко мог читать немецкий текст, с трудом переводил его и потому мне поставили тройку, а Юрке помогла сестра моего товарища по улице Подгорной Валя Заревина.

...Мы были приняты, как я понял, с грехом пополам. А многие девочки, набравшие баллов больше нашего, нет. Может потому нас приняли,

что мы после школы работали, имели трудовой стаж в отличие от девочек. Не знаю.

И вот самая первая лекция для нашего курса в 75 человек. Из них ребят – пятеро. В аудиторию стремительно вошла Ушакова. Осмотрела нас большими умными глазами и сказала: «Буду вам читать введение в языкознание». Затем, подумав, сообщила, что она «педагога зловредная», а мы все, наверное, ортодоксы. «Меня студенты называют «организующей ролью грамматика» или Елизаветой Михайловной», – продолжила она громком шёпотом. – Я вижу в ваших глазенапках недоумение. Но ничего, со временем оно рассеется».

В полный восторг привели нас лекции Карпа Григорьевича Черного. Он не читал лекции, он доверительно беседовал с нами. А знания его в зарубежной литературе были просто необозримыми. Я слушал его, раскрыв рот, забывая вести записи и он заметил это, сказал, близоруко щурясь:

– Почему вы не записываете мои лекции? М-да, видно, что я их читаю неинтересно...

– Что вы! – воскликнул я. – Даже слишком интересно!

А ведь до этого я знал Карпа Григорьевича, как и его друзей-писателей Чумака, Егорова, Бабаевского в иной ипостаси. Это были великие рыбаки-сарматы, пропадавшие на Сенгилеевском озере.

Однажды во время большой перемены ко мне подошло несколько парней. Один высокий, черноволосый, с усиками, другой маленький, мне по плечо. Третий – грузный, с глазами навывкат. Он-то лениво и спросил меня:

– Вы, говорят девчонки, что-то пишете?

– Балуюсь, - отвечал я.

Тот, что с усиками усмехнулся, сказал:

– Мы – тоже. Мы представители институтских литературных сил. Я Вадим Белоусов.

Маленький грустно сообщил:

– И я Вадим... только Комелев.

Грузный отрапортовал:

– Васьков... Володька.

Еще несколько парней подошло к нам. Это были Саша Поповский, Саша Коротин. И среди них был Женя Останькович, которого я знал с третьего класса. Тут же пристал, как петух длинноногий, мой одноклассник по третьей школе Герман Беликов и начал всех нас призывать бросить литературу и на каникулах отправиться в горы. Его «представители литературных сил» вежливо попросили «шагать обратно на свой геофак», а мне предложили написать драму в «духе Лопе де Вега», грубую, мускулистую и обязательно стихами.

– Я в ней буду играть главную роль. Роль донна, которого раздирают любовные страсти. Другой дон – его противоположность, тихий и робкий, весь в себе, – говорил Васьков. – Его сыграет Кошелев... хорошая подборка по характерам? Сюжет твой.

– А меня возьмете? – спросил подскочивший из дальнего угла Юрка Мацарев.

Немного позже я сочинил драму, как того хотел Володя Васьков. Она, если мне не изменяет память, называлась «Мужские пристрастия донов»...

Вадим Чернов (В. Вонрег), февраль 2006 г.

Содержание

Памятные даты по Ставропольскому краю на 2006 год	4
Маркелов Н. В. Летописец кавказских сражений Василий Александрович Потто: (К 170-летию со дня рождения)	17
Затона Е. Христиан Христианович Стевен: (К 225-летию со дня рождения)	20
Лачинов И. «И в сече, с дерзостным челом, явился пылкий Цицианов...»: (К 200-летию со дня смерти Павла Дмитриевича Цицианова)	28
Фокин А. А. Сценическая судьба пьесы «Осенние скрипки»: (К 125-летию со дня рождения Ильи Дмитриевича Сургучева)	43
Калинченко С. Б. Становление научно-исследовательской работы в Ставропольском педагогическом институте в 30-е годы XX в.: (К 75-летию основания Ставропольского государственного университета)	56
Колесникова М. Е. Ставропольская ученая архивная комиссия: (К 100-летию образования)	63
Григорьева Е. С. Тебердинский государственный природный биосферный заповедник: (К 70-летию основания)	78
Сафарова И. В. Михаил Александрович Врубель: (К 150-летию со дня рождения)	85
Черная Т. К. Повседневный мир достойных людей в книгах Владимира Константиновича Малярова: (К 60-летию со дня рождения)	89
Судацов Н. Д. Начало парламентаризма в России: (К 100-летию со дня открытия Первой государственной думы в России)	94
Зайцева Е. И. Тимофей Еремеевич Гнилорыбов: (К 105-летию со дня рождения)	105
Рындина Т. Н. «Прощальный букет»: (К 90-летию со дня рождения Николая Станиславовича Качинского)	111
Коваленко А. Н. Михаил Афанасьевич Булгаков: (К 115-летию со дня рождения)	114
Маркелов Н. В. Алексей Петрович Ермолов: (К 190-летию со времени начала деятельности на Кавказе)	125
Гочияева Р. К. Иван Александрович Фомин: (К 70-летию со дня смерти)	132
Коваленко А. Н. «Погаснув, продолжаешь ты светить...»: (К 90-летию со дня рождения Девлета Азаматовича Гиреева)	136
Кемпинский Э. В. Николай I: (К 210-летию со дня рождения)	141
Судацов Н. Д. Дмитрий Алексеевич Милютин: (К 190-летию со дня рождения)	145
Федосов П. С. Емельян Иванович Пугачев: (К 280-летию со дня рождения)	155
Коваленко А. Н. Михаил Юрьевич Лермонтов: (К 165-летию со дня гибели)	165
Владимир Александрович Шаповалов: (К 60-летию со дня рождения)	171
Сыпина Л. И. Аполлинарий Михайлович Васнецов: (К 150-летию со дня рождения)	186
Гочияева Р. К. Петр Симон Паллас: (К 265-летию со дня рождения)	192
Буравова С. Н. Сергей Алексеевич Андреев-Кривич: (К 100-летию со дня рождения)	201
Кошман Ю. А. Михаил Сергеевич Макаров: (К 100-летию со дня рождения)	205
Кочкарева Л. Н. Николай Васильевич Майер: (К 200-летию со дня рождения)	219
Зайцева Е. И. Борис Сергеевич Виноградов: (К 100-летию со дня рождения)	228
Баранова Г. В. Александр Михайлович Божко: (К 100-летию со дня рождения)	234
Романенко Л. В. Евгений Федорович Шреттер: (К 130-летию со дня рождения)	238
Новикова Е. В. Сергей Иванович Танеев: (К 150-летию со дня рождения)	241
Калинченко С. Б. Горский научно-исследовательский институт краеведения: (К 80-летию образования)	244
Рянянская Н. А. Формирование гражданской системы управления в городе Моздоке: (К 140-летию со дня присоединения Моздока к Терской области)	252
Аведова Г. М. Посмертный портрет поэта: (К 200-летию со дня рождения Роберта Константиновича Шведе)	263
Зозуля И. В. Страницы истории введения суда присяжных заседателей на Ставрополье: (К 100-летию со дня открытия)	266
Михайловский Н. Николай Александрович Ярошенко: (К 160-летию со дня рождения)	275
Егорова Е. Б. Виктор Андреевич Ярош: (К 70-летию со дня рождения)	280
Каргаманова И., Коваленко А. Н. Главноначальствующий Кавказа – Иван Варфоломеевич	

Якоби: (К 280-летию со дня рождения)	283
Маркелов Н. В. «Я мало жил и жил в плену...»: (К 190-летию со дня рождения Петра Захаровича Захарова)	291
Затона Е. Г. Совхоз «Первомайский»: (К 75-летию создания)	294
<i>Архивы рассказывают</i>	
Громова Е. Б. И. Д. Сургучев – документальная память	305
Формулярный (послужной) список Пятигорского уездного лекаря, коллежского секретаря Н. В. Майера	317
<i>Люди и события</i>	
Булыгина Т. А. Декабристы на Кавказе	319
Шкарупа И. «Может собственных Платонов... Российская земля рождать»: (Виктор Ксенофонтович Панков)	327
Шкарупа И. Их имена запечатлены на карте Антарктиды: (Антон Лукич Омельченко)	332
<i>Страницы минувшего</i>	
Леонидов-Польский Л. Булгаковский Владикавказ	335
Нечитайлов М. В. Кавказский мундир М. Ю. Лермонтова	359
Чернов В. Из воспоминаний студента СГПИ	396